Э. Б. ГЕНКИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА

1921–1923 гг.

Работа охватывает все стороны государственной деятельности Ленина в годы, когда Страна Советов под непосредственным ленинским руководством совершила исторический поворот к новой экономической политике.

Анализ развития взглядов Ленина по вопросам экономической политики пролетарского государства сочетается в книге с широким показом практики хозяйственной работы В. И. Ленина на всех участках социалистического строительства. Специальный раздел посвящен исследованию работы Совнаркома и СТО под руководством Ленина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

Э. Б. ГЕНКИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА

1921–1923 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Э. Б. ГЕНКИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА

1921–1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1969

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый исследователь, занимающийся изучением жизни и деятельности В. И. Ленина, богатейшего ленинского наследства, всегда испытывает не только чувство большой ответственности, но и сознает необъятность, неисчерпаемость темы, невозможность охватить все величие ленинских идей и ленинских дел.

Автор данной книги также испытал это чувство, заканчивая и отдавая на суд читателей свой труд, посвященный государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1923 гг.

В эти годы центральным вопросом в работе Коммунистической партии и Советского государства являлся переход к новой экономической политике и ее проведение. Поэтому в первом разделе книги (главы I—V) прослеживаются прежде всего развитие взглядов Ленина по вопросам экономической политики эпохи пролетарской диктатуры, поиски этой политики в 1918—1920 гг., история перехода к нэпу в 1921 г., ленинское теоретическое обоснование новой экономической политики в работах 1921—1923 гг.

Вот уже пять десятилетий ленинское учение об основах экономической политики переходного периода от капитализма к социализму служит ценнейшим и неизменным источником драгоценного опыта для всех стран, вступающих на путь социализма. В этом заключается актуальность проблемы и постоянно растущий интерес к ее изучению.

Не меньшее значение имели и имеют ленинская практика руководства экономикой и ленинские методы хозяйствования в условиях нэпа. Даже на современном этапе, когда основные задачи новой экономической политики уже полностью осуществлены, ленинские принципы руководства и их творческое применение и развитие в конкретной обстановке каждого нового этапа обеспечивают сейчас успехи строительства коммунистического общества. И, наоборот, отход от этих принципов или их нарушение дают себя знать в отдельных ошибках и просчетах хозяйственной практики.

Во втором разделе книги (главы VI—IX) предпринята попытка конкретно-исторического изучения ленинских методов хозяйственного руководства применительно ко всем областям советской экономики (проблемы социалистического планирования и создание Госплана, управление промышленностью и сельским хозяйством, организация товарообмена и торговли — внутренней и внешней, кооперация и кооперативное строительство, финансовая политика, концессионная политика и т. д.). Однако следует отметить, что в этом разделе автор не ставил своей задачей исследовать самый процесс развития советской экономики после перехода к нэпу, а стремился только с возможной полнотой выделить и рассмотреть основные черты ленинского опыта хозяйственного руководства.

Наконец, в третьем разделе книги (главы X и XI) суммируются и обобщаются важнейшие черты ленинской школы государственного управления, стиля и методов его работы (руководство Советом Народных Комиссаров и Советом Труда и Обороны (СТО), народными комиссариатами, прием посетителей, борьба за совершенствование государственного аппарата, ленинское воспитание кадров и т. д.). Вопросы внешней политики, национальной политики, внутрипартийной работы, руководство всем фронтом культурного строительства, роль В. И. Ленина в мировом коммунистическом движении и на международной арене — все это требует самостоятельного изучения, и лишь в плане краткого обзора некоторые из этих тем рассматриваются в главе X, в прямой связи с темой исследования и в пределах общей характеристики ленинской практики руководства неэкономическими народными комиссариатами (Народный комиссариат иностранных дел, Наркомнац, Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции — НК РКИ, Наркомюст, Наркомпрос и др.).

В отдельных разделах и главах книги частично использованы материалы ранее вышедших в свет работ автора [1]. Ныне литература, посвященная В. И. Ленину, различным аспектам его государственной деятельности, так велика и с каждым годом так быстро растет, что попытка сколько-нибудь полного ее обзора могла бы перерасти в самостоятельную тему исследования. Только по вопросам новой экономической политики вышли в свет сотни книг, монографий, обобщающих работ [2], статей, по этим проблемам развернулась дискуссия в советских исторических журналах [3]. То же относится к проблемам ленинского руководства не только в области экономической, но и в политической, культурной, внешнеполитической и других областях деятельности Советского государства. Поэтому, не предпосылая своей работе специального историографического введения, автор стремился в ходе всего исследования опираться на богатейший материал, уже собранный и обобщенный советской исторической наукой.

Первостепенное значение для изучения темы имели архивные источники и в первую очередь фонды Совнаркома и Совета Труда и Обороны за 1921—1922 гг., хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1 и 3). Эти документы позволили проследить день за днем и воспроизвести деятельность В. И. Ленина как председателя СНК и СТО, изучить каждый протокол заседаний Советского правительства, принимавшиеся им реше-

[1] В разделах I и II использованы некоторые материалы книги Э. Б. Генкиной «Переход Советского государства к новой экономической политике» (М., 1954), а также статей автора, опубликованных в журналах «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС» и «История СССР» за 1964—1968 гг. В главах X (§ 1 и 2) и XI (§ 1) частично воспроизведены соответствующие разделы книги «В. И. Ленин — председатель Совнаркома и СТО» (М., 1960).

[2] Вопросы перехода к нэпу на новых материалах, в том числе ленинских, освещены в таких капитальных коллективных трудах, как многотомная «История СССР» (т. VIII). Крупными монографическими исследованиями являются работа Ю. А. Полякова «Переход к нэпу и советское крестьянство» (М., 1967), а также ряд книг, вышедших в свет в национальных республиках (см., например: В. П. Шерстобитов. Новая экономическая политика в Киргизии. Фрунзе, 1964 и др.).

[3] «Вопросы истории», 1964, № 5, 6, 9, 12; 1965, № 2, 10; «Вопросы истории КПСС», 1963, № 12; 1966, № 10, 11, 12; 1967, № 1, 2, 3, 5; 1968, № 2.

ния, историю их подготовки, участие и инициативу Ленина в постановке отдельных вопросов. Хотя стенограммы заседаний СНК и СТО, как правило, не велись (это делалось по прямому указанию Владимира Ильича[4], очевидно, для обеспечения возможно более свободного обмена мнений), лаконичность протокола восполнялась приложенными к нему материалами по всем вопросам повестки дня; докладными записками, проектами решений, разъяснениями ведомств, сводками, цифровыми данными и т. д. Именно эти материалы дают конкретное представление о ходе обсуждения отдельных вопросов, раскрывают по существу дела всю «лабораторию» работы советского государственного аппарата. В приложениях к протоколам имеются и отдельные ленинские документы, его записки, проекты решений, пометки и поправки на представляемых ведомствами документах и т. д.

В ЦПА ИМЛ изучены также отдельные фонды ЦК партии, пленумов ЦК и его отделов (ф. 17, оп. 2, 3, 5, 12, 13), которые позволяют полнее раскрыть руководство Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным всеми сторонами экономической и политической жизни страны, претворение в жизнь решений партии, позицию некоторых местных партийных организаций, особенно накануне и после X съезда РКП(б).

Для понимания истории перехода к новой экономической политике большое значение имело изучение отдельных персональных фондов, хранящихся в ЦПА ИМЛ: М. И. Калинина (ф. 78), А. Д. Цюрупы (ф. 158), М. С. Ольминского (ф. 91) и др., а также стенограмм заседаний фракций РКП(б) VIII съезда Советов и мартовской сессии ВЦИК (ф. 94). Использованы отдельные дела и документы других фондов ЦПА ИМЛ.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) собран дополнительный материал по фондам СНК и СТО (ф. 130, оп. 5 и 6 за 1921—1922 гг.), преимущественно по делам канцелярии Совнаркома, бюро телеграмм и т. д., где сохранилась переписка В. И. Ленина с местами, телеграммы, направляемые на его имя в Совнарком, и другие документы. В некоторых главах использованы материалы ВЦИК (ф. 1235), особенно Президиума ВЦИК и секретариата М. И. Калинина, а также фондов Госплана и Наркомпрода из Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ СССР).

Основополагающей базой для написания книги являлись ленинские работы и документы, которые с такой полнотой представлены в последнем, пятом издании сочинений В. И. Ленина. Необходимо отметить особое значение томов переписки Ленина в советские годы (50—54 тт. Полного собрания сочинений), ибо именно эта переписка дает огромный и систематизированный, а не рассредоточенный как прежде по отдельным Ленинским сборникам, материал для наглядного раскрытия ленинских методов и стиля государственного руководства. Наконец, обширная мемуарная литература, многочисленные воспоминания участников событий: членов СНК и СТО, наркомов и руководящих деятелей партии, работников

[4] В своих воспоминаниях о работе В. И. Ленина в Совнаркоме Г. Леплевский (заместитель председателя Малого Совнаркома в 1921—1922 гг.) писал: «Стенограммы докладов и прений, к глубокому нашему огорчению, не велись. Такова была воля Владимира Ильича» («Ленин на хозяйственном фронте». Сборник воспоминаний. М., 1934, стр. 87).

Управления делами и Секретариата Совнаркома позволяют восстановить картину работы В. И. Ленина как главы Советского правительства и незабываемые черты ленинской школы воспитания кадров, ленинских методов государственного управления [5].

Опубликованные источники (новые издания стенографических отчетов X, XI и XII съездов партии, протоколы Всероссийских партконференций, документы партии и правительства, ленинские декреты, собранные в Собрании узаконений, и т. д.), а также материалы периодической печати тех лет составили важную документальную базу исследования.

Автор в полной мере сознает, какие огромные возможности открываются перед советской исторической наукой для дальнейшего глубокого и всестороннего изучения государственной и партийной деятельности В. И. Ленина — руководителя Советского государства и вождя Коммунистической партии. Великая дата — 100-летие со дня рождения В. И. Ленина — станет важнейшей вехой для нового творческого подъема в изучении ленинизма и в лениноведении и для претворения в жизнь ленинских предначертаний. Тема о Ленине никогда не будет и не может быть исчерпана — таково свойство ленинского гения, вечно живого опыта его деятельности и руководства, всемирно-исторического значения его теоретического наследства.

*

Автор выражает свою глубокую признательность работникам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР, ЦГАНХ СССР за большую помощь, оказанную во время подготовки настоящей книги. Свою искреннюю благодарность автор приносит также коллективу отдела истории советского общества Института истории СССР Академии наук СССР и всем товарищам, принимавшим участие в рецензировании рукописи, — И. Б. Берхину, В. П. Дмитренко, А. П. Молчановой, Ю. А. Полякову, С. И. Якубовской, заведующей кафедрой истории советского общества исторического факультета МГУ В. М. Селунской, а также Н. П. Жилиной и М. А. Стерликовой, помогавшим при подготовке рукописи к печати.

[5] Большинство этих воспоминаний (А. В. Луначарского, А. Д. Цюрупы, Г. В. Чичерина, Г. М. Кржижановского, Н. А. Семашко, Л. Б. Красина, А. А. Андреева и др., а также работников аппарата СНК и СТО — В. Д. Бонч-Бруевича, Н. П. Горбунова, Л. А. Фотиевой, М. И. Гляссер и др.) были написаны и опубликованы в середине 20-х годов, сразу же после смерти В. И. Ленина, когда память еще особенно свежо хранила личные встречи с Владимиром Ильичем и все подробности совместной с ним работы. Многие воспоминания были впоследствии собраны в сборники и изданы отдельными книгами в 1933—1934 гг. к десятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина. В эту серию вошли воспоминания Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой, А. В. Луначарского, Н. А. Семашко, А. М. Аникста, В. В. Адоратского, С. Малышева и др.

Массовая публикация мемуарной литературы о В. И. Ленине была предпринята в конце 50-х и особенно в 60-х годах. Наибольшее значение имеют подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в трех томах «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» (М., 1957, 1960), сборник «О Владимире Ильиче Ленине» (М., 1963), воспоминания Л. А. Фотиевой «Из жизни В. И. Ленина» (М., 1959, 1967), «Из воспоминаний о В. И. Ленине» (М., 1964) и др.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина Институт марксизма-ленинизма подготовил юбилейное пятитомное издание воспоминаний о Владимире Ильиче (первый том вышел в 1968 г., второй—четвертый — в 1969 г.).

Раздел первый

В. И. ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА 1918—1920 гг.

Переход к новой экономической политике в 1921 г. имел решающее значение для дальнейших судеб строительства социализма в СССР. Поворот к нэпу определил единственно правильный, в условиях переходного периода, путь осуществления экономических задач социалистической революции, создания прочного фундамента социалистической экономики, сохранения и укрепления основы советского строя — союза рабочего класса и крестьянства. В этом повороте вновь с огромной силой раскрылся гений Ленина, подлинная мудрость и прозорливость его руководства социалистическим строительством.

В. И. Ленин неоднократно сам указывал, что «*изменение нашей экономической политики*» в 1921 г. «было придумано не сразу» [1], а потребовало довольно длительных «*поисков экономической политики*» [2]. Чтобы понять, как и в каком направлении шли эти поиски, как складывались и развивались взгляды Ленина по отдельным вопросам экономической политики эпохи диктатуры пролетариата, необходимо тщательно и в строгой исторической последовательности проследить формирование этих взглядов начиная с первых шагов пролетарского государства в экономической области и кончая 1922—1923 гг.

Попытаться пойти вслед за Лениным, шаг за шагом изучая, как в процессе социалистического строительства проявлялось его изумительное умение быстро и резко менять тактику, «учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным» [3], — такова важнейшая задача исследования. Необходимо поэтому

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 45.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 417.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

рассмотреть сначала то определение сути и характера экономической политики, которое Ленин дал в первые месяцы после Октябрьской революции и особенно весной 1918 г., потом в годы гражданской войны, а вслед за тем постепенно, в связи с конкретной исторической обстановкой, обратиться к оценкам этих же положений, которые были развиты Лениным уже «исторически глядя», после перехода к новой экономической политике.

Таким образом, чтобы подойти к изучению основного вопроса — центрального и решающего в государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг., а именно вопроса о переходе к новой экономической политике, важно хотя бы кратко и в порядке общих итогов остановиться сначала на истории складывания, развития и изменения ленинских взглядов по вопросам экономической политики диктатуры пролетариата применительно к периоду 1918—1920 гг., основываясь непосредственно на анализе ленинских работ и его государственной деятельности именно в эти годы.

1.

В. И. Ленин об экономических задачах диктатуры пролетариата в первые месяцы Советской власти

Характеризуя начальный этап социалистического строительства в экономической области в первые месяцы Советской власти и примерно до весны 1918 г., В. И. Ленин образно определил его содержание как этапа «красногвардейской атаки на капитал». В области политической этот этап совпал по времени с периодом триумфального шествия Советской власти из конца в конец огромной страны.

Когда в марте 1918 г. после заключения Брестского мира была завоевана кратковременная передышка в войне, Ленин на первый план выдвинул задачи организационные, созидательные, задачи реорганизации основ экономического строя России на базе социализма.

В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти», продиктованном 23—28 марта 1918 г., он подчеркивал, что наступил период, «когда преимущественное значение приобретает не политика, а экономика» [4]. Еще раньше, в докладе о войне и мире на VII съезде РКП(б) 7 марта 1918 г., говоря об экономических задачах революции, Владимир Ильич указал, что они не могут быть решены так легко и быстро, как задачи политические и военные. В области экономической, говорил он, не может быть и речи о сплошном триумфальном шествии. «Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции» [5].

«Перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 130.
[5] Там же, стр. 8.

шествием на новый исторический период» [6] и в области внутренней политики и в области международной Ленин оценивал как совершенно никчемную авантюру. Такой постановкой вопроса, направленной против «левых коммунистов», он прежде всего нацеливал внимание всей партии на понимание трудности и сложности решения экономических задач социализма.

«Главная трудность лежит в экономической области» [7], «главная, настоящая трудность социалистической революции» [8] состоит в решении экономических задач, говорил В. И. Ленин почти в каждом выступлении в марте—апреле 1918 г. Десятки раз повторял он в это время свой важнейший вывод, вытекавший из сравнения хода революции в России с возможным ее развитием в передовых капиталистических странах Европы. Ленин сказал об этом, очевидно, впервые на VII съезде партии, указывая, что «для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию» [9]. Он повторил эту мысль в докладе на IV Чрезвычайном съезде Советов [10], а в речи на заседании ВЦИК 29 апреля вновь напомнил, что «отсталая страна может легко начать, потому что гнил ее противник, потому что неорганизована ее буржуазия, но, чтобы продолжать, ей требуется во сто тысяч раз больше осмотрительности, осторожности и выдержки. В Западной Европе это будет иначе, там неизмеримо труднее начать, там неизмеримо легче идти дальше» [11]. Ленин постоянно возвращался к этому сравнению в 1918, 1919 и 1920 гг.[12]

Метод повторения некоторых основных выводов и положений он применял неоднократно, когда считал их особенно важными для ориентировки партии.

Объясняя причины огромных трудностей в решении экономических задач социалистической революции в России, В. И. Ленин выделил три главных обстоятельства. Во-первых, указывал он, «чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим» [13]. Во-вторых, эти социалистические задачи приходилось пока что решать в полном одиночестве, когда Советская страна находилась в капиталистическом окружении, а социалистическая революция в передовых капиталистических странах еще не произошла. Ленин был убежден, что эта революция неизбежно «придет, ибо она идет; дозреет, ибо она зреет и созреет», и это соответствовало тогда объективному соотношению сил в мировом революционном движении. Однако Владимир Ильич предупреждал, что «история не устроена так гладко и мило, чтобы все трудящиеся поднялись одновременно с нами во всех странах» [14], и поэтому необходимо пом-

[6] Там же, стр. 12.
[7] Там же, стр. 171.
[8] Там же, стр. 247—248.
[9] Там же, стр. 10.
[10] См. там же, стр. 97.
[11] Там же, стр. 252.
[12] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 306, т. 41, стр. 47—48 и др.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 5—6.
[14] Там же, стр. 86.

нить, что «серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу» [15].

И, наконец, из первых двух вытекала третья причина трудностей. Экономические задачи социалистической революции приходилось решать впервые в истории, идя новыми, непроторенными путями, учась на собственном опыте и собственных ошибках, приступая к социалистической реорганизации, не зная, как говорил Ленин, «ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития» [16]. Испытывая, проверяя, переделывая, обобщая и закрепляя новый опыт, — только так, преодолевая огромные трудности, можно было строить экономическое здание социалистического общества.

Опираясь на учение классиков марксизма о переходном периоде от капитализма к социализму и подчеркивая, что в ходе социалистической революции в России это учение получило полное практическое подтверждение, Ленин в то же время указывал, что переход от капитализма к социализму «усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет» [17]. «Долгие муки родов» нового общества, которые предсказывали Маркс и Энгельс, скажутся поэтому в России в большей мере, чем в других странах.

Те великие социалистические преобразования, которые были осуществлены в Советской стране в первые месяцы после Октябрьской революции, в период «красногвардейской атаки на капитал», являлись только началом решения труднейшей задачи строительства основ социалистической экономики.

Нового экономического строя, строя более высокого, чем капиталистический, в России *«еще* нет» [18], — говорил В. И. Ленин в феврале 1918 г. «Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем» [19]. «... Мы только начали переход к социализму, но решающего в *этом* отношении *еще* не осуществили» [20], — говорил Ленин, призывая идти вперед «не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук» [21], и строить, строить и строить здание социализма.

Какой же план конкретных экономических мероприятий для первой ступени борьбы за социализм наметил в этих условиях В. И. Ленин? Как были определены весной 1918 г. основные задачи экономической политики диктатуры пролетариата? Ответы на эти вопросы были даны в работах и выступлениях Ленина марта—мая 1918 г., особенно в его классических трудах «Очередные задачи Советской власти», «О „левом" ребячестве и о мелкобуржуазности». Значение этих программных документов, излагающих сущность ленинского плана «приступа к социалистическому строи-

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 168.
[16] Там же, стр. 380.
[17] Там же, стр. 49.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 346.
[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 48.
[20] Там же, стр. 175.
[21] Там же, стр. 80.

тельству», широко освещено в советской исторической литературе. Опубликованные в последние годы новые ленинские документы (часть главы IV, главы V—IX и начало главы X первоначального варианта статьи «Очередные задачи Советской власти», план этой статьи) [22] позволяют сейчас полнее и шире проследить развитие взглядов Ленина и показать преемственную связь всех ленинских документов, обосновывающих конкретную экономическую программу, которую Владимир Ильич сам скромно назвал «Очередными задачами Советской власти».

Первоначальный вариант статьи на эту тему Ленин подготовил в связи с обсуждением в ЦК партии вопроса о задачах социалистического строительства в новых условиях мирной передышки. На заседании ЦК 31 марта при участии Ленина «было констатировано, что период завоевания власти кончился, идет основное строительство» [23]. Программу этого строительства и дал Ленин. Свой основной тезис: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*» [24], — Ленин в первом варианте статьи разъяснил следующим образом: «... задача управления государством сводится теперь прежде всего и в первую голову к чисто экономической задаче излечения страны от нанесенных ей войною ран, восстановления производительных сил, налаживания учета и контроля за производством и распределением продуктов, повышения производительности труда, — одним словом, она сводится к задаче экономической реорганизации» [25]. Об этих очередных экономических задачах Ленин говорил уже в своих выступлениях первой половины марта — на VII съезде РКП(б) и в статье «Главная задача наших дней» [26]. Они были перечислены также в написанной Лениным и принятой IV Чрезвычайным съездом Советов резолюции «О ратификации Брестского договора» [27]. Но в первоначальном варианте и в самой статье «Очередные задачи Советской власти» была определена гораздо более широкая и взаимосвязанная система очередных экономических мероприятий. Восстановление разрушенных войной производительных сил и экономический подъем страны, государственный учет и контроль за производством и распределением продуктов, воспитание новой трудовой дисциплины, привлечение буржуазных специалистов, осуществление принципов демократического централизма в руководстве промышленностью и введение единоначалия, вовлечение масс в управление производством — таковы основные звенья ленинской программы «приступа к социалистическому строительству». То, что Ленин называл очередными задачами в экономической области, определяло меры не только текущего дня, а давало программу деятельности на много лет вперед. То же

[22] См. там же, стр. 127—146, стр. 543—552.
[23] Там же, прим., стр. 587.
[24] Там же, стр. 172.
[25] Там же, стр. 130.
[26] См. там же, стр. 7, 80.
[27] См. там же, стр. 122—123. Впоследствии в докладе на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. Ленин указывал, что статья «Очередные задачи Советской власти» давала развитие резолюции IV съезда Советов, «которая не ограничилась злободневным тогда вопросом о мире, а отметила также главную задачу текущего момента, задачу организационную, задачу самодисциплины, задачу борьбы с дезорганизацией» (там же, стр. 241).

можно сказать и о ряде политических задач, которые должны были обеспечить успех экономических преобразований: развитие и укрепление советской социалистической демократии, вовлечение трудящихся в управление государством, борьба с бюрократизмом, повышение образовательного и культурного уровня народных масс. Ленин уделил также большое внимание вопросам печати, статистики, советского суда и законодательства и их роли в осуществлении экономических задач.

В работе «Очередные задачи Советской власти», по сравнению с первоначальным вариантом этой статьи, были выдвинуты, а в последующих ленинских выступлениях развиты новые, очень важные положения в области экономической политики. Это относилось прежде всего к вопросу о дальнейших перспективах и задачах национализации промышленности. С октября 1917 г. по март 1918 г. было национализировано довольно большое количество промышленных предприятий, но самый декрет о национализации крупной промышленности был принят, как известно, только 28 июня 1918 г., т. е. два месяца спустя после опубликования ленинской статьи «Очередные задачи Советской власти». В конце марта 1918 г. в первоначальном варианте статьи Ленин писал: «Не трудно было национализировать большую часть фабрик и заводов. Нет сомнения, что национализация и остальных крупных промышленных предприятий и средств транспорта представляет из себя задачу, которая легко будет осуществлена в самом близком будущем» [28].

Национализация промышленности являлась программным требованием Коммунистической партии и вместе с национализацией земли должна была стать прочной основой всех дальнейших социалистических преобразований. Но, подтверждая незыблемость требования полной национализации крупной промышленности, В. И. Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти» поставил этот вопрос по-новому, перенеся центр тяжести не столько на скорейшее завершение национализации, сколько на овладение уже национализированными предприятиями.

Говоря о «новом фазисе борьбы с буржуазией», наступившем с апреля 1918 г., Ленин оценил его сущность следующим образом: «...нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы неточно, неконкретно, в нем не было бы учета *своеобразия* данного момента, когда в интересах успешности *дальнейшего* наступления надо „приостановить“ *сейчас* наступление» [29].

Конечно, говорить о «приостановке» наступления на капитал, указывал тут же Ленин, можно только метафорически. Речь шла в данном случае лишь о том, чтобы в области экономической и политической работы выдвинуть на первый план не столько мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов, сколько организацию учета и контроля в тех предприятиях, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных предприятиях.

В последующих своих выступлениях — докладе на заседании ВЦИК 29 апреля и работе «О „левом“ ребячестве и мелкобуржуазности» (опуб-

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 134.
[29] Там же, стр. 176.

ликована 9—11 мая 1918 г.) — Ленин еще более заострил этот вопрос в полемике с «левыми коммунистами». Полемика с группой «левых коммунистов» по вопросам внутренней политики началась еще 4 апреля на совещании ЦК. Пленум ЦК 7 апреля поручил В. И. Ленину написать тезисы по этому вопросу. Не довольствуясь первым вариантом статьи, Ленин в период между 13 и 26 апреля написал работу «Очередные задачи Советской власти» (опубликована в «Правде» 28 апреля). В прямую полемику с «левыми коммунистами» Ленин в этой статье не вступал, стремясь, как он сам говорил, обрисовать сначала в положительной форме очередные задачи Советской власти. На заседании ВЦИК 29 апреля Ленин подчеркнул, что его настоящим докладом является статья, опубликованная 28 апреля, но выступления «левых коммунистов» в печати, опубликование их тезисов «о текущем моменте» настоятельно потребовали изложить эти же вопросы в полемической форме.

В своей работе «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности» Ленин опроверг прежде всего нападки «левых коммунистов» на предложения о введении строгой трудовой дисциплины, привлечении буржуазных специалистов и т. д. Он показал, что требование «левых коммунистов» продолжать и усиливать наступление на капитал и осуществлять решительный переход от национализации и конфискации к обобществлению означало на деле неумение понять важность новых задач, ибо обобществление «тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной „решительностью" без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*» [30].

В докладе на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. и в работе «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности» Ленин впервые после Октябрьской революции поставил и теоретически обосновал в полемике с «левыми коммунистами» вопрос о роли государственного капитализма в пролетарском государстве, о его использовании, характере и особенностях в условиях экономики переходного периода.

«Государственный капитализм был бы для нас шагом вперед» [31], — говорил Ленин в докладе 29 апреля. «Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика» [32], — писал он в работе «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности». Отсюда и вытекал ленинский вывод, что государственный капитализм отнюдь не враг, не зло, каким его изображали «левые коммунисты», а, наоборот, прямой шаг к социализму, ибо по сравнению с мелкобуржуазной стихией госкапитализм «есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное» [33].

Корень экономической ошибки «левых коммунистов» Ленин видел в непонимании сущности переходного периода от капитализма к социализму, когда в «данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма» [34]. В этой связи Ленин дал впервые свой непревзойденный анализ экономики России, показав наличие в ней элементов пяти различных общественно-экономических укладов (патриархальное, в значительной степени натуральное хозяйство, мелкое товарное хозяй-

[30] Там же, стр. 294.
[31] Там же, стр. 254.
[32] Там же, стр. 299.
[33] Там же, стр. 255.
[34] Там же, стр. 295.

ство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм). Определяя соотношение между этими укладами, он подчеркивал неизбежное преобладание в мелкокрестьянской стране товарного производства крестьянских хозяйств. Социалистический уклад был уже создан, ему принадлежала ведущая роль в экономике, за ним было будущее, но преобладающим он в это время не был и не мог быть. Частнохозяйственный капитализм в промышленности был представлен еще значительной группой ненационализированных крупных, средних и мелких предприятий, а в торговле — частными торговцами, которые весной и летом 1918 г. еще продолжали активно функционировать. Что касается государственного капитализма, то как уклад он еще только складывался и по своим формам несколько отличался от тех, в которых он развивался впоследствии в первые годы нэпа (концессии, аренда).

В мае 1918 г. Ленин назвал три основные формы госкапитализма и, соответственно, три направления в его использовании: хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазная кооперация.

Хлебная монополия обеспечивала контроль пролетарского государства за торговлей хлебом, пресекала спекуляцию и рост хлебных цен. Вся деятельность частнохозяйственных предприятий в области промышленности также должна была быть поставлена под прямой государственный контроль и по линии организации производства и по линии использования изготовляемой продукции. Даже ставшие достоянием Республики национализированные предприятия, как было установлено позднее декретом 28 июня 1918 г., впредь до особого распоряжения признавались «находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев», правления предприятий и бывшие собственники должны были финансировать их, а равно получать свои доходы «на прежних основаниях» [35]. В декрете указывалось также, что «члены правления, директора и другие ответственные распорядители национализированных предприятий отвечают перед Советской республикой как за целость и сохранность предприятия, так и за правильную их работу» [36]. Это означало временное сохранение госкапиталистических форм применительно к руководству национализированной промышленностью, впредь до полного перехода к социалистическому производству и управлению.

Особо важное значение В. И. Ленин придавал в это время вопросу о складывании и развитии госкапиталистического уклада в области торговли. Частная торговля, как уже указывалось, не была еще запрещена. Декрет «О потребительских кооперативных организациях» от 10 апреля 1918 г. исходил из наличия частной торговли, необходимости строжайшего учета и контроля со стороны пролетарского государства за деятельностью частных торговцев и постепенного перехода всей торговли в русло государственного капитализма. В декрете от 10 апреля указывалось, например, что «нормы, устанавливаемые центральными или местными органами Советской власти и, в частности, органами снабжения относительно распределения продуктов и т. п., обязательны как для частных торговых предприятий, так и для кооперативных организаций»,

[35] «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР» (далее — СУ), 1918, № 47, ст. 559.
[36] Там же.

а советские государственные органы имеют право регламентировать деятельность частных торговых предприятий, «изымать их в государственное управление», устанавливать формы и сроки их отчетности и формы надзора и контроля за ними [37].

На значении этого декрета Ленин подробно остановился в работе «Очередные задачи Советской власти». Он указывал, что декрет явился в известной мере результатом соглашения с буржуазными кооперативами. «... Предложение Советской власти, — писал Владимир Ильич, — исключить совершенно буржуазию из правлений кооперативов было тоже весьма ослаблено, и запрещение входить в правления распространено только на владельцев торговых и промышленных предприятий частнокапиталистического характера» [38].

На кооперацию, на буржуазные кооперативы, которые Ленин относил тогда непосредственно к госкапитализму, и должна была лечь задача осуществления контроля за деятельностью частных торговцев под руководством государственных органов с тем, чтобы значительно ограничить частную торговлю и обуздать опасную для Советской власти мелкобуржуазную стихию. Поэтому Ленин указывал в мае 1918 г., что основное направление развития должно пойти не по линии борьбы социализма с госкапитализмом, а, наоборот, «мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма», ибо «мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического» [39].

Чтобы пойти вперед и ввести частнохозяйственный капитал в русло государственного капитализма (особенно важно это было в отношении торговли), необходимо не только поставить на службу кооперацию, но и осуществить ряд практических мер. Ленин наметил эти меры уже в работе «Очередные задачи Советской власти»: государственный контроль за денежным обращением, введение вместо контрибуций с буржуазии поимущественного и подоходного постоянно и правильно взимаемого налога, укрепление и упорядочение государственных монополий на продукты и т. д. Особенно подчеркивал он значение монополии внешней торговли, без введения которой нельзя защитить внутреннюю экономическую самостоятельность страны [40].

Постановка всех этих важнейших экономических задач вплотную подводила к решению основного и главного вопроса экономической политики переходного периода — вопроса о практическом налаживании новых форм связей между промышленностью и сельским хозяйством, между рабочим классом и крестьянством. Весной и летом 1918 г. Ленин выдвигал на первый план товарообмен с крестьянством [41] через кооперацию и государст-

[37] СУ, 1918, № 32, ст. 418.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 186.

[39] Там же, стр. 296.

[40] См. там же, стр. 183.

[41] О товарообмене с крестьянством в 1918 г., его характере и значении см.: З. Атлас. Из истории развития товарообмена между городом и деревней (1918—1921 гг.). — «Вопросы экономики», 1967, № 9.

венные органы как основной путь налаживания экономических связей промышленности и земледелия. 2 апреля 1918 г. был принят декрет Советского правительства «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок». Согласно этому декрету создавался специальный товарообменный фонд, находящийся в ведении Наркомпрода, который должен был способствовать усилению и стимулированию хлебных заготовок. В декрете подчеркивалась необходимость привлечения деревенской бедноты к организации товарообмена и принятия мер для получения возможно большего количества хлеба от кулачества.

В мае или июне 1918 г. в наброске соглашения ВСНХ с Комиссариатом торговли и промышленности об условиях товарообмена между городом и деревней Ленин сформулировал следующие практические предложения: «Товары сдаются не отдельным лицам, а волостным, сельским или другим союзам крестьян под обязательным условием полного преобладания бедноты в таких союзах.

Товары сдаются в обмен на хлеб под условием внесения 25% суммы товарами и получения хлеба в количестве всего излишка над местным потреблением» [42].

Несколько месяцев спустя В. И. Ленин в тезисах по продовольственному вопросу от 2 августа, направленных в ВСНХ, в комиссариаты продовольствия, земледелия, финансов, торговли и промышленности, предлагал обсудить вопрос о временном повышении хлебных цен и соответственно цен на мануфактуру, а декрету о повышении хлебных цен предпослать популярное объяснение этой меры «в связи с товарообменом». Ленин требовал также принятия самых экстренных мер по реквизиции всех продуктов городской промышленности для товарообмена и одновременно установления прогрессивного налога натурой с богатых крестьян, назвав его подоходным и поимущественным налогом [43].

Так постепенно определялись основы экономической политики и складывалась цельная система экономических мероприятий пролетарского государства в переходный период. Ленин писал весной 1918 г. о необходимости поисков и нахождения *«наиболее правильного, наиболее экономного пути* к реорганизации экономического строя России» [44]. «Говоря вообще, — указывал он, — этот путь известен. Он состоит в переходе к крупному, на машинной индустрии построенному хозяйству, в переходе к социализму» [45]. Укрепление материальной основы социалистического общества — тяжелой индустрии, «развитие производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности» [46] — вот к чему Ленин призывал в своей работе «Очередные задачи Советской власти». Более того, уже в 1918 г., в ленинском «Наброске плана научно-технических работ» была поставлена задача подведения современной технической базы под народное хозяйство — «обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию» [47]. Ленин говорил в это время и о гигантской организа-

[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 391.
[43] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 32.
[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[45] Там же.
[46] Там же, стр. 188.
[47] Там же, стр. 228—231.

ционной задаче превращения «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом» [48], т. е. о задаче планового руководства экономикой.

Подчеркивая постоянно роль крупной промышленности как материальной основы социализма, как решающего условия для реорганизации экономического строя России, Ленин тут же добавлял, что конкретные формы перехода к крупному, на машинной индустрии построенному хозяйству «неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма» [49].

Если незыблемой основой экономической политики государства пролетарской диктатуры являлась задача создания материальной базы социализма — крупной социалистической промышленности, то учет конкретных особенностей экономики России требовал осуществления ряда переходных мер в строительстве социализма. Отсюда и следовала ленинская постановка вопроса о госкапитализме и госкапиталистическом укладе и его использовании в системе экономических мероприятий и экономической политики пролетарского государства. И, наконец, взаимоотношения города и деревни, промышленности и сельского хозяйства предполагалось наиболее целесообразным строить на базе государственного товарообмена, когда постепенно восстанавливаемая промышленность даст необходимые товары деревне, а крестьянство взамен, путем обмена, даст хлеб и продовольствие городу.

К этому и сводилась в основном сущность ленинского плана экономической политики, намеченной весной 1918 г. Эта политика была рассчитана на использование ряда посредствующих звеньев, облегчающих постепенный переход к социализму, и основана на строгом учете объективных закономерностей и особенностей экономики переходного периода от капитализма к социализму. Однако поиски наиболее правильной и отвечающей хозяйственным задачам диктатуры пролетариата экономической политики были в дальнейшем чрезвычайно осложнены почти трехлетней гражданской войной и иностранной военной интервенцией. В эти годы вынужденно сложилась система экономических мероприятий, вошедшая потом в историю под названием «военного коммунизма». Анализ основных черт и особенностей этого этапа также непосредственно связан с пониманием последующего развития взглядов Ленина по вопросам экономической политики эпохи пролетарской диктатуры.

[48] Там же, стр. 7.
[49] Там же, стр. 152.

2.

Ленинская оценка военно-экономических мероприятий Советского государства в 1919—1920 гг.

Летом 1918 г. коренным образом изменилась обстановка в стране. «Мы снова попали в войну, мы находимся в войне», — говорил Владимир Ильич в речи на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г. «Весь вопрос о существовании Российской социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному» [50], — неоднократно повторял он в этой речи. К трудностям международным и военным добавились огромные трудности внутри страны. Основные хлебные районы Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Сибири находились в руках интервентов и белогвардейцев. Вплотную надвинулся «мучительнейший голод», и борьба за хлеб превратилась в этих условиях в борьбу за социализм. Поэтому Ленин и говорил в конце июля 1918 г.: «... Нам трудно в данный момент заняться экономической, хозяйственной и земледельческой политикой. Нам приходится отвлекаться и направлять все свое внимание на элементарные задачи — продовольственный вопрос» [51]. Этим Ленин сам как бы отделил вопросы экономической политики от тех чрезвычайных и экстренных мер, которые необходимо было немедленно осуществить для организации отпора нашествию, спасения рабочего класса и снабжения армии.

Постепенно в самом ходе войны стала шаг за шагом складываться система чрезвычайных военных мероприятий в экономической области. Эту систему Ленин позднее, «исторически глядя» и только после перехода к новой экономической политике, назвал системой «военного коммунизма».

Но не забегая вперед, необходимо проследить прежде всего процесс складывания военно-экономических мероприятий Советского государства и ту оценку, которую давал им Ленин непосредственно в период их проведения.

Начиная с лета 1918 г. основные изменения наметились прежде всего в области продовольственной политики. Государственная монополия на хлеб становилась отныне непреложным законом. Декреты ВЦИК от 9 мая «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» и от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и его местных продовольственных органов» устанавливали твердую продовольственную диктатуру пролетарского государства. Эти декреты были направлены против кулачества, которому объявлялась открытая и беспощадная борьба. Деревенская буржуазия, обладавшая крупными запасами продовольствия, не давала хлеб даже путем товарообмена на добровольных началах. На все мероприятия Советской власти она отвечала злостным саботажем и войной. Именно сопротивление кулачества могло сделать реальной угрозу

[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 14—15.
[51] Там же, стр. 22.

контрреволюционных сил — «задушить революцию костлявой рукой голода». Принудительное изъятие у кулачества всех хлебных излишков становилось неотложно необходимым. Не сдающие хлеба согласно декрету от 9 мая объявлялись врагами народа, к ним применялись самые суровые меры наказания (тюремное заключение на срок не менее 10 лет, изгнание из общины, конфискация имущества и т. д.) [52].

На борьбу против кулачества по призыву партии и правительства подымался рабочий класс, объявлялся «крестовый поход» рабочих за хлебом для голодающей страны. Объединение деревенской бедноты, организация в деревне согласно декрету от 11 июня 1918 г. «комитетов бедноты» укрепляли общий фронт трудящихся города и деревни в борьбе против кулачества.

К мерам, направленным против кулачества, следует по существу отнести и декрет ВЦИК от 30 октября 1918 г. «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов» [53]. Идея введения налога, как мы уже говорили, принадлежала Ленину. Налог натурой с богатых крестьян должен был проводиться как подоходный с прогрессивным обложением и дополнять сбор хлеба путем товарообмена. В тексте постановления СНК о натуральном налоге, написанном Лениным 21 сентября, давались следующие установки об обложении различных групп крестьянства: «богатого крестьянина не экспроприировать, а *обложение* справедливое, сильное», «среднее крестьянство — мягкое обложение», «бедное — никакого» [54].

Декрет о натуральном налоге от 30 октября 1918 г. фактически не был проведен в жизнь. В конце 1918 г. началось наступление Колчака, усилилась интервенция Антанты. Страна все больше становилась единым военным лагерем, осажденным со всех сторон врагом. В этих условиях и был принят 11 января 1919 г. декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». Декрет о разверстке, с одной стороны, как бы завершал мероприятия Советской власти второй половины 1918 г., а с другой — открывал новый этап, когда постепенно сложилась продовольственная политика военного времени, основанная на разверстке и полном запрещении свободной торговли.

Вопрос о торговле, о товарообороте между городом и деревней являлся наиболее трудным и сложным и решен он был далеко не сразу, а лишь в ходе развертывания и обострения гражданской войны. Уже в мае 1918 г. в письме «О голоде» Ленин потребовал всемерного укрепления хлебной монополии и безусловного запрещения всякой частной торговли хлебом [55]. Но это ни в какой мере еще не означало ни отказа от товарообмена с крестьянством, ни требования полного запрещения частной торговли вообще. Для кулака — принудительное изъятие излишков, подоходно-поимущественный натуральный налог, для середняка и беднейших крестьян — товарообмен — так ставил Ленин вопрос в течение почти всей второй половины 1918 г.

«Мы должны суметь дать среднему крестьянину одно задание, — говорил он в конце ноября 1918 г., — *помочь в товарообмене*, в разобла-

[52] См. СУ, 1918, № 35, ст. 468.
[53] См. там же, 1918, № 82, ст. 864.
[54] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 93.
[55] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 358.

чении кулака» [56]. «... Увеличить товарообмен втрое, в десять раз, чем он идет сейчас» [57] — это требование Ленин выдвинул в речи на II съезде ВСНХ 25 декабря 1918 г.

Разъясняя идею товарообмена в статье «Успехи и трудности Советской власти» (март—апрель 1919 г.), Ленин писал: «Когда мы создавали комитеты бедноты, когда старались произвести товарообмен с деревней, мы стремились не к тому, чтобы богатый получил товары, а чтобы в первую голову получил бедняк те немногие товары, которые мог дать город, дабы, помогая бедноте, мы могли с ее помощью победить кулака и взять от него излишки хлеба» [58].

Однако если в 1918 г. удавалось с огромным трудом создавать хотя бы небольшой фонд промышленных товаров для обмена на хлеб, то в дальнейшем из-за отсутствия товаров вопрос о товарообмене фактически отпал. В этих условиях уже в начале 1919 г. Ленин сделал вывод, что «при недостатке продуктов бешеная спекуляция порождается при всяком шаге в сторону так называемой свободной торговли» [59].

В августе—октябре 1918 г. рядом постановлений ВСНХ и Наркомпрода были установлены новые твердые цены на основные продукты продовольствия и сырье (хлеб, масличные семена, жиры, яйца, гречиху, горох, фасоль, картофель, лен, кожу, мануфактуру).

Декрет СНК «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» от 21 ноября 1918 г., изданный в «целях замены частноторгового аппарата», может считаться поворотным пунктом в области торгового оборота. Снабжение населения должно было проводиться через единый заготовительный и распределительный орган — Наркомпрод. Частная торговля вводилась во все более и более узкие рамки. Государственная монополия охватывала значительный круг предметов продовольствия и широкого потребления.

Декрет о разверстке от 11 января 1919 г. устанавливал, что единственным заготовителем хлеба является государство и его орган — Наркомпрод. Для того чтобы обеспечить наиболее полный сбор продовольствия по разверстке, государственная монополия распространялась не только на хлеб, но почти на все основные продукты питания. В руки государства переходило снабжение населения. Однако и декрет о разверстке не означал еще полного запрещения всякой свободной торговли. Наоборот, в постановлении СНК от 21 января 1919 г. «О заготовке продовольственных продуктов» после перечисления продуктов питания, являющихся государственной монополией и подлежащих только государственной заготовке, давалось одновременно следующее указание: «Обязать все органы Советской власти строжайше и неуклонно наблюдать, чтобы свободному гужевому подвозу к рынкам всех остальных, не перечисленных выше продовольственных продуктов, а также из перечисленных, картофеля, и свободной продаже их на рынке не чинилось никем никаких препятствий или затруднений; виновных в чинении таковых предавать суду революционного трибунала» [60].

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 223 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[57] Там же, стр. 399.
[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 62.
[59] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 417.
[60] СУ, 1919, № 1, ст. 13.

Выступая 17 января 1919 г. на объединенном заседании ВЦИК и разъясняя резолюцию ВЦИК по продовольственному вопросу, подтверждающую незыблемость государственной монополии на основные продукты питания и передачу всего дела снабжения из частных рук в руки государства, В. И. Ленин в то же время требовал, чтобы местные организации «знали совершенно точно и ясно, какие продукты составляют монополию государства, какие продукты составляют предмет свободного провоза и свободной продажи» [61].

Однако с обострением гражданской войны продуктов, составляющих предмет «свободного провоза и свободной продажи», становилось с каждым месяцем все меньше и меньше, и государство вынуждено было наложить полный запрет на всякую частную торговлю.

К этому времени, к периоду 1919—1920 гг., и относилась много раз повторенная ленинская формулировка, что свобода торговли в разоренной, голодающей стране, в обстановке войны и интервенции является «государственным преступлением» [62]. На VII съезде Советов в декабре 1919 г. Ленин в наиболее категорической форме сформулировал этот вывод: «свобода продажи хлеба в голодной стране есть свобода спекуляции, свобода наживы для богачей. И мы говорим: на это мы не пойдем никогда, скорее ляжем все костьми, чем сделаем в этом уступки» [63].

Это говорилось в условиях, когда вся контрреволюция, все кулачество, все мелкобуржуазные партии сделали лозунг «свободы торговли» знаменем борьбы с Советской властью. Отсюда вытекали и категоричность ленинской формулировки и постоянное напоминание, что в обстановке «настоящего времени», когда идет тяжелейшая и жестокая война, когда в стране голод и разорение, а промышленность разрушена, всякая свободная торговля означает величайшую опасность для Советского государства.

Запрещение «свободной торговли» ни в какой мере не означало ни отрицания, ни забвения мелкотоварного характера крестьянского хозяйства и законов его развития. Наоборот, Ленин подчеркивал, что запретить торговлю, частный торговый оборот в условиях войны было абсолютно необходимо, но нельзя никакими государственными актами «запретить» или «отменить» мелкотоварный характер крестьянского производства. Теоретически он это сформулировал в выступлениях на VIII съезде РКП(б), когда в борьбе с Н. И. Бухариным и другими настаивал на сохранении в программе партии характеристики «старого капитализма». Крестьянин, — говорил Ленин, — «есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли» [64]. Если не принимать желаемое за действительное и не тешить себя иллюзиями, то надо признать, что «даже в России капиталистическое товарное хозяйство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как и во всяком капиталистическом обществе» [65].

[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 423.
[62] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 315.
[63] Там же, стр. 407.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 156.
[65] Там же, стр. 177.

В известной работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (октябрь 1919 г.) Ленин вновь вернулся к анализу экономики России, напомнив о наличии в ней ряда экономических укладов (в это время Ленин назвал только три основных уклада — капиталистический, мелкотоварный и социалистический). «Крестьянское хозяйство, — писал он, — продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом»[66]. Эту «азбуку» марксизма Ленин повторял и в самый разгар «военно-коммунистической» политики, когда требовал полного запрещения всякой свободной торговли.

На первый взгляд может показаться, что тут кроется противоречие, но на самом деле из ленинской оценки мелкотоварного характера крестьянского хозяйства, его удельного веса в экономике страны и вытекало безусловное требование полного запрещения торговли в условиях войны. По сути дела оно было обусловлено причинами не экономическими, а военными или военно-политическими. Крестьянин как мелкий товаропроизводитель экономически был заинтересован в том, чтобы выйти на рынок, продать продовольствие и хлеб как можно дороже, но в условиях разрухи, отсутствия товаров промышленного производства, нехватки хлеба это обрекло бы на голод рабочий класс, могло бы привести к гибели диктатуры пролетариата.

«*В стране, которая разорена, первая задача*, — говорил Ленин в мае 1919 г., — *спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.* Если он выживет, мы *все* спасем и восстановим». «...Наша главная основная задача — отстоять жизнь рабочего, *спасти рабочего*... Если мы спасем его на эти несколько лет, мы спасем страну, общество и социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство»[67].

Каутский и меньшевики называли такую политику «солдатским» или «потребительским» коммунизмом. Они «советовали» разрешить торговлю и «развивать производство» промышленных товаров.

«О, премудрые господа! — отвечал им Ленин. — Но как же вы можете развить производство в стране, которая ограблена и разорена империалистами, в которой нет угля, нет сырья, нет орудий?»[68] В этих условиях государственная организация распределения продуктов взамен частной спекулятивной торговли была единственным выходом для спасения рабочего и снабжения Красной Армии. Пользуясь данными, подготовленными ЦСУ, Ленин показал, что даже при полном запрещении свободной торговли рабочие только половину хлеба получали по твердым ценам от государства, а другую половину — от торговцев по спекулятивным ценам, в десять раз более высоким, чем государственные[69].

Поэтому пока остается товарное производство и пока есть голодные рабочие «рядом с прячущими излишек хлеба сытыми крестьянами»[70], —

[66] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 274.
[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.
[68] Там же, стр. 357.
[69] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 275.
[70] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 363.

до тех пор свободная торговля будет означать гибель для рабочего класса и диктатуры пролетариата. В этих условиях, даже вопреки законам товарного производства, мерами внеэкономического принуждения следовало запретить всякий частный торговый оборот, чтобы спасти революцию и ее завоевания.

Как же при таком решении вопроса сохранить союз рабочего класса и крестьянства — основу Советской власти? Эта задача стояла в центре внимания Ленина и в годы гражданской войны. В работах этих лет он показал, что союз с крестьянством получил свое полное подтверждение в успехах хлебозаготовок, успехах разверстки, когда крестьяне — мелкие товаропроизводители, лишенные к тому же права торговли, с каждым годом сдавали государству все больше хлеба, притом безвозмездно, в долг, чтобы спасти Советскую власть и ликвидировать опасность возвращения помещиков и буржуазии.

В. И. Ленин впервые привел данные о результатах государственных заготовок хлеба в речи на объединенном заседании ВЦИК 17 января 1919 г. Если в первое полугодие 1918 г. было заготовлено только 28 млн. пуд., то второе полугодие дало 67 млн. пуд.[71] С 1 августа 1918 г. по 1 августа 1919 г. заготовки поднялись почти до 110 млн. пуд.[72] (в условиях, когда основные хлебные районы были отрезаны от страны), а в 1919—1920 гг. — до 260 млн. пуд.[73]

«В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще, — писал Ленин в октябре 1919 г. — Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах... *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*»[74]. Впоследствии, на IX съезде РКП(б) Ленин привел данные ЦСУ, показывающие, что в 1918 и 1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали 7 пуд., а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пуд. хлеба в год (до войны — 16 пуд.). Следовательно, основные жертвы продолжал приносить рабочий класс, а «большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет в царской, капиталистической России»[75].

«...Будем бороться за братский союз рабочих и крестьян, сдающих хлеб в долг государству»[76], — призывал Владимир Ильич в годы гражданской войны.

Когда задача организации бедноты была решена, а производственная база кулачества значительно подорвана, Ленин при переходе к разверстке поставил вопрос о достижении прочного соглашения со средним крестьянством, которое стало к этому времени основной экономической силой в деревне. «Главный урок, — говорил Ленин на VIII съезде РКП(б), — быть чрезвычайно осторожным в нашем отношении к среднему крестьянству и к мелкой буржуазии»[77]. Он безбоязненно вскрыл

[71] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 465.
[72] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 274.
[73] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 285.
[74] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 276.
[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 255.
[76] Там же, стр. 70.
[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 136.

допущенные ошибки, когда «сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство» [78]. Не допускать никаких насилий по отношению к среднему крестьянству [79] — такова была ленинская линия, закрепленная в резолюции VIII съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству». В резолюции был намечен ряд практических мер хозяйственной помощи середняку, проведения в жизнь требований аграрной части программы партии (упорядочение крестьянского землепользования, снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями, улучшение породы крестьянского скота, распространение агрономических знаний, ремонт крестьянского инвентаря и т. д.). Было сделано строгое предупреждение против произвольных реквизиций и принуждения при создании сельскохозяйственных коммун.

В документе «К вопросу о взаимоотношениях со средним крестьянством», написанном Владимиром Ильичем в конце марта—начале апреля 1919 г., предлагалось тотчас ослабить чрезвычайный налог с середняка, послать на места специальные комиссии в защиту середняка, начать по этим вопросам кампанию в прессе, издать особый «манифест» о защите середняка, проверить (и отменить) принудительные меры при вступлении в колхозы, ослабить реквизиции и взыскания с середняка [80].

Эти меры, намеченные вскоре после перехода к разверстке, были необходимы для завоевания середняка, однако не все они могли быть проведены в жизнь в условиях разгорающейся войны и интервенции. Но чрезвычайно важна была политическая ориентировка, данная партией по вопросу о середняке, и ее теоретическое обоснование.

«Среднее крестьянство, — говорилось в резолюции VIII съезда РКП(б), — имеющее сравнительно крепкие экономические корни, в силу отсталости сельскохозяйственной техники от промышленной даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции» [81].

Этот вывод был зафиксирован в программе партии 1919 г., где прямо подчеркивалась необходимость считаться с тем, «что мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать» [82]. Если сопоставить это положение с тем, что было сказано за месяц до VIII съезда РКП(б) в положении ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», где все виды единоличного землепользования признавались «преходящими и отмирающими», то принципиальное значение того нового, что дала программа партии по этому вопросу, станет очевидным.

В. И. Ленин говорил в выступлении на I съезде сельскохозяйственных рабочих Петроградской губернии 13 марта 1919 г., что он принимал участие в выработке положения «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» и «был докладчиком

[78] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 146.

[79] См. там же, стр. 200.

[80] См. там же, стр. 413.

[81] Там же, стр. 207.

[82] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 424.

в комиссии, которую создал Центральный Исполнительный Комитет» [83]. В ленинских выступлениях конца 1918 г.—начала 1919 г. можно найти высказывания, ставящие непосредственно на очередь дня в качестве практической задачи меры перехода к общественной обработке земли, к крупному общему хозяйству как единственному средству выхода из нищеты и разорения [84]. Но и тогда Ленин неустанно подчеркивал, что «мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий, убеждать в неизбежности социализма» [85], а «переход от мелких единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли — требует долгого времени», «ни в коем случае не может быть совершен сразу», «без целого ряда постепенных предварительных ступеней» [86].

После VIII съезда партии предупреждения Ленина против применения малейшего насилия при вступлении крестьян в коммуны, напоминания, что нельзя «навязывать среднему крестьянину социализм силком» [87], стали еще определеннее. Переход к общественному хозяйству в деревне, указывал он, «можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами» [88]. В речи на первом съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей в декабре 1919 г. Ленин выразил эту мысль наиболее резко: «Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, — дай бог, чтобы при наших детях, а может быть, и внуках он был установлен у нас» [89].

Таким образом, красной нитью через все ленинские работы 1918—1920 гг. проходили основополагающие марксистские положения о характере и особенностях экономики России, о преобладании в деревне мелкого товарного производства, которое «ежедневно и ежечасно рождает капитализм», о сохранении на долгие годы крестьянского мелкого хозяйства, ибо мелких производителей нельзя прогнать как помещиков и капиталистов, «их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [90].

Однако одно важное и решающее звено, непосредственно вытекавшее из ленинской оценки характера крестьянского хозяйства, не было еще найдено на всем протяжении 1918—1920 гг. Это вопрос о рынке, о рыночных формах связи между промышленностью и мелким крестьянским хозяйством в условиях переходного периода. Если в 1918 г. была поставлена задача перехода от частной торговли к госкапиталистическим ее формам, то в 1919—1920 гг. всякая торговля, правда вынужденно, была совершенно запрещена. От учета и контроля за распределением продовольствия Советское правительство перешло к распределению и заготовкам хлеба только через государственные органы. В этих

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 27.
[84] См., например, речь В. И. Ленина на I Всероссийском съезде земельных отделов 11 декабря 1918 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 358.
[85] Там же, стр. 219.
[86] Там же, стр. 356.
[87] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 312.
[88] Там же, стр. 277.
[89] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 380.
[90] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

условиях вопрос об использовании госкапиталистических форм в экономике практически терял свое прежнее значение. В октябре 1919 г. Ленин подверг критике то толкование государственного капитализма, которое дал в письме на его имя Г. В. Чичерин, и сделал на полях этого письма ряд замечаний. Он выделил слова Чичерина: «У нас еще не коммунизм, а государственный капитализм...» — и по этому поводу сделал следующий вывод: «По-моему, нет. У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство» [91].

Эта ленинская формулировка явно вытекала из сложившейся практики отношения к товарному производству как к преходящей форме, которая все больше будет заменяться непосредственным обменом между промышленностью и земледелием. В других своих работах и выступлениях 1919 г. и большей части 1920 г. Ленин к вопросу о госкапитализме больше не возвращался. И это понятно. Полное запрещение частной торговли временно снимало вопрос о госкапиталистических формах ее организации. Кооперация превратилась в аппарат только распределения, а не заготовок. Постепенно, в связи с отсутствием товаров промышленного производства, был снят практически и вопрос о товарообмене с крестьянством.

Программа партии 1919 г. поставила задачу «неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т. е. в общую собственность всех трудящихся» [92]. Эта задача в основном была решена в 1919—1920 гг., когда была осуществлена сначала национализация крупной промышленности, а затем средней и даже мелкой. В эти годы сложилась и система централизованного управления промышленностью. Вопрос об использовании госкапиталистических форм в промышленности, таким образом, тоже снимался, за одним только исключением. Иностранные концессии продолжали признаваться принципиально допустимыми [93], но практически даже переговоры о концессиях в условиях блокады и войны были чрезвычайно затруднены, а возможность заключения концессионных договоров почти совсем исключалась [94].

Обстановка гражданской войны требовала прежде всего организации государственного обмена между городом и деревней. «...Продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» [95] — так эту задачу определяла программа партии.

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 357. Ленин подчеркнул также слова письма: «У нас Красная Армия государственного капитализма» и написал против них на полях: «Это уже совсем неверно».

[92] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 421.

[93] В феврале 1919 г., обсуждая вопрос о предоставлении концессии на великий Северный железнодорожный путь, СНК по предложению Ленина признал «концессии представителям иностранного капитала вообще, с принципиальной точки зрения, допустимыми в интересах развития производительных сил» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 473).

[94] О концессионной политике Советского государства, в частности в 1918—1920 гг., см.: В. А. Шишкин. В. И. Ленин и разработка советской концессионной политики (1918—1921 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1968, № 6.

[95] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 425.

Именно в этом направлении и велись В. И. Лениным поиски наиболее экономного пути социалистической реорганизации экономического строя России. Ленин писал и говорил тогда о необходимости обеспечить сбор хлеба с крестьян *не капиталистическим путем*, а выйти на дорогу «действительно *социалистических* заготовок хлеба, когда хлеб перестал быть товаром, перестал быть предметом спекуляции» [96]. Суть здесь заключалась не в разверстке как таковой, поскольку разверстка означала сдачу хлеба без вознаграждения, без всякого эквивалента, а в правильном товарообмене или продуктообмене с деревней, когда взамен продовольствия и хлеба крестьяне получат промышленные товары и долг крестьянству будет возвращен сторицей.

Чтобы достигнуть этого, необходимо было восстановить промышленность и на этой основе двигаться вперед в организации обмена между земледелием и социалистической индустрией. Как только обстановка позволила, еще в ходе войны, задача первоочередного восстановления промышленности была поставлена в решении IX съезда партии «Об очередных задачах хозяйственного строительства». Начать с промышленности — таков был основной замысел дальнейшей экономической политики. Устанавливалась определенная очередность восстановления промышленности: сначала улучшение состояния транспорта и образование необходимых запасов хлеба, топлива и сырья; затем развитие машиностроения для транспорта и для добычи топлива, сырья и хлеба, машиностроения для производства продуктов массового потребления; наконец, восстановление легкой промышленности и усиленное производство продуктов массового потребления. В основу этой программы хозяйственного возрождения страны был положен единый хозяйственный план — план ГОЭЛРО, который начал разрабатываться с февраля 1920 г. Говоря о задаче восстановления промышленности не по-старому, а по-новому, на базе электрификации, Ленин в докладе на февральской сессии ВЦИК 1920 г. непосредственно связал план ГОЭЛРО с перспективами во взаимоотношениях между городом и деревней.

«...Мы ставим своей задачей, — говорил он, — возвратить крестьянству то, что мы получили в ссуду от него в виде хлеба, ибо мы знаем, что бумажные деньги это, конечно, не есть эквивалент хлеба. Эту ссуду мы должны вернуть посредством организации промышленности и снабжения крестьян ее продуктами» [97]. Развитие промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, продолжал далее Ленин, свяжет город и деревню, покончит с рознью между ними и покажет крестьянству правильность пути, по которому идет Советская власть.

Когда война уже подходила к концу, в ноябре 1920 г., в речи на московской губернской партконференции Ленин со всей определенностью сказал о сложившемся тогда плане экономической политики. «...Россия берется за восстановление разрушенного производства и получит возможность, взимая с деревни хлеб, давать крестьянину соль, керосин и, хотя бы в небольших размерах, мануфактуру. Без этого о социалистическом строительстве не может быть и речи» [98].

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 119 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[97] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 109.
[98] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 27.

Борьба за восстановление промышленности интенсивно развернулась уже в 1920 г., и к концу года были достигнуты первые результаты. Но через несколько месяцев, в начале 1921 г. стало ясно, что начать восстановление народного хозяйства с промышленности будет невозможно. Тогда и пришлось коренным образом менять найденный и продуманный ранее план экономической политики, тот план, который Ленин позднее назвал планом непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем, когда рассмотрим соответствующие высказывания Ленина уже в свете последующего развития, после перехода к нэпу.

В этой связи следует объяснить, почему в ноябре—декабре 1920 г., накануне перехода к нэпу, были приняты некоторые декреты и постановления Советского правительства, усиливающие и как бы окончательно завершающие всю сложившуюся в 1919—1920 гг. систему военно-коммунистической политики.

Речь идет прежде всего о декабрьских декретах 1920 г., устанавливающих полную бесплатность снабжения и обслуживания государством населения [99].

Фальсифицируя факты, меньшевики в «Социалистическом вестнике» пытались потом доказать, что «военный коммунизм» в Советской России не был якобы вынужден войной и разорением, а по сути дела был введен в конце 1920 г., когда война заканчивалась или уже совсем закончилась.

На самом деле декреты о бесплатности услуг, так же как и связанная с ними подготовка постановления об отмене всех денежных налогов, явились неизбежным и логическим завершением процесса развития военно-коммунистической политики в 1919—1920 гг. Падение стоимости денег, их как бы постепенное «отмирание», отмена денежных расчетов обусловили почти полный переход к натурализации заработной платы, а отсюда и к бесплатному отпуску продуктов и товаров населению. Бесплатно по карточкам выдавалось только минимально необходимое для сохранения сил рабочего класса. Это же относилось и к коммунальным услугам, к снабжению топливом, электроэнергией и т. д. Все это было следствием войны, крайней нужды и разорения.

В советской литературе того времени можно, конечно, найти оценку декретов о бесплатности услуг как решающего шага для перехода к коммунистическому распределению. Так, в посвященной декрету от 4 декабря 1920 г. статье под названием «На пути к коммунизму» [100] говорилось, что «бесплатное получение от государства продовольствия является чисто социалистическим актом». Правда, одновременно указывалось, что сам декрет вызван обесценением рубля и необходимостью дальнейшей

[99] См. декреты Советского правительства: от 4 декабря 1920 г. «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов»; от 17 декабря «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления»; от 23 декабря «Об отмене денежных расчетов за пользование почтой, телеграфом, телефоном и радиотелеграфом»; от 27 января 1921 г. «Об отмене взимания платы за жилые помещения с рабочих и служащих и за пользование водопроводом, канализацией и очисткой, газом и электричеством...» (СУ. 1920, № 93, ст. 505, № 99, ст. 531, № 100, ст. 539; 1921, № 6, ст. 47).

[100] «Вестник агитации и пропаганды», 1920, № 4, 25 декабря.

натурализации заработной платы. Такая трактовка была тогда естественна и понятна, ибо вера в возможность близкого и быстрого осуществления конечной цели — коммунизма умножала силы и помогала в трудной борьбе. «Если кто-либо из коммунистов мечтал, — говорил впоследствии Ленин на X съезде партии, — что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, был фантазер. И — нечего греха таить — таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?» [101].

Но если обратиться к работам самого Владимира Ильича периода 1919—1920 гг., то в них нередко можно найти предупреждения против излишних иллюзий и преувеличений в оценке быстроты достижения действительно коммунистических отношений. Не случайно он говорил о необходимости правильного понимания сущности социализма и его высшей стадии — коммунизма в докладе о субботниках на московской общегородской конференции РКП(б) 20 декабря 1919 г. Объясняя причины переименования партии, Ленин указывал, что «вместе с тем добром, которое отсюда воспоследовало, может быть, создалась для нас и некоторая опасность» [102], ибо слово «коммунизм» стало употребляться без правильного понимания его значения. «...Если название „коммунистическая партия" истолковать так, как будто коммунистический строй осуществляется сейчас, то получится, — говорил он, — величайшее извращение и практический вред, сводящийся к пустейшему бахвальству. Вот почему слово „коммунистический" требует к себе очень осторожного отношения...» [103]

Отсюда следовал ленинский вывод, что «с точки зрения тех, кто делает первые шаги для полной победы над капитализмом, понятие „коммунизм" является слишком далеким» [104], что современный экономический строй Советской России представляет собой лишь закладывание основ социализма в крупном производстве, но «коммунистического в нашем хозяйственном строе пока нет ничего». Ленин добавлял: «Если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники...» [105]

Даже в условиях вынужденного проведения мероприятий, носящих характер, как говорил Ленин, слишком поспешного, прямолинейного, неподготовленного «коммунизма», вызванного войной и «невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики» [106], он всегда исходил из незыблемости основ марксистского учения о переходном периоде от капитализма к социализму как целой исторической эпохе создания экономической базы социализма. Ленин достаточно ясно высказал свою точку зрения по этому поводу, отвечая в феврале 1920 г. корреспонденту американской газеты «The World» («Мир»). На трудный, с точки зрения корреспондента, вопрос: «Когда, по Вашему мнению, будет завершено

[101] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 60.
[102] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 33.
[103] Там же, стр. 34.
[104] Там же.
[105] Там же, стр. 35, 36.
[106] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 372.

строительство коммунизма в России?» — он сразу же получил от Ленина следующее разъяснение:

«Мы намерены электрифицировать всю нашу промышленную систему путем создания электростанций на Урале и в других местах. Наши инженеры говорят нам, что на это потребуется десять лет. Завершение электрификации явится первой важной ступенью на пути к коммунистической организации экономической жизни общества. Вся наша промышленность получит энергию от общего источника, способного снабжать в одинаковой степени все ее отрасли. Это устранит непроизводительное соперничество в поисках топлива и создаст прочную экономическую основу для предприятий обрабатывающей промышленности, без чего мы не можем надеяться достичь такого уровня обмена продуктами первой необходимости, который бы соответствовал принципам коммунизма» [107].

Завершение электрификации, осуществление плана ГОЭЛРО, составляя важнейшую задачу переходной эпохи, явилось бы, таким образом, только первой ступенью создания материально-технической базы социализма, а затем на этой основе можно было достигнуть такого уровня обмена продуктами, который соответствовал бы принципам коммунизма. При любых условиях и при самых быстрых темпах это требовало по меньшей мере нескольких десятилетий, сравнительно долгой подготовки и борьбы для завершения переходного периода и обеспечения действительной победы коммунизма.

Так вырисовывались и складывались основы экономической политики диктатуры пролетариата сначала в 1918 г., а потом в годы гражданской войны. Только когда война закончилась и создалась новая международная и внутренняя обстановка, когда изменилась расстановка классовых сил внутри страны, возникла необходимость коренного изменения ранее намеченных основ экономической политики. Гениальный ленинский анализ позволил определить новые основы и найти новые пути социалистического строительства в сравнительно короткие сроки и без больших издержек. Но все же поиски новой экономической политики продолжались несколько месяцев, примерно с декабря 1920 по март 1921 г., а в некоторой мере захватили почти весь 1921 г.

[107] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 155—156.

Глава вторая

ПЕРЕХОД ОТ ВОЙНЫ К МИРУ И «КРЕСТЬЯНСКИЙ КРИЗИС»

1.

Начало мирной полосы развития и показания крестьянского «барометра» (по материалам крестьянских писем)

В конце 1920 г., после победоносного окончания гражданской войны и разгрома иностранной военной интервенции, Советская страна вступила в полосу мирного социалистического строительства. В. И. Ленин впервые сказал об этом в своей речи на московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г., т. е. сразу же после разгрома Врангеля и освобождения Крыма. Он напомнил, что уже дважды — весной 1918 и весной 1920 г., в моменты временной передышки в войне, ставилась задача перехода от войны к миру и переключения главного внимания на хозяйственный фронт. Но «передышка, которую мы тогда имели, оказалась самой ничтожной» [1]. Иное положение создалось в конце 1920 г. «...Если мы взглянем на те условия, при которых мы разбили все попытки русской контрреволюции и добились формального заключения мира со всеми государствами Запада, то станет ясно, что мы имеем не только передышку, — мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано» [2].

Наступление новой полосы развития Ленин определял исходя прежде всего из коренного изменения международной обстановки в результате поражения империалистов в открытой военной борьбе против Советской власти. Сам факт победы молодого Советского государства имел огромное всемирно-историческое значение. Но одновременно Ленин подчеркивал, что если рассматривать эту победу в международном плане, то поставленная цель полностью не была достигнута. «Из империалистической войны буржуазные государства успели выйти буржуазными» [3], и в этом смысле получилось так, что «ни победы, ни поражения ни та, ни другая

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 27.
[2] Там же, стр. 22.
[3] Там же, стр. 21.

сторона, ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили...» [4].

Социалистическая революция в других странах не произошла, но и Советскую власть империалистам не удалось свергнуть благодаря огромной поддержке международного пролетариата. Это создавало совершенно новую ситуацию длительного сосуществования первого в мире социалистического государства и капиталистических стран. Если три года назад, говорил Ленин, вопрос о победе пролетарской революции в России ставился так, что она могла быть прочной лишь при условии поддержки ее пролетарской революцией на Западе, то теперь, после трех лет ожесточенной борьбы, ясно видно, «в каком отношении наши предсказания не оправдались и в каком отношении оправдались» [5]. «Они не оправдались в том отношении, — отмечал он, — что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось»: международная победа социализма не была завоевана, но главное было достигнуто — международная пролетарская солидарность и разбуженные революцией силы пришедшего к власти рабочего класса России обеспечили возможность «существования пролетарской власти и Советской республики, даже в случае затяжки социалистической революции во всем мире» [6].

В этой постановке вопроса несомненно содержалась несколько иная ориентировка партии, нежели в предшествующие годы. «...Устроиться так, чтобы в капиталистическом окружении существовать» [7] — так определил Ленин задачу взаимоотношений социалистического государства с капиталистическими странами в условиях новой полосы развития.

Не менее важна была и ленинская оценка расстановки классовых сил внутри страны после окончания гражданской войны. В речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. Ленин дал четкую характеристику классовых сил в стране, их состояния и группировки. Этих сил, указывал он, в главном, общем и основном три. Первая сила — рабочий класс. Этот класс претерпел огромные изменения за годы революции, он стал господствующим классом и с наибольшей твердостью и непреклонностью осуществлял свое политическое господство. Но именно поэтому рабочий класс «подвергся за эти три с половиной года политического господства таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории. И понятно, что, в результате такого сверхчеловеческого напряжения, мы имеем теперь особую усталость и изнеможение и особую издерганность этого класса» [8].

С одной стороны, накопление рабочим классом огромного опыта руководства государством, а с другой — усталость и изнеможение, уменьшение его рядов почти вдвое, частичное деклассирование — таково было основное противоречие в положении рабочего класса в обстановке мирной полосы развития.

Известное ослабление классовой базы диктатуры пролетариата было особенно опасно в условиях, когда после окончания войны усилились

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 20—21.
[5] Там же, стр. 20.
[6] Там же, стр. 20, 21.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 176.
[8] Там же, стр. 132—133.

колебания и недовольство крестьянства. Характеризуя вторую силу революции — крестьянство, Ленин указывал, что оно составляет подавляющее большинство населения России и представляет собой силу колебания между рабочим классом и буржуазией. Рабочий класс сумел обеспечить руководство крестьянством, завоевать его поддержку в войне против помещиков и буржуазии. Но получив и отстояв в борьбе помещичью землю, расправившись с кулачеством, крестьяне переходили к своему хозяйству на общенародной земле и сами превращались в хозяйчиков. Крестьянство осереднячивалось, удельный вес мелкотоварного крестьянского хозяйства возрастал, и поэтому «деревня стала за это время более мелкобуржуазной» [9]. Таковы были те изменения в крестьянстве, которые в значительной степени усиливали его колебания.

Наконец, третья сила — помещики и капиталисты. «Эту третью силу мы не видим, — говорил Ленин, — она перешла за границу, но она живет и действует в союзе с капиталистами всего мира...» [10] В результате поражения, которое буржуазия и помещики потерпели в вооруженной войне с Советской властью, они вынуждены были изменить формы и тактику борьбы — перейти от методов «взрыва извне» к методам «взрыва изнутри».

Изменения в соотношении классовых сил сводились, таким образом, к тому, что основная линия классовой борьбы развертывалась в одном решающем направлении — между пролетариатом и буржуазией — *за крестьянство*. Усилившиеся колебания крестьянства представляли огромную опасность в момент, когда, с одной стороны, налицо было некоторое ослабление и деклассирование рабочего класса, а с другой — силы контрреволюции перестраивали свои ряды, переходя к новым методам борьбы, нередко не менее, а еще более опасным, чем открытая война.

Переход от войны к миру в условиях разоренной страны сам по себе представлял огромные трудности. Надо было, по образному выражению Ленина, «перевести поезд на другие рельсы, а этот поезд должен тащить десятки миллионов людей. Переход такой штучки на другие рельсы, когда местами и рельс нет, требует напряженного внимания, знания и очень много настойчивости» [11]. Новая расстановка сил усиливала трудности. Уже в ноябре 1920 г. Ленин говорил, что переход от войны к миру потребует «иных приемов, иного распределения и использования сил, иного устремления внимания, психологии и т. д.» [12] Эти новые приемы и новое распределение сил далеко не сразу были найдены. Но с конца 1920 г. становилось ясно, что на первый план выдвигается «крестьянский вопрос», вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Об этом говорил прежде всего тяжелейший кризис крестьянского хозяйства и растущее в связи с этим недовольство крестьянства продовольственной разверсткой. Одним из показателей недовольства являлись кулацкие мятежи, мутным потоком разлившиеся по стране с конца 1920 г. Кулачество боролось против Советской власти на протяжении всей гражданской войны. Но в кулацком бандитизме второй половины

[9] Там же, стр. 136.
[10] Там же, стр. 138.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 32.
[12] Там же, стр. 28.

1920—начала 1921 г. появились особые черты. Его масштабы стали больше и шире не только по охваченной бандитизмом территории (Тамбовская губ., Поволжье, Украина, Сибирь), но и по числу участников, среди которых были представители не только кулачества, но и части среднего крестьянства. Это создавало видимость массовой базы для планируемых контрреволюцией попыток «взрыва изнутри».

Даже в тех районах, где не было кулацких восстаний (центральные губернии, север России, Белоруссия и т. д.), рост недовольства крестьянства сказывался все более явственно. Оно нашло свое отражение в массе крестьянских писем, жалоб, ходатайств, хлынувших как в местные советские и продовольственные органы, так и в центральные — в Наркомпрод, Наркомзем, ВЦИК, СНК, а также лично на имя В. И. Ленина и М. И. Калинина. Архивы сохранили множество подобных крестьянских документов, которые до сих пор мало еще использованы и проанализированы историками. А между тем крестьянские письма Ленин называл одним из лучших «барометров» настроений крестьян.

Огромную работу по разбору крестьянских писем и жалоб проводили аппарат Президиума ВЦИК и специально выделенный для этой цели уполномоченный Наркомпрода при председателе ВЦИК. Поэтому материалы Президиума ВЦИК и приемной М. И. Калинина являются наиболее достоверным источником для изучения данного вопроса. Правда, здесь сосредоточены преимущественно запросы уполномоченного Наркомпрода, посылаемые на места по поводу крестьянских ходатайств и жалоб, с требованием их рассмотрения и принятия необходимых мер. Но сохранилось немало и самих крестьянских писем [13]. Попытка анализа и обобщения этих материалов дает возможность представить характер жалоб и просьб, общую картину роста недовольства крестьянства.

Всего за год, с марта 1920 г. по март 1921 г., уполномоченный Наркомпрода послал в 38 губерний 578 запросов в связи с жалобами крестьян. Большое количество запросов (49) падало на март 1920 г. Когда началась война с Врангелем и белополяками, крестьянские жалобы и запросы по ним почти прекратились (в апреле не было послано ни одного запроса, в мае и июне — по 3 запроса, в июле — 8). Но в августе количество запросов вновь поднялось до 43, а сентябрь 1920 г. дал резкий скачок — 159 запросов в соответствии с таким же количеством крестьянских жалоб. В октябре—декабре 1920 г. на места отправили 228 запросов (в октябре — 91, ноябре — 53, декабре — 84) в связи с жалобами крестьян главным образом на трудности выполнения разверстки. В январе и феврале 1921 г. число писем и запросов по ним несколько сократилось (январь — 59, февраль — 26), но увеличилось количество ходоков, направлявшихся с жалобами прямо в Москву. Из 578 заявлений крестьян, поступивших в Президиум ВЦИК с марта 1920 г. по март 1921 г., 35 было передано во ВЦИК ходоками, делегированными из Владимирской, Витебской, Екатеринбургской, Новгородской, Рязанской, Смоленской, Самарской, Тульской, Калужской и Ярославской губерний.

Запросы уполномоченного Наркомпрода, а следовательно, и жалобы крестьян шли преимущественно из центральных губерний. Так, из 472 запросов, посланных с сентября 1920 г. по конец февраля 1921 г., на

[13] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 56, д. 9 и 10; оп. 57, д. 36.

Владимирскую губ. приходилось 70 запросов, Тульскую — 61, Рязанскую — 54, Московскую — 51, Тверскую — 35, Калужскую — 29, Орловскую — 24. Намного меньшим было количество крестьянских жалоб из губерний Поволжья (30), Севера (42), Центрально-Черноземной области (9) и Белоруссии (10) [14]. Лишь одиночные жалобы и заявления поступали из Сибири, Донской области, с Урала. Показательно также, что из губерний, охваченных кулацкими мятежами (например, Тамбовской), в сентябре—декабре 1920 г. поступило 25 жалоб, а в январе—феврале 1921 г. — в самый разгар мятежа — ни одной.

Такая своеобразная география крестьянских жалоб объяснялась рядом причин. Во-первых, крестьяне центральных губерний за три года прочно усвоили, что Советская власть — это народная власть, у которой можно всегда найти защиту. Они знали законы Советской власти, ссылались на них, требовали их выполнения. В Сибири же и на Северном Кавказе Советская власть в 1920 г. только была восстановлена, там впервые проводилась разверстка, да и связь с центром была трудной. К тому же эти губернии (как и Украина) сильнее, чем другие, были охвачены кулацким бандитизмом. Во-вторых, именно центральные, нехлебные губернии особенно сильно испытывали тяжесть продразверстки. В условиях транспортного кризиса подвозить хлеб с Северного Кавказа или из Сибири было труднее, чем из близких к центру районов. Вот почему основной поток писем шел из Владимирской, Орловской, Калужской, Рязанской, Тверской и Тульской губерний.

Около 600 крестьянских писем на всю огромную крестьянскую Россию, даже при явной тенденции их роста в последние месяцы 1920 г.[15], — это, конечно, не так уж много, чтобы судить о настроениях многомиллионного крестьянства. Но жалобы поступали, как правило, не от отдельных крестьян, а от целых деревень и волостей или групп деревень и выражали настроения многих тысяч и десятков тысяч крестьян. Если добавить к этому множество крестьянских писем, хранящихся в архивах Наркомпрода, Наркомзема, в личном фонде М. И. Калинина (находится в ЦПА ИМЛ), в архивах ЦК партии и отдела ЦК по работе в деревне, а также письма, посланные на имя В. И. Ленина и в адрес местных советских и продовольственных организаций, то количество непосредственных крестьянских документов возрастет во много раз. Точный подсчет здесь вряд ли возможен, но и те данные, которые приведены, достаточно убедительны. К тому же понятно, что далеко не все крестьяне были достаточно политически активны и даже просто грамотны, чтобы фиксировать свое недовольство в письменном документе и обращаться к центральной власти с просьбами и жалобами [16].

Выборочный анализ содержания крестьянских писем показывает, что они отражали настроения, чаяния, пожелания преобладающего большинства трудового крестьянства России.

[14] Подсчеты сделаны научным сотрудником Института истории СССР АН СССР Н. П. Жилиной.

[15] Из 578 жалоб около 400 приходилось только на сентябрь—декабрь 1920 г.

[16] О росте недовольства крестьянства продразверсткой сигнализировали и другие материалы. См., например, анализ докладов и сводок с мест о настроениях крестьянства в конце 1920—начале 1921 г. в книге Ю. А. Полякова «Переход к новой экономической политике и советское крестьянство» (М., 1967, стр. 196—198).

В этих письмах и жалобах даже в январе и феврале 1921 г. не было прямых требований отмены разверстки или отказа от ее выполнения. Крестьяне писали только о непосильности разверстки, о неправильных методах ее взимания, жаловались на действия местных властей и продовольственных органов, просили сократить или уменьшить разверстку. И все же в этих письмах содержалась открытая и суровая критика недостатков продовольственной политики. Крестьяне красноречиво объясняли, почему они мирились с разверсткой в условиях войны и почему в новых условиях она становится для них непосильной.

Необычайно ярко об этом говорилось, например, в наказе, данном 12 сентября 1920 г. общим собранием Шуструченского общества Вознесенского района Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии своим делегатам, командированным в Москву для переговоров с центральной властью. «Три года уже тянется война с буржуазными хищниками, требуя от государства все новых и новых жертв, невероятных усилий и лишений, значительная часть коих ложится на нас, крестьян. Каждый новый день несет с собою новые тяготы: то мобилизация лошадей, то рогатого скота, различные трудовые повинности, разверстки и прочее. Однако, вполне сознавая, что залог успешности окончания войны всецело зависит от максимума энергии, проявленной тылом, мы, крестьяне, безропотно, хотя и с неимоверными трудностями, переносили и переносим все лишения и тяжести» [17]. Далее в наказе указывалось, что увеличение разверстки в 1920 г. является непосильным для крестьянства, а отсутствие в деревне обуви, одежды и необходимых в хозяйстве промышленных изделий еще больше усиливает трудности. Заключался наказ совершенно ясным выводом: «...Несмотря на это, мы заявляем здесь и заявляли своим местным властям, что мы по мере своих сил, по мере возможности готовы помогать, не отказываемся совершенно от помощи своей стране, измученной долголетней войной, но предъявленных к нам требований при всем желании выполнить не можем» [18].

Примерно в таком же духе и с такими же выводами в Президиум ВЦИК был представлен еще один документ — протокол общего собрания уполномоченных от граждан Фоминской волости Гороховецкого уезда Владимирской губернии, состоявшегося в с. Фоминки 10 августа 1920 г.[19] В этом протоколе были записаны жалобы крестьян, но конкретные предложения в связи с разверсткой не выдвигались. Предлагалось только организовать всероссийское обсуждение новых задач и мер помощи крестьянскому хозяйству. Среди ходоков, которые с этой целью посылались в Москву, был и Иван Афанасьевич Чекунов, который побывал на приеме у Ленина 28 февраля 1921 г. и по предложению Владимира Ильича был затем введен в состав коллегии Наркомзема [20].

Во ВЦИК к М. И. Калинину шли не только коллективные заявления, но и жалобы отдельных крестьян. 63-летний крестьянин Павел Васильевич

[17] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 56, д. 9, л. 405.
[18] Там же, л. 406.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, ед. хр. 144, лл. 35—39.
[20] Об И. А. Чекунове, о приемах его Лениным речь еще пойдет впереди. Отметим только, что в 1925 г. И. А. Чекунов в воспоминаниях «Три встречи с Лениным» рассказывал, что был у Ленина на приеме в 1918, 1920 и 1921 гг. («О Ленине». Сборник. М., 1939, стр. 590—592). Возможно, что прием в 1920 г. был связан именно с названным выше документом.

евич Ершов из Нижне-Санарской станицы Троицкого уезда Челябинской губернии, отец трех сыновей (один из них — член колхоза, а два — в Красной Армии), в письме от 14 января 1921 г. сообщал о непосильности разверстки, о том, что отбирают не только излишки, но не оставляют даже зерна на посев. П. В. Ершов ссылался на постановления VI и VII съездов Советов, на Конституцию РСФСР, на декрет от 30 октября 1918 г. о натурналоге и декрет о разверстке, доказывая, что «разверстка ни в коем случае не распространяется на хозяйства, не имеющие излишков».

«Мне известно, — писал в этом письме П. В. Ершов, — насколько внимательно и настойчиво Советское правительство рекомендует увеличение площади посева, но при таких обстоятельствах едва ли все его настояния не останутся тщетными. Только там посеют нормально, где и семян будет иметься в достаточном количестве и лошади будут не изнурены и с кормом зимой» [21].

В письме красноармейца из села Мокрое Елатомского уезда Тамбовской губернии Петра Трофимовича Сипина с жалобами на злоупотребления при сборе разверстки резко был сформулирован следующий вывод: «Настроение крестьян таково, что, если подобные явления в нашем уезде в скором времени в корне не пресекутся, там неминуемо вспыхнет восстание и восстание будет не кулацкое, а трудового населения, потерявшего всякую надежду на торжество справедливости» [22].

Это письмо, датированное январем 1921 г., по распоряжению М. И. Калинина было послано в ВЧК Ф. Э. Дзержинскому «для обследования продовольственной работы Елатомского уезда и для привлечения нарушителей закона к следствию и суду» [23].

Ходатайства и жалобы крестьян иногда поддерживали местные сельские и волостные коммунистические ячейки, как это было, например, с письмом из села Фоминки Владимирской губернии.

Интересный документ, адресованный лично В. И. Ленину, поступил от Бакурской волостной организации РКП(б) Сердобского уезда Саратовской губернии. Ответ Ленина Бакурской организации давно опубликован и широко известен [24]. Судя по нему, секретарь Бакурской волостной партоорганизации Иван Петрович Турунен привез и передал для Владимира Ильича жалобу бакурских коммунистов на контрреволюционные действия местных властей [25]. Повидать Ленина ему не удалось, но по указанию Владимира Ильича Турунен был направлен в Наркомзем, где получил необходимый совет. В. И. Ленин этим не ограничился и 21 января послал свой ответ Бакурской волостной организации РКП(б) (копия Саратовскому губкому партии и губисполкому). С огромной радостью встретили коммунисты села Бакуры письмо от В. И. Ленина.

За десять дней до посылки ленинского письма — 11 января 1921 г. — в Саратовский губисполком и губком партии была послана телеграмма

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 78 (М. И. Калинина), оп. 1, ед. хр. 42, лл. 1—2.

[22] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 56, д. 10, л. 427.

[23] Там же, л. 424.

[24] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 52—53.

[25] Об истории посылки письма В. И. Ленину от Бакурской волостной организации РКП(б) см. также: «Из автобиографии И. П. Турунена». — «Новый мир», 1967, № 10.

за подписью управляющего делами СНК Н. П. Горбунова следующего содержания: «По полученным сведениям, в Бакурской волости контрреволюционеры под видом продработников провоцируют Советскую власть, издеваются над неимущими, воруют, пьянствуют, насилуют женщин, ведут контрреволюционную агитацию. Прошу срочно эти сведения проверить через Бакурский партком и другими путями и о результате сообщить мне для доклада тов. Ленину» [26].

Текст письма бакурских коммунистов до сих пор не найден и о его содержании можно было судить только по ответу В. И. Ленина. Однако в делах отдела по работе в деревне ЦК РКП(б), в материалах Саратовского губкома и укомов РКП(б) сохранилось письмо И. П. Турунена, датированное 3 января 1921 г. и адресованное В. И. Невскому, заведующему отделом по работе в деревне ЦК партии. В. И. Ленину И. П. Турунен, возможно, отвез другое письмо, но большого различия в текстах этих писем, посланных почти одновременно, по существу не могло быть.

Интересны автобиографические данные И. П. Турунена, сообщенные в письме к В. И. Невскому: «Бывший рабочий Путиловского завода, потерпевший и от царской полиции и от нынешней контрреволюции, член партии большевиков с 1905 г.» [27]. По национальности Иван Турунен фини, в 1917 г. он являлся председателем коллектива большевиков Шрапнельского округа Путиловского завода и тов. председателя штаба Красной гвардии Петроградского района. В августе 1918 г. был послан в Пермскую губернию для проведения мобилизации в Красную Армию, зверски избит там восставшим кулачеством. Вернувшись тяжелобольным в Петроград, Турунен по совету врачей был направлен «на выздоровление» в Саратовскую губернию, где с января 1920 г. заведовал отделом по работе в деревне Сердобского укома РКП(б) и был избран членом Саратовского губисполкома. Но в связи с плохим состоянием здоровья Турунен был по его просьбе направлен в село Бакуры, где избран ответственным секретарем волкома РКП(б) и членом волисполкома.

«Не могу молчать и считаю своим моральным долгом осветить одну [из] печальных сторон жизни деревни, — писал И. Турунен. — На Бакурскую волость пала разверстка непосильная... Сердобский райпродком, требуя выполнения 100% разверстки, приказывает именем центра чистить под метелку, не оставляя ни фунта на прокормление крестьян... Но учитывая благоразумие центра, не могу верить, что приказано центром чистить догола неимущего» [28]. В письме разоблачались контрреволюционные действия местного продовольственного агента, некоего Анашкина, который по приказу волкома был арестован, а сердобскими властями освобожден. «Прошу отдел по работе в деревне, — говорилось в заключительной части письма, — командировать надежного товарища (лениниста) проверить здесь на месте вышеизложенное, который не ограничился бы одним уездным докладом, а заслушал бы и доклад Бакурского волкома РКП(б)» [29].

[26] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 725, л. 91.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, ед. хр. 201, л. 51—52. В именном указателе к Сочинениям В. И. Ленина названа другая дата вступления И. П. Турунена в партию — март 1917 г. (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 508).
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, ед. хр. 201, лл. 51—52.
[29] Там же, л. 52.

Бакурские коммунисты получили больше, чем просили, — ответ самого Ленина, по письму которого были приняты меры, пресекшие контрреволюционные действия отдельных местных продработников.

В 1965 г. было впервые опубликовано ответное письмо И. Турунена В. И. Ленину, посланное 25 января 1921 г.[30] «Ваше письмо, — писал Турунен Владимиру Ильичу, — дало живую воду местному крестьянству, уверенность волостной организации РКП в его правильных революционных действиях и послужит пробуждением революционной деятельности укома РКП».

В крестьянских письмах и заявлениях содержались не только жалобы и конкретные просьбы, но выдвигались и некоторые предложения, как улучшить дело, как помочь крестьянскому хозяйству. Чаще всего ставился вопрос о том, чтобы не просто уменьшить разверстку или устранить злоупотребления при ее взимании, но установить определенную норму разверстки, которая заранее будет известна крестьянам.

«Посему просим указать нам норму» [31], — писали в заявлении на имя М. И. Калинина крестьяне Антоновского сельсовета Оршанского уезда Витебской губернии 13 февраля 1921 г. «Просим указать, какова должна быть норма разверстки», — обращались с просьбой к В. И. Ленину крестьяне с. Клейменово Башкатовской волости Мценского уезда Орловской губернии, жалуясь на непомерную тяжесть разверстки в своем письме от 14 сентября 1920 г.[32] В большом письме В. И. Ленину от Г. Безсонного [33] от 5 февраля 1921 г. с Северного Кавказа (станица Белореченская) прямо говорилось, что необходимо «установить норму, которую надо бы оставить крестьянину при выполнении разверстки до нового урожая». Автор указывал также, что «у крестьянина пропал всякий интерес к работе», а это приведет «не только к исчезновению крупного хозяйства, теряющего теперь всякий смысл, но в значительной мере сокращается и поле среднего хозяйства» [34].

«Вы не оставите нашей просьбы и вышлете нам тот материал, [по] которому мы будем контролировать себя, чтобы было хорошо и для государства, а также для самих нас», — писали Ленину по поручению крестьян деревни Малахово Чубаровской волости Ирбитского уезда 58 человек, за которых подписался учитель Костарев [35]. Речь шла, возможно, о материалах X съезда РКП(б), ибо письмо было послано 27 марта 1921 г., когда вопрос о том, как добиться, чтобы хорошо было и для государства и для трудового крестьянства, был уже решен. Но сами письма, просьбы и предложения крестьян сыграли огромную роль в нахождении правильного и действительно удовлетворяющего крестьян решения.

Конечно, далеко не все крестьянские письма попадали непосредственно к Ленину, но о потоке этих писем и их содержании он был осве-

[30] «Человеку, другу, вождю. Саратовцы В. И. Ленину и о В. И. Ленине». Сборник документов. Саратов, 1965, стр. 53—56; см. также очерк о И. П. Турунене: П. Шелест. По следам ходоков. — «Струя живой воды». М., 1967, стр. 68—82.
[31] ЦПА ИМЛ, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 48, л. 16.
[32] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 56, д. 9, л. 252.
[33] Автор письма, очевидно, не крестьянин, а военный работник (работник Упродива). Почти на 10 страницах он изложил свои взгляды на положение в деревне и выдвинул много конкретных предложений.
[34] ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, д. 936. л. 11—11 об.
[35] Там же, д. 797, л. 317.

домлен, требовал, чтобы по всем письмам принимались меры и посылались строжайшие запросы на места. Поэтому, например, в Президиуме ВЦИК количество запросов уполномоченного Наркомпрода в основном совпадало с общим количеством крестьянских жалоб и заявлений. Характер запросов был, как правило, однотипен [36], но иногда давались и более развернутые указания.

Довольно много запросов на места в ответ на жалобы крестьян шло и из Совнаркома и непосредственно от В. И. Ленина.

6 сентября 1920 г. в связи с прошением крестьян деревни Богданово Подольского уезда Московской губернии Ленин в телеграмме Подольскому уездному продкому писал: «Я могу удостоверить тяжелое продовольственное положение деревни Богданово (Богданиха в просторечии). Прошу поэтому немедленно рассмотреть их прошение и по возможности облегчить их положение, т. е. по возможности уменьшить разверстку с них. О вашем решении прошу меня известить и письменно и телефонограммой» [37].

17 сентября Ленин принял члена бюро Сибревкома С. И. Пороскуна, вернувшегося из Сибири, беседовал с ним о мерах помощи сибирскому крестьянству, а 26 сентября послал письмо в Сибревком, направляя на его рассмотрение ряд предложений, высказанных во время беседы [38].

21 октября Ленин написал записку в Наркомпрод Брюханову с просьбой спешно рассмотреть жалобу ставропольских крестьян, привезших в Москву в подарок хлеб для детей. Ленин перечислил жалобы крестьян: по распоряжению продкомиссара не выдают товаров в кооперативе до выполнения разверстки; «настаивают на необходимости *выдавать немедленно*. Разверстка 27 миллионов пудов — чрезмерна, и берут *семена*. Будет-де обязательно недосев». Ленин требовал дать ему отзыв «не позже чем завтра» [39].

На следующий день Ленин сам принял ставропольских крестьян, беседовал об их нуждах и знакомился с предложениями о подъеме сельского хозяйства [40].

Хорошо известно, как часто Ленин советовался с крестьянами накануне перехода к нэпу. Но в литературе до сих пор преимущественно освещались встречи и приемы, которые относятся к январю — февралю 1921 г.

[36] Приведем в качестве образца текст одного из запросов: «Московскому губпродкому. От граждан дер. Шипкова Мамошинской вол. Рузского уезда поступило заявление о том, что разверстка на рожь, овес, картофель и т. д. им не по силам вследствие неурожая. Прошу рассмотреть и проверить это заявление и по проверке его принять необходимые меры. Приложение — заявление. Уполномоч. Наркомпрода при председателе ВЦИК — А. Соколов. 11 октября 1920 г.» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 56, д. 10, л. 8).

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 275. Крестьяне передали прошение лично Ленину во время его остановки в селе Богданово по пути на охоту. Они жаловались на местный сельсовет, который отбирал у бедняков в порядке продразверстки весь хлеб и посевной материал. По этому прошению были приняты меры, проведено расследование и виновники строго наказаны (см. там же, прим., стр. 451—452).

[38] См. там же, стр. 288.

[39] Там же, стр. 313.

[40] См. там же, т. 41, прим., стр. 681. См. также воспоминания Лесника «Ставропольские крестьяне в гостях у Ленина». — «Рабочие и крестьяне России о Ленине». М., 1958, стр. 220—224.

А между тем приведенные факты показывают, что уже в сентябре—ноябре 1920 г., т. е. до VIII съезда Советов, Ленин не только проявлял огромное внимание к крестьянским жалобам и письмам и посылал запросы на места по поводу их ходатайств, но часто принимал в это время крестьян, обсуждая с ними условия жизни деревни и трудности разверстки.

До встречи со ставропольскими крестьянами Ленин 30 сентября принял делегата от Бугурусланского уезда Самарской губернии Вукола Шашкова и говорил с ним о разверстке и неурожае [41]. 16 ноября на приеме у Ленина был Николай Семенович Бодяков — делегат от крестьян деревни Филипково Сильковской волости Мосальского уезда Калужской губернии. Ленин внимательно выслушал жалобы на то, что мясная разверстка тяжела и неправильно взимается, подробно записал все и в своей записке в Наркомпрод и Наркомзем (Н. П. Брюханову и С. П. Середе) просил заказать справку и дать ее не позже *двух* дней: «Можно удовлетворить? Или в чем препятствие?» [42].

14 и 20 ноября Ленин беседовал с крестьянами деревни Кашино Волоколамского уезда Московской губернии и выступил на собрании в селе Ярополец по случаю открытия электростанции. 14 декабря 1920 г., приехав на охоту в окрестности деревни Моденово Богородской волости Верейского уезда Московской губернии, Ленин выступил с докладом о текущем моменте на собрании крестьян деревни Моденово, Шаликово и др. и беседовал с крестьянами о продразверстке [43]. Судя по записи воспоминаний секретаря этого собрания крестьянина П. И. Козлова, В. И. Ленин, выслушав просьбы крестьян уменьшить разверстку на сено, «предложил выделить делегата и направить его в Москву. Назначил день и час приема... А 6 января 1921 года Владимир Ильич принял моденовского ходока» [44].

Прием Лениным ходока из Моденова [45] подтверждается тем фактом, что именно 6 января Владимир Ильич дал поручение Управлению делами СНК «... выяснить в Наркомпроде, нельзя ли сократить продразверстку на селение Моденово». К этому поручению было приложено заявление красноармейца Малеева с личными заметками В. И. Ленина на конверте. Подробная запись выполнения этого поручения показывает, что все материалы были пересланы в Наркомпрод, а затем московскому губпродкомиссару, в Моденово выехал специальный инструктор, а по жалобе красноармейца Малеева дано заключение, что она «оказалась по проверке не основательной» [46].

Таким образом, настроения крестьян, рост их недовольства продразверсткой были уже в последние месяцы 1920 г. широко известны Владимиру Ильичу не только из писем и жалоб, но и в результате непосредственного общения с крестьянами.

[41] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, прим., стр. 672.
[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 12.
[43] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, Даты жизни и деятельности В. И. Ленина (далее — Даты), стр. 565.
[44] «Ильич в Моденове». — «Наш современник», 1967, № 7, стр. 2—3. Выступление В. И. Ленина в этих воспоминаниях датируется не 14, а 15 декабря 1920 г.
[45] Этот прием в биохронике, приложенной к 42-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина, не отмечен.
[46] «Поручения Ленина по СНК и СТО». — «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 28.

14 октября 1920 г. в Большом театре открылось совещание представителей уездных, волостных и сельских советов Московской области, на котором присутствовало около 2 тыс. делегатов-крестьян. Подогреваемые эсерами, некоторые крестьяне выступали с резкой критикой центральных и московских организаций. Вступительная речь члена президиума Моссовета П. Г. Смидовича прерывалась провокационными выкриками из зала, и ему с трудом удалось закончить свое выступление [47]. Был объявлен перерыв до следующего дня. По просьбе делегатов 15 октября на совещании выступил В. И. Ленин. После его речи начались прения. Ленин спокойно и терпеливо слушал делегатов, и, когда вскоре было принято предложение о прекращении прений, он в своем заключительном слове сказал, что надо было дать высказаться всем желающим. Характеризуя крестьянские выступления, Владимир Ильич отметил, что «большинство крестьян слишком сильно чувствуют крайнюю тяжесть положения, которое создалось на местах. Слишком больно большинство крестьян чувствует и голод, и холод, и непосильное обложение. (Аплодисменты и крики: „Правильно!") Вот за что более всего и прямо, и косвенно большинство говоривших ругали центральную власть» [48]. Ленин ответил и на выступление делегата, упрекавшего его в том, что он якобы «увернулся» от ответа на наболевшие вопросы. Ленин показал, что этот упрек неоснователен, правительство знает, что разверстка, которая наложена на старые русские губернии, «часто непомерно тяжела» и поэтому не следует думать, что «для нас являются новыми эти крики протеста». «Ведь мы же знаем и из телеграмм с мест, и из докладов с мест о падеже скота вследствие трудного положения с кормом, и сознание трудности положения у всех имеется» [49]. Правдиво и убедительно Ленин объяснил, что, пока не кончилась война, пока нельзя доставить хлеб из Сибири, с Северного Кавказа и Украины, эти трудности быстро преодолеть невозможно.

Внимательный учет крестьянских настроений и пожеланий требовал не только исправления отдельных ошибок и злоупотреблений при взимании разверстки, но подготовки и принятия широкого круга мероприятий для улучшения положения крестьянства и ликвидации «крестьянского кризиса».

2.

Вопрос о путях подъема крестьянского хозяйства и начало его обсуждения. Историческое значение VIII съезда Советов

С осени 1920 г. в Центральном Комитете партии, в Совнаркоме и ВЦИКе началось обсуждение практических задач по оказанию помощи крестьянскому хозяйству. Уже 14 сентября 1920 г. Политбюро ЦК под председательством В. И. Ленина заслушало просьбу М. И. Калинина (во ВЦИК,

[47] Н. С. Леверов. Ленин и Моссовет. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 564.
[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 363.
[49] Там же, стр. 364.

как мы видели, поступало больше всего крестьянских жалоб) об организации комиссии в связи с «кризисом в крестьянстве» и создало такую комиссию [50].

Примерно с ноября 1920 г. в Наркомпроде и Наркомземе начали тщательно готовить общий законопроект «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», который должен был быть представлен на утверждение VIII съезда Советов РСФСР в декабре 1920 г. На московской губернской партконференции 21 ноября Ленин говорил о подготовке законопроекта и указывал, что внимание предстоящего съезда Советов будет сосредоточено на хозяйственных вопросах, на восстановлении промышленности и транспорта и «на том, что названо осторожно „помощью крестьянскому хозяйству", но что означает гораздо больше — целую систему, обдуманный ряд мер для того, чтобы крестьянское хозяйство, которое будет существовать еще довольно долго, поднять на должную высоту» [51].

Прежде чем перейти к истории выработки законопроекта и оценке его содержания, важно, хотя бы кратко, остановиться на некоторых выступлениях в печати того времени, которые были посвящены путям подъема крестьянского хозяйства и предшествовали принятию этого важного решения.

5 сентября 1920 г. в «Правде» со статьей под названием «Сельскохозяйственный кризис и социалистическое строительство в деревне» выступил Н. Осинский (В. В. Оболенский), в то время заместитель народного комиссара по продовольствию. В этой, как и в своих последующих статьях в «Правде» и «Экономической жизни», Н. Осинский доказывал необходимость решительного перехода к государственному регулированию сельскохозяйственного производства. В этом он видел единственный выход из тяжелого кризиса сельского хозяйства. Если в условиях осуществления разверстки государство до сих пор проводило строжайшее регулирование распределения продуктов сельского хозяйства и промышленности, то теперь, предлагал Осинский, надо перейти к регулированию самого крестьянского производства, устанавливая обязательный план засева и создавая для этой цели специальные органы на местах — посевкомы. Н. Осинский ставил задачу государственного регулирования именно по отношению к мелкому индивидуальному крестьянскому хозяйству, доказывая, что коллективизация и переход к крупному обобществленному земледелию — дело пока что далекого будущего.

Взгляды Н. Осинского несомненно представляли в последние месяцы 1920 г. господствующую точку зрения в вопросе о путях преодоления кризиса в сельском хозяйстве. В советской исторической литературе статьи Н. Осинского и других сторонников государственного регулирования сельского хозяйства (Ю. Ларина, А. Свидерского) уже были подробно разобраны [52] и показано их место в предыстории подготовки законопроекта по крестьянскому вопросу. Но важно подчеркнуть тот факт, что точка

[50] В. Аникеев. В. И. Ленин во главе ЦК РКП(б) (1921—1922). — «Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива», 1963, № 8, стр. 6.

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 30.

[52] См. Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, стр. 213—216.

зрения Осинского была тогда же подвергнута серьезной критике, и на страницах газет развернулась в этой связи оживленная полемика.

Первым ответом Н. Осинскому явилась статья Н. Богданова «Пути социалистического строительства в сельском хозяйстве» в «Экономической жизни» от 16 сентября 1920 г.

Соглашаясь с Осинским в признании утопичности пути быстрой социализации сельского хозяйства, Н. Богданов в то же время доказывал, что вмешательство государства непосредственно в производственные процессы в деревне невыполнимо. «Не говорите хозяину, что ему сеять и как сеять, — писал автор, — скажите, что вы у него хотите взять... заинтересуйте премией». Н. Богданов доказывал далее, что «рынок является организующим хозяйство фактором в капиталистический период его развития. Рынок в его современной форме явится основным средством государственного регулирования и в переходный период». Но вместе с тем в своих практических выводах автор не шел дальше необходимости сочетать работу Наркомпрода и Наркомзема и превратить продразверстку в организующую сельское хозяйство силу.

Дискуссия между Н. Осинским и Н. Богдановым с особой остротой разгорелась в самый канун открытия VIII съезда Советов. В ответ на возражения Осинского в «Экономической жизни» были опубликованы (2 и 19 декабря 1920 г.) еще две статьи Н. Богданова под тем же названием, что и первая статья. Однако редакция газеты «Экономическая жизнь» сочла необходимым на этот раз предпослать статье Н. Богданова от 2 декабря следующее примечание: «В настоящий момент Советская республика вплотную подошла к вырешению вопросов сельскохозяйственной политики. Редакция, не соглашаясь с автором, считает нужным открыть дискуссию». Вторая статья Н. Богданова 19 декабря также публиковалась в дискуссионном порядке.

«Я настаиваю на принципе стимулирования, против коего так решительно возражает т. Осинский» — таков был основной вывод Н. Богданова. Он отрицательно отнесся также к идее создания посевкомов и вновь доказывал, что «углубление идеи принуждения невыполнимо в государственном масштабе и не даст тех положительных результатов, которых ожидает Осинский». Решительно возражая против того, что идея стимулирования приводит якобы к меньшевистским и мелкобуржуазным выводам, Н. Богданов в статье 19 декабря в какой-то мере пытался уже примирить свою точку зрения с точкой зрения Осинского, доказывая, что ошибка последнего «не в принципиальной, а в практической стороне его системы». Но в заключение он все же прямо предлагал «не отмахиваться от методов продовольственного налога, которые совершенно не исключают принципа хлебной монополии. Ведь осуществление планового засева неизбежно будет дополнено и корректировано заблаговременно установлением сбора, потребностями хозяйства и размерами сдачи государству, что и явится налогом», наличный же товарный фонд можно будет использовать в целях стимулирования.

Точка зрения Н. Богданова была по существу поддержана видным экономистом, членом президиума Госплана С. Г. Струмилиным. В статье «Меновые эквиваленты и проблема снабжения», опубликованной «Экономической жизнью» 30 октября 1920 г., Струмилин уделил особое внимание использованию в продовольственной политике наряду с аппаратом принуждения факторов экономической заинтересованности. «Вольный ры-

нок остался у нас еще вполне реальным и притом столь значительным фактом, — писал он, — что игнорировать его, как бы мы к нему ни относились, не приходится». Поэтому государственные органы снабжения в своей продовольственной политике должны считаться с соотношением вольных цен на местных рынках. Далее шли конкретные подсчеты, исходя из наличия товарного фонда, который Комиссия использования передала Наркомпроду для стимулирования крестьян (80 млн. аршин мануфактуры, 6,5 млн. пуд. соли, 1,8 млн. катушек ниток). На этот товарный фонд можно было бы выменять 29 млн. пуд. зерна при общей потребности населения и армии в 480 млн. пуд. Но при рациональном использовании товарного фонда и учете различия в ценах на местных рынках можно в порядке товарообмена получить до 165 млн. пуд.

Еще бóльший интерес представляла вторая статья С. Струмилина «Плановое хозяйство в деревне», опубликованная в «Экономической жизни» 14 января 1921 г., т. е. уже после VIII съезда Советов; она непосредственно связана со всей предсъездовской дискуссией. С. Струмилин видел заслугу Н. Осинского в том, что он первый поставил задачу сознательного регулирования сельского хозяйства. Но признание необходимости подчинить индивидуальное крестьянское хозяйство регулирующему воздействию общегосударственного плана еще не предрешает вопроса о наиболее рациональных формах такого регулирования. Нельзя возлагать все надежды только на аппарат власти. «В области экономических преобразований, — писал Струмилин, — верхом на палочке и самый лихой наездник далеко не ускачет».

При проведении планового регулирования сельскохозяйственного производства нельзя забывать наличия индивидуальных крестьянских хозяйств, которые трудно проконтролировать, ибо поле не фабрика, одним мастером здесь не обойдешься, и на 20 млн. сеятелей нужны будут миллионы надсмотрщиков. Крестьянин может высеять на десятину и 8, и 5, и 1,5 пуда зерна. Посев может и «птица склевать» и «засуха погубить». Поэтому для успеха государственного регулирования сельского хозяйства необходимо подвести под него базу убеждения, использовав стимулы экономической заинтересованности крестьянства. Целиком поддерживая идею премирования наиболее старательных крестьян, С. Струмилин указывал, что важно сказать крестьянину: «Если посеешь больше, тем лучше для тебя. Избыток сбора составит твою неотъемлемую премию за повышенный труд». Натуральный фонд товаров промышленного производства, выделенный Наркомпроду, надо использовать для распределения в порядке премирования крестьян «или, если угодно, в порядке „товарообмена“ с деревней». «Бояться этого слова нет никаких оснований, — тут же добавлял Струмилин. — Возвратом к свободе торговли такой товарообмен отнюдь нам не угрожает... Важно предоставить крестьянину свободу распоряжения излишками урожая, которые у него остаются после выполнения разверстки».

Заключая свою статью, С. Струмилин писал: «Для включения в данный государственный план всего распыленного множества крестьянских хозяйств недостаточно одних мер организованного принуждения. На помощь им должна прийти система хорошо продуманных мер экономического воздействия. Эти меры, отнюдь не подавляя индивидуальных стимулов частного интереса к повышению производительности отдельных

крестьянских хозяйств, должны использовать их к общему планомерному подъему производительных сил всей страны в целом».

Впоследствии, после перехода к нэпу, С. Струмилин ссылался на свои статьи в «Экономической жизни» как на показатель предвидения необходимости коренного изменения продовольственной политики. В какой-то мере эти предвидения действительно имели место, но и С. Струмилин и другие участники дискуссии, как правило, исходили из принципа незыблемости разверстки. Однако при обсуждении практики ее проведения столкнулись две точки зрения — сторонников государственного регулирования и защитников преимущественного экономического стимулирования. Эти две точки зрения проявились и на VIII съезде Советов при обсуждении законопроекта «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства».

К началу декабря 1920 г. законопроект был в основном подготовлен и 4 декабря обсуждался на заседании СНК под председательством В. И. Ленина. В принятом постановлении комиссии по подготовке законопроекта поручалось «составить краткое извещение по радио о том, что Совнаркомом разрабатывается проект на таких-то основаниях», и представить этот проект извещения, подписанный наркомами земледелия и продовольствия (С. П. Середой и А. Д. Цюрупой), на подпись В. И. Ленину не позже 7 декабря. Одновременно предлагалось начать самую широкую кампанию пропаганды намеченных в декрете мероприятий. 14 декабря законопроект был принят Совнаркомом и опубликован в газетах.

В это же время происходило обсуждение закона в Центральном Комитете партии. 9 декабря на пленуме ЦК стоял вопрос «О тезисах т. Середы по сельскохозяйственному производству». Пленум признал тезисы неудовлетворительными и предложил составить новые, а также проект резолюции, с тем чтобы «в центре стоял... вопрос о помощи и льготах крестьянам в возможно более конкретной и полной форме и в конце привести аграрные законопроекты, обсуждаемые в СНК» [53]. В дальнейшем решением пленума ЦК 17 декабря была создана новая комиссия для подготовки тезисов по Наркомзему, в состав которой вошел В. И. Ленин [54], а 20 декабря пленум, вновь вернувшись к этому вопросу, поручил В. И. Ленину и Е. А. Преображенскому окончательно утвердить тезисы по аграрному вопросу [55].

22 декабря 1920 г. в Большом театре в Москве открылся VIII Всероссийский съезд Советов. По количеству делегатов это был самый многочисленный из предшествовавших съездов Советов. Согласно докладу мандатной комиссии на съезде присутствовало 2537 делегатов: 1728 с решающим голосом (из них 1614 членов Коммунистической партии и кандидатов, 114 беспартийных) и 809 с совещательным (из них членов Коммунистической партии и кандидатов — 722, беспартийных — 65, представителей прочих партий — 22) [56].

В отчетном докладе СНК и ВЦИК 22 декабря В. И. Ленин подробно остановился, в частности, на значении аграрного законопроекта. Он говорил, что вокруг законопроекта «как около фокуса, группируются сотни

[53] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 45, л. 2.
[54] Там же, ед. хр. 46, л. 1.
[55] Там же, ед. хр. 47, л. 1.
[56] «VIII Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. М., 1921, стр. 251.

постановлений и законопроектов Советской власти»[57] и в нем внимательно обобщен местный опыт.

В центре постановления «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», подчеркивал Владимир Ильич, должно стоять единоличное крестьянское хозяйство, которое сохранится на долгие годы и в первую очередь нуждается в прямой государственной помощи. «...Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства, — говорил он, — нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто»[58].

Четко определил Ленин линию партии в отношении колхозного строительства на ближайшие годы. В своем выступлении 24 декабря на фракции РКП (б) VIII съезда Советов он сказал: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен»[59]. Поэтому задача законопроекта, обсуждаемого съездом, иная: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»[60].

Позднее в речи на фракции РКП(б) 27 декабря Ленин подробно объяснил причины отклонения пленумом ЦК 9 декабря тезисов наркома земледелия С. П. Середы по аграрному вопросу. «Позвольте мне, — говорил он, — напомнить маленькую справку из истории возникновения этого закона. Я следил за историей его прохождения у нас в Совнаркоме довольно внимательно и должен сказать, что в первом проекте, который исходил от Компрода, была поставлена, вообще говоря, ставка на старательного хозяина. В тех же предложениях, которые выдвинул тов. Середа, гвоздем было то, что неверно ставить ставку на старательного хозяина, а надо поставить ставку на сельское общество, на коллективность»[61].

Линию на поддержку индивидуального крестьянского хозяйства Ленин твердо проводил во всех своих выступлениях на съезде. Показателен такой эпизод. Когда на утреннем заседании фракции РКП(б) съезда 24 декабря началось обсуждение законопроекта «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», Н. Осинский подверг критике ту точку зрения, которая исходила из необходимости идти дальше по пути коллективизации и объявления, как он говорил, «принудительной коммуны». Н. Осинский отмечал, что такая политика оттолкнет крестьянство, что коллективизация возможна лишь в условиях обеспечения сельского хозяйства новой техникой, тракторами, осуществления электрификации. «Но это будет не скоро», — заметил он и повторил в заключение, что мысль о «принудительной коммуне» «мы должны решительно отвергнуть». В. И. Ленин поддержал последние слова Осинского репликой: «Совершенно верно»[62].

[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 148.
[58] Там же.
[59] Там же, стр. 180.
[60] Там же, стр. 181.
[61] Там же, стр. 185—186.
[62] ЦПА ИМЛ, ф. 94. оп. 2, ед. хр. 16, л. 172.

Поддержка мелкого индивидуального крестьянского хозяйства и оказание ему всемерной помощи — такова была директива, которая, по мысли Ленина, должна была лечь в основу постановления съезда по крестьянскому вопросу. Второе важнейшее ленинское указание, которое он развивал и пропагандировал на съезде, состояло в необходимости сочетания мер государственного регулирования и принуждения с мерами экономического стимулирования и убеждения.

Характеризуя значение декрета о натуральном премировании рабочих (принятого СНК 8 июня 1920 г.), В. И. Ленин в отчетном докладе на съезде 22 декабря заметил: «Мало говорить крестьянам и рабочим: напрягайте трудовую дисциплину. Надо, кроме того, им помочь, надо вознаградить тех, которые после неизмеримых бедствий продолжают проявлять героизм на трудовом фронте... Понять, что государство не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни, не трудно, и, чтобы понять это, не нужно быть социалистом, и тут мы заранее обеспечены сочувствием беспартийных рабочих и крестьянских масс. Нам надо лишь шире эту мысль распространить и практичнее поставить на местах эту работу» [63].

Поэтому Ленин в выступлениях на съезде и на фракции РКП(б) горячо отстаивал необходимость включения специального пункта о премировании крестьян за достижения в области сельскохозяйственного производства в постановление по крестьянскому вопросу. Полемизируя с противниками персонального премирования (премирование коллективов и обществ не вызывало разногласий), Ленин указывал, что отказ от этой меры означает нежелание видеть «бросающуюся в глаза действительность», когда налицо имеется 20 млн. крестьянских хозяйств, «которые хозяйничают отдельно и не могут иначе хозяйничать», и поэтому их надо «вознаграждать для поднятия их производительности» [64].

Обсуждение законопроекта «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» началось на утреннем заседании фракции РКП(б) 24 декабря. Были заслушаны доклады И. А. Теодоровича и Н. Осинского. После выступления ряда делегатов на вечернем заседании фракции РКП(б) было принято предложение Ленина прения пока прекратить, а земельный вопрос перенести в сельскохозяйственную секцию и на пленум съезда [65].

25 декабря с большим докладом на съезде выступил заместитель наркома земледелия И. А. Теодорович. Он дал обстоятельную и правдивую оценку тяжелого положения сельского хозяйства, привел данные о сокращении посевных площадей и падении животноводства и отметил два основных факта, характеризующих, по его мнению, современную деревню: возврат к натуральным формам хозяйства, нивелировку крестьянства и отмирание крайних его полюсов.

«Государство считает необходимым, — говорил докладчик, — вступить на путь регулирования крестьянского хозяйства, понимая под этим регулированием и меры помощи крестьянству...» [66] И. А. Теодорович сделал попытку обосновать не только необходимость регулирования сельского

[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 151.
[64] Там же, стр. 188.
[65] См. там же, стр. 183—184; ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 16, л. 217.
[66] «VIII Всероссийский съезд Советов», стр. 126.

хозяйства, но и причины, которые, по его мнению, обеспечат благоприятное отношение крестьян к этой мере. Он доказывал, что самый факт натурализации крестьянского хозяйства, а также осередняченье деревни послужат прочной основой для успеха системы государственного регулирования.

В выступлении на коммунистической фракции И. А. Теодорович заявил, что на вопрос, какие стимулы должны заменить в деревне прежние побуждения капиталистического характера, ответ «может быть только один — таким побуждением является государственное регулирование сельского хозяйства... Вне этого пути мы не знаем никаких других путей к подъему сельского хозяйства» [67]. Регулирование сельского хозяйства объявлялось, следовательно, всеобъемлющим методом как подъема сельскохозяйственного производства, так и стимулирования крестьян. Мелкотоварный характер крестьянского хозяйства фактически почти совсем сбрасывался со счетов.

Доклад И. А. Теодоровича на пленуме съезда не обсуждался и был передан на рассмотрение сельскохозяйственной секции, которая собралась в тот же день. Постановление «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» было принято секцией за основу, а сама секция разбита на 11 групп (по 11 сельскохозяйственным районам страны), чтобы учесть особенности каждого района и передать окончательное утверждение постановления сначала в комиссию из представителей районов, а затем на пленум съезда.

Вечером 25 декабря прения по законопроекту продолжались на фракции РКП(б). Если суммировать характер выступлений делегатов на коммунистической фракции 24 и 25 декабря и на земельной секции, то со всей ясностью предстанут те две точки зрения, о которых уже говорилось выше.

Одна группа делегатов критиковала законопроект в известной мере «слева», настаивая на усилении государственного регулирования в направлении быстрейшей коллективизации сельского хозяйства.

Преобладание этой группы на съезде сказалось и в том, что коммунистическая фракция в своем большинстве высказалась за устранение того пункта постановления, который касался персонального премирования отдельных домохозяев.

Пленум ЦК РКП(б) 27 декабря принял по этому поводу специальное решение, в котором указал, что полное устранение из резолюции по земельному вопросу слов, касающихся премирования старательных крестьян, является неправильным, и предложил фракции РКП(б) пересмотреть свое решение [68]. Пленум принял также дополнения В. И. Ленина к резолюции, в которых уточнялись условия премирования и особо подчеркивалось, что вознаграждение отдельных домохозяев допускается лишь при условии, что хозяйственные успехи достигнуты «без малейшего применения кулацких приемов» [69].

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 155—156.
[68] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 49, л. 1.
[69] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 199. Эти дополнения В. И. Ленина почти полностью были включены в качестве примечания к пункту 17 постановления съезда «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» (см. «Съезды Советов РСФСР в постановлениях». М., 1939, стр. 175).

На вечернем заседании коммунистической фракции съезда 27 декабря с защитой этих предложений по поручению пленума ЦК выступил В. И. Ленин. Тот факт, что Владимир Ильич придавал данному вопросу такое большое значение и убедил членов фракции в необходимости пересмотреть свое решение, сам по себе достаточно показателен. Не случайно также, что именно на это заседание фракции были приглашены беспартийные крестьяне — делегаты съезда. «...Я считаю безусловно правильным, — говорил В. И. Ленин в своем втором выступлении на фракции 27 декабря, — и думаю, что нужно ввести в обычай приглашать по таким вопросам беспартийных во фракцию. Решать во фракции они не будут, но почему бы с ними не посовещаться» [70].

Между тем беспартийные делегаты съезда — крестьяне уже достаточно четко выразили свою точку зрения на совещании, которое было созвано по просьбе В. И. Ленина М. И. Калининым в первый день работы съезда — 22 декабря. Владимир Ильич внимательно выслушал тогда выступления крестьян, кратко записал их содержание и разослал свои записи всем членам ЦК и наркомам для ознакомления [71]. Беспартийные делегаты, как свидетельствовала ленинская запись, по существу прямо поддержали идею экономического стимулирования.

«Заинтересовать надо крестьянина. Иначе не выйдет. Я дрова пилю из-под палки. Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя», — записал Ленин слова делегата Костромской губернии. «Как заинтересовать? Просто: процентную разверстку хлеба, как на скот...», — предлагал новгородский делегат [72].

Поэтому в своих выступлениях на фракции РКП(б) 27 декабря в защиту пункта о премировании Владимир Ильич смог обратиться за поддержкой не только к делегатам съезда — коммунистам, но и к беспартийным крестьянам, позиция которых в этом вопросе была ему хорошо известна.

В. И. Ленин на фракции терпеливо и подробно отвечал на все вопросы делегатов. Получив записку с вопросом: «Принимается ли во внимание, что мера премирования отдельных домохозяев есть тормоз коллективному объединению и отчасти подкрепляет расшатанные капиталистические устои в земледелии?» — Ленин тут же дал следующий ответ: «Товарищи, вы знаете, что у нас единоличные крестьянские хозяйства есть, так сказать, устои капитализма... Можем ли мы от этого уйти в год или два? Не можем. А улучшить хозяйство надо сейчас. Вы руководствуетесь превосходным коммунистическим стремлением, но хотите прыгнуть с этого этажа на ту верхушку, а мы говорим — не выйдет, действуйте осторожней и постепеннее» [73].

Так аргументировал Ленин необходимость сохранения пункта о персональном премировании, и эта аргументация существенно отличалась от той, которую излагали на съезде И. А. Теодорович и Н. Осинский.

Вторая точка зрения — о важности экономического стимулирования крестьянства как основного условия подъема сельского хозяйства — была

[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 191—192.
[71] См. там же, стр. 382—386.
[72] Там же, стр. 384.
[73] Там же, стр. 193.

высказана на съезде не только беспартийными делегатами, но и некоторыми коммунистами — представителями с мест. Надо прямо сказать, что эта точка зрения не была тогда господствующей, но ее выдвигали на первый план в своих выступлениях многие делегаты.

На утреннем заседании коммунистической фракции съезда 24 декабря выступил председатель Нижегородского губисполкома А. М. Ханов. Он решительно возражал против создания посевкомов и предлагал из правильной установки съезда на неизбежность длительного существования индивидуального крестьянского хозяйства сделать соответствующие выводы. Он привел мнение беспартийного крестьянина, выступавшего на уездном съезде Советов Нижегородской губернии: «Должно быть дано определенное задание или что-то вроде налога, должно быть предложено ясно, что... на десятину хлеба мы должны требовать за хороший урожай столько-то, за плохой столько-то». Целиком поддерживая требование всестороннего регулирования крестьянского хозяйства, А. М. Ханов особо выделял значение экономического стимулирования и указывал, что это регулирование «должно считаться с особенностями деревни, не стричь все хозяйство под одну гребенку» [74].

С критикой законопроекта о мерах помощи крестьянскому хозяйству выступили на фракции также делегаты от Тамбовской и Алтайской губерний (их фамилии в стенограмме не указаны).

Представитель Тамбовской губернии доказывал, что законопроект вышел из недр Наркомпрода, а «этот лучший орган не чужд следованию тем пережиткам, которые в настоящий момент имеются», сохраняя по существу принципы продовольственной диктатуры. В этом же выступлении посевкомы оценивались как новые главки и излагалась позиция Тамбовского губисполкома, предлагавшего функции посевкомов возложить на местные органы Советской власти [75]. Делегат от Алтая характеризовал законопроект как «далекий от жизни» и объяснял причины падения посевных площадей отсутствием экономических стимулов.

На следующем заседании коммунистической фракции — 25 декабря еще более решительно высказывались предложения, близкие к идее продовольственного налога. Характерно, что с ними выступали преимущественно представители местных губземотделов. Так, делегат Н. А. Зыков [76], заведующий губземотделом Брянской губернии, говорил, что государственное регулирование сельского хозяйства, основанное только на мерах принуждения, не может дать необходимых результатов, ибо «без заинтересованности непосредственно самого производителя дело не подвинется... Так что первый и основной стимул — это заинтересованность самих производителей» [77].

Некоторые делегаты предлагали объявить разверстку с весны, чтобы крестьяне заранее знали количество причитающегося с них для сдачи

[74] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 185—190.
[75] Там же, лл. 191—192.
[76] На съезде присутствовал еще один делегат — А. И. Зыков — секретарь Камышловского укома РКП(б) Екатеринбургской губ. Нам кажется более вероятным, что в данном случае речь идет о Н. А. Зыкове (см. анкеты делегатов: ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 7, д. 53, л. 173, 198).
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 316—317.

хлеба. С этим на фракции выступили делегат Малютин (возможно, Милютин) и заведующий губземотделом Иваново-Вознесенской губернии П. А. Месяцев[78]. Но, даже высказанные в очень осторожной форме, эти предложения были подвергнуты суровой критике.

«Тут появилось течение,— говорил Н. Осинский в заключительном слове на сельскохозяйственной секции, — которое находит отклик вне пределов нашей партии. Было сказано, что надо это регулирование соединить со стимулированием, причем развивалась мысль, что надо обложить по десятинам продовольственными налогами крестьянские хозяйства и таким образом стимулировать. Была указана другая форма стимулирования, а именно, что надо давать разверстку с весны. Цель последнего предложения состоит в том же самом, в чем и предложение продовольственного налога: служить, так сказать, твердой ставкой крестьянину, т. е. заранее определить ему, сколько будут с него брать».

Н. Осинский доказывал, что подобные предложения неосуществимы, что с весны невозможно определить заранее урожай, что это уменьшит количество поступающего государству хлеба и потому «сильно пахнет кулацким элементом».

«Говорят, — продолжал он, — установите определенную ставку на десятину. А за этими словами что скрыто? То, что останется остаток, и этот свободный остаток подлежит усмотрению производителя, т. е. им можно будет свободно торговать. А я скажу, что у нас не будет тогда продовольственного фонда, если провести продовольственный налог... А раз нет у нас товарного фонда, то никакие государственные заготовки, будь они по налогу или по разверстке, называйте их как хотите, никогда не пройдут, если параллельно начнется свободная торговля хлебом. Тогда все продукты уплывут в это русло. Открой только эту дверку и моментально никакого хлеба не будет; и тот, кто раскроет эту дверку к свободной торговле, тот ведет к краху нашей продовольственной политики и к разрушению нашего народного хозяйства. Поэтому все эти меры нам нужно, товарищи, самым решительным образом отклонить» [79].

Все это говорилось за два месяца до X партийного съезда и служило наглядным подтверждением того, как далек был один из докладчиков на VIII съезде Советов от действительного понимания задач и необходимости поворота, который в ближайшее время предстояло совершить партии. Но одновременно на VIII съезде Советов была представлена и другая точка зрения, точка зрения тех, кто смотрел вперед, а не назад. Самый факт борьбы взглядов по крестьянскому вопросу на съезде показывал, как шли поиски путей, как своеобразно переплетались старые и новые методы подхода к крестьянству.

Это нашло наглядное проявление в принятом съездом 28 декабря постановлении «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». Правильное ведение земледельческого хозяйства объявлялось «великой государственной обязанностью крестьянского населения», не менее важной, чем сдача хлеба государству. Всем народным комиссариатам предлагалось разработать мероприятия по оказанию немедленной помощи сельскому хозяйству. Устанавливался план обязательного засева,

[78] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 16, лл. 316—317.
[79] «VIII Всероссийский съезд Советов», стр. 146—147.

и государственной повинностью объявлялось обсеменение всей посевной площади. Запасы семян становились неприкосновенным семенным фондом, и должны были приниматься меры к его охране. Для реализации всех этих мероприятий в губерниях, уездах и волостях создавались специальные организации — комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли (посевкомы). Таким образом, продовольственная разверстка была по существу дополнена посевной и семенной разверсткой, что, конечно, шло от прошлого и не определяло новых путей подъема сельского хозяйства, которые были найдены всего несколько месяцев спустя.

В то же время показательно, что в самом названии постановления говорилось не о *регулировании* сельскохозяйственного производства, а о *мерах помощи* крестьянскому хозяйству для его укрепления и развития. Наконец, большое внимание уделялось простейшим формам экономического стимулирования, и вопрос о премировании отдельных домохозяев не случайно занял такое важное место в работе съезда. В самом содержании постановления сказывалась, следовательно, известная противоречивость. Она отражала противоречия самой жизни и была свойственна некоторым другим мероприятиям Советского государства (например, введению полной бесплатности отпуска продуктов) в тот переломный период, который переживала страна в конце 1920 г.

С введением бесплатности услуг населению, как мы уже указывали, была связана подготовка декрета об отмене денежных налогов, проект которого Президиум ВЦИК принял 3 февраля 1921 г. с последующим утверждением на мартовской сессии ВЦИК. Вводная, мотивировочная часть этого декрета прямо исходила из факта постепенного перехода к полной отмене денег и всяких денежных расчетов.

В. И. Ленин в своих замечаниях об отмене денежных налогов, написанных 30 ноября 1920 г., предлагал при решении данного вопроса «побольше вдуматься (и детальнее изучить соответствующие *факты*) в условия переходной эпохи» и обдумать «*о ч е н ь* серьезно», что отменить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, *э к о н о м и ч е с к и* неправильно»[80]. В тот же день В. И. Ленин в проекте постановления СНК о прямых налогах выдвинул предложение «о необходимости подготовить и провести единовременно как отмену денежных налогов, так и превращение продразверстки в натуральный налог»[81]. В данном случае ленинская постановка вопроса о натуральном налоге была связана пока лишь с отменой денежных налогов и в прямой связи с последующим переходом от разверстки к налогу не стояла. Однако для развития взглядов Ленина эта постановка вопроса представляет, несомненно, значительный интерес. Как известно, после перехода к нэпу вопрос об отмене денежных налогов отпал и по предложению В. И. Ленина был снят с мартовской сессии ВЦИК 1921 г.

Однако одновременно с некоторым усилением «военно-коммунистических» методов осуществлялись и мероприятия, которые выходили за рамки политики «военного коммунизма». К концу 1920 г., как мы видели, начал опять практически ставиться вопрос о возможности организации

[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 22—23.
[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 51.

товарообмена с крестьянством, об использовании госкапиталистических форм в экономике (декрет о концессиях от 23 ноября 1920 г.) и др.

Разработка и принятие плана ГОЭЛРО, его одобрение на VIII съезде Советов также означали, что партия и народ ориентируются на длительную борьбу (10—15 лет, как намечалось планом) за создание материально-технической базы социализма как основного условия строительства социалистической экономики, а не на непосредственное «вступление в социализм», что нередко звучало во многих выступлениях и статьях периода «военного коммунизма».

Наконец, в решениях VIII съезда Советов по вопросам сельского хозяйства при сохранении в основном старых методов уже явно «прорастали» первые всходы нового подхода к крестьянству, которые в дальнейшем получили полное развитие.

Только сочетание этих двух сторон в решениях съезда дает возможность объективно определить его место в истории Советской страны. Среди историков советского общества и в исторической литературе уже давно идет спор об оценке VIII Всероссийского съезда Советов [82]. Единодушно признавая, что съезд во всех своих решениях нацеливал советский народ на осуществление задач мирного хозяйственного строительства и знаменовал тем самым вступление в новую полосу развития, многие исследователи доказывали, что по характеру своих решений съезд еще целиком оставался на позициях «военного коммунизма».

Однако если обратиться только к одним ленинским выступлениям на съезде, то вряд ли можно отрицать, что В. И. Ленин неуклонно нацеливал партию и народ на поиски новых путей взаимоотношений с крестьянством в условиях перехода от войны к миру, хотя прямых выводов о необходимости изменения экономической политики он в это время еще не сделал.

Буквально на другой день после закрытия VIII съезда в речи о профсоюзах на объединенном заседании делегатов съезда членов ВЦСПС и МГСПС 30 декабря 1920 г. Ленин говорил, что от перехода с военного фронта на трудовой, «от одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться... Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать» [83].

Почему надо было, вдумчиво присматриваясь, в то же время уметь выжидать, мы попытаемся объяснить в последующем изложении. Но нельзя не видеть, какую огромную роль сыграл VIII съезд Советов, выступления на съезде в подготовке партии к новому этапу, в развитии взглядов по вопросам взаимоотношений с крестьянством после окончания войны, а следовательно, и в переходе к новой экономической политике. Ведь именно сразу после окончания съезда, в «Заметках о задачах хозяйственного строительства», написанных в конце декабря 1920 г., В. И. Ленин первым пунктом записал: «Отношение к крестьянству: налог+премии» [84],

[82] См., например, полемику по этому вопросу с Э. Б. Генкиной в статье Ю. А. Полякова «Некоторые вопросы перехода к новой экономической политике». — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 12; см. также: Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, стр. 225—226.

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 216.

[84] Там же, стр. 387.

добавив к идее премирования, которую он так настойчиво защищал на съезде, важнейшее звено — налог.

Этот новый шаг по пути определения задач экономической политики был сделан под прямым влиянием того обсуждения, которое развернулось на VIII съезде Советов. Н. К. Крупская вспоминала впоследствии в своем письме к М. С. Ольминскому (30 сентября 1930 г.), какое значение в этом отношении имела одна только встреча Владимира Ильича с беспартийными делегатами съезда — крестьянами 22 декабря 1920 г. «Сила Ильича, — писала Надежда Константиновна, — была именно в том, что он умел слышать голос жизни..., умел, как бы это выразиться, прикладывать ухо к земле... Перед нэпом Ильич попросил Калинина собрать беспартийных крестьян, приехавших на сессию ВЦИКа [85], просил их ответить на ряд вопросов и внимательно прослушал их выступления. После этого собрания он много решительнее стал высказываться за нэп. Что же, какой отсюда вывод? Что беспартийные крестьяне «убедили» Ильича? Нет, а то, что Ильич умел слушать и беспартийных, мелкособственнически настроенных и слышать то, чего не слышали другие, умел из их разговоров делать свои выводы» [86].

«После этого собрания он много решительнее стал высказываться за нэп» — это свидетельство друга и соратника Владимира Ильича достаточно убедительно раскрывает значение собрания беспартийных крестьян и вообще всей работы VIII съезда Советов как важного этапа в процессе складывания и формирования выводов Ленина о переходе к новой экономической политике.

Любопытна с этой точки зрения еще одна оценка роли съезда, которая была дана вскоре после его окончания видным партийным работником, в то время редактором журнала «Народное хозяйство» М. А. Савельевым. В передовой статье «К итогам VIII съезда Советов», опубликованной в декабрьском номере этого журнала, Савельев писал: «Гвоздь и значение съезда не в резолюциях и постановлениях, или вернее, не в них одних... Внимательному наблюдателю съездовская волнующаяся толпа давала богатый материал, чтобы на основании отдельных выступлений, случайных „цвишенруфов“ и т. д. попытаться определить общий барометр настроений „там, во глубине России...“» [87].

Война закончилась, военные методы потребовали пересмотра, а готовых рецептов, особенно в отношении деревни, в значительной своей части «потянувшейся» после долгих военных скитаний снова к «земле», — еще нет. Отсюда, как объяснял автор статьи, несколько «выжидательное» настроение центральных учреждений на съезде, предостережения от слишком кабинетных, схематических построений, не проверенных практикой. Для определения направления в работе съезда, говорилось далее

[85] В данном случае речь, несомненно, шла о собрании крестьян, приехавших не на сессию ВЦИК, а на VIII съезд Советов. «Перед нэпом», как пишет Н. К. Крупская, состоялась только первая сессия ВЦИК восьмого созыва (31 декабря), но на ней решались лишь организационные вопросы. Вторая сессия ВЦИК была созвана 19—20 марта 1921 г., т. е. после X съезда партии; собрание же делегатов VIII съезда крестьян было действительно организовано по просьбе В. И. Ленина М. И. Калининым.

[86] ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 149, л. 36.

[87] «Народное хозяйство», 1920, № 18, стр. 19. Судя по содержанию номера, журнал вышел в свет примерно в середине или в конце января 1921 г.

в статье, и особенно для установления ближайших экономических перспектив огромное значение имели доклады и выступления В. И. Ленина.

И наконец, следовала общая оценка VIII съезда Советов, сделанная более чем за месяц до открытия X съезда партии: съезд Советов «явился как бы громадным термометром, давшим возможность определить нарастающую общественную температуру нашего молодого советского хозяйственного организма... и на основании выявленных тенденций более безошибочно и более ясно идти к будущему. Он явился с этой точки зрения прелюдией к 10-му съезду нашей партии, долженствующему сыграть в определении экономических и политических путей нашего дальнейшего бытия огромнейшую роль» [88].

Мимо этого свидетельства современника трудно пройти историку. Такая оценка VIII съезда Советов, конечно, ни в какой мере не означает какого-либо умаления огромного поворотного значения X съезда партии, окончательно определившего переход к нэпу. Именно в период от VIII съезда Советов до X съезда партии завершились «поиски экономической политики» и были определены единственно правильные и ведущие к цели ленинские основы экономической политики переходного периода от капитализма к социализму.

[88] «Народное хозяйство», 1920, № 18, стр. 19—20.

Глава третья

ОТ VIII СЪЕЗДА СОВЕТОВ К X СЪЕЗДУ ПАРТИИ

1.

Хозяйственный кризис начала 1921 г. и его уроки. История подготовки и значение ленинских тезисов «насчет крестьян»

VIII съезд Советов собрался в обстановке некоторого временного улучшения экономической ситуации в стране. Доклад председателя ВСНХ А. И. Рыкова «О положении промышленности и мерах к ее восстановлению», сделанный на съезде 25 декабря, был полон радужных итогов и надежд на быстрое возрождение промышленности.

«В настоящий момент, — говорил докладчик, — историю экономического развития России можно и должно определить как начало общего экономического подъема. Этот подъем можно наблюдать во всех отраслях нашей промышленности, во всем нашем хозяйстве» [1]. В докладе ВСНХ и в тезисах председателя ВСНХ, приложенных к стенограмме съезда, приводилось множество данных, подтверждающих подъем народного хозяйства.

Во-первых, удалось добиться некоторого расширения продовольственного снабжения населения за счет роста продовольственных заготовок. Если за август—октябрь 1919 г. хлеба и зернофуража было заготовлено 57,5 млн. пуд., то за эти же три месяца 1920 г. — 140,6 млн. пуд. (увеличение на 244%) [2]. Это позволило улучшить снабжение населения продовольствием, увеличив его с 12 млн. пуд. в месяц в 1919 г. до 25 млн. пуд. во второй половине 1920 г.[3] и соответственно увеличить выдачу хлеба по карточкам.

Во-вторых, в последние месяцы 1920 г. наметилось также улучшение положения с топливом. Жидкого топлива за весь 1919 г. было сожжено не более 50 млн. пуд., а за 10 месяцев 1920 г., после освобождения

[1] «VIII Всероссийский съезд Советов». Стенографический отчет. М., 1921, стр. 90.
[2] Там же, стр. 109.
[3] «Продовольственная газета», 3 марта 1921 г.

Азербайджана, было подвезено в центр до 116 млн. пуд.[4], что позволило увеличить перевозки по железным дорогам, а главное создало базу, как говорил докладчик, для того, чтобы «наша промышленность, начиная с половины настоящего года, стала неуклонно развиваться и значительная часть стоявших до сих пор фабрик и заводов стала оживать»[5].

Для первых шагов восстановления текстильной промышленности крупную роль сыграл туркестанский хлопок, запасы которого на фабриках возросли с 350 тыс. пуд. на 1 января 1920 г. до 1,2 млн. пуд. на 1 ноября того же года. Осенью 1920 г. были пущены стоявшие в течение двух лет три льнопрядильные и ткацкие фабрики (одна в Московской и две в Костромской губернии).

Началось оживление и в металлопромышленности. В 1919 г. на территории Советской республики не дымилась ни одна домна, в августе 1920 г. действовало уже 11 домен, в сентябре — 19, а на VIII съезде было сообщено о пуске 20-й домны в Юзовском районе.

Приведя все эти данные, докладчик подчеркнул в то же время, что старые запасы почти полностью исчерпаны и поэтому необходимо наметить очень напряженную программу для промышленности в 1921 г.

VIII съезд Советов в своем постановлении «О тяжелой промышленности» поставил задачу создания благоприятных условий для восстановления и развития в первую очередь каменноугольной и металлургической промышленности Сибири, Урала, Подмосковного и Донецкого районов. Указания IX съезда РКП(б) о первоочередном восстановлении тяжелой промышленности были, таким образом, полностью подтверждены VIII съездом Советов, а итоги работы промышленности в последнем квартале 1920 г. создавали, казалось бы, для этого необходимые условия.

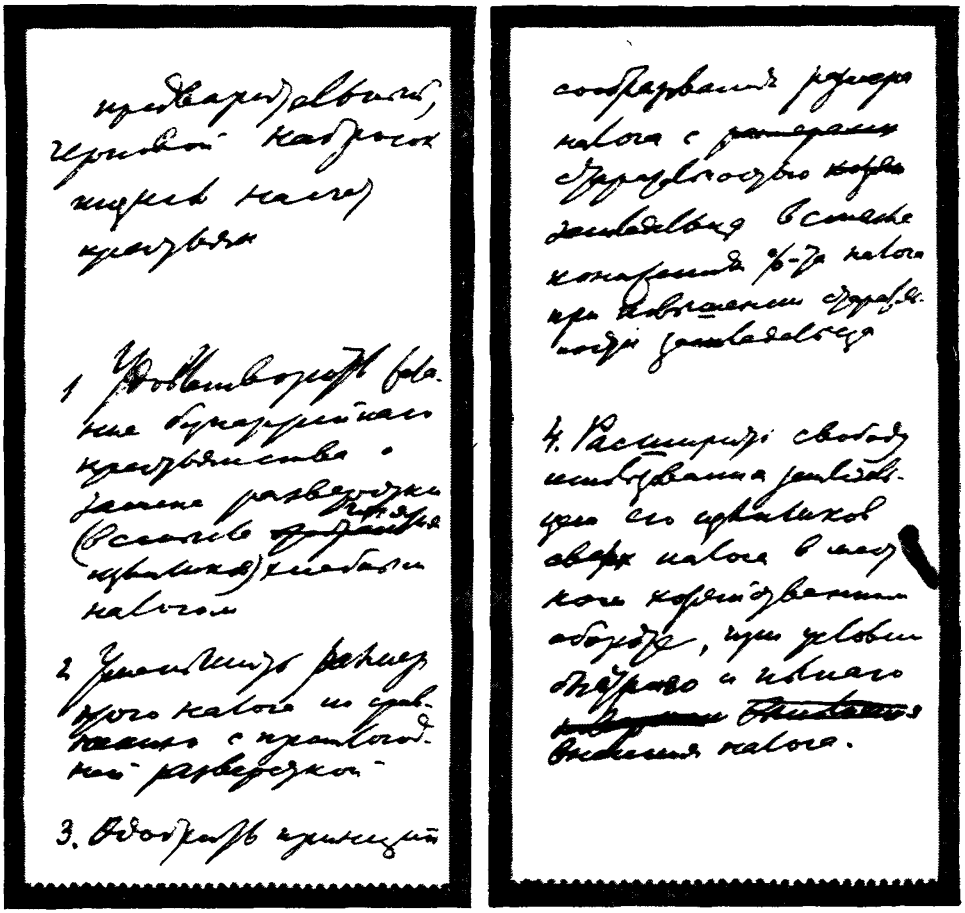
Но с января 1921 г. обстановка начала коренным образом меняться. Не прошло и месяца после VIII съезда Советов, как вновь обострились продовольственные, транспортные и топливные трудности. Пущенные в ход фабрики и заводы начали закрываться из-за отсутствия топлива, затухали недавно зажженные домны, добыча угля в Донбассе значительно упала.

Топливный кризис вызвал транспортный. 5 января 1921 г. Совет Труда и Обороны принял решение о закрытии на 10-дневный срок ряда железнодорожных линий, а 24 января из-за нехватки топлива было прекращено движение еще на 10 линиях. К началу февраля движение было приостановлено на 31 железной дороге.

Из-за отсутствия топлива временно прекратились работы на многих крупных предприятиях Петрограда и Москвы. В Петрограде было закрыто 64 предприятия, в том числе «Треугольник», «Айваз», Путиловский и Сестрорецкий заводы.

Одновременно значительно ухудшилось продовольственное положение страны. 22 января комиссия по снабжению столиц при СТО опубликовала сообщение о сокращении в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенском районе и Кронштадте выдачи хлеба по карточкам, пока на десять дней, а с 30 января было проведено новое сокращение хлебного пайка.

[4] «VIII Всероссийский съезд Советов», стр. 109—110.
[5] Там же, стр. 92.



Рукопись В. И. Ленина
«Предварительный черновой набросок тезисов
насчет крестьян»
8 февраля 1921 г.

При СТО была создана Чрезвычайная хлебная комиссия во главе с В. И. Лениным. Она должна была собираться ежедневно, и Высший Совет по перевозкам обязан был давать в комиссию сводку сведений об отправке и доставке продовольственных грузов.

28 февраля Ленин подписал постановление СТО «Об ассигновании десяти миллионов рублей золотом для закупки за границей продовольствия и предметов первой необходимости» [6].

В материалах по вопросам экономического положения, подготовленных Президиумом ВСНХ к X съезду РКП(б), оценка положения в промышленности давалась диаметрально противоположная той, которая была высказана председателем ВСНХ на VIII съезде Советов. В предисловии к материалам, датированным 3 марта 1921 г., прямо говорилось, что «с января 1921 г. Россия вступила в полосу экономического кризиса, который с особенной резкостью сказался в области продовольствия, топлива и транспорта» [7].

В материалах ВСНХ была сделана попытка объяснить причины трудностей после временных улучшений второй половины 1920 г. Подчеркивалось прежде всего, что не оправдались расчеты на рост добычи угля в Донецком бассейне. Развертывание промышленности также потребовало увеличения топливных ресурсов. При этом нужно учесть, что предприятия пускались в ход не только в плановом порядке (как, например, крупные предприятия Юга, Петроградского района и Урала), но и в результате стихийного стремления местных органов возобновить работу на мелких фабриках и в мастерских, что поглотило значительное количество топлива, «которое не поддается точному учету». К тому же президиум ВСНХ «принял постановление о пуске в ход предприятий лишь при месячном запасе топлива» [8].

Когда 20 марта 1921 г., уже после X съезда партии, на второй сессии ВЦИК восьмого созыва вновь обсуждался топливный вопрос, некоторые делегаты в довольно резкой форме напомнили ВСНХ грубые просчеты, допущенные в конце 1920 г. Однако основная задача заключалась в том, чтобы сделать из просчетов правильные выводы и объяснить их причины.

С предельной правдивостью и четкостью это сделал В. И. Ленин. «Очевидная ошибка в том, — сказал он в речи на собрании партийного актива Москвы 24 февраля 1921 г., — что мы неправильно распределяли хлеб в первом полугодии; мы не должны были увеличивать расход его до 25 миллионов. Сейчас из Сибири подвоза нет, так как кулацкими повстанцами прервана железнодорожная линия... Сибирское крестьянство еще не привыкло к тягостям, хотя оно несет их меньше, чем крестьянство Европейской России, и получился перерыв сообщения с Сибирью и прекращение подвоза... Запасов мы не оставили. Сейчас все должно быть направлено на то, чтобы устоять, с максимальной устойчивостью вынести настоящее положение» [9].

[6] СУ, 1921, № 16, ст. 101.

[7] «Материалы к 10 съезду РКП по вопросам экономического положения». М., 1921, стр. 5—7. Впоследствии в докладе на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин уточнил начальную дату хозяйственного кризиса: «Кризис начался, мне кажется, в феврале 1921 года» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 282).

[8] «Материалы к 10 съезду РКП по вопросам экономического положения», стр. 10.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 348.

Через несколько дней на заседании пленума Московского Совета 28 февраля В. И. Ленин опять вернулся к этому вопросу. «Теперь, весной, — говорил он, — продовольственные наши страдания обострились опять, хотя немного ранее мы и наблюдали улучшение продовольственного положения. Здесь вышло так, что мы не рассчитали. Когда был составлен план разверстки, то успех показал нам возможность улучшения. Народ наголодался так, что нужно было улучшить его положение во что бы то ни стало... Мы не рассчитали, что если мы сделаем хорошо сейчас, то трудно будет в конце, и это было той ошибкой, благодаря которой мы стоим перед продовольственным кризисом теперь» [10]. Ленин добавлял тут же, что «в панику вдаваться нам ни в коем случае нельзя. У нас положение обострилось тем, что мы сделали ошибку во всех видах работы. Не будем же бояться этих ошибок, не будем бояться признания их, не будем перебрасываться обвинениями...» [11]

Тяжелейший кризис начала 1921 г. усугублялся тем, что одни и те же причины вызвали обострение не только продовольственных трудностей, но и топливных. «Мы знаем, — говорил Ленин на X съезде партии, — что те топливные ресурсы, с которыми мы в отчетный год входили, были больше, чем прежде. И на этой почве увеличения наших топливных ресурсов мы сделали ошибку, допустив сразу такое широкое распределение топлива, которое исчерпало эти топливные ресурсы, и мы очутились перед топливным кризисом раньше, чем перевели все на правильную работу» [12]. Именно в этой связи Ленин в плане отчета о политической деятельности ЦК на X съезде РКП(б) записал: «...топливо, пуск фабрик слишком нерассчитанный», а отсюда — «урок: элементы хозяйственного улучшения налицо, но неправильно использованы и распределены (не в смысле только раздела, а в смысле соотношения экономических факторов)» [13].

В самом отчетном докладе этот вывод был сделан еще более отчетливо и ясно. Суть дела, подчеркивал Ленин, заключалась не только в неправильности учета или плана, но и ошибках «в определении соотношения между силами нашего класса и тех классов, с которыми в сотрудничестве, а иногда и в борьбе, он должен решать судьбы республики» [14].

В. И. Ленин в дальнейшем неоднократно возвращался к вопросу об ошибках и просчетах, допущенных в планах конца 1920 г. Он говорил об этом в докладе на майской партконференции 1921 г., объясняя, почему пущенные в конце 1920 г. предприятия вновь пришлось останавливать [15]. В письме к Г. И. Мясникову от 5 августа 1921 г. В. И. Ленин с предельной самокритичностью писал, что «такие ошибки (наши *общие* ошибки, все ошиблись, и *СТО*, и *СНК*, и ЦК), как с распределением топлива и *продовольствия* осенью и зимой 1920 года (громадные ошибки!!), еще во много раз обострили болезни нашего положения» [16].

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 358.
[11] Там же, стр. 361.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 13.
[13] Там же, стр. 367.
[14] Там же, стр. 10.
[15] См. там же, стр. 306—307.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 81.

Наконец, в декабре 1921 г., на IX съезде Советов, Ленин счел необходимым опять напомнить, что «в начале отчетного 1921 г. мы понесли самое жестокое крушение. Именно тут, опираясь на улучшение дела в конце 1920 г., мы допустили величайший просчет и привели транспорт к колоссальному кризису весной 1921 г., кризису, который был вызван уже не только недостатком материальных средств, но и тем, что мы неверно рассчитали темп быстроты развития» [17].

Если кризис крестьянского хозяйства, определившийся к концу 1920 г., поставил задачу изменения основ продовольственной политики и поисков новых форм экономического союза с крестьянством, то тягчайшие трудности первых месяцев 1921 г. показали воочию необходимость коренного изменения основ экономической политики в значительно более широком плане, чем это можно было ранее предполагать. Опыт, практика подтвердили, что начать с промышленности, как это намечал IX съезд партии, не удалось, ибо «период от IX до X съезда был почти весь заполнен войной... Если бы мы могли предположения IX съезда партии тогда же осуществить, то мы могли бы, конечно, гораздо больше дать продуктов» [18]. Быстрое восстановление крупной промышленности было бы наилучшей мерой, говорил Ленин в докладе «О продовольственном налоге» 9 апреля 1921 г., но «промышленность восстановить после IX съезда не удалось, потому что обрушился год войны, и недостаток топливного снабжения, и недостаток транспорта, и крестьянское хозяйство ослаблено до последних пределов» [19].

Весь этот анализ причин и уроков кризиса начала 1921 г. Ленин дал в основном уже после перехода к нэпу. Но решающие выводы о необходимости поворота в экономической политике были определены им раньше — в первой половине февраля 1921 г., примерно за месяц до X съезда партии.

Два предсъездовских месяца 1921 г. — январь и особенно февраль — отличались предельной напряженностью в работе В. И. Ленина. «Спокойных» месяцев и дней в его деятельности никогда не было, но начало 1921 г., несмотря на окончание войны, потребовало так много сил и такой концентрации энергии, воли, всех помыслов на выходе из кризиса, что эти месяцы нельзя не выделить. К тому же именно по этим двум месяцам (январь—февраль 1921 г.) исследователь располагает исчерпывающей биохроникой [20], когда зафиксирован каждый день и даже час работы Ленина.

В январе 1921 г., когда хозяйственный кризис еще не проявился в полной мере, Ленин официально находился в отпуске (с 1 по 22 января) и жил в Горках под Москвой. Но, и это уже стало правилом, во время отпуска Ленин продолжал работать. Он участвовал в работе пленумов ЦК 4 и 12 января, председательствовал на заседаниях СТО 4 и 10 января.

Вернувшись в Москву в воскресенье 23 января, В. И. Ленин вплотную занялся подготовкой к съезду партии. По существу весь февраль прошел

[17] Там же, стр. 316—317.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 151, 152.
[19] Там же, стр. 153.
[20] «Два месяца работы В. И. Ленина (Из хроники жизни и деятельности). Январь—февраль 1921 г.» М., 1934.

под знаком того, что Ленин позже назвал «поисками экономической политики», определением путей взаимоотношений с крестьянством в новых условиях. Это и была главная линия подготовки к съезду. Но чтобы обеспечить победу этой складывающейся и окончательно сложившейся ко времени созыва съезда ленинской линии в экономической политике, необходимо было добиться сплочения партии, ликвидации огромной опасности, вытекающей из все обострявшейся фракционной борьбы по вопросу о профсоюзах. Поэтому так много сил и времени Ленин продолжал уделять этому вопросу, резко подчеркивая во всех выступлениях перед съездом угрозу единству партии.

Тяжелый хозяйственный кризис вновь выдвинул на первый план проблемы продовольствия, топлива, транспорта. Эти текущие и неотложные задачи буквально не сходили с повестки дня правительства и ЦК партии. После возвращения Ленина из Горок заседания Совнаркома и СТО, как и заседания Политбюро и разных комиссий, происходили почти ежедневно и отнимали очень много времени [21].

Уже в январе 1921 г. пленум ЦК при участии Владимира Ильича принял чрезвычайно важные решения, по существу подготовлявшие переход к новой экономической политике. 4 января, через несколько дней после закрытия VIII съезда Советов, пленум ЦК дал Наркомзему принципиально важное задание: «соединить политически семенную кампанию с правильным определением отношения к крестьянству» [22].

12 января на повестке дня пленума ЦК стоял вопрос: «Настроение среди крестьян». Была создана комиссия в составе М. И. Калинина, Е. А. Преображенского и Ф. А. Сергеева (Артема) с заданием обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян в некоторых наиболее потерпевших от неурожая губерниях и представить доклад в Политбюро ЦК в двухнедельный срок [23].

Особенно большое значение имели решения Политбюро ЦК 2 февраля 1921 г. Наркому продовольствия А. Д. Цюрупе было указано, что поли-

[21] В январе 1921 г. В. И. Ленин председательствовал на пяти заседаниях СТО (4, 10, 24, 28 и 31-го), на одном заседании СНК (25-го), на заседаниях пленума ЦК 12 и 26 января и на двух заседаниях комиссии по реорганизации Наркомпроса (29-го и 31-го). В феврале 1921 г. Ленин председательствовал на четырех заседаниях СНК (1, 8, 15 и 22-го), шести заседаниях СТО (4, 9, 11, 18, 23 и 25-го), участвовал в девяти заседаниях Политбюро ЦК (2, 5, 8, 14, 15, 16, 19, 23 и 28-го), на заседаниях пленума ЦК 24 и 25 февраля, а также участвовал в заседаниях комиссии по реорганизации Наркомпроса (1 и 2-го), хлебной комиссии СТО (1, 4, 10 и 15-го), экономической комиссии (2, 5, 11 и 18-го) и комиссии по сырью (26 февраля). 7 февраля Ленин принимал участие в заседании комиссии Политбюро по редактированию тезисов по национальному вопросу к X съезду РКП(б), а 16 и 23 февраля — в заседаниях МК РКП(б), посвященных положению в Москве.

[22] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 53, л. 1. По предложению В. И. Ленина назначенному заместителем наркома земледелия Н. Осинскому и членам коллегии Наркомзема было поручено разработать и внести в СНК и на ближайшую сессию ВЦИК «как положение о наркомате в целом, так и специально о более широком и систематическом включении в работу спецов-агрономов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 233). В соответствии с ленинскими указаниями пленум ЦК подчеркнул также необходимость «привлечь двух-трех практиков крестьян в члены коллегии, одного из них постараться провести в наркомы». Членами коллегии Наркомзема Политбюро ЦК утвердило в начале 1921 г. крестьян Одинцова, Чесунова и Козырева.

[23] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 55, л. 1.

тическое положение и восстания крестьян требуют обратить самое серьезное внимание на быстрое проведение продовольственной «скостки» в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая и сильно нуждаются в продовольственном отношении[24].

В тот же день Политбюро ЦК заслушало доклад комиссии, созданной решением пленума ЦК 12 января, и поручило ей по соглашению с А. Д. Цюрупой и А. М. Лежавой выработать проект постановления Политбюро «О мерах, которые должны быть предприняты для облегчения положения крестьян», с тем чтобы этот проект передать в 10 часов вечера в секретариат ЦК «для опроса всех членов Политбюро по телефону».

Очевидно, именно этот проект постановления комиссии был приложен к протоколу заседания Политбюро 2 февраля; в нем перечислялись следующие практические меры помощи крестьянству: ускорение перевозки и распределения среди крестьян продуктов и инвентаря, усиление снабжения промышленными товарами (особенно мануфактурой, железом, смазочными материалами), увеличение импорта сельскохозяйственных орудий, пересмотр плана распределения сельскохозяйственного инвентаря для снабжения в первую очередь и по усиленной норме захваченных неурожаем губерний — Воронежской, Тамбовской, Курской, Орловской, Пензенской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др. Предлагалось также «выпустить от ЦК не подлежащий оглашению циркуляр продработникам-коммунистам о том, как они должны держать себя в отношении крестьянства в настоящий момент», и послать на места специальные комиссии с заданием изучить политическое настроение крестьянства, провести беспартийные конференции, принимать жалобы, расследовать и привлекать к суду за злоупотребления продработников и органы власти. В заключение предлагалось в письме к губкомам партии обратить внимание местных организаций на серьезность переживаемого момента и необходимость подготовиться к тяжелой весне[25].

В день принятия всех этих решений ЦК, 2 февраля, в Колонном зале Дома Союзов открылась конференция металлистов, на которой присутствовало около тысячи делегатов от рабочих-металлистов Москвы и Московской губернии. На конференции обсуждались тарифные вопросы, роль профсоюзов в производстве, но в центре ее внимания стоял продовольственный вопрос. Присутствовавшие на конференции меньшевики, используя недовольство рабочих продовольственными трудностями (напомним, что 2 февраля было проведено новое сокращение хлебного пайка), вели антисоветскую агитацию, пытались всячески осложнить работу.

Заслушав доклад о взаимоотношениях рабочих и крестьян, конференция приняла резолюцию, в которой прямо предлагалось осуществить замену продовольственной разверстки продовольственным налогом[26].

[24] «Вопросы истории», 1964, № 5, стр. 16—17.
[25] Там же, стр. 17.
[26] Резолюция конференции металлистов гласила: «1) признать существующую форму получения с крестьян продуктов их труда путем разверстки нецелесообразной, так как разверстка, вызывая ухудшение и развал сельского хозяйства, не только не отвечает интересам крестьянских масс, но также и губительным образом отражается на положении рабочих масс. 2) Заменить разверстку определенным натуральным налогом, но налог этот должен соответствовать местным условиям и выражаться в таком размере, чтобы не быть обременительным для крестьянства и тем самым давать ему возможность для поднятия и развития

Несмотря на то что в некоторых формулировках сказывалось меньшевистское влияние (например, в огульном охаивании разверстки, безотносительно к той роли, которую она сыграла в годы гражданской войны), Ленин внимательно прислушался к голосу рабочих Москвы. По просьбе делегатов он выступил на заключительном заседании конференции 4 февраля. Обращаясь к ее участникам, Владимир Ильич прямо сказал: «Мы не обещали легкую власть: но она вывела нас из-под власти помещиков и капиталистов». Основные тяготы войны вынес на своих плечах рабочий класс, но сейчас создалась обстановка, «когда в самом тяжелом положении очутились крестьяне, и мы знаем это положение». Ленин особенно подчеркнул значение предстоящей посевной кампании, которую ни пересмотреть, ни отменить нельзя, ибо это «значит выброситься с пятого этажа» [27]. Владимир Ильич сообщил также о мерах, принятых ЦК, о снятии разверстки с 13 центральных губерний.

Дав отпор неправильным настроениям, Ленин четко сформулировал основной вывод. «Надо направить все усилия к тому, чтобы наладить отношения рабочих и крестьян... Давайте пересмотрим отношения рабочих к крестьянам... Мы не против пересмотра этих отношений» [28].

Только четыре дня отделяли это выступление Ленина от 8 февраля, когда он написал известный документ — «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян», в котором вопрос о замене разверстки налогом принципиально был уже окончательно решен.

8 февраля вопросы, связанные с тяжелым продовольственным положением страны, обсуждались в числе других на заседании Политбюро ЦК (с 12 до 3 час. дня), на заседании Совнаркома (с 6 до 10 час. вечера) и на заседании СТО (с 10 до 11 час. 30 мин. вечера). В этот день Политбюро ЦК заслушало доклад Наркомзема (Н. Осинского) «О посевной кампании и положении крестьянства». Комиссии, выделенной Политбюро для подготовки решения по этому вопросу, Ленин и передал свой набросок тезисов, состоящий из следующих пунктов:

«1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.

3. Одобрить принцип сообразования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.

4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога» [29].

Чрезвычайно показательна ленинская формулировка первого пункта тезисов: «Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки хлебным налогом». Этими знаменательными словами Ленин как бы подчеркивал, что в «поисках экономической политики», соответ-

сельского хозяйства; проведение этого налога должно проводиться при посредстве сельскохозяйственных кооперации» («Коммунистический труд», 16 февраля 1921 г.).

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 308, 309.

[28] Там же, стр. 307, 308.

[29] Там же, стр. 333.

ствующей новой обстановке, необходим прежде всего строжайший и внимательный учет пожеланий и требований широких масс трудового крестьянства.

Впоследствии, уже на X съезде партии, один из делегатов (В. П. Милютин) в своем выступлении по докладу В. И. Ленина о замене разверстки налогом сравнивал поворот к нэпу с историческим актом в октябре 1917 г. — декретом о земле в том смысле, что в основу как декрета о земле, так и декрета о натуральном налоге были положены крестьянские наказы и пожелания [30].

Вождь партии, руководитель Советского государства сумел уловить, объединить и обобщить пожелания крестьян, сделать на их основе единственно правильные выводы, своевременно и быстро совершить исторический поворот к нэпу.

Ленинские тезисы 8 февраля были положены в основу разработки решения X съезда партии о замене разверстки налогом. С этого времени, т. е. ровно за месяц до открытия съезда, началась практическая подготовка в ЦК партии этого исторического постановления. Приступила к работе комиссия, созданная ЦК 8 февраля (А. Д. Цюрупа, Н. Осинский, Л. Б. Каменев), по подготовке постановления о замене разверстки налогом, и к 18 февраля первый проект был уже представлен. За два дня до этого, 16 февраля, Политбюро ЦК обсуждало вопрос об открытии в «Правде» дискуссии о замене разверстки натуральным налогом. Опубликованные в Полном собрании сочинений В. И. Ленина две записки Владимира Ильича Н. Н. Крестинскому, написанные на этом заседании Политбюро, позволяют сейчас значительно полнее раскрыть ход обсуждения вопроса. Крестинский сообщал Ленину, что в редакцию «Правды» поступила статья П. Сорокина и М. Рогова о замене разверстки налогом. Л. Б. Каменев переслал эту статью Крестинскому с просьбой напечатать ее непременно 17 февраля. Член редакционной коллегии «Правды» Н. Л. Мещеряков сомневался в необходимости срочной публикации статьи, и Крестинский писал, что он в основном согласен с Мещеряковым.

На этот вопрос Ленин в первой своей записке ответил: «Я статьи не видал, но, полагаясь на Каменева (что *вредного* он не рекомендовал бы), подаю голос за то, чтобы *печатать завтра*» [31]. Крестинский в ответ разъяснил, что его смущает официальный характер статьи, так как авторы ее подписались: «московский губпродкомиссар Сорокин и заведующий московским губземотделом Рогов» [32]. Тогда Ленин во второй записке предложил следующее решение вопроса: «...надо лишь потребовать 1) оговорки, что автор или авторы пишут как *частные* литераторы, а не как должностные лица; 2) оговорки: статья дискуссионная» [33]. Принимая это предложение, Крестинский только добавил: «Сталин считает стратегически невыгодным, чтобы канву для неизбежной дискуссии дали не мы; поэтому он за то, чтобы этой статьи не печатать без предварительного просмотра ее нами. Таким образом, вопрос будет решать Бухарин. Я сейчас позвоню об этом Марии Ильиничне и Мещерякову» [34].

[30] «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.» Стенографический отчет. М., 1963, стр. 436.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 73.
[32] Там же, прим., стр. 367.
[33] Там же, стр. 73.
[34] Там же, прим.. стр. 367.

После состоявшегося обмена мнений Политбюро 16 февраля приняло решение: «Сообщить т. Мещерякову, что статья т. Сорокина может быть помещена», и на следующий день, 17 февраля, статья появилась в «Правде».

Выступать в печати официально от имени ЦК партии, пока решение о замене разверстки налогом не было еще до конца разработано и утверждено пленумом ЦК, а затем съездом партии, было, как, очевидно, считал Ленин, преждевременным. Но постановка этого вопроса в печати и предварительное его обсуждение являлись, по мнению Владимира Ильича, совершенно необходимыми для правильной ориентировки партии еще до открытия съезда.

На пленуме Московского Совета 28 февраля Ленин напомнил, что «в газете „Правда", которая является Центральным Органом Российской коммунистической партии, и раньше, чем мы с трибуны этой сказали на страницах „Правды", за подписью не только случайных сотрудников, но и ответственных, предложения налогов были» [35]. Придавая этому большое значение, Ленин на X съезде партии повторил: «Вопрос о налоге был поставлен ЦК на дискуссию. Статьи в „Правде" были... Поставлена была в „Правде" дискуссия не случайно...» [36]

Первая статья М. Рогова и П. Сорокина «Разверстка или налог» начиналась с оценки решения VIII съезда Советов о сельском хозяйстве. Авторы указывали, что реальных результатов от посевкомов ждать нельзя, увеличения площади посевов они не обеспечат, так как у крестьян нет внутренних побуждений к расширению посевов. Принцип разверстки этого стимула не дает и дать не может, отсюда вытекает необходимость перехода к налогу. Далее предлагались общие тезисы и следовал вывод: «В целях укрепления крестьянского хозяйства и увеличения интенсивности производительности его, разверстка как метод государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом».

Тезисы определяли также основные принципы взимания налога (количество обрабатываемой земли, число трудоспособных членов хозяйства и наличие скота). Пункт пятый тезисов гласил: «Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у производителей по выполнении ими налога, находятся в полном их распоряжении и используются отдельными хозяйствами по их желанию в следующем виде: а) на текущие потребности самого хозяйства, б) на расширение хозяйства, в) на сдачу излишков, по усмотрению хозяйства, органам государственной власти...» [37] Следующий пункт говорил об условиях сдачи хлеба государству, создании Наркомпродом специального фонда продуктов широкого потребления для натуральной оплаты предметов продовольствия.

Вторая статья тех же авторов, опубликованная в «Правде» 26 февраля, приводила данные о производстве хлеба в России и предлагала размер налога на 1921 г. — около 300 млн. пудов.

Достаточно сравнить некоторые формулировки этих статей с подготовленным к тому времени проектом постановления ЦК о замене раз-

[35] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 363.
[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 36.
[37] «Правда», 17 февраля 1921 г.

верстки налогом, чтобы убедиться в почти текстуальном совпадении некоторых основных положений. Конечно, авторы статьи не сами «предугадали» решение ЦК. Совершенно ясно, что они заранее были с ним ознакомлены, хотя выступали, согласно предложению В. И. Ленина, как частные литераторы, а не как официальные лица.

23 февраля орган Московского комитета партии «Коммунистический труд», поддерживая инициативу «Правды», открывшей дискуссию, писал в передовой статье «Наши задачи в деревне»: «Выдвинутый некоторыми товарищами вопрос о переходе от способов разверстки к методам натурального налога и премирования старательных крестьян безусловно подлежит дальнейшему обсуждению и разработке».

Но широкая дискуссия в ответ на статьи в «Правде» все же не развернулась или не успела развернуться в центральной и тем более местной печати.

Ленин отметил на X съезде партии, что на статьи в «Правде» «никто не отвечал» [38]. Более того, на проходивших повсеместно в это время, и преимущественно во второй половине февраля 1921 г., областных и губернских партконференциях вопрос о замене разверстки налогом фактически почти не подвергался ни специальному обсуждению, ни дискуссии. Это можно объяснить рядом чрезвычайно важных обстоятельств, к рассмотрению которых мы и перейдем.

2.

Поиски новой политики и профсоюзная дискуссия. Позиция отдельных местных парторганизаций перед X съездом партии. Подготовка в ЦК РКП(б) решения о замене разверстки налогом

12 января 1921 г. пленум ЦК специальным постановлением объявил свободную дискуссию по вопросу о профсоюзах. Во второй половине января и в феврале 1921 г. дискуссия прокатилась по стране, охватив все местные парторганизации. В ряде случаев она приняла совершенно неправильный, уродливый характер и нередко начала сводиться к спорам о «верхах» и «низах».

Как правило, почти на всех областных и губернских партконференциях, собиравшихся в феврале 1921 г. накануне X съезда партии, в центре внимания стоял вопрос о профсоюзах. Изучение материалов партконференций убедительно подтверждает, насколько соответствовали обстановке и вытекали из нее неоднократно повторяемые Лениным слова, что профсоюзная дискуссия, навязанная партии троцкистами, *«отвлекла внимание партии от главного»* [39].

В работе «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. т. Троцкого и Бухарина», написанной в разгар дискуссии 25 января

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 36.
[39] Там же, стр. 367.

1921 г., Ленин писал: «...Я всегда выражал, выражаю и буду выражать пожелание, чтобы мы занимались меньше политикой, больше хозяйством. Но нетрудно понять, что для выполнения этих пожеланий надо, чтобы не было политических опасностей *и политических ошибок*. Политические ошибки, которые сделаны тов. Троцким и углублены, усугублены тов. Бухариным, *отвлекают* нашу партию от хозяйственных задач, от „производственной" работы, *заставляют нас, к сожалению, терять время* на исправление этих ошибок...» [40]

Глубоко продумывая и подготовляя коренной поворот в экономической политике партии, Ленин вынужден был именно в эти самые напряженные месяцы уделять очень много времени дискуссии о профсоюзах, выступать на собраниях, одну за другой писать статьи и брошюры, чтобы разоблачить политически ошибочные взгляды и отстоять правильную линию партии. Конечно, эти ленинские работы и статьи имели огромное теоретическое и практическое значение, вооружая кадры партии, обеспечивая укрепление единства ее рядов. Они навсегда вошли в золотой фонд основных ленинских произведений, и в них по существу были поставлены важнейшие вопросы перехода от войны к миру и необходимости нового подхода к массам, новых методов работы в массах. Но нельзя забывать, что именно профсоюзная дискуссия потребовала перенесения срока созыва очередного партийного съезда почти на месяц — с 6 февраля до 8 марта 1921 г. Поэтому В. И. Ленин с такой горечью и болью говорил в докладе на X съезде РКП (б):

«...Мне кажется, нужно сказать, что если мы пороскошествовали и дали миру удивительный образец того, как партия, поставленная в труднейшие условия отчаянной борьбы, проявляет неслыханное внимание к деталям выяснения отдельных подробностей платформ, — и это при условии неурожая и кризиса, при условии разорения и демобилизации, в которых мы оказались, — то теперь мы сделаем из этих уроков политический вывод, не только вывод, указывающий на ту или иную ошибку, а вывод политический, касающийся отношений между классами, между рабочим классом и крестьянством» [41].

Таков был важнейший политический урок, о котором Ленин счел нужным сказать партии, чтобы предупредить повторение подобных ошибок и нацелить ее внимание на решение основного вопроса о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

На областных и губернских партконференциях, собиравшихся в канун созыва X съезда партии, обсуждались и хозяйственные вопросы, в частности вопрос о положении в деревне. Так, на Рязанской партконференции, открывшейся 25 февраля 1921 г., был заслушан доклад о сельскохозяйственном производстве, на Тверской партконференции (25 февраля—1 марта 1921 г.) — о помощи сельскому хозяйству и задачах партработы в деревне, на Татарской областной партконференции (26—28 февраля) — о задачах в области сельского хозяйства, а на некоторых партконференциях ставились или специальные доклады о проведении посевной кампании (Петроградская, Воронежская, Кубано-Черноморская, Сибирская и др.) или общие доклады об очередных задачах хозяйствен-

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 281.
[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 17—18.

ного строительства (Самарская, Нижегородская, краевая Туркестанская и др.).

К сожалению, имеется сравнительно мало источников, чтобы составить полное представление о выступлениях делегатов на этих конференциях. Отдельные издания протоколов и тем более стенографические отчеты партконференций, как правило, не выпускались, а публикации в местных газетах обычно ограничивались сообщением повестки дня и содержания основных докладов и резолюций. Только по отдельным парторганизациям, где были изданы краткие отчеты (Московская, Рязанская, Тверская, Новгородская), можно получить сведения о характере прений и выступлений делегатов.

Например, на Рязанской губернской партконференции делегат Фомин в прениях по докладу о сельскохозяйственном производстве говорил о недостаточности решений VIII съезда Советов по сельскому хозяйству, о том, что крестьянам кажется «удивительным» вмешательство государства в сельскохозяйственное производство. «По-моему, — развивал он эту мысль, — до тех пор, пока крестьянин не будет заинтересован в улучшении своего хозяйства, пользы нам никакой метод не принесет. Никакие селькомы, никакие ссыпки в общественные амбары не помогут... Поскольку крестьянину будет ясно, что он должен отдать и что останется у него, постольку он будет работать... Надо определенно сказать — столько-то нужно сдать, тогда крестьянин будет знать, что все остальное идет ему, и будет работать. Тогда он будет заинтересован... Закон VIII съезда — хороший закон, но много в нем недоговоренности. Крестьян надо заинтересовать и с этой стороны подходить к поднятию сельского хозяйства» [42].

Можно с уверенностью сказать, что такие выступления на партконференциях в феврале 1921 г. были единичными, а в решениях и резолюциях партконференций они почти не нашли отражения. Наоборот, всемерно подчеркивалась незыблемость продразверстки и необходимость неукоснительного ее выполнения.

Вопрос о позиции местных парторганизаций накануне X съезда РКП(б) еще требует дополнительного и самостоятельного исследования, но на основании уже имеющихся материалов чрезвычайно важно объяснить, почему при несомненной осведомленности некоторых руководящих партработников на местах о подготовке в ЦК решения о замене разверстки налогом эта явно назревшая задача не получила на партконференциях широкого отражения ни в прениях, ни в резолюциях.

Помимо профсоюзной дискуссии, которая действительно отвлекала внимание партии от насущных и первоочередных хозяйственных вопросов, здесь действовали и другие чрезвычайно важные обстоятельства.

Тяжелый кризис и голод, разразившиеся в начале 1921 г., потребовали от местных парторганизаций максимального напряжения сил для выполнения разверстки, для спасения голодающих промышленных центров. Особенно остро эта задача стояла перед теми областями и районами, которые после снятия разверстки в 13 центральных губерниях становились

[42] «Девятая Рязанская губернская конференция РКП(б). 25 февраля 1921 г.» Рязань, 1921, стр. 36.

основными источниками снабжения страны хлебом. Речь шла, в первую очередь, о Сибири и Северном Кавказе.

В январе и феврале 1921 г. почти ежедневно в Ростов-на Дону и Воронеж, в Челябинск и Уфу, в Омск и Тюмень шли тревожные ленинские телеграммы с призывом принять героические меры для доведения до максимума погрузки и отправки хлеба в центр [43].

Успешный и быстрый сбор хлеба по разверстке местные парторганизации, особенно хлебных районов, рассматривали как свой прямой долг перед родиной и революцией. Естественно, что в таких условиях подвергать широкой дискуссии вопрос о замене разверстки налогом было весьма затруднительно. Этим, очевидно, и объяснялось, что Сиббюро ЦК в письме всем губкомам и уездным комитетам РКП(б) об организации подготовительной кампании к проведению хлебной разверстки, посланном в конце 1920 г., давало следующие указания:

«Сиббюро предупреждает товарищей о недопустимости подвергать дебатам вопрос о самой разверстке: ни на митингах, ни на конференциях, ни метод разверстки, ни цифры ее, падающие на данную территорию, не должны оспариваться, и всякие попытки в этом направлении необходимо решительно отводить. Непонимающим, не ясно разбирающимся может быть выяснено, почему государство избрало метод разверстки, но обсуждения правильности или неправильности этого, вынесения резолюций на эту тему допускать нельзя. Необходимо все крестьянство поставить перед разверсткой, как перед государственным законом, подлежащим точному исполнению. Что же касается цифры разверстки, то нужно пропагандировать цифру, падающую на данную территорию, указывая крестьянам, что выполнить ее необходимо и от них самих зависит целесообразность разверстания ее по отдельным хозяйствам так, чтобы всей тяжестью она легла на богатых, зажиточных крестьян. Никаких резолюций об уменьшении цифры допускать нельзя, рекомендуя всем, со всеми жалобами по этому вопросу обращаться в упродкомы» [44].

Однако внутри сибирских парторганизаций некоторые оттенки мнений, особенно по вопросу о методах сбора разверстки, все же имели место, а отдельные партработники шли даже дальше, осторожно выдвигая возможные варианты замены разверстки налогом.

В отчете о работе Сиббюро ЦК за декабрь 1920 и январь—февраль 1921 г., посланном в ЦК партии, указывалось, например, что «в феврале месяце между Омским губпродкомом и губкомом начались трения по вопросу о нажиме на крестьян, который проводил губпродком. Встал вопрос в принципиальную плоскость: нужно ли продолжать нажим на крестьян...» Сиббюро ЦК по этому вопросу вынесло специальное решение, указав, что «впредь до выполнения 70% разверстки никаких ослаблений продовольственной политики и нажима допущено быть не может».

Подчеркивая в своем отчете в ЦК необходимость сохранения твердого продовольственного режима для сбора разверстки, Сиббюро в то же время сообщало о начавшихся крестьянских восстаниях, которые

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 305, 306, 307.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17. оп. 12, ед. хр. 5, л. 61—61 об.

из Ишимского уезда Тюменской губернии перекинулись на территорию Петропавловского, Кокчетавского и Омского уездов [45].

Разногласия в Омской губернии между партийными и советскими органами, с одной стороны, и продовольственными — с другой, о которых говорилось в отчете Сиббюро ЦК, были, по всем данным, несколько глубже и не ограничивались только вопросом об усилении или ослаблении нажима на крестьянство при сборе разверстки. Уже в декабре 1920 г., до открытия VIII съезда Советов, заведующий Омским губземотделом В. Кривощеков в докладе «О мерах укрепления и развития сельского хозяйства в Сибири» [46] высказал ряд важных соображений об особенностях проведения земельной и продовольственной политики в сибирских условиях. «В целях увеличения посевной площади и создания экономической заинтересованности у крестьянских масс, — говорилось в докладе, — следует признать необходимым заблаговременное определение и объявление населению количества хлебной разверстки каждого района в виде определенного подесятинного налога... В целях сохранения экономической заинтересованности крестьянства при больших посевах и для увеличения посевной площади — допустить оставление излишков в полное распоряжение хозяина (без права вывоза по железной дороге) после выполнения им разверстки и закрепления семенного материала будущего года» [47].

Примерно такую же точку зрения защищал заведующий Сибирским облземотделом, уполномоченный Наркомзема по Сибири, старый большевик В. Н. Соколов. Он поставил этот вопрос в Сибревкоме и Сиббюро ЦК, но не встретил поддержки и просил в связи с этим разрешить ему поездку в Москву.

На заседании Сиббюро ЦК 18 января 1921 г. специально обсуждался вопрос «О целях поездки т. Соколова в Москву». Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов информировал Сиббюро о том, что В. Н. Соколов «ввиду несогласия с решением Сибревкома о семенном фонде... решил перенести этот вопрос для решения в центр». Сиббюро приняло постановление: «Поручить тов. Соколову при постановке в центре вопроса о семенном фонде оттенить свою точку зрения от точки зрения Сиббюро и Сибревкома по этому вопросу» [48]. В. Н. Соколов выехал в Москву и 2 февраля был принят Лениным.

Вскоре вслед за Соколовым в Москву поехал крестьянин Иркутской губернии О. И. Чернов. Как впоследствии рассказывал сам Чернов, он еще в 1920 г., после введения в Сибири продразверстки, поставил вопрос, что для местных условий эта мера не подходит, и предложил ввести «процентное отчисление», т. е. налог, чтобы заинтересовать крестьянина. Чернов беседовал об этом с заведующим Черемховскими угольными копями, который помог ему устроить поездку в Москву и, по словам Чернова, дал письмо к М. И. Калинину. Перед отъездом Чернов побывал на приеме у председателя Сибревкома и изло-

[45] Там же, оп. 13, ед. хр. 905, лл. 54—55.
[46] Доклад В. Кривощекова хранится в делах информационного подотдела Оргинструкторского отдела ЦК (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 502, лл. 1—23) и, судя по этому, можно предполагать, что он был направлен в ЦК партии.
[47] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 502, л. 17.
[48] Там же, оп. 13, ед. хр. 905, л. 5.

жил ему свою точку зрения. Во время беседы И. Н. Смирнов сказал О. И. Чернову, что с этим же вопросом в Москву уже выехал В. Н. Соколов [49]. Чернов приехал в Москву 22 января и 9 февраля был принят В. И. Лениным.

Таким образом, Владимир Ильич принял обоих сибирских посланцев — сторонников замены разверстки налогом. Но в самой сибирской парторганизации позиция Соколова—Кривощекова не получила поддержки. Более того, в тезисах по докладу сибирского продкомиссара П. Когановича «План посевной кампании в Сибири», принятых III Сибирской областной партконференцией (20—22 февраля 1921 г.), подобная точка зрения была подвергнута самой резкой критике. В тезисах говорилось, что «отсутствие товарного эквивалента, позволяющего полностью компенсировать крестьянина за сдаваемые им излишки продовольствия и сырья,.. особенно затрудняет задачу нормализации и толкает некоторых товарищей на путь подыскания других стимулов... Одним из таких стимулов выдвигается предварительная, до посева разверстка, причем все, что крестьянин засеет и соберет сверх разверстки, поступает в его полное распоряжение, конечно, с правом продажи, обмена и т. п.»

Конференция категорически осудила подобные, как говорилось в ее решении, «мелкобуржуазные и мешочнические стремления» и «взамен этих кулацко-эсеровских стимулов» выдвинула: «государственное убеждение, целевое снабжение наиболее старательных обществ и хозяев путем премий, государственное принуждение» [50].

Такое же непонимание и опасения, что переход к налогу и свобода распоряжения излишками приведут к срыву продовольственных заготовок, имели место и в другой крупнейшей партийной организации — Украинской.

2 марта 1921 г. нарком продовольствия Украины М. К. Владимиров послал на имя Ленина и Цюрупы две очень тревожные телеграммы. В первой говорилось о трудных условиях продовольственной работы, о разгроме бандами Махно советского продовольственного аппарата и угрозе серьезных осложнений в снабжении центра и Донбасса продовольствием [51].

Текст второй телеграммы ввиду его важности приведем полностью:

«Прения продовольственной секции съезда [52] ярко подтвердили всю исключительную опасность введения налога. Укаписты и беспартийные расшифровали тот смысл, который вкладывают крестьяне [в] понимание налога, особенно подчеркивая свободное распоряжение тем количеством, которое останется сверх налога [в] порядке обмена [с] рабочими. Эта опасность усугубляется явно выраженной тенденцией у рабочих [к] такому же обмену. Если все это не будет уложено [в] рамки государственного урегулирования, о заготовке продорганами не может быть и речи. Прошу учесть, что если Украине [с] большим трудом, но удалось привить разверстку, то представится невозможным, учитывая общие социально-политические отношения, сделать бесспорной цифру налога и

[49] И. Т. Малкин. Крестьяне о Ленине. М.—Л., 1927, стр. 9—13.
[50] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, ед. хр. 498, лл. 142—143.
[51] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 712, л. 13.
[52] Речь идет о V Всеукраинском съезде Советов, состоявшемся 25 февраля—3 марта 1921 г.

добиться уплаты его как предварительного условия распоряжения остающимся количеством. Все ответственные продработники убеждены [в] невозможности работать при таких условиях. [На] предварительном голосовании расширенного собрания пленума ЦК КПУ также выяснилась неприемлемость налога для Украины» [53].

В. И. Ленин выразил свое отношение к этим телеграммам в следующей записке, отправленной 3 марта на имя Л. Д. Троцкого: «Посылаю Вам к сведению. Очень интересные вещи. По-моему, украинские коммунисты не правы. Вывод из фактов не против налога, а за усиление военных мер к *полному* уничтожению Махно и т. п.» [54]

Однако для понимания обстановки в местных парторганизациях и их позиций в канун X съезда РКП(б) нельзя не учитывать и другой стороны вопроса. Именно с мест, от отдельных партработников в ЦК партии и к В. И. Ленину поступало довольно много сигналов о назревшей необходимости перехода от разверстки к налогу. В. И. Ленин внимательно прислушивался к этим сигналам, опирался на предложения с мест в поисках новой экономической политики.

Показательна в этом отношении беседа Владимира Ильича с В. Н. Соколовым из Сибири 2 февраля 1921 г.

Если в сибирских организациях позиция Соколова встретила серьезную критику и возражения [55], то совсем иначе отнесся к его предложениям В. И. Ленин. Когда Соколов сформулировал свою точку зрения об изменении форм разверстки, Владимир Ильич задал ему следующие вопросы:

«И вы полагаете, что тут можно ограничиться Сибирью?

— Нет, Владимир Ильич, Сибирь — начало, подход, опыт...

— Вы думаете, если объявить заранее, будут сеять больше?

— Несомненно будут: хозяйственный инстинкт...» [56]

В заключение беседы Ленин предложил Соколову сделать доклад в Наркомземе, поговорить с А. Д. Цюрупой, снестись с Сибирью и подготовить тезисы о «продполитике в Сибири» и проект постановления ЦК по этому вопросу. «Во вторник мы их рассмотрим», — сказал, прощаясь с Соколовым, Владимир Ильич [57].

Так как Ленин принял Соколова в среду 2 февраля в 7 час. 30 м. вечера, т. е. уже после заседания Политбюро ЦК, которое состоялось в этот день, то речь могла идти только о рассмотрении тезисов на следующем заседании Политбюро, которое намечалось на вторник 8 февраля. На этом заседании, как нам уже известно, был принят ленинский «Предварительный черновой набросок тезисов насчет крестьян». Возможно, что

[53] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 712, л. 14.

[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 88.

[55] В своей статье «Продналог и посевкампания», опубликованной в «Правде» 29 мая 1921 г., т. е. после перехода к нэпу, В. Н. Соколов так объяснял позицию некоторых местных парторганизаций накануне X съезда РКП(б). «Мы предполагали, — писал он, — что X съезд партии пройдет под знаком организации профдвижения... Мы продолжали мыслить и работать по инерции в старых предыдущих формах, а конкретная действительность уже закладывала новые формы борьбы и ставила их перед нами почти в готовом, законченном виде».

[56] В. Н. Соколов. Накануне нэпа. — «Старый большевик». Сборник 1, 1930, стр. 115, 116.

[57] Там же, стр. 116.

в ходе обсуждения 8 февраля упоминались и предложения В. Н. Соколова. Краткий протокол заседания Политбюро об этом ничего не говорит. Во всяком случае факты подтверждают, что к тезисам и к проекту постановления ЦК[58], представленным Соколовым, В. И. Ленин отнесся чрезвычайно внимательно[59]. Его очевидно заинтересовало предложение Соколова о возможности не только премирования старательных хозяев, что уже одобрил VIII съезд Советов, но и об организации товарообмена с крестьянством. Это был еще один шаг вперед, еще одно важное звено (премирование+налог+*товарообмен*), о чем Ленин больше всего думал в начале февраля 1921 г. при подготовке решения о замене разверстки налогом.

3 февраля предложения Соколова рассматривались на заседании коллегии Наркомзема[60]. Обсуждение этих предложений было перенесено на следующий день, 4 февраля, и, судя по воспоминаниям Соколова, они не встретили особой поддержки, а их автор был объявлен чуть ли не «жирондистом». Постановление коллегии Наркомзема от 4 февраля гласило: «Вопрос о перераспределении семян в губерниях Сибири признать желательным... Конструкцию посевкомов не менять»[61]. По вопросу о введении в Сибири предварительной продовольственной разверстки с весны никакого решения не было принято.

Вскоре состоялась встреча Соколова с А. Д. Цюрупой в присутствии всей коллегии Наркомпрода. Эта встреча также не дала практических результатов. Только когда Соколов, незадолго до отъезда из Москвы, передал Н. Н. Крестинскому свои тезисы и проект постановления ЦК, последний сказал ему: «Кажется, Ваши тезисы в архив и не пойдут»[62].

Во время приемов работников с мест Ленин обычно спрашивал их о настроениях крестьян. Уполномоченный ВЦИК и СТО по продовольственным заготовкам в Орловской и Воронежской губерниях, а с конца 1920 г. председатель Воронежского губернского продовольственного сове-

[58] Подготовленный В. Н. Соколовым проект постановления гласил: «...исходя из конкретной хозяйственной обстановки в Сибири, учитывая необходимость поднятия производительных сил ее сельского хозяйства, а также в целях поощрения старательных сельских хозяев, ЦК находит возможным в виде опыта на предстоящий 21-й сельскохозяйственный год ограничить хлебопродовольственные потребности государства, подлежащие выполнению сибирским земледельцем, до 100 млн. пуд. и постановляет: 1. Допустить в Сибири предварительное до посева объявление хлебной разверстки в означенном количестве (100 млн. пуд.). 2. Все оставшееся у производителей за выполнением этой обязательной хлебной повинности количество хлебов предоставить в их (производителей) полное распоряжение. 3. Разрешить добровольную передачу этих остатков (целиком или частично) владельцами их государству на особых условиях (товарообмена или премирования). 4. Предложить Сибирскому посевкому немедленно и параллельно с продолжением продкампании приступить к учету семенного фонда и одновременному развитию посевной кампании» (ЦПА ИМЛ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 29 007, л. 8). Документ был опубликован в журнале «Дон» (Ростов-на-Дону, 1957, № 4) в статье «Рабочий день В. И. Ленина», но с ошибочным утверждением, что этот проект рассматривался 2 февраля 1921 г. на заседании Политбюро ЦК.

[59] Об этом свидетельствует сохранившийся в ЦПА ИМЛ подлинник этого документа с пометками и поправками Владимира Ильича. В. И. Ленин внес в него редакционные поправки и исправил опечатки. На самом докладе и тезисах Соколова имеется следующая надпись: «Внесено в ЦК РКП(б) по предложению В. И. Ленина -- февраль 1921 г.» (ЦПА ИМЛ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 29 007, л. 1).

[60] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 641, л. 16.

[61] Там же, л. 20.

[62] Б. Н. Соколов. Накануне нэпа, стр. 123.

щания, старый большевик Н. А. Милютин с декабря 1920 г. по март 1921 г. дважды был на приеме у Ленина. Владимира Ильича, вспоминал он, «особенно интересовали настроения крестьян. Я поделился своими сомнениями в правильности нашей политики перераспределения урожая между крестьянами. До продналога я не додумался, но указывал, что мы делаем что-то не то, убиваем стимул к поднятию урожая» [63].

В феврале 1921 г. Ленин сам иногда во время приема спрашивал мнение товарищей о возможности изменения экономической политики. Об этом он, в частности, беседовал с членом коллегии РКИ А. К. Пайкесом 9 февраля 1921 г.[64]

Владимир Ильич получал письма от партийных работников с соображениями о необходимости изменения политики партии в деревне. Так, в тот же день, когда был принят А. К. Пайкес (9 февраля), Н. Н. Крестинский передал В. И. Ленину письмо бывшего редактора «Окопной правды», а затем пом. комиссара Главного управления водного транспорта — Д. И. Гразкина, который изложил свои впечатления о пребывании в декабре 1920 г. в Кирилловском уезде Вологодской губернии. С большой тревогой Гразкин писал о тяжелом положении деревни, о трудностях разверстки и предлагал установить «процентную норму» взимания продуктов всех видов. «Если до весны, — писал он, — никаких решительных шагов в эту область не предпримем, то можем оказаться перед попыткой крестьянского реванша» [65]. Ленин внимательно ознакомился с письмом и «дня через два или три», как вспоминал Гразкин, принял автора письма и долго с ним беседовал. В заключение В. И. Ленин спросил: «Вы в письме предлагаете заранее установить норму взимания продуктов с крестьянского хозяйства. А куда крестьяне будут девать излишки? Продавать? Значит, нужна торговля?» [66]

Именно этот последний вопрос, как мы увидим дальше, особенно интересовал в это время Ленина, и он стремился нащупать в беседах с товарищами наиболее правильные пути его практического решения.

Уже накануне открытия X съезда партии, в марте 1921 г., один из кадровых питерских рабочих, старый большевик В. Н. Каюров, которого хорошо знал и очень ценил Владимир Ильич, обратился к нему с письмом (В. Н. Каюров в это время работал в Сибири), где подробно изложил свои соображения о необходимости замены разверстки налогом. «Почему нельзя, — спрашивал Каюров, — применить тот метод (хотя бы временно), к которому с колыбели привыкло крестьянство и который психологически воспринимается им как наиболее законный и справедливый, а именно: установление определенного налога с десятины, обязательно заранее декретированного?..» Каюров предлагал также использовать «коммерческую жилку» крестьянина и попытаться «коммерческим» же способом получить из деревни излишки сверх установленного налога [67].

[63] Н. А. Милютин. По заданиям Ленина. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 413.
[64] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, Даты, стр. 583.
[65] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17 178, л. 1.
[66] Д. И. Гразкин. Глубокое знание жизни трудящихся. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 126.
[67] В. Каюров. Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции (1917—1921 гг.). — «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 57.

В. И. Ленин, внимательно прочитав письмо В. Н. Каюрова, сделал на нем ряд пометок, в частности подчеркнул слово «коммерческим». Владимир Ильич ответил Каюрову после X съезда партии — 24 марта, сообщил, что декрет о продналоге уже принят, и просил писать ему о том, как сибирские крестьяне встретили налог, каковы их настроения и настроения рабочих [68].

Расширяющаяся с каждым годом исследовательская работа по изучению истории перехода к новой экономической политике позволяет все время накапливать и расширять материалы, находить новые факты и новые документы о письмах, которые шли к Ленину по вопросам замены разверстки налогом. Интересные данные содержит статья И. А. Гладкова [69], представляющая собой материал для IV тома многотомной «Истории КПСС». Так, В. И. Ленина очень заинтересовал проект «О применении новых методов при проведении продовольственных разверсток», подготовленный Канским уездным исполкомом Енисейской губернии, в котором излагалась идея «пропорционально-прогрессивного» обложения крестьянских хозяйств и предлагалось размер обложения объявлять крестьянству не позже марта месяца. «...Подесятинное обложение, объявленное заранее, заставит поневоле крестьянина заняться старательно своим посевом, побудит его к увеличению посевной площади...» — говорилось в этом проекте [70]. Ленин, очевидно, уже тогда приметил автора проекта — председателя Канского исполкома В. Г. Яковенко и вспомнил о нем в конце 1921 г., когда решался вопрос о кандидатуре наркома земледелия [71].

По материалам Центрального партийного архива установлено также, что от имени коммунистов-казаков Дальневосточной республики Ленин получил письмо А. Блинникова, выдвинувшего идею «внутреннего натурального займа», чтобы вернуть крестьянству ссуду, полученную государством. Старый большевик А. Беляков, ознакомившись с положением сельского хозяйства в центральных областях, предлагал заменить принудительную разверстку «твердой плановой разверсткой», чтобы все излишки после ее выполнения поступали «в коллективный товарообмен» сельского общества с государством или кооперацией [72].

Таким образом, хотя дискуссия о замене разверстки налогом перед X съездом партии не развернулась, да и не могла, как мы видели, развернуться широко ни в печати, ни в местных парторганизациях, сигналов с мест от отдельных партработников Ленин получал все же довольно много. Недаром на X съезде партии он говорил, что «на местах различные товарищи ... на основании указаний практического опыта, пришли к тем же выводам» [73].

После 8 февраля, когда вопрос о переходе от разверстки к налогу на основании предложений Ленина был фактически уже решен ЦК пар-

[68] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 106. Пометки Ленина на письме Каюрова см.: «Ленинский сборник», XX, стр. 72.
[69] И. А. Гладков. В. И. Ленин о переходе к новой экономической политике. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10.
[70] Там же, стр. 64.
[71] На проекте Канского уисполкома В. И. Ленин написал: «В папку о продналоге» и сделал пометку об авторе: «Яковенко — член ВЦИК Канского уезда».
[72] И. А. Гладков. Указ. статья, стр. 64.
[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 74—75.

тии, Владимир Ильич продолжал принимать отдельных крестьян и целые делегации, выслушивал их предложения и пожелания. Эти приемы имели для Ленина такое же значение, как и письма партработников — они позволяли еще раз обдумать и конкретизировать подготовляемое решение. Это понял и довольно проницательно оценил сибирский крестьянин О. И. Чернов, который был у Ленина 9 февраля 1921 г. «Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, — писал О. Чернов в своих воспоминаниях, — *а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел всю сложность обстановки на низах*» [74].

14 февраля секретарь Тамбовского губкома партии Н. М. Немцов, побывавший днем на приеме у Ленина, привез к нему около 7 часов вечера тамбовских крестьян, незадолго до этого выпущенных из тюрьмы, куда они попали за связи с антоновщиной. Делегация была составлена своеобразно — два кулака, два середняка, два бедняка [75].

Крестьяне жаловались на некоторые действия местных властей, на плохую работу совхозов, Ленин все это записывал [76] и в заключение сказал:

«„Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не примет [во] внимание, то обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично". И еще тов. Ленин сказал: „Вы вместе с рабочими проливали кровь за свободу, за свою власть. Держите ее крепко в своих руках вместе с рабочими. И тогда увидите, какая будет власть". И кончил так: „Я знаю, как трудно жить крестьянину, когда с них все берется и так мало им дают. Я знаю крестьянскую жизнь, люблю их и уважаю. Прошу крестьян немного потерпеть, приходить в сознание и идти на помощь своей власти"».

«На этом, — рассказывали крестьяне, — мы простились с тов. Лениным. И теперь, как вернемся в свои волости, расскажем, что он нам говорил и как надо нам держаться Советской власти и помочь общей нашей беде» [77].

Рассказы тамбовских крестьян о приеме у Ленина были опубликованы в «Тамбовских известиях» 26 февраля 1921 г., т. е. более чем за две недели до принятия съездом партии решения о замене разверстки налогом, и понятно, какое это имело большое значение для ликвидации кулацкого бандитизма и создания политического перелома в деревне.

Примерно за неделю до открытия X партийного съезда, 28 февраля, В. И. Ленин принял двух крестьян Владимирской губернии (Гороховецкий уезд, село Фоминки) — И. А. Чекунова и Н. А. Ганявина и обсуждал с ними положение в деревне и вопрос о замене разверстки нало-

[74] О. И. Чернов. Как я, беспартийный крестьянин из Сибири, был у Владимира Ильича и что из этого получилось. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 605. Впервые воспоминания были опубликованы в газете «Беднота» 2 февраля 1924 г. О. И. Чернов, член крестьянской коллегии «Бедноты», в это время приехал на совещание крестьянских корреспондентов газеты, где выступил с речью.

[75] Н. М. Немцов. Встречи с Лениным. — «Старый большевик». Сборник 1, 1930.

[76] См. ленинские «Заметки о положении в Тамбовской губернии», сделанные во время беседы с крестьянами 14 февраля 1921 г. — «Ленинский сборник», XX, стр. 13.

[77] «Тамбовские известия», 26 февраля 1921 г.

гом [78]. 3 марта в газете «Беднота» было опубликовано содержание беседы. Ленин обещал учесть предложения делегатов о переходе к мясному налогу и о мерах сохранения поголовья скота и послать по этому поводу специальный запрос в Наркомзем. Владимир Ильич просил также присутствовавшего на встрече заместителя редактора газеты «Беднота» М. С. Грандова присылать ему копии крестьянских писем, поступающих в газету, и сказал, что «при обсуждении вопроса в Совете Народных Комиссаров все будет принято во внимание и учтено».

«Затем тов. Ленин сообщил делегатам о предстоящей замене хлебной разверстки натуральным хлебным налогом с тем, чтобы процент хлеба, идущего государству, был строго определенный. Этот вопрос, как сообщил тов. Ленин, будет разрешен на Всероссийском партийном съезде, который открывается на днях» [79].

В. И. Ленин принял делегатов с. Фоминки 28 февраля после 9 часов вечера, а за несколько часов до этого в своей речи на заседании пленума Московского Совета он впервые открыто сказал от имени партии и правительства, что, поскольку в предложениях крестьян о замене разверстки налогом есть «много здравого смысла», «мы с этой мыслью считаться склонны и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберем и вынесем решение, которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы» [80].

На следующий день, 1 марта, Ленин послал письмо Н. Осинскому с предложением использовать И. А. Чекунова на работе в Наркомземе. Мысль о привлечении и выдвижении крестьян на руководящую работу в центре (во ВЦИКе и Наркомземе) Владимир Ильич неустанно пропагандировал с начала 1921 г. В И. А. Чекунове он сразу увидел подходящего кандидата для этой цели.

Давая характеристику Чекунову, Ленин писал:

«Сочувствует коммунистам, но не идет в партию, ибо ходит в церковь, христианин (отвергаю-де обряды, но верующий).

Улучшает хозяйство. Объехал Нижегородскую и Симбирскую губернии. Крестьяне, говорит, потеряли доверие к Соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да. В своем уезде добился, при помощи рабочих, смены худой советской власти хорошею.

Вот за таких людей нам надо *изо всех сил* уцепиться для восстановления доверия *массы* крестьян. Это *основная* политическая задача и притом не терпящая отлагательства. Очень прошу: не увлекайтесь слишком „аппаратской“ точкой зрения, не волнуйтесь чересчур из-за нее. Обратите *больше* внимания на политическое отношение к крестьянству».

Далее Ленин предлагал втянуть Чекунова и других таких же крестьян в работу Наркомзема. Он советовал направить Чекунова в Симбирскую

[78] См. ленинские записи во время беседы. — «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 201—202. В этих записях, а затем и в письме к Н. Осинскому от 1 марта В. И. Ленин вспоминал, что И. А. Чекунов уже был у него на приеме в 1919 г. с проектом созыва съезда трудовых крестьян. Поскольку документ о созыве съезда был принят на сходе в с. Фоминки в августе 1920 г. (см. § 2 данной главы), можно предполагать, что эта встреча Чекунова с Лениным состоялась все же не в 1919, а в 1920 г.

[79] «Беднота», 3 марта 1921 г.

[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 363.

губернию и дать ему задание: «...привези к нам сюда из Симбирской губернии (у него там знакомства) беспартийного крестьянина пожилого, русского, земледельца, *сторонника трудовых крестьян и рабочих*, не „шипящего". Найти еще одного. Лучше тройка: Чекунов+симбиряк+еще один из нехлебной губернии. Эту тройку „стариков" (очень бы хорошо, если бы все были *и* беспартийные и христиане) мы тотчас превратим либо в членов коллегии с *совещательным* голосом, либо в ядро „совета беспартийных крестьян", либо в подобную корпорацию.

Это надо сделать быстро, тотчас (он хочет уезжать послезавтра).

Куйте железо, пока горячо. Ответьте мне» [81].

Дальнейший жизненный путь И. А. Чекунова, которому шел в то время седьмой десяток, полностью подтвердил ленинскую характеристику. Чекунов провел в Наркомземе большую работу по приему ходоков и по разбору крестьянских писем. Он выступил с яркой речью на IX съезде Советов, на агрономическом съезде в Москве в марте 1922 г. Активный корреспондент «Бедноты», а затем и «Крестьянской газеты», И. А. Чекунов стал членом редколлегии «Крестьянской газеты» (по предложению ее редактора Я. А. Яковлева) и возглавил отдел по работе с крестьянскими письмами [82].

В тот же день, когда было написано ленинское письмо Н. Осинскому о И. А. Чекунове, председателю Уфимского губисполкома была послана телеграмма за подписью В. И. Ленина и А. Д. Цюрупы с просьбой «передать крестьянам села Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда (36 верст от Уфы по Оренбургскому тракту) Алексею Романовичу Шапошникову и Тарасу Григорьевичу Кондрову приглашение прибыть теперь же в Москву для совета по важным делам, касающимся крестьянства и крестьянского хозяйства» [83].

Крестьяне-уфимцы выехали в Москву 10 марта [84] и были приняты В. И. Лениным 22 марта [85]. Они присутствовали на сессии ВЦИК, принявшей декрет о продналоге. По возвращении в Уфу делегаты сделали 30 марта подробный доклад о своей поездке на губернской беспартийной крестьянской конференции.

«Мы были приняты Москвой очень гостеприимно, — рассказывали они, — виделись там с тов. Лениным и тов. Цюрупой и беседовали с ними. Тов. Ленин спрашивает: Скажите откровенно, не боясь — дорога крестьянству Советская власть или нет, будет оно ее поддерживать? Мы ему

[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 85—86.

[82] И. А. Чекунов умер 31 января 1928 г. «Крестьянская газета» и «Беднота» посвятили ему некрологи, в которых говорилось, что деятельность Чекунова по кооперированию деревни, по укреплению союза рабочих и крестьян «навсегда останется лучшим образцом для всех честных беспартийных крестьян середняков и бедняков». Подробные биографические данные о И. А. Чекунове см.: П. З. Шелест. Судьба ходока. М., 1962.

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 311. Причина вызова именно уфимских крестьян не установлена. Можно только предполагать, что народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа — сам уфимец — мог назвать Ленину эти фамилии.

[84] В Москву было командировано не два, а три крестьянина — Тарас Шофуров, Илья Кондров и Алексей Шапошников, очевидно, в связи с тем, что имя одного из крестьян — И. Кондрова — было названо неправильно.

[85] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, Даты, стр. 510.

на это отвечаем: Трудовое крестьянство за Советскую власть держится, это для него единственная власть, поддерживать оно ее будет, но для этого нужно изменить кое в чем отношение Советской власти к крестьянству. Какова жизнь на местах, — спрашивает Ленин. Мы говорим, что жизнь на местах стала тяжела. — Чем же тяжела стала жизнь? — задает вопрос тов. Ленин. Мы отвечаем, что разверстка и трудовая повинность стали очень трудны для крестьянства» [86].

Выслушав все жалобы крестьян, Ленин, как рассказывали уфимцы, закончил беседу сообщением о замене разверстки налогом [87].

Ленинские приемы крестьян из Тамбовской, Уфимской и Владимирской губерний происходили в феврале и марте 1921 г., когда вопрос о замене разверстки налогом был уже по существу решен. Но важно было через крестьянских делегатов как можно скорее донести весть о готовящихся изменениях в широкие массы. Крестьянские ходоки к Ленину стали первыми пропагандистами подготовляемого декрета еще задолго до его обнародования [88].

В то время как происходили эти встречи Ленина с крестьянами, в ЦК партии под руководством Владимира Ильича продолжалась напряженная работа по подготовке к X съезду партии и выработке решения съезда о замене разверстки налогом. 19 февраля Политбюро ЦК рассмотрело первый проект постановления, подготовленный комиссией, созданной ЦК 8 февраля. Было принято решение отложить рассмотрение вопроса до пленума ЦК и разослать всем членам ЦК материалы для ознакомления.

24 февраля пленум ЦК принял проект постановления за основу и поручил новой комиссии в составе Н. И. Муралова, А. Д. Цюрупы, П. И. Попова «рассмотреть проект детально, пополнив его пунктом о заинтересованности бедноты в деле сбора хлеба» [89].

К 3 марта второй вариант решения о замене разверстки налогом был готов и послан В. И. Ленину. Ленин дал свои замечания, и 7 марта пленум ЦК передал проект для окончательной доработки комиссии под председательством В. И. Ленина. Ко времени обсуждения на съезде был

[86] «Бюллетень Уфимского губпосевкома», 14 апреля 1921 г.

[87] Там же. Уезжая из Москвы, крестьяне-уфимцы получили от Ленина специальные удостоверения. Одно из них гласило: «Выдано настоящее удостоверение крестьянину деревни Бекетово, Булгаковской волости, Уфимского уезда, Уфимской губернии *Шапошникову* Алексею Романовичу в том, что он был вызван мною в Москву для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства. В данных им объяснениях и ответах гражданин *Шапошников А. Р.* обнаружил добросовестное и честное отношение к делу. Предлагается всем советским властям РСФСР оказывать гражданину *Шапошникову А. Р.* всемерное содействие к возвращению его к месту жительства к мирному труду. Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 105).

[88] В. И. Ленин внимательно следил в дальнейшем за судьбой побывавших у него на приеме ходоков. Когда в конце 1921 г. была сделана попытка опорочить И. А. Чекунова и в Москву полетели клеветнические письма, В. И. Ленин предложил немедленно создать комиссию для их проверки, и все обвинения были отвергнуты (П. З. Шелест. Указ. соч., стр. 39). 10 ноября 1921 г. Ленин вновь принимал крестьян с. Бекетово Уфимского уезда и внимательно выслушал их просьбы и пожелания (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, Даты, стр. 687).

[89] «Ленинский сборник», XX, стр. 57.

подготовлен третий вариант решения [90], который и был утвержден съездом 15 марта без всяких поправок.

Достаточно сравнить все три варианта подготовляемого решения, чтобы убедиться, какая большая и продуманная во всех деталях работа проводилась ЦК партии и лично Лениным, какие значительные дополнения и изменения вносились в каждый новый вариант по сравнению с предыдущим.

Во-первых, очень тщательному редактированию подвергся пункт первый решения, определяющий основные причины и задачи перехода к натуральному налогу.

В окончательном варианте, утвержденном съездом, этот пункт гласил:

«*Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами,* для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка, как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража, заменяется натуральным налогом» [91].

Во втором и третьем вариантах по сравнению с первым вставлен пункт о том, что налог исчисляется по сельским объединениям (обществам) и раскладывается между хозяйствами по устанавливаемым законом нормам [92].

Раскладка налога, как формулировалось во втором варианте, должна была производиться «под контролем организаций беднейшего населения» [93].

В. И. Ленин предложил этот пункт заменить следующим:

«Для контроля образуются выборные организации местных крестьян по группам плательщиков разных размеров налога» [94]. С некоторыми редакционными изменениями эта ленинская формулировка вошла в текст решения X съезда партии.

Большие поправки и дополнения вносились в пункты, характеризующие сущность прогрессивного обложения, определяющие, кто освобождается от налога, формы стимулирования старательных хозяев и т. д.

В третий вариант был внесен новый пункт (пункт второй), гласящий: «Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчисляема так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т. е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты» [95]. В первом варианте сумма налога на 1921 г. была

[90] Все три варианта постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом см.: «Ленинский сборник», XX, стр. 58—63.

[91] «Ленинский сборник», XX, стр. 62 (Курсив мой. — *Э. Г.*). Выделенное курсивом внесено в третий вариант по сравнению с первым и вторым.

[92] Этот пункт в дальнейшем, как мы увидим, был кардинально изменен.

[93] «Ленинский сборник», XX, стр. 61.

[94] Там же, стр. 60.

[95] Там же, стр. 62.

установлена в размере 350 млн. пуд., в последующих вариантах этот пункт был снят, а сумма налога определена особым декретом.

Во всех вариантах указывалось, что после принятия партийным съездом решения о замене разверстки налогом специальная сессия ВЦИК утвердит соответствующий декрет.

Особенно длительному и детальному обсуждению были подвергнуты два вопроса: о сроках и порядке опубликования декрета и о формах и методах использования крестьянами излишков после сдачи налога, т. е. о формах и мере допущения свободы оборота — торговли.

По вопросу о сроках публикации в первом варианте постановления было записано: «Партийной печати дается директива немедленно начать соответствующую кампанию, истолковывая переход от разверстки к налогу как стремление помочь развитию сельского хозяйства и пойти навстречу беспартийному крестьянству для укрепления союза крестьян и рабочих против капитала. Решение ЦК сообщается Губкомам, которые ставят его как проект РКП на обсуждение губернских съездов с.-х. советов с крестьянами» [96].

Так как этот вариант был представлен в ЦК 18 февраля, то, очевидно, предполагалось начать кампанию по разъяснению сущности подготовляемого решения немедленно, еще до открытия партийного съезда. Во втором варианте этот пункт (§ 13) был сформулирован совсем по-иному:

«Публикация в печати резолюций и положения о продовольственном налоге как ЦК, так и партийного съезда, а также ВЦИК должна быть отложена до начала посева» [97].

В. И. Ленин в замечаниях по поводу этого пункта записал: «К § 13. *Долой* пока.

(На Съезде решим, когда публиковать. По-моему, публиковать надо до начала кампании, т. е. тотчас после партсъезда)» [98].

В соответствии с ленинским предложением в третьем варианте был вставлен новый (пятый) пункт, утвержденный X съездом РКП(б):

«...Закон о налоге должен быть составлен таким образом и опубликован в такой срок, чтобы земледельцы еще до начала весенних полевых работ были возможно более точно осведомлены о размерах падающих на них обязательств» [99].

Решение вопроса о сроках опубликования постановления о замене разверстки налогом имело не только огромное политическое, но и практическое значение. Были отдельные предложения задержать опубликование декрета (фактически налог крестьяне могли сдавать только с нового урожая, следовательно, не раньше августа 1921 г.), использовав время для сдачи разверстки, которая на 20 февраля была выполнена всего на 59,7%.

Страна остро нуждалась в хлебе. Надо было рассчитать так, чтобы до первых поступлений по налогу собрать хотя бы минимальное количество хлеба, необходимого для снабжения рабочего класса и Красной Армии. Считая, что опубликовывать декрет о налоге необходимо обязательно *до начала* весеннего сева, В. И. Ленин одновременно в своих

[96] «Ленинский сборник», XX, стр. 59.
[97] Там же, стр. 61.
[98] Там же, стр. 60.
[99] Там же, стр. 62.

записках народному комиссару продовольствия А. Д. Цюрупе требовал точного и тщательного подсчета наличных продовольственных запасов, еще возможных поступлений по разверстке в феврале и марте, чтобы решить вопрос, с какого примерно числа можно ввести налог.

В феврале 1921 г. Ленин писал Цюрупе по этому поводу:

«Т. Цюрупа! Из Ваших цифр видно, что на 1.II 40,3 продовольственных +5,4 крупяных=45,7.

Вероятно, на 1.III будет около *48*.

На 1.IV, вероятно, будет *не менее* 50.

1.IV — 1.IX, это 5 месяцев. 50 : 5=10.

Из этого примерного расчета видно, что для России, для РСФСР (без Украины), вполне можно полностью отменить разверстку с 15.III или с 1.IV и до 1.IX или до 15.VIII *испытать новый режим*.

Ваше мнение?» [100]

X съезд РКП(б) принял решение о замене разверстки налогом 15 марта 1921 г., т. е. в намеченный Лениным срок. Декрет ВЦИК был принят на неделю позже — 21 марта. Но уже с конца февраля осуществлялись некоторые меры для осведомления крестьянства о готовящемся решении и внесения успокоения в деревню.

Важное значение с этой точки зрения имело циркулярное письмо Президиума ВЦИК всем губисполкомам и губпродкомам от 23 февраля «О подготовке посевной кампании и оказании помощи сельскому населению». 26 февраля письмо опубликовали все газеты, в частности «Беднота» под заголовком «Война — беззаконию».

«До настоящего времени,— говорилось в письме,— Советская власть шла в деревню главным образом с разверстками, проводившимися для удовлетворения нужд всего государства. Теперь она идет в деревню с мероприятиями, имеющими целью **укрепление крестьянского хозяйства и оказание помощи сельскому населению.** Должны быть приняты все меры, чтобы крестьяне дали себе полный отчет в отличии подхода Советской власти к деревне прежде и теперь» [101].

О замене разверстки налогом в письме еще не говорилось, но на первый план выдвигались новые методы подхода к крестьянству после окончания войны. В письме указывалось также, что при проведении разверстки имелось много недопустимых фактов принуждения, которые играли на руку контрреволюции. Письмо ВЦИК требовало, чтобы все незаконные действия продагентов немедленно пресекались местной властью, карались суровыми мерами, сопровождались сообщениями в местных газетах и докладами в центр. Особо подчеркивалось, что при сборе семенного материала и проведении посевной кампании должны применяться преимущественно методы убеждения. Предлагалось проверить состав продработников и удалить из их числа всех, не внушающих доверия.

Соответственно указаниям циркулярного письма ВЦИК Наркомюст 26 февраля принял постановление «Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе» [102].

[100] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 84.
[101] «Беднота», 26 февраля 1921 г.
[102] СУ, 1921, № 20, ст. 122.

Как только открылся X съезд РКП(б), в печати началось широкое обсуждение вопроса о замене разверстки налогом. 9 марта 1921 г. газета «Беднота» вышла с заголовками на первой полосе: «Не разверстка, а налог», «Почему крестьяне предпочитают налог?» В том же номере были опубликованы письма крестьян о преимуществах налога (в том числе и письмо О. Чернова). Газета сообщала, что, «как заявил уже тов. Ленин, Советская власть рассмотрит с должным вниманием всякое деловое предложение со стороны крестьян о способе выполнения продовольственной повинности для рабоче-крестьянского государства».

Поэтому редакция «Бедноты» предлагала «всем товарищам крестьянам, стоящим за натуральный налог, высказать, каким именно образом следует определить размер этого налога и каким способом его взимать». Было опубликовано также специальное извещение от редакции «О введении налога», в котором говорилось: «Вопрос о замене продовольственной разверстки процентным хлебным налогом будет обсужден на X Всероссийском съезде Коммунистической партии, который открылся вчера. Разрешение вопроса последует на днях» [103].

Особое внимание газета обращала также на порядок и формы использования излишков после сдачи налога и просила крестьян высказать свои соображения о том, как добиться, чтобы излишки пошли «не ворам-спекулянтам, а рабоче-крестьянскому государству».

Именно этот вопрос оказался наиболее сложным и трудным и при подготовке решения о замене разверстки налогом. Во время работы комиссии ЦК он вызвал, очевидно, довольно острую дискуссию. Недаром В. И. Ленин в своих беседах с Д. И. Гразкиным, в пометках на письме В. Н. Каюрова, во время встречи с другими партработниками и с членами ЦК сосредоточил на этом вопросе особое внимание. В необходимости допущения свободы оборота и разрешения торговли Владимиру Ильичу приходилось убеждать многих руководящих работников, в том числе и одного из членов комиссии ЦК — народного комиссара продовольствия А. Д. Цюрупу. Последний сам рассказал об этом в наброске воспоминаний о В. И. Ленине, когда говорил о заседаниях Политбюро ЦК, посвященных обсуждению проекта решения о замене разверстки налогом.

«Началось заседание...— писал он.— Ленин ругал нас бюрократами, распекал нас. Говорил: „Вы ошибаетесь. То, что раньше было правильным, теперь уже не подходит!“ Оказалось, что я был неправ... Владимир Ильич выступал три раза, я тоже... Однако эта перебранка совершенно не повлияла на наши отношения. Итак, Политбюро решило отменить продразверстку и перейти к продналогу. Владимир Ильич заходил к нам на квартиру и по полтора-два часа просиживал с нами, доказывая необходимость введения продналога. Я говорил: „Владимир Ильич, я не буду делать доклада, а выступлю лишь содокладчиком к вашему докладу“. Он сказал: „А все-таки вы, между прочим, скажите, что вы за свободу торговали“» [104].

[103] «Беднота», 9 марта 1921 г.

[104] Воспоминания А. Д. Цюрупы хранятся в ЦПА ИМЛ, ф. 158, оп. 1, ед. хр. 1, л. 10—15. С небольшими сокращениями они были опубликованы в газете «Известия» 14 февраля 1960 г., а затем вошли в сборник «Ленинские страницы» (М., 1960).

Очевидно, именно А. Д. Цюрупа был первоначально автором известной формулировки об ограничении торговли, обмена лишь рамками «местного хозяйственного оборота». Об этом прямо было сказано, например, в докладе Л. Б. Каменева на XI Всероссийской партконференции [105].

Добиваясь прежде всего принципиального решения вопроса о необходимости развития торгового оборота с крестьянством, В. И. Ленин принял эту формулировку [106], исходя из того, что только дальнейший опыт, практика смогут показать необходимые пределы, меру допущения торговли. И до X съезда РКП(б) и после съезда Ленин вел по этому поводу полемику не только с теми, кто, оставаясь на старых позициях, чрезмерно опасался всякого развития торговли, но и с так называемыми «фритредерами», т. е. сторонниками ее максимально широкого развязывания. Об этом рассказывал в своих воспоминаниях А. М. Лежава.

«Перед X съездом партии, — писал он, — не помню, недели за 2 или за 3, Владимир Ильич меня вечером вызвал специально для беседы по вопросу о замене продразверстки продналогом [107]. Он спрашивал меня, как „фритредера“. Первый вопрос, который Владимир Ильич мне поставил, заключался в том, как я представляю себе товарообмен после того, как будет отменена продразверстка. Я высказал Владимиру Ильичу то предположение, что, по-моему мнению, товарообмен на первых порах окажется в руках частного посредника, но что Советская власть, имея в своих руках национализированную промышленность и железные дороги, может частному посреднику противопоставить, наряду с государственным аппаратом, реформированную Компродом кооперацию».

Ленин далее спросил: «А осталось ли у вас что-либо от кооперации?» — и подробно расспрашивал, как кооперация сможет использовать собранный государством товарный фонд и обменивать его на продукцию крестьянского хозяйства.

«Помню, что я в этом разговоре несколько раз употребил слово „торговля“ и интересовался отношением к этому Владимира Ильича, но он никак не реагировал на это употребленное мною слово, и я, уйдя от него, так и остался в неведении, представлял ли Владимир Ильич в этот момент проектируемый товарообмен в виде торговли или действительно думал „о натуральном обмене в пределах местного оборота“» [108].

В заключение А. М. Лежава вспоминал также, что уже после X съезда партии, когда обсуждался доклад комиссии об одном из первых декретов

[105] «XI Всероссийская партконференция». Бюллетень № 1. М., 19 декабря 1921, стр. 12.

[106] А. И. Федотов и Д. Н. Ватулин в статье «К вопросу о продналоге и продналоговой политике партии» высказали в этой связи свои соображения («Вопросы истории КПСС», 1967, № 5, стр. 43). Отметим только, что их критические замечания никак не вытекают из текста статьи Э. Б. Генкиной, опубликованной в том же журнале («Вопросы истории КПСС», 1967, № 1, стр. 62—63). Речь идет в данном случае не о каких-либо принципиальных разногласиях, а только о самом понимании формулировки: в пределах «местного хозяйственного оборота». Известно, что это ограничение, как и предвидел Ленин, в дальнейшем полностью отпало.

[107] В. И. Ленин мог принять А. М. Лежаву либо 19 февраля (см. письмо Ленина от 20 февраля. — Полн. собр. соч., т. 52, стр. 77), либо 1 марта (Полн. собр. соч., т. 42, Даты, стр. 596).

[108] См. «Ленинский сборник», IV, стр. 381.

о товарообороте, удалось вставить в декрет слово «торговля» «благодаря активной поддержке Владимира Ильича» [109].

Здесь А. М. Лежава допустил явное преувеличение. Мы еще вернемся к этому вопросу в дальнейшем. Пока же отметим, что, настаивая первоначально на организации товарообмена с крестьянством через кооперацию и государственные органы, В. И. Ленин еще до съезда совершенно определенно сформулировал основной и принципиально наиболее важный вывод о разрешении *свободы оборота* для крестьянства после сдачи налога.

Об этом он писал А. Д. Цюрупе 8 марта 1921 г., в день открытия X съезда, договариваясь о созыве комиссии ЦК по продналогу, председателем которой его утвердил пленум ЦК 7 марта.

«Центр тяжести вопроса, — убеждал В. И. Ленин А. Д. Цюрупу, — „*оборот*“, свободный хозяйственный оборот для крестьянства. Вы в это недостаточно вникли, раз спорили против Раковского (я не успел возразить). Вся суть в том, чтобы уметь двинуть *оборот*, обмен (и за границу вывоз с юга и *обмен с заводами*). Иначе крах.

№III *Подумайте об этом и найдите формулу*, чтобы вставить это» [110].

В соответствии с этими ленинскими указаниями в последнем варианте решения ЦК о замене разверстки натуральным налогом пункт об использовании товарного фонда Наркомпрода для обмена с крестьянством (п. 9) был сформулирован следующим образом: «В целях снабжения беднейшего населения и обмена на излишки продовольствия, фуража и сырья, добровольно сдаваемого населением государству по выполнении причитающегося с него налога, создается специальный фонд предметов сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления. Этот фонд создается из продуктов внутреннего производства и тех предметов, на приобретение которых за границей выделяются часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья» [111].

По сравнению со вторым вариантом здесь внесены существенные дополнения и совершенно снята формулировка первого варианта, где говорилось, что специальный фонд Наркомпрода должен расходоваться «исключительно как натуральная оплата за предметы продовольствия, сырье и фураж, сдаваемые производящим населением государству добровольно, по выполнении причитающегося с них налога» [112].

Приняв формулировку о «местном хозяйственном обороте», Владимир Ильич добивался вместе с тем ее конкретизации, уточнения и более правильного применения. Очевидно, по его настоянию было снято наиболее ограничительное толкование второго варианта проекта (подготовленного в период между 24 февраля и 3 марта), которое гласило: «Обмен допускается как в пределах сельского объединения (общества), так и вне его. В последнем случае обмен производится исключительно через аппараты компрода. Всякий иной обмен, вне указанных форм, преследуется как спекуляция». Этот абзац был полностью ликвидирован, и в третьем варианте проекта кратко, в самом общем плане и без

[109] См. «Ленинский сборник», IV, стр. 382.
[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 92.
[111] «Ленинский сборник», XX, стр. 63.
[112] Там же, стр. 59.

комментария устанавливалось, что «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота» [113].

В такой формулировке этот пункт был утвержден X съездом партии и целиком воспроизведен в резолюции съезда «О замене разверстки натуральным налогом», принятой 15 марта 1921 г. [114]

На самом съезде и даже после съезда вносились серьезные уточнения и продолжались споры по вопросу о мере и пределах допущения торговли и местного оборота. Ленинские поиски правильного и наиболее целесообразного решения этой важнейшей проблемы экономической политики, как и развитие взглядов Ленина по этому вопросу, мы сможем проследить в дальнейшем не только в период X съезда партии и вскоре после него, но и на протяжении всего 1921 г. — первого года новой экономической политики.

[113] Там же, стр. 61. Эта формулировка неизменно повторялась во всех трех вариантах проекта постановления ЦК «О замене разверстки налогом».
[114] См. там же, стр. 62—63; «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 563—564.

X СЪЕЗД РКП(б). ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ О ПРОДНАЛОГЕ

1.

В. И. Ленин на X съезде партии. Ход съезда и его историческое значение

Подготовка созыва X съезда партии началась почти одновременно с подготовкой VIII съезда Советов. Пленум ЦК, состоявшийся 8—9 декабря 1920 г., принял по предложению В. И. Ленина, Артема (Ф. А. Сергеева), Я. Э. Рудзутака, И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и М. П. Томского решение о созыве съезда в начале февраля 1921 г. и утвердил его повестку дня [1].

12 декабря 1920 г. в «Правде», а 20 декабря в «Известиях ЦК РКП (б)» было опубликовано извещение о созыве съезда и сообщена для сведения всех парторганизаций его повестка дня. Но уже 24 декабря пленум ЦК, обсуждая вопрос «о перенесении X партсъезда», постановил: «Предварительно наметить перенесение X партсъезда на 6 марта, опросив фракцию съезда» [2].

Фракция РКП (б) VIII съезда Советов приняла предложение о перенесении срока созыва съезда, и вскоре было опубликовано новое извещение ЦК «К сведению всех организаций РКП» о созыве съезда 6 марта и установлены нормы представительства и порядок выборов делегатов на съезд.

В условиях острой внутрипартийной дискуссии по вопросу о профсоюзах необходимо было так подготовить созыв съезда, чтобы обеспечить на нем победу ленинской линии, добиться ликвидации фракционной борьбы и осуществить действительное сплочение и единство рядов партии. Все это во многом зависело от состава съезда, от преобладания на нем твердого большинства сторонников ленинской «платформы десяти».

12 января 1921 г. пленум ЦК, подтверждая решение о свободе ди-

[1] «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.» Стенографический отчет. М., 1963, стр. 793.
[2] Речь шла о фракции РКП(б) VIII съезда Советов (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 48, л. 1).

скуссии, предложил подготовку к съезду вести на следующих основаниях: 1) обеспечить принципиальный характер дискуссии и давать отпор элементам склоки и травли, подрывающим единство; 2) добиться полной свободы дискуссии, чтобы любая партийная организация могла защитить свою точку зрения; 3) там, где местные организации найдут необходимым, допустить выборы на съезд по платформам. ЦК выражал уверенность, что все это даст «возможность съезду вынести обдуманное и твердое решение, которое объединит всю партию в единстве действий» [3].

Таким образом, по существу впервые в истории партии ЦК вынужден был в создавшейся обстановке санкционировать выбор на съезд по платформам, ибо это обеспечивало действительное представительство абсолютно преобладавшей по всей стране, во всех организациях партии ленинской позиции по вопросу о профсоюзах.

Пленум ЦК 12 января утвердил также докладчиков по основным вопросам повестки дня съезда. Политический отчет ЦК и доклад об очередных задачах хозяйственного строительства поручался В. И. Ленину, доклад о профсоюзах — Г. Е. Зиновьеву, по национальному вопросу — И. В. Сталину, по вопросам партийного строительства — Н. И. Бухарину, о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии — Е. А. Преображенскому и др.

ЦК предложил всем представить доклады к 1 февраля и указал, что «содокладчиками могут быть все желающие» [4].

С этого времени и началась широкая и тщательная подготовка проектов решений съезда и обсуждение тезисов докладов по основным вопросам его повестки дня. Уже 26 января пленум ЦК обсуждал тезисы доклада о профсоюзах и принял за основу тезисы, подписанные десятью членами ЦК (Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, Калинин, Томский, Рудзутак, Артем, Рыков, Петровский). 5 февраля на заседании Политбюро ЦК рассматривались и были приняты за основу тезисы доклада И. В. Сталина по национальному вопросу. Была создана комиссия в составе В. И. Ленина, И. В. Сталина и Н. И. Бухарина для окончательного редактирования тезисов и их опубликования от имени ЦК.

14 февраля Политбюро приняло решение: «Не требовать от тов. Ленина тезисов по докладу „Об основном хозяйственном строительстве“ и согласиться на возможную замену этого доклада докладом „О политике и задачах по отношению к крестьянству“» [5].

25 февраля Политбюро обсуждало тезисы «О партийном строительстве» и также передало их на специальное рассмотрение комиссии, которой было поручено разослать тезисы и окончательный проект решения всем членам ЦК. Одновременно, как уже было показано выше, пленумы ЦК и Политбюро тщательно подготовляли проект постановления о замене разверстки натуральным налогом.

Наконец, 7 марта, за день до открытия съезда, пленум ЦК постановил: открыть съезд 8 марта в 12 час. утра в зале Свердлова с тем, чтобы в дневном заседании были решены все формальные во-

[3] Там же, ед. хр. 54, лл. 2—4.
[4] Там же, ед. хр. 55, л. 1—1 об.
[5] Ю. А. Поляков. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967, стр. 241.

просы, а после обеденного перерыва открыть заседание докладами ЦК и ЦКК [6].

Пленум одобрил план речи В. И. Ленина о политическом отчете ЦК, утвердил проект постановления о замене разверстки натуральным налогом, вновь обсудил тезисы о партийном строительстве и тезисы доклада «О капиталистическом окружении», передав их на окончательное рассмотрение в комиссию. Просьба А. В. Луначарского разрешить ему сделать содоклад по вопросу о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии была отклонена с указанием, что «ЦК не может выставлять второго докладчика, по регламенту же каждая группа в 40 человек может выставить содокладчика» [7].

Вся огромная работа по подготовке съезда и его проведению проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. Съезд длился девять дней, и за это время Ленин выступал десять раз с докладами и большими речами [8], не считая выступлений в качестве председателя на первом заседании съезда 8 марта и замечаний, сделанных на последнем заседании 16 марта по поводу поправок к резолюциям «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» (4 выступления); Владимир Ильич был автором обеих этих резолюций, а также резолюции «Об улучшении положения рабочих и крестьян», он готовил решение о замене разверстки налогом и принимал участие в редактировании тезисов доклада по национальному вопросу и других проектов резолюций съезда. 13 марта В. И. Ленин выступал также на частном совещании делегатов съезда — сторонников «платформы десяти» по вопросу о составе ЦК и ЦКК РКП(б), а 12 и 13 марта участвовал в закрытом заседании съезда, посвященном военному вопросу.

В своей вступительной речи при открытии съезда Ленин говорил: «... мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз, благодаря победам Красной Армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях. Три с половиной года неслыханно тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории, — это мы завоевали!» [9]

Ленин указывал далее, что наступление нового этапа не означает, конечно, прекращения борьбы капиталистических стран с Советской Россией. Она продолжается и принимает форму «менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас» [10].

Подчеркивая, что переход от войны к миру «еще и сейчас не завершен», Владимир Ильич прямо сказал, что основная трудность в

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 61, л. 1.
[7] Там же, лл. 1—2.
[8] 8 марта — вступительная речь В. И. Ленина при открытии съезда и отчет о политической деятельности ЦК; 9 марта — заключительное слово по отчету ЦК; 14 марта — речь о профессиональных союзах; 15 марта — доклад и заключительное слово по вопросу о замене разверстки натуральным налогом; 16 марта — доклад и заключительное слово по вопросу о единстве партии, речь по топливному вопросу и речь при закрытии съезда.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 4.
[10] Там же.

решении предстоящих задач касается «основ самих отношений между классами», что эти отношения подверглись после окончания войны изменению и именно этот вопрос «должен быть, — я думаю, вы все с этим согласитесь, — одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить» [11].

В. И. Ленин закончил свою речь призывом к партийному единству, к решительной борьбе со всякими проявлениями фракционности, ибо единство партии является важнейшим условием решения предстоящих задач.

Предельно самокритично Ленин говорил в отчетном докладе «о значении сделанных ошибок, — а их сделано немало, — и об уроках на будущее время» [12]. Он считал, что больше всего ошибок было допущено в понимании условий и характера перехода от войны к миру, ибо «этот переход потребовал таких потрясений, которые далеко и далеко не были нами учтены» [13], а размер трудностей даже в конце 1920 г. «мы тогда едва ли себе представляли» [14]. Отсюда проистекали просчеты в планировании, в распределении топлива и продовольствия, недооценка трудностей демобилизации армии. «Оказалось, что этот переход возможен только гораздо медленнее, чем мы себе представляли» [15].

В отчетном докладе ЦК, а затем в докладе о натурналоге Ленин дал оценку продовольственной политики военных лет, сугубо подчеркивая вынужденность разверстки. «... Будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть... У нас другого выбора не было» [16]. «... Мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической» [17]. «... В тех условиях войны, в которые мы были поставлены, в основе эта политика была правильна» [18], — все время повторял Владимир Ильич.

Одновременно Ленин счел необходимым напомнить, что при проведении политики, вынужденной войной, были допущены и отдельные ошибки, прежде всего в отношении полного запрещения свободного оборота между промышленностью и земледелием. «Мы в этом отношении очень много погрешили, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно. В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти. ... Мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо» [19].

[11] Там же.
[12] Там же, стр. 7.
[13] Там же, стр. 8.
[14] Там же, стр. 9.
[15] Там же, стр. 13.
[16] Там же, стр. 14.
[17] Там же, стр. 63.
[18] Там же, стр. 79.
[19] Там же, стр. 63, 64.

В отчетном докладе Ленин дал анализ изменения отношений между классами — рабочим классом и крестьянством — после окончания войны. Он прямо заявил о росте недовольства крестьянства, о том, что кризис крестьянского хозяйства дошел до грани [20].

Отсюда и вытекал решающий и непреложный ленинский вывод:

«... Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать. Так, как было до сих пор, — такого положения дольше удерживать нельзя» [21].

Чтобы найти формы сотрудничества с мелким земледельцем, соответствующие новым условиям, чтобы экономически удовлетворить среднее крестьянство, «необходим целый ряд экономических мер, которые мы осуществить пока не могли, благодаря военным обстоятельствам» [22], а в мирной обстановке стал наконец возможен «максимум мер», как говорил Ленин, для облегчения экономического положения крестьянства.

Ленин много раз повторял на съезде, что предложения о замене разверстки налогом исходят от самих крестьян. «Это совершенно установлено. Ради уже одного этого нам следует пойти на такую перемену» [23]. Правда, Ленин тут же добавлял, что требования крестьян партия должна проверить и продумать «с точки зрения экономической науки» и всего того, что «мы знаем об экономических требованиях земледельца» [24]. А экономическая наука учит, говорил он, что дело социалистической переделки мелкого крестьянского хозяйства требует создания материальной базы — восстановления и развития промышленности, осуществления электрификации, обеспечения деревни современной техникой. В условиях же хозяйственного разорения, упадка промышленности, вызванного войной, в общих условиях экономической отсталости России «дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений». «Если я говорю, что нужны поколения, — тут же уточнял Владимир Ильич, — это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае, исчисляться не менее чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка» [25]. А пока не созданы условия для социалистической переделки мелкого крестьянского хозяйства, «пока крупная машина его не переделала, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать» [26]. «До тех пор долгие годы мы

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 16.
[21] Там же, стр. 59.
[22] Там же, стр. 31.
[23] Там же, стр. 77.
[24] Там же, стр. 61.
[25] Там же, стр. 60, 61.
[26] Там же, стр. 29.

с этим мелким производителем должны будем иметь дело, как с таковым, и лозунг свободной торговли будет неизбежным» [27].

В этих последних словах заключался ключ к решению всех вопросов взаимоотношений с крестьянством в переходный период от капитализма к социализму, особенно до осуществления коллективизации.

Вопрос о свободе оборота, свободе торговли, о формах и мере ее допущения занял центральное место в выступлениях В. И. Ленина, посвященных замене разверстки налогом. Здесь больше всего приходилось преодолевать старые представления и догмы, господствовавшие в годы «военного коммунизма». Поэтому Ленин так настойчиво и последовательно убеждал в том, что мелкие земледельцы не могут жить и развивать свое хозяйство без известной свободы оборота, без торговли и торгового обмена. «Я считаю этот вопрос, — говорил Ленин, — самым важным вопросом экономики и политики для Советской власти в настоящее время» [28]. «...Мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, иначе сохранить власть пролетариата в России, при замедлении международной революции, нельзя, экономически нельзя» [29]. Мелкий производитель должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе. Таким стимулом для крестьянина является свобода оборота, возможность использовать излишки, остающиеся после сдачи налога, для товарного обмена. «Нужно сказать мелкому хозяину: „Ты, хозяин, производи продукты, а государство берет минимальный налог“» [30].

Свобода оборота означает свободу торговли, а следовательно, допущение и развитие капиталистических отношений. Можно ли пойти на это, не подрывая тем самым корней политической власти пролетариата? Можно, отвечал Ленин, «ибо вопрос — в мере» [31]. Определить меру, степень допущения торговли было практически наиболее трудно. В резолюции съезда «О замене разверстки натуральным налогом» записано, что обмен допускается «в пределах местного хозяйственного оборота», и Ленин предвидел, что такая формулировка неизбежно вызовет много вопросов: «Что это значит, каковы этому пределы, как это осуществить?» [32] Дать конкретные ответы на эти вопросы было еще нельзя. «В какой мере оставим мы свободу хозяйственного оборота, мы не знаем» [33], — предупреждал Владимир Ильич. Задача заключалась лишь в том, чтобы установить принципиальную линию, выставить лозунг, а остальное можно решить только в процессе накопления практического опыта, особенно опыта мест.

Для ленинской позиции на съезде чрезвычайно показательно, что он не исключал возможности развития хозяйственного оборота и через частную торговлю. «Каким образом будут развиваться отношения местного свободного хозяйственного оборота в смысле его фонда, — через кооперацию или путем воссоздания мелкой частной торговли, — мы

[27] Там же, стр. 27.
[28] Там же, стр. 30.
[29] Там же, стр. 70.
[30] Там же, стр. 71.
[31] Там же, стр. 62.
[32] Там же.
[33] Там же, стр. 76.

едва ли можем сейчас окончательно установить» [34], — говорил он в заключительном слове по докладу о замене разверстки налогом. Понятно, что развитие торговли через кооперацию, посредством организованного товарообмена с деревней было предпочтительнее широкого развития частной торговли. Это надо было на практике испытать, испробовать. Поэтому Ленин придавал такое значение вопросу о новой роли кооперации в области торговли и настоял на отмене резолюции IX съезда партии о кооперации, согласно которой кооперация была целиком подчинена Наркомпроду и обладала только функциями распределения. В новых условиях, предлагал Ленин, кооперация должна стать органом, осуществляющим товарный обмен между городом и деревней, обладающим большой самостоятельностью и правом заготовки продуктов в обмен на товарный фонд, передаваемый кооперации Наркомпродом.

Ленинская постановка вопроса о разрешении свободы торговли при ограничении ее на первых порах пределами местного оборота означала по существу коренной поворот в экономической политике партии, переход к новому курсу, к новым взаимоотношениям с крестьянством. О «новой экономической политике» на съезде еще не говорилось. (Этот термин не употреблялся и в первые месяцы после X съезда партии.) Но суть дела от этого не менялась. Замену разверстки налогом Ленин неразрывно связал с вопросом о торговле, в этом и состояло основное *экономическое* содержание принятого решения. В дальнейшем жизнь потребовала радикального изменения формулы «в пределах местного хозяйственного оборота», широкого распространения товарно-денежных отношений и частной торговли и дальнейшего теоретического обобщения новой практики и опыта социалистического строительства. Но решающий шаг был сделан, поворот осуществлен и в ленинских выступлениях на съезде давалось глубокое теоретическое обоснование коренного вопроса экономической политики пролетарского государства — использования торговли и рыночных отношений как основной формы связи между мелкотоварным крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью в условиях переходного периода от капитализма к социализму.

X съезд РКП(б) собрался в чрезвычайно сложной обстановке. Примерно за неделю до съезда начался Кронштадтский контрреволюционный мятеж. Это наложило отпечаток на работу съезда. Через несколько дней после его открытия большая группа делегатов (около 300 человек из 700 делегатов) [35] выехала на подавление Кронштадтского мятежа. В связи с отсутствием некоторых докладчиков (Г. Е. Зиновьева, Л. Д. Троцкого) пришлось в ходе съезда перестраивать повестку дня, переносить некоторые доклады и заменять их другими. Так, после отчетных докладов ЦК и ЦКК съезд перешел к обсуждению не вопроса о профсоюзах (как намечалось повесткой дня), а заслушал доклады об Истпарте, о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии. Председательствующему приходилось неоднократно сообщать об оче-

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 75.

[35] Согласно списку, приложенному к стенографическому отчету съезда, на ликвидацию Кронштадтского мятежа было послано 185 делегатов с решающим голосом и 94 делегата с совещательным голосом. Почти вся петроградская делегация (38 чел.) не смогла выехать на съезд и также активно участвовала в подавлении мятежа («Десятый съезд РКП(б)», стр. 765—768).

редном изменении повестки дня и о том, что тот или иной доклад ставится «не в том порядке, как он напечатан». 10 марта на съезде был заслушан доклад И. В. Сталина по национальному вопросу, а 11 марта доклад Н. И. Бухарина «О партстроительстве». Только в последние дни работы были проведены закрытые заседания по военному вопросу, а 14 и 15 марта поставлены и обсуждены основные доклады о профсоюзах и о замене разверстки налогом.

В известной мере «вне очереди» были проведены выборы в ЦК и ЦКК — не на заключительных заседаниях съезда, как обычно, а за два дня до его закрытия (вечером 14 марта). Это объяснялось не только отсутствием делегатов, уехавших на подавление мятежа в Кронштадте, но и тем, что некоторые делегации (например, Саратовская и Самарская) ставили вопрос о необходимости их срочного отъезда на места. Выбирать же руководящие органы важно было при наличии возможно большего числа делегатов.

Острая предсъездовская борьба по вопросу о профсоюзах, наличие ряда оппозиционных группировок, выступающих с критикой ленинской линии партии, линии ЦК, не могли не отразиться на ходе съезда. Почти по всем основным вопросам повестки дня «рабочая оппозиция», так называемая группа «демократического централизма» и троцкисты выставляли своих содокладчиков, предлагали свои резолюции. Так, с содокладами о партстроительстве выступили: Игнатов от «рабочей оппозиции», Максимовский от группы «демократического централизма» и Смилга от группы делегатов съезда. По вопросу о профсоюзах содоклады делали Троцкий и Шляпников.

Начиная с вопроса о составе президиума и кончая последними днями работы съезда, особенно в связи с обсуждением резолюций «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», шла острая борьба, продолжались выпады представителей оппозиционных группировок против линии партии. Эти выпады получили самый решительный отпор со стороны В. И. Ленина и преобладающего, ленинского большинства съезда.

Уже в своей вступительной речи Владимир Ильич под аплодисменты делегатов говорил: «...Здесь, на этом съезде, мы должны поставить своим лозунгом, своей главной целью и задачей, которую мы во что бы то ни стало должны осуществить, это — чтобы из дискуссии и споров выйти более крепкими, нежели тогда, когда мы их начали» [36].

Из современного момента, подчеркивал Ленин в заключительном слове по политотчету ЦК, надлежит сделать экономический вывод — достижение экономического союза с крестьянством и политический вывод — «сплочение партии, недопущение оппозиции в партии» [37]. Обращаясь к делегатам съезда, Ленин решительно заявлял: «Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо — тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте. И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!» [38]. Владимир Ильич тут же

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 5.
[37] Там же, стр. 35.
[38] Там же, стр. 43.

добавлял: «Если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна их из партии исключить» [39].

Этот вывод был окончательно сформулирован в резолюциях «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и в выступлениях Ленина по этим резолюциям. Владимир Ильич отстаивал пункт 7 резолюции «О единстве партии», вводящий исключительную меру — право исключения из партии или перевода в кандидаты даже членов ЦК за нарушения дисциплины и допущение фракционности, при условии, если две трети членов ЦК и ЦКК признают необходимым применение такой меры. Этот пункт резолюции не подлежал публикации, и Ленин несколько раз на съезде повторял, что «это — крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки... Надеюсь, мы ее применять не будем. Она только показывает, что партия применяет то, о чем вы слышали, при наличии таких разногласий, которые одной своей стороной подошли к возможному расколу» [40].

Для ленинских методов идейной борьбы чрезвычайно показательно, что, настаивая на необходимости применения крайней меры в особых обстоятельствах, Владимир Ильич доказывал, что «это относится к будущему, этого мы сейчас не применяем» [41] и даже, напротив, на съезде в какой-то мере пока выражаем «рабочей оппозиции» доверие, включая двух ее членов в состав ЦК. Ленин говорил также о необходимости отсеять здоровое от нездорового в «рабочей оппозиции». Д. Б. Рязанов в этой связи пытался бросать демагогические упреки, говоря об ошибочной тактике «ухаживания» за «рабочей оппозицией» со стороны ЦК [42]. Но Ленин последовательно и неуклонно проводил принципиальную линию непримиримой борьбы и разоблачения «рабочей оппозиции», и в то же время после заявления Шляпникова об отставке из только что избранного ЦК ввиду несогласия с резолюцией «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» Владимир Ильич предложил следующую резолюцию, которая была единодушно принята съездом:

«Съезд призывает всех членов распущенной группы „рабочей оппозиции“ подчиниться партийной дисциплине, обязывает их оставаться на порученных им местах и не принимает отставки тов. Шляпникова и каких-либо других отставок» [43].

Твердость и исключительный такт Ленина обеспечили действительное сплочение партии в этот трудный для нее момент. В ходе съезда потерпели провал все предложения оппозиционных групп и постепенно было достигнуто полное единодушие при голосовании основных резолюций съезда.

Победа ленинской линии наиболее убедительно проявилась при выборах ЦК и ЦКК. Вопрос о составе ЦК предварительно обсуждался 13 марта на частном совещании делегатов X съезда — сторонников «платформы десяти». Все кандидаты в центральные органы партии,

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 44.
[40] Там же, стр. 108—109.
[41] Там же, стр. 110.
[42] См. «Десятый съезд РКП(б)», стр. 295.
[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 111.

выдвинутые совещанием, оказались 14 марта избранными абсолютным большинством голосов [44].

К этому надо добавить, что по основному вопросу, определившему экономическую политику партии на много лет вперед, — о переходе от разверстки к налогу — на съезде по существу не выявилось никаких серьезных разногласий и резолюция по этому вопросу была принята единодушно.

Уже на первом заседании съезда 8 марта при утверждении повестки дня доклад «Об очередных задачах хозяйственного строительства» (п. 5 повестки дня) был заменен двумя вопросами: 1) О продразверстке и продналоге и 2) О топливном кризисе [45].

Единогласное одобрение съездом этого изменения Ленин в политотчете оценил как первый показатель согласия с подготовленным ЦК решением о замене разверстки налогом. Он говорил, что Центральный Комитет «сегодня прямо поставил этот вопрос на съезде, что вы и одобрили сегодняшним вашим решением» [46].

В заключительном слове по докладу о натуральном налоге Владимир Ильич вновь отметил полное единодушие в Центральном Комитете при принятии этого решения [47], а в речи при закрытии съезда опять сказал, что «абсолютное единство по этому коренному вопросу у нас было достигнуто с самого начала» [48].

Отдельные разногласия и критические замечания по вопросу о замене разверстки налогом в выступлениях на съезде имели место, но они, как правило, не были направлены против основного — неотложной необходимости этой меры. Так, Д. Б. Рязанов не преминул упрекнуть ЦК во «внезапности» для партии принятого решения, которое якобы обрушилось «как снег на голову», но Ленин ему ответил ссылкой на дискуссию в «Правде» в феврале 1921 г.

Известные оттенки проявились в общей оценке новой установки партии. Н. И. Бухарин и Д. Б. Рязанов говорили, например, о замене разверстки налогом как о «своего рода крестьянском Бресте» [49], о необходимости «освятить» и «капиталистический Брест» [50] (так Рязанов оценивал концессии). Такой оценки новой экономической политики Ленин никогда и нигде не давал.

Если Д. Б. Рязанов критиковал ЦК за «внезапность» решения о замене разверстки налогом, то троцкисты сделали попытку доказать «запоздание» в принятии этой меры. Л. Сосновский, в согласии с концепцией Троцкого, говорил о вступлении якобы «в полосу капитуляции перед мелкой буржуазией»; эта полоса, «пророчествовал» он, может быть, на следующем съезде «приведет к капитуляции перед той же мелкобуржуазной стихией, в зависимости от того, как будет развертываться революция в Европе». Одновременно Сосновский тут же добавлял, что «уступка, которую сейчас мы будем обсуждать, кое-где явится

[44] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 402, 714.
[45] Там же, стр. 6.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 28.
[47] См. там же, стр. 74.
[48] Там же, стр. 121.
[49] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 224.
[50] Там же, стр. 468.

или запоздалой или недостаточной; она была бы гораздо более действительной в прошлом году об эту пору» [51]. При этом Сосновский ссылался на предложения Троцкого, внесенные им в ЦК в феврале 1920 г. по вопросам продовольственной и земельной политики, которые по существу ничего общего с заменой продразверстки продналогом не имели.

Потерпев полное поражение в вопросе о профсоюзах, Троцкий в известной мере попытался взять реванш, доказывая чуть ли не свой «приоритет» в постановке вопроса о замене разверстки налогом. В содокладе на съезде по вопросу о профсоюзах он также напомнил о своем предложении в ЦК в феврале 1920 г., которое якобы «почти буква в букву совпадает с тем предложением о замене разверстки продовольственным налогом, которое вы теперь будете обсуждать и принимать». Это предложение, говорил Троцкий, не встретило тогда поддержки, и «члены ЦК, во главе с тов. Лениным, обвиняли меня в фритредерстве». Отсюда он делал вывод, что «мы своим промедлением удвоили и утроили нынешние затруднения... и если бы год тому назад мы подошли к этому делу правильно, наши отношения с крестьянством были бы лучше». При этом Троцкий отрицал, что возможность перехода к налогу связана с окончанием войны. «Никакого отношения к продналогу военная обстановка не имеет»,— утверждал он, доказывая, что армия во время войны находилась «в наиболее плодородных местах, кормилась там собственными средствами» [52] (?!). Все эти рассуждения преследовали одну цель — доказать сторонникам «платформы десяти», В. И. Ленину, что «правильность предвидения» якобы целиком на стороне Троцкого и его сподвижников. Вот уж поистине с больной головы на здоровую!

В. И. Ленин не счел необходимым полемизировать с Троцким по этому вопросу, ибо уже в предсъездовских работах и выступлениях, посвященных критике троцкистской профсоюзной платформы, убедительно доказал, что суть ошибок троцкистов заключалась именно в отрицании необходимости новых методов подхода к массе, новых взаимоотношений с крестьянством в полосу, когда война кончилась.

Таким образом, вопрос о «запоздании» с переходом к нэпу впервые был выдвинут троцкистами на X съезде партии. Мы попытались объяснить, какими мотивами это было вызвано. Но, к сожалению, и до сих пор в исторической литературе, в научных дискуссиях и обсуждениях по вопросам перехода к нэпу иногда продолжает защищаться точка зрения о «запоздании» с переходом к нэпу [53].

На самом деле, как мы видели, поворот в экономической политике был совершен в исключительно короткие сроки и решен Лениным и ЦК партии уже в первой половине февраля, т. е. примерно через два-три месяца после окончания войны. Сам Владимир Ильич, при свойственной ему предельной самокритичности, никогда и нигде не говорил о каком-либо «запоздании» с переходом к нэпу. Наоборот,

[51] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 78—79.
[52] Там же, стр. 350.
[53] См., например: В. И. Биллик. В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917—1921 гг. и о повороте к нэпу. — «Исторические записки», т. 80, стр. 144.

в одном из своих писем в апреле 1921 г. он прямо указывал: «Мы *своевременно* сделали уступки. И я уверен, что мы победим» [54].

В связи с вопросом о «запоздании» вспоминается и та полемика, которая имела место на фракции РКП(б) мартовской сессии ВЦИК 1921 г., когда обсуждался доклад Президиума ВЦИК. Один из депутатов, Л. М. Каганович, упрекал тогда председателя ВЦИК М. И. Калинина в отсутствии плановой работы и законодательной инициативы, якобы нашедших свое выражение в том, что декрет о замене разверстки налогом не был предложен Президиумом ВЦИК, хотя бы за три-четыре месяца до партсъезда. Отвечая на эту критику, М. И. Калинин говорил: «Каганович спрашивает, а что сделал ВЦИК по этому законопроекту, который внесен ЦК партии, как проявил себя ВЦИК, почему 4 месяца тому назад [55]. К сожалению, Каганович знает это, что я немножко в эту сторону всегда тянул, поэтому называюсь середнячком, знает, если бы Калинин 4 месяца тому назад составил бы комиссию по изучению вопроса о замене разверстки налогом [56], Цюрупа предписал бы Семашко взять меня в сумасшедший дом» [57].

В ответ на явно демагогические упреки М. И. Калинин, как видим, попытался дать разъяснение в шутливой и полуиронической форме, ибо всерьез и отвечать было нельзя. Но за такой формой ответа скрывалась та правильная мысль, что за четыре месяца до X съезда партии, т. е. примерно в ноябре 1920 г., когда война с Врангелем только еще заканчивалась, практически совершить переход к налогу было невозможно по многим причинам. Во-первых, в это время далеко еще не было установлено, что завоеванная передышка в войне будет длительной, а не кратковременной. Во-вторых, сбор хлеба по разверстке в ноябре—декабре 1920 г. фактически только еще начинался и при любом изменении политики необходимо было обеспечить страну минимумом продовольствия до нового урожая. Наконец, о сколько-нибудь широком плане демобилизации армии в конце 1920 г. не могло быть и речи, а пятимиллионная армия далеко не обеспечивалась снабжением на «подножном корму», как пытался изобразить дело Троцкий. К тому же торговые отношения с капиталистическими странами не были в это время восстановлены и надеяться даже на самый ограниченный ввоз из-за границы продовольствия не приходилось.

Рассуждения о «запоздании» в какой-то мере напоминали упреки «рабочей оппозиции», высказанные в выступлении А. М. Коллонтай на съезде, что Ленин якобы в отчетном докладе ЦК «обошел вопрос о Кронштадте» и не сказал, «какие меры ЦК принимает, чтобы эти события не повторились» [58].

«Когда я услышал эту вещь,— отвечал В. И. Ленин,— я мог только развести руками. Все присутствующие на съезде прекрасно знают... что здесь-то в докладе, мной сделанном, я все подвел к урокам Кронштадта, все от начала до конца» [59].

[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 150 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[55] Очевидно, пропуск в стенограмме; следует читать: «почему 4 месяца тому назад не поставили вопрос», что вытекает из смысла речи Л. М. Кагановича.
[56] В тексте стенограммы, очевидно, ошибочно сказано «оброком».
[57] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 18, лл. 63—64.
[58] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 101.
[59] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 34.

Действительно, и в самом отчете ЦК и в плане отчета, написанном до съезда, Ленин кратко, но чрезвычайно точно и выразительно определил уроки Кронштадта: «(в Кронштадте *новая власть*). Ее безнадежность. Ее смысл: переход к буржуазной реставрации под лозунгом „свободы". Политически побороть и уже почти побороли, но *экономически учесть безбоязненно*» [60].

В плане доклада о натурналоге Ленин подчеркнул еще отчетливее ту же мысль: «Урок „Кронштадта" — в политике: больше сплоченности (и дисциплины) внутри партии, больше борьбы с меньшевиками и социалистами-революционерами. В экономике: *удовлетворить* возможно больше *среднее* крестьянство» [61].

Была ли возможность «предупредить» кронштадтские события, если бы переход к нэпу был совершен на несколько месяцев раньше? Вряд ли такая постановка вопроса вообще правильна и правомерна. Но одно несомненно. Кронштадтский мятеж — явление сложное, связанное не только с трудностями внутреннего положения, но и с изменением международной обстановки. Недаром Ленин говорил в заключительной речи на съезде, что «враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж. И кронштадтские события показали связь с международной буржуазией» [62].

Изменение тактики борьбы международной буржуазии с Советской властью и соответствующее изменение тактики внутренней контрреволюции, сложный процесс начинающейся демобилизации армии в разоренной стране, который неизбежно втягивал, как говорил Ленин, «в новую форму войны, новый вид ее»,— бандитизм — все это сопутствовало «Кронштадту» и объясняло сложность причин, вызвавших этот взрыв и объединение контрреволюционных сил «вокруг Кронштадта».

К тому же выводы о необходимости установления новых отношений с крестьянством и переходе от разверстки к налогу были сделаны, как известно, до Кронштадтских событий, а «уроки» Кронштадта определены Лениным на съезде с максимальной прямотой и действительно безбоязненно.

Опасность кронштадтской контрреволюции необычайно сплотила партию, воочию показала значение подлинного единства ее рядов. Это и явилось одной из причин, определивших полное единодушие съезда при принятии решения о замене разверстки налогом. Обрисованный выше ход съезда это убедительно подтвердил, хотя отдельные разногласия, преимущественно по практическим вопросам замены разверстки налогом, еще имели место.

После доклада В. И. Ленина о натуральном налоге съезд заслушал по этому же вопросу содоклад наркома продовольствия А. Д. Цюрупы. Содокладчик говорил, что его «доклад не является противопоставлением докладу т. Ленина» [63]. Это подчеркивал и Владимир Ильич в заключительном слове по докладу: «Доклад тов. Цюрупы, — как он сам заявил и как мы все слышали здесь,— не был содокладом в смысле

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 368.
[61] Там же, стр. 371
[62] Там же, стр. 126.
[63] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 415.

противопоставления докладчику принципиально иной точки зрения... Доклад тов. Цюрупы сводился к дополнениям и предостережениям по ряду вопросов, но не заключал в себе предложения иной политики» [64].

Только одно предложение В. И. Ленина встретило на съезде возражения со стороны А. Д. Цюрупы. Речь шла об отмене резолюции IX съезда партии о кооперации, о функциях и задачах кооперации в условиях нового курса экономической политики. А. Д. Цюрупа продолжал настаивать на полном подчинении кооперации Наркомпроду. Съезд целиком поддержал ленинскую точку зрения, а в дальнейшей практической работе возражения А. Д. Цюрупы сами собой полностью отпали.

Один из делегатов съезда, видный в те годы продовольственник М. И. Фрумкин, в своем выступлении, а затем и в предложенной резолюции попытался внести два существенно важных, по существу принципиальных, изменения в ленинскую резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом».

Во-первых, он добивался снятия формулировки о разрешении свободного обмена даже в пределах местного оборота, во-вторых, настаивал на объявлении налога не тотчас после съезда, а только с начала нового хозяйственного года (т. е. фактически с октября 1921 г.). «Никаких объявлений *в конкретной* форме быть не должно, — говорил, он, — мы должны сказать в общем, что с нового урожая будет налог, а в течение остающегося времени извлекать хлеб по разверстке» [65].

Съезд отверг резолюцию М. И. Фрумкина, которая по существу затягивала переход к налогу почти на год и требовала отказа от разрешения свободы оборота [66], и принял единодушно ленинскую резолюцию. К моменту окончания съезда В. И. Ленин под бурные аплодисменты делегатов заявил: «...нам нужно, чтобы о принятом вечером же (15 марта. — *Э. Г.*) было оповещено по радио во все концы мира, что съезд правительственной партии в основном заменяет разверстку налогом, давая этим целый ряд стимулов мелкому земледельцу расширять хозяйство, увеличивать засев, что съезд, вступая на этот путь, исправляет систему отношений между пролетариатом и крестьянством и выражает уверенность, что этим путем будет достигнуто прочное отношение между пролетариатом и крестьянством» [67].

На XI съезде партии, подводя итоги первого года проведения новой экономической политики, Владимир Ильич вновь вернулся к оценке принятия X съездом исторического решения «О замене разверстки натуральным налогом».

«Поворот к новой экономической политике, — говорил он, — был решен на прошлом съезде с чрезвычайнейшим единодушием, с бóльшим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием). Единодушие это показало, что абсолютно назрела необходимость нового подхода к социалистической экономике. Люди, по многим вопросам расходившиеся, с различных точек зрения оценивавшие положение, единодушно и очень быстро пришли без всяких колебаний к тому, что у нас

[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 74—75.
[65] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 434.
[66] Предложения М. И. Фрумкина см.: «Десятый съезд РКП(б)», стр. 445.
[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 73.

подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента нет и что есть единственный способ найти этот подход — это новая экономическая политика... Это ясно мы увидели на прошлом съезде партии. Это мы видели так ясно, что никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было... Потому, что практическая необходимость иного подхода к постройке фундамента социалистической экономики для всех была ясна» [68].

2.

Сессия ВЦИК и принятие декрета о продналоге. Особенности проведения декрета в отдельных районах страны

В день закрытия X съезда партии, 16 марта, Президиум ВЦИК принял постановление о замене разверстки налогом [69], на следующий день оно было опубликовано в газете «Известия». Первая часть постановления дословно воспроизводила принципиальные положения резолюции X партийного съезда.

«Установив эти основные положения, — говорилось далее в постановлении, — Президиум ВЦИК призывает крестьянство приступить к посевам с уверенностью, что плоды их тяжкого труда не только помогут рабоче-крестьянскому государству, но и улучшат их собственное положение. Налог даст возможность крестьянству использовать свои излишки от уплаты налога для обмена на необходимые в крестьянском хозяйстве предметы.

Президиум ВЦИК поручает специальной комиссии к 20-му марта разработать основные положения соответствующего закона для утверждения сессией ВЦИК» [70].

Состав комиссии по подготовке закона о натурналоге для сессии ВЦИК был намечен 16 марта на первом заседании пленума ЦК партии, избранного X съездом. В комиссию вошли В. П. Милютин (председатель), А. Д. Цюрупа, Е. А. Преображенский, А. М. Лежава, Д. З. Мануильский.

18 марта состоялось заседание Политбюро ЦК нового состава, на котором был заслушан доклад комиссии о проекте декрета о замене разверстки налогом. Центральный Комитет внес в проект важные дополнения и изменения. Полностью сохранив общую вводную часть резолюции партсъезда, ЦК постановил, что в декрете должны быть дополнительно даны следующие указания: 1) о кооперации, в соответствии с постановлением партсъезда; 2) об индивидуальной, а не круговой ответственности при взимании налога; 3) слова о местном обороте разъяснить популярно, указав на базары, рынки и пр.; 4) для того, чтобы не оттягивать применение новых оснований законодательства в некоторых местностях, предложить ВЦИК поручить Компроду не позже

[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 73—74, 75.
[69] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 38, д. 15, л. 3.
[70] «Известия ВЦИК», 17 марта 1921 г.

чем через неделю войти в СНК с предложением о введении свободного оборота для тех видов продуктов, заготовка которых закончена; 5) оставить пункт о снабжении беднейшего населения[71].

Все эти указания ЦК были полностью реализованы в законе, принятом сессией ВЦИК, и в последующих декретах.

Политбюро 18 марта поручило выступить на сессии по вопросу о хлебном налоге В. И. Ленину[72] и М. И. Калинину и предложило Наркомзему и Оргбюро ЦК принять ускоренные меры для привлечения крестьян-середняков к работе как Наркомзема, так и совещаний по вопросам о нуждах крестьянского хозяйства[73].

Политбюро приняло также решение создать комиссию по выработке тезисов для разъяснительной кампании о натурналоге и поручило комиссии представить эти тезисы для просмотра В. И. Ленину.

19—20 марта состоялась вторая сессия ВЦИК восьмого созыва. На сессии в докладе о замене разверстки налогом М. И. Калинин говорил: «Тот закон, к обсуждению которого мы сейчас приступаем, проект которого внесен на рассмотрение ВЦИК, открывает несомненно новую эпоху в строительстве Советской республики»[74].

М. И. Калинин рассказал о решениях партийного съезда и подробно изложил суть нового закона. Сессия одобрила закон, на следующий день, 21 марта, Президиум ВЦИК его утвердил, и 23 марта он был опубликован как декрет Советской власти.

Достаточно сравнить тексты резолюции X съезда РКП (б) «О замене разверстки натуральным налогом» и декрета ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта, чтобы убедиться в значении некоторых поправок и дополнений, внесенных в декрет по указанию ЦК партии.

Принципиально был изменен пункт 7 декрета по сравнению с пунктом 7 постановления съезда, поскольку круговая ответственность при взимании налога декретом ВЦИК была полностью отменена.

В пункте 8 декрета к словам резолюции съезда «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота» было добавлено: «как через кооперативные организации, так и на рынках и базарах». Видоизменен был по сравнению с резолюцией съезда и пункт 9 декрета, где говорилось о создании постоянного государственного фонда для обмена на излишки продовольствия, добровольно сдаваемые населением государству. В декрете было сделано добавление, что это относится только к «тем земледельцам, которые остающиеся у них после выполнения налога излишки пожелают сдать государству» и получить в обмен «предметы широкого потребления и сельскохозяйственного инвентаря»[75].

В текст декрета был добавлен также пункт 10, указывающий, что «снабжение беднейшего сельского населения производится в государственном порядке по особым правилам»[76]. Декрет устанавливал прогрес-

[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 138, л. 1.
[72] В. И. Ленин на сессии, как известно, не выступал.
[73] На следующий день, 19 марта, Ленин принял Н. Осинского и беседовал с ним по этому вопросу.
[74] М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935. М., 1936, стр. 41.
[75] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, М., 1957, стр. 226—227.
[76] Там же.

сивность обложения — понижение процента отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяйств и хозяйств городских рабочих, а беднейшее крестьянство могло быть освобождаемо «от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога» [77].

Сохраняя классовый принцип при взимании налога, декрет требовал одновременно всяческого поощрения старательных хозяев-крестьян, увеличивающих площади засева и производительность труда, и получения ими льгот по выполнению налога.

Большое значение имело также принятое сессией постановление «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землей». Содержание этого постановления было неразрывно связано с новой формулировкой пункта 7 декрета о замене разверстки налогом, уменьшая роль крестьянской общины не только во взимании налога, но и в распоряжении землей. Постановление воспрещало частые и беспорядочные переделы земли и устанавливало, что переделы могут производиться не ранее 9-летнего срока, что улучшит обработку земли. Местным земельным органам запрещалось отводить в принудительном порядке землю для совхозов и колхозов, а также отрезать вновь образованным колхозам больше земли, чем было в их пользовании до образования коллектива [78].

«Воззвание к крестьянству РСФСР», принятое сессией и опубликованное 23 марта, призывало крестьян «напрячь все силы к тому, чтобы ни одна десятина пашни не осталась незасеянной. Каждый крестьянин должен теперь знать и твердо помнить, что чем больше он земли засеет, тем больше будет тот излишек хлеба, который останется в его полном распоряжении».

В воззвании давалась оценка продовольственной политики военных лет, указывалось, что Советская власть «хорошо знала все тяжести разверстки для крестьян, неравномерность ее раскладки и все неудобства ее для развития крестьянского хозяйства. Но она стояла твердо за разверстку, хорошо понимая, что трудящееся крестьянство скорее простит Советской власти все тяжести разверстки для победы над врагами, чем отмену разверстки, купленную ценой победы помещиков, потерей земли, разгромом и гибелью Красной Армии».

В заключение в воззвании говорилось о том, что Советская власть имеет теперь возможность облегчить тяготы крестьян и заменить разверстку налогом только потому, что «геройская Красная Армия разогнала врагов трудящегося народа и доказала всему миру незыблемость рабоче-крестьянского государства» [79].

Сессия ВЦИК поручила Совнаркому, в развитие принятого закона о замене разверстки налогом, не позднее месячного срока издать соответствующие подробные положения о налоге.

В самом деле, декрет от 21 марта не устанавливал еще ни общей суммы налога, ни правил и порядка его взимания и не определял времени и условий разрешения свободы оборота.

[77] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 226.
[78] «I—IV сессии ВЦИК 8-го созыва. Стенографический отчет». М., 1921, стр. XI—XII.
[79] Там же, стр. XIII—XIV, XV.

25 марта Политбюро ЦК взамен прежних комиссий по продналогу создало одну комиссию, назначив ее доклад в Политбюро на 28 марта. Политбюро заслушало также доклад Е. А. Преображенского о серебряной валюте, поручило СТО провести постановление о проверке имеющихся запасов серебра, а Наркомфину «принять меры к приведению монетного двора в такое состояние, чтобы можно было начать чеканку серебряной и медной монеты»[80].

Комиссия по продналогу на своем заседании 27 марта подробно обсудила три вопроса: Положение об обмене в пределах местного хозяйственного оборота; Положение об обмене между государством и населением; о кооперации. По первому вопросу была достигнута договоренность о разрешении свободного обмена (было добавлено «продажи и покупки») остающихся у крестьян после выполнения налогов продуктов сельского хозяйства как на продукты сельского хозяйства, так и фабрично-заводской и кустарной промышленности и устанавливалось, что обмен может производиться между отдельными гражданами, через кооперативные объединения, а также на рынках и базарах.

О работе комиссии по продналогу, о спорах, которые происходили на ее заседаниях, подробно рассказал в докладе на X (майской) партконференции В. П. Милютин.

Первым долгом был решен вопрос об установлении общей суммы налога с таким расчетом, чтобы у крестьянина оставались излишки. По подготовленным ЦСУ материалам было установлено, что при среднем урожае (и даже несколько ниже среднего) излишков хлеба у крестьян Советской России (без Украины) будет около 500 млн. пуд. Таким образом, первоначально комиссия установила возможный размер налога от 300 до 350 млн. пуд. хлеба, но по настоянию ЦК эта цифра была снижена до 240 млн. пуд. хлеба при среднем урожае[81].

Обсуждался также вопрос об освобождении определенных групп крестьян от уплаты налога. В. П. Милютин в комиссии «отстаивал тот принцип, что не следует освобождать, а обложить хотя бы минимальным налогом. Но все большинство комиссии встало на другую точку зрения и постановило, что тех, которые имеют до одной десятины пахотной земли, от налога освободить»[82].

Серьезная дискуссия развернулась по вопросу о размерах допущения свободной торговли. Суть этой дискуссии В. П. Милютин изложил следующим образом: «Было два мнения: одно мнение заключалось в том, чтобы свободную торговлю ограничить в том направлении, чтобы имели право свободной торговли на рынке только производители, но не допускать оптовых торговцев, скупщиков, перепродавцов товара... Другая часть комиссии, наоборот, отстаивает полную свободу торговли. Центральный Комитет стал на последнюю точку зрения... Таким образом, вопрос был выяснен в сторону разрешения свободной торговли, но с тем ограничительным признаком, что торговать всеми продуктами разрешается, если налог выполнен полностью»[83].

[80] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 141, л. 3.
[81] «Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б)». М., 1933, стр. 16.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 17—18.

Проект Положения об обмене между государством и населением, выработанный комиссией, основывался на принципе передачи государственных товарных фондов, предназначенных для обмена на излишки, в распоряжение Наркомпрода и его местных органов и привлечения кооперативных организаций к обмену на договорных началах.

Судя по протоколам комиссии, по вопросу о кооперации также высказывались различные точки зрения. «Были мнения, — говорил Милютин, — что нужно сохранить единую универсальную кооперацию, другое мнение, которое было проведено в Центральном Комитете, гласило, что единой кооперации, установленной в законодательном порядке, не должно быть. В данном случае промысловой кооперации, кустарной, сельскохозяйственной кооперации надо дать возможность самостоятельно развиваться» [84].

Большинство комиссии признало необходимым выделение на всех ступенях сельскохозяйственной кооперации от кооперации потребительской (и это было подтверждено Политбюро ЦК). А. Д. Цюрупа и Н. Осинский предлагали оставить прежний порядок объединения потребительской, кустарной и сельскохозяйственной кооперации в губсоюзах. В то же время только А. Д. Цюрупа высказался за переход к добровольному членству в потребительской кооперации, все остальные члены комиссии настаивали на сохранении принципа «обязательности для каждого гражданина стать членом местного потребительского кооператива» [85]. Наконец, речь шла о пределах самостоятельности кооперации в распределении и заготовке продуктов, о степени ее независимости от Наркомпрода.

Для разрешения некоторых спорных вопросов и для разработки декрета о кооперации были созданы специальные подкомиссии, которые должны были, в частности, рассмотреть и взаимоотношения между кооперацией и государственными органами.

Политбюро ЦК на своих заседаниях 28, 29 и 30 марта (В. И. Ленин присутствовал на всех заседаниях) заслушало доклад комиссии по продналогу и утвердило, с рядом поправок, представленные комиссией положения об обмене и о кооперации.

На основе этих решений Политбюро Совнарком утвердил декреты от 28 марта: «О размере продовольственного натурального налога на 1921—1922 г.» и «О свободном обмене, покупке и продаже [86] сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку».

Размер налога на 1921—1922 г. по первому декрету был установлен для РСФСР (без Украины и Туркестана) в сумме не свыше 240 млн. пуд. при среднем урожае [87]. Свободный обмен, продажа и покупка, согласно второму декрету, разрешались в 40 губерниях и 4 автономных республиках. На Наркомпрод возлагалось обязательство вводить в действие этот декрет во всех губерниях и уездах, по мере выполнения ими разверстки. В губерниях, выполнивших разверстку, разрешалась свободная перевозка

[84] «Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б)», стр. 18.
[85] Переход к добровольному членству в потребительской кооперации был совершен только в 1923 г.
[86] Слова «покупка и продажа» были вставлены в название декрета по указанию ЦК РКП(б).
[87] СУ, 1921, № 26, ст. 148.

хлеба и зернофуража, продовольствия, картофеля и сена в целях обмена, продажи и покупки.

5 апреля Совнарком предоставил Наркомпроду право распространить действие декрета от 28 марта «также и на губернии, не закончившие разверстки, в тех случаях, когда это не может отразиться катастрофически на государственных заготовках»[88].

В соответствии с указаниями ЦК партии был принят 7 апреля декрет СНК «О потребительской кооперации». Если в прошлые годы, подчеркивалось в декрете, кооперация осуществляла только техническое распределение продуктов и предметов первой необходимости, в области же заготовок «права потребительской кооперации были ограничены вследствие установления системы государственных разверсток», то теперь все эти ограничения отпадают и «кооперация получает право заготовлять всякого рода продукты сельского хозяйства». В отмену декрета от 20 марта 1918 г. потребительским обществам предоставлялось право «обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кустарных и ремесленных изделий и сбыта их»[89]. Кооперации разрешалась также организация предприятий по добыче и обработке продуктов, устройству огородов, ферм и т. д.

С конца марта в Наркомпроде и других правительственных органах, а также в печати началось широкое обсуждение вопроса о порядке исчисления налога и методах его взимания.

Все практические предложения были обобщены и суммированы Советским правительством при подготовке декрета «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена», принятого 21 апреля 1921 г.[90] Согласно этому декрету размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству пашни[91], числу едоков в хозяйстве и по урожаю в данной местности.

Хозяйства, имевшие под пашней не более одной десятины, от обложения налогом освобождались. Точные сроки сдачи налога поручалось установить Наркомпроду, но было дано указание, что приступить к сдаче налога надо немедленно после уборки урожая и по зерновым хлебам выполнить его не позже 15 декабря 1921 г.

В связи с тем, что разверстка взималась с большого количества различных продуктов сельского хозяйства, возникла необходимость в установлении множественности натуральных налогов. Соответствующие декреты были приняты в основном на протяжении апреля—мая 1921 г., а некоторые — в июне и августе[92]. Во всех декретах обязательно указыва-

[88] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 13, л. 2.

[89] СУ, 1921, № 26, ст. 150.

[90] Проект декрета был обсужден и утвержден на заседании Политбюро ЦК в присутствии В. И. Ленина 19 апреля 1921 г.

[91] Для того чтобы всемерно стимулировать расширение посевных площадей, Совнарком установил, что объектом обложения является пахотная земля, и налог должен взиматься не с каждой десятины, фактически засеянной, а со всей пригодной для пахоты земли (СУ, 1921, № 38, ст. 204).

[92] После принятия декретов «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена» и о налоге на яйца и молочные продукты (21 апреля) были изданы декреты о натуральном налоге на льняное и пеньковое волокно и на шерсть (10 мая), на табак (11 мая), на сено (17 мая), на продукты огородничества и бахчеводства (31 мая), на продукты пчеловодства (5 июня), на мясо (14 июня) и декрет о кожно-сырьевом налоге (9 августа).

лось, насколько налог на данный продукт меньше прежней разверстки[93].

Таким образом, законодательная деятельность Советского правительства, непосредственно связанная с введением налога, захватила почти всю первую половину 1921 г. Лишь на заседании Совнаркома 10 мая было принято решение о ликвидации комиссии СНК по продналогу[94], поскольку главные практические мероприятия были осуществлены.

Переход к новой экономической политике потребовал проведения широкой разъяснительной работы в массах и доведения новых декретов о налоге до каждого крестьянина. Огромную роль в этом отношении сыграла прежде всего советская печать и особенно газеты «Правда» и «Беднота».

Начиная с середины марта «Правда» почти ежедневно помещала передовые статьи и материалы о замене разверстки налогом. 16 марта, в день окончания работы X съезда партии, была опубликована передовая «Продовольственный налог», а 20 марта — письмо «К товарищам крестьянам, красноармейцам, рабочим, связанным с деревней» с просьбой присылать в редакцию письма, освещающие ход обсуждения в деревне декрета о налоге.

Широко популяризировала переход к налогу газета «Беднота», ежедневно печатая на своих страницах статьи, разъясняющие все основные вопросы, связанные с новыми законами. В газете появился постоянный раздел «Что пишут крестьяне о налоге?», где публиковались письма крестьян, приветствующие переход к налогу, и высказывались предложения о лучшем его проведении.

На места для разъяснения новых декретов были посланы тысячи агитаторов и пропагандистов партии. 27 апреля Политбюро ЦК поручило СНК проверить, как выполняются декреты о продналоге, а Оргбюро — подготовить посылку членов ВЦИК на места «для разъяснения и проверки новой экономической политики».

4 мая 1921 г. Центральный Комитет РКП(б) опубликовал и разослал инструктивное письмо всем губкомам партии, в котором говорилось, что кампанию по всестороннему разъяснению крестьянским и рабочим массам продналога следует считать «важнейшей для настоящего момента». Всем губкомам предлагалось давать точные и сжатые отчеты о том, что ими сделано в этом направлении, систематически присылать свои практические предложения[95].

В докладе на X съезде партии о натуральном налоге В. И. Ленин поставил вопрос об особенностях проведения этого решения, в частности о разрешении свободы оборота в местных условиях, в различных районах страны. «Одинаково это будет в разных местностях? — спрашивал он и отвечал, — Ни в коем случае. Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью»[96].

[93] Налог на хлеб устанавливался в размере 240 млн. вместо разверстки в 423 млн. пуд., на картофель — соответственно 60 млн. вместо 112 млн. пуд., на масличные семена — 12 млн. вместо 24 млн. пуд., на сено — 80 млн. вместо 128 млн. пуд., на мясо — 6,5 млн. вместо 25,4 млн. пуд.

[94] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 18, л. 5.

[95] «Правда», 4 мая 1921 г.

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 65—66.

При принятии резолюции о натуральном налоге X съезд заслушал следующее заявление Д. З. Мануильского от имени украинской делегации: «Ввиду того, что буквальное применение этого проекта резолюции нанесет жестокий удар нашей политике комнезаможей, иначе говоря комбедов, мы по соглашению с будущим ЦК РКП оставляем за собой право, голосуя за эту резолюцию, внести те или другие изменения, вызываемые местными условиями» [97].

Действительно, в декрете о продналоге, принятом сессией ЦИК Украины 27 марта 1921 г., имелись существенные отличия по сравнению с декретом ВЦИК от 21 марта. Если §§ 1—3 украинского декрета почти полностью воспроизводили соответствующие пункты декрета ВЦИК, то в § 4, говорящем о прогрессивности налога, указывалось одновременно, что «из поступающего налога образовывается в порядке отчисления от 10 до 25% губернский продовольственный фонд, имеющий своим назначением удовлетворение неотложных нужд незаможного селянства и приобретения товаров за границей для снабжения крестьянства» [98].

В § 6 декрета (соответствующем § 7 декрета ВЦИК) было добавлено, что ответственность за выполнение налога возлагается на каждого отдельного домохозяина «под контролем комнезамов и волисполкомов». Требование отмены круговой поруки в декрете ВУЦИК не было выдвинуто.

В телеграмме Наркомпрода Украины М. Владимирова от 22 марта, адресованной В. И. Ленину и А. Д. Цюрупе, особенности украинского декрета были объяснены следующими причинами. «Эти организационные формы, — писал М. Владимиров, — позволят нам не разрывать связи [с] предыдущей политикой деревни и определенных районов, где еще необходимо сломить кулачество... использовать комнезамов против кулаков, давая им гарантию материального улучшения, соответствующего их активности» [99].

Сложность обстановки на Украине (не ликвидированный еще кулацкий бандитизм, особая роль комнезамов) усугублялась также необходимостью продолжения сбора продразверстки после перехода к продналогу.

Разверстка на Украине к концу марта 1921 г. была выполнена только на 40% (собрано 65 млн. пуд. вместо установленных 160 млн. пуд.). Поэтому одновременно с декретом о замене разверстки налогом сессия ВУЦИК 27 марта приняла постановление «О сокращении продразверстки на урожай 1920 г.». Согласно ему применение налога на Украине начиналось лишь с урожая 1921 г., а до этого времени продолжался сбор сокращенной разверстки (вместо не сданных еще 95 млн. пуд. предполагалось собрать лишь 50 млн. пуд.). Только четыре губернии Украины (Волынская, Екатеринославская, Харьковская и Черниговская), выполнившие наибольший процент хлебной разверстки, были освобождены от дальнейшей ее сдачи, и для них устанавливался определенный порядок проведения товарообмена. Размеры натурального

[97] «Десятый съезд РКП(б)», стр. 446.
[98] «Коммунист» (Харьков), 29 марта 1921 г.
[99] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 723, л. 128.

налога на зерновые продукты для 1921—1922 гг. постановлением СНК Украины от 28 марта были определены цифрой 117 млн. пуд. (вместо разверстки 160 млн. пуд.), из них 18 млн. пуд. предназначались для обеспечения бедноты.

Сообщая обо всех этих решениях В. И. Ленину и А. Д. Цюрупе, нарком продовольствия Украины М. Владимиров высказал свое мнение, что из сокращенной разверстки в 50 млн. пуд. есть надежда получить 35 млн. пуд., и это едва покроет потребности армии и Донбасса [100].

Сбор разверстки после объявления декрета о налоге был очень трудным делом, но на эту меру пришлось пойти не только на Украине, а и в других важнейших хлебных районах страны — в Сибири и на Северном Кавказе [101]. Поэтому в декрете ВЦИК от 28 марта о разрешении свободного обмена для губерний, закончивших разверстку, не была упомянута ни одна губерния Сибири или Северного Кавказа. Сами местные организации неоднократно ставили этот вопрос перед центральной властью. Так, 26 марта губпродкомиссар Ставрополя послал на имя В. И. Ленина и А. Д. Цюрупы следующую телеграмму: «Прошу экстренных указаний, будет ли летняя заготкампания [на] Севкавказе проводиться разверсткой или последняя должна быть немедленно отменена. [В] Ставропольской губ. сейчас проходят уездные съезды Советов, 28-го откроется губ[ернский] съезд Советов. Полученные [из] Москвы радио, крестьянами — членами съездов, также местными партработниками [в] уездах толкуются определенно как немедленная отмена разверстки. Ставропольская [губерния] выполнила около 43% наложенной разверстки... Если центр рассчитывает получить летом хлеб Кавказа, необходимо срочно опубликовать [от] имени ВЦИК разъяснение — сохранение проведения незаконченной разверстки» [102].

Такая же телеграмма с запросом о возможности взимания разверстки после перехода к налогу поступила в тот же день (26 марта) на имя В. И. Ленина и от сибирских организаций (Сиббюро, Сибпосевком и Сибпродком).

«Просим срочно разрешить вопрос [в] ЦК и дать телеграфно ответ, — говорилось в этой телеграмме. — Впредь до получения ответа работа задержана» [103].

Несколько дней спустя во время разговора по прямому проводу с Москвой сибирского продкомиссара П. Когановича и заведующего Сибирским земотделом В. Н. Соколова им был сообщен ответ ЦК, что «разверстка для Сибири пока не отменена». Сиббюро ЦК в соответствии с этим приняло 29 марта на своем заседании следующее постановление: «1. Принять предложение Цека, переданное по прямому проводу, о продлении разверстки в Сибири; 2. Процентом выполнения разверстки утвердить 75%. 3. Во всех уездах, выполнивших более 75% разверстки, допустить свободный товарообмен» [104].

[100] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 723, л. 129.

[101] На 20 февраля 1921 г. разверстка в Сибири была собрана примерно лишь наполовину (51,5 млн. вместо 110 млн. пуд.), а на Северном Кавказе — на 38,7% (46,4 млн. вместо 120 млн. пуд.).

[102] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 777, л. 4—5.

[103] Там же, д. 723, л. 169.

[104] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 906, л. 5.

В связи с запросами с мест и в целях устранения дальнейших недоразумений 28 марта была принята и передана по радио особая директива губпродкомиссарам за подписью М. И. Калинина и А. Д. Цюрупы. «Из поступающих с мест сведений видно, — говорилось в этом документе, — что некоторые губпродкомы, не ожидая директив из центра, приступают к частичному введению натурального налога и реорганизации аппарата по своему усмотрению... Настоящим предписывается губпродкомам выполнять только те постановления, которые сообщаются за подписями соответствующих должностных лиц. Виновные в нарушении этого правила и в принятии мер на основании информационных сообщений печати или РОСТА будут подвергаться строжайшей ответственности как дезорганизаторы» [105].

6 апреля через Наркомпрод была отправлена на места еще одна директива за подписью В. И. Ленина, в которой разъяснялось, что впредь до объявления натурналога на отдельные продукты сохраняют силу установленные разверстки, и работа по их выполнению должна производиться прежним порядком [106].

Насколько твердую позицию занял В. И. Ленин в вопросе о необходимости продолжать сбор разверстки, особенно в тех хлебных районах, где она не была выполнена, свидетельствует следующий факт. 12 апреля из Омска, от сибирского продкомиссара П. Когановича на имя В. И. Ленина поступила паническая по содержанию телеграмма, в которой говорилось, что после сообщений газет об отмене разверстки продолжать ее почти невозможно. «Созданное невероятной, упорной трехлетней работой настроение железной необходимости сдачи продуктов теперь рухнуло, никакие приказы, мероприятия не в силах быстро создать вновь благоприятную, в смысле заготовок, атмосферу». Далее следовали жалобы на разноречивые и неясные указания центра и вывод, что, как это ни тяжело, «придется мириться с временной заминкой» в заготовках, пока не будет создана более или менее благоприятная обстановка [107].

На этой телеграмме В. И. Ленин написал 15 апреля следующее заключение: «Т. Цюрупа! По-моему, надо ему выразить порицание. Пустое нытье и отговорки. До постановления ВсеЦИКа должен был поговорить по прямому проводу (и тотчас после, в марте, а не в апреле). Не хныкать, а испросить вовремя особое постановление ВсеЦИКа. Глупая хныкающая баба» [108].

Необычная резкость Ленина в связи с подобной телеграммой понятна. Конечно, Владимир Ильич понимал трудности продолжения заготовок

[105] «Продовольственная газета», 30 марта 1921 г.
[106] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 777, л. 14.
[107] Там же, л. 10.
[108] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 147. Последние слова ленинской резолюции на телеграмме П. Когановича при опубликовании этого документа в XX «Ленинском сборнике» в 1932 г. были опущены и приведены впервые лишь в 52 томе Полного собрания сочинений.

А. Д. Цюрупа ответил В. И. Ленину: «Когановичу мною уже дважды указано (второй раз в ответ на эту телеграмму), что сообщения газет, Роста и т. п. не могут приниматься за распоряжения правительственных органов. Указал также на полную необходимость и совершенную неизбежность продолжения заготовок при условии применения осторожного и эластичного нажима» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 777, л. 10 об.).

по разверстке после перехода к налогу. Но настоятельная необходимость требовала проведения этой меры, особенно в отношении Сибири. Продовольственное положение страны в марте и апреле почти не улучшилось. В мае пришлось пойти на дополнительное снижение хлебного пайка для рабочих в городах: по рабочей карточке «А» норма была сокращена до $^2/_3$ фунта и для остального населения — до $^1/_3$ фунта в день.

Как показывают факты, продолжение сбора разверстки принесло существенные результаты. Вторая декада марта дала даже некоторое повышение заготовок именно в момент принятия решения о замене разверстки налогом. В дальнейшем цифра заготовок начала снижаться. Однако с 21 марта по 1 мая 1921 г. было собрано по разверстке 11,7 млн. пуд., из них по Сибири — 3,3 млн. пуд., по Северному Кавказу — 4,3 млн. пуд. [109]

Только с начала мая поступления по разверстке фактически прекратились, и сводки Наркомпрода по итогам заготовок больше не публиковались (последняя сводка была за декаду с 21 апреля по 1 мая).

Если к 12 млн. пуд., собранных по разверстке в РСФСР в марте — апреле 1921 г., добавить заготовки на Украине (даже при условии сбора половины той цифры, которую назвал Владимиров — 35 млн. пуд.) и около 3 млн. пуд., собранных в Туркестанской АССР (где до нового урожая также действовала разверстка [110]), то итог получится в сумме не менее 30 млн. пуд., что имело для Советской страны неоценимое значение, особенно учитывая надвигающийся неурожай и засуху 1921 г.

На этом примере наглядно проявилась одна из важных черт ленинского руководства. Решительно проводя в жизнь новый курс экономической политики, добиваясь самого широкого оповещения крестьян о переходе к налогу и действительного облегчения положения деревни, Владимир Ильич в то же время трезво учитывал практические задачи дня, не сбрасывал со счетов текущие нужды и поэтому шел на некоторые неизбежные издержки, чтобы обеспечить страну хотя бы минимальным количеством хлеба до сбора урожая. К тому же в новых условиях издержки, связанные с продолжением сбора разверстки, не были очень велики, не вызвали и не могли вызвать сколько-нибудь серьезного недовольства даже части крестьянства, ибо общий перелом в деревне был уже определен.

Ленинский декрет о продналоге внес успокоение в деревню, удовлетворил среднее крестьянство, дал необходимые стимулы для восстановления и развития сельского хозяйства.

Разработка законодательства о натуральном налоге была решающим, но только первым шагом в проведении новой экономической политики. Предстояло еще осуществить перестройку по всему хозяйственному фронту. В процессе этой перестройки, в ходе освоения и теоретического осмысливания практики хозяйственной работы развивалось и ленинское учение о нэпе, творчески обобщался накопленный опыт социалистического строительства.

[109] Данные взяты из ежедекадных сводок Наркомпрода, опубликованных в «Продовольственной газете» за март—апрель 1921 г.

[110] См. «Известия Туркестанской республики», 9 и 23 апреля 1921 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1.

Ленинская работа «О продовольственном налоге»

Работу «О продовольственном налоге», сыгравшую выдающуюся роль в теоретическом обосновании новой экономической политики, В. И. Ленин начал писать вскоре после окончания X съезда РКП(б), примерно с конца марта, и закончил ее 21 апреля 1921 г.

Насколько тщательно он продумывал план и содержание этой работы, показывают четыре черновых наброска конспекта брошюры [1], подготовленные до ее написания. Даже само название брошюры подвергалось неоднократным изменениям в поисках наиболее точного показа сути новой политики, новых взаимоотношений с крестьянством [2]. В итоге Ленин остановился на самом кратком названии — «О продовольственном налоге», дав подзаголовок: «Значение новой политики и ее условия».

На X съезде партии и в последующих выступлениях, особенно на московском партактиве 9 апреля и на комфракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г., Ленин дал впервые обоснование сущности и задач нового курса экономической политики. В брошюре «О продовольственном налоге» он глубоко обобщил и развил эти важнейшие положения, поднял всю постановку вопроса на новую ступень, опираясь на предшествующий опыт и свои прежние работы, прежде всего весны 1918 г.[3]

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 379—387.

[2] Намечая план брошюры, Ленин писал: «Точнее бы передавало содержание: О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента. Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента». Затем против этих названий Ленин написал на полях: «Тяжело!» и наметил новые варианты: «*О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством* (или О задачах рабочего правительства в крестьянской стране) и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству» (там же, стр. 380).

[3] В докладе на комфракции ВЦСПС 11 апреля Ленин говорил: «Я недавно перечитывал свою брошюру, написанную в мае 1918 года» (там же, стр. 189). Речь шла о работе «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности».

В начале мая 1921 г. ленинская работа была выпущена Госиздатом отдельной брошюрой тиражом в 20 тыс. экземпляров [4], а позже напечатана в № 1 журнала Главполитпросвета «Красная новь», который вышел в свет в июне 1921 г. Затем она была опубликована также в № 17 журнала «Коммунистический Интернационал» и, таким образом, переведена на немецкий, французский и английский языки (журнал кроме русского выходил на трех иностранных языках).

Незадолго до III конгресса Коминтерна В. И. Ленин в письме к К. Б. Радеку от 29 мая 1921 г. спрашивал: «Отдана ли в перевод моя брошюра о продналоге? На все ли 3 языка? Когда выйдет?» [5] К открытию конгресса вышли в свет отдельные издания работы на немецком и французском языках, и Владимир Ильич в докладе «О тактике РКП» 5 июля 1921 г. упомянул о том, что для делегатов подготовлен перевод его брошюры «О продналоге» [6].

Работа В. И. Ленина была переиздана также отдельной брошюрой рядом местных издательств [7].

В кратком введении к брошюре В. И. Ленин четко определил задачи, которые он перед собой ставил. «Вопрос о продналоге, — писал он, — вызывает в настоящее время особенно много внимания, обсуждения, споров. Вполне понятно, ибо это действительно один из главных вопросов политики при данных условиях» [8].

Подчеркивая, что «обсуждение носит характер немного сутолочный», Владимир Ильич считал особенно важным подойти к вопросу «не с его „злободневной", а с его общепринципиальной стороны. Иными словами: взглянуть на общий, коренной фон той картины, на которой теперь мы чертим узор определенных практических мероприятий политики данного дня» [9].

Таким образом, Ленин выдвигал на первый план принципиально-теоретические вопросы, связанные с переходом к продналогу, именно этим вопросам он считал нужным посвятить работу, не затрагивая в ней практических задач и конкретных мероприятий, вызванных переходом.

Большое значение имел и тот факт, что Ленин предпослал своей работе и воспроизвел в ней значительную часть брошюры «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности», написанной в мае 1918 г.

Об уроках и значении мероприятий весны 1918 г. для начавшегося этапа мирного социалистического строительства Ленин начал напоминать еще с конца 1920 г. — в выступлениях на московской партконференции 21 ноября 1920 г. и в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов [10].

[4] Выступая перед коммунистами и кандидатами в члены РКП(б) Кремлевского участка 9 мая, Ленин смог уже сказать: «вам, как членам партии, надо познакомиться с моей брошюркой о продналоге, которая сейчас уже вышла и распределяется» (там же, стр. 255).

[5] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 221.

[6] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 34.

[7] Кроме Москвы и Петрограда, она была издана в 1921 г. также в Курске, Ростове-на-Дону, Самаре, Ярославле, Иркутске, Екатеринбурге, Казани, Ташкенте, Тифлисе и др. В Архангельске ее набрали, отпечатали и сброшюровали на субботнике 19 мая 1921 г., устроенном губернской конференцией рабочих-полиграфистов.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 205.

[9] Там же.

[10] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 27, 137—138, 379.

Но тогда он ограничивал сравнение с 1918 г. лишь общностью обстановки перехода от войны к миру и условиями обеспечения этого перехода. На X съезде партии Ленин рассматривал эту связь несколько шире, напоминая, в частности, о декрете ВЦИК от 30 октября 1918 г. «О натуральном налоге» [11].

В докладе о продналоге 9 апреля 1921 г. Владимир Ильич уже прямо ссылался на свои споры в апреле 1918 г. с «левыми коммунистами» по вопросу о государственном капитализме в пролетарском государстве, напоминал о том определении многоукладности экономики страны, которое он дал еще в мае 1918 г.

Наконец, в работе «О продовольственном налоге» прямая преемственная связь между основами экономической политики весны 1918 г. и весны 1921 г. устанавливалась уже непосредственно, самым фактом включения в работу выдержек из брошюры 1918 г.

К вопросу о значении этой преемственности Ленин в дальнейшем возвращался неоднократно. Однако в ходе осуществления и обоснования новой экономической политики Владимир Ильич все глубже и шире анализировал не только прямую связь, но и некоторые различия в планах весны 1918 и планах весны 1921 г. Впервые об этом было сказано в работе «О продналоге». Так, первый же абзац нового текста брошюры (после выдержки из работы 1918 г.) гласил: «В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это не удивительно» [12]. И далее Ленин продолжал: «основные элементы нашей экономики остались те же», полностью сохранилась многоукладность, в наличии те пять общественно-экономических укладов, которые характеризовали экономику страны в 1918 г. Но за период 1918—1920 гг. деревня еще больше осереднячилась, середняк стал центральной фигурой и «от этого мелкособственническая, мелкобуржуазная „стихия“ усилилась» [13]. Во много раз возросло разорение страны, сократились ее производительные силы в результате длительной войны, а это вызвало более продолжительные сроки восстановления, перестройки экономики на базе социализма.

Та же мысль кратко, но, пожалуй, даже более отчетливо была сформулирована в плане брошюры «О продналоге». «Не тот темп (военного и мирного строительства). И в IV.1918 и в IV.1920 мы себе представляли переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах *политики.*

Переход сложный: иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка» [14].

В работе «О продналоге» Ленин впервые также применил термин «военный коммунизм» для характеристики всего комплекса мероприятий, вынужденных войной и интервенцией. На протяжении 1918—1920 гг. Ленин данного термина не применял. Он не встречался ни в литературе того времени, ни в прессе. Этот термин был дан в условиях, когда можно было обозреть пройденный путь уже в свете новой обстановки, после перехода к новой экономической политике. В самом определении

[11] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 30.
[12] Там же, стр. 217.
[13] Там же, стр. 218.
[14] Там же, стр. 384.

«военный коммунизм», которое, как правило, Ленин ставил в кавычки, содержалась в известной мере критическая оценка этой политики не как действительно коммунистической по своему содержанию и методам, а только как «*военно*-коммунистической».

«Своеобразный „военный коммунизм", — писал Ленин в работе «О продналоге», — состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе победить помещиков и капиталистов в разоренной мелкокрестьянской стране мы не могли» [15].

Меньшевики, эсеры, Каутский и К°, писал далее Ленин, «ставили нам *в вину* этот „военный коммунизм". Его надо поставить нам в заслугу.

Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. „Военный коммунизм" был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [16].

Поэтому продолжение старой политики в новых условиях, указывал Владимир Ильич, являлось бы глупостью и самоубийством для партии: «глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемо крах» [17].

В обстановке войны и блокады, писал Ленин, «мы должны были не остановиться перед „военным коммунизмом", не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное, существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть». Но если «„запереть" всякий оборот в осажденной крепости можно и должно» и «при особом героизме масс это можно перенести три года» [18], то в новой обстановке, когда война кончилась, продолжение старой политики, которая раньше являлась условием победы, может привести только к поражению.

Резкость и решительность ленинской постановки вопроса объяснялась необходимостью развеять сохранившиеся иллюзии и известную идеализацию «военно-коммунистической» политики, нацелить партию на новые задачи, круто повернуть ее внимание к проблемам новой экономической политики.

«Разверстка не „идеал", а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд — опасная ошибка» [19], — записал Ленин в плане своей брошюры «О продовольственном налоге».

Владимир Ильич и в дальнейшем — в докладе о продналоге на майской партийной конференции, в тезисах доклада о тактике РКП(б) на III конгрессе Коминтерна — неизменно подчеркивал, что разверстка позволила «продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков» [20], была единственно возможной при тех условиях мерой, «выполнила

[15] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 219—220.
[16] Там же, стр. 220.
[17] Там же, стр. 222.
[18] Там же, стр. 230.
[19] Там же, стр. 381.
[20] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 7.

свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране»[21]. Но постепенно главный акцент в ленинских выступлениях все больше переносился с вопроса о вынужденности «военного коммунизма» на показ отрицательных последствий разверстки для крестьянского хозяйства.

Ленинская оценка «военного коммунизма», данная в работе «О продовольственном налоге», являлась лишь исходным пунктом для обоснования сущности и задач новой экономической политики. Термин «новая экономическая политика» в этой работе еще не применялся, он вошел в обиход только на X партконференции и был официально зафиксирован в резолюции конференции «Об экономической политике». Но по сути дела продналог был решающим звеном перехода к новой политике, и Ленин это отметил в подзаголовке к своей брошюре. Замена разверстки налогом означала переход к установлению правильных взаимоотношений с крестьянством, укреплению союза с ним на прочной экономической основе. «Союз рабочих с крестьянством = α и ω Советской власти. „Необходимое и достаточное" условие ее прочности», — записал Владимир Ильич в плане работы «О продналоге»[22].

Возрождение и восстановление экономики страны, указывал он, «начать надо с крестьянства», ибо «только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата»[23]. Начать с крестьянства, как объяснял далее Ленин, означало начать с замены разверстки налогом, а следовательно, и допущения свободы торговли после уплаты налога.

Вопрос о свободе торговли, свободе оборота ставился Лениным в работе «О продналоге» примерно в том же объеме, что и на X съезде партии, т. е. пока что преимущественно на основе организованного товарообмена. Однако Ленин уже в это время ориентировал партию на возможность расширения этих рамок и, требуя оживления оборота промышленности и земледелия «во что бы то ни стало», указывал: «Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частнохозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет „думать" о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать»[24].

Не исключая возможности использования частной капиталистической торговли, В. И. Ленин на начальном этапе новой экономической политики выдвигал на первый план основную задачу — не стесняя, не запрещая свободы оборота, свободы товарного обмена, который неизбежно и закономерно порождает капитализм (Ленин тут же добавлял: «до известной степени и на известный срок»), направить этот капитализм в русло государственного капитализма[25].

Некоторое время спустя в плане проекта «Наказа от СТО» Ленин эту же мысль сформулировал следующим образом: «Суть новой экономи-

[21] Там же, стр. 9.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 381.
[23] Там же, стр. 218.
[24] Там же, стр. 233.
[25] Там же, стр. 222—223.

ческой политики: максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян, использование частного капитализма и направление его в русло государственного капитализма...» (против этих слов Ленин на полях приписал слово **«кооперация»**) [26].

Поэтому так подробно В. И. Ленин остановился в работе «О продовольственном налоге» на характеристике форм госкапитализма. В отличие от 1918 г. он выделял в 1921 г. четыре основные формы госкапитализма: во-первых, самую простую и точно очерченную — концессии; во-вторых, кооперацию как форму торговли, которая «есть тоже вид государственного капитализма»; в-третьих, привлечение капиталиста в качестве торговца, работающего под контролем государственных органов и, наконец, в-четвертых, сдачу в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащего государству заведения, промысла, участка земли и т. д.

«Государственный капитализм, — писал Ленин в плане брошюры «О продовольственном налоге», — не страшен, а *желателен*» [27], ибо он противостоит неорганизованному капитализму, т. е. мелкобуржуазной и частнособственнической стихии. Сочетание, соединение, совмещение советского государства, диктатуры пролетариата с государственным капитализмом вполне возможно, а конечная победа социализма и социалистического уклада обеспечивается тем непреложным фактом, что в мелкокрестьянской стране политически господствует и стоит у власти пролетариат, «который в своих руках держит транспорт и крупную промышленность» [28] — командные высоты социализма.

Анализируя на протяжении всей работы не только преимущества госкапиталистического уклада по сравнению с частнокапиталистическим, но и прежде всего взаимоотношения между социализмом и преобладавшим в экономике мелкотоварным укладом крестьянских хозяйств, Ленин и рассматривал продналог как такую переходную меру, которая в итоге должна привести к победе социалистического уклада в городе и деревне. Отсюда вытекало ленинское определение, что в продналоге есть «кое-что от прошлого, и кое-что от будущего», есть «частица прежней разверстки» и «частица того порядка, который один только представляется правильным, именно: обмен продуктов крупных социалистических фабрик на продукты крестьянского хозяйства через продовольственные органы государственной власти, принадлежащей рабочему классу, через кооперацию рабочих и крестьян» [29].

От чего к чему ведет переход к продналогу? — ставил вопрос Ленин и отвечал: «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного „военного коммунизма“, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму» [29а].

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 398.
[27] Там же, стр. 385.
[28] Там же, стр. 233.
[29] Там же, стр. 149.
[29а] Там же, стр. 219.

Продуктообмен здесь выдвигался лишь в качестве перспективы для периода перехода *от социализма к коммунизму*. Продналог же являлся ступенькой для проведения в условиях переходного периода единственно правильной политики пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране путем организации обмена между социалистической промышленностью и сельским хозяйством преимущественно через государственные торговые органы и кооперацию.

Дать мелкому крестьянскому хозяйству *все* потребные ему продукты промышленности в обмен на хлеб и сырье, разъяснял далее Ленин, — «это была бы самая желательная, самая „правильная" политика, — мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем — по крайней мере до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны. Как же быть?» [30].

В этих условиях выход и состоял во введении продналога и связанного с ним допущения развития частного, негосударственного обмена, направления торговли в русло государственного капитализма, постепенного перехода к организованному товарообмену между социалистической промышленностью и земледелием, а затем, в условиях победы социализма, к прямому продуктообмену.

«Продналог есть переход от военного коммунизма к правильному социалистическому продуктообмену» [31], — опять повторил Ленин в заключении брошюры свою мысль о начальной и конечной задаче экономической политики пролетарской диктатуры, осуществляемой через ряд промежуточных ступеней.

В плане работы «О продовольственном налоге» эта мысль была высказана еще более четко и определенно: «Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от „военного" коммунизма к *правильному* социалистическому фундаменту.

Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база» [32].

Так представлялись перспективы развития новой экономической политики не только в брошюре «О продовольственном налоге», но во всех работах и выступлениях В. И. Ленина первой половины 1921 г. Такая постановка вопроса вполне соответствовала общей линии на организацию товарообмена, которая была намечена в качестве главной задачи в первые месяцы проведения нэпа. Отсюда непосредственно вытекали и другие важные выводы, например о сроках, на которые была рассчитана новая экономическая политика.

Чрезвычайно любопытный обмен мнений произошел по этому вопросу на майской партконференции в связи с принятием резолюции об экономической политике. Пункт первый резолюции, написанной Лениным, гласил: «Эту политику партия признает установленной на долгий, рядом лет измеряемый, период времени и требует от всех проведения ее с безусловной тщательностью и добросовестностью» [33].

[30] Там же, стр. 221—222.
[31] Там же, стр. 243.
[32] Там же, стр. 381.
[33] Там же, стр. 333.

Один из делегатов конференции предложил к этому пункту добавить слова: «поскольку не изменятся условия мировой революции». Выступая по поводу поправки, Ленин говорил: «Конечно, если революция наступит в Европе, мы, разумеется, политику изменим... Мы изменим политику в том смысле, что, может быть, скажем: ничего не брать налогом, а все товарообменом... Долгий ряд лет революции в Европе и гражданской войны поведет к тому, что без всякого налога будут брать товарообменом» [34].

Высказав свои соображения о влиянии победы социалистической революции в других странах на характер экономической политики в Советской России и о возможности в благоприятных международных условиях сокращения сроков проведения переходных мер, Ленин, однако, настоял на отклонении поправки и привел следующие доводы: во-первых, такая поправка не будет понята крестьянством, которое может подумать, что возможен опять возврат к разверстке; во-вторых, сложившаяся международная обстановка пока не дает оснований для принятия такого дополнения.

«Конечно, когда мы намечаем политику, долженствующую существовать долгий ряд лет, — говорил Ленин в речи при закрытии майской партконференции, — мы ни на минуту не забываем, что международная революция, темп и условия ее развития могут изменить все» [35]. Но уже с конца 1920 г. Владимир Ильич все чаще напоминал, что расчеты на быстрый и простой ход мировой революции не оправдались и поэтому не следует делать предположения, что «вообще в короткий срок помощь придет оттуда в виде прочной пролетарской революции» [36]. В докладе о тактике РКП(б) на III конгрессе Коминтерна Ленин несколько раз повторял, что в действительности движение мирового революционного развития «шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали» и «в других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила» [37].

Таким образом, вывод о сроках и длительности эпохи, на которую рассчитана новая экономическая политика, определялся, с точки зрения Ленина, не только внутренними, но и международными условиями.

«Всерьез и надолго» — эта формулировка применительно к новой экономической политике была принята и сугубо подчеркнута Лениным в выступлениях на майской партконференции [38] и четко зафиксирована в резолюции конференции. Что касается конкретных сроков, то, отвечая Осинскому, Ленин говорил, что от их установления он бы пока воздержался, хотя и считает срок в 25 лет несколько пессимистичным [39]. Во всяком случае, подчеркивал он, пока не будет полностью восстановлена крупная промышленность и осуществлен план электрификации, «надо уметь думать о посредствующих звеньях» [40], о переходных мерах и рассчитывать на более медленные темпы социалистического строительства.

[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 336.
[35] Там же, стр. 340.
[36] Там же, стр. 19.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 36.
[38] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 329.
[39] См. там же, стр. 330.
[40] Там же, стр. 229.

«*Темп медленнее, солиднее экономическая база!*» [41] — записал В. И. Ленин еще в плане отчета о политической деятельности ЦК на X съезде партии.

Ленинская работа «О продовольственном налоге» внесла новый большой вклад в марксистскую теорию. Она по существу заложила основы политэкономии социализма, дала анализ закономерностей переходного периода и определила задачи экономической политики в эпоху пролетарской диктатуры. Основные теоретические положения и выводы этой классической работы были в дальнейшем развиты В. И. Лениным в его трудах и выступлениях 1921—1923 гг.

2.

Новое в ленинской оценке и теоретическом обосновании нэпа в конце 1921 и в 1922 году

В ходе осуществления нэпа возникали новые вопросы хозяйственного руководства, накапливался опыт хозяйственного строительства, который требовал дальнейшего теоретического обобщения и осмысливания.

Особенно остро необходимость этого проявилась осенью 1921 г., когда стало ясно, что первоначальные планы организации товарообмена с крестьянством не смогут быть реализованы, что товарообмен фактически сорвался, «сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу» [42]. Безбоязненно признавая этот факт, В. И. Ленин потребовал сделать из него необходимые выводы, «не прятать голову под крыло», а прямо посмотреть в лицо опасности.

«Мы должны сознать, — говорил он, — что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» [43].

Отсюда вытекал ленинский призыв «учиться торговать», учиться государственному регулированию коммерческих отношений и в трудной, длительной экономической борьбе добиваться победы социалистических отношений над капиталистическими.

Определение очередных практических задач было неразрывно связано с дальнейшим развитием ленинского учения об основах экономической политики переходного периода. Итоги более чем полугодового опыта проведения новой экономической политики были подведены в важнейших ленинских работах конца 1921 г.: в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» (14 октября), в докладах на II съезде политпросветов (17 октября) и на VII Московской партконференции

[41] Там же, стр. 370.
[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 207.
[43] Там же, стр. 207—208.

(29 октября), в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (5 ноября).

Эти работы имеют неоценимое значение для понимания развития взглядов Ленина, его оценки, уже в свете нового исторического опыта, особенностей экономической политики весны 1918 г., в годы «военного коммунизма», а затем перехода к нэпу. Вождь партии уже «исторически глядя» обозревал пройденный путь, добиваясь, чтобы критически освоенный опыт прошлого помог партии извлечь необходимые уроки для ее борьбы в настоящем, в условиях новой экономической политики.

В этой связи уместно напомнить одно очень существенное замечание Н. К. Крупской, высказанное позже, в ноябре 1934 г., в отзыве на биографию В. И. Ленина, написанную П. М. Керженцевым. Надежда Константиновна вспоминала, что в конце 1922 или в начале 1923 г., работая в комиссии Коминтерна по отбору статей для иностранных товарищей, она перечитывала вышедшие тома сочинений Ленина. «И что бросилось тогда в глаза, — писала она, — это то, *как* последовательно боролся Ильич за проведение основных идей. На каждом последующем этапе он глубже развивал те же идеи, но брал их в новых связях и опосредствованиях. Неподготовленному читателю казалось, что Ильич совсем по-новому ставит вопрос, а вопрос по существу дела развивался в том же направлении, что и раньше, только брался в более сложной, новой обстановке. Когда мы жили за границей, часто приходилось наблюдать у иностранных товарищей неумение *брать идею в ее развитии*, в различных связях и опосредствованиях. И потому мне казалось, что для иностранцев особо важно подчеркнуть эту сторону дела. Я рассказала Ильичу о своих соображениях, он с ними согласился и велел мне найти человека, который написал бы об этом... Такая работа до сих пор не написана» [44].

К сожалению, такая работа не написана и в наши дни. Проанализировать *развитие идей Ленина* по всем проблемам и на всех исторических этапах дело, конечно, чрезвычайно сложное и трудное. Но тем более это необходимо сделать по отдельным, основным вопросам, например таким, как развитие взглядов Ленина на экономическую политику эпохи диктатуры пролетариата.

Догматический метод сопоставления или противопоставления отдельных цитат никогда не мог дать плодотворных результатов. При таком подходе ленинские оценки, например, плана 1918 г. или политики «военного коммунизма», данные непосредственно в ходе событий, и позднейшие оценки, высказанные уже в свете исторической перспективы, рассматривались как бы *на одной плоскости*, вне прямой связи с той исторической обстановкой, в которой они были сформулированы.

Поэтому так важно проследить развитие взглядов В. И. Ленина по трем основным вопросам: 1) оценка плана экономической политики весны 1918 г. в сравнении с новой экономической политикой, которую Ленин дал в своих работах 1921 г. и в последующих произведениях; 2) анализ «предыдущей экономической политики» периода 1918—1920 гг., данный в работах 1921—1922 гг.; 3) дальнейшее развитие ленинского учения о новой экономической политике на основе обобщения опыта ее проведения.

Обратимся сначала к рассмотрению первого вопроса.

[44] «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 69 (Курсив мой. — *Э. Г.*).

В. И. ЛЕНИН.
апрель 1921 г.

Мы уже показывали, как в работе «О продовольственном налоге» Ленин устанавливал прямую преемственную связь между основами экономической политики весны 1918 г. и новой экономической политикой. Эта оценка оставалась незыблемой и в дальнейшем, на всем протяжении 1921 и 1922 гг. В плане доклада на майской партконференции он опять сослался на свою работу 1918 г.[45], а в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» (август 1921 г.) с большой гордостью напоминал: «...еще весной 1918 года коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была у большевиков уже тогда» [46].

В октябре 1921 г., в докладе на II съезде политпросветов, развивая эту же мысль, Ленин прямо сказал, что новую экономическую политику «зовут „новой", новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике. А по сути дела — в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике» [47].

В плане доклада на XI съезде партии В. И. Ленин опять записал: «Нэп: Общая оценка его. Уже в 1918 г. дана...» [48]. Наконец, в докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. Ленин вновь вернулся к этому вопросу: «Если начать с того, как мы пришли к новой экономической политике, то я должен обратиться к одной статье, написанной мною в 1918 году». И далее следовали отрывки из статьи «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности»: оценка роли государственного капитализма в Советской республике и характеристика пяти общественно-экономических укладов [49].

В. И. Ленин разъяснял здесь то, что кратко записал в плане доклада на конгрессе: «Была ли „новая экономическая политика" совершенно непредвиденной, неподготовленной, или она предусматривалась уже раньше?». Для ответа на этот вопрос Владимир Ильич и наметил в плане привести те две цитаты из работы 1918 г., которые он полностью воспроизвел в своем докладе.

Таким образом, начиная с выступлений на X съезде партии и кончая докладом на IV конгрессе Коминтерна, Ленин неизменно подчеркивал и развивал одну и ту же идею о преемственности и прямой связи между планами экономической политики весны 1918 г. и весны 1921 г.[50]

Означало ли это, что оценка Лениным политики весны 1918 г., при ее сравнении с новой экономической политикой, оставалась во всем неизменной? Нет, не означало. Наряду с преемственностью Ленин, как мы

[45] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 403.
[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 105.
[47] Там же, стр. 156.
[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 410.
[49] См. там же, стр. 278—279.
[50] В духе ленинской точки зрения в резолюции XI Всероссийской партконференции (декабрь 1921 г.) прямо указывалось, что основные начала новой экономической политики «были точно определены во время первой „передышки" весной 1918 г.» и «осуществление этой политики, прерванное комбинированным нападением на рабоче-крестьянское государство контрреволюционных сил русских помещиков и буржуазии и европейского империализма, стало возможно лишь после военной ликвидации попыток контрреволюции к началу 1921 г.» («КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 593—594).

видели, и раньше указывал на наличие известных различий между этими двумя этапами. Но если в работе «О продовольственном налоге» выделялись прежде всего различия в представлениях о сроках и темпах экономических преобразований, то в конце 1921 г., после перехода к развернутой торговле, Ленин выдвинул на первый план качественно новое понимание этих различий. В докладе на VII Московской партконференции он впервые отметил это главное различие, указав, что в 1918 г. «мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле» [51]. В плане доклада Ленин ту же мысль сформулировал следующим образом: «Мы знали, видели, говорили: ... организованность, дисциплина, повышение производительности труда. Чего не знали? Общественно-экономическая *почва* этой работы? *На почве* рынка, торговли или *против* этой почвы?» [52].

То же самое Ленин повторил год спустя в докладе на IV конгрессе Коминтерна. Рассказывая об истории перехода к новой экономической политике и обращаясь вновь к статье «О „левом" ребячестве и мелкобуржуазности», он тут же добавлял: «Об одном очень важном пункте, например, о свободе торговли, который имеет основное значение для государственного капитализма, здесь нет ни слова» [53].

В ленинской постановке вопроса о преемственности и различиях между планами экономической политики весны 1918 и 1921 гг. нет противоречия, а налицо подлинно творческое развитие его взглядов по этим вопросам, гениальное теоретическое обобщение нового опыта хозяйственного строительства. Попытка взять только одну сторону цельной ленинской концепции и рассматривать ее в статике, а не в динамике приводит неизбежно к упрощению и даже к прямому искажению ленинских взглядов.

А между тем в советской исторической литературе с конца 1920-х и до 1950-х годов господствовала односторонняя, а потому неправильная схема, сводящая преемственность в планах экономической политики 1918 и 1921 гг. по существу к полному их *тождеству*, к повторению или простому возвращению в 1921 г. к тому, что намечалось в 1918 г. В этом были повинны в той или иной степени почти все как экономисты, так и историки, в том числе и автор данной книги [54].

В последние годы, когда подобная односторонность уже была преодолена [55], возникла другая крайность в постановке этого вопроса, сводя-

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 199.
[52] Там же, стр. 470—471.
[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 281.
[54] Распространенность подобной точки зрения объяснялась в известной мере догматическим пониманием той постановки этого вопроса, которая дана была И. В. Сталиным в речи на пленуме ЦК 5 июля 1928 г. «О программе Коминтерна». Правильно подчеркивая, что пролетарская диктатура начала свою экономическую работу не с «военного коммунизма», И. В. Сталин одновременно указывал, что в 1918 г. «Ленин дал первое обоснование начал новой экономической политики» и что именно к этим началам, провозглашенным впервые в 1918 г., «пришлось вернуться» спустя три года — в 1921 г., после ликвидации войны и интервенции (см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 146—147).
[55] В статье «К итогам обсуждения проблем новой экономической политики» журнал «Вопросы истории КПСС», на страницах которого в 1966—1968 гг. развернулось это обсуждение, подводя итоги дискуссии, сделал следующий вывод: «Новая экономическая политика явилась дальнейшим развитием политики, обоснованной Лениным в 1918 г. Вместе с тем в ходе обсуждения правильно

щаяся к отрицанию вообще какой-либо преемственности между планами экономической политики 1918 и 1921 гг. Сторонники этой точки зрения доказывают, что якобы *весь период* 1917—1921 гг. (т. е. до перехода к нэпу) являлся единым этапом экономической политики, включая и этап первой передышки, а ленинский план весны 1918 г. поэтому преемственно связан не с нэпом, а с «военным коммунизмом» [56].

Обе эти, казалось бы, противоположные точки зрения объединяет и нечто общее. По сути дела и там и тут исчезает развитие взглядов Ленина, полностью снимается исторический подход при изучении становления ленинских положений, вольно или невольно преуменьшается и ленинский вклад, внесенный им в 1921 г. при разработке учения о новой экономической политике [57].

Вся эта полемика вплотную подводит нас к рассмотрению второго из поставленных выше вопросов, а именно к ленинской оценке военно-коммунистической политики, данной в свете нового исторического опыта, после перехода к нэпу, в 1921—1922 гг.

В самом деле, почему Ленин с такой ясностью и определенностью прямо связывал план экономической политики, провозглашенный в 1918 г., с нэпом, а никак не с «военным коммунизмом»? Потому, как он сам говорил на VII Московской партконференции, что в 1918 г. «государственная власть — пролетариат — сделала попытку осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки» [58]. И далее Ленин вновь повторил, что тогда — в 1918 г. — это была «попытка экономической политики Советской власти, рассчитанная первоначально на ряд постепенных изменений, на более осторожный переход к новому порядку...» [59].

отмечалось, что преемственность плана весны 1918 г. и новой экономической политики не означает их тождества или простого возвращения в 1921 г. к тому, что намечалось в 1918 г.» («Вопросы истории КПСС», 1968, № 12, стр. 83). Именно эта точка зрения и защищалась в статье Э. Б. Генкиной «К вопросу о ленинском обосновании новой экономической политики», опубликованной в ходе обсуждения («Вопросы истории КПСС», 1967, № 1, стр. 61). Очевидно, по небрежности или недоразумению при подведении итогов дискуссии автору этой статьи была приписана та точка зрения, с которой она полемизировала.

[56] Такие взгляды нашли свое наиболее законченное выражение в цитированной уже выше статье В. И. Биллика («Исторические записки», т. 80, стр. 126—159).

[57] Нельзя не согласиться поэтому со статьей академика К. В. Островитянова «За исторический подход к теории товарного производства при социализме» («Вопросы экономики», 1969, № 1), в которой с этих же позиций дается совершенно правильная критика двух крайних точек зрения среди экономистов по вопросу, близкому к дискуссии среди историков, а именно о судьбах товарного производства при социализме.

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 202.

[59] Там же, стр. 203. Именно после этих слов Ленин и привел известный пример, сославшись на изданный в конце 1917 г. декрет о государственной монополии на частные объявления. Такой декрет означал, говорил он, что «как общее явление» «остается экономическая политика, требующая частных объявлений, остается и порядок частной собственности — остается целый ряд частных заведений, нуждающихся в рекламах, в объявлениях» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 200). В. И. Ленин только указал, что этот декрет «скоро был сметен совершенно», ибо «какие частные объявления могли быть в период отчаянной борьбы! Неприятель, т. е. капиталистический мир, на этот декрет Советской власти ответил продолжением борьбы и доведением ее до высочайшего напряжения» (там же, стр. 201).

Это был план использования переходных мер к социализму, *посредствующих* звеньев, способных облегчить этот переход. К таким посредствующим звеньям относились использование госкапиталистических форм в экономике, организация товарообмена с крестьянством, учет объективных условий развития мелкотоварного производства крестьянских хозяйств.

Когда же Ленин в работах 1921 г. переходил к оценке экономической политики, предшествующей переходу к нэпу, он для противопоставления применял совсем другой термин и говорил о плане *непосредственного* перехода к социализму. Впервые это противопоставление было проведено Лениным в работе «О продовольственном налоге», в которой он писал: «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, как стихийный продукт мелкого производства и обмена, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма), как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» [60].

Использование посредствующих звеньев между мелким производством и социализмом, а не непосредственный переход — в этом заключалась суть того вывода, который сделал Ленин на основании накопленного опыта хозяйственного строительства. В дальнейшем, в конце 1921 г. Ленин повторил этот вывод с гораздо большей категоричностью и решительностью. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» он прямо сказал о неоправдавшемся расчете на осуществление непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению в крестьянской стране. Широко известны ленинские слова: «Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму» [61].

Далее следовал основополагающий ленинский вывод, определивший задачи экономической деятельности партии на много лет вперед: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции» [62].

Всегда, когда какую-либо мысль, положение, лозунг, задачу Ленин считал необходимым особенно прочно внедрить в сознание партии, он повторял, развивал эту мысль неоднократно. Так было и на этот раз. Почти текстуально он воспроизвел в своем докладе на II съезде полит-

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229.
[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.
[62] Там же.

просветов, произнесенном спустя три дня после написания статьи «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», тот же вывод о сущности предшествующей нэпу экономической политики: «...Наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала, — можно сказать, безрасчетно предполагала, — что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах» [63].

На VII Московской партконференции В. И. Ленин еще шире и глубже развил эту же мысль и привел образный пример, из области военного искусства, о различии между штурмом и длительной осадой крепости. Политика «штурма» в хозяйственной области нашла свое выражение в попытках осуществления «непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической» [64]. Отличие новой экономической политики от политики предшествующих этапов в том и заключалось, что она означала переход от методов «штурма» к методам длительной «осады».

Наконец, в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» В. И. Ленин прямо противопоставил два плана, два метода, две системы экономической политики: план или метод «прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» и совершенно иной план и подход: «не *ломать* старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию *лишь в меру* их оживления» [65].

Первый план (метод или систему) Ленин и называл планом непосредственного перехода к социализму, указывая, что он проводился «свыше трех лет», т. е. до весны 1921 г. На этом основании некоторые исследователи [66] пытались доказывать, что весь период от октября 1917 до весны 1921 г. являлся единым этапом осуществления военно-экономической политики; таким образом, ставился как бы знак равенства между планами непосредственного строительства социализма и «военным коммунизмом».

Но если стать на эту точку зрения, то как ее согласовать с другими (и притом многократными) высказываниями Ленина о том, что военно-коммунистическая политика не была и не могла быть заранее разработанным экономическим *планом* политики [67], или «стройной системой» экономических мероприятий, а «диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими» [68].

Как согласовать ленинское определение «военного коммунизма», данное в работе «О продовольственном налоге», где прямо говорилось, что

[63] Там же, стр. 156.
[64] Там же, стр. 199.
[65] Там же, стр. 222.
[66] В. И. Биллик. В. И. Ленин о сущности и периодизации советской экономической политики в 1917—1921 гг. и о повороте к нэпу. — «Исторические записки», т. 80.
[67] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 151.
[68] Там же, стр. 79.

«„военный коммунизм“ не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой», а был временной мерой, с последующими и тоже неоднократными высказываниями Ленина о возможности осуществления плана непосредственного перехода к социализму в капиталистически развитых странах Европы?

В докладе о замене разверстки натуральным налогом на X съезде партии Ленин специально подчеркнул, что в странах развитого капитализма, где рабочий класс составляет большинство населения, «непосредственный переход от капитализма к социализму возможен и не требует особых переходных общегосударственных мер» [69]. Он повторил этот же вывод и в конце 1921 г. в докладе на IX съезде Советов: «Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен непосредственный переход к социализму» [70].

Если отождествлять полностью политику «военного коммунизма» с планом непосредственного строительства социализма, то логически может последовать вывод, что Ленин якобы предполагал возможность повторения именно этой политики в странах развитого капитализма. Такой вывод не требует даже опровержения, ибо широко известно, что, подчеркивая международное значение опыта новой экономической политики, Ленин всегда считал «военный коммунизм» прямым результатом тех особых специфических условий, в которых начиналось экономическое строительство первой и единственной тогда в мире страны пролетарской диктатуры.

Из этого следует, что ленинское понимание плана непосредственного перехода к социализму являлось гораздо более обобщающим и широким и не совпадало полностью с его оценкой «военного коммунизма».

Ленин сам объяснил, особенно в своих работах и выступлениях конца 1921 г., что план непосредственного перехода к социализму на деле отражал сложившиеся до Октябрьской революции среди марксистов взгляды о возможности постепенного отмирания и ликвидации товарно-денежных отношений еще в рамках переходного периода от капитализма к социализму. Этот план означал попытку осуществления обмена между городом и деревней *без торговли*, без развертывания товарно-денежных отношений, а на основе планомерного государственного товарообмена с крестьянством и последующего перехода к прямому продуктообмену.

Марксистская теория переходного периода впервые начала осуществляться на практике в Советской республике. Теоретически марксисты хорошо понимали всю сложность вопроса о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в переходный период, но, как говорил Ленин, «теория и практика — две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же» [71].

В условиях, когда приходилось делать «непомерно новое дело» [72], в первый раз в истории определять экономическую политику пролетарской диктатуры, в этих условиях необходимы были длительные поиски, испытания на практике, проверка сил; возможны и даже неизбежны были и отдельные ошибки.

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 58.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 310.
[71] Там же, стр. 41.
[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 75.

Этим можно объяснить то обстоятельство, почему в первые годы революции существовало представление, что в переходный период даже в мелкокрестьянской стране, особенно при условии быстрого назревания мировой революции, можно будет при строительстве социалистической экономики обойтись без торговли и развития товарно-денежных отношений, обеспечить сразу же преобладание государственно-капиталистических форм торговли, а затем перейти от государственного товарообмена к продуктообмену.

В то же время этот план непосредственного перехода к социализму отнюдь не означал ни отрицания необходимости переходного периода от капитализма к социализму, ни признания экономического строя в те годы социалистическим или, тем более, коммунистическим. Предполагалось только, что такой план экономической политики является наиболее правильным, коротким, легким и скорее приведет к цели. Для капиталистически более развитых стран, при наличии мощной крупной промышленности, которая сможет сразу удовлетворить крестьянство, Ленин, как мы видели, не исключал возможности такого непосредственного перехода к социализму. Но в условиях России, как показал почти трехлетний опыт социалистического строительства, этот путь и этот план не могли быть осуществлены. Преобладание мелкого крестьянского хозяйства в экономике, тяжелейший упадок в промышленности в результате интервенции и гражданской войны, наконец, «обстоятельства мировой экономики и мировой политики», продолжающееся одиночество единственной в мире страны социализма, сделали этот путь «гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось» [73].

Поэтому в докладе на VII Московской партконференции В. И. Ленин говорил: «...при известных условиях (неразрушенность фабрик, высокая экономика и культура) в *попытке* „штурма“, т. е. *непосредственного установления товарообмена*, никакой ошибки нет» [74].

Эта же мысль была сформулирована в плане доклада на конференции следующим образом: «...товарообмен предполагал (пусть *молча* предполагал, но все же предполагал) некий непосредственный переход *без* торговли, шаг к социалистическому продуктообмену. Оказалось: жизнь *сорвала* товарообмен и поставила на его место *куплю-продажу*» [75].

Мы видим, как Ленин неизменно связывал то, что он называл «непосредственным переходом к социализму», с планом организованного обмена между городом и деревней без торговли, или, вернее, без частнокапиталистической торговли. Этим и можно объяснить, почему Ленин только однажды и при том в весьма определенном и ограниченном смысле сказал, что план непосредственного строительства социализма проводился свыше трех лет, т. е. до перехода к нэпу. Очевидно, он считал необходимым выделить тот коренной поворот в отношении к торговле, который действительно произошел лишь в 1921 г.

Речь шла в данном случае о том, что не все посредствующие звенья переходной эпохи могли быть сразу же найдены и определены в первые месяцы пролетарской революции. Поэтому вопрос о государственном капитализме, как он ставился весной 1918 г., не связывался еще непосред-

[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 152.
[74] Там же, стр. 217 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[75] Там же, стр. 471.

ственно с вопросом о роли торговли и развитии товарно-денежных отношений.

Только в 1921 г. этот вопрос был и теоретически, и практически поставлен в полном объеме, и именно тогда окончательно сформировалось ленинское учение о новой экономической политике.

Оценивая после перехода к нэпу экономическую политику Советского государства в целом, пересматривая устаревшие взгляды, прежде всего о роли торговли в переходный период, Ленин потребовал решительного отказа от плана непосредственного строительства социализма (точнее, от плана непосредственного социалистического обмена между городом и деревней), по-новому поставил вопрос о торговле как основной форме связи между социалистической промышленностью и сельским хозяйством. Осенью 1921 г., после неудачи товарообмена, он поднял на новую ступень вопрос о роли торговли как основном звене в цепи задач, ухватившись за которое можно будет овладеть всей цепью в ближайшем будущем наверняка [76].

Последовательно и неуклонно Ленин доказывал, что если не удалось реализовать, претворить в жизнь и наладить практически связь промышленности с земледелием «штурмовой атакой», то теперь надо осилить ту же задачу «рядом медленных, постепенных, осторожных „осадных" действий» [77].

«Раз эта попытка не удалась, — говорил Ленин в докладе на IX съезде Советов, — то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля» [78].

Отныне торговля становилась «оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем» [79].

Обеспечивая поворот внимания всей партии к задаче «научиться торговать», В. И. Ленин счел необходимым со всей решительностью и резкостью сказать, что «в попытке „штурмовым" способом, т. е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения» [80] партия потерпела тяжелое экономическое поражение, «поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное» [81].

В этой связи Ленин и поставил вопрос: «в каком смысле при оценке нашей новой экономической политики можно говорить об ошибочности предыдущей экономической политики, верно ли будет характеризовать ее как ошибку, и, наконец, если это верно, то в каком смысле может быть признана полезной и необходимой такая оценка?» [82]. Отвечая на этот

[76] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 225.
[77] Там же, стр. 227.
[78] Там же, стр. 308.
[79] Там же, стр. 322.
[80] Там же, стр. 204.
[81] Там же, стр. 159.
[82] Там же, стр. 194.

вопрос, он указывал, что в самой попытке осуществить экономические задачи революции сначала «штурмовым методом» прямой ошибки нет, ибо это было то «единственно возможное в тогдашних условиях, т. е. в начале операций, что являлось необходимым и полезным, потому что без проверки сил на практической задаче взятия крепости штурмом, без испытания силы сопротивления не было оснований предпринять борьбу более длительную и более тяжелую, борьбу, которая в силу уже своей длительности таила в себе целый ряд другого рода опасностей» [83].

В начале операции неизбежно было известное забегание вперед [84], проведение некоторых, излишне поспешных, хозяйственных мер, поэтому даже весной 1918 г., при трезвом учете экономической обстановки и наметках ряда переходных ступеней в хозяйственной политике, «и тогда уже по целому ряду пунктов нам нужно было идти назад» [85].

Свое понимание сути допущенной ошибки и значения ее признания В. И. Ленин кратко, но с исключительной прямотой и ясностью изложил в конспективном наброске статьи или речи, написанном в начале ноября 1921 г.

«„Лобовая атака“ ошибка или проба почвы и расчистка ее?» — ставил он вопрос и отвечал: «И то и другое, исторически глядя.

А глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки» [86].

Следовательно, «исторически глядя», попытка «штурма» или «лобовой атаки» в области экономической являлась в то же время пробой почвы и расчисткой ее, а *практически глядя*, с точки зрения современных задач экономической политики, признание, а главное понимание этой ошибки имело очень важное значение.

Все свое внимание Ленин и сосредоточил именно на этой, практической стороне дела. Поэтому в докладе на VII Московской партконференции он говорил, что его интересует прежде всего только одна часть темы о новой экономической политике: не общие итоги, а тема о тактике или революционной стратегии в связи с поворотом в политике и «об оценке условий того, насколько эта политика соответствует общему пониманию нами наших задач, с одной стороны, и с другой, — насколько теперешнее партийное знание и партийное сознание приноровились к необходимости этой новой экономической политики» [87].

Ленин доказывал далее, что «соответствие партийного знания и партийного сознания» задачам проведения новой экономической политики еще не достигнуто и «в настоящее время положение именно таково, что наша новая экономическая политика не является еще достаточно определившейся для широких кругов партии и что без ясного представления

[83] Там же, стр. 196.

[84] Глубоко продумывая все эти вопросы и всегда «советуясь» с Марксом и Энгельсом, В. И. Ленин примерно за месяц до своих октябрьских (1921 г.) выступлений, в письме В. В. Адоратскому 20 сентября просил его помочь найти письма Энгельса, в частности, «где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться *дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 206).

[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 198.

[86] Там же, стр. 476.

[87] Там же, стр. 194.

об ошибочности предыдущей экономической политики мы не могли бы успешно выполнить свою работу по созданию основ и по окончательному определению направления нашей новой экономической политики» [88].

В этом заключалась подлинная суть ленинской постановки вопроса об ошибочности предыдущей экономической политики, ошибочности не «военного коммунизма», вынужденного войной, а представлений о возможности непосредственного строительства социализма.

Пока сознание того, что прежние приемы и методы работы, которые раньше были великолепны, теперь вредны, пока это сознание не станет общепризнанным среди членов партии, до тех пор, вновь указывал Ленин, нельзя будет добиться победы на рельсах нэпа. «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов» [89].

В. И. Ленин постоянно повторял, что признание ошибки «интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны» [90], ибо «ошибки бывают полезны, если на них учатся, если они закаляют» [91]. Отвечая на выступления отдельных делегатов VII Московской партконференции, которые говорили чуть ли не о «выдумывании» ошибок [92], Владимир Ильич указывал: «Это не есть выдуманная ошибка, это не есть ошибка из области истории, — это есть урок для правильного понимания того, что можно и что нужно делать сейчас» [93].

Задачу приведения «партийного знания и партийного сознания» в соответствие с новой экономической политикой Ленин считал настолько важной, что вновь вернулся к этому вопросу почти два месяца спустя — в докладе на IX съезде Советов. Предупреждая опять против увлечения «прошлым опытом, который был великолепен, высок, величествен, имел всемирное значение», но «не мог решить той задачи экономического характера, которая нам навязана сейчас» [94], Владимир Ильич неустанно учил кадры партии тому, что хозяйственные задачи надо решать иными методами, чем задачи военные и политические. «Нельзя смотреть назад и пытаться решить вчерашним приемом. Не пытайтесь — не решите! И эту ошибочность нам надо сознать» [95].

[88] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 194.
[89] Там же, стр. 205.
[90] Там же.
[91] Там же, стр. 470.
[92] Суть ленинской постановки вопроса об ошибочности предыдущей экономической политики не сразу была понята даже отдельными руководящими работниками партии. Оживленная дискуссия в этой связи продолжалась на XI Всероссийской партконференции (19—22 декабря 1921 г.). В. И. Ленин на конференции не присутствовал — он находился в отпуске по болезни. В докладе «Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства» (Л. Б. Каменев), в выступлениях В. П. Милютина, Е. А. Преображенского, А. С. Бубнова и др. много внимания было уделено теоретическому осмысливанию «предыдущей экономической политики» в свете новых ленинских указаний. Преображенский оспаривал отдельные ленинские положения, говорил о «пресловутой ошибке» и доказывал, что Ленин употребил «терминологически неудачные выражения» («Бюллетень конференции», № 2, 20 декабря 1921 г., стр. 22).
[93] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 217.
[94] Там же, стр. 309.
[95] Там же, стр. 324.

Ленинские выступления способствовали изживанию старых взглядов и иллюзий, сохранявшихся пережитков «военно-коммунистической» идеологии (особенно в отношении торговли), которые мешали двигаться вперед.

Еще в работе «О продовольственном налоге», критикуя линию полного запрещения всякого частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, проводившуюся в годы гражданской войны, Ленин писал: «Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов „помышлением, словом и делом" грешил, впадая именно в *такую* политику. Постараемся от этих ошибок исправиться. Непременно надо от них исправиться, иначе совсем плохо будет» [96].

Когда осенью 1921 г. надо было нацелить партию на переход от товарообмена к развернутой денежной торговле и добиться понимания неотложной необходимости «научиться торговать», Владимир Ильич решительно осудил тех, у кого такой переход вызывает «жалобы, плач, уныние, негодование» [97].

В одном из своих писем, написанном в январе 1922 г., Ленин не преминул напомнить, что «термин „государственный капитализм", по моему мнению (о чем я неоднократно спорил с Бухариным), есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез» [98].

В тезисах первого расширенного пленума ИККИ (21 февраля — 4 марта 1922 г.) по докладу «Новая экономическая политика в Советской России» [99] было специально записано, что «ход борьбы за победу над помещиками и буржуазией, принявший характер бурной гражданской войны, неизбежно породил ряд иллюзий и даже *создал идеологию*, которая находилась в резком противоречии с подлинной теорией и программой партии, развернувшей при новых условиях новую политику, которая, впрочем, не нова, а является старой политикой довоенного времени» [100].

«Военно-коммунистическая» идеология, о которой говорилось в тезисах ИККИ, действительно постепенно складывалась в годы гражданской войны. Она получила наглядное и последовательное оформление в литературе того времени. Об этом свидетельствовала, в частности, вышедшая

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 222.
[97] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 204.
[98] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 131.
[99] Этот доклад на пленуме ИККИ должен был делать В. И. Ленин. Но в связи с болезнью он находился с декабря по март 1922 г. (вплоть до XI съезда партии) в отпуске. С докладом на пленуме выступил Г. Я. Сокольников. В своих предложениях Политбюро ЦК от 2 февраля 1922 г. Ленин указал, что докладчику необходимо подготовить подробные тезисы и конспект доклада, а также сводку главных цифровых материалов. Он предлагал далее поручить Зиновьеву, Бухарину и Ленину «исправить и отредактировать окончательно как тезисы, так и конспект доклада». В заключительном пункте написанного В. И. Лениным постановления Политбюро ЦК по этому вопросу говорилось: «Принять к сведению заявление Ленина, что, если здоровье ему позволит, он будет присутствовать на докладе... и после него возьмет слово для краткого дополнения или сообщения, не носящего характера доклада» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 152). Эти предложения дают основания предполагать, что тезисы или конспект доклада, возможно, предварительно были Лениным просмотрены.
[100] «Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг.» М., 1933, стр. 272 (Курсив мой. — *Э. Г.*).

в свет в начале 1920 г. книга Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». Именно от этой книги ведет свою родословную известная концепция о полном отмирании или исчезновении, уже в условиях переходного периода, всех экономических категорий марксовой политической экономии (законов стоимости и прибавочной стоимости, а также понятий товара, денег, прибыли, заработной платы и т. д.). По этой концепции получалось, что после завоевания власти пролетариатом все эти категории «моментально отказываются служить», начинают давать осечку, превращаются якобы в «мнимые величины», а во главу угла вместо экономических законов должно быть поставлено «внеэкономическое принуждение».

В. И. Ленин, как известно, в мае 1920 г. внимательно прочел книгу Н. И. Бухарина, сделал на ее страницах много пометок и критических замечаний и в довольно резкой форме отметил ее недостатки, в частности сугубо абстрактный характер изложения, богдановскую терминологию, схоластичность и эклектизм, любовь к словесным дефинициям [101].

Что же касается существа взглядов Бухарина, то Ленин не подверг их, или не счел нужным в условиях 1920 г. подвергать подробной критике. Он отметил только свое согласие с утверждением, сформулированным еще Марксом, что категории политической экономии не вечны и носят исторический характер, поскольку выражают определенные общественные отношения производства [102].

После перехода к нэпу теоретическая концепция переходного периода, изложенная Бухариным, потребовала пересмотра и критической оценки. Первым с такой критикой выступил один из старейших членов большевистской партии М. С. Ольминский. Первоначально он, очевидно, предполагал послать специальное письмо в ЦК партии. В набросках этого письма, написанного примерно в апреле 1921 г. (во всяком случае, после X съезда РКП(б)), М. С. Ольминский указывал, что «некоторые из старых членов партии не сумели правильно ориентироваться в положении, созданном фактом завоевания партией политической власти. Среди таких членов партии развились гипертрофированные представления о возможной роли внеэкономического принуждения и крайнее умаление роли экономического фактора. Отсюда продолжаются стремления ликвидировать марксизм, особенно со стороны лиц, которые и раньше уклонялись от марксизма, в сторону идеализма, от партийности в сторону авантюризма (отзовизм и т. п.). Особенно ярко стремление ликвидировать марксизм выразилось в бухаринстве» [103]. «Наплыв в партию немарксистских элементов, — указывалось далее в письме, — и ликвидация марксизма, предпринятая бухаринцами, грозит большой опасностью принципиальной выдержанности партийных лозунгов и партийной практики» [104].

Вскоре М. С. Ольминский подготовил статью «О книге Н. И. Бухарина», которая была опубликована в порядке дискуссии в № 1 журнала «Красная новь» за 1921 г., т. е. в том же номере, где была напечатана работа В. И. Ленина «О продовольственном налоге».

[101] См. В. И. Ленин. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода». — «Ленинский сборник», XI, стр. 345—403.
[102] См. там же, стр. 388.
[103] ЦПА ИМЛ, ф. 91 (М. С. Ольминского), оп. 1, ед. хр. 34, л. 3.
[104] Там же, л. 5.

Ленин среди делегатов
X Всероссийской конференции РКП(б).
Май 1921 г.

М. С. Ольминский начал свою статью с резкой критики попыток Н. И. Бухарина «расправиться» с «некоторыми основными понятиями политической экономии», т. е. с экономическим учением Маркса. «Понятие „товара" по Бухарину, — писал он, — исчезает, поскольку на место стихии выступает „сознательный общественный регулятор"... „Моментально" отказалось служить ему понятие товара. Естественно, что так же моментально, уже для наших дней, отказывается наш автор и от понятия меновой ценности, цены, денег, заработной платы. От марксизма остается одно воспоминание» [105].

В конце статьи М. С. Ольминский поставил следующий общий вопрос: «Составляет ли книжка Бухарина результат его единоличных увлечений или же тут вина коллективная, может быть даже общая?». Отвечая на этот вопрос, Ольминский писал: «Я склонен думать, что вина во всяком случае не индивидуальная. Дело в том, что после Октябрьской революции часть нашей партии переживала период увлечения властью. Казалось, что теперь для нас нет ничего невозможного, что захотим, то „моментально" и сделаем». Только партийный съезд 1919 г. (VIII съезд РКП(б)) «вернул увлекающихся в мир действительности, обусловливаемой прозой экономического развития». «Поэтому, — указывалось в заключение, — можно сказать, что не вина, а бессознательная заслуга Бухарина в том, что он попытался дать недавним увлечениям части партии теоретическое обоснование и показал, к чему приводит нас, марксистов, наше настроение, идущее в разрез с марксистской программой» [106].

Этим и объяснялась полезность и необходимость критики книги Бухарина, если не как научного произведения, то как работы, «отражающей настроения части партии к середине 1920 г.».

Н. И. Бухарин в своем ответе М. С. Ольминскому, опубликованном в том же номере «Красной нови», пытаясь по существу «отшутиться» [107], доказывал, что книга «Экономика переходного периода» давала якобы только общую и чисто абстрактную постановку вопроса о переходном периоде от капитализма к социализму и не претендовала на конкретное раскрытие хозяйственных процессов в Советской Республике. Всерьез защищать старые позиции в условиях перехода к нэпу было уже невозможно.

Однако дискуссия на этом не закончилась. С поддержкой взглядов М. С. Ольминского выступила А. И. Елизарова. В ее яркой и интересной статье [108] подчеркивался прежде всего тот вред, который может принести теоретическому воспитанию молодых кадров «слишком поспешная» попытка отказаться от положений марксистской политической экономии и

[105] «Красная новь», 1921, № 1, стр. 249.

[106] Там же, стр. 251.

[107] Об этом говорило и само название ответной статьи, подписанной Н. И. Бухариным и Г. Л. Пятаковым, — «Кавалерийский рейд и тяжелая артиллерия (веселый ответ критикам «Экономики переходного периода»)». — «Красная новь», 1921, № 1, стр. 260—274.

[108] Статью А. И. Елизаровой «Нечто относительно экономики и психики переходного периода (по поводу книги Бухарина «Экономика переходного периода» и вызванной ею полемики)» см.: ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 34, лл. 37—52. На статье надпись: «Напечатано в журнале „Торговый вестник" — сентябрь 1921 г.» К сожалению, этот журнал и опубликованную в нем статью А. И. Елизаровой нам пока в библиотеках Москвы обнаружить не удалось.

от основных экономических категорий Маркса, таких, как «ценность», товар, деньги и т. д.

«Чем доказывается, — писала А. И. Елизарова, — что дело идет об уничтожении денежной системы как таковой? Ведь, если мы из кабинета теоретически рассуждающего Бухарина спустимся на улицу нашего, живущего в одной из переходных стадий города и вместе с людским потоком на ней вольемся в одну из площадей „вольного рынка“, ... мы увидим, что тот „призрачно-реальный“ и „реально-призрачный“ характер, который Бухарин приписывает в переходный период всем экономическим категориям Маркса,.. оказывается на самом деле... просто фразой» [109]. В живой действительности происходит вовсе не крах денежной системы, не «самоотрицание» или «отмирание» денег, и это «явствует уже из того, что как раз последние мероприятия Советской власти стремятся упорядочить денежные обороты, придать больше устойчивости нашей денежной системе, что совершенно необходимо, пока товарное хозяйство держится и во всем мире и в нашей крестьянской стране». Равным образом не «мнимой величиной» является и заработная плата, ибо хотя «Россия живет при системе пролетарской диктатуры», но заработная плата, «применяющаяся к условиям рынка, существует (и не может не существовать) в ней повсюду» [110]. Это относится и ко всем другим категориям марксистской политэкономии, и если исходить из реальной действительности и развития рыночных отношений, то действует и категория прибыли и «все остальные категории Маркса продолжают существовать» [111].

А. И. Елизарова дала в своей статье и моральный урок, решительно отвергая недопустимые методы полемики, к которым прибегал Н. И. Бухарин в споре с М. С. Ольминским. Бухарин, писала она, «стремится как будто бы перепрыгнуть скорее в новый коммунистический строй» и в то же время «не смущается тем, какое впечатление, какое влияние произведет такая необоснованная, сама себя опровергающая ругань среди молодой части публики, двинет ли такая дискуссия ее вперед, к коммунизму... Хотя мы живем еще в переходном периоде, хотя мы понимаем, конечно, что сразу оторваться от психики старого капиталистического строя невозможно... но по крайней мере, от некоторых, наиболее выдающихся представителей нашей, ведущей всех к коммунистическому строю, партии, мы были как будто вправе ожидать психики более коммунистической, а не такой, в лучшем случае, психики переходного периода» [112].

Можно предположить, основываясь на традициях семьи Ульяновых, что В. И. Ленин мог быть ознакомлен с содержанием этой статьи. Но как бы то ни было — весь дух статьи А. И. Елизаровой, как и статьи Ольминского, отвечал тем задачам, которые ставил в это время перед партией В. И. Ленин. Ленинские выступления подняли теоретическую мысль партии на новую ступень, способствовали марксистскому воспитанию кадров партии и нанесли решительный удар по волюнтаризму и субъективизму в области экономической политики. В этих выступлениях была дана не только исчерпывающая оценка прошлого и уроков этого прошлого для

[109] ЦПА ИМЛ, ф. 91, оп. 1, ед. хр. 34, л. 43.
[110] Там же.
[111] Там же, л. 44.
[112] Там же, л. 51.

дальнейшей борьбы, но сделан и важный вклад в теоретическое обоснование нэпа. То новое, что внес здесь Ленин, неразрывно связано с определением перспектив развития на рельсах нэпа, с провозглашением окончания отступления и перехода в наступление на частнохозяйственный капитал.

3.

В. И. Ленин об окончании отступления, перегруппировке сил и подготовке наступления на рельсах нэпа

Почти год спустя после перехода к нэпу, в речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании комфракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. В. И. Ленин говорил: «есть, по моему убеждению, нечто такое и в нашем международном, и в нашем внутреннем положении, что походит на некоторый перелом в политике...» [113].

Суть этого перелома, как тут же объяснил Владимир Ильич, заключалась в том, что «*отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно*» [114].

Через несколько недель, в политотчете ЦК на XI съезде партии, В. И. Ленин сослался на свое выступление 6 марта и указывал, что по вопросу об остановке отступления он не встретил с тех пор никаких возражений — ни в Центральном Комитете, ни в партийной прессе, ни в частных письмах товарищей.

«Центральный Комитет мой план одобрил, — говорил он, — а состоял этот план в том, чтобы и в докладе от имени Центрального Комитета на настоящем съезде эту остановку отступления со всей энергией подчеркнуть и просить съезд дать соответственную директиву уже от имени всей партии, уже как обязательную. Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился» [115].

В речи при закрытии съезда В. И. Ленин еще раз подчеркнул: «Теперь мы постановили признать отступление законченным. Это значит, что по-новому ставится вся задача нашей политики» [116].

Прежде чем перейти к ленинскому пониманию новых задач политики, необходимо остановиться на вопросе о том, в чем же заключалась суть и значение отступления, проведенного, как указывал Ленин, в меру и в полном революционном порядке [117] в течение первого года новой экономической политики, в период от X до XI съездов партии?

Во-первых, речь не шла и не могла идти о каком-либо отступлении в области политической. Пролетарское государство с переходом к нэпу не изменило своей сущности, диктатура пролетариата оставалась незыблемой, границы и пределы отступления были заранее намечены так,

[113] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 1.
[114] Там же, стр. 8.
[115] Там же, стр. 86—87.
[116] Там же, стр. 137.
[117] См. там же, стр. 87, 137.

чтобы не терять «главного и основного» [118] и не отдать «ни одного из старых завоеваний» [119].

«Новая экономическая политика, — писал Ленин, — ничего радикально не изменила в общественном строе Советской России и изменить ничего не может до тех пор, пока власть находится в руках рабочих, а в прочности Советской власти никто, кажется, в настоящее время сомневаться уже не может» [120].

Отвечая в конце октября — начале ноября 1922 г. на вопросы корреспондента английской газеты «Манчестер Гардиан» А. Рансома, выразившего «опасение», что вслед за «экономической силой» нэпман в России постепенно может приобрести и «политическую силу», Ленин писал, что «человек, который применил бы к нашему „нэпману" то упрощенное положение исторического материализма, что за экономической силой должна следовать политическая, рискует ошибиться очень глубоко и даже стать жертвой целого ряда смешных недоразумений» [121]. «Рабочие и крестьянство — вот основа политической силы в России» [122].

Для того чтобы остановить отступление, записал Ленин в плане доклада на XI съезде партии, «нам довольно (для обеспечения социализма) того, что „заняло" пролетарское государство *минус* уже уступленное нэпу» [123]. План нэпа в том и заключался, чтобы незыблемо завоеванное сочетать с необходимой уступкой крестьянину как товаропроизводителю. Поэтому *суть* нэпа Ленин чрезвычайно наглядно свел к следующим четырем пунктам, из которых два первых определяли то, что «занято» пролетарским государством, а два последних — «уже уступленное нэпу»:

«α) сохранение земли в руках государства

β) *тоже* все командные высоты в области *средств производства* (**транспорт** и т. д.)

γ) свобода торговли в области мелкого производства

δ) государственный капитализм в смысле привлечения *частного капитала* (и концессии и *смешанные общества*)» [124].

Таким образом, ни в области политической, ни в области крупного промышленного производства никакого отступления произведено не было, речь шла лишь об отступлении в области обращения по линии торговли и допущения частнокапиталистической торговли. «Суть задачи этого отступления: *смычка* с крестьянским хозяйством, *удовлетворение* его неотложнейших хозяйственных потребностей, *создание прочного экономического союза*, *повышение производительных сил* в первую голову, **восстановление крупной промышленности**», — писал Ленин в плане доклада на IX съезде Советов [125].

Рассматривая вопрос об отступлении в историческом плане, сравнительно с предшествующими этапами, Ленин постоянно подчеркивал,

[118] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 88.
[119] Там же, стр. 305.
[120] Там же, стр. 296.
[121] Там же, стр. 266.
[122] Там же, стр. 268.
[123] Там же, стр. 411.
[124] Там же, стр. 431.
[125] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 488.

что в условиях тяжелейшей войны пришлось пойти «далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно; нас к этому заставляли» [126]. «Мы зашли дальше, чем могли удержать» [127], «забежали вперед», и «авангард грозил оторваться от массы» [128].

Но если бы в период с 1917 по 1921 г. не были завоеваны громадные позиции в области социалистических преобразований, «у нас не было бы пространства для отступления — и в смысле географии, и в смысле экономическом и политическом» [129]. «Мы отступаем, потому что у нас достаточно завоевано, чтобы удержать за собой нужные позиции» [130].

К этой же мысли Ленин вновь вернулся в докладе на XI съезде партии. «... Именно потому, — говорил он, — что мы наступали так успешно в течение многих лет и одерживали так много необыкновенных побед (и все это в стране невероятно разоренной, лишенной материальных предпосылок!), чтобы закрепить это наступление, нам совершенно необходимо было, раз мы так много завоевали, совершенно необходимо было отступить» [131].

Отступить для того, чтобы *закрепить завоеванное*, *закрепить наступление* — в этом заключалась подлинная цель отступления. Отступаем к чему? — ставил вопрос Ленин и отвечал:

«к государственному капитализму (концессии)
к кооперативному капитализму
к частнохозяйственному капитализму } **NB** и к торговле» [132].

Но если речь шла об отступлении к торговле, отступлении от плана непосредственного строительства социализма, который не был и не мог быть осуществлен на деле, то правомерно ли называть это отступлением? Такой вопрос неизбежно возникает, когда мы рассматриваем его в свете исторической перспективы и с точки зрения современного нам опыта коммунистического строительства. В самом деле, этот опыт показал, что не только в условиях переходного периода, но и в обстановке победившего социализма торговля, товарно-денежные отношения отнюдь не отмирают, а, наоборот, ставятся на службу социализму.

Не следует ли в этой связи вообще пересмотреть вопрос об отступлении? Если подходить к вопросу *исторически*, то, конечно, не следует, ибо в 1921 г. речь шла об отступлении к государственнокапиталистическим и частнокапиталистическим формам торговли. Сам по себе государственный капитализм, как указывал Ленин, не являлся социалистической формой [133], хотя и должен быть поставлен на службу социализму. Но в 1921 г. было осуществлено отступление не только к госкапитализму, а к разрешению частного, негосударственного обмена, допущению частнохозяйственного капитализма как в области торговли, так и в области

[126] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 9—10.
[127] Там же, стр. 8.
[128] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 486.
[129] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 10.
[130] Там же.
[131] Там же, стр. 88.
[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 488.
[133] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 280.

промышленности. В докладе на VII Московской партконференции Ленин недаром сказал, что «было бы гораздо приятнее, если бы можно было взять капиталистическую торговлю штурмом» [134].

Но пришлось пойти на ее допущение, на допущение капиталистической торговли в тех пределах, которые необходимы были единоличному крестьянскому хозяйству. Это была *уступка* крестьянину как мелкому товаропроизводителю, и она требовала напряженной и длительной экономической борьбы на почве рынка, торговли, чтобы решить вопрос «кто — кого» в пользу социализма. В таких условиях прямая и открытая постановка вопроса об отступлении имела огромное значение для подготовки кадров партии к борьбе с капиталистическими элементами.

«Отступаем, — писал Ленин в плане доклада на IX съезде Советов, — (не будем бояться признать это; не страшно отступление, страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины)» [135].

Признание факта отступления принесло пользу, обеспечив понимание опасности, создав условия для ее преодоления и последующего перехода в наступление на частнохозяйственный капитал. В этом и заключалась вторая, и притом главная сторона ленинской постановки вопроса об отступлении — признание *временного* и *ограниченного* его характера. С самого начала Ленин связывал отступление с дальнейшим переходом в решительное наступление на капиталистические элементы. На VII Московской партконференции, где было так твердо сказано о недостаточности сделанного после перехода к нэпу отступления и необходимости дополнительного отступления, Ленин тут же добавлял: «...Мы находимся в положении людей, которые все еще вынуждены отступать, *чтобы в дальнейшем перейти наконец в наступление*» [136]. «Отступать будем до тех пор, пока не научимся, не приготовимся перейти в прочное наступление» [137], — повторил он в заключительном слове на той же конференции.

Буквально через неделю после этого выступления Ленин в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» писал: «Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление» [138].

В плане доклада на IX съезде Советов мысль о прямой связи между отступлением и последующим переходом в наступление была выражена Лениным наиболее отчетливо: «Мы теперь совершаем **стратегическое отступление**, которое даст нам более широкий фронт наступления в ближайшем будущем» [139]. И вновь, через несколько дней, в проекте тезисов «О роли и задачах профсоюзов...» (январь 1922 г.) тот же вывод: Компартия и Советская власть совершают отступление, «чтобы более подготовленно перейти опять к наступлению на капитализм» [140].

[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 217.
[135] Там же, стр. 487.
[136] Там же, стр. 208 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[137] Там же, стр. 220.
[138] Там же, стр. 229.
[139] Там же, стр. 487.
[140] Там же, стр. 342.

Очень образно в статье «Заметки публициста», написанной в конце февраля 1922 г., В. И. Ленин сравнил характер этого отступления с восхождением на высокую и крутую гору, когда путешественник сначала пытается добраться до вершины наиболее прямым и коротким путем, все время двигаясь вверх, вперед, к своей цели. Но оказывается, что дальнейший подъем по этому пути невозможен, что надо искать более длинную и обходную дорогу, а для этого совершить опасный спуск вниз, где трудностей еще больше, где легче оступиться, где дорога неизвестна и никогда ранее не испытана. Только этот трудный и опасный спуск обеспечивает возможность дальнейшего смелого, быстрого движения вновь вверх, к вершине [141]. Самое главное, даже при временном спуске, не забывать о конечной цели, о последующем подъеме, о достижении вершины. Огромная уверенность в будущем, ясность перспективы, убежденность в том, что найденный путь приведет к вершине, к заветной цели — построению социализма — пронизывали каждое выступление, каждую строку ленинских работ.

С такой же силой предвидения был определен В. И. Лениным момент окончания отступления и подготовки перехода к *заранее намеченному наступлению* на рельсах нэпа.

Когда Ленин в начале марта 1922 г. впервые сказал об окончании отступления, он одновременно указывал, что это не означает забвения или сбрасывания со счетов тех огромных трудностей, которые еще не преодолены, что задача «научиться торговать» далеко еще не решена, а говорить о возможности спокойного движения вперед пока еще явно преждевременно. Однако назрела необходимость во всеуслышание сказать, что границы отступления достигнуты и поэтому отступление «*в смысле того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено*» [142], а «главные приемы деятельности, как с капиталистами работать, намечены» [143]. «*Дальше назад мы не пойдем*, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы» [144]. «*Довольно, больше никаких уступок!*» — твердо и открыто заявил вождь партии в своем выступлении 6 марта 1922 г.[145]

Этот ленинский вывод был зафиксирован в резолюции XI съезда РКП(б) по докладу Центрального Комитета партии:

«Съезд констатирует, — говорилось в этой резолюции, — что всей суммой проведенных и намеченных за последний год мер исчерпываются признанные партией необходимые уступки частнохозяйственному капитализму, признает в этом смысле отступление законченным и считает очередной задачей перегруппировку партийных сил с целью обеспечить полностью практическое проведение в жизнь принятой партией политики» [146].

Что же обусловило возможность приостановки отступления, определило момент перелома в политике в сторону подготовки наступления? Что произошло за 3—4 месяца, которые отделяли VII Московскую партконференцию от XI съезда партии?

[141] См. там же, стр. 415—416.
[142] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 10.
[143] Там же, стр. 92.
[144] Там же, стр. 11.
[145] Там же, стр. 13.
[146] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 600.

Решающее значение имела прежде всего перестройка самой партии, действительное приведение «партийного знания и партийного сознания» в соответствие с задачами новой экономической политики, достигнутое благодаря ленинскому воспитанию кадров партии, его работам и выступлениям конца 1921 г.

В начале января 1922 г. в «Проекте директивы Политбюро о новой экономической политике» В. И. Ленин указывал, что «теперь, после партконференции в декабре 1921 года и IX съезда Советов, новая экономическая политика является достаточно твердо и ясно установленной» [147]. Поэтому от общих рассуждений, «теоретизирования и словопрений на тему о новой экономической политике» необходимо перейти к тому, «чтобы ее как можно быстрее и шире испробовать на практике» [148].

«Остановка отступления, — записал Ленин в плане доклада на XI съезде партии. — Не в смысле: „уже научились", а в смысле: не нервничай, не сочиняй, а на *данной почве* учись, „перегруппировка сил и подготовка" = лозунг дня. Подготовка наступления *на частнохозяйственный капитал* = лозунг» [149].

В чем же суть перегруппировки сил, которую Ленин выдвигал как очередной *лозунг дня*?

В течение первого года нэпа была завершена в основном перестройка государственного и хозяйственного аппарата, осуществлены необходимые изменения в законодательстве. В этих условиях встали принципиально новые задачи прочного закрепления достигнутого, создания условий для деловой практической работы.

В выступлениях на IX съезде Советов Ленин предупреждал об опасности увлечения всяческими перестройками, ибо «от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал» [150]. В письме для членов Политбюро ЦК, написанном в январе 1922 г., Ленин признавался: «Я смертельно боюсь переорганизаций. Мы все время переорганизуем, а практического дела не делаем» [151]. Наконец, на XI съезде партии Владимир Ильич решительно потребовал, чтобы, «то нервничание, та суетливость, которые создались у нас вследствие нэпа, стремление создавать все по-новому, приспособлять, — чтобы это было приостановлено» [152]. «... Пора перестать, — говорил он далее, — нервничать, кричать, суетиться», посылать записки за записками, телефонограммы за телефонограммами с запросами: «„Нельзя ли нас тоже переорганизовать, потому что у нас нэп?"» Этой суетне и кутерьме пора положить решительный предел и вместо рассуждений о том, как приспособиться к нэпу, заняться живой и неотложной практической работой [153].

В новых условиях главное состояло в том, чтобы «учиться работать, учиться по-новому управлять».

В этом смысле Ленин сравнивал «в большом масштабе взятый» текущий момент весны 1922 г. и весны 1918 г. И тогда и теперь на первый

[147] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 356.
[148] Там же.
[149] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 415—416.
[150] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 326.
[151] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 132.
[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 90.
[153] Там же, стр. 91.

план выдвигалась задача «учиться управлять», правильно размещать людей, изучать и приобретать практический опыт.

Такова была по существу ленинская программа перегруппировки сил, ставящая цель обеспечить в политической области успех предстоящего экзамена «соревнования с частным капиталом». В области же экономической центр тяжести все больше переносился с вопроса о *мере допущения* частного капитала на вопрос о формах и методах его *ограничения.*

В цитированном уже письме от 21 января 1922 г., где критиковались «косные коммунисты», не понимавшие значения государственного капитализма в пролетарском государстве, Ленин потребовал разъяснения и другой стороны вопроса, а именно, что «государственный капитализм в государстве с пролетарской властью может существовать лишь ограниченный и временем и областью распространения и условиями своего применения, способом надзора за ним и т. д.» [154]

На XI съезде партии Ленин призывал «учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату» [155].

Все внимание кадров партии и хозяйственного аппарата Ленин перенес в это время на необходимость решительной борьбы с частной торговлей, выдвигая на первый план важнейшую сторону нэпа — не простое допущение «свободы торговли», а экономическое регулирование, контроль государства, ограничение капиталистических элементов и последующее их вытеснение.

Ряд обстоятельств и внутреннего и международного характера объяснял особую остроту постановки этого вопроса весной 1922 г.

Если в 1921 г. Ленин нацеливал огонь своей критики против пережитков военно-коммунистической идеологии, известного сопротивления проведению новой экономической политики, то в начале 1922 г. возникла другая опасность, опасность расширительного толкования нэпа, которая нашла свое выражение в отдельных предложениях о дополнительных уступках капиталистическим элементам, об отказе от монополии внешней торговли и т. д.

Уже на XI Всероссийской партконференции столкнулись две точки зрения: так называемых сторонников, как говорилось на конференции, «коммунистической реакции» и представителей «экономического либерализма». Ленинские указания о необходимости дополнительного отступления отдельные работники партии склонны были рассматривать как переход от новой к некоей «*новейшей* экономической политике», к еще большему развязыванию частнокапиталистических отношений.

Большинство выступавших на конференции делегатов ставили вопрос о границах, пределах отступления. «Мы должны знать, — говорил В. П. Милютин, — до каких пор мы будем вести отступление и где будет наше закрепление, на каких определенных пунктах» [156]. Милютин далее доказывал, что сохранение в руках государства крупной социалистиче-

[154] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 131.
[155] Там же, т. 45, стр. 119.
[156] «XI Всероссийская партконференция». Бюллетень № 2. М., 20 декабря 1921 г., стр. 11.

ской промышленности и является пределом, где надо прочно закрепиться. Но вместе с тем именно он настаивал одновременно на необходимости ослабления монополии внешней торговли. Милютин выступил с этим предложением еще до партийной конференции, направив специальный доклад в Политбюро ЦК. В. И. Ленин решительно отверг предложения Милютина и в проекте постановления Политбюро от 9 ноября 1921 г. писал: «Мое личное мнение: *отклонить* весь план В. Милютина, как никуда негодный, совершенно неосновательный» [157]. Постановлением Политбюро 10 ноября предложения Ленина были приняты, а план Милютина отклонен. Но на XI партконференции Милютин вновь повторил: «И в отношении внешней торговли я здесь не боюсь сказать и конференция может прямо заявить о необходимости предоставления некоторой свободы частной инициативы. Это для народного хозяйства принесет огромную пользу...» [158]

В. П. Милютина поддержали И. Т. Смилга и Н. Осинский. «Мне представляется, — говорил Смилга, — что наша политика удержания монополии внешней торговли является ошибкой. В области внешней торговли нашей задачей является, с одной стороны, нормальная пошлинная политика, с другой стороны — регулирование внешней торговли, но с широким привлечением главкистской и кооперативной инициативы. Этот путь даст нам больше, чем наша нынешняя твердая монополия» [159].

Н. Осинский, в свою очередь, пытался доказать, что с монополией внешней торговли может получиться то же, что уже произошло с товарообменом и местным оборотом. Отступить придется не только в области внутренней, но и внешней торговли [160].

В своем заключительном слове на конференции Л. Б. Каменев заявил, что, «казалось бы, все вопросы уперлись в один вопрос о денационализации внешней торговли». Однако полемизируя со сторонниками отмены монополии внешней торговли, Каменев сам пошел значительно дальше, доказывая, что сейчас это еще преждевременно, но в дальнейшем возможно придется открыть дверь не только для кооперативных организаций и трестов, но и даже для частного капитала. «Будем ли мы для частного капитала открывать дверь (на внешний рынок. — *Э. Г.*) или нет? — ставил он вопрос и отвечал: — Сейчас не будем, а будем ли мы в дальнейшем вынуждены ее открывать? Не знаю. Это будет зависеть от борьбы» [161].

Резолюция партконференции подтвердила незыблемость монополии внешней торговли, но считала возможным допустить непосредственное производство экспортных и импортных операций (на основании соглашений с НКВТ) для областных кооперативных объединений всех видов, для государственных трестов и прочих крупных хозяйственных образований [162].

После партконференции атаки на монополию внешней торговли продолжались с неослабевающей силой не только со стороны В. П. Милютина, Н. Осинского, но и Г. Я. Сокольникова и др. В этих условиях

[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 240.
[158] «XI Всероссийская партконференция». Бюллетень № 2, стр. 11.
[159] Там же, стр. 14—15.
[160] Там же, стр. 28.
[161] Там же, стр. 54.
[162] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 591.

В. И. Ленин счел необходимым принять самые решительные меры против попыток подорвать важнейшую командную высоту социализма. В своем письме от 3 марта 1922 г. он указывал, что предложение Сокольникова приведет к тому, что иностранные капиталисты скупят и вывезут все товары из России, и поэтому предлагал «ни в коем случае не подрывать монополии внешней торговли» и «опубликовать тотчас же (потеряли мы тьму времени) от имени Президиума ВЦИКа твердое, холодное, свирепое заявление, что мы дальше не отступаем в экономике и что покушающиеся нас надуть (или обойти монополию и т. п.) встретят террор; этого слова не употреблять, но „тонко и вежливо намекнуть“ на сие» [163]. По существу в этом письме и именно в связи с вопросом о сохранении незыблемости монополии внешней торговли В. И. Ленин впервые (за три дня до доклада 6 марта 1922 г.) поставил задачу объявить во всеуслышание об окончании отступления.

Борьба по этим вопросам, как мы увидим, продолжалась на протяжении всего 1922 г., но самый факт появления и усиления тенденции к ослаблению или даже к отмене монополии внешней торговли послужил для Ленина одним из важных аргументов для определения границ отступления и провозглашения своевременности подготовки перехода в наступление на рельсах новой экономической политики.

Так же решительно В. И. Ленин осудил дальнейшую «линию уступок» во взаимоотношениях с капиталистическим миром. Когда Г. В. Чичерин в письме к В. И. Ленину 15 октября 1921 г. пытался доказывать, что роспуск Всероссийского комитета помощи голодающим за контрреволюционную деятельность, разрыв переговоров с Л. Уркартом о концессиях якобы ухудшают международное положение Советской России, и поэтому предлагал пойти на дальнейшие уступки, вплоть до выхода Ленина из Коминтерна, Владимир Ильич в ответном письме кратко, но достаточно ясно сказал: «*Никаких* уступок и шагов делать не следует» [164].

Безоговорочно и категорически Ленин отверг также предложения Г. В. Чичерина, сделанные в январе 1922 г., о желательности для улучшения отношений с Америкой пойти на идейную уступку и согласиться на некоторые изменения в Конституции РСФСР, разрешив представительство паразитических классов в Советах. В своем письме для членов Политбюро ЦК от 23 января 1922 г. Ленин писал, что такого рода предложения Г. В. Чичерина можно объяснить только его болезнью [165].

Опасность этой «линии уступок», идущей от отдельных руководящих работников партии и хозяйственного аппарата, Ленин видел и в том, что она получала немедленную поддержку в кругах буржуазных специалистов и всех классово враждебных элементов как внутри страны, так и за рубежом. Это сказалось, например, на заседаниях Госплана при обсуждении в феврале 1922 г. материалов к Генуэзской конференции. Отдельные буржуазные специалисты — работники Госплана — выдвигали далеко идущие предложения о сдаче в концессию чуть ли не всего Кузнецкого и Уральского угольных бассейнов, Донбасса, ряда железных дорог и т. д. На заседании Госплана 11 февраля 1922 г. было сообщено, что группа сотрудников Института экономических исследований считает необходи-

[163] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 428.
[164] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 274.
[165] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 136.

мым «предоставление более широкой свободы внешней торговле» и «высказывается определенно против монополии на внешнюю торговлю» [166].

Необычайно оживились в это время и реставраторские надежды в лагере меньшевиков, эсеров, «сменовеховцев» и им подобных. И меньшевистский «Социалистический вестник», и парижская «Смена вех», и выходивший в Петрограде журнал «Экономист» (Ленин недаром называл его органом «образованных крепостников») начали откровенно писать, что новая экономическая политика неизбежно приведет якобы к реставрации капитализма, к экономической капитуляции Советской страны перед капиталистическим миром. Предлагалась и конкретная программа «спуска на тормозах» к капитализму, предоставления большого простора частной хозяйственной деятельности; выдвигались предложения не держать крупную промышленность «под запретом для частной инициативы», восстановить частную собственность на землю, ликвидировать монополию внешней торговли, отказаться от планового хозяйства и пойти на поклон к иностранному капиталу.

В январе и феврале 1922 г., во время своего отпуска перед XI съездом партии, В. И. Ленин внимательно читал и изучал всю эту враждебную прессу. Он просматривал журнал «Экономист» в январе 1922 г. [167], дал резкую критику этого органа в статье «О значении воинствующего материализма», написанной 12 марта 1922 г. [168]; специально остановился на писаниях «сменовеховского» «вождя» Устрялова в политическом отчете на XI съезде партии, а в письме о плане этого доклада в связи с вопросом об остановке экономического отступления записал: «Предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что *нэп* — не „тактика", а „эволюция" большевизма» [169].

Вывод В. И. Ленина заключался в необходимости перейти в решительное наступление также и на идеологическом фронте, разоблачать идеологию капиталистической реставрации во всех ее проявлениях. Об этом он неоднократно писал и говорил в первые месяцы 1922 г. Все это входило в ленинский план обеспечения перегруппировки сил для перехода в наступление как в области экономической, так и идеологической.

В выборе момента для перехода в наступление большое значение имела сложившаяся к началу 1922 г. международная обстановка.

С одной стороны, налицо было значительное улучшение международного положения Советской страны, выразившееся в торговых соглашениях, переговорах о концессиях, наконец, в самом факте приглашения Советской России на международную конференцию в Генуе. С другой стороны, переход к нэпу посеял надежды в правящих кругах капиталистических стран на «возврат к капитализму». Об этом непрестанно шумела и кричала вся буржуазная печать, не останавливаясь перед любыми вымыслами и ложью.

Недаром Ленин в докладе 6 марта 1922 г. говорил, что «вся белогвардейщина во главе с меньшевиками и эсерами ликует и говорит: „Ага! вы отступаете!" — Ликуйте, этим вы ублажаете себя, — говорим мы. Нам это выгодно, если наш неприятель, вместо деловой работы, занимается

[166] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 81, л. 223.
[167] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 502.
[168] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 31—33.
[169] Там же, стр. 60.

самоублажением. Торжествуйте, вы ставите нас в еще более выгодное положение тем, что иллюзиями ублажаете себя» [170].

Бессмысленность и беспочвенность этих надежд всего вражеского лагеря на «возврат к капитализму» была настолько очевидна, что не требовала особых опровержений. Но при подготовке к Генуэзской конференции необходимо было как можно более твердо и наглядно продемонстрировать неизменную линию Советского правительства на незыблемость всех завоеваний Октябрьской революции.

Накануне Генуи в письме Д. И. Курскому от 28 февраля 1922 г. о подготовке гражданского кодекса Ленин сформулировал принципиально важное положение: «Не идти слепо за НКЮДел. *Не угождать „Европе“*, а **продвинуться дальше** *в усилении вмешательства государства в „частноправовые отношения“, в гражданские дела...* Именно перед Генуей не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности *расширить* вмешательство государства в „гражданские“ отношения» [171].

Такое же твердое и решительное заявление, но уже публично Ленин сделал в докладе 6 марта, когда сказал, что мы не боимся угроз европейских капиталистов поставить Россию на Генуэзской конференции в положение испытуемой. «Мы еще посмотрим „кто — кого“, — предупреждал он, тут же добавляя. — Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: *„Довольно, завтра вы не получите ничего!“*» [172].

Таким образом, ленинский вывод о необходимости перелома в политике опирался на глубокий и всесторонний анализ изменений во внутренней и международной обстановке в итоге первого года новой экономической политики. Огромное значение для развития ленинского учения о новой экономической политике имела и оценка характера отступления и последующего перехода в наступление на частнохозяйственный капитализм.

Хотя почти все работы Ленина 1921—1923 гг. в той или иной степени были посвящены обоснованию содержания, сути, задач, значения нэпа, мы не найдем в них какого-либо одного, законченного и раз навсегда данного определения новой экономической политики. Это и понятно. Ленин не признавал застывших схем и формул. Каждый раз он выделял ту или иную сторону нэпа, расширял и обогащал понимание сути этой политики, добавлял новые моменты, что в совокупности создавало цельное и единое учение об экономической политике пролетарского государства в переходный период от капитализма к социализму.

Очевидно, первое по времени (после X съезда РКП(б) и работы «О продовольственном налоге») определение сути нэпа Ленин дал в проекте плана вводной части «Наказа от СТО» (20—21 мая 1921 г.). «...Суть новой экономической политики: максимальный подъем производительных сил и улучшение положения рабочих и крестьян, использование частного капитализма и направление его в русло государственного капитализма, всесторонняя поддержка инициативы мест, борьба с бюрократизмом и волокитой».

[170] Там же, стр. 10.
[171] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 412.
[172] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 13.

На полях против этих слов Ленин написал: **«кооперация»** [173].

Здесь выделен широкий круг вопросов не только в области экономических, но и политических задач в связи с характером самого документа — Наказа от СТО.

А почти два года спустя, в начале ноября 1922 г., в интервью корреспонденту газеты «Манчестер Гардиан» Рансому Ленин писал: «Действительная сущность новой экономической политики состоит в том, что пролетарское государство: во-первых, *разрешило свободу торговли для мелких производителей* и, во-вторых, в том, что к *средствам производства для крупного капитала пролетарское государство применяет целый ряд принципов того, что в капиталистической экономике называлось „государственным капитализмом"*» [174].

В данном случае Ленин опять сосредоточил внимание на двух взаимосвязанных сторонах нэпа — разрешении свободы торговли для мелкого товаропроизводителя и применении принципов госкапитализма.

В то же время Ленин постоянно выдвигал на первый план основную политическую задачу новой экономической политики — обеспечение прочного союза рабочего класса и крестьянства. «Замена разверстки продналогом, — говорил он на IX съезде Советов, — вот в чем суть нашей экономической политики... Иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием, под руководством и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость привела нас к этому пути. И только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики» [175].

И далее Ленин повторил основной вывод, который целиком был подтвержден опытом проведения нэпа: «сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда, пролетариата с широким крестьянским полем» [176].

На XI съезде партии Владимир Ильич продолжал развивать эту мысль и пророчески предсказал, что если для достижения прочного союза с трудовым крестьянством придется сначала «двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали» [177], то в последующие годы наступит такое *ускорение движения* к социализму, такая быстрота экономического развития, какой не было и не могло быть ни в одной капиталистической стране мира.

Накануне XI съезда партии в проекте тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» Ленин раскрыл еще одну сторону вопроса, сказав об изменениях, которые вносит новая экономическая политика в положение пролетариата, а, следовательно, и о необходимости применения особых приемов, способов, посредством которых Компартия и Советская власть осуществляют переход от капитализма к социализму [178].

[173] В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 398.
[174] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 266.
[175] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 308.
[176] Там же, стр. 322.
[177] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 78.
[178] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 341—342.

Новая экономическая политика и порождаемые ею противоречия («Противоречий стало больше» [179], — говорил Ленин на VII Московской партконференции), длительная и острая экономическая борьба за решение вопроса «кто — кого» в пользу социализма — тема, которой Ленин уделял особое внимание при определении задач и сущности новой экономической политики.

Наконец, начиная с последних месяцев 1921 г. и в работах 1922—1923 гг. Ленин до конца определил и подытожил конечную цель всей эпохи проведения новой экономической политики. Если на майской партконференции 1921 г. он говорил, что нэп «всерьез и надолго», позднее добавив «но... не навсегда» [180], то в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» он особо подчеркнул, что «самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического» [181].

О *построении фундамента социалистической экономики* как основной задаче новой экономической политики Ленин вновь говорил на XI съезде партии и в других своих выступлениях. Накануне съезда в письме для пленума ЦК с изложением плана политотчета он опять выделил основной вывод: «Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» [182]. Тем самым была обоснована необходимость проведения новой экономической политики на всем протяжении переходного периода от капитализма к социализму.

В своих последних статьях, особенно в статье «О кооперации», Ленин внес ценный вклад в учение о новой экономической политике, изложив основы своего знаменитого кооперативного плана — плана постепенного перевода единоличных крестьянских хозяйств на рельсы социализма. Осуществление кооперативного плана являлось составной частью новой экономической политики и не выходило за рамки нэпа. На путях нэпа предстояло провести «последний решительный бой» с русским капитализмом, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, и в экономическом соревновании с частным капиталом одержать полную победу [183].

В общую задачу построения фундамента социалистической экономики входила и ликвидация *многоукладности* в экономике, превращение страны из аграрной в индустриальную, решение вопроса «кто—кого» в пользу социализма в городе и в деревне. В результате и должно было быть достигнуто превращение нэпа «в *базу* социализма — базу, непобедимую, в крестьянской стране, никакой силой в мире» [184].

Только такое широкое и всестороннее определение сути и задач новой экономической политики позволило Ленину в конце 1921 г. полным голосом сказать о *международном значении нэпа*, о том, что задача, которую решают русские коммунисты, задача «не только русская, но и миро-

[179] См. там же, стр. 212.
[180] Там же, стр. 311.
[181] Там же, стр. 150.
[182] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 60—61.
[183] См. там же, стр. 83.
[184] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 173.

вая», и она будет стоять перед всеми коммунистическими партиями, когда они придут к власти. «Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо, — говорил Владимир Ильич на IX съезде Советов. — Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут» [185].

Таким образом, в работах Ленина 1921—1923 гг. было всесторонне обосновано и творчески развито марксистское учение об экономической политике эпохи диктатуры пролетариата, показано всемирно-историческое значение этой политики для всех стран, вступающих на путь социализма.

Постоянно проверяя и сопоставляя сложившиеся теоретические взгляды с практикой социалистического строительства, продумывая и обобщая новый опыт, Ленин смело отбрасывал устаревшие догмы и двигал вперед марксистскую теорию. Так, если в своих работах первой половины 1921 г. и особенно в работе «О продовольственном налоге» он первоначально намечал путь постепенного перехода от товарообмена к прямому продуктообмену, то в последующих выступлениях и статьях 1922 и начала 1923 г. Ленин к этому вопросу почти никогда больше не возвращался [186].

Ленинская новая экономическая политика полностью выполнила свои задачи в условиях переходного периода от капитализма к социализму. «Россия нэповская», как и предвидел Ленин, стала «Россией социалистической». Но и в наши дни, на современном этапе коммунистического строительства, на вооружении партии находятся великое ленинское теоретическое наследство, его учение об экономической политике социалистического государства, ленинские методы и принципы хозяйственного руководства. Характеристике этих методов руководства экономикой и деятельности В. И. Ленина по практическому осуществлению новой экономической политики и посвящен следующий раздел данной работы.

[185] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 329.

[186] Мы говорим «почти», поскольку в плане статьи «Заметки публициста» (февраль 1922 г.) В. И. Ленин записал: «Когда фундамент социалистической экономики можно считать *заложенным*? Когда обеспечен продуктообмен с крестьянством. Когда *хозяйственно* удовлетворен крестьянин!!» (В. И. Ленин Полн. собр. соч.. т. 44, стр. 502—503). Насколько удалось проследить, во всех других работах 1922—1923 гг. В. И. Ленин ни в теоретическом, ни в практическом плане вопрос о продуктообмене не ставил.

Раздел второй

ЛЕНИНСКИЕ МЕТОДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА

Глава шестая

В. И. ЛЕНИН И ГОСПЛАН

1.

Создание Госплана и его состав

Уже в первые месяцы после победы Октябрьской революции плановое руководство экономикой рассматривалось В. И. Лениным как решающая задача социалистического строительства.

Владимир Ильич при этом всецело опирался на гениальное предвидение Маркса и Энгельса, сформулированное еще в конце 40-х годов XIX в., что после обобществления средств производства в результате победоносной пролетарской революции «анархия общественного производства заменяется организацией его по плану». Ф. Энгельс конкретизировал этот вывод в «Принципах коммунизма» и в «Анти-Дюринге». Отвечая на вопрос: «Каковы будут последствия окончательного устранения частной собственности?» — он указывал, что, изъяв из рук капиталистов пользование всеми производительными силами и средствами сообщения, а также обмен и распределение продуктов, новое общество «будет управлять всем этим сообразно плану, вытекающему из наличных ресурсов и потребностей общества в целом», а хозяйство будет вестись «в общественных интересах, по общественному плану и при участии всех членов общества» [1].

Эти основополагающие положения марксистской теории, общую научную формулу предстояло впервые в истории воплотить в жизнь после победы пролетарской революции в России. Это сделал В. И. Ленин, определив задачи Советского государства в области планирования и выдвинув на первый план идею создания *единого государственного хозяйственного плана.*

Еще в своем гениальном «Наброске плана научно-технических работ» весной 1918 г. В. И. Ленин требовал «возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема Рос-

[1] Ф. Энгельс. Принципы коммунизма. — «Коммунистический манифест». М., 1939, стр. 91—92.

сии»[2]. «Только то строительство, — говорил он на съезде председателей губернских Советов 30 июля 1918 г., — может заслужить название социалистического, которое будет производиться по крупному общему плану, стремясь равномерно использовать экономические и хозяйственные ценности»[3].

Подготовка единого хозяйственного плана могла быть реализована лишь к концу гражданской войны. «В военное время, — писал Г. М. Кржижановский, — поневоле пришлось отбросить всякие поползновения провести в жизнь стройные государственные хозяйственные планы, вытекающие из существа хозяйственной обстановки всей той громадной территории, границы которой надо было еще утверждать огнем и мечом». Оценивая в 1921 г. первые опыты плановой работы в 1918—1920 гг., Г. М. Кржижановский указывал далее, что военная обстановка по преимуществу требовала «работы ударными методами в ударных направлениях. *Такая работа по самому существу своему исключает точный общий учет и вероятность предвидения, т. е. исключает как раз основные предпосылки планового хозяйства*»[4].

Только когда война начала подходить к концу, в момент передышки весны 1920 г., первая сессия ВЦИК седьмого созыва в феврале 1920 г. записала в своем решении: «Для Советской России впервые представляется возможность приступить к более планомерному хозяйственному строительству, к научной выработке и последовательному проведению в жизнь государственного плана всего народного хозяйства»[5]. Вскоре, в марте 1920 г., была создана специальная комиссия — ГОЭЛРО во главе с Г. М. Кржижановским для подготовки плана электрификации. IX съезд партии в апреле 1920 г. в постановлении «Об очередных задачах хозяйственного строительства» вновь указал, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение *единого хозяйственного плана*, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху»[6].

К концу 1920 г. план ГОЭЛРО был разработан и представлен на обсуждение VIII съезда Советов РСФСР (декабрь 1920 г.). Ленинская идея единого хозяйственного плана нашла свое воплощение в плане ГОЭЛРО, и именно в связи с принятием этого плана В. И. Ленин определил некоторые важнейшие принципы социалистического планирования.

Требуя строжайшей *научной обоснованности* плана, точного учета реальных возможностей для его осуществления, Ленин вместе с тем на первый план выдвигал *целевую установку* плана, рассчитанного на создание материально-технической базы социализма, строительство фундамента социалистической экономики. Ленинская формулировка «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация» наиболее наглядно выражала конечную цель планирования — построение коммунистического общества.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 21—22.
[4] Г. М. Кржижановский. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана), вып. 1. М., 1921, стр. 11.
[5] «К истории плана электрификации Советской страны». Сборник документов и материалов. М., 1952, стр. 137.
[6] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 478.

«Электрификация: мерило, — писал В. И. Ленин в плане работы „О продовольственном налоге". — Отдаленный план, но *план* и (ergo) критерий. (Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха etc.)» [7].

Таким образом, хозяйственный план является *мерилом* и *критерием* успехов строительства социализма, важнейшей *вехой* на различных этапах построения социалистического общества.

Поэтому Владимир Ильич так неразрывно связывал единый хозяйственный план с программой партии, с ее конечными целями и задачами, называя план ГОЭЛРО *второй программой партии.*

Чрезвычайно показательна, во-вторых, ленинская постановка вопроса о роли плана в строительстве новых общественных отношений, новых отношений между тружениками.

В речи на заседании пленума Моссовета в ноябре 1920 г. Ленин говорил: «Мы в наследство от капитализма получили не только разрушенную культуру, не только разрушенные заводы, не только отчаявшуюся интеллигенцию, мы получили разрозненную, темную массу, одиночек-хозяев, мы получили неумение, непривычку к общей солидарной работе, непонимание того, что нужно поставить крест над прошлым... Нам надо теперь собрать воедино всех тружениц и тружеников и заставить их работать вместе» [8].

Ленин всегда подчеркивал значение плана в объединении усилий всех трудящихся: «Общий и единый план: *централизация внимания и сил народа*» [9], — писал он в «Заметках об электрификации» (декабрь 1920 г.).

Наиболее ярко Ленин раскрыл эту мысль в своем известном письме Г. М. Кржижановскому от 23 января 1920 г. в связи со статьей последнего об электрификации. «...Нельзя ли добавить, — писал он, — *план* не технический, ...а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?.. Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*...

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет» [10].

Наконец, в-третьих, определяя поворот к мирному строительству и скорейшему восстановлению народного хозяйства, В. И. Ленин выдвигал на первый план задачу восстановления не по-старому, а по-новому, на базе социализма.

«Восстановить — это основная задача, — говорил он в феврале 1920 г., — но мы не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически, и было бы дико; нужно найти новое основание. Таким новым основанием является план электрификации» [11].

Принятие единого хозяйственного плана сразу потребовало создания единого хозяйственного центра для руководства его осуществлением. Такой государственный центр планирования создавался впервые в исто-

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 382.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 5.
[9] Там же, стр. 227 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 62—63.
[11] Там же, стр. 163.

рии и поэтому естественны были поиски наилучших форм его организации.

В конце 1920 г. вышла в свет брошюра видного военного и партийного работника С. И. Гусева под названием «Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат» [12].

«Кто же будет составлять очередные хозяйственные задания, давать очередные хозяйственные директивы? Какой орган?» — ставил вопрос автор брошюры. Ответ был прост. Если в будущем социалистическом обществе «Главное управление народного хозяйства» — это «мирная канцелярия», то в условиях 1920—1921 гг. — это «полевой штаб» народного хозяйства, или «Революционный Совет народного хозяйства». Что касается структуры и состава «полевого штаба», то он должен состоять из четырех отделов (отдел выработки плана, отдел учета, отдел распределения, научно-статистический отдел), а в областях и районах намечалось создание местных органов единого хозяйственного центра. В состав «Революционного Совета народного хозяйства», по замыслу Гусева, должны входить виднейшие руководители хозяйственных наркоматов, но с обязательным условием освобождения их от поста наркомов, чтобы обеспечить этим «неведомственный» характер их деятельности.

С. И. Гусев настаивал также на сохранении милитаризации промышленности, широком использовании трудовых мобилизаций, строжайшей централизации планирования. Таким образом, методы военного руководства экономикой должны были по-прежнему оставаться в основе структуры и работы создаваемого планового органа.

В докладе о деятельности СНК на VIII съезде Советов В. И. Ленин специально остановился на книге С. И. Гусева и подверг критике некоторые его предложения. Он указывал, что в предсъездовской литературе правильно поставлена задача создания единого органа планового руководства хозяйством. Поставлена она и в брошюре С. И. Гусева, «которая, кстати сказать, не так удачна, как была удачна его предыдущая брошюра» [13], говорил Владимир Ильич. Он критиковал новую работу Гусева за «размашистый план» образования хозяйственного центра и требование освобождения его членов от поста наркома и других руководящих должностей.

«Поменьше такого фантазерства», — напоминал Владимир Ильич, предлагая «работать сейчас с осторожностью, в меру необходимости, на основании практического опыта изменяя наш аппарат» [14].

В. И. Ленин полемизировал с Гусевым и по другому вопросу. Он решительно возражал автору брошюры и всем противникам подготовки многолетних планов [15]. Когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, находятся нередко скептики, указывал Владимир Ильич, которые говорят: «где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог

[12] С. И. Гусев. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920.

[13] Речь идет о брошюре С. И. Гусева «Очередные вопросы хозяйственного строительства», изданной к IX съезду РКП(б), т. е. в начале 1920 г.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 155.

[15] Так, в своей книге С. И. Гусев писал: «Пятилетние планы! Будьте милостивы! Кто возьмется более или менее точно определить, какая у нас будет хозяйственная обстановка не через пять лет, а хотя бы через год?» (С. И. Гусев. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат, стр. 29).

сделать и то, что нужно сейчас. Товарищи, нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период и на серьезный успех... Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построишь...» [16].

Общее руководство единым хозяйственным планом Ленин предлагал возложить на Совет Труда и Обороны, который должен был быть реорганизован и работать на правах комиссии Совнаркома. «До сих пор мы работали в Совете Труда и Обороны без всякой конституции» [17], — говорил он на VIII съезде Советов. Теперь необходимо всю деятельность СТО и согласование работы экономических народных комиссариатов связать непосредственно с разработкой единого хозяйственного плана.

Эти ленинские предложения были закреплены в постановлении VIII съезда Советов «О Совете Труда и Обороны», где прямо указывалось, что именно СТО «устанавливает единый хозяйственный план Российской Социалистической Федеративной Советской республики, представляет его на утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направляет работы экономических народных комиссариатов [18] сообразно этому плану, наблюдает за его осуществлением и устанавливает в случае необходимости изъятия из этого плана» [19].

По решению съезда «О местных органах экономического управления» на местах создавались губернские экономические совещания для согласования деятельности местных органов экономических народных комиссариатов. В этом постановлении был сделан и первый шаг в сторону известной децентрализации управления народным хозяйством. «Центры и главки Высшего Совета народного хозяйства, — говорилось в нем, — реорганизуются в органы руководящие, дающие задание, регулирующие, контролирующие работы губернских советов народного хозяйства на основе единого государственного хозяйственного плана; непосредственное же управление предприятием передается в ведение губернских советов народного хозяйства по соответствующим отделам. В изъятие из этого в непосредственном ведении управления Высшего Совета народного хозяйства, его отделов, главков и центров остаются лишь предприятия, явно поддающиеся трестированию (как-то: крупные металлические заводы, электроустановки, горное дело и т. п.)» [20].

Обеспечивая руководство СТО всей работой по единому хозяйственному плану, Ленин продумывал одновременно возможность создания специального органа (на правах комиссии СНК) для осуществления плана.

Согласование планов всех хозяйственных ведомств и «объединение работы экономических комиссариатов по выработке единого хозяйственного плана» — такое задание было дано экономической комиссии

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 153—154.
[17] Там же, стр. 155.
[18] В Совет Труда и Обороны, согласно этому постановлению, входили народные комиссары: по военным делам, труда, путей сообщения, земледелия, продовольствия, РКИ, председатель ВСНХ и представитель ВЦСПС. С правом совещательного голоса в работе СТО участвовал управляющий ЦСУ.
[19] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939. стр. 182.
[20] Там же, стр. 168.

Совнаркома, организованной, по предложению Ленина, в конце октября 1920 г.

В проекте постановления об экономической комиссии, написанном Лениным 1 декабря 1920 г., предлагалось расширить деятельность СТО, включив в его компетенцию следующие три задачи: «1) (а) объединение всей работы экономических наркоматов; 2) (б) утверждение и осуществление единого хозяйственного плана РСФСР; 3) (в) направление работы экономических наркоматов сообразно этому плану, а равно установление, в случаях необходимости, изъятий из этого плана» [21].

Вскоре после создания экономической комиссии В. И. Ленин в письме к Г. М. Кржижановскому от 6 ноября 1920 г. отметил, что в эту комиссию «не вошло вовсе ГОЭЛРО!», и тут же добавил: «По моему, это неправильно: чего стоят все „планы“ (и все „плановые комиссии“ и „плановые программы“) *без плана электрификации*? Ничего не стоят» [22].

Отсюда и возникла первоначально идея превращения ГОЭЛРО в единый плановый центр, плановую комиссию при СНК. «Собственно говоря, — писал Владимир Ильич в этом же письме, — ГОЭЛРО и должно быть единым плановым органом при СНК, но так прямо и грубо это не пройдет, да и неверно будет. Надо обдумать (спешно, до завтра), как следует поставить вопрос». Тут же предлагались следующие три варианта его решения: «Может быть: 1) в *экономический отдел* Малого Совнаркома ввести с совещательным голосом председателя ГОЭЛРО? 2) ГОЭЛРО сделать *постоянной* комиссией при СНК, ибо она готовит и *проводит,* должна проводить электрификацию и для ВСНХ, и для НКЗема, и для НКПС и т. д. 3) *все* плановые комиссии при всех наркоматах связать, соподчинить с ГОЭЛРО. Но как?

Создать еще одну комиссию *при* ГОЭЛРО из председателей *всех* отдельных плановых комиссий? или как иначе?» [23]

План превращения ГОЭЛРО в единый плановый центр продолжал продумываться Лениным и в последующие месяцы. Так, в январе 1921 г. в «Заметках о ГОЭЛРО» Ленин записал уже более определенно: «**ГОЭЛРО**, как плановый орган» [24].

Однако к середине февраля возник новый вариант решения.

17 февраля 1921 г. В. И. Ленин получил проект Положения о Государственной комиссии по электрификации России, первый пункт которого гласил: «Государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), образованная согласно постановления Совета Труда и Обороны от 24 марта 1920 г., причисляется к Совету Труда и Обороны в качестве органа по дальнейшей разработке общего плана электрификации РСФСР на основе единого общегосударственного хозяйственного плана и общего наблюдения за осуществлением плана электрификации» [25].

Внимательно ознакомившись с проектом этого положения, Ленин дает следующую, совершенно новую формулировку первого пункта: «При СТО создается общеплановая комиссия для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 52.
[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 1.
[23] Там же.
[24] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 184.
[25] «Исторический архив», 1961. № 5, стр. 8.

8-м Всероссийским съездом Советов плана электрификации и для общего наблюдения за осуществлением этого плана» [26].

Итак, не ГОЭЛРО как единый плановый центр, а создание специальной Общеплановой комиссии, составной частью которой является ГОЭЛРО — таков основной итог ленинских размышлений и поисков.

Причины такого изменения становятся ясными при учете ленинских замечаний на последующие пункты проекта Положения о ГОЭЛРО. Во втором параграфе излагались конкретные задачи ГОЭЛРО *только* в области электрификации, а также рассмотрения и утверждения строительного плана Электростроя и «производственной программы электротехнической промышленности». В. И. Ленин предложил его «переделать согласно новому § 1», а потом добавил: «§ 2 долой, ибо это *только* электрификационная часть или часть Электроподкомиссии» [27].

Таким образом, Общеплановая комиссия мыслилась как орган широкого профиля, обеспечивающий плановое руководство *всеми* отраслями народного хозяйства на основе единого хозяйственного плана. Так это и было записано в декрете СНК от 22 февраля 1921 г., которым на Госплан возлагались как «разработка единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления», так и «рассмотрение и согласование с общегосударственным планом производственных программ и плановых предположений различных ведомств, а также областных (хозяйственных) организаций по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ» [28].

В предложениях Ленина 17 февраля был сформулирован еще один новый, важный пункт при определении компетенции Общеплановой комиссии: «Хозяйственные задачи первой очереди, — говорилось в этом пункте, — и в особенности те, которые должны быть осуществляемы в ближайший срок, в частности в течение 1921 года, должны быть разработаны общеплановой комиссией или ее подкомиссией наиболее детально, с полным учетом наличных условий конкретной экономической действительности» [29]. Не только перспективные планы развития народного хозяйства, но и подготовка текущих хозяйственных планов на каждый год в отдельности — все эти задачи возлагались отныне на Общеплановую комиссию.

Составив свои предложения, Ленин присоединил к ним и проект предварительного списка членов Госплана. Причем, в один и тот же день — 17 февраля — Ленин составил два списка: первый приложен к его замечаниям на проект Положения о ГОЭЛРО [30] и включал 15 человек, а второй был добавлен к его проекту «Основного пункта постановления СТО об Общеплановой комиссии» и состоял уже из 27 фамилий [31].

Можно предположить, что, ознакомившись утром 17 февраля с проектом Положения о ГОЭЛРО и составив свои предложения, которые 18 февраля должны были обсуждаться в СТО, Ленин, захватив с собой

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 338.
[27] «Ленинский сборник», XXXV, стр. 225.
[28] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. М., 1957, стр. 203.
[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 338.
[30] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 9.
[31] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 24.

материалы, в 12 час. 30 мин. дня уехал в санаторий «Архангельское», где находился в это время Г. М. Кржижановский, и согласовал с ним проект постановления СТО. Там же был обсужден и расширенный список состава Общеплановой комиссии. Вернувшись в 7 час. вечера 17 февраля в Москву, Ленин направил всем членам СТО свои предложения, предпослав им следующую записку: «Внося завтра (18/II) в СТО проект постановления об общеплановой комиссии, предлагаю — к сведению — проект основного пункта постановления и предварительный список членов (составленный после совещания с т. Рыковым и т. Кржижановским). Прошу изготовить к заседанию СТО 18/II поправки или контрпроект» [32].

18 февраля в 6 час. вечера началось заседание Совета Труда и Обороны, заслушавшего сообщение В. И. Ленина о проекте Положения Общеплановой комиссии. Судя по ленинской записи прений и списку выступавших на этом заседании [33], обсуждение было длительным и бурным. Основными оппонентами выступали В. П. Милютин, Ю. Ларин, Н. Осинский, А. И. Рыков. В. И. Ленин брал слово три раза, постоянно внося себя в список ораторов, в порядке очереди.

Чтобы понять, о чем шел спор, следует возвратиться к той дискуссии, которая развернулась в печати (особенно в газете «Экономическая жизнь») еще с конца 1920 г. и особенно в феврале 1921 г. по вопросу о едином хозяйственном плане. Одна за другой публиковались статьи Л. Крицмана «О хозяйственном плане» [34], Ю. Ларина «Методы разработки единого хозяйственного плана» и «План электрификации РСФСР» [35], В. М. Смирнова «Единый хозяйственный план» [36] и др.

17 февраля в Социалистической академии с докладом и тезисами на тему «О методах разработки единого хозяйственного плана» выступил В. П. Милютин, а в прениях приняли участие Ю. Ларин, Л. Крицман, В. Смирнов, А. Ерманский и др. В условиях, когда план ГОЭЛРО был уже одобрен VIII съездом Советов, продолжались бесплодные мудрствования и абстрактные рассуждения о плане вообще и о методах его составления. В. П. Милютин прямо подверг критике план ГОЭЛРО, указывая, что «с точки зрения методологической он построен неправильно» и составлен «в порядке лишь механической „увязки“ факторов производства» [37].

В статьях Ю. Ларина основной тезис сводился к тому, что план ГОЭЛРО является чисто техническим планом, он и составлен техниками, а не экономистами и поэтому дает программу только «технического преобразования России».

Именно эту точку зрения Ю. Ларин, В. Милютин и Н. Осинский защищали на заседании СТО 18 февраля при обсуждении вопроса о создании Общеплановой комиссии. «Дело не кончается одной техникой», «Только экономисты могут сделать», — так кратко записал Ленин суть их выступлений в СТО [38]. В. И. Ленина, очевидно, особенно возмутил

[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 338.
[33] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 20—22.
[34] «Экономическая жизнь», 9, 16, 20 февраля и 2 марта 1921 г.
[35] Там же, 20 и 24 февраля 1921 г.
[36] Там же, 23, 24, 27 февраля 1921 г.
[37] Там же, 19 февраля 1921 г.
[38] «Ленинский сборник», XX, стр. 20—21.

аргумент Осинского, что план ГОЭЛРО фактически еще не утвержден, а только «одобрен» VIII съездом Советов. «„Не утвердил, а одобрил“... бюрократизм... Новый съезд!!?» — эти слова Ленин дважды выделил в записи прений и в заметках для своего заключительного слова [39].

Он подверг также критике предложение Рыкова, что с созданием Общеплановой комиссии «не надо спешить», а план ГОЭЛРО можно утвердить после VIII электротехнического съезда, созыв которого первоначально намечался на апрель 1921 г.

Серьезные возражения встретил намеченный В. И. Лениным и согласованный с Г. М. Кржижановским предварительный список состава Общеплановой комиссии. Ю. Ларин и Н. Осинский доказывали, что среди членов Госплана преобладает «техническая группа» и очень мало экономистов-коммунистов. Поэтому Ларин требовал «во главе технической группы, предложенной т. Лениным» поставить «экономический президиум» в составе: Кржижановского, Ларина, Крицмана, Смирнова, Пятакова, Осинского и Варги, а также ввести в Общеплановую комиссию экономистов-статистиков — Стопани, Струмилина и Громана [40].

Отдельные возражения, очевидно, вызвала и кандидатура Г. М. Кржижановского на пост председателя Госплана. Во всяком случае, при записи речи Осинского Ленин дважды отметил следующие его слова: «Я не полагаюсь на Кржижановского», «Кржижановский не администратор» [41].

Суммируя прения в «Заметках для заключительного слова», Ленин записал: «„Дело затемняется“... *бюрократизмом* (*Рыков*)... и *литературщиной* (*Милютин, Ларин* и *Осинский*)». Высмеивая эту «литературщину» и замену живого дела абстрактными и бесплодными «тезисами», Владимир Ильич выразил свое мнение на этот счет в следующих четырех строках:

«Мужик рубит,
Лошадь везет,
Сов[етский] служ[ащий] крадет,
эк[ономи]ст пиш[ет] тез[исы]» [42].

В итоге обсуждения 18 февраля было решено: «...Назначить в понедельник 21 февраля в 6 часов вечера экстренное заседание СТО, поставив на повестку дня: 1) Проект положения о государственной Общеплановой комиссии, 2) Рассмотрение работы комиссии по объединению экономических наркоматов.

...Предложить всем членам СТО, желающим внести поправки или контрпредложения как по вопросу о задачах Общеплановой комиссии, так и составе ее, прислать их в Секретариат СТО в письменной форме не позднее чем к 12 часам дня в понедельник 21.II» [43].

Однако заседание СТО 21 февраля не состоялось и принятие окончательного решения было перенесено на заседание Совнаркома 22 февраля 1921 г. Заслушав доклад В. И. Ленина о проекте положения об Обще-

[39] Там же, стр. 21.
[40] См. там же, стр. 23.
[41] Там же, стр. 20—21.
[42] Там же, стр. 21.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 191, лл. 2—3.

плановой комиссии, Совнарком постановил: «Утвердить положение о государственной Общеплановой комиссии и список членов, предложенный т. Лениным.

Председателем комиссии утвердить Кржижановского.

Пополнить комиссию экономистами-статистиками, передав кандидатуры т.т. Ларина, Струмилина, Попова, Середы, равно как и вопрос о дальнейших пополнениях комиссии, на согласование СТО при участии председателя плановой комиссии т. Кржижановского»[44].

Так 22 февраля 1921 г. был принят исторический ленинский декрет о Госплане, определивший создание Общеплановой комиссии при СТО и задачи, которые на нее возлагались.

При принятии этого постановления В. И. Ленин, как мы видим, учел замечания, в частности о пополнении состава комиссии экономистами-статистиками (кандидатуры П. И. Попова и С. П. Середы, можно полагать, были поддержаны Лениным). Владимир Ильич внимательно отнесся и к предложению Г. М. Кржижановского о включении в состав Госплана рабочего-электромонтера В. З. Есина, члена партии с 1913 г., активного участника Октябрьской революции и гражданской войны. Запросив отзывы о В. З. Есине[45] и получив положительную характеристику[46], Ленин счел возможным включить его в число членов Госплана[47].

Не возражая против расширения и пополнения состава Общеплановой комиссии, Ленин в то же время продолжал отстаивать свой замысел — в Госплане должны абсолютно преобладать и составлять его основу ведущие ученые-специалисты, особенно те, которые уже были проверены на работе в ГОЭЛРО. Прямая преемственность с ГОЭЛРО создавалась и назначением председателя ГОЭЛРО Г. М. Кржижановского председателем Госплана.

Принципиальное значение вопроса о составе Госплана Ленин подробно объяснил в статье «О едином хозяйственном плане», опубликованной в «Правде» 22 февраля, т. е. в день, когда СНК принял постановление о создании Общеплановой комиссии. В этой статье была дана резкая критика той точки зрения, которую высказывали Ларин, Крицман и Осинский на заседании СТО 18 февраля и на страницах «Экономической жизни». Внимательно ознакомившись со статьями и тезисами В. П. Милютина, Ленин еще 19 февраля писал Г. М. Кржижановскому: «О плане Милютин пишет вздор. Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства. Это опасность великая. Ее не видит Милютин»[48].

19 февраля Ленин начал статью «О едином хозяйственном плане» и закончил ее 21 февраля. Полемизируя со своими оппонентами, Владимир Ильич дал следующую общую оценку их статей: «Скучнейшая схоластика, ... схоластика то литераторская, то бюрократическая, а живого

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 411, л. 3. Список членов Госплана Ленин дополнил четырьмя фамилиями экономистов (Крицман, Ларин, Попов, Струмилин) после обсуждения состава Госплана на заседании СТО 18 февраля.

[45] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 73—74.

[46] См. там же, прим., стр. 367—368.

[47] В. З. Есин. В. И. Ленин об электрификации. — «О Владимире Ильиче Ленине». М., 1963, стр. 508—509.

[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 76.

дела нет». Он упрекал этих «коммунистических литераторов» и «коммунистических администраторов» в том, что они не пропагандируют уже выработанного плана, а пишут тезисы и занимаются пустыми рассуждениями о том, как подойти к выработке плана, в то время, когда план уже есть и «мы имеем законное право гордиться этой работой» [49].

Обосновывая необходимость широкого привлечения к работе Госплана беспартийных специалистов, иногда даже чуждых еще Советской власти, Ленин учил, что задача группы коммунистов внутри Госплана заключается в том, чтобы «остерегаться увлечения командованием», «научиться скромности и уважению к деловой работе „специалистов науки и техники“» [50], «отвергать „коммунистическое“ чванство дилетантов и бюрократов» [51] и вообще «поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники („они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками“, как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма *не так,* как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки,* что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [52]

В этих замечательных ленинских словах заключалась глубоко продуманная программа привлечения специалистов старой школы к делу социалистического строительства, завоевания лучшей части буржуазной интеллигенции. Знаменательно, что эта мысль в такой конкретной и яркой форме была высказана В. И. Лениным именно в связи с вопросом о составе Госплана. Настаивая на преобладании в Общеплановой комиссии прежде всего так называемых «спецов», Ленин утверждал, что «коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально, такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много, и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца» [53].

Такая категоричность формулировки, очевидно, объяснялась необходимостью отстоять свою точку зрения в условиях острой борьбы, которая шла вокруг вопроса о составе Госплана и продолжалась даже после утверждения Совнаркомом предварительного списка его членов, предложенного Лениным.

Дискуссия о Госплане не затихла на страницах газеты «Экономическая жизнь» и после опубликования статьи В. И. Ленина «О едином хозяйственном плане». В статье Ю. Ларина, напечатанной 24 февраля под названием «План электрификации РСФСР», по-прежнему доказывалось, что план ГОЭЛРО по существу не дает ничего нового, а «основная сеть электрических станций, намеченная ГОЭЛРО, — результат природных условий и достижений русской техники за все последнее десятилетие». Поэтому так важно привлечь в Госплан не техников, писал

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 339, 343.
[50] Там же, стр. 347.
[51] Там же, стр. 344.
[52] Там же, стр. 346.
[53] Там же.

Ларин, а экономистов. Л. Крицман в статье от 2 марта вновь утверждал, что «план электрификации — это еще не план государственного хозяйства, а лишь материал для него». В. М. Смирнов 27 февраля, буквально накануне X съезда партии, когда в ЦК уже было подготовлено решение о замене разверстки налогом, настойчиво доказывал на страницах «Экономической жизни», что «дух капиталистического общества — деньги — умирают и пользуются всеобщим презрением, даже у остатков буржуазии, предпочитающих им натуральный паек».

Позиция последних «бардов» военного коммунизма явно противостояла ленинской линии и той несомненно прямой связи между созданием Госплана и переходом к новой экономической политике, которую намечал В. И. Ленин. Недаром Г. М. Кржижановский писал: «...Отнюдь не исторической случайностью является то обстоятельство, что знаменитый поворот от продразверстки к продналогу с его свободой „местного оборота“ по времени как раз совпадает с организацией Госплана» [54].

И после X съезда партии сторонники коренного изменения состава Госплана не сложили оружия. Так, 20 марта 1921 г. на фракции РКП(б) второй сессии ВЦИК восьмого созыва при обсуждении доклада А. И. Рыкова по топливному вопросу Ю. Ларин вновь настаивал на пополнении Общеплановой комиссии и сосредоточении в ней всех крупных экономических сил партии. «Поэтому я предлагаю, — говорил он, — чтобы фракция предложила ЦК партии принять меры для усиления государственной Общеплановой комиссии экономическими партийными силами, т. е. добавить еще кого-нибудь к Ларину и к Крицману» [55].

М. Ф. Владимирский от имени бюро коммунистической фракции выступил с критикой этого предложения, требуя «отвергнуть часть резолюции т. Ларина, которая гласит о необходимости усиления состава Общеплановой комиссии партийными экономическими силами... Этот вопрос обсуждался в Совнаркоме и в СТО и отвергнут» [56].

Со справкой на фракции выступил Г. М. Кржижановский, сообщивший, что в состав Госплана включены члены ГОЭЛРО (8 человек) и 36 ученых и специалистов, работающих в государственных органах и учреждениях [57].

Суть спора убедительнее всего раскрыл Артем (А. Ф. Сергеев). Ларин продолжает выступать против плана электрификации, сказал он, отсюда и вытекает борьба по вопросу о составе Госплана. Поэтому необходимо предотвратить опасность создания «из Плановой комиссии дискуссионного клуба» [58].

Не *дискуссионный клуб,* а *орган деловой практической работы* — именно этого добивался В. И. Ленин, определяя состав Госплана. Спор шел совсем не о том, нужны ли в Госплане коммунисты — это ясно было само собой. Но в той обстановке, когда создавался Госплан, «коммунисты-инженеры, — как писал впоследствии С. Г. Струмилин, — не только в Госплане, но и по всей стране представляли редчайшее явление» [59].

[54] Г. М. Кржижановский. Сочинения, т. II. М., 1934, стр. 162.
[55] ЦПА ИМЛ, ф. 94, оп. 2, ед. хр. 18, л. 24.
[56] Там же, л. 34.
[57] Там же, л. 37.
[58] Там же, лл. 36—37.
[59] С. Г. Струмилин. На плановом фронте. 1920—1930 гг. М., 1958, стр. 248.

В таких условиях приходилось опираться на инженеров и ученых старой школы. Эта ленинская установка была испытана в годы гражданской войны в отношении военных специалистов и дала свои результаты. Однако борьба против использования «спецов» продолжалась и в мирные годы. Вновь и вновь приходилось давать бой антиспецовским настроениям и добиваться их преодоления.

С конца февраля и до апреля 1921 г. окончательно уточнялся состав Госплана и фактически Общеплановая комиссия в это время еще не приступала к работе.

В. И. Ленин глубоко продумывал расстановку сил в Госплане и его организационную структуру. 25 февраля, сообщая Г. М. Кржижановскому, что «Ларина Цека решил пока оставить», Ленин тут же добавлял: «Опасность от него величайшая, ибо этот человек по своему характеру срывает всякую работу, *захватывает власть*, опрокидывает всех председателей, *разгоняет спецов*, выступает (*без тени права на сие*) от имени „партии" и т. д.» [60] Владимир Ильич предупреждал Кржижановского, что на него ложится «тяжелая задача подчинить, дисциплинировать, умерить Ларина» [61]. Он советовал включить Ларина в подкомиссию по изучению, проверке и согласованию текущих хозяйственных планов, «уравновесив *его*, скажем, Середой, как образцом уравновешенности, нефантастичности, недерганья» [62].

Ленин предлагал также создать «*архитвердый* президиум» Госплана «обязательно *без* Ларина», чтобы этот президиум помогал Кржижановскому и снял с него административную работу. «Вы должны быть „душой" дела и руководителем *идейным* (в особенности отшибать, отгонять *нетактичных* коммунистов, способных разогнать спецов)... Ваша задача выловить, выделить, *приставить к работе* способных организаторов, администраторов (вроде Осадчего и т. п.) — дать *Центральному Комитету РКП возможность, данные, материал для оценки NB* ||||| *их*» [63].

Далее в ленинском письме примерно намечались основные секции, или подкомиссии Госплана. Особо Ленин подчеркивал обязательность индивидуальной ответственности членов Госплана за порученную им работу, а также подробного освещения в печати хода выполнения хозяйственных планов, их публичной критики и проверки.

Итоги всей подготовительной работы были подведены на заседании СТО 1 апреля 1921 г., когда утверждались два важнейших документа: «Основные положения организации Общеплановой государственной комиссии при СТО» и окончательный список членов Госплана [64].

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 80.
[61] Там же.
[62] Там же, стр. 81. В. И. Ленин нередко в своих выступлениях критиковал Ларина и его недостатки как работника, говорил об избытке у него фантазии и потому считал, что «государственное, хозяйственное, плановое, экономическое дело предоставить Ларину нельзя» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125). В то же время, добавлял он, «в его преданности и знании дела и тени ни у кого нет сомнения» и ценил Ларина как лектора, пропагандиста, талантливого журналиста, умеющего увлечь людей и принести в этой области большую пользу.
[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 81.
[64] «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 4—7.

«Основные положения» определяли права и задачи руководящего органа Госплана — Президиума — и разделение Госплана на следующие секции: энергетическую, промышленную, транспортную, сельскохозяйственную, а также подкомиссии: плановых предположений ближайшего года, учета и распределения хозяйственных ценностей, рабочей силы и организации труда [65].

Список членов Госплана, утвержденный 1 апреля, состоял из 35 человек (вместо 27 по списку 17 февраля). В Президиум Госплана входило пять человек (Г. М. Кржижановский — председатель, П. С. Осадчий — заместитель председателя, И. Г. Александров, А. Н. Долгов (ВСНХ), Л. Н. Крицман). Дополнительно были включены в состав Госплана: И. М. Губкин — председатель Главсланца при ВСНХ, С. П. Середа — член Президиума ВСНХ, работники НКПС — инженеры А. А. Неопиханов, Б. Н. Веденисов, Е. Э. Кениг и В. Н. Толстопятов. В сельскохозяйственную секцию кроме профессора Д. Н. Прянишникова ввели крупных ученых Петровской сельскохозяйственной академии — В. Р. Вильямса, М. И. Придорогина и В. Ю. Гана. Несколько лиц из списка 17 февраля не вошли в утвержденный 1 апреля состав Госплана (Ю. В. Ломоносов, А. В. Чаянов и др.).

Оценивая сложившийся к концу 1921 г. состав Госплана, Г. М. Кржижановский писал: «Число членов Госплана — около 40 человек. Примерно четверть состава — партийные коммунисты, большинство же состоит из инженеров и профессоров, пользующихся известным авторитетом по своим специальным работам» [66].

Экономисты и статистики были представлены в Госплане С. П. Середой, П. И. Поповым (ЦСУ), С. Г. Струмилиным, Ю. А. Лариным и Л. Г. Крицманом. Наиболее компактную группу составляли инженеры и ученые энергетики (Н. Н. Вашков, И. Г. Александров, Г. О. Графтио, К. А. Круг, Л. К. Рамзин, П. С. Осадчий, М. А. Шателен, А. Г. Коган и др.). Тщательно были подобраны специалисты по отдельным отраслям промышленности и транспорта: профессора В. Н. Ипатьев и С. П. Ланговой (химическая промышленность), инженер И. И. Феодорович (угольная), профессор С. А. Федоров (текстильная), профессор И. А. Калинников (металлопромышленность). Тот же принцип соблюдался в отношении сельского хозяйства (профессора Д. Н. Прянишников, В. Р. Вильямс и др.).

21 апреля 1921 г. В. И. Ленин подписал решение СТО «Условия обеспечения плодотворной работы членов Государственной общеплановой центральной комиссии», которое устанавливало усиленное снабжение членов Госплана: получение ими совнаркомовского пайка, создание фонда обмундирования и предметов широкого потребления для членов комиссии и постоянных консультантов, а также размеры заработной платы (100 тыс. руб. в месяц, разумеется, в ценах 1921 г.) и пожетонное вознаграждение в размере 3 тыс. руб. за посещение каждого засе-

[65] В дальнейшем были образованы новые секции. 1 июня 1921 г. СТО принял постановление о создании при Госплане подкомиссии по районированию, а 15 июня — подкомиссии внешней торговли и концессий. 3 ноября 1921 г. Президиум Госплана утвердил финансовую секцию.

[66] Г. М. Кржижановский. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана), вып. I, стр. 25.

дания [67]. Необходимость в таком большом материальном поощрении неизбежно вытекала из преобладания в Госплане буржуазных специалистов.

В. И. Ленин трезво оценивал трудности, связанные с персональным составом центрального планового органа. В докладе на III конгрессе Коминтерна, характеризуя технические силы, которые вовлечены в работу Госплана, он говорил, что «почти все они, правда, настроены против Советской власти» [68].

В письме к Г. М. Кржижановскому от 5 июня 1921 г. В. И. Ленин сообщал: «В Питере открыт новый заговор. Участвовала интеллигенция. Есть профессора, не очень далекие от Осадчего. Из-за этого куча обысков у его друзей *и справедливо.*

Осторожность!!!» [69]

Такие же предостережения о бдительности по отношению к буржуазным специалистам Ленин делал впоследствии неоднократно. В феврале 1922 г. он поставил перед Кржижановским вопрос о дальнейшем улучшении личного состава Госплана [70], а в своих декабрьских (1922 г.) записках «О придании законодательных функций Госплану» прямо предлагал поручить коммунистам Госплана «следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма» [71].

Вместе с тем Ленин был глубоко убежден, что подавляющая часть выдающихся ученых и специалистов будет честно работать, если они не только теоретически и не только на почве общей пропаганды коммунизма, а практически, в процессе хозяйственной работы, убедятся в тех огромных преимуществах, которые открывает советский строй перед наукой и научной деятельностью.

Конечно, в Госплане уже в первые годы шла острая борьба против буржуазно-реставраторских тенденций, проявлявшихся в работе отдельных его членов. Некоторые руководящие деятели Госплана — председатель промышленной секции И. А. Калинников, председатель топливной секции В. А. Ларичев, члены Госплана Н. Ф. Чарновский и Л. К. Рамзин предстали впоследствии (в 1930 г.) в качестве подсудимых на процессе «Промпартии», а В. Г. Громан и В. А. Базаров были осуждены по процессу «Союзного бюро меньшевиков» в 1931 г.

Но наряду с этим сколько крупнейших ученых и инженеров, прошедших школу ГОЭЛРО и Госплана, до конца своей жизни преданно служили Родине, обогащая выдающимися достижениями советскую науку и технику! Достаточно назвать имена Г. О. Графтио, И. М. Губкина, И. Г. Александрова, М. А. Шателена, А. Н. Долгова, А. А. Горева, К. А. Круга, А. Г. Когана, М. И. Боголепова, А. М. Терпигорева, чтобы оценить дальновидность и мудрость ленинской линии на привлечение буржуазных специалистов и старой буржуазной интеллигенции, в частности для работы в Госплане.

[67] «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 7—8.
[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 50.
[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 251.
[70] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 179.
[71] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 352.

Именно Госплан, по замыслу Ленина, должен был стать центром сплочения и перевоспитания лучших сил старых специалистов, вдохновляемых грандиозными задачами подъема производительных сил и огромными возможностями развития науки и техники, каких не было и не могло быть при капитализме. Об этом много раз рассказывал в своих выступлениях и статьях Г. М. Кржижановский.

«Я могу напомнить вам, — говорил он на заседании Президиума Госплана 6 октября 1923 г., — целый ряд замечаний Владимира Ильича, доказывавшего, что мы должны строить хозяйство в широком масштабе руками квалифицированных работников старого строя. Я должен сказать следующее, что попытка найти такие группы, на которые можно было бы опереться в положительной государственной работе, она выдвинута была Владимиром Ильичем и ему мы обязаны тем, что так быстро, вначале в комиссии по электрификации, потом в небольшом ядре деятелей по плановой работе, группе лиц была доверена непосредственная большая государственная работа. Это факт, определенный инициативой Владимира Ильича, его нажимом и его предусмотрительностью» [72].

Исключительное значение имела и ленинская инициатива в выборе кандидатуры на пост председателя Госплана. Известно, что В. И. Ленин был связан с Г. М. Кржижановским многолетней дружбой, начиная еще с Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а затем и по совместной ссылке в Сибири. Но дело было, конечно, не в этих дружеских связях, еще больше усилившихся после Октябрьской революции. Г. М. Кржижановский — крупный ученый-коммунист, инженер и энергетик по образованию (он закончил в 1894 г. Петербургский технологический институт), энтузиаст планового дела и «поэт энергетики», как его называли, — обладал именно теми качествами, которые особенно необходимы были как при решении задач, возложенных на Госплан в области планирования, так и, учитывая состав Общеплановой комиссии, в сплочении буржуазной интеллигенции.

Кандидатура Г. М. Кржижановского при обсуждении в ЦК вызвала некоторые возражения. «...в Цека указывалось, что Вы ведь, собственно, не администратор» [73], — писал В. И. Ленин Кржижановскому 25 февраля 1921 г. Ленин не считал, однако, это качество столь уже обязательным для руководителя комиссии экспертов в области науки и техники, какою был Госплан. «Я думаю, — писал он, — что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно, по технической, либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агрономии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей» [74].

Обладание «в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы» Ленин считал качествами, желательными вообще для руководителей советских государственных учреждений, а для Госплана в особенности. Он указывал также, что соединение способностей

[72] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 136, л. 71.
[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 81.
[74] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 350.

администратора и подлинного научного руководителя «в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо» [75].

Г. М. Кржижановский полностью оправдал доверие Ленина и с честью выполнил те задачи, которые на него возлагались. Почти 10 лет (до 1930 г.) он стоял во главе Госплана РСФСР, а затем Госплана СССР (за исключением двух лет, с декабря 1923 по ноябрь 1925 г., когда председателем Госплана СССР был назначен заместитель председателя Совнаркома и СТО А. Д. Цюрупа, а Г. М. Кржижановский являлся его заместителем).

Огромная и самоотверженная работа Г. М. Кржижановского в Госплане, его умение собрать, спаять, организовать коллектив, объединить усилия научно-исследовательской мысли давно уже заслуживают изучения. Но это задача самостоятельного исследования. Нам же предстоит рассмотреть деятельность Госплана в первые два года после его создания, когда всей работой Общеплановой комиссии непосредственно руководил В. И. Ленин.

2.

Указания В. И. Ленина о задачах работы Госплана и их реализации в деятельности Общеплановой комиссии в 1921—1922 гг.

В «Основных положениях» об организации Госплана, принятых СТО 1 апреля 1921 г. и подписанных В. И. Лениным, прямо указывалось, что председатель Госплана направляет работу Президиума «в соответствии с получаемыми от председателя Совета Труда и Обороны указаниями» [76]. Определив задачи председателя СТО по отношению к Госплану, Ленин последовательно и повседневно осуществлял руководство всей его работой.

3 апреля 1921 г. состоялось первое заседание Президиума Госплана, которое носило чисто организационный характер. Было намечено следующее распределение членов Госплана по секциям и подкомиссиям: секция энергетики — председатель Г. М. Кржижановский, промышленная секция — проф. А. Н. Долгов, транспортная — И. Г. Александров, сельскохозяйственная — С. П. Середа, подкомиссия плановых предположений текущего года — Г. М. Кржижановский, внешней торговли и концессий — П. С. Осадчий, учета и распределения материальных ресурсов — С. Г. Струмилин [77].

5 апреля на втором заседании Президиума Г. М. Кржижановский выступил с речью о целях работы Госплана [78]. Текст этой речи он предварительно послал В. И. Ленину и получил подробные рекомендации Владимира Ильича о первоочередных задачах Общеплановой комиссии [79].

[75] Там же, стр. 351.
[76] «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 4.
[77] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 34, л. 1—1 об.
[78] Там же, л. 2.
[79] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 128—129. В примечании к письму В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому (там же, стр. 384) указывается, что ленинские замечания относятся к тексту речи Г. М. Кржижанов-

По существу в этом ленинском документе в развернутом виде повторялись указания, данные еще в письме к Кржижановскому от 19 февраля. Уже тогда Ленин предупреждал об опасности бюрократизации плана, о необходимости трезво учитывать степень разорения страны. «Мы нищие. Голодные, разоренные нищие» и поэтому «целый, цельный, настоящий план для нас теперь=„бюрократическая утопия". Не гоняйтесь за ней». Отсюда и следовало предложение «тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* **важнейшее**, минимум предприятий и **их поставить**» [80].

Полтора месяца спустя, в начале апреля, в письме по поводу первой речи Кржижановского в Госплане, развивая ту же мысль, Ленин указывал: «Главный недостаток ее: слишком много об электрификации, слишком мало о *текущих* хозяйственных планах. Не на том сделано главное ударение, на чем надо» [81].

Предупреждая возможность увидеть в этом замечании какое-либо умаление плана электрификации, Владимир Ильич тут же добавлял: «Когда я имел перед собой коммунистических „вумников", кои, не читав книги „План электрификации" и не поняв ее значения, болтали и писали глупости о плане вообще, я должен был носом тыкать их в эту книгу, ибо иного плана серьезного нет и быть не может.

Когда я имею перед собой *писавших* эту книгу людей, я бы стал *носом* тыкать их *не* в эту книгу, а *от нее* — в вопросы *текущих* хозяйственных планов.

Займитесь ими теперь, господа профессора! Ваша электрификация in allen Ehren! [82] Ему же честь, честь... А общеплановая комиссия государства *не* этим сейчас должна заняться, а немедленно изо всех сил взяться за *т е к у щ и е* хозяйственные планы» [83].

В соответствии с такой установкой Ленин предлагал немедленно выделить примерно одну-две подкомиссии на электрификацию, восемь-девять подкомиссий на текущие хозяйственные планы. «Вот как распределить силы на 1921 год» [84], — этими словами заканчивал он свое письмо.

В двух последующих письмах Г. М. Кржижановскому от 12 и 13 апреля Владимир Ильич доказывал необходимость срочного учета топливных ресурсов и составления топливного, а затем продовольственного планов на 1921 г. Здесь же (в письме от 13 апреля) он впервые поставил перед Госпланом вопрос о наметках импортного плана: «какие закупки за границей необходимы, чтобы *во что бы то ни стало* победить самую острую нужду, т. е. непременно дополучить недостающее продовольствие... и дополучить необходимый minimum топлива» [85].

Продовольствие, топливо, состояние транспорта — вот что должно было составить основу производственных планов развития промышленности на текущий год. В известном письме «Тов. Кржижановскому в пре-

ского на *первом* заседании Госплана 5 апреля 1921 г. На самом деле, как видим, речь шла о *втором* заседании Госплана.

[80] Там же, стр. 76.

[81] Там же, стр. 128.

[82] в полном почете!

[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 128—129.

[84] Там же, стр. 129.

[85] Там же, стр. 143.

зидиум Госплана» от 14 мая 1921 г., указывая, что за «исходный пункт следует взять продовольствие», Ленин советовал приурочить выработку общегосударственного хозяйственного плана на ближайший период «хотя бы ко времени сбора урожая»[86]. С этим предложением связано одно из первых мероприятий Госплана — установление сроков операционного хозяйственного года Республики. 14 апреля Президиум Госплана поручил секции учета и распределения представить свои соображения по этому вопросу, а в начале июня по докладу С. Г. Струмилина было решено, что наиболее целесообразным сметным сроком является 1 января, а началом операционного хозяйственного года — 1 октября[87]. 14 июня 1921 г. Президиум Госплана принял окончательное решение: «Плановый год установить с 1 октября по 1 октября, разбить этот год на четыре части, сметный же год, впредь до выяснения бухгалтерских данных, сохранить прежний, т. е. с 1 января по 1 января»[88].

Причины такого определения начала хозяйственного года Г. М. Кржижановский объяснял следующими обстоятельствами. «...В настоящее время, — писал он в конце 1921 г., — приходится признать, что „господин урожай" властно вторгается во все наши плановые предположения. А так как и все наше топливоснабжение в ближайшие годы в преобладающей степени связано с заготовками дровяного топлива, носящего также сезонный характер (лесорубка и сплав), то выходит, что со стороны этих двух важнейших предпосылок для планирования народного хозяйства, т. е. со стороны продовольствия и топлива, наиболее целесообразно считать и самый хозяйственный год не с обычного календарного срока, а с того месяца, когда могут быть с достаточной ясностью выяснены итоги урожая и топливных заготовок. Всесторонне обсудив этот вопрос и приняв в соображение особенности той сметной работы, которую необходимо учесть всем нашим ведомствам при плановом характере хозяйства, секция учета и распределения установила начальным сроком хозяйственно-операционного года 1 октября»[89].

Такое решение несомненно вытекало из самого духа ленинских указаний Госплану, и в печати это было впоследствии специально отмечено[90].

[86] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 260.
[87] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 34, л. 46.
[88] Там же, л. 68.
[89] Г. М. Кржижановский. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана), стр. 27.
[90] В журнале «Плановое хозяйство» (1925, № 9, стр. 133) прямо указывалось, например, что «начало хозяйственного и бюджетного года с 1 октября было установлено по указанию В. И. Ленина Госплану в 1921 г.» В. И. Ленин, — подчеркивал автор статьи, — исходил при этом из того, что к 1 октября заканчиваются не только сельскохозяйственные работы, но и сезонные топливозаготовительные, сплав леса, торфозаготовки и навигация. Появление этой статьи было связано с тем, что в конце восстановительного периода некоторые ведомства поставили перед Госпланом вопрос о перенесении начала хозяйственного года вновь на 1 января. Госплан поручил своим секциям изучить вопрос и внести свои предложения (ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 229, л. 129). 19 марта 1926 г. СТО СССР заслушал доклад Госплана «О возможности и целесообразности исчисления хозяйственного и бюджетного года с 1 января» и постановил: «оставить старое исчисление хозяйственного года с 1 октября» (ЦГАОР СССР, ф. 5674, оп. 1, д. 16, л. 281). Перенос хозяйственного года с 1 октября на 1 января был осуществлен только в 1931 г., когда массовая коллективизация и успехи индустриализации «укрепили и повысили роль пла-

В письме в Президиум Госплана от 14 мая, как и в последующих письмах, Ленин дал важнейшие указания промышленной секции по подготовке текущих планов промышленности. «Единого государственного плана хозяйства у нас пока почти еще не чувствуется, — писал он. — Преобладает стремление „поднять" все и вся, все отрасли хозяйства, даже все предприятия, оставшиеся по наследству от капитализма» [91]. Отсюда и вытекал ленинский план «концентрации производства в немногих лучших предприятиях», разделения промышленности на несколько групп, план, основанный на попытке «выделить и подсчитать: (а) предприятия (с числом рабочих), которые безусловно необходимы государству, и (б) предприятия — с числом рабочих в них, — которые держатся по традиции, по рутине... которые следовало бы закрыть с точки зрения рационального хозяйничания...» [92]

Расчет того, в скольких крупных предприятиях можно бы сосредоточить все производство и сколько временно закрыть, — «это, по-видимому, важнейший вопрос, — указывал Ленин Госплану, — который требует особенно тщательного изучения», как статистического, так и экономического [93]. Он предлагал также особое внимание обратить на «промышленность, дающую предметы, годные для обмена на хлеб, для получения в обмен хлеба внутри страны» [94].

В конце июня—начале июля Госплан начал готовить свой первый доклад в СТО. Одним из поводов для его постановки послужила статья Ю. Ларина в «Правде» под названием «Тайны советской промышленности». В этой статье давалась резкая критика Госплана за якобы академический характер его деятельности. Автор утверждал, что ожидания, которые возлагались на этот орган, явно не оправдались, и не преминул напомнить, что причина заключается якобы в том, что «проведенное нами на фракции мартовской сессии ВЦИК пожелание фракции об усилении Госплана экономистами-коммунистами для придания его работе более твердого и более близкого к потребностям времени характера... пока не привело еще к назначению туда еще каких-нибудь товарищей» [95].

В. И. Ленин был глубоко возмущен всем тоном статьи Ю. Ларина и на следующий день, 10 июня, писал Г. М. Кржижановскому, что для доклада в СТО надо «через две-три недели дать обзор *фактов* работы, а в примечании презрительно против неработающих коммунистов?» [96] (т. е. против Ларина). В следующем письме от 11 июня он подробно остановился на том, какие материалы должны быть собраны для этого доклада [97]. Так по инициативе Владимира Ильича возникла идея доклада Госплана в СТО.

Г. М. Кржижановский в своих ответных письмах В. И. Ленину писал о возникшем проекте предложить Ларину выступить на пленуме Гос-

нового начала во всем народном хозяйстве» (см. постановление ЦИК и СНК СССР «О переносе начала хозяйственного года с 1 октября на 1 января» от 20 сентября 1930 г. — «Известия», 21 сентября 1930 г.).

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 260.
[92] Там же, стр. 263.
[93] Там же, стр. 262.
[94] Там же, стр. 263.
[95] «Правда», 9 июня 1921 г.
[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 270.
[97] См. там же, стр. 270—271.

плана и «поделиться своими мудрыми соображениями о методологии работы Госплана», чтобы разоблачить его бесплодные мудрствования. В заключение письма от 10 июня, где подробно излагалось исполнение ленинских поручений, Г. М. Кржижановский с горечью и волнением писал: «В остальном прочем — чувствую недостаток сил и способностей для той огромной работы, контуры коей вырисовываются (лишь вырисовываются) передо мной. Но об этом при личном свидании» [98].

13 июня Кржижановский направил Ленину первый вариант своей статьи «Нашим критикам». Предельно занятый в это время подготовкой к III конгрессу Коминтерна, В. И. Ленин внимательно прочитал статью и в письме от 2 июля дал к ней постраничные замечания [99]. В этом же письме Владимир Ильич сформулировал задачи, которые следовало положить в основу доклада Госплана. Он указывал, что надо на конкретных примерах «выставить ясно нечто *достигнутое фактически*,... конкретно осуществленное, а не общее и предположенное», учитывая при этом, что общий и сводный план можно подготовить не раньше осени, ибо «дать его *нельзя* до приблизительного выяснения урожая» [100].

В заключение Ленин напоминал, что главным по-прежнему остается: «немедленно, тотчас, „по кусочкам“ *устранять явно нерациональное, явно противоречащее плану государственного хозяйства*» [101].

Через два дня — 4 июля 1921 г. — в замечательном документе «Мысли насчет „плана“ государственного хозяйства», Владимир Ильич, как бы суммируя все свои предшествующие советы, дал основное указание: при составлении планов рассчитывать не на лучшее, а на худшее, чтобы над планами не смеялась жизнь, чтобы они действительно выполнялись. Для этого необходимы точный расчет продовольственных ресурсов на 1921 г. и подготовка списка лучших предприятий (по отраслям промышленности), которые можно обеспечить продовольствием, топливом и сырьем. Ленин требовал засадить за эту работу 70% членов Госплана, если потребуется на 14 часов в сутки, добавляя: «пусть наука потерпит: пайки дали хорошие, надо заставить работать» [102].

8 июля 1921 г. СТО заслушал доклад Г. М. Кржижановского о работе Госплана и принял его к сведению. К сожалению, кроме краткого протокола заседания СТО никаких других материалов о ходе обсуждения не сохранилось. Однако, как уже было показано, основные положения доклада и задачи Общеплановой комиссии были необычайно тщательно и глубоко продуманы, определены и подготовлены с помощью В. И. Ленина в течение февраля—июля 1921 г.

Как же ленинские директивы, советы, указания были реализованы в практической деятельности Общеплановой комиссии?

Прежде всего отметим, что каждое письмо В. И. Ленина всегда, как правило, доводилось до сведения членов Госплана, подробно обсуждалось и становилось руководством к действию.

[98] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 10.
[99] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 7—8. В дальнейшем Кржижановский переделывал статью, получил новые советы Ленина (см. там же, стр. 185). Статья не была опубликована.
[100] Там же, стр. 8—9.
[101] Там же, стр. 9.
[102] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 64.

«Изучение текущих хозяйственных планов (1921 год) должно быть *индивидуализировано* обязательно. Каждый член Госплана отвечает за *такую-то* сторону или часть этой работы» [103], — говорилось в ленинском письме от 26 мая 1921 г. На заседании Президиума Госплана 2 и 3 июня был заслушан доклад Г. М. Кржижановского «по содержанию письма В. И. Ленина о распределении обязанностей между членами Госплана с точным установлением порядка ответственности за ход разработки тех или иных сторон вопроса о хозяйственном плане» [104].

Когда в письме от 10 июня Ленин вновь напомнил о необходимости «поспешить с индивидуализацией заданий» [105], Президиум Госплана в тот же день обсудил «письмо В. И. Ленина по вопросу о распределении между членами Госплана обязанностей по наблюдению за ходом разработки различных отраслей плана народного хозяйства» и постановил: «Довести до сведения В. И. Ленина циркуляр, разосланный секциям и подкомиссиям Госплана, с поручением распределить между членами Госплана обязанности по наблюдению за разработкой различных отраслей плана народного хозяйства» [106].

28 июня Президиум Госплана принял к сведению постановление сельскохозяйственной секции «о распределении обязанностей между членами секции согласно письма В. И. Ленина» [107].

В. И. Ленин уделял большое внимание созданию местных органов Госплана и в «Наказе от СТО» местным советским учреждениям (май 1921 г.) поставил специально вопрос: «Есть ли областные органы Госплана?» [108], а посылая Кржижановскому 25 мая проект «Наказа», напоминал ему: «Есть там вопросы Вашего „ведомства“: электрификация и местные органы Госплана» [109].

2 и 3 июня Президиум Госплана слушал доклад П. С. Осадчего о положении петроградской организации Госплана, а также о его беседе с В. И. Лениным о районных организациях Госплана.

20 мая в Совете Труда и Обороны в соответствии с указаниями Ленина обсуждался доклад Госплана об импортном плане, а 10 июня представитель транспортной секции доложил на Президиуме Госплана постановление секции «по письму В. И. Ленина о порядке составления транспортного плана на вторую половину 1921 г.» [110]

Длительно и особенно тщательно, как предлагал В. И. Ленин, готовился в Госплане продовольственный план на 1921 г. Только 31 августа, когда определились уже результаты этого тяжелого и неурожайного года, СТО заслушал доклад Госплана о государственном снабжении потребителей, где были подсчитаны продовольственные ресурсы на 1921—1922 гг., возможные поступления по продналогу и товарообмену, а также закупки хлеба за границей.

После строжайшей проверки результатов хлебного производства за 1921 г. было установлено, что на содержании государства могло быть

[103] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 210.
[104] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 34.
[105] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 270.
[106] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 34, л. 61.
[107] Там же, л. 76.
[108] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 288.
[109] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 210.
[110] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 34, л. 60.

оставлено не 38 млн. едоков, как в 1920—1921 г., а только около 9 млн.[111] Именно план распределения хлебных ресурсов должен был составить основу для текущих производственных планов промышленности.

Промышленная секция Госплана, первое заседание которой состоялось 12 апреля 1921 г., в начале своей деятельности занималась преимущественно заслушиванием информационных докладов о состоянии различных отраслей промышленности [112].

Серьезный поворот в работе секции произошел после письма В. И. Ленина в Президиум Госплана от 14 мая 1921 г., в котором предлагалось сосредоточить внимание на подготовке планов ближайшего года. Для ленинского стиля руководства характерны заключительные слова этого письма: «Прошу президиум Госплана, не внося пока моего предложения в пленум Госплана, сообщить мне свое заключение по поводу настоящего письма как большинства, так и отдельных членов президиума» [113].

Через три дня (17 мая) промышленная секция заслушала сообщение о постановлении Президиума Госплана, согласно которому промсекция была обязана в недельный срок представить свои соображения о скорейшей выработке плана текущего года.

«Постановление это вызвано, — говорилось далее в протоколе, — письмом тов. Ленина, адресованным президиуму Госплана, копии которого разосланы членам Госплана» [114].

В мае 1921 г. производственные программы на первое полугодие 1921 г. были уже составлены соответствующими ведомствами и ВСНХ. Характеризуя эти программы, Г. М. Кржижановский писал: «Инерция пережитков военной фазы нашего хозяйства сказалась на них в полной мере... Присматриваясь к программам, вы видите, что при составлении их безмолвно предполагается, что государственная власть является какой-то чудодейственной силой для удовлетворения потребностей страны в любых пропорциях. Искусственные разрывы в границах того или другого производства, отрыв дела снабжения от производственных органов, многочисленность опекающих инстанций, все это в последнем счете придавало производственным программам характер безответственных проектов, составленных, быть может, и с добрыми намерениями, но, с хозяйственной точки зрения, висящих в воздухе» [115].

Эти недостатки не были еще полностью изжиты и в производственных программах, представленных в Госплан на второе полугодие 1921 г. В докладной записке промсекции (октябрь 1921 г.) указывалось: «При рассмотрении программ на второе полугодие 1921 г. было констатировано, что программы составляются по прежнему методу и не представляют со-

[111] Г. М. Кржижановский. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана), стр. 29.

[112] Так, 19 апреля секция заслушала доклад о положении текстильной промышленности РСФСР, 26 апреля — о металлической промышленности, 6 мая — доклад И. М. Губкина о нефтяной промышленности, 10 мая — доклад о сахарной, чайной и кондитерской промышленности, 24 мая — о военной и кожевенной, 31 мая — об автомобильной и лесной, 7 июня — о положении и перспективах сланцевой промышленности и т. д.

[113] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 262—263.

[114] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 9, д. 2, л. 22.

[115] Г. М. Кржижановский. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана), стр. 64.

бой плана с точки зрения Госплана, что при составлении программ нужно исходить из реально выполняемых заданий, стремиться к концентрации производства, поднятию производительности труда и полному использованию оборудования предприятий». В докладной записке отмечалось также, что «вопросы, выдвинутые новым курсом экономической политики, остались совершенно не освещенными» [116].

Следует напомнить в этой связи, что кардинальная перестройка промышленности на рельсах нэпа интенсивно развернулась только во второй половине 1921 г. (эти вопросы будут подробно освещены в следующей главе), но новые принципы работы промышленности и, соответственно, принципы составления производственных программ были определены со всей ясностью в многочисленных указаниях В. И. Ленина Госплану, особенно в его письмах в мае—июле 1921 г. Руководствуясь этими директивами, Госплан начал разрабатывать основы составления реальных, экономически обоснованных планов, с учетом возможностей снабжения топливом, сырьем и продовольствием, при обязательной концентрации промышленного производства и выделении основной группы предприятий, остающихся на государственном снабжении.

При этом возникли общие вопросы: об основаниях и формах составления производственных программ, о принципах отбора первой группы предприятий, об объеме государственного планирования вообще. Они оказались очень трудными и подвергались длительному обсуждению. Специальная комиссия, созданная Госпланом, фактически смогла представить свои соображения уже не по плану на второе полугодие 1921 г., а на новый хозяйственный год (октябрь 1921—сентябрь 1922 г.).

Подготовка необходимых решений в сентябре и начале октября 1921 г. проходила сначала в промышленной секции, а потом, когда выявились отдельные серьезные разногласия, была перенесена на Президиум Госплана. 24 октября на его заседании слушался доклад «О принципах составления производственных программ» и обсуждались выработанные промышленной секцией «принципы, которые должны лечь в основание при составлении планов промышленности» [117]. Затем вопрос перенесли на рассмотрение объединенного заседания Президиума и промышленной секции Госплана 29 октября, где были приняты окончательные решения и утверждена специальная инструкция «для составления производственных программ на ближайшее время».

Спор шел по следующим двум основным вопросам. Во-первых, об объеме государственного планирования, о том, подлежат ли планированию все отрасли промышленности и все предприятия или только те, которые остаются на государственном снабжении. Во-вторых, о задачах отбора первой группы предприятий и о понимании принципа безубыточности и рентабельности применительно к условиям новой экономической политики.

По первому вопросу член Госплана В. М. Смирнов представил «особое мнение», настаивая на том, что государственный план должен охватывать только крупную промышленность [118]. Это мнение единодушно было отвергнуто, и в «Инструкции», принятой 29 октября, записано: «производствен-

[116] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 36, л. 153.
[117] Там же, лл. 150—152.
[118] См. там же, лл. 156—158.

ный план промышленности должен охватывать как в отношении производства, так и реализации все предприятия, принадлежащие государству, во-первых, находящиеся на собственном снабжении, во-вторых, снабжаемые из государственного фонда.

Кроме того, в производственном плане должны быть представлены сведения о количестве фабрикатов, которые должны быть изготовлены по заданиям производственных органов из государственного сырья, а также фабрикаты, отчисляемые в виде арендной платы по предприятиям, сданным в аренду и концессию» [119].

Таким образом, планированию подлежала вся без исключения национализированная промышленность (как остающаяся на государственном снабжении, так и снятая с него), а в государственном плане учитывалась также продукция концессионной и частной промышленности.

По вопросу о принципах отбора группы предприятий, остающихся на государственном снабжении, «Инструкция» устанавливала, что «для включения в хозяйственный план должен быть в спешном порядке произведен отбор наиболее жизнеспособных предприятий, т. е. могущих быть обеспеченными всеми элементами производства — оборудованием, сырьем, рабочей силой, поставленные в наиболее выгодные транспортные условия и работающие с наименьшими затратами, причем при соблюдении этих условий выбираются предприятия по преимуществу наиболее крупные и наилучше технически оборудованные, на которых и надлежит сосредоточить производство по возможности с полной нагрузкой». К этому было добавлено, что ввиду ограниченности ресурсов государственного фонда и трудностей, связанных с централизованным снабжением, все предприятия, включенные в хозяйственный план, подразделяются на две категории: а) обеспечиваемые сырьем, топливом и дензнаками за счет государства и б) переводимые на самоснабжение, причем в первую категорию включаются все наиболее важные для государственных нужд, а также наиболее рентабельные предприятия, а во вторую — все остальные, способные к безубыточному ведению дела [120].

Вокруг некоторых формулировок этих пунктов «Инструкции» развернулось широкое обсуждение, в ходе которого были внесены важные уточнения. Выступая на объединенном заседании Президиума и промышленной секции Госплана 29 октября, Г. М. Кржижановский говорил: «Мы знаем — у нас ресурсов мало и говорим: „Давайте жизнеспособные выделим“. Но если бы нам было доказано, что в данный момент жизнеспособны очень мелкие предприятия — кустарные, это не решило бы вопрос о том, что включать в государственную программу» [121].

Поэтому пункт «Инструкции» о соблюдении принципа рентабельности и безубыточности был сформулирован в довольно осторожной форме и говорил лишь о необходимости «стремиться к безубыточному ведению дела, разумея под последним возможность реализации продуктов не ниже себестоимости». К этому на заседании 29 октября было сделано еще следующее дополнение: «Исключение из принципа безубыточности возможно лишь для предприятий, развертывание которых возможно в порядке перспективного плана, и предприятий, продукты которых необходимы народ-

[119] Там же, л. 216.
[120] См. там же, л. 215 об.
[121] Там же, л. 198.

ному хозяйству, но которые не могут по условиям производства и реализации работать без убытка» [122].

Выработка руководящих указаний для составления производственных программ промышленности имела большое принципиальное значение. Впервые тогда, в октябре 1921 г., в Госплане состоялась одна из первых дискуссий по вопросам методологии планирования. Самое же главное заключалось в том, что было ясно и прочно зафиксировано коренное отличие методов планирования в условиях «военного коммунизма» и после перехода к новой экономической политике.

Этому и была посвящена книга Г. М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой комиссии (Госплана)», вышедшая в свет в декабре 1921 г., к IX съезду Советов, и представлявшая по существу отчет Госплана за первые девять месяцев его работы.

«Прочел и *очень, очень* одобряю. *Как можно скорее* готовьте, диктуйте», — писал В. И. Ленин Г. М. Кржижановскому 16 ноября 1921 г., просмотрев рукопись книги. И тут же высказал основное пожелание: «Добавление, по-моему, необходимо о новой экономической политике. По-моему, лучше бы это вставить (с разных сторон *освещая* место, значение, *роль в общих рамках* новой экономической политики) в отдельные главы. Почти в каждую главу можно (и должно, по-моему) добавить страничку-другую о том, что новая экономическая политика *не меняет* единого государственного хозяйственного плана и *не выходит* из его рамок, а меняет *подход* к его осуществлению» [123].

Как можно судить по тексту книги, Г. М. Кржижановский учел это ленинское пожелание и во введении, а особенно в главе о работе промышленной секции, подчеркнул принципиальное различие в подходе и методах разработки хозяйственных планов до нэпа и после перехода к новой экономической политике (требование создания экономически обоснованных планов и обеспечения реального выполнения плановых предположений).

В 1921—1922 гг. Госплан не только проделал большую работу в области методологии планирования и подготовки текущих производственных программ, но и всесторонне развивался, превращаясь постепенно, как указывал Ленин, в своего рода «комиссию экспертов» [124] при Совнаркоме и СТО.

Официальные заключения Госплана запрашивались по самым разнообразным вопросам хозяйственной жизни страны. Так, по просьбе и запискам Ленина Госплан высказывал свое мнение о постройке наливных судов для нефтефлота, о новых формах управления лесной промышленностью, об изобретенном инженером И. И. Махотиным электропоезде, о возможных условиях предоставления концессии на Урале Л. Уркарту, о плане подъема земледелия и плане засева в пострадавших от голода губерниях, о реорганизации Народного комиссариата путей сообщения и переводе транспорта на коммерческие начала [125] и по многим другим проблемам.

[122] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 36, л. 215.
[123] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 101.
[124] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 352.
[125] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 96, 99—100, 108, 132—133 и др.

В. И. Ленин предлагал поставить на обсуждение Госплана вопросы об ускорении постройки и пуска Иваново-Вознесенской районной электростанции, обращал особое внимание на подготовку проектов и организацию конкурса на тепловозы, консультировался по вопросам Курской магнитной аномалии, требовал участия Госплана в научной разработке вопросов нормализации работы органов управления, в подготовке бюджета, в проведении однодневной переписи служащих Москвы, в разработке мероприятий по улучшению положения в Донбассе, поручал войти в СТО с докладом об ирригационной системе Туркестана и по другим вопросам [126]. Все эти ленинские задания Госпланом были выполнены.

Деятельность Центрального статистического управления (ЦСУ), созданного по инициативе Владимира Ильича еще в июле 1918 г., должна была, по его мнению, быть подчинена руководству Госплана. В своем письме в ЦСУ от 16 августа 1921 г., ставя задачу организации в первую очередь текущей промышленной статистики, Ленин указывал, что «председатель или заведующий ЦСУ должен работать в *более* тесном контакте с Госпланом, по *непосредственным указаниям* и заданиям председателя Госплана и президиума его» [127].

Письмо В. И. Ленина П. И. Попову от 1 сентября 1921 г. о задачах работы ЦСУ [128] было в копии направлено в Госплан, специально рассматривалось на его заседании 6 сентября и было разослано всем членам Госплана для сведения [129]. На Госплан и ЦСУ В. И. Ленин возлагал также задачу систематического изучения отчетов местных экономических совещаний и обобщения их опыта [130].

Госплан выполнял важнейшие поручения не только СНК и СТО, но и Политбюро ЦК. Так, 20 января 1922 г. при обсуждении вопроса о пересмотре плана промышленности в связи с продовольственными затруднениями Политбюро ЦК дало Госплану следующие задания: составить, с привлечением заинтересованных ведомств, календарную программу приемки и перевозки прибывшего из-за границы хлеба; совместно с Наркомфином приступить к пересмотру бюджета; уточнить конституцию Госплана в сторону увеличения его прав как совещательного органа по важнейшим экономическим законам, связанным с общегосударственным планом хозяйства и т. д.

Совет Труда и Обороны заслушивал доклады Госплана (кроме уже перечисленных) также и по другим вопросам: об орошении Муганской степи (30.IX 1921 г.), об угольной промышленности Урала и Сибири (14.X 1921 г.), о работах секции по районированию (4.XI 1921 г.), о мерах для восстановления металлургической промышленности (30.XII 1921 г., 25.I, 8.II, 10.III, 12.IV 1922 г.), о ценах на топливо (5.V 1922 г.), о состоянии водного транспорта (7.VII 1922 г.), о подъеме виноградарства и виноделия (7.VII 1922 г.), о реализации золотого фонда (7.VII 1922 г.), об обеспечении топливом Петрограда (19.VII 1922 г.) и другие.

[126] См. там же, стр. 137; т. 54, стр. 10, 33, 98, 146—147, 227—228, 251, 287, 290, 308—309 и др.
[127] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 122.
[128] См. там же, стр. 150—152.
[129] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 35, л. 35 об.
[130] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 155.

Всего за период с 1 апреля 1921 г. по 15 августа 1922 г. Госплан получил следующее количество поручений Совнаркома и СТО: за 1921 год — 110, за 1922 г. — 263 [131].

В. И. Ленин высоко оценивал работу Госплана и с гордостью говорил о первых успехах в его работе. На IX съезде Советов (декабрь 1921 г.) он рекомендовал делегатам только что вышедшую книгу Г. М. Кржижановского и указывал, что в ней можно найти «результат работы за отчетный год нашего общепланового государственного учреждения, расчет того, как им ставится вопрос транспорта и промышленности» [132]. Владимир Ильич особенно подчеркивал важность подготовленного Госпланом топливного плана, который, учитывая просчеты начала 1921 г., был составлен «с большой осторожностью, считая малейшее преувеличение здесь недопустимым и всемерно с ним борясь» [133].

Давая общую оценку работы Госплана, В. И. Ленин на IX съезде Советов говорил, что «наши плановые учреждения работали недаром и что приближение момента исполнения наших планов началось» [134].

При характеристике деятельности Госплана Владимир Ильич всегда учитывал, что речь идет о государственном органе, созданном впервые в истории, о совершенно новом учреждении, подобного которому не было и не могло быть ни в одной капиталистической стране. Победа социалистической революции в России создала объективную возможность для действия закона планомерного пропорционального развития. Но для того, чтобы эту возможность реализовать, надо было искать и находить методы социалистического планирования применительно к конкретной действительности. Госплан, как один из крупнейших форпостов социализма в стране, лишь постепенно нащупывал эти новые пути, овладевая методами планового руководства экономикой.

Все трудности и поиски начального этапа строительства планового хозяйства хорошо понимал В. И. Ленин и, нередко критикуя Госплан за отдельные недостатки, всегда горячо выступал на его защиту против всякого рода необоснованных обвинений. Решительный протест Владимира Ильича вызывали, как мы видели, несправедливые нападки Ю. Ларина. Этот неизменный «критик» Госплана на XI съезде партии вновь выступил с утверждением, что Госплан, якобы идя на поводу у буржуазных специалистов, пытался навязать Советскому правительству линию на сдачу в концессию чуть ли не 3/4 всех железных дорог России и крупных предприятий. Отвечая Ю. Ларину, Г. М. Кржижановский убедительно доказал, что речь шла о подготовке материалов к Генуэзской конференции и отдельные предложения специалистов посылались Госпланом только как материал в комиссию Г. В. Чичерина, а затем каждое такое предложение рассматривалось в ЦК партии и все неприемлемое полностью отвергалось. В заключительном слове по отчетному докладу ЦК

[131] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 87, л. 56.

[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 316.

[133] Там же, стр. 317. Впоследствии в статье «Госплан за два года работы» Г. М. Кржижановский с удовлетворением отмечал, что «планы топливоснабжения Республики выполняются с исключительной, почти 100-процентной, точностью, резко выделяясь в этом отношении среди других подразделений промышленности» («Бюллетени Госплана», вып. 3—4, 1923, стр. 6).

[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 318.

на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин полностью поддержал объяснения Г. М. Кржижановского [135].

Когда в мае 1922 г. Л. Д. Троцкий в замечаниях на предложения В. И. Ленина о работе заместителей председателя СНК и СТО также подверг критике работу Госплана за ее якобы академический характер, Владимир Ильич писал в своем ответе: «Насчет Госплана т. Троцкий не только в корне неправ, но и поразительно неосведомлен о том, о чем он судит. Госплан не только не страдает академизмом, а совсем наоборот, страдает перегруженностью от чересчур мелкой, злободневной „вермишели". Тов. Кржижановский, по мягкости, слишком поддается просьбам тех, кто тянет его „помочь" сейчас же». Далее Ленин указывал, что для правильной информации членов Политбюро он запросил у Кржижановского фактические материалы о работе Госплана. Последний в ответ прислал следующий перечень вопросов, стоявших перед Президиумом Госплана в феврале и марте 1922 г. «Итог: аа) вопросов плановых — 17%; бб) вопросов важного хозяйственного характера — 37%; вв) „вермишели" — 46%» [136]. Это свидетельствовало, что работа Госплана отнюдь не страдала «академичностью».

В. И. Ленин отверг также обвинение Троцкого в том, что Госплан совершенно не занимался вопросами финансового плана и распределения средств между ведомствами. «... зачем же „судить" без осведомления? — писал Владимир Ильич. — Осведомиться легко всякому члену Цека и всякому члену *СТО*. Осведомиться — значило бы узнать, что в Госплане есть финансово-экономическая секция, работающая именно над указанными вопросами. Недостатки в этой работе, конечно, есть, но их искать надо не в академизме, а как раз в обратном направлении» [137].

Уже будучи тяжело больным, В. И. Ленин в своих записках «О придании законодательных функций Госплану», продиктованных 27—29 декабря 1922 г., опять выступил против предложений Троцкого о назначении председателем Госплана «особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства» и решительно возражал против новых нападок на Г. М. Кржижановского и обвинений его то в чрезмерной мягкости и несамостоятельности, то в обратном [138]. Ленин вновь подчеркивал, что именно Г. М. Кржижановский обладает теми качествами, которые необходимы председателю Госплана.

Принципиальное значение имело также указание Ленина, выдвинутое впервые в этих записках, что «в настоящее время следует сделать шаг в сторону увеличения компетенции Госплана» [139]. Это ленинское предло-

[135] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 127.

[136] Там же, стр. 181. В. И. Ленин еще летом 1921 г. обратил внимание на необходимость разгрузить Госплан от большого количества заданий СТО и предлагал наладить такую систему работы, при которой «СТО будет частными заданиями меньше отрывать весь Госплан от общей работы, а кроме того, достигнется большая производительность работ Госплана и установится более точная ответственность членов его» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 243). Вместе с тем Ленин считал, что так называемая «вермишель» в какой-то мере неизбежна в работе не только Госплана, но и СНК и СТО, ибо особенность советского строя заключается в руководстве всеми сторонами хозяйственной жизни страны, как большими, так и «малыми».

[137] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 182.

[138] См. там же, стр. 350.

[139] Там же, стр. 349.

жение вскоре было подтверждено решениями XII съезда партии и XIII партконференции [140].

Таким образом, В. И. Ленину не только принадлежала идея создания Госплана, он определил его функции, состав и задачи; под непосредственным ленинским руководством проходила вся деятельность Общеплановой комиссии в 1921—1922 гг. Это имело неоценимое значение для всего будущего развития советской плановой экономики. С глубоким чувством об этом вспоминал впоследствии верный друг и соратник В. И. Ленина Г. М. Кржижановский, когда писал: «Неоднократно и часами приходилось мне беседовать с Владимиром Ильичем на самые разнообразные темы, связанные с работами Госплана... Трудные это были времена. Но какое счастье вместе с тем было идти рука об руку с таким руководителем, каким был Владимир Ильич, и иметь возможность в трудные минуты прибегать к его мудрому совету! А мысль его неустанно работала по всем основным линиям наших хозяйственных и политических нужд, несла в состоянии великого напряжения свою незаменимую вахту» [141].

[140] XII съезд партии записал в своем решении, что государственный план должен распространяться не только на всю промышленность в целом, но охватить также «взаимоотношения промышленности, с одной стороны, земледелия, финансов, транспорта, торговли внутренней и внешней, с другой стороны» («КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 691). Указания Ленина нашли отражение также в резолюции XIII конференции РКП(б) «Об очередных задачах экономической политики» в разделе «О необходимости усиления планового начала» (там же, стр. 797—798).

[141] Г. М. Кржижановский. В. И. Ленин и плановая работа. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 565, 568.

Глава седьмая

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРОВЕДЕНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В директивах Госплану В. И. Ленин, как мы видели, четко и конкретно определил задачи работы по-новому не только в области планирования, но и по широкому кругу проблем руководства народным хозяйством и промышленностью в особенности.

Такие же конкретные указания содержались в его государственной переписке, в многочисленных письмах и записках отдельным ведомствам и народным комиссариатам — ВСНХ и Наркомпроду, Наркомзему и Наркомфину, Наркомтруду и Наркомюсту, НКПС и НКРКИ и т. д.

Вся работа СНК и СТО в 1921—1922 гг. была в значительной мере посвящена вопросам, связанным с практическим проведением новой экономической политики. Эта же задача составляла главное содержание большинства ленинских выступлений, докладов, речей и статей периода первых лет нэпа.

Среди неоценимого богатства ленинских практических директив и указаний необходимо выделить, прежде всего, несколько основополагающих документов. Речь идет о «Наказе от СТО» местным советским учреждениям от 21 мая 1921 г., «Наказе СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. и тезисах «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» (январь 1922 г.). «Наказ СНК» от 9 августа 1921 г. не был написан лично В. И. Лениным, он готовился сначала в ВСНХ, но Владимир Ильич принимал в его подготовке самое непосредственное участие, а затем «Наказ» проходил через Совнарком и был подписан В. И. Лениным.

Все эти документы, хотя они и отличаются по своему характеру и содержанию, объединял единый замысел — дать основное направление для проведения новой экономической политики, вокруг них как бы концентрировались другие законодательные акты Советского государства, связанные с перестройкой народного хозяйства на рельсах нэпа.

Наконец, история подготовки и утверждения этих трех документов позволяет наглядно проследить те черты и методы, которые характеризуют ленинский стиль хозяйственного руководства.

1.

Ленинский «Наказ от СТО» местным советским учреждениям

В. И. Ленин закончил «Наказ от СТО» 21 мая 1921 г., ровно через месяц после написания работы «О продовольственном налоге». К этому времени были приняты и опубликованы важнейшие декреты Советского государства не только о замене разверстки налогом и о ставках налога, но и по многим другим вопросам, захватывающим одну сферу хозяйственной деятельности за другой (декрет «О потребительской кооперации» от 7 апреля, декрет о мелкой и кустарной промышленности от 17 мая и т. д.).

«Этими законами сделано очень многое» [1], — писал Ленин в «Наказе от СТО», чтобы улучшить положение крестьянства, обеспечить подъем и развитие мелкой промышленности, усилить роль кооперации и перестроить ее работу в условиях нэпа. Но суть дела заключалась в том, как эти законы будут осуществляться на практике. Это зависело не только от деятельности центральных советских учреждений, но и от местных органов власти, от поворота их внимания к новым задачам и новым методам работы. Поэтому первый документ, дающий *практическую программу* работы по-новому, Ленин адресовал местным советским учреждениям.

В хозяйственном строительстве на рельсах нэпа решающую роль должны были сыграть местные органы СТО — губернские и уездные экономические совещания, созданные по решению VIII съезда Советов. В экономические совещания входили представители всех местных хозяйственных органов (тех же, что и в состав СТО), и их задачей являлось согласование хозяйственной деятельности на местах. 25 марта 1921 г. на заседании СТО обсуждался вопрос о создании областных хозяйственных органов (Облэкосо) и было принято «Временное положение» о них, которое должно было быть внесено на ближайшую сессию ВЦИК.

Областные экономические совещания были созданы на Урале, в Петрограде (Севзапэкосо), на Юго-Востоке и в отдельных национальных республиках — на Украине, в Белоруссии, Закавказье и т. д.

Поэтому одновременно с «Наказом от СТО» Ленин подготовил «Проект постановления о местных экономических совещаниях, об отчетности и о руководстве Наказом СТО» [2].

Истории ленинского «Наказа» посвящена значительная литература и специальные исследования [3]. «Наказ» рассматривался преимущественно как программа *отчетности*, и он действительно этому вопросу был посвящен в первую очередь. Однако принцип широкой отчетности советского государственного аппарата перед массами был сформулирован Лениным уже в первые годы Советской власти, задолго до написания «Наказа от СТО». Новое в этом документе заключалось в том, что программа отчетности одновременно определяла *практическую программу деятельности,* пропагандировала новые методы и задачи работы в условиях нэпа.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 269.
[2] См. там же, стр. 264—265.
[3] Л. М. Дробижева. Ленин и использование местного опыта хозяйственного строительства. М., 1965; Б. М. Шехватов. Ленин и Советское государство. 1921—1922. М., 1960; Е. С. Петропавловский. Ленинский наказ от СТО. — «Известия АН СССР». Серия истории, философии, 1949, т. VI, № 1 и др.

Проект

1

Наказ от СТО (Совета Труда и Обороны)
местным советским учреждениям.

Первоочередной задачей Советской Республики является восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Разорение и обнищание, причиненные всюду империалистской войной, так необычайно велики, что во всем мире свирепствует экономический кризис, и даже в передовых странах, которые до войны были далеко впереди всего по своему развитию и которые неравенно меньше пострадали от войны, восстановление хозяйства идет с необычайными трудностями и растянется на долгий ряд лет. И дело обстоит так ~~[illegible]~~ даже во многих странах „победительницах", несмотря на то, что они сверхи сотни с богатейшими капиталистическими державами и получают громадную дань, возложенную на страны побежденные, невольные и колониальные.

Понятно, что отсталой Росси, которая вынесла не только империалистскую войну, но и три с лишним года гражданской войны, наверенной рабочим и крестьянам помещиками и капиталистами при помощи всемирной буржуазии, приходится с неизмеримо большими трудностями восстанавливать свое хозяйство. Тяжелый неурожай 1920-го года, бескормица и падеж скота сделали положение крестьянского хозяйства невыносимо тяжелым.

По закону, который издан ВСЕКОМ, разверстка изменена продовольственным налогом. Установлена свобода обмена оставшимся земледельцу приписок на всякие продукты. Постановлено СТО

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Наказ от СТО» (Совета Труда и Обороны) местным советским учреждениям. Проект. Май 1921 г.

Ленинский «Наказ» обращался ко всем местным учреждениям с «настоятельным требованием напрячь все силы и развернуть во что бы то ни стало широкую деятельность», чтобы, строго выполняя новые законы, добиться действительного подъема промышленности и сельского хозяйства.

Самое главное Ленин видел в *самостоятельном местном почине*, который приобретал в условиях перестройки всего хозяйственного фронта особенно важное значение. «Создаются большие возможности, — писал он, — применения новых сил, новой энергии к восстановлению народного хозяйства», а для этого необходимо «смелее и шире применить разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон» и «поощрить в наибольших размерах почин, самостоятельность, размах работы на местах», *расширение*, а не сужение «почина к самостоятельности „мест" вообще, низших ячеек *в особенности*» [4].

Призывая к развязыванию широкой инициативы на местах, ленинская программа деятельности решительно отвергала всякую попытку точной регламентации работы местных органов. Когда на заседании СТО 25 марта 1921 г. одновременно с проектом положения об областных хозяйственных органах обсуждался проект инструкции губернским экономическим совещаниям, было принято следующее постановление: «Просить Президиум ВЦИК устроить совещание с местными хозяйственными работниками о том, не будут ли такие инструкции стеснительными для губэкономсовещаний и не поведут ли к увеличению бюрократизма» [5].

Формулировка этого постановления несомненно принадлежала Ленину, что полностью подтверждается текстом «Наказа от СТО».

Рассматривая вопрос о взаимоотношениях между губэкономсоветами и губисполкомами, между областными и губернскими экономсовещаниями, В. И. Ленин в «Наказе» вновь решительно напоминал: «Едва ли своевременно было бы сейчас же пытаться регламентировать все эти взаимоотношения: опыта еще мало, из попыток такой регламентации могло бы получиться чисто бюрократическое творчество. Целесообразнее предоставить сначала практике выработать подходящие формы отношений (СТО работал около года рядом с СНК, не имея в сущности никакой конституции). Пусть эти формы лучше будут вначале не абсолютно устойчивы: разнообразие желательно, полезно, даже необходимо, чтобы точнее изучить, полнее сравнить разные системы взаимоотношений» [6].

Почин, самостоятельность, инициатива, размах работы мест дадут в результате огромный опыт практической работы, а без изучения, обобщения, обмена этим опытом нельзя двигаться вперед, находить и закреплять новые формы и методы хозяйственной деятельности.

«Контролировать местным опытом и местным надзором работу центрального аппарата и обратно» [7], обеспечить взаимоконтроль «распоряжений центра практикой мест и практики мест руководством центра» [8], — в этих указаниях нашли свое наглядное выражение ленинские принципы демократического централизма в хозяйственном руководстве.

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 269, 270, 271, 273.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 199, л. 4.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 272.
[7] Там же, стр. 271.
[8] Там же, стр. 273.

Широкая, публичная отчетность местных экономических совещаний являлась одной из форм обобщения и использования практического опыта, давала возможность осведомления всей страны о его лучших образцах.

«Действительный учет опыта, действительный обмен опытом» [9], — писал Ленин, — невозможен без публикации отчетов, без их изучения и широкого распространения. Поэтому в «Наказе» давалась тщательно разработанная программа отчетности, выделялись четыре группы вопросов, которые подлежали освещению в отчетах.

Всемерное поощрение инициативы и самостоятельности, местного почина и организации отчетности было неразрывно связано с решением еще одной задачи, которой Ленин всегда придавал первостепенное значение.

В момент, когда уже началась работа над подготовкой «Наказа от СТО», Ленин написал «Проект письма ЦК РКП(б) об отношении к беспартийным рабочим». «...Безусловно необходимо, — говорилось в этом письме, — усилить работу по сохранению и развитию связи коммунистов с беспартийными массами». Формами такой связи должны быть не только регулярные собрания рабочих и крестьян, но и «деловые отчеты всех ответственных должностных лиц перед массами рабочих и крестьян. Такие отчеты обязательно устраивать не реже раза в месяц с тем, чтобы массе беспартийных рабочих и крестьян была предоставлена возможность критики совучреждений и их работы. Отчеты должны давать не только коммунисты, но все должностные лица на всех ответственных постах, в первую голову продовольственных и совнархозных учреждений» [10].

Ленинские указания легли в основу специального письма ЦК, которое было утверждено 4 мая, а 7 мая опубликовано как циркуляр ЦК всем губкомам, укомам, коммунистическим фракциям и профсоюзам. При подготовке окончательного текста циркуляра Ленин внес поправки и дополнения, поставив ряд новых вопросов (прежде всего о выдвижении беспартийных на советскую работу, представлении поименного списка выдвинутых, об оценке продолжительности и успеха их работы, о характере главных требований и жалоб рабочих и крестьян, привлечении их к работе в РКИ, о ходе беспартийных конференций и т. д.) [11].

Все эти положения и требования получили дальнейшее развитие в «Наказе от СТО».

В вводной части «Наказа» специально указывалось, что отчеты должны публиковаться *«в общее сведение* с обязательным *расширением участия беспартийных* и не ведомственных людей» [12]. В первой группе вопросов, намеченных для отчетности, был выделен раздел: «Расширение круга государственных работников по хозяйственному строительству», в котором предлагалось спешно и изо всех сил взяться за исправление недостатка, оставшегося в наследие от периода ожесточенной гражданской войны и бешеного саботажа. Этот недостаток выражался в том, что «коммунисты замыкаются в узкий круг правящих, боясь или не умея привлечь к делу беспартийных в достаточном числе».

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 274.
[10] Там же, стр. 253—254.
[11] См. там же, стр. 392.
[12] Там же, стр. 273.

«Из массы рабочих, крестьян, интеллигентов, — писал Ленин в «Наказе», — выдвигается не мало способных и честных беспартийных людей, которых надо ставить на более крупные посты по хозяйственному строительству, сохраняя необходимый контроль и направление за коммунистами. А с другой стороны, нужен и контроль беспартийных за коммунистами» [13]. Он требовал, чтобы в своих отчетах в СТО местные органы приводили списки беспартийных, пользующихся бесспорным уважением и привлекаемых к хозяйственной работе. «Ответы на вопросы об этом обязательны регулярно. Без этого социалистическое государство не может правильно поставить дело вовлечения масс в хозяйственное строительство» [14], — говорилось в заключении раздела.

Для подъема активности и самодеятельности широких масс большое значение имел и ленинский план достройки всех органов СТО на местах вплоть до низовой ячейки на селе и на фабрике — создания волостных, сельских и фабрично-заводских экономических совещаний. Подготовленный Лениным проект постановления «О местных экономических совещаниях», явившийся составной частью «Наказа», прямо указывал, что наряду с областными и губернскими совещаниями «низшими органами СТО на месте должны быть селькомы и сельсоветы, а в фабричных и городских поселениях районные советы, райэконсоветы и фабкомы» [15].

Таким образом, начиная от высших органов власти и кончая уездами, волостями, отдельными предприятиями, деревенским активом на селе, — везде хозяйственная деятельность должна была обобщаться и осмысливаться, а лучший опыт широко использоваться и распространяться. «Наказ» был обращен не только к работникам экономических органов, но и к широкому кругу советских людей, которых он призывал взяться немедленно за дело восстановления народного хозяйства на рельсах новой экономической политики.

Именно новая экономическая политика, задачи ее проведения, вытекающие из нее новые приемы и методы работы составляли основное содержание «Наказа». Несколько дней спустя после написания «Наказа», в докладе на майской партконференции, Ленин говорил, что «на местах политика, определившаяся в связи с продналогом, остается в громадной степени неразъясненной, частью даже непонятой» [16]. Обмен мнений на партконференции и должен был помочь сделать еще один шаг вперед, чтобы «с этой новой политикой хорошо освоиться, к правильному применению ее перейти единодушно» [17].

«„Всерьез и надолго“ — это действительно надо твердо зарубить себе на носу и запомнить хорошенько», — вновь напомнил Ленин в своем заключительном слове на конференции, тут же указывая, что «в силу сплетнического обычая распространяются слухи, что идет политика в кавычках, т. е. политиканство, что все делается на сегодня. Это неверно» [18]. Основная идея «Наказа» заключалась в том, чтобы практической программой действий и программой отчетности нацелить партий-

[13] Там же, стр. 280.
[14] Там же, стр. 281.
[15] Там же, стр. 264.
[16] Там же, стр. 299.
[17] Там же, стр. 317.
[18] Там же, стр. 329.

ный и советский актив на понимание значения новой политики, рассчитанной на длительный период и на прочный успех.

Придавая «Наказу» такое большое значение, В. И. Ленин очень тщательно и глубоко обдумывал его содержание и собирал необходимые для его написания материалы. Работа «О продовольственном налоге», где давалось теоретическое обоснование нэпа, не была еще закончена, а Ленин уже 18 апреля в записке В. П. Милютину и В. А. Аванесову предлагал создать специальную комиссию, при участии также управляющего ЦСУ П. И. Попова, для установления более тесной связи с областными экономсоветами, «для выработки формы и сроков отчетности председателей экономсоветов о деятельности советов» [19].

28 апреля на заседании Политбюро ЦК с участием В. И. Ленина обсуждался вопрос о правах областных экономических органов. Судя по протоколу, в ЦК в это время уже начал готовиться проект директивы «О развитии инициативы на местах» и о связи между областными, губернскими и уездными экономсовещаниями.

29 апреля за подписью В. И. Ленина «всем областным экономическим советам» была разослана телеграмма, предлагавшая «своевременно без задержки» присылать в Управление делами СНК протоколы заседаний экономсоветов с приложением важнейших материалов (докладов, отчетов о заседаниях, журналов и газет, издаваемых местными экономическими органами, и т. д.) [20].

В конце апреля, во время беседы с только что назначенным помощником управделами СНК и СТО В. А. Смольяниновым [21], работавшим до этого председателем Смоленского губисполкома, Ленин высказал некоторые соображения, которые вошли затем в «Наказ от СТО». «Много, очень много, — говорил Владимир Ильич, — будет зависеть от местного почина... Очень многое будет зависеть и от деятельности экономических совещаний на местах» [22].

4 мая всем экономическим совещаниям была вновь послана телеграмма за подписью В. И. Ленина с предложением немедленно прислать в СНК материалы об их деятельности [23], а 6 мая направлена телеграмма в Екатеринбург, в адрес председателя Уралэкосо, с указанием, что в делах СТО нет ни одного протокола Уральского экономсовета, и требованием срочной присылки всех материалов и постановлений экономического характера начиная с 1 января 1921 г.[24]

16 или 17 мая, когда местные материалы были частично уже собраны, Ленин попросил В. А. Смольянинова переслать их ему для ознакомления и сообщил: «в четверг или в среду вечером я мог бы заняться и *взглянуть* сначала» [25]. Среда и четверг падали на 18 и 19 мая [26], в эти

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 152.
[20] См. там же, стр. 321.
[21] В. И. Ленин подписал назначение В. А. Смольянинова помощником управделами СНК и СТО специально по руководству экономсовещаниями 23 апреля 1921 г. (см. «Ленинский сборник», XX, стр. 342).
[22] См. В. Смольянинов. Воспоминания о работе в Совете Труда и Обороны. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 3, стр. 311.
[23] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 321—322.
[24] См. там же, стр. 324.
[25] «Ленинский сборник», XX, стр. 79—80.
[26] Большое значение имело также письмо В. И. Ленина В. А. Смольянинову от

дни Ленин фактически приступил к написанию «Наказа». 19—21 мая он подготовил три варианта плана проекта «Наказа» [27], 19—20 мая — план проекта и самый проект постановления СТО «О местных экономических совещаниях, об отчетности и руководстве Наказом СТО».

20 мая СТО, по докладу В. И. Ленина, утвердил проект постановления «О местных экономических совещаниях...» и создал комиссию, в которую должны были войти представители мест, приехавшие на всероссийские съезды профсоюзов и совнархозов, а по отдельным вопросам — представители заинтересованных ведомств. Председателем комиссии был назначен Н. Осинский, в нее входили В. П. Милютин, П. И. Попов, М. Ф. Владимирский, Г. И. Крумин (редактор газеты «Экономическая жизнь»), В. А. Смольянинов. В письме Н. Осинскому, написанном в тот же день, очевидно, после заседания СТО [28], Ленин сообщал, что проект «Наказа» уже готов и будет послан ему к 4 часам дня. И тут же характерное для Ленина добавление: «Писал наскоро, утомлен, многое требует исправлений и добавки» [29]. Владимир Ильич предлагал рассмотреть «Наказ» в комиссии, сдать его в набор отдельным листком в качестве проекта, раздать делегатам съездов совнархозов и профсоюзов, а отдельные вопросы послать на просмотр соответствующим наркоматам.

Из записки В. И. Ленина секретарю Совнаркома Л. А. Фотиевой видно, что проекты «Наказа» и постановления СТО были посланы Н. Осинскому и другим членам комиссии во второй половине дня 20 мая [30], хотя сам «Наказ» был помечен Владимиром Ильичем датой 21 мая 1921 г.

Согласно указаниям Ленина проекты «Наказа» и постановления СТО обсуждались на заключительных заседаниях IV съезда совнархозов (24 мая, доклад В. П. Милютина) и IV съезда профсоюзов (25 мая, доклад Н. Осинского).

IV съезд профсоюзов в своем постановлении по этому вопросу поручал «новому составу ВЦСПС вместе с членами ВЦИК профессионалистами срочно рассмотреть проект постановления о местных экономических совещаниях и проект «Наказа от СТО» местным советским учреждениям, внести в эти проекты необходимые изменения и дополнения и поддержать их перед ВЦИК и СТО» [31].

Так по инициативе В. И. Ленина началось широкое обсуждение проекта «Наказа» среди хозяйственных, профессиональных, советских работников. От даты его написания (21 мая) до окончательного утверждения сессией ВЦИК (30 июня 1921 г.) прошло почти полтора месяца. В это время была проведена большая работа по окончательному редактированию «Наказа» и доведению его до широких кругов работников государственного аппарата и общественных организаций.

19 мая 1921 г., где Владимир Ильич излагал подробную программу руководства экономическими совещаниями и проверки исполнения постановлений и заданий СТО (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 199—200).

[27] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 395—400.

[28] В письме Н. Осинскому от 20 мая Ленин запрашивал: «Получили ли постановление СТО?» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 202).

[29] Там же, стр. 202.

[30] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 86.

[31] «IV Всероссийский съезд профессиональных союзов (17—25 мая 1921 г.)». Стенографический отчет, ч. 1. М., 1922, стр. 175.

В своих письмах Г. М. Кржижановскому и М. Ф. Владимирскому от 25 мая Ленин требовал, чтобы Госплан и НКВД продумали вопросы своих ведомств для более подробного освещения их в «Наказе» [32].

Когда в процессе обсуждения было решено распространить отчетность на *все* наркоматы, а не только экономические [33], и превратить «Наказ от СТО» в документ не только СТО, но и Совнаркома, В. И. Ленин в письме от 28 мая всем наркомам и заведующему ЦСУ потребовал от наркомов ознакомиться с «Наказом» и представить к 30 мая свои письменные поправки и дополнения [34].

Вопрос о «Наказе» был обсужден также на X Всероссийской партийной конференции (26—28 мая 1921 г.). Говоря в докладе о задачах проведения новой экономической политики, Ленин напомнил, что «главная наша задача заключается в том, чтобы дать на местах всюду толчок, дать максимум инициативы и проявить максимум самостоятельности и максимум смелости» [35]. Он критиковал ход работы съездов совнархозов и профсоюзов, отмечая, что «главным недостатком этих съездов опять-таки является то, что мы больше занимаемся такими худыми вещами, как тезисы, общие программы и рассуждения, а нет того, чтобы на съезде люди действительно поделились местным опытом...» [36].

«Не тезисы нужны, а учет местного опыта» [37], — вновь повторил он в заключительном слове на конференции, стремясь к тому, чтобы «Наказ» помогал обобщению этого опыта, его изучению и использованию.

В резолюции X партийной конференции «Об экономической политике» специальным пунктом было записано: «Принять в принципе проект наказа СТО, поручив фракции ВЦИК превратить его в закон.

Признать безусловной и первоочередной задачей партии добиться строжайшего исполнения этого наказа вообще и в особенности выдвижения на работу и привлечения к работе беспартийных».

Большое значение имел и следующий пункт резолюции: «Установить особую ответственность центральных учреждений за тормоз по отношению к местной инициативе и за недостаточную ее поддержку. Поручить фракции ВЦИК выработать соответствующее постановление и провести его на ближайшей же сессии» [38].

30 мая «Наказ» и постановление о местных экономических совещаниях обсуждались на третьей сессии ВЦИК VIII созыва. В своем выступлении на сессии Ленин объяснил, почему в интересах дела решено было не ограничиться рассмотрением «Наказа» в СНК и СТО, «а внести этот вопрос на партийную конференцию, где в принципе Наказ был одобрен, и в высший законодательный орган — на сессию ВЦИК» [39].

Сессия ВЦИК приняла «Наказ» и постановление СТО за основу, избрала, по предложению Ленина, комиссию, поручив ей дополнительно

[32] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 210—211.
[33] Это предложение было выдвинуто В. И. Лениным в его письме к М. Ф. Владимирскому от 25 мая (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 211).
[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 342—343.
[35] Там же, стр. 314.
[36] Там же, стр. 315.
[37] Там же, стр. 324.
[38] См. там же, стр. 335; «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 575.
[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 344.

рассмотреть оба документа, а затем представить их на окончательное утверждение Президиума ВЦИК. Как член комиссии Ленин принимал активное участие в ее работе и присутствовал на заседаниях 1, 2, 22 и 29 июня [40].

После того как 30 июня Президиум ВЦИК утвердил постановление «О местных экономических совещаниях, их отчетности и руководстве Наказом СНК и СТО» и сделал его законом, В. И. Ленин в течение почти всего июля настойчиво добивался скорейшего опубликования «Наказа» и Постановления отдельной брошюрой [41], послал письмо редакциям центральных газет («Правда», «Известия», «Беднота», «Экономическая жизнь») с просьбой посвятить «Наказу» специальные статьи, разъясняющие его значение [42], требовал от Центропечати срочной рассылки «Наказа» на места [43], а от Управления делами и секретариата СНК строжайшей проверки выполнения этого указания [44].

Особое значение Ленин придавал тому, чтобы «Наказ» дошел до низовых советских организаций, до каждой волости и деревни. В записке В. А. Смольянинову от 29 июля он просил «записать и обдумать, как бы нам проверить, во всех ли *волостях* есть?» [45]. 4 августа за подписью В. И. Ленина была послана радиограмма всем губернским и уездным экономсовещаниям с указанием на «абсолютную необходимость довести „Наказ СТО“ до самой волости и деревни, чтобы дать возможность широким массам крестьянства ознакомиться с последним постановлением ВЦИК» [46].

В дальнейшем Ленин перенес основное внимание на организацию правильной отчетности местных органов и обеспечение глубокого и всестороннего изучения отчетов экосо.

В письме от 1 сентября в редакцию газеты «Экономическая жизнь», ставшую с лета 1921 г. органом СТО, Ленин давал подробные указания о задачах газеты и поручал редакции строго следить за поступлением отчетов и их изучением [47]. Редактор «Экономической жизни» И. Г. Крумин послал Владимиру Ильичу 28 октября подробную докладную записку, где по пунктам отчитался в выполнении ленинских указаний, в частности по вопросу о поступлении отчетов, регулярности их присылки, создании специальной сети корреспондентов с мест и т. д.[48]

К чтению и изучению отчетов Ленин предлагал привлечь не только Госплан и ЦСУ, но и некоторых старейших членов партии, литераторов и специалистов. «Когда число приходящих отчетов будет увеличи-

[40] В Датах жизни и деятельности В. И. Ленина, приложенных к 43 и 44 томам Полного собрания его сочинений, отмечено только участие В. И. Ленина в заседаниях комиссии ВЦИК по «Наказу» 1 и 29 июня. Присутствие Ленина на заседаниях 2 и 22 июня установлено непосредственно по протоколам комиссии (См. Л. М. Дробижева. Указ. соч., стр. 35).

[41] См. письма В. И. Ленина по этому вопросу секретарям СНК, В. А. Аванесову, в Президиум ВЦИК и ВЧК и др. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 23, 31 и др.).

[42] См. там же, стр. 51—52.

[43] См. там же, стр. 52—53.

[44] См. там же, стр. 55.

[45] «Ленинский сборник», XX, стр. 93.

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 95.

[47] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 112—114.

[48] См. «История СССР», 1965, № 2, стр. 91—94.

ваться, — писал он 3 сентября управляющему делами СНК Н. П. Горбунову, — Вы составите список „помогающих при чтении отчетов" и установите *строгий* порядок возвращения прочитанного» [49].

В. И. Ленин сам постоянно следил за регулярным поступлением отчетов и в телеграмме всем экономсовещаниям 12 ноября 1921 г. отмечал, что сроки представления отчетов, установленные законом (15 октября—1 ноября), многими экономсовещаниями нарушаются. «Ставлю на вид, — говорилось в телеграмме, — неаккуратность, промедление и требую своевременной присылки к сроку. Немедленно сообщите СТО имена, фамилии и служебное положение лиц, ответственных за своевременное составление и присылку отчетов. Такое же распоряжение передайте в уезды» [50].

Когда начали поступать первые отчеты, Ленин нередко сам внимательно их прочитывал и лично благодарил те местные органы, которые своевременно выполняли постановление СТО. 17 июля 1921 г. Ленин послал письмо в президиум Рогожско-Симоновского Совета г. Москвы и поблагодарил его руководителей за присылку книги (отчета) о деятельности Совета, добавив, что «прочел с интересом» [51]. 11 сентября Ленин дал поручение Н. П. Горбунову написать письма Кирсановскому и Красноярскому уездным экономсовещаниям, первыми прислав шим свои отчеты в СТО [52]. К каждому письму он сделал приписку с благодарностью за присылку отчета раньше других и с просьбой «быть образцовыми по отчетности и впредь» [53]. В своих письмах В. И. Ленин неоднократно напоминал о важности «изучения местного опыта по отчетам экономсовещаний» и необходимости «добиться того, что отчеты будут действительно ценнейшим материалом, пригодным для политического и экономического выводов» [54].

В октябре 1922 г., вернувшись к работе после болезни, Владимир Ильич просил работников Управления делами СНК составить справку, сколько отчетов экосо поступило в СТО за два полугодия, а в декабре того же года опять запрашивал: «Кто сколько отчетов прочитал?», «Список лиц, читающих отчеты, что, кому и когда было послано?» [55]

По проведенным в последние годы подсчетам за период 1921—1925/26 гг. экономсовещания представили 250 отчетов, из них 239 отчетов падали на 1921—1923 гг. Если же учесть всю печатную отчетность местных органов (исполкомов, совнархозов, плановых комиссий и др.), то количество опубликованных отдельными изданиями отчетов достигнет внушительной цифры — 735 [56]. Все эти отчеты до сих пор сохраняют свое значение как неоценимый источник по истории советского общества в период восстановления народного хозяйства. Недаром Ленин требовал, чтобы обязательный экземпляр каждого отчета направлялся и хранился в Российской книжной палате, Румянцевском и Историческом музеях в Москве, Публичной библиотеке в Петрограде, в Академии наук, Социа-

[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 163.
[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 15.
[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 40.
[52] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 40.
[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 200, 201.
[54] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 231—232.
[55] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 58, 62.
[56] Л. М. Дробижева. Указ. соч., стр. 56.

листической академии, в библиотеках отдельных научных учреждений и высших учебных заведений, в местных библиотеках.

Однако в 1921—1922 гг. Ленина интересовали прежде всего практические результаты работы экономических совещаний по проведению новой экономической политики и обобщение их опыта. В этом отношении «Наказ» несомненно сыграл важную роль, хотя далеко не все отчеты соответствовали тем требованиям и пожеланиям, которые предъявлял к ним Владимир Ильич.

Программу отчетности и программу деятельности местных экономических органов, данную в «Наказе», Ленин никогда не рассматривал как раз навсегда данную и застывшую схему. Наоборот, он считал необходимым постоянно вносить в эту программу все новые и новые вопросы, смело отбрасывая устаревшее и всегда учитывая накопившийся опыт и изменение условий.

В. И. Ленин сам вносил в «Наказ» некоторые дополнения и изменения. Например, в своем письме председателю ВСНХ П. А. Богданову от 11 августа 1921 г. Владимир Ильич предложил распространить закон об отчетности применительно к «Наказу от СТО» на всех без исключения арендаторов и «провести через СТО немедленно» [57]. Когда к концу 1921 г. стало ясно, что товарообмен сорвался и надо переходить к развернутой денежной торговле (об этом сигнализировали и отчеты экономсовещаний), была создана специальная комиссия для разработки поправок к «Наказу». Очевидно, именно этой комиссии была адресована записка В. И. Ленина в феврале 1922 г., в которой предлагалось: «текст оставить старый. Добавить 5 строк: торговля вместо товарообмена. Сроки (два раза в год или *еще реже*) принять, как решили местные люди» [58]. Сокращение отчетности до двух раз в год должно было способствовать улучшению качества отчетов и обеспечить, как писал Ленин в связи с подготовкой декрета о государственном делопроизводстве, «установление отчетности (не „чрезмерной“, не „томов“, а *деловой*) и *изучение* опыта» [59].

20 октября 1921 г. Политбюро ЦК приняло решение о включении в состав СТО, а также областных и губернских экономсовещаний представителя Наркомфина с решающим голосом, что и было законодательно оформлено в начале 1922 г.

Экономические совещания уже в первые годы нэпа выполнили те задачи, которые возлагал на них Ленин. Постепенно их функции все больше переходили к исполкомам местных Советов. Поэтому в начале 1923 г. были ликвидированы сначала уездные, а к 1925 г. губернские и областные экономические совещания. Но значение отчетности местных советских и хозяйственных органов еще больше возросло к концу восстановительного периода. Ленинский «Наказ от СТО» продолжал действовать и вошел в историю как важнейший документ, характеризующий методы работы и задачи государственного аппарата.

Сравнение первоначальных проектов «Наказа» и постановления о местных экономических совещаниях, написанных В. И. Лениным в мае 1921 г., с окончательным текстом закона, принятого Президиумом ВЦИК

[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 112.
[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 182.
[59] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 200.

30 июня, показывает, что ленинский текст был полностью сохранен и в него были внесены лишь самые незначительные изменения. Зачем же тогда понадобилось такое длительное обсуждение и широкое привлечение даже не сотен, а тысяч людей к подготовке этого документа? Таков был метод работы В. И. Ленина, который применялся им неоднократно и в других случаях, когда речь шла о важнейших решениях Советского правительства. Этот метод позволял заранее проверить местным опытом готовящийся документ, учесть все необходимые пожелания и замечания, вовлечь в обсуждение широкий актив партийных, советских, хозяйственных и профессиональных работников и тем самым обеспечить скорейшее проведение решения в жизнь, в практику социалистического строительства.

Таким путем Ленин добивался, чтобы «согласованная, живая, инициативная, свободная от чиновничьей узости, но точная работа всех хозяйственных учреждений Республики и, в особенности, местных» [60] стала правилом, пронизывала бы сверху до низу всю работу советского государственного аппарата. В этом и заключался основной замысел «Наказа от СТО», этим объяснялась история его длительного обсуждения и того значения, которое придавал ему В. И. Ленин.

2.

Наказ СНК 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начал новой экономической политики»

В программе отчетности согласно «Наказу от СТО» В. И. Ленин наряду с организацией товарообмена выделил специальный раздел: «Отношение государства к капиталистам».

«Товарообмен и свобода торговли означает неминуемо появление капиталистов и капиталистических отношений, — говорилось в этом разделе. — Бояться этого нечего. Рабочее государство имеет в своих руках достаточно средств, чтобы *лишь в меру* допустить развитие этих отношений, которые полезны и необходимы в обстановке мелкого производства, и чтобы контролировать эти отношения» [61]. Далее следовали вопросы: о развитии частной торговли и формах, итогах ее учета; о частном предпринимательстве и предложениях со стороны капиталистов взять в аренду отдельные предприятия; о состоянии кустарной промышленности и изменении ее положения после перехода к продналогу.

Самый характер постановки этих вопросов свидетельствовал о том, что в практике проведения нэпа уже начали (май 1921 г.) неизбежно возникать и новые формы допущения частного капитала не только в области торговли, но и в области промышленности. Конечно, в данном случае речь шла преимущественно о мелкой и кустарной промышленности.

В заключительном слове по докладу о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. В. И. Ленин говорил:

[60] См. постановление ВЦИК от 30 июня 1921 г. «О местных экономических совещаниях, их отчетности и руководстве наказом СНК и СТО». — СУ, 1921, № 44, ст. 223.

[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 277.

«Насчет развития мелкой промышленности мы должны сделать несколько шагов, так как здесь без государственных гарантий можно кое-что получить сейчас же и так как мы не можем гарантировать даже самые наши ударные предприятия, то надо всеми силами развивать мелкую промышленность, она даст нам кое-какие продукты, необходимые крестьянину» [62].

Мелкая промышленность не требовала ни больших средств, ни длительных сроков для своего восстановления и могла сыграть серьезную роль в организации товарообмена с деревней и в общем увеличении количества продуктов для населения.

Наиболее целесообразной формой организации мелкой промышленности в условиях нэпа Ленин считал сдачу мелких и полукустарного типа предприятий в аренду не только государственным и кооперативным организациям, но и частным лицам. Перечисляя в работе «О продовольственном налоге» основные виды госкапитализма в пролетарском государстве, В. И. Ленин наряду с концессиями назвал и сдачу «в аренду предпринимателю-капиталисту» принадлежащие государству заведения, промыслы, участки земли и т. д.[63] На вопрос одного советского работника, не будет ли это означать в какой-то мере возвращения собственности помещику и капиталисту, Ленин отвечал в письме от 16 мая 1921 г.: «Вы ошибаетесь. Экспроприация значит по-русски *лишение собственности*. Арендатор *не* есть собственник... Насаждение капитализма (*в меру* и умело, как я не раз говорю в своей брошюре [64]) возможно, не возвращая собственности помещикам. Аренда — договор *на срок*. И собственность и контроль *за нами*, за рабочим государством» [65].

Ленинская установка на допущение частного капитала в мелкой промышленности, преимущественно в госкапиталистической форме — форме аренды, — была практически закреплена уже в тезисах к IV съезду совнархозов «О хозяйственной политике ВСНХ в связи с продналогом». В. И. Ленин присутствовал на заседании Президиума ВСНХ 9 мая 1921 г. при обсуждении этих тезисов, а 14 мая Политбюро ЦК утвердило их с некоторыми поправками.

За день до открытия IV съезда совнархозов, 17 мая 1921 г., был принят имевший большое принципиальное и практическое значение декрет СНК «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации». В декрете ставилась задача «принять необходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности как в форме частных предприятий, так и в кооперативной форме, а также к всемерному развитию сельскохозяйственной кооперации» и «избегать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения» [66].

В дополнение к декрету от 17 мая было принято специальное постановление СНК «Об отмене, приостановке и пересмотре некоторых постановлений о мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохо-

[62] Там же, стр. 190—191.
[63] См. там же, стр. 227.
[64] Речь идет о работе В. И. Ленина «О продовольственном налоге».
[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 193.
[66] СУ, 1921, № 47, ст. 230.

зяйственной кооперации» [67], действовавших еще в годы «военного коммунизма». В частности, отменялось постановление ВСНХ от 29 ноября 1920 г. «О национализации мелких предприятий», но одновременно указывалось, что национализация, фактически проведенная на основе этого постановления до 17 мая 1921 г., остается в силе.

Наконец, 24 мая 1921 г., в день закрытия IV съезда совнархозов, был принят декрет СНК «Об обмене», не только еще раз подтверждавший право свободного обмена, покупки и продажи остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства, но и распространявший это право «на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности» [68].

Впоследствии в докладе на VII Московской партконференции, как бы обозревая пройденный путь, В. И. Ленин говорил: «То положение, которое создала наша новая экономическая политика — развитие мелких торговых предприятий, сдача в аренду государственных предприятий и пр., все это есть развитие капиталистических отношений... Само собою разумеется, что усиление капиталистических отношений уже само по себе есть усиление опасности... Всякий шаг в этой новой экономической политике означает целый ряд опасностей» [69].

Подчеркивая эти опасности, призывая на борьбу с ними, Ленин в то же время почти во всех своих выступлениях повторял, что они не страшны, если будет развиваться крупная социалистическая промышленность, которая целиком сохраняется в руках пролетарского государства. В этих условиях известное допущение капитализма не только в торговле, но отчасти и в промышленности могло создать на первых порах благоприятные условия для подъема основы социализма — крупной промышленности. Недаром в работе «О продовольственном налоге» Ленин писал: «Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это нисколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт» [70]. Обосновывая эту мысль еще на X съезде партии, Ленин предупреждал, что не надо бояться известного роста мелкой буржуазии и мелкого капитала при нэпе. «Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обессиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния. Это страшнее. При увеличении количества продуктов никакое развитие мелкой буржуазии не будет большим минусом, поскольку это дает развитие крупной промышленности...» [71].

На майской партийной конференции Ленин еще раз остановился на вопросе о соотношении между мелкой и крупной промышленностью в условиях нэпа. «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности, — говорил он. — А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности» [72].

[67] СУ, 1921, № 48, ст. 240.
[68] Там же, № 40, ст. 212.
[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 211.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 233.
[71] Там же, стр. 84.
[72] Там же, стр. 306.

Только такой подход позволял высвободить все ресурсы для подъема крупной социалистической промышленности, «без которой материальный производственный базис социализма невозможен» и «ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи» [73].

Вопрос о том, как поставить крупную социалистическую промышленность в наиболее благоприятные условия и перестроить ее работу на новых началах, стоял после перехода к нэпу в центре внимания В. И. Ленина.

11 мая 1921 г. он представил в Политбюро ЦК проект постановления «О мерах осуществления концентрации производства», в котором предлагал: «Поручить ЦК Союза металлистов и ВЦСПС-у обратить сугубое внимание на более быстрое осуществление плана закрыть возможно большее число неспособных работать заведений для концентрации производства в небольшом числе наилучше поставленных предприятий». Доклад о точном плане и календарной программе выполнения этих мероприятий должен был быть подготовлен группой хозяйственных и профсоюзных работников и заслушан в СТО через месяц [74]. Этот ленинский проект был принят Политбюро ЦК с небольшими дополнениями.

Еще более подробно план концентрации промышленности, ее разделения на несколько групп был изложен Владимиром Ильичем в его письме в Президиум Госплана 14 мая 1921 г. (см. гл. VI). Эти директивы имели неоценимое значение для спасения крупной промышленности в условиях тяжелейшей хозяйственной разрухи после окончания гражданской войны.

Во исполнение ленинских указаний IV съезд совнархозов в принятых им «Общих положениях об организации производства» записал: «Необходимость более целесообразного расходования материальных ресурсов и рабочей силы и получения наивысшего производственного эффекта требует проведения возможно полной *загрузки* предприятий в направлении *концентрации* промышленности. Однако эта концентрация не может быть проведена огульно и формально, без выяснения соответствия всех элементов, обеспечивающих и обслуживающих производство, и особенно без тщательного анализа технико-экономических и бытовых условий».

Линия на концентрацию промышленности была принята, но предстояло еще продумать и на основании практического опыта определить принципы этой концентрации и выделения первой группы предприятий, остающихся на государственном снабжении, сосредоточения в них основных ресурсов сырья и топлива и квалифицированных кадров рабочего класса. Одновременно вставали и другие задачи, связанные с изменением самой обстановки хозяйствования при нэпе, ликвидацией методов «военного коммунизма» и перехода к иным методам руководства промышленностью.

Новая обстановка требовала прежде всего организационной перестройки самого аппарата ВСНХ и его органов. В резолюции «Об организационном строительстве ВСНХ» съезд совнархозов установил, что после создания Госплана и плановых комиссий при экономических народных комиссариатах ВСНХ из высшего хозяйственного центра Республики

[73] Там же.
[74] Там же, стр. 258.

превращается в Народный комиссариат промышленности. Отсюда вытекала и новая схема построения органов ВСНХ. Главки и центры преобразовывались в главные управления, руководящие промышленностью через местные совнархозы. Началась постепенная ликвидация «главкистских» методов руководства, свойственных эпохе «военного коммунизма». Из 52 главков, имевшихся к концу 1920 г., после съезда совнархозов было создано 16 главных управлений по отраслям промышленности.

Некоторые принципиально важные задачи перестройки промышленности были определены в решениях майской партконференции. Специальный пункт (пункт 5) резолюции конференции «Об экономической политике» гласил: «Пересмотр (в известной части) производственных программ крупной промышленности в направлении усиления производства предметов широкого потребления и крестьянского обихода.

Расширение самостоятельности и инициативы каждого крупного предприятия в деле распоряжения финансовыми средствами и материальными ресурсами. Внесение соответствующего точного постановления на утверждение Совнаркома» [75].

Такое постановление, суммирующее все новые установки партии в области промышленности, действительно стало настоятельно необходимо. Оно начало тщательно готовиться почти сразу же после окончания IV съезда совнархозов. Уже 2 июня на заседании Президиума ВСНХ была создана комиссия для подготовки тезисов «О работе Президиума ВСНХ в связи с новой экономической политикой», а 13 июня предварительный проект этого решения был утвержден ВСНХ. 17 июня В. И. Ленин принял председателя ВСНХ П. А. Богданова и беседовал с ним по основным вопросам работы ВСНХ. Можно предположить, что ленинские указания потребовали внесения некоторых изменений в подготовляемый ВСНХ документ. Во всяком случае, в начале июля начали разрабатываться новые тезисы, их краткое содержание, очевидно, изложено П. А. Богдановым в газете «Экономическая жизнь» [76]. Председатель ВСНХ говорил о том, что Президиум ВСНХ в новом составе (после IV съезда) «посвятил ряд заседаний обсуждению линии своего поведения по отношению к ряду существеннейших и важнейших явлений экономической жизни». П. А. Богданов подчеркнул, что «по отношению к местным органам народного хозяйства ВСНХ отказывается от политики централизма, который был уместен, когда шло собирание промышленности, когда гражданская война и вызванная ею необходимость снабжения армии заставляли все и вся повиноваться единой воле.

В настоящее время нам необходимо, чтобы местные органы выявили свою волю, дали бы основанный на знании местных условий свой опыт».

Разработка общегосударственного плана, указывал далее П. А. Богданов, должна вестись с учетом изменения экономической политики и «предусматривать планомерное проведение в жизнь принципов возможно полной нагрузки предприятий и концентрации производства с применением принципов комбинирования». Основное внимание в работе ВСНХ должно быть сосредоточено на крупной промышленности, которую «Президиум ВСНХ будет поддерживать всеми силами, всеми

[75] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 575.

[76] «Экономическая политика ВСНХ. Беседа с председателем ВСНХ П. А. Богдановым». — «Экономическая жизнь». 1 июля 1921 г.

имеющимися в его распоряжении средствами», производя отбор наиболее сохранившихся как с технической, так и с организационной стороны предприятий и создавая для них наиболее льготные условия финансирования и снабжения материальными ресурсами. По отношению к мелкой и кустарной промышленности необходима поддержка тех ее отраслей, которые могут содействовать крестьянскому хозяйству; возможна сдача их в аренду не только кооперативным объединениям, но и частным лицам.

Так как беседа с председателем ВСНХ была опубликована за несколько дней до принятия декрета от 5 июля «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ», П. А. Богданов счел необходимым сделать следующее предупреждение: «Среди населения усиленно муссируются слухи о нашем желании денационализировать промышленность, передав ее прежним владельцам. Слухи эти вздорны, ни на чем не основаны. Мы вовсе не призваны насаждать частную собственность и культивировать ее. То, что перешло в руки государства, у государства и остается».

В заключение беседы П. А. Богданов сказал: «То, что я вам изложил... если хотите, наказ членам Президиума для их повседневной работы. Будем надеяться, что взятый нами курс окажется правильным и даст желаемые результаты».

Подготовляемый ВСНХ документ впервые получил здесь название «Наказа», каковым он и стал при его окончательном утверждении. 6 июля текст этого документа — «Об экономической политике ВСНХ» был утвержден Президиумом ВСНХ и послан на просмотр В. И. Ленину с просьбой рассмотреть и утвердить в ЦК **«возможно скорее»** [77].

9 или 10 июля В. И. Ленин внимательно просмотрел тезисы ВСНХ, сделал ряд замечаний и поправок к тексту [78] и разослал их для просмотра и заключения Г. М. Кржижановскому, И. Т. Смилге, Н. П. Брюханову, А. М. Лежаве, В. А. Аванесову и В. В. Шмидту.

Автору тезисов И. Т. Смилге Ленин писал 10 июля: «Прочел проект. Прилагаю свои поправки». Владимир Ильич настоятельно советовал далее двигать проект не персонально от имени Смилги, а от Президиума ВСНХ, чтобы в ЦК его вносил П. А. Богданов. Свое решительное несогласие Ленин высказал по поводу формулировки двух пунктов тезисов о Госплане. «Ваша редакция *неверна*, — писал он, — я ее не приму» [79].

10 июля Ленин писал Г. М. Кржижановскому «Я вычеркнул §§ о Госплане. Может быть, Вы замените их одним параграфом: надо-де ускорить, усилить, интенсифицировать вот в таком-то именно направлении.

Может быть, тогда тезисы пошли бы за подписью президиума ВСНХ+президиума Госплана?

[77] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 106.

[78] См. полный текст постановления Президиума ВСНХ от 6 июля 1921 г. с поправками В. И. Ленина («Ленинский сборник», XX, стр. 102–106).

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 19. Пункты о Госплане (п. 7 и 8) были сформулированы в тезисах ВСНХ 6 июля с явной тенденцией в сторону критики Госплана. В тезисах говорилось, например, что Госплан «медлит с планом на второе полугодие 1921 г.», а «при нынешнем положении это совершенно недопустимо». Эти пункты Ленин перечеркнул дважды («Ленинский сборник», XX, стр. 104).

Верните и ответьте поскорее»[80].

11 июля, посылая проект тезисов Н. П. Брюханову, А. М. Лежаве, В. А. Аванесову, Ленин просил прочесть документ по возможности немедленно, повнимательнее и позвонить ему или написать свое мнение: «приемлемо для вас? Какие поправки желали бы внести (очень кратко)? Я считаю сугубо важным провести это быстро и *единогласно*»[81].

Получив от Г. М. Кржижановского новый текст пункта о Госплане (этот пункт впоследствии полностью вошел в постановление СНК), Ленин послал его И. Т. Смилге и просил принять за основу[82].

Когда 11 июля был готов проект постановления[83], с включением и нового пункта о Госплане[84], Владимир Ильич вновь внимательно его просмотрел и в записке А. И. Рыкову 12 июля предложил разослать тотчас членам Политбюро ЦК, членам Совнаркома и СТО, чтобы, получив их отзывы, скорее утвердить этот документ[85].

16 июля тезисы ВСНХ обсуждались на заседании Политбюро и были приняты за основу. Во время этого заседания Ленин на полях постановления ВСНХ сделал заметки, отражающие ход прений. Судя по этим заметкам, основной спор шел с Троцким, который пытался подменить вопрос о политике в области промышленности вопросом о взаимоотношениях ВСНХ и Госплана, доказывая, что «Госплан и ВСНХ не согласованы», что «председатель Госплана должен быть председателем ВСНХ» и т. д. Продолжалась борьба и вокруг оценки плана электрификации. Об этом говорила следующая ленинская запись: «*Троцкий* (против Гоэлро)»; «*Троцкий*: („Освобождение от идеи электрификации“)»[86].

После обсуждения Политбюро поручило новой комиссии (П. А. Богданов, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, А. А. Андреев) отредактировать тезисы, «придав им форму, в которой ЦК мог бы обсудить конкретно по пунктам и выяснить отношение к ним профессиональных союзов и рабочих, в особенности наилучших предприятий»[87]. Таким образом, тезисы ВСНХ, прежде чем стать правительственным решением, должны были пройти широкое обсуждение, в том числе и в профсоюзах. Путь обсуждения по настоянию В. И. Ленина был примерно тот же, что и при принятии «Наказа от СТО».

Показательно также, что пока тезисы ВСНХ готовились и обсуждались в ЦК партии, Ленин упорно искал и другие пути оказания конкретной помощи промышленности, а также проверки опыта проведения в жизнь новых принципов руководства. В начале июля 1921 г. он обстоятельно беседовал с членом коллегии РКИ, старым большевиком, в прошлом рабочим-металлистом А. А. Коростелевым. «Мы ввели нэп, — говорил, по словам Коростелева, Владимир Ильич, — но мы очень мало пока знаем, как он будет развиваться и какие препятствия стоят на

[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 20.
[81] Там же.
[82] См. там же, стр. 21.
[83] В протоколе Президиума ВСНХ от 11 июля проект тезисов получил новое название: «Об экономической политике Советской России и дальнейшей политике руководящих органов РСФСР».
[84] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 107—111.
[85] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 23.
[86] «Ленинский сборник», XX, стр. 111.
[87] Там же, стр. 101.

пути. Нам нужно максимальное обеспечение правильного развития новой экономической политики». Поэтому Ленин предлагал собрать группу рабочих и честных специалистов и их силами обследовать несколько предприятий, проверив, как они снабжаются топливом, продовольствием, деньгами и что мешает их работе [88].

Вскоре после этой беседы при НК РКИ была создана под руководством А. А. Коростелева специальная комиссия содействия хозяйственным органам (сокращенно «Комсохоор»), перед которой ставился довольно широкий круг задач [89].

В течение всего июля 1921 г. В. И. Ленин вел оживленную переписку с А. А. Коростелевым [90], подчеркивая исключительную важность, ответственность и трудность того дела, которое возложено на комиссию. Когда А. А. Коростелев 15 июля попросил совета: «куда же следует переместить центр тяжести намеченной работы комиссии содействия хозяйственным органам: на *помощь предприятиям* в новой хозяйственной обстановке или на помощь улучшения быта рабочих?», и высказал свое мнение, что «первая задача для нашей комиссии является *основной, главной,* а вторая уже попутная, тесно зависимая от решения первой», В. И. Ленин на полях письма (против выделенных курсивом слов) написал: «Именно! Конечно» [91]. В ответном письме Коростелеву от 15 июля Владимир Ильич подчеркнул: «Конечно, все дело в *помощи предприятиям.* Вы правы» [92].

«Комсохоор», хотя и являлся правительственной комиссией, действовал скорее на общественных началах и проводил свою работу преимущественно в Москве при президиуме Моссовета и МГСПС. Жизненно важное значение для всей промышленности приобрел вопрос законодательного оформления новых принципов работы и их окончательное утверждение Совнаркомом.

Комиссия, выделенная пленумом ЦК 16 июля, представила 21 июля проект постановления «О проведении в жизнь новой экономической политики» [93], который значительно отличался по своему содержанию от тезисов ВСНХ 6 и 16 июля и в дальнейшем почти полностью был положен в основу принятого Совнаркомом 9 августа 1921 г. «Наказа о проведении в жизнь начал новой экономической политики».

При просмотре проекта комиссии Политбюро от 21 июля Ленин ограничился только некоторыми редакционными замечаниями [94].

В период между 21 июля и 9 августа проходило широкое обсуждение проекта среди хозяйственных и профсоюзных работников. Состоялись заседания как коммунистических фракций, так и центральных комитетов всех профсоюзов, а 23 июля — объединенное собрание коммунистических фракций союзов, президиума МГСПС и представителей петроградских профсоюзов, где проект «Наказа» был единодушно одобрен.

[88] См. «Ленинский сборник», VIII, стр. 29.
[89] См. там же, стр. 29—30.
[90] См. письма В. И. Ленина А. А. Коростелеву от 13, 15 и 26 июля 1921 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 26, 32, 67—68).
[91] «Ленинский сборник», VIII, стр. 33.
[92] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 32.
[93] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 112—116.
[94] См. там же, стр. 116—117.

25 июля ВСНХ утвердил проект и принял решение созвать для его обсуждения ряд конференций губсовнархозов по областям — в Центральном районе, на Северо-Западе и в Поволжье, на Юго-Востоке и на Украине.

26 июля проект постановления был принят за основу Совнаркомом и создана новая комиссия для его окончательного редактирования. Эта комиссия совместно с комиссией, выделенной собранием коммунистических фракций профсоюзов, и комиссией ЦК партии, подготовила текст решения для пленума ЦК, открывшегося 9 августа, который одобрил постановление и в тот же день внес его от имени ЦК на утверждение Совнаркома [95]. Вечером 9 августа на заседании СНК проект был окончательно принят как «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики» [96].

9 августа 1921 г. состоялось еще одно заседание, имеющее непосредственное отношение к истории выработки «Наказа» и представляющее большой интерес для понимания его значения в перестройке социалистической промышленности на новых началах. Речь идет о заседании промышленной секции Госплана, где был заслушан доклад заведующего экономическим отделом ВСНХ С. Л. Вайнштейна «О работах Центрального производственного управления ВСНХ по проведению новой экономической политики». В материалах Госплана сохранилась полная стенограмма этого заседания [97]. Его открыл председатель промышленной секции А. Н. Долгов, который подчеркнул, что новый курс экономической политики в области промышленности полностью еще не проведен в жизнь. Поскольку крупная промышленность является основой государства, задача заключается в немедленном улучшении ее работы. А для этого надо ее «раскрепостить» в отношении как принципов, так и форм руководства ею [98]. Термин «раскрепощение промышленности» довольно часто применялся в выступлениях на этом заседании, и даже комиссию ВСНХ по подготовке тезисов о новой экономической политике в промышленности А. Н. Долгов называл «комиссией по раскрепощению промышленности» [99].

Докладчик ВСНХ С. Л. Вайнштейн рассказал историю подготовки «Наказа». Он говорил, что, выполняя задания СТО, ВСНХ подготовлял проекты декретов, но жизнь каждый раз вносила поправки, требуя прежде всего разрешения основного вопроса о расширении прав крупных предприятий в области материального и финансового снабжения. До сих пор «у заводоуправления были скованы руки по отношению ко всему, что находится в пределах фабрики, даже отбросы, даже брак не могут быть взяты в дело иначе, как по программе, заранее установленной

[95] В утреннем заседании пленума ЦК 9 августа участвовал В. И. Ленин. Пленум принял за основу проект комиссии, предложил исправить его стилистически и «провести сегодня же через СНК» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 70, л. 1). На заседании СНК вечером 9 августа Ленин не присутствовал.

[96] К тексту «Наказа СНК» было предпослано следующее сообщение: «Принятый 9.VIII „Наказ" представляет значительный шаг вперед в деле проведения новой экономической политики». Далее следовало подробное изложение всего хода обсуждения «Наказа» в ряде комиссий, совещаний, среди руководящих работников профсоюзов и т. д. (См. «История СССР», 1968, № 2, стр. 8).

[97] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 9, д. 2, лл. 68—101.

[98] Там же, л. 69.

[99] Там же, л. 101.

в надлежащем месте» [100]. Необходимо поэтому предоставить заводоуправлениям «значительно больше прав и в смысле кредита и с точки зрения распоряжения финансовыми и материальными ресурсами» и в больших пределах «менять и видоизменять свою производственную программу и главным образом заботиться, чтобы увеличился эффект производства, чтобы количество выпускаемых на рынок товаров было по возможности больше» [101].

Обеспечивая возможность пойти дальше по пути «раскрепощения» крупной промышленности, ВСНХ подготовил проект, «который не сегодня-завтра должен пройти в СТО», — «О мерах восстановления крупной промышленности, к поднятию и развитию ее производства» [102]. Суть этого проекта заключалась в том, что предприятия получают стимул для развития производства «не по приказу свыше, не под мечом кары, а непосредственно под экономическим, хозяйственным и коммерческим расчетом будет ставиться дело» [103]. Характеризуя другие стороны подготовляемых декретов, докладчик говорил о возможности реализации части продукции государственных предприятий на рынке, о необходимых изменениях в тарифной политике, введении сдельщины и премиальной системы.

В прениях по докладу С. Л. Вайнштейна на заседании промышленной секции выступили председатель Госплана Г. М. Кржижановский, говоривший о задачах плановой работы в новых условиях, ведущие работники Госплана — А. Н. Долгов, К. А. Круг, И. Г. Александров, Н. Н. Вашков и др.

Заседанием в Госплане как бы завершилась история обсуждения и подготовки «Наказа СНК» 9 августа 1921 г. Весь длительный процесс выработки этого важнейшего документа партии и правительства вновь убедительно демонстрировал ленинские методы руководства. Привлечение широкого круга хозяйственных работников и актива профсоюзов к обсуждению «Наказа СНК» являлось, по мысли В. И. Ленина, лучшей гарантией проверки правильности намечаемых мер. После такого рассмотрения правительственный документ приобретал характер не продиктованного сверху узковедомственного постановления, а подлинного руководства к действию, получившего одобрение советской общественности, которая активно участвовала в его подготовке.

Длительность обсуждения объяснялась также огромным принципиальным значением этого документа, ибо в нем впервые были изложены основы проведения новой экономической политики *непосредственно в социалистическом секторе народного хозяйства.* Это было сделано только в августе 1921 г., почти через полгода после перехода к нэпу, и, как отмечалось в самом «Наказе», с некоторым запозданием. Причины такого запоздания, очевидно, объяснялись не только сложностью вопроса, но и первоначально сложившимся представлением, что новая экономическая политика вносит коренные изменения только во взаимоотношения с крестьянством и в область торговли, т. е. применительно лишь к ча-

[100] Там же, л. 73.
[101] Там же, л. 74.
[102] Имеется в виду постановление СТО от 12 августа 1921 г., о котором речь будет идти в дальнейшем изложении.
[103] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 9, д. 2, л. 76.

стнокапиталистическому и мелкотоварному секторам народного хозяйства. Но постепенно становилось ясным, что принципы новой экономической политики имеют прямое отношение к социалистическому сектору народного хозяйства и без их проведения в жизнь невозможен сколько-нибудь серьезный успех в основном вопросе, определяющем общие перспективы развития и победу социализма в экономическом соревновании с капиталистическими элементами.

Именно этой решающей задаче — определению принципов новой экономической политики применительно к социалистическому сектору народного хозяйства и был посвящен «Наказ СНК».

В вводной части «Наказа» прежде всего отмечалось, что проведение начал новой экономической политики в области промышленности «совершается слишком медленно и не идет тем темпом, которого требует тяжелое положение народного хозяйства». Поэтому «партийные, советские органы и союзы должны принять самые решительные меры к выходу из создавшегося положения, что возможно только на основе энергичного и делового проведения до конца установленных партийных директив в области новой экономической политики» [104].

Комиссия ЦК внесла в тезисы ВСНХ раздел, в котором давалась краткая характеристика существа «военно-коммунистических» методов руководства промышленностью, полностью себя изживших; им противопоставлялись новые принципы.

Во-первых, было установлено, что «Государство в лице Высшего Совета народного хозяйства и его местных органов сосредоточивает в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга» [105].

Во-вторых, в «Наказе» впервые был выдвинут принцип точного хозяйственного расчета как основной принцип работы государственных предприятий.

Наконец, в-третьих, давалась следующая важнейшая директива: «Пуск и ведение Высшим Советом народного хозяйства и его местными органами предприятий допустимы лишь в тех пределах, в которых, согласно общегосударственного плана, означенные предприятия будут обеспечены материальными, продовольственными и денежными ресурсами как из общегосударственных органов, так и из других источников» [106].

«Наказ» делал также чрезвычайно важный шаг вперед еще в одном отношении. Если декрет от 17 мая допускал право реализации части продукции на рынке для мелкой и кустарной промышленности, то «Наказ» впервые распространил это право также на изделия крупной социалистической промышленности. «В целях дополнения к тому, что дает государство, — говорилось в «Наказе», — предприятиям или его руководящим органам предоставляется право реализовать часть продуктов собственного или подсобного производства, в установленных государством для

[104] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. М., 1957, стр. 255.
[105] Там же, стр. 256.
[106] Там же.

этого по каждой отрасли промышленности или предприятию пределах, для приобретения недостающих предметов снабжения как внутри, так и за границей» [107].

Далее следовали специальные пункты, посвященные вопросам рабочего снабжения и заработной платы, устанавливающие материальную заинтересованность рабочего в результатах производства и развивающие инициативу в деле повышения производительности труда.

Все это определяло принципы работы социалистических предприятий, остающихся на государственном снабжении и находящихся в ведении ВСНХ и его местных органов. Остальные предприятия, преимущественно мелкие, могли сдаваться в аренду или временно консервироваться. «Советские органы должны не колеблясь и энергично проводить в жизнь декрет о сдаче в аренду в отношении тех предприятий, которые не могут быть пущены в ход и поддерживаемы советскими хозяйственными органами, содействуя тем разгрузке государственного аппарата от мелких предприятий и заводов». Одновременно ставилась задача при поддержке мелкой и кустарной промышленности «твердо идти по пути кооперирования мелких производителей, комбинируя там, где это хозяйственно-технически целесообразно, кооперативно организованную кустарную промышленность с крупными промышленными предприятиями» [107а].

Специальный пункт «Наказа» посвящался Госплану, на который наряду со срочной выработкой общехозяйственного плана возлагалась задача «провести в кратчайший срок правильный отбор основных жизнеспособных предприятий и отдельных отраслей промышленности при максимальном их производственном уплотнении, работоспособности, концентрации, с выявлением определенных ударных направлений для решающих производств и отраслей хозяйства. При этом должны быть учтены специальные нужды районов и выгодность принципа комбинированных предприятий» [108].

«Наказ» принимался в то время, когда линия на организацию товарообмена с крестьянством еще сохранялась как ведущая форма обмена между городом и деревней. Однако именно в «Наказе» впервые было сказано, что при принятии мер к развитию государственного и кооперативного товарообмена «не следует ограничиваться рамками местного оборота и переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена».

В «Наказе» ставился широкий круг экономических задач и в области финансовой политики, оздоровления денежного обращения, внешней торговли и т. д. Два пункта «Наказа» были посвящены профессиональным союзам, причем один из них (п. 15) был включен в «Наказ» на заключительном этапе работы объединенной комиссией ЦК, Совнаркома и представителей профсоюзов, устанавливая непосредственное участие профсоюзных органов в отборе первой группы предприятий, а равно в определении норм снабжения и оплаты труда.

Все эти общие положения, кратко сформулированные в «Наказе», определяли основные принципы перестройки государственной промыш-

[107] Там же, стр. 256.
[107а] Там же, стр. 257.
[108] Там же, стр. 258. Этот пункт, как уже указывалось, был написан Г. М. Кржижановским.

ленности, но требовали дальнейшей конкретизации и детального рассмотрения каждой из поставленных задач в отдельности. Поэтому последний, заключительный абзац «Наказа» давал следующее важнейшее указание: «Совет Труда и Обороны, Высший Совет народного хозяйства и Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов немедленно приступают к разработке ряда декретов, вытекающих из настоящего наказа».

В самом деле, через три дня после утверждения «Наказа» было принято постановление СТО от 12 августа 1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства», которое готовилось одновременно с «Наказом».

«Наиболее крупные, технически оборудованные, целесообразно организованные и соответственно расположенные предприятия в данной отрасли промышленности могут быть соединены,— говорилось в постановлении,—... в особое объединение, организуемое на началах хозяйственного расчета...» [109] Далее указывалось, что правления объединений представляют в высшие органы проекты производственных планов. Государство отпускает в пределах плана определенные фонды. В постановлении оговаривалось также право самостоятельной заготовки, предоставляемое предприятиям для пополнения недостающих ресурсов, а также право закупок за границей на основе соглашений с ВСНХ и НКВТ.

Вслед за постановлением СТО от 12 августа был утвержден декрет СНК от 16 августа «О расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами». Этим декретом главным управлениям отдельных отраслей промышленности, а также управлениям предприятий разрешалось в течение сметного периода «передвигать вполне самостоятельно ассигнования из одного параграфа в другой, оставаясь, однако, в пределах утвержденной общей суммы сметы...», и отменялось требование Наркомфина о предоставлении (в пределах утвержденных смет) оправдательных документов по существу как прямых, так и авансовых расходов [110]. Такие же права предоставлялись главным управлениям и в отношении распоряжения материальными ресурсами предприятий, разрешалась переброска их из одного предприятия в другое, а брак, обрезки и отбросы производства главные управления могли использовать по своему усмотрению [111].

Все эти меры преследовали цель обеспечить предприятию бóльшую свободу маневрирования; в основу был положен принцип хозяйственного расчета, при котором все затраты на предприятии должны строго учитываться и окупаться. Устанавливался новый порядок управления предприятиями, было проведено их *трестирование*.

Первые тресты начали создаваться уже в июле 1921 г.[112] Но большинство трестов возникло после постановления СНК от 16 августа.

[109] СУ, 1921, № 63, ст. 462.
[110] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 266.
[111] Там же, стр. 267.
[112] Так, 28 июля 1921 г. Президиум ВСНХ утвердил трест «Льноправление», в состав которого входили фабрики Костромского района с общим числом рабочих свыше 20 тыс. человек.

Создание трестов должно было привести к упрощению аппаратов главных управлений при ВСНХ. Главные управления передавали трестам полностью все права по руководству предприятиями и распоряжению материальными, денежными и другими ресурсами. Именно в органах непосредственного управления предприятиями сосредоточивалась вся административная власть, а за центральными органами сохранялись лишь функции учета, планирования и контроля. Создание трестов с полномочными правлениями во главе ставило предприятия в такие условия, когда они могли действовать самостоятельно и проявлять необходимую инициативу.

В порядке уточнения и конкретизации всех вопросов, связанных с товарообменом и торговлей применительно к крупной промышленности, был подготовлен и издан, в развитие «Наказа», специальный декрет Совнаркома от 27 октября 1921 г. «О свободной реализации продукции предприятиями, снятыми с государственного снабжения». Право свободной продажи своей продукции на рынке получали лишь предприятия, снятые со всех видов государственного снабжения. Крупная промышленность, оставшаяся на государственном снабжении, должна была создавать необходимый государственный фонд. Однако и она получала право реализации части своей продукции на рынке в целях дополнительного снабжения, но в пределах твердо и жестко установленных смет и норм, удовлетворяя в первую очередь нужды государства.

Для строгого регулирования торговли государственных предприятий и для того, чтобы избегать сделок с частным посредником, при органах снабжения губсовнархозов были созданы специальные торговые отделы, а при Президиуме ВСНХ — Центральный торговый отдел.

Мы рассмотрели здесь только те декреты Советского правительства, которые имели непосредственное отношение к перестройке руководства промышленностью на новых началах. Важнейшие решения по вопросам финансовой, тарифной политики, перестройки деятельности профсоюзов требуют самостоятельного рассмотрения. Мы и обратимся прежде всего к этому последнему вопросу, ибо задачи профсоюзов в условиях нэпа были определены в важнейшем ленинском документе, который как бы завершал всю перестройку хозяйственного фронта на новых началах.

3.

Ленинские тезисы «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики»

Новая экономическая политика потребовала организации по-новому не только промышленного производства, но и всей системы организации и оплаты труда. Постепенно осуществлялась демилитаризация промышленности, разрешался свободный переход рабочих с одного предприятия на другое, ликвидировались трудармии и трудмобилизации, совершался переход от уравнительности периода «военного коммунизма» к установлению дифференцированной оплаты труда и внедрению принципов материальной заинтересованности в результатах труда.

Реализация этих новых методов в практике работы, их дальнейшая конкретизация становились первоочередной задачей профсоюзов.

Не меньшее значение приобретали и вопросы организации рабочих на частных, арендованных и концессионных предприятиях, охрана и защита прав трудящихся от эксплуататорских поползновений нэпманской буржуазии.

Задачи перестройки профсоюзов применительно к новым условиям являлись предметом самого широкого обсуждения на протяжении всего 1921 г. Это обсуждение завершилось в январе 1922 г. принятием ЦК партии, а затем и XI съездом РКП(б) важнейшего документа — ленинских тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики». Чтобы понять историю подготовки этого документа и его огромное значение, необходимо проследить сначала, как накапливался и обобщался опыт деятельности профсоюзов в течение первого года нэпа, как шли поиски новых методов работы и принципов организации труда.

Впервые все эти вопросы встали на IV съезде профсоюзов (17—25 мая 1921 г.). Ход работы съезда, события, которые произошли на заседаниях его коммунистической фракции, до сих пор почти совсем не освещались в советской исторической литературе. Это можно объяснить едва не полным отсутствием необходимых материалов, в частности материалов фракции РКП(б) съезда, заседания которой не стенографировались. Не сохранилось даже их протокольной записи. Только в последние годы в Полном собрании сочинений В. И. Ленина впервые был опубликован конспект его речи на заседании комфракции 18 мая 1921 г.[113] Одновременно в печати появилось несколько интересных воспоминаний участников работы съезда. Кроме того, события во фракции были предметом обсуждения на XI съезде РКП(б), и стенографический отчет съезда можно использовать как ценный источник для восстановления картины той борьбы, которая развернулась на IV съезде профсоюзов. История этой борьбы показывает, как труден и сложен был процесс перестройки профсоюзов, как сказывались еще рецидивы ошибочных взглядов на роль и задачи профсоюзов в новых условиях, какое значение имели ленинские методы воспитания и убеждения, ленинские выступления на фракции, обеспечившие победу правильной партийной линии в этом важнейшем вопросе.

Придавая большое значение съезду профсоюзов, ЦК партии создал комиссию («пятерку») для руководства его работой, в которую вошел и председатель ВЦСПС М. П. Томский. Комиссия подготовила проект резолюции по отчетному докладу ВЦСПС, рекомендуя защищать и провести его на съезде.

18 мая утром началось заседание комфракции съезда профсоюзов для утверждения этой резолюции. Но Томский, нарушив прямое указание ЦК, не довел резолюцию ЦК до сведения фракции, и в результате была принята резолюция, предложенная Д. Б. Рязановым, по существу противопоставлявшая профсоюзы партии, проповедовавшая меньшевистскую линию «независимости» профсоюзов. Узнав об этом решении фракции,

[113] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 393. В ЦПА ИМЛ (ф. 461, ед. хр. 4301) хранится свыше 40 записок, посланных делегатами В. И. Ленину во время его речи на фракции РКП(б) IV съезда профсоюзов.

В. И. Ленин был глубоко возмущен поведением Томского. «Однажды мне довелось увидеть Ленина разъяренным, беспощадным и возмущенным так, как может быть возмущен и беспощаден человек, для которого партийное решение превыше всего», — писала впоследствии в своих воспоминаниях С. Бричкина, рассказывая о реакции Владимира Ильича на поведение Томского. — «Я увидела силу гнева, способного смести все, что стоит на пути и мешает в достижении намеченной цели»[114].

На пленуме ЦК, состоявшемся в тот же день, В. И. Ленин потребовал самого строгого и непримиримого осуждения поведения Томского и пересмотра решения фракции, принявшей резолюцию Рязанова. Пленум поручил Ленину, Бухарину и Сталину «сегодня выступить на фракции» и «разъяснить „независимский" характер принятой фракцией резолюции».

Комиссии ЦК по руководству съездом, из которой был выведен Томский, предлагалось «созвать на сегодня в 6 ч. вечера фракцию съезда, на которой пересмотреть принятую вчера резолюцию, предложенную т. Рязановым».

«Ввиду того, — говорилось далее в решении пленума, — что резолюция, предложенная Рязановым, в особенности его речь на фракции, показали полное расхождение взглядов т. Рязанова со взглядами партии на так называемую независимость профсоюзов и ввиду повторения нарушения т. Рязановым резолюции X съезда о партийной дисциплине, ЦК постановляет т. Рязанова отстранить от всякой работы в профдвижении. Той организации, которая избрала т. Рязанова, предложить заменить его другим делегатом. Провести решение ЦК через фракцию». Пленум ЦК вынес также порицание тт. Артему, Шляпникову и Кутузову за то, что «участвуя в заседании фракции съезда, на котором проводилась антипартийная резолюция, — они не приняли мер к отстаиванию партийных решений».

Далее следовали специальные пункты решения пленума ЦК, посвященные непосредственно Томскому. Он был освобожден от работы в ВЦСПС и от докладов на съезде профсоюзов. Пленум ЦК удовлетворил ходатайство Томского «о разрешении ему не присутствовать на сегодняшнем заседании фракции и на всем съезде профсоюзов»[115] и назначил комиссию в составе И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, А. С. Киселева и Ф. Э. Дзержинского, поручив им «рассмотреть факты и определить, считают ли они необходимым наложить на т. Томского за нарушение партдисциплины такую меру взыскания, которую вправе наложить ЦК своею властью, или такую, которую может наложить лишь экстренное партийное собрание, стоящее выше ЦК»[116].

[114] С. Бричкина. Товарищеская забота. — «Ленинские страницы». М., 1960, стр. 144—145.

[115] Отметим в этой связи, что в приведенных выше воспоминаниях С. Бричкиной допускается одна фактическая неточность. Она пишет о том, что Политбюро предложило М. П. Томскому самому провести через фракцию съезда профсоюзов решение об отводе своей кандидатуры на пост председателя ВЦСПС, а он это поручение не выполнил и не выступил на фракции с самоотводом.

[116] Э. Б. Генкина. В. И. Ленин и вопросы хозяйственного руководства при переходе к нэпу. — «История СССР», 1968, № 2, стр. 12; см. также: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 65, л. 1 об. Последний пункт решения пленума предполагал возможность применения к Томскому пункта 7 резолюции X съезда ВКП(б)

Настоятельная необходимость принятия таких строгих и суровых мер станет особенно понятной, если обратиться к самому содержанию резолюции Рязанова.

Эта резолюция в материалах съезда не была приведена, но ее почти полностью зачитал Рязанов в своем выступлении на XI съезде партии, пытаясь апеллировать к съезду против решения ЦК о его отстранении от работы в профдвижении.

В первом пункте рязановской резолюции говорилось, например, что одной из причин неработоспособности ВЦСПС является якобы «ненормальное взаимоотношение между центральными учреждениями партии и фракцией ВЦСПС» и что поэтому партия должна «отказаться» от «мелочной опеки» и «чрезмерного вмешательства» «в текущую работу ВЦСПС». Таким же духом отказа от руководства партии, провозглашения линии «независимости» профсоюзов была проникнута вся резолюция Рязанова в целом [117].

На вечернем заседании комфракции съезда 18 мая выступил В. И. Ленин. Насколько его выступление по отношению к Рязанову и Томскому было резким и непримиримым, лучше всего свидетельствует конспект ленинской речи и первые ее четыре пункта, которые гласили:

«1. Устав РКП: партия и фракции.

2. Резолюция ЦК — и ее **СОКРЫТИЕ.**

3. Рязанов и его роль. (Антипартийная резолюция Рязанова)...

4. Томский и его *ошибка или преступление*?..» [118]

Таким образом, Ленин оценил резолюцию Рязанова как антипартийную, а позицию Томского и сокрытие им решения ЦК как такую ошибку, которая граничит с преступлением против партии.

Делегат съезда А. М. Дурмашкин попытался в своих воспоминаниях восстановить содержание ленинского выступления и впечатление, которое оно произвело на коммунистическую фракцию IV съезда профсоюзов.

«Речь Ленина была не длинной, — писал он, — но убедительной, все в ней было просто и ясно. В той части, где она была направлена против Рязанова и Томского, речь была острополемической, непримиримой». Резко критикуя Рязанова, его печальную, как говорил Владимир Ильич, славу любителя играть в оппозицию и всем известную склонность поддерживать синдикалистские элементы в профдвижении, что и нашло отражение в предложенной им антипартийной резолюции, Ленин вместе с тем, как вспоминал А. М. Дурмашкин, счел необходимым сказать о Рязанове как о «маститом историке профдвижения» и напомнить, что в этом «его талант полезен». «Но было бы ошибкой, — тут же добавлял он, — (и большинство фракции допустило эту ошибку) полагаться на его политическую линию».

Томский же, говорил далее Владимир Ильич, обманул доверие партии, и на него, в первую очередь, ложится вина за создавшееся во фракции

«О единстве партии», допускавшего в отдельных случаях грубого нарушения партдисциплины вывод из членов ЦК и даже исключение из партии. Очевидно, в отношении Томского эта крайняя мера не была принята, на него наложили строгое партийное взыскание, он был снят с поста председателя ВЦСПС и послан на работу в Туркестан.

[117] «XI съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1961, стр. 261—263.

[118] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 393.

положение. Ставя вопрос: «ошибка или преступление?» — Ленин тем самым как бы подчеркивал, что «даже если нет фактов, позволяющих думать о сознательном содействии со стороны Томского проведению во фракции антипартийной резолюции Рязанова, налицо вопиющая безответственность, неслыханное нарушение партийной дисциплины... Так работать нельзя. Без дисциплины мы погибнем. Политбюро — орган коллективный. У нас бывают разногласия. Каждый имеет право отстаивать свое мнение. Но решение принято — проводи его. Это азбука».

«Эта речь Владимира Ильича,— заканчивал свои воспоминания А. М. Дурмашкин, — осталась в моей памяти как яркий пример умения Ленина говорить с людьми и убеждать их» [119].

Действительно, фракция РКП(б), только накануне принявшая резолюцию Рязанова, после речи В. И. Ленина подавляющим большинством отменила эту резолюцию и одобрила решение ЦК [120].

Некоторые интересные и важные штрихи о ходе вечернего заседания фракции РКП(б) 18 мая и о выступлении В. И. Ленина вносят воспоминания другого участника событий— Л. И. Стронгина [121]. Он рассказывает, например, о том, что «В. И. Ленину пришлось трижды выступать с довольно пространными речами» на фракции. Весьма вероятно, что после своего основного выступления Владимир Ильич, как это часто бывало, дополнительно отвечал на вопросы, терпеливо добиваясь отмены неправильного решения. Чрезвычайно характерен для Ленина и следующий факт, приведенный Л. И. Стронгиным.

Некоторые члены фракции, стоявшие за безоговорочное утверждение решения ЦК, поставили перед Лениным вопрос: «Зачем Вам после принятия определенного решения ЦК тратить столько энергии и драгоценного времени, чтобы увещевать упорствующих и недооценивающих важности этих мер? Проще было бы Вам воспользоваться всем известным уставным положением, по которому все решения партии и ее руководящих учреждений обязательны для всех частей партии. На этом основании следовало объявить в категорической форме указанное решение к сведению и руководству членов комфракции, и все должны были его выполнить беспрекословно».

В. И. Ленин, по словам Л. И. Стронгина, ответил, что такой вопрос закономерен, хотя он не так прост, как это кажется. «Поступить так, как рекомендуют задающие вопрос, в данном случае было бы опрометчиво. Во-первых, нельзя подходить к вопросу формально, особенно имея перед собою рабочую аудиторию; нужно постараться со всех точек зрения разобраться в вопросе, а затем терпеливо объяснить смысл этого мероприятия и убедить всех заблуждающихся и не понимающих

[119] А. М. Дурмашкин. Внимание Ленина к профсоюзам. — «О Владимире Ильиче Ленине». М., 1963, стр. 532.

[120] Перелом в настроениях фракции РКП(б) съезда, очевидно, наметился сразу же, как только стало известно о решении ЦК партии. В справке «Настроение среди представителей съезда», посланной С. А. Лозовским в ЦК 18 мая, говорилось, что Московская, Иваново-Вознесенская, Нижегородская, Уральская делегации и делегация Киргизской республики требуют пересмотра и отмены резолюции Рязанова. Указывалось также, что «на собрании представителей от губернских делегаций, за исключением трех представителей, все высказались за требование на фракции пересмотреть резолюцию Рязанова...» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 4301, л. 1—1 об.)

[121] «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 157—159.

его правильности. Во-вторых, нужно воспользоваться тем, что здесь собрался актив Всероссийского съезда профсоюзов, чтобы еще раз рассказать делегатам о важнейших задачах, вытекающих из решений X съезда партии с тем, чтобы они, разъехавшись на места, по заводам, фабрикам и учреждениям, сумели по-большевистски разъяснить это трудящимся. Ведь важнейшей ролью профсоюзов в нашей стране остается их воспитательная роль как школы коммунизма» [122].

После выступления В. И. Ленина началось обсуждение [123], но поворот в настроении фракции был уже предопределен самой логикой и убедительностью ленинской аргументации. «Ленин всех убедил в правильности постановления ЦК. Достигнув единогласного одобрения, он весь просиял и начал торопливо собираться, тепло попрощавшись с нами» [124].

Как свидетельствует «План речи на съезде профсоюзов» [125], В. И. Ленин собирался выступить также на пленарном заседании съезда. Но отклонение комфракцией антипартийной резолюции Рязанова и единодушное принятие резолюции, рекомендованной ЦК, явившееся результатом ленинской речи, определили всю дальнейшую работу съезда. А подготовка к партконференции, открывавшейся 26 мая, очевидно, не позволила Ленину осуществить свое намерение и выступить на пленарном заседании съезда профсоюзов.

Какое значение имело правильное решение фракции, показали дальнейшие события. Защитниками так называемой «независимости» профсоюзов отныне на съезде стали меньшевики [126]. В предложенной съезду резолюции «группы социал-демократов» (меньшевиков) по вопросу о роли и задачах профсоюзов имелись прямые выпады против якобы «подчинения профсоюзов государственной власти» и выдвигалось требование немедленного «восстановления классовой самостоятельности от государственной власти и политических партий независимых самоуправляющихся свободных пролетарских организаций, построенных на началах добровольности и самодеятельности рабочих масс» [127]. В течение работы съезда меньшевики и эсеры выступали с клеветническими заявлениями, зачитывали «декларации» и предлагали свои резолюции по всем вопросам повестки дня.

В этой напряженной обстановке острой борьбы делегаты съезда, как коммунисты, так и беспартийные, смогли дать достойный отпор

[122] «Исторический архив», 1958, № 4, стр. 158.

[123] Рассказывая об этом обсуждении, Л. И. Строгин привел любопытный эпизод, подтверждающий, что стенограмма заседания фракции не велась. Когда один из делегатов, выйдя на трибуну, стал смущенно оглядываться по сторонам, будто что-то разыскивая, Ленин заметил: «Вы, конечно, обеспокоены отсутствием стенографисток. Факт, здесь их нет». Тот возразил: «Наоборот, я был бы смущен их присутствием». Ленин засмеялся и сказал: «Вот и хорошо. Говорите, не стесняясь, говорите, как можете, а я с интересом послушаю» (там же, стр. 159).

[124] Там же.

[125] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 401—402.

[126] Среди более чем 3000 делегатов IV съезда профсоюзов группа меньшевиков и эсеров была ничтожной (26 человек — с правом решающего, 11 — с правом совещательного голоса).

[127] «IV Всероссийский съезд профсоюзов». Стенографический отчет. М., 1921, стр. 70. За эту резолюцию было подано всего 4 голоса.

меньшевистско-эсеровской клевете и измышлениям лишь благодаря тому, что они были вооружены ленинскими указаниями и вовремя поправили чреватую тяжелыми последствиями ошибку, вызванную первоначальным принятием антипартийной резолюции Рязанова.

Был еще один вопрос работы съезда профсоюзов, который потребовал прямого вмешательства В. И. Ленина и ЦК партии. Речь шла о резолюции по тарифному вопросу, который подвергался обсуждению еще до съезда и на самом съезде вызвал наиболее оживленную дискуссию. Достаточно сказать, что на пленарном заседании съезда 24 мая докладу В. В. Шмидта о тарифной политике сопутствовал содоклад меньшевика Штульмана и голосовалось пять резолюций: резолюция фракции большевиков и тезисы А. З. Гольцмана, с одной стороны, тезисы Штульмана от меньшевиков, тезисы Донича от эсеров и резолюция делегата Певцаева (беспартийный).

Чтобы понять суть споров, в том числе в комфракции, по этому вопросу, необходимо остановиться на истории его подготовки и обсуждения.

Задача изменения тарифной политики встала после перехода к нэпу с особой остротой, и ее решение представляло большие трудности. Развитие рынка и рыночных отношений, казалось бы, позволяло совершить переход от натуральной к денежной зарплате и ликвидировать пайковое снабжение по карточкам. Но резкое падение стоимости бумажных денег создавало опасность уменьшения реальной заработной платы и требовало обязательного сохранения на определенный период натуральных выдач.

В то же время необходимо было предотвратить все более усиливающийся процесс превращения зарплаты в своеобразную форму социального обеспечения, в обязательство государства снабжать всех поровну независимо от результатов труда. Жизненно важной становилась задача создания стимулов личной материальной заинтересованности, поощрения лучше работающих и наиболее квалифицированных рабочих, ибо от этого зависела судьба дальнейшего восстановления и развития промышленности и собирания кадров индустриального пролетариата, распыленных и деклассированных в период гражданской войны.

Декрет «О натуральном премировании» от 7 апреля 1921 г. намечал первые шаги по материальному стимулированию рабочих. Однако Ленин с самого начала отмечал временный и ограниченный характер этого декрета. В день его принятия он писал Л. Б. Каменеву: «...Мы очень поспешили, зря поспешили с законом о натуральной премии в виде продукта фабрик для обмена. Помяните мое слово: *здесь* торопливость вредна и к добру не поведет. Все и всяческие отсрочки и ограничения сей меры *еще* можно и *д о л ж н о* провести.

Иначе наплачетесь (и больше всего Вы, ибо рабочие *В а с* за „обман" будут проклинать)» [128].

В дальнейшем, после первого опыта проведения натурпремирования, Ленин смог на майской партконференции подробнее охарактеризовать отдельные отрицательные стороны этой меры и объяснить основные причины, диктующие необходимость ее принятия. Среди отсталой

[128] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 131.

части рабочего класса, говорил он, имели место примерно следующие настроения: крестьянам уступку сделали, надо, чтобы это было сделано и для рабочих. «В силу печальных условий нашей действительности,— указывал Владимир Ильич,— пролетарии вынуждены прибегать к способам заработка не пролетарским, не связанным с крупной промышленностью, а мелкобуржуазным, спекулятивным и путем ли хищений, путем ли частного производства на общественной фабрике добывать продукты себе и эти продукты обменивать на земледельческие, в этом наша главная экономическая опасность, главная опасность всего существования советского строя» [129]. Чтобы избавить рабочего от опасности выступать в сфере экономической в качестве спекулянта или мелкого производителя, «мы в период переходного времени никаких жертв жалеть не должны». Одной из таких мер и являлся декрет о натурпремировании, хотя он был уступкой тем настроениям, которые коренились в прошлом. «До той или иной небольшой грани эта уступка была необходима. Она сделана, но ни на секунду не надо забывать, что тут мы делали и делаем уступку, необходимую не с точки зрения какой-либо иной, кроме как с точки зрения экономической, с точки зрения интересов пролетариата» [130] и улучшения, хотя бы этим путем, материальных условий его жизни и работы.

Одновременно Ленин предупреждал также о том, что не следует рассматривать эту уступку «шире, чем нужно», ибо «мы только временными условиями и затруднениями в продовольственном и топливном отношениях были вынуждены вступить на этот путь» [131].

Практика натурпремирования вскоре подтвердила опасения Ленина. Основной принцип декрета — премирование за повышение производительности труда и *сверх* установленного пайка фактически не был осуществлен. На деле натурпремия превратилась в форму выдачи дополнительного пайка в добавление к нормированному.

В этих условиях начались поиски правильного решения вопроса и возникла идея перехода к так называемому коллективному снабжению. Она была подробно изложена Ю. Ларины м и А. З. Гольцманом [132] на объединенном заседании президиумов ВСНХ и ВЦСПС 6 мая при обсуждении проекта декрета о новых формах заработной платы.

Газета «Экономическая жизнь» 10 мая 1921 г. излагала суть этого проекта следующим образом: «т. т. Гольцман и Ларин разработали проект о натурализации заработной платы и о выдаче ее в соответствии с производительностью труда. По этому проекту основной, ныне выдаваемый рабочим и служащим продовольственный паек упраздняется, а все продовольствие, получаемое от продналога и обмена, поступает исключительно в заработную плату, выдаваемую рабочим и служащим в зависимости от производительности труда».

Однако точка зрения Ларина и Гольцмана на объединенном заседании президиумов ВСНХ и ВЦСПС встретила возражения. В содокладе В. П. Милютина был представлен другой проект, по которому основ-

[129] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 310.
[130] Там же, стр. 309.
[131] Там же.
[132] А. З. Гольцман в это время был членом Президиума ВЦСПС, заведовал тарифным отделом.

ной минимальный паек должен был по-прежнему выдаваться всем рабочим и служащим, независимо от производительности труда. Большинство членов ВЦСПС и два члена Президиума ВСНХ высказались за проект Ларина—Гольцмана. Только один член ВЦСПС и большинство членов Президиума ВСНХ голосовали за то, чтобы сохранить гарантированный паек для рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий, а все выдачи сверх этого пайка производить в зависимости от производительности труда [133].

Таким образом, спор шел прежде всего по одному, основному вопросу: сохранять ли временно при переходе к новым формам заработной платы минимальный гарантированный паек или переходить полностью и сразу к бескарточной системе снабжения.

Впоследствии, в своих воспоминаниях А. З. Гольцман подробно изложил суть этого спора. «Мысль работала в то время в двух направлениях, из которых одно можно назвать крайним, а другое — более осторожным. Защитники крайнего направления считали нужным сразу отменить всю систему натурального, так называемого гарантированного, т. е. пайкового довольствия; чтобы натуральное довольствие выдавалось исключительно в соответствии с подъемом производительности труда и чтобы в случае, если этого подъема производительности труда нет, соответственно уменьшилось также натуральное довольствие. Иначе говоря, эта мысль заключалась в том, чтобы ни один гражданин не имел гарантированного минимального пайка.

Второй путь был более осторожным, но зато, пожалуй, более практичным. Сторонники его предлагали ввести натуральное премирование сверх обычного пайка...» [134]

А. З. Гольцман, представлявший первое направление, в воспоминаниях относит споры к 1920 г., когда готовился июньский декрет о натурпремировании. На самом деле, как мы видели, все эти вопросы приобрели особую остроту именно в мае 1921 г., и борьба продолжалась в том же направлении.

В. И. Ленин решительно возражал против предложений Гольцмана как в 1920, так и в 1921 г., настаивая на временном сохранении обязательного гарантированного пайка, во-первых, и на проведении новых форм зарплаты сначала только в виде опыта на отдельных предприятиях, во-вторых. Гольцман вынужден был потом признать правоту ленинской позиции и писал в своих воспоминаниях, что осуществление такой меры сразу по всей стране и полная отмена даже минимального пайка могли бы, в тех условиях, привести к тяжелым последствиям и вызвать недовольство рабочего класса [135].

Проект Ларина—Гольцмана о коллективном снабжении, одобренный ВЦСПС 6 мая, был внесен 10 мая 1921 г. на обсуждение Политбюро ЦК РКП(б), которое, отклонив его, предложило авторам «пересмотреть вопрос вторично более обстоятельно с точки зрения особенно возможности обеспечить реальное снабжение минимумом продовольствия минимума рабочих». Переработанный проект предлагалось внести в Совнарком

[133] «Экономическая жизнь», 10 мая 1921 г.
[134] А. Гольцман. Ленин в вопросах заработной платы и организации труда. — «Ленин на хозяйственном фронте». Сборник воспоминаний. М., 1933, стр. 48—49.
[135] Там же, стр. 49—50.

«на предмет введения в виде опыта на некоторых предприятиях вместо карточной индивидуальной выдачи коллективного снабжения под условием повышения производительности труда» [136].

Не возражая в принципе против перехода к коллективному снабжению, Ленин предлагал отложить на некоторый срок проведение этой меры, осуществлять ее с большой осторожностью, постепенно и только в порядке опыта и при условии временного сохранения гарантированного пайка.

Ленинская точка зрения нашла свое выражение в тезисах В. Я. Чубаря по тарифному вопросу, подготовленных к IV съезду профсоюзов. Чубарь, как говорил Ленин, «согласовал основные части своих тезисов с той осторожной политикой, которая дана в ЦК партии» [137]. В тезисах же Гольцмана, также представленных на обсуждение съезда профсоюзов, эта осторожность не была соблюдена, хотя, учитывая критику ЦК, он внес в свои тезисы две очень важные поправки — о проведении коллективного снабжения в виде опыта и о временном сохранении гарантированного пайка.

Поддерживая тезисы Чубаря, а не Гольцмана, В. И. Ленин исходил также из того соображения, о котором он рассказывал на майской партконференции: «Гольцман и Ларин поступили по правилу, о котором мне Ларин, полушутя, когда кончилось заседание Политбюро, на ухо сказал. (Я думаю, что я не совершу нескромности, передавая этот разговор). Ларин, когда увидал, что эта резолюция принята, сказал мне: „вы дали нам мизинец, мы возьмем всю руку". Тогда я подумал, — хотя это я и раньше знал, — теперь мы будем знать, как надо торговаться с Лариным. Если он просит миллион, то давать ему надо полтинник» [138].

Владимир Ильич передавал здесь содержание разговора с Ю. Лариным во время заседания Политбюро ЦК 22 мая 1921 г. В этот день фракция РКП(б) IV съезда профсоюзов большинством голосов приняла тезисы Гольцмана по тарифному вопросу [139], а не тезисы Чубаря, рекомендованные ЦК партии и бюро самой фракции. Узнав об этом решении фракции, Политбюро ЦК в тот же день приняло следующее, написанное В. И. Лениным, постановление:

«Центральный Комитет одобряет тезисы т. Чубаря (принятые бюро фракции) и отклоняет тезисы тов. Гольцмана ввиду того, что первые несравненно правильнее учитывают действительное состояние наших ресурсов, наших сил и средств, вызывающее необходимость рассчитывать на более медленное осуществление ближайших наших целей.

Вторые же тезисы, т. е. тезисы т. Гольцмана [140], впадают во многих

[136] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 292—293, подстр. прим.
[137] Там же, стр. 323.
[138] Там же, стр. 323—324.
[139] В цитированных выше воспоминаниях А. М. Дурмашкина события излагаются так, что создается впечатление, будто вопросы тарифной политики обсуждались уже на заседании фракции РКП(б) 18 мая и Ленин там дал критику тезисов Гольцмана. На самом деле, как видно из стенографического отчета съезда, заседание фракции специально по тарифному вопросу состоялось 22 мая, и на нем были приняты тезисы Гольцмана.
[140] В постановлении ЦК приводились следующие данные: «Фракция РКП съезда профсоюзов, вопреки рекомендации ЦеКа партии, одобрила тезисы Гольцмана *567* голосами, отклонив тезисы Чубаря, собравшие *317* голосов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 293).

отношениях в фантастику, оторванную от жизни, чем страдает большею частью и усердно защищавший эти тезисы т. Ларин»[140а].

Далее в постановлении указывалось, что поскольку практически важнейшей составной частью обоих тезисов является мысль о проведении коллективного снабжения сначала в виде опыта, что подтверждает, а не оспаривает решение Политбюро ЦК от 10 мая, постольку «ЦК, не желая отменять решение фракции по вопросу, от которого не зависит немедленное изменение политики правительства..., отказывается в данном случае от своего права вмешательства в ход работы и решения съезда». Поэтому Центральный Комитет ограничивается тем, что предписывает огласить свое постановление на фракции съезда, «обращая усиленное внимание делегатов на взятое ими на себя принятием резолюции Гольцмана обязательство проявить не только чрезвычайный героизм, но и далеко, далеко выходящую за обычные даже в революционное время нормы настойчивость, выдержанность, упорство в борьбе со старыми привычками, обычаями, условиями жизни широкой рабочей массы. На обязанность профсоюзов в силу принимаемого ими решения ложится теперь достигнуть необычайно быстрого сокращения числа предприятий и рабочих путем сосредоточения последних в минимуме лучших и крупнейших предприятий»[141].

Такая ленинская формулировка постановления, не отменявшая решения фракции, а только объяснявшая последствия, из него вытекавшие, имела огромное воспитательное значение и оказала большое влияние на фракцию, которая, очевидно, в тот же день, 22 мая, отменила свое прежнее решение, единодушно проголосовав за тезисы по тарифному вопросу, рекомендованные ЦК. Это находит свое подтверждение и в том, что на пленарном заседании съезда профсоюзов 24 мая по докладу В. В. Шмидта были приняты тезисы, совпадавшие по своему содержанию с тезисами В. Я. Чубаря, а тезисы Гольцмана были единогласно отвергнуты.

Таким образом, ленинское руководство работой съезда профсоюзов и огромная разъяснительная работа, проведенная среди его делегатов, обеспечили победу линии партии, принятие правильных решений по всем вопросам повестки дня, в том числе по вопросам тарифной политики.

После съезда профсоюзов и майской партийной конференции началась практическая подготовка к переводу ряда предприятий на коллективное снабжение. 12 июня 1921 г. в записке Н. П. Горбунову Ленин напомнил решение Политбюро от 10 мая, предлагавшее переработать проект о коллективном снабжении и внести его в СНК, а также соответствующее постановление съезда профсоюзов. Владимир Ильич просил *ускорить это дело максимально*[142].

Выступая 16 июня на III продовольственном совещании, Ленин счел уже возможным поставить вопрос о том, «чтобы с надлежащей осторожностью и постепенностью, но все же немедленно стать на путь испытания коллективного снабжения. В нашем распределении продовольствия, — говорил Ленин, — оказались недостатки, и дальше так оставаться не может. То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах

[140а] Там же, стр. 292.
[141] Там же, стр. 293.
[142] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 274.

уравнительных, создавало уравнительность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство. Нужно, чтобы республика на собранные ею хлебные излишки содержала лишь то, что необходимо для производства. Всех предприятий нашей промышленности мы содержать не можем, но нам это и не нужно: это значило бы хозяйничать расточительно» [143].

Распределение «есть метод, орудие, средство для повышения производства», «распределение является орудием политики, восстановляющей нашу промышленность...» [144], — говорил Владимир Ильич и делал вывод о том, что недостатки распределения, которые имели место в годы войны, надо по возможности скорее устранить.

На другой день после выступления на продовольственном совещании, 17 июня, В. И. Ленин подписал постановление СТО «О коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий», а 12 июля был утвержден декрет СНК «О коллективной (денежной и натуральной) оплате труда служащих в советских учреждениях» [145].

На предприятиях, переводимых на коллективное снабжение, отменялось всякое личное снабжение по карточкам, спискам, а также натурпремирование. Все снабжение рабочих и членов их семей производилось исключительно в виде заработной платы. Количество продуктов и денежных знаков, отпускаемых в качестве заработной платы рабочим и служащим, определялось для каждого предприятия в целом, т. е. коллективно для всех его рабочих и служащих. Фонд, отпускаемый предприятию государством, устанавливался в соответствии с количеством работников на март 1921 г. и не уменьшался при сокращении числа работников. При выполнении производственной программы на 100% весь фонд подлежал распределению между рабочими согласно участию каждого в производственном процессе. При недовыполнении производственной программы в такой же степени понижалось и количество выдаваемых продуктов. Эти же принципы легли в основу введения коллективного снабжения в советских учреждениях.

«При введении коллективного снабжения, — говорилось в декрете 12 июля, — обязательно сокращается личный состав учреждения, причем нормальным размером сокращения является уменьшение числа сотрудников на 50% по сравнению с наличным составом на 1 июня 1921 года» [146].

Исключение делалось только для тех учреждений, которые по характеру работы не могли сократить свой состав в два раза.

В первый список переведенных с 15 июля или 1 августа на коллективное снабжение предприятий входили, согласно постановлению СТО от 22 июня, крупные предприятия преимущественно тяжелой промышленности Москвы, Центрального промышленного района, Донбасса и Юга России, электростанции, нефтепромыслы и т. д.

16 сентября СТО постановил перевести на коллективное снабжение только те учреждения, которые произвели сокращение штатов не менее чем на 30%, а остальной фонд употребить для перевода на коллектив-

[143] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 358.
[144] Там же, стр. 359.
[145] Пометки и поправки Ленина на проектах постановлений от 17 июня и 12 июля 1921 г. см.: «Ленинский сборник», XX, стр. 305—306, 306—307.
[146] СУ, 1921, № 55, ст. 336.

ное снабжение рабочих Москвы, в первую очередь рабочих трамвая, водопровода и газопровода.

Коллективное снабжение, способствуя материальному стимулированию работающих, обеспечивая сокращение штатов, особенно в советских учреждениях, сыграло также большую роль в подготовке постепенного перехода к бескарточной системе снабжения.

6 сентября 1921 г. был принят декрет Совнаркома «Об отпуске продовольствия и предметов первой необходимости потребителям, остающимся на государственном снабжении» [147]. Этим декретом отменялся важнейший законодательный акт Советского государства, вводивший трудовой продовольственный паек [148], и изданные в его развитие и дополнение постановления и инструкции. Объясняя причины, позволяющие осуществить отмену всеобщего пайкового снабжения, декрет указывал, что проведение в жизнь решений Советской власти о потребительской и промысловой кооперации, об обмене кустарной и мелкой промышленности «открывает для части трудящихся возможность обеспечения продовольствием и предметами первой необходимости не за счет государственных ресурсов», а за счет рынка.

Декретом 6 сентября устанавливались следующие основные группы населения, которые подлежали снабжению государством: красноармейцы; рабочие и служащие государственных учреждений и предприятий, железнодорожного и водного транспорта; члены семейств рабочих и служащих, при условии их нетрудоспособности; лица, состоящие на государственном социальном обеспечении. Все остальные группы населения снимались с государственного снабжения, что позволяло сократить число лиц, получающих обязательное пайковое довольствие, с 35 до 7 млн., т. е. в пять раз.

В связи с введением платности за все услуги, оказываемые государством населению, в декрете оговаривалось, что продовольственный паек отпускается отныне *за плату*, которая будет специально установлена. Декрет вступал в действие с 1 октября 1921 г., и с этого времени все натуральные выдачи включались в заработок рабочего.

Таким образом, в октябре—ноябре 1921 г. карточная система распределения по существу постепенно сошла на нет. Несмотря на огромные продовольственные трудности, связанные с неурожаем и засухой, мероприятия Советского правительства позволили уже к концу 1921 г. добиться крупного успеха и обеспечить переход к бескарточной системе снабжения. Отпуск продуктов и товаров за соответственную плату и возможность снабжения за счет рынка, значение которого резко возросло к осени 1921 г., неизбежно привели ко все большему повышению значения денежной зарплаты по сравнению с натуральной. Линия на натурализацию заработной платы была снята самой жизнью, и к концу 1921 г.— началу 1922 г. начался интенсивный рост денежной зарплаты. Так, если в первую четверть 1921 г. выдача натурой по Москве составляла 94,7%, а деньгами — 5,3%, то в четвертом квартале этого же года соотношение коренным образом изменилось: 64,1% составляла денежная часть зарплаты и 35,9% — выплата натурой. К концу 1922 г. денежная часть

[147] Там же, № 62, ст. 453.

[148] См. декрет СНК от 30 апреля 1920 г. «О введении трудового продовольственного пайка». — СУ, 1920, № 34, ст. 165.

достигла 94,3%, а натуральная упала до 5,7% [149]. Тот же процесс, только более медленными темпами, происходил и по всей стране.

Все эти процессы потребовали окончательного оформления и новых принципов тарифной политики и завершения той большой работы, которая проводилась в данной области с апреля—мая 1921 г. Очевидно, подготовка новых тезисов по тарифному вопросу началась в ВЦСПС уже в августе 1921 г., в соответствии с теми указаниями, которые в области политики зарплаты были определены в «Наказе СНК» 9 августа 1921 г.

В начале сентября 1921 г. специальная комиссия Малого СНК под руководством А. С. Киселева (председатель Малого СНК) подготовила проект постановления, и 4 сентября оно было послано на просмотр В. И. Ленину. В записке Владимиру Ильичу А. С. Киселев сообщал, что тезисы по тарифному вопросу разработаны в связи с докладом ВЦСПС в Малом СНК о тарифной политике и одобрены единогласно на созванном ВСНХ совещании руководителей крупнейших производственных объединений, где присутствовало до 30 человек [150].

С исключительным вниманием отнесся Владимир Ильич к этому документу, сделал свои поправки [151] и в письме к В. М. Молотову от 4 сентября предложил «ввиду *крайней* важности этого вопроса и его (надеюсь) бесспорности» послать документ всем членам Политбюро, ни в коем случае не тянуть с его утверждением и обязательно указать, что он одобрен ВЦСПС и ЦК РКП. Одновременно Ленин затребовал *поименный* список тех 30 человек, которые одобрили тезисы на заседании ВСНХ, и указал, что считает нужным получить отзыв и согласие также питерских профсоюзных работников [152].

4 сентября Ленин послал два письма в Петроград — на имя В. П. Оборина [153] и беспартийного инженера-электрика Е. И. Моисеева, переслал им тезисы по тарифному вопросу и просил их сообщить свое мнение. История этих писем, как и вся подготовка постановления по тарифному вопросу, дает еще один нагляднейший пример неизменного правила В. И. Ленина — учитывать опыт и мнения возможно более широкого круга работников при подготовке принципиально важных документов.

Еще в мае 1921 г. Ленин получил письмо В. П. Оборина [154], в котором высказывался ряд критических замечаний и довольно панических соображений по поводу новой экономической политики [155]. Одновременно

[149] С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 22.

[150] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 257.

[151] В. И. Ленин зачеркнул в тезисах следующий абзац: «Помощь рабоче-крестьянского государства должна исходить из классового принципа. Меньше заработная плата — больше государственной помощи», — написав на полях: «Долой. Это неверно» («Ленинский сборник», XXIII, стр. 258).

[152] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 172—173.

[153] В. П. Оборин в это время — секретарь коллегии электросекции Петрогубсовнархоза, в первые годы революции — видный профсоюзный работник.

[154] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 250—252.

[155] В. П. Оборин писал, например, о начавшемся якобы «отступлении по всему экономическому фронту», об «идейном замешательстве в партии» и т. д.: он жаловался, что не смог еще полностью прочесть работу В. И. Ленина «О продналоге», так как в «Петроградской правде» были опубликованы лишь одна глава и заключение, а брошюра до сих пор не получена (см. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 251).

В. П. Оборин просил Владимира Ильича принять и выслушать инженера Е. И. Моисеева, заведующего главным технико-нормировочным бюро электросекции Петроградского совнархоза, который привез в Москву докладную записку о мерах к организации и поднятию производительности крупной заводской промышленности, и особенно электротехнической, содержащую также предложения о современных основаниях тарифной политики.

В. И. Ленин не смог в мае 1921 г. принять Е. И. Моисеева, но его докладную записку прочел внимательно и довольно часто на полях помечал свое согласие с предложениями Моисеева [156]. Он не забыл своего корреспондента, рядового инженера-электрика, и вспомнил о нем, когда были готовы тезисы по тарифному вопросу. Пересылая их Моисееву для отзыва, в очень теплом письме В. И. Ленин сообщал. что очень рад был его записке, извинялся, что запоздал с ответом «из-за Коминтерна и из-за болезни», просил черкнуть, нет ли новых практических предложений, и отметил, что его советы насчет электропромышленности «очень верны» и надо внести их в ВСНХ (копия Ленину) и на Всероссийский съезд электротехников в октябре 1921 г.[157]

В записке В. П. Оборину 4 сентября, вспоминая содержание его письма от 18 мая, Ленин первым долгом запрашивал: «Надеюсь, теперь Ваши опасения (и недоразумения) насчет новой экономической политики исчезли. Если нет — черкните». В. И. Ленин просил Оборина просмотреть тезисы по тарифному вопросу, дать свой отзыв, ибо «крайне важно

[156] См. там же, стр. 253, 255. Е. И. Моисеев предлагал, например, перейти к сдельной оплате труда, добиться изменения тарифной сетки, чтобы добросовестные рабочие не терпели ущерба по сравнению с крикунами и бездельниками. Против его слов «рабочий за последние годы многое сделал для государства „в кредит“, но ныне он дошел, в массе, до такого экономического положения, *что дальше кредитовать ему нечем*» Ленин написал «Верно!!» и подчеркнул последние слова. Пометки «Верно» были сделаны и там, где говорилось, что «изделия мы будем иметь только в том случае, если заводоуправления будут на заводах не чем-то вроде департаментской канцелярии, а *настоящими руководителями производства и оплаты труда*. Нужно, раз навсегда, перестать строить что-нибудь на энтузиазме и героизме: *люди не могут годами пребывать в состоянии экстатического* подъема и заставить их работать может только *экономическая необходимость*». Все выделенные курсивом слова подчеркнуты В. И. Лениным, как и последующий текст, посвященный специально вопросам тарифа и заработной платы.

[157] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 174. Ленинское письмо Е. И. Моисееву было впервые опубликовано в 1933 г. в XXIII «Ленинском сборнике» (стр. 261), а затем в 53-м томе Полного собрания сочинений по машинописной копии, так как подлинник письма тогда еще не был найден. В 1967 г. вдова покойного Е. И. Моисеева передала оригинал письма, который бережно хранился все эти годы в его семье, в ЦПА ИМЛ. История этой передачи подробно изложена в «Правде» от 21 апреля 1967 г. в заметке: «Вам пакет от товарища Ленина». Там же сообщены биографические данные о Е. И. Моисееве и его дальнейшем жизненном пути. Он участвовал в строительстве Волховстроя и других электростанций в Ленинграде. Во время Великой Отечественной войны работал главным энергетиком на заводе в Ленинграде. В 1949 г., на 64 году жизни, вступил в партию. Умер в 1954 г.

Добавим также, что предложения Е. И. Моисеева, высказанные в его докладной записке, В. И. Ленин в сентябре 1921 г. передал на просмотр А. С. Киселеву, В. В. Шмидту, в ВЦСПС и получил от В. В. Шмидта ответ, что «в основном эти тезисы совпадают с тезисами, принятыми бюро фракции ВЦСПС (тезисы Киселева)» («Ленинский сборник», XXIII, стр. 262).

иметь быструю и полную (хорошо бы единогласную) поддержку этих тезисов всеми профработниками Питера» [158].

Послав тезисы по тарифному вопросу в Петроград со специальным курьером Наркомпути, Ленин просил также ознакомиться с ними Г. В. Цыперовича и И. И. Лепсе, в то время секретаря профсоюзов в Петрограде [159]. В результате тезисы были единодушно поддержаны расширенным пленумом Петроградского губпрофсовета [160].

10 сентября 1921 г. «Основное положение по тарифному вопросу» было принято Совнаркомом и опубликовано 17 сентября как декрет СНК. 13 сентября Политбюро ЦК утвердило «Положение» и дало рекомендацию указать при его опубликовании, что оно утверждено ЦК РКП(б) и ВЦСПС.

Декрет 10 сентября, подписанный В. И. Лениным, имел огромное принципиальное значение, он как бы подводил итоги всей предшествующей работы и завершал перестройку тарифной политики применительно к условиям новой экономической политики.

Система тарифов, говорилось в декрете, является основным фактором развития промышленности. От предприятия должно быть отделено все, что не связано с производством и что носит характер социального обеспечения. Система тарифов должна исходить из реальных основ и служить «главным фактором организации рабочего класса, основного элемента производства». Во вводной части декрета подчеркивалось также, что проведение в жизнь новых основ приведет к тому, что «вокруг предприятия *будет происходить самомобилизация квалифицированной рабочей силы*... Мы не будем больше видеть инженеров, занимающих должности старших конюхов, заведывающих продовольственной частью или занимающихся починкой кухонных приборов и грелок, мы не будем видеть также квалифицированных рабочих, занимающихся посадкой картофеля и очисткой выгребных ям» [161].

После изложения основ перестройки тарифной политики декрет переходил к определению важнейших практических задач.

«Установление тарифной ставки, — гласил первый пункт декрета, — должно исходить из положения: минимум оплаты — минимум труда. Увеличение оплаты должно быть связано прямо и непосредственно с увеличением производительности, со степенью участия рабочего в повышении производства». «При установлении тарифных ставок рабочим разных квалификаций, служащим, среднему техническому и высшему административному персоналу, — говорилось в пункте 6, — всякая мысль об уравнительности должна быть отброшена».

Согласно декрету в заработную плату должны были входить все виды выдач рабочим и служащим (денежная плата, предметы потребления и продовольствия, прозодежда, внеплановые выдачи, семейные пайки и т. д.). Все виды натуральных выдач оценивались по рыночным ценам, «чтобы у рабочего и служащего имелась возможность ясно и отчетливо сочетать расход с реальным доходом и осознать необходимость приложе-

[158] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 173—174. Отзыв В. П. Оборина на проект тезисов был послан В. И. Ленину 8 сентября 1921 г.
[159] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 175.
[160] См там же, стр. 412, прим.
[161] СУ, 1921, № 67, ст. 513 (Курсив мой. — *Э. Г.*).

ния интенсивного труда, дающего действительные прожиточные средства» [162]. Декрет требовал также, чтобы система исчисления заработной платы была простой и ясной, чтобы связь между производительностью труда и заработной платой была «доступной пониманию каждого рабочего и служащего» [163].

Основными положениями по тарифному вопросу по существу отменялся декрет о натурпремировании и вносились коренные изменения в установленные ранее принципы коллективного снабжения. Заработная плата (в денежной и натуральной форме) отныне должна была производиться не по количеству занятых на предприятии рабочих, а «исключительно на единицу выпущенного предприятием фабриката». Этим давались новые основания для исчисления годового денежного и продовольственного фондов, которые определялись по твердой смете в соответствии с производственной программой [164].

Таким образом, к концу 1921 г. была в основном завершена выработка системы тарифной политики и заработной платы применительно к условиям новой экономической политики. Решения IV съезда профсоюзов и «Наказ СНК» от 9 августа наметили задачи профсоюзов. Возникла необходимость создания единого обобщающего документа, суммирующего накопленный опыт перестройки профсоюзов в период от X до XI съезда партии. Таким документом и явились ленинские тезисы «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики».

История подготовки тезисов была изложена В. И. Лениным в небольшой вводной части к ним [165]. 28 декабря пленум ЦК заслушал доклады Я. Э. Рудзутака, А. А. Андреева и А. Г. Шляпникова о роли и задачах профсоюзов в связи с нэпом, и после обмена мнениями было принято постановление сдать первоначальный набросок тезисов в комиссию в составе Рудзутака и Андреева с добавлением В. И. Ленина. Комиссии поручалось выработать новый проект тезисов и представить его 31 декабря в Политбюро, экстренное заседание которого было назначено на тот же день в 11 часов утра.

В дни 28—30 декабря Ленин подготовил подробный план тезисов [166] и начал писать самый текст, но не успел в такой короткий срок его закончить. Поэтому в телефонограмме от 30 декабря Я. Э. Рудзутаку и А. А. Андрееву, а также В. М. Молотову для членов Политбюро Ленин просил отложить внесение вопроса в Политбюро на несколько дней, ибо «особенно спешить не надо и желательно обсудить вопрос более систе-

[162] Там же.

[163] Там же. В связи со все более широким переходом к денежной зарплате в декрете ставилась задача, чтобы «рабочие и служащие крупной промышленности и необходимейших государству предприятий и учреждений имели твердый основной минимум, не зависящий от колебания курса рубля и цен на продукты».

[164] Соответствующие изменения в постановление СНК от 17 июня о коллективном снабжении были внесены декретом от 10 ноября 1921 г. «Об оплате труда рабочих и служащих предприятий, перечисленных в особом списке Совета Труда и Обороны, а также переведенных на коллективное снабжение» (СУ. 1921, № 76, ст. 617).

[165] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 341.

[166] См. там же, стр. 494—500.

матично». Владимир Ильич предполагал, что сможет закончить написание проекта через три—четыре дня, а возможно и раньше, и тогда пошлет его для ознакомления другим членам комиссии [167].

Политбюро ЦК приняло предложение Ленина. 4 января 1922 г. он закончил работу над тезисами о профсоюзах, а 12 января на заседании Политбюро ленинские тезисы были утверждены и 17 января опубликованы в «Правде» как постановление ЦК.

На XI съезде партии, где эти тезисы были приняты в качестве резолюции, Троцкий, пытаясь взять запоздалый реванш, доказывал, что якобы «резолюция X съезда о профсоюзах не дожила до XI съезда», «как некоторые из нас и предсказывали» [168], — нагло добавлял он.

На самом деле в ленинских тезисах принципиальная основа резолюции X партсъезда была в категорической форме полностью подтверждена и повторена. «Профсоюзы, — говорилось в тезисах, — должны быть ближайшим и непременным сотрудником госвласти, которою руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса, компартия. Будучи школой коммунизма вообще, профсоюзы должны быть, в частности, школой управления социалистической промышленностью (а затем постепенно и земледелием) для всей массы рабочих, а затем и для всех трудящихся» [169].

Исходя из этого незыблемого программного положения, ленинские тезисы вместе с тем подчеркивали, что «новая экономическая политика вносит ряд существенных изменений в положение пролетариата, а следовательно, и профсоюзов» [170]. Характеризуя суть и значение этих изменений и объясняя причины, диктующие необходимость принятия нового документа о профсоюзах, Ленин в первом же пункте плана тезисов писал:

«Новая экономическая политика, означая новую полосу (и новый поворот) развития в деятельности Соввласти, осуществляющей переход от капитализма к социализму, требует и нового рассмотрения роли и задач профсоюзов и учета в этом отношении ряда новых обстоятельств». Далее Ленин выделял следующие три обстоятельства:

«(1) возникновение и допущение капитализма
(2) государственные предприятия на новых началах
(3) весь переход иным темпом, через иные пути, „новым обходом“» [171].

В самом тексте тезисов, где была дана не только программа деятельности профсоюзов, но и поставлен ряд важнейших теоретических вопросов (о классовой борьбе в период диктатуры пролетариата, о сущности нэпа, о противоречиях в положении профсоюзов, об отношении к специалистам и т. д.), Ленин дал конкретную расшифровку влияния новых обстоятельств на всю работу профсоюзов. При условии допущения свободной торговли и известного развития капитализма, говорилось в тезисах, «одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата

[167] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 100.
[168] «XI съезд РКП(б)», стр. 269.
[169] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 346.
[170] Там же, стр. 341.
[171] Там же, стр. 494.

в борьбе его с капиталом» [172]. Эта задача, считал Ленин, должна быть поставлена открыто и аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен и видоизменен.

Необходимость защиты профсоюзами классовых интересов пролетариата на частных, арендованных и концессионных предприятиях была ясна. Но новая экономическая политика вносила и некоторые изменения в положение рабочих на государственных социалистических предприятиях. Перевод предприятий на хозрасчет, т. е., как писал Ленин, по сути дела «в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания», настоятельная потребность повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого государственного предприятия, — все это «в связи с неизбежным ведомственным интересом и преувеличением ведомственного усердия, неминуемо порождает известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат. Поэтому и по отношению к госпредприятиям на профсоюзы безусловно ложится обязанность защиты классовых интересов пролетариата и трудящихся масс против их нанимателей» [173].

Считая, что Коммунистическая партия так же, как и профсоюзы, «должна открыто признавать существование классовой борьбы и ее неизбежность» в переходный период от капитализма к социализму, Ленин в то же время специально выделил в тезисах раздел о коренных различиях классовой борьбы в условиях буржуазного и пролетарского государства. В буржуазном государстве конечной целью стачечной борьбы рабочего класса против капитала является разрушение государственного аппарата, свержение данной классовой государственной власти. В Советском социалистическом государстве и в переходный период применение стачечной борьбы «может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой» [174].

Поэтому, не отказываясь от возможности стачечной борьбы применительно к частным и концессионным предприятиям, тезисы ставили задачу, чтобы *нормальным способом* разрешения возникающих конфликтов постепенно становилось «непосредственное обращение трудящихся к госорганам», которые по своей классовой основе являются прямыми выразителями интересов рабочего класса.

Кроме того, напоминал В. И. Ленин, введение хозяйственного расчета на государственных предприятиях только по форме, но не по содержанию является переводом на коммерческие, капиталистические начала, а борьба за безубыточность и прибыльность государственных предприятий есть тоже «защита интересов рабочего класса» [175].

Далее в ленинских тезисах устанавливалась прямая связь решения новых задач с организационной перестройкой профсоюзов и их переходом на добровольное членство. Показательно, что на XI съезде партии

[172] Там же, стр. 342.
[173] Там же, стр. 343.
[174] Там же, стр. 344.
[175] Там же, стр. 494.

ярым противником этой меры выступил не кто иной, как Рязанов. А между тем только добровольное, индивидуальное, а не коллективное членство в профсоюзах могло действительно поднять активность рабочей массы, устранить бюрократические извращения в работе профсоюзов и обеспечить общий подъем их работы.

Наиболее острой дискуссии на XI съезде партии подвергся тот раздел ленинских тезисов, где говорилось о формах участия профсоюзов в управлении промышленностью.

Еще в октябре 1921 г. в плане доклада на VII Московской партконференции В. И. Ленин записал: «Участие профсоюзов в организации производства и в управлении?

Да или нет?

Да!

По-старому?

Нет» [176].

В ленинских тезисах о профсоюзах эта мысль была глубоко разъяснена и конкретизирована. Быстрый и прочный успех в восстановлении крупной промышленности мог быть достигнут, указывал В. И. Ленин, лишь при условии сосредоточения всей полноты власти в руках заводоуправлений и действительного укрепления единоначалия. Поэтому «всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями, при этих условиях, должно быть признано безусловно вредным и недопустимым» [177].

Давая такую категорическую формулировку, Ленин тут же добавлял, что толковать эту бесспорную истину в смысле отрицания участия профсоюзов в социалистической организации промышленности и в управлении госпромышленностью было бы совершенно неправильно. Далее давались практические указания о наиболее важных и основных формах участия профсоюзов в управлении промышленностью: участие в государственных и хозяйственных органах, связанных с экономикой, выдвижение своих кандидатов в члены хозколлегий и в заводоуправления, подготовка администраторов из рабочих и трудящейся массы вообще, участие в плановых органах и в разработке производственных программ, чтобы еще шире и глубже «втягивать рабочий класс и трудящиеся массы во все строительство госхозяйства, знакомя их со всем кругом хозжизни, со всем кругом промышленной работы, начиная от заготовки сырья и кончая реализацией продукта...» [178]. Наконец, важнейшей обязанностью профсоюзов, определяющей их роль в производстве, являлась выработка тарифов и норм снабжения, борьба за повышение дисциплины труда и увеличение его производительности.

Этот общий перечень главнейших функций профсоюзов в управлении промышленностью должен был быть в дальнейшем, как указывалось в тезисах, еще более детализирован и расширен всеми профсоюзными и советскими органами и рассчитан «на долгий ряд лет *практического обучения* рабочих и всех трудящихся *управлять* нархозяйством целой страны» [179].

[176] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 472.
[177] Там же, стр. 346.
[178] Там же, стр. 347.
[179] Там же, стр. 348

В этой последней ленинской формулировке опять со всей наглядностью было подтверждено понимание роли профсоюзов как *школы*, а не *аппарата* управления, о чем шли основные споры с Троцким и троцкистами в период профсоюзной дискуссии.

В этой связи нельзя не напомнить, что на XI съезде партии при обсуждении вопроса о профсоюзах Троцкий продолжал по существу защищать свои прежние позиции, только в несколько иной, вынужденной новой обстановкой, интерпретации. «Не в требовании огосударствления была ошибка, — твердил он, — а в хозяйственной политике, не отвечавшей условиям». Он-де, мол, уже в феврале 1920 г. предлагал переход к новой хозяйственной политике, но его предложение не было принято, поэтому он и настаивал на огосударствлении профсоюзов. Теперь же, в условиях новой экономической политики, надо отказаться не только от огосударствления, но и от всякого участия профсоюзов в управлении промышленностью. С этой точки зрения Троцкий критиковал тот пункт «Наказа СНК» от 9 августа, в котором говорилось, что «при новом курсе экономической политики в организации государственной промышленности необходимо более решительное привлечение профсоюзов, а через них самих рабочих к разрешению вопросов организации управления производством, организации труда».

Резко возражая против термина «более решительное привлечение», Троцкий в противовес этому пункту «Наказа» при обсуждении его в ЦК в августе 1921 г. предложил свою формулировку, которая гласила: «Поскольку новый курс экономической политики состоит в переводе на коммерческие начала значительного числа предприятий и в восстановлении, в известных пределах, свободного рынка, эволюция профсоюзов в сторону огосударствления должна не только испытать задержку, но и получить толчок в обратном направлении» [180]. Что означало это «обратное направление», было тут же разъяснено прямым утверждением, что обстановка новой экономической политики абсолютно «исключает возможность практического участия в руководстве предприятиями со стороны профсоюзов» [181].

Попытка Троцкого на XI съезде партии вновь отстаивать свои, разоблаченные и отвергнутые партией, взгляды была предпринята в условиях, когда ленинскую линию полностью подтвердила жизнь, а в резолюции съезда о профсоюзах давалась глубоко продуманная программа практического участия профсоюзов в управлении промышленностью.

Со всей остротой ставил Ленин в своих тезисах вопрос о том, что если неправильно будут построены или неправильно будут работать профсоюзы как основной передаточный механизм от коммунистической партии к массам, то неизбежна катастрофа социалистического строительства. «Эту истину, — писал он, — недостаточно разъяснять, напоминать, подтверждать; она должна быть организационно закреплена во всем строении профсоюзов и в их повседневной работе» [182].

Поэтому с такой силой и образностью был написан в тезисах раздел «Связь с массой как основное условие всякой работы профсоюзов». Коммунисты, работающие в профсоюзах, говорилось в этом разделе, «должны

[180] «XI съезд РКП(б)», стр. 270, 271.
[181] Там же, стр. 243.
[182] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 349.

жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли... уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд» [183].

В заключение тезисов выдвигалась задача непримиримой идейной борьбы с мелкобуржуазными влияниями, течениями и уклонами в профсоюзах, проверки и обновления их руководящих кадров, отстранения от работы в профсоюзах меньшевистско-эсеровских и анархистских элементов и укрепления их идейно выдержанными и проверенными кадрами коммунистов. На основании этого последнего ленинского предложения [184], не подлежащего тогда публикации, была создана специальная комиссия ЦК, которая должна была доложить результаты своей работы XI съезду партии.

XI съезд РКП(б), единогласно утвердив тезисы В. И. Ленина в качестве своей резолюции [185], заслушал также доклад А. А. Андреева о работе комиссии по проверке и обновлению руководящих органов профдвижения и принял постановление по этому вопросу [186].

Перестройка профсоюзов на ленинских основах, проведенная в первый год нэпа и закрепленная в принятой XI съездом партии ленинской резолюции, обеспечила решение основной задачи — достижение прочного успеха в восстановлении крупной промышленности и собирании кадров рабочего класса. А без этого решающего условия, как говорилось в ленинских тезисах, немыслима и сама победа социализма, построение фундамента социалистической экономики.

Так, в трех рассмотренных нами документах сконцентрировались и воплотились основные положения ленинской программы перестройки по всему хозяйственному фронту на рельсах новой экономической политики.

Борьба за реализацию новых методов хозяйствования, за их внедрение в практику социалистического строительства также проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина. Это и обеспечило первые решающие успехи народного хозяйства в самые трудные годы мирной полосы развития — в 1921—1922 гг.

4.

В. И. Ленин и борьба за внедрение новых методов хозяйствования. Ленинские указания о задачах развития отдельных отраслей промышленности

Новые принципы хозяйствования — введение хозрасчета, финансовая и экономическая самостоятельность предприятий, материальное стимулирование, концентрация промышленности и т. д. были законодательно закреплены в важнейших документах Советского правительства, но пред-

[183] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 348.
[184] См. там же, стр. 353.
[185] В текст тезисов В. И. Ленина съездом были внесены лишь небольшие редакционные поправки и изменения («XI съезд РКП(б)», стр. 528—537).
[186] См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 612.

стояла борьба за внедрение этих принципов в жизнь и их действительное осуществление в практике хозяйственного руководства.

С этой точки зрения большой интерес представляет изучение деятельности СНК и СТО, а также анализ конкретных ленинских директив и указаний, которые учили и помогали работать по-новому.

О задачах проведения хозяйственного, коммерческого расчета говорил Ленин в докладе на VII Московской партконференции, писал в тезисах «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики». Он готовил специальную статью под названием «Коммерческая постановка дела» и набросал план этой статьи [187]. В плане доклада на IX съезде Советов Ленин записал, что «хозяйственный расчет» — это и есть «*ученье* хозяйствовать» [188], а в письме в Наркомфин Г. Я. Сокольникову 1 февраля 1922 г. категорически предупреждал, что «тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий». Он требовал, чтобы тресты и предприятия на хозяйственном расчете сумели деловым «купцовским способом» обеспечить свои интересы [189].

10 августа 1921 г., т. е. на следующий день после принятия «Наказа СНК», где впервые была поставлена задача перевода предприятий на хозрасчет, Совет Труда и Обороны рассмотрел проект положения о переводе отдельных предприятий и групп на условия хозрасчета и утвердил в основе это положение.

Когда на заседании Политбюро ЦК в октябре 1921 г. обсуждался проект положения об управлении хлопчатобумажной промышленностью, В. И. Ленин предложил переделать этот проект в направлении полного устранения волокиты и «установления действительно соответствующей коммерческим условиям быстроты ведения всех дел» [190].

Впоследствии, уже в 1922 г., СТО на своем заседании 15 сентября заслушал доклад «О порядке перевода на хозрасчет учреждений и предприятий, финансируемых из общегосударственных средств» и установил, что такой перевод должен утверждаться СТО и в случае удовлетворения ходатайства «все сметные кредиты, открытые на финансирование этого учреждения или предприятия, с того срока, к которому будет постановлением СТО приурочен перевод, закрываются» [191]. Аналогичные решения принимались СТО также 27 октября и 22 ноября 1922 г., и в основе их всегда лежало требование достижения самоокупаемости и рентабельной работы для всех предприятий и учреждений, переводимых на хозрасчет.

После принятия 16 августа 1921 г. декрета СНК «О расширении прав государственных предприятий в области финансирования и распоряжения материальными ресурсами» Ленин напоминал ведомствам о важности скорейшей реализации этих указаний. Так, например, в проекте постановления Политбюро ЦК от 14 сентября 1921 г., где давались директивы ВСНХ об образовании государственного треста из заводов и рудников Риддеровского, Экибастузских и др., В. И. Ленин специально

[187] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 473—474.
[188] Там же, стр. 491.
[189] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 150—151.
[190] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 189.
[191] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 350, лл. 1 об., 137 об.

выделил задачу создания этого треста «на началах наибольшей финансовой и экономической самостоятельности» [192].

В замечаниях на тезисы ВСНХ «О хозяйственной политике», критикуя § 2 этих тезисов, где говорилось о «поощрении и развитии инициативы и самостоятельности руководителей государственной индустрии», Ленин, подчеркнув слово «руководителей», на полях написал: «Есть уже резолюция (кажись, V.1921?) [193] о повышении самостоятельности *„крупных предприятий“*? Это точнее. Это надо конкретизировать, учитывая *практический опыт*. Данный же текст § 2 слишком общ. Пуст» [194].

При подготовке решений по хозяйственным вопросам, в директивах ведомствам, в письмах руководителям хозяйственных наркоматов и учреждений Ленин неустанно требовал всемерного поощрения лучших работников, их премирования и материального стимулирования.

Когда 7 июля 1921 г. по докладу А. С. Киселева «Об ускорении перевода предприятий и учреждений на бездефицитное ведение хозяйства» Политбюро ЦК приняло постановление, поручающее советским учреждениям «более энергичное проведение мер к переводу как отдельных предприятий, так и советских учреждений на бездефицитное ведение хозяйства», В. И. Ленин внес следующее предложение: «Премии золотом до 10 000 рублей за образцовую постановку на коммерческую ногу группы предприятий, отделов, учреждений» [195].

«Без личной заинтересованности ни черта не выйдет. Надо *суметь* заинтересовать» [196], — писал Владимир Ильич В. А. Аванесову 15 октября 1921 г., ставя вопрос об улучшении складского дела. В «Наказе по вопросам хозяйственной работы», написанном Лениным и принятом IX съездом Советов, вновь подчеркивалось, что «всякий успех в деле подъема хозяйства должен, в частности, более регулярно вознаграждаться как орденом трудового знамени, так и денежными премиями» [197].

В. И. Ленин продумывал целую систему мер поощрения, перевода отдельных служащих, связанных с экономикой, на тантьемы с оборота и прибыли [198]. «Перевести на тантьемы наших чинодралов можем и научимся: со сделки такой-то процент (доля процента) тебе, а за неделание — тюрьма» [199], — писал он Л. Б. Каменеву 3 марта 1922 г.

В постановлении о работе заместителей председателя СНК и СТО Ленин указывал, что «... Особо насущным является введение премиальной системы, вознаграждение совслужащих в зависимости от размеров оборота и размеров прибыли в НКВТ, в кооперации и в других учреждениях, ведущих торговлю. Необходимо систематически поставить изучение и подготовление мер, распространяющих премиальную систему на всю оплату всех совслужащих вообще» [200]. О введении тантьем с оборота

[192] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 120.
[193] Речь идет о резолюции майской партийной конференции 1921 г., уже приводившейся нами выше, где имелся специальный пункт о повышении самостоятельности предприятий.
[194] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 477.
[195] Там же, стр. 66.
[196] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 269.
[197] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 336.
[198] См. там же, стр. 425.
[199] Там же, стр. 429.
[200] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 153—154.

Ленин писал в своих письмах А. Д. Цюрупе в феврале 1922 г.[201], в Центросоюз Л. М. Хинчуку [202], в письме И. В. Сталину и М. И. Фрумкину о работе НКВТ, все время доказывая необходимость «систематически переходить к *премиям* служащим за оборот и за прибыль» [203].

Борьба за внедрение новых методов хозяйствования была неразрывно связана с осуществлением намеченной Лениным линии на концентрацию промышленности. Отбор первой группы предприятий, остающихся на государственном снабжении, и установление принципов этого отбора возлагались «Наказом СНК» 9 августа на Госплан. Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Госплан в своей инструкции по этому вопросу, принятой в октябре 1921 г. (см. гл. VI), давал директиву о выделении в первую группу наиболее крупных и наилучше технически оборудованных предприятий, чтобы, обеспечив их необходимыми ресурсами, добиться работы с полной нагрузкой.

Этот принцип отбора первой группы предприятий четко был определен уже в проекте ленинской телеграммы от 12 сентября 1921 г., адресованной всем областным и губернским экономическим совещаниям. «Одна из самых важных задач хозяйственного строительства и безусловно самая злободневная теперь — это сокращение числа заведений и предприятий, находящихся на государственном снабжении, — говорилось в ней. — Только минимум самых крупных, наилучше оборудованных и обставленных предприятий, фабрик, заводов, рудников надо оставить на госснабжении, строго проверив наличные ресурсы» [204].

На основании этой ленинской директивы происходил довольно жесткий отбор первой группы предприятий. IX съезд Советов в декабре 1921 г. внес дальнейшие уточнения в принципы отбора. В решении по вопросам государственной промышленности указывалось, что речь идет в первую очередь о тех отраслях промышленности, «продукция которых служит для обеспечения снабжения армии или для восстановления основных отраслей хозяйства Республики (военная промышленность, минеральное топливо, металлургия и т. д.)» [205].

Поэтому уже в первые месяцы 1922 г. началось дальнейшее сокращение количества предприятий, оставшихся на государственном снабжении, главным образом за счет предприятий легкой промышленности, все шире переводящихся на хозрасчет. В октябре 1922 г. Госплан по указаниям СТО представил для утверждения титульный список промышленных предприятий РСФСР и УССР, включенных в план снабжения на 1922/23 хозяйственный год. По этому списку на госснабжении были оставлены только предприятия тяжелой промышленности — металлической, электротехнической, военной, каменноугольной, нефтяной, химической, горной и Главного управления государственных сооружений с 653 920 рабочими.

В первую группу включались крупнейшие предприятия металлопромышленности: уральские тресты, предприятия Югостали (Петровский, Юзовский, Мариупольский, Макеевский, Таганрогский, Донецко-Юрьев-

[201] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 173.
[202] См. там же, стр. 202—203.
[203] Там же, стр. 260.
[204] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 186.
[205] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939. стр. 228.

ский, Керченский, Константиновский, Дебальцевский и другие заводы), машиностроительные заводы Украины (Харьковский, Луганский, Николаевский), заводы Гомзы [206] (Сормовский, Брянский, Мытищинский, Коломенский, Инструментальный завод в Москве), Севастопольский морской завод, заводы Мальцевского округа, Ижевский, Электросталь, Подольский завод, машиностроительные и судостроительные заводы Петрограда (в том числе Путиловский), крупнейшие заводы металлопромышленности Москвы — «Серп и молот» (бывш. Гужон), «Красный пролетарий» (бывш. Бромлей) и др.

По Главному управлению военной промышленности в титульный список первой группы вошли: Самарский трубочный, Симбирский патронный, Тульские оружейный и патронный заводы, Царицынский орудийный, Луганский патронный, Балтийский судостроительный, Обуховский сталелитейный, авиазаводы и др. По каменноугольной промышленности Донбасса на госснабжении оставалось 128 тыс. рабочих, по Уралбассу — 25 тыс., Сибуглю — 28 тыс., Подмосковному бассейну — 18 тыс., а всего по каменноугольной промышленности — 199 тыс. рабочих, по нефтяной промышленности — свыше 50 тыс.[207]

История выделения первой группы предприятий показывает, как последовательно в экономической политике и деятельности высших экономических органов — СТО, Госплана и ВСНХ — осуществлялась ленинская линия, направленная на поддержку и создание условий для преимущественного развития тяжелой промышленности — основы диктатуры пролетариата. В отборе первой группы предприятий сказались преимущества плановой экономики социалистического государства, ибо только ликвидация частной собственности на средства производства и национализация промышленности давали возможность осуществлять восстановление промышленности на новой основе, концентрируя все силы и средства на тех отраслях промышленности, которые определяли развитие социалистической экономики и позволяли сохранить, собрать основные кадры индустриальных рабочих на ведущих предприятиях.

Конечно, помощь Советского государства тяжелой промышленности не ограничивалась только оставлением на государственном снабжении указанной группы предприятий.

В первые годы новой экономической политики тяжелая промышленность, которая не могла восстанавливаться и развиваться за счет рынка, чрезвычайно нуждалась в государственных заказах. Это в свою очередь также требовало значительных ассигнований и заключения специальных соглашений между предприятиями, их главными управлениями и соответствующими ведомствами-заказчиками. Особую остроту приобрел, например, вопрос о заказе паровозов на отечественных заводах, ибо речь в данном случае шла о поддержке таких крупнейших предприятий, как Путиловский, Коломенский, Сормовский и другие паровозостроительные заводы. Еще в 1921 г. Советское правительство заказало за границей (в Германии и Швеции) 1700 новых паровозов. К концу 1921 г., как сказал Ленин на IX съезде Советов, были получены первые 13 шведских и 37 немецких паровозов [208]. Остальные паровозы должны были поступить

[206] Гомза — Государственное объединение машиностроительных заводов Центра.
[207] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 355, лл. 223—226.
[208] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 302.

в течение 1922—1925 гг. Заказ паровозов за границей оплачивался дорого, однако имел большое политическое значение для укрепления торговых связей с капиталистическими странами. Но в начале 1922 г. Главметалл ВСНХ поставил перед СТО вопрос о том, что отсутствие заказов создает угрозу остановки отечественных паровозостроительных заводов и усиления безработицы. Главметалл указывал также, что имеется полная возможность построить новые паровозы внутри страны, притом дешевле и лучше, чем за границей.

Совет Труда и Обороны постановлением от 19 мая 1922 г. поручил Госплану выяснить «возможность передачи части заказов, выданных НКПС за границу, на отечественные заводы» [209]. 13 июля 1922 г. на заседании Президиума Госплана было признано целесообразным частично аннулировать заказ в Швеции (не менее 650 паровозов) с тем, чтобы обеспечить производство паровозов на заводах ВСНХ [210]. Этот вывод Госплана подтверждался заключением НК РКИ, представленным в СТО, в котором предлагалось передать заводам ВСНХ в течение трех лет капитальный ремонт 1800 и постройку 650 паровозов.

4 августа 1922 г. СТО по докладу Госплана утвердил предложения по капитальному ремонту паровозов, а в отношении нового паровозостроения предложил Госплану совместно с НКПС, ВСНХ и Наркомфином пересмотреть вопрос, учитывая ограниченные ресурсы Республики, но вместе с тем имея в виду, что «программа должна быть такова, чтобы заводы сохранили свой аппарат и свою способность к новому строению». После дополнительного рассмотрения вопроса в СТО НКПС передал ВСНХ заказ на изготовление в 1923—1925 гг. на отечественных заводах 508 новых паровозов, капитальный ремонт 1800 паровозов и восстановительный 135 паровозов [211].

В связи с решением об аннулировании части заказа на изготовление паровозов за границей встал и общий вопрос о некотором ограничении импорта продукции, которая могла быть произведена внутри страны.

9 июня 1922 г. СТО при обсуждении вопроса о передаче текстильному синдикату сукна, закупленного за границей, принял следующее постановление: «Констатируя, что за границей был закуплен ряд товаров, которые производятся в РСФСР и не имеют сбыта, СТО считает необходимым, чтобы в дальнейшей практике НКВТ руководился тем, чтобы не закупать за границей того, что может быть произведено при существующих госресурсах в РСФСР» [212]. Полгода спустя СТО в своем постановлении от 6 декабря 1922 г. предложил Главэлектро при разработке плана будущего года учесть, что уже восстановлен ряд русских заводов, и не выписывать из-за границы того, что может быть сделано в РСФСР. 27 декабря 1922 г. на повестке дня СТО специально был поставлен вопрос «О запрещении ввоза из-за границы предметов электротехнической промышленности, кои могут быть произведены на русских заводах» [213].

[209] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 338, л. 54.
[210] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 84, лл. 153 об., 154 об.
[211] Там же, д. 87, лл. 277—278.
[212] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 323, л. 2.
[213] Там же, ед. хр. 376, л. 114.

Конечно, в то время в вопросе об освобождении от импорта или даже ограничения импорта могли быть сделаны только первые и очень скромные шаги, но сама постановка такой задачи имела важное перспективное значение и, кроме того, в конкретных условиях начала нэпа помогала сохранению некоторых крупных отечественных машиностроительных заводов.

Анализ работы СНК и СТО под руководством В. И. Ленина в 1921—1922 гг. со всей убедительностью показывает, как Советское правительство обеспечивало решение задач восстановления и подъема промышленности, какой широкий и продуманный круг мероприятий проводился в отношении каждой отрасли промышленности.

Одна только переписка В. И. Ленина с ВСНХ и другими ведомствами по вопросам работы промышленности так велика по своим масштабам, что приходится ограничиться лишь отдельными примерами, иллюстрирующими значение ленинских указаний и решений СНК и СТО по промышленности, принятых по его инициативе.

Начнем прежде всего с легкой промышленности, перед которой в условиях нэпа открывались возможности быстрого восстановления, поскольку она работала на рынок и не нуждалась в специальных заказах со стороны государства.

На первом месте стояла задача восстановления текстильной промышленности, так как она почти вся была сосредоточена в Центральном промышленном районе и, следовательно, меньше пострадала от войны и интервенции.

Уже в апреле 1921 г. Ленин детально начал изучать положение текстильных фабрик Иваново-Вознесенского района. 13 апреля этот вопрос по предложению Владимира Ильича обсуждался Совнаркомом и было решено: «Признать по-прежнему работу Иваново-Вознесенских текстильных фабрик ударной со всеми вытекающими отсюда последствиями».

22 июня и 21 сентября СТО заслушал доклад комиссии о состоянии промышленности и снабжении продовольствием текстильных фабрик Владимирской губернии. В ответ на просьбу Иваново-Вознесенского экономсовещания забронировать за ним необходимое продовольствие для пуска 22 фабрик Ленин писал в Малый Совнарком 10 октября: «Ввиду исключительной важности крупной промышленности Иваново-Вознесенской губернии, как с экономической, так и с политической точки зрения, необходимо максимальное напряжение усилий, чтобы удовлетворить просьбу Иваново-Вознесенского губэкосо, хотя бы за счет других районов»[214]. На следующий день, 11 октября, СНК принял решение о полном обеспечении иваново-вознесенской хлопчатобумажной промышленности (отпуск 40 тыс. продпайков и 4 млрд. руб. ежемесячно) при условии выполнения намеченной производственной программы.

Очень беспокоило Ленина и положение бумажной промышленности. Если в 1920 г. было выработано 2,1 млн пуд. бумаги, то 1921 год дал только около 1,6 млн. пуд. Для восстановления бумажной промышленности необходимо было закупить часть оборудования за границей. Получив по этому поводу заявку от уполномоченного СНК по делам бумажной промышленности, Ленин 5 ноября 1921 г. писал в Наркомфин:

[214] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 139.

«Погибнет бумажная промышленность *на целый год,* если не вытянуть *теперь*. Надо напрячь все силы.

Ответьте мне, что делаете. Не назначить ли мне экстренной комиссии?» [215].

В. И. Ленин настаивал на отпуске золота для закупки бумаги за границей [216], и по его поручению Н. П. Горбунов запрашивал 7 декабря 1921 г. сметно-бюджетное управление Наркомфина о выполнении этого решения [217]. Ленин находил время, чтобы лично заниматься вопросом о снабжении топливом Кондровской бумажной фабрики [218], он горячо поддерживал план строительства бумажной фабрики в Карелии и просил ускорить это дело [219], очень интересовался ввозом и распределением бумаги из-за границы.

Из «продовольственных» отраслей легкой промышленности В. И. Ленин особенно много внимания уделял в 1921 г. рыбной промышленности. В январе 1921 г. он подписал телеграмму председателю СНК Азербайджана Н. Н. Нариманову об организации рыбной промышленности на Каспии [220]. В конце марта была послана ленинская телеграмма в Астрахань о мобилизации людей для проведения рыбной путины [221]. Владимир Ильич заботился об отправке промышленных товаров для выдачи натурой премий рабочим Каспийских и Азово-Черноморских рыбных промыслов [222], о создании специального натурального фонда для увеличения рыбодобычи, об улучшении материального положения рыбопромыслового населения и принятии мер по улучшению организации лова [223]. В мае и июле он внимательно изучал телеграммы и доклады уполномоченных СТО по путине и делал пометки на докладе о положении и перспективах Астраханской рыбной промышленности [224].

Когда летом 1921 г. возник конфликт между Главным управлением рыбной промышленности и Наркомпродом, Ленин во многих своих письмах и записках в Наркомпрод и председателю Главрыбы А. И. Потяеву требовал скорейшей ликвидации конфликта и налаживания деловой работы [225]. Комиссия ЦК РКП(б), созданная для разбора конфликта, приняла в июле 1921 г. решение об оставлении Главрыбы в системе Наркомпрода, а не ВСНХ; 27 июля СТО утвердил постановление «О мерах улучшения рыбной промышленности и вывоза рыбы», которое также устанавливало формы взаимоотношений между Главным управлением рыбной промышленности и Наркомпродом.

В. И. Ленин вел переписку с видным советским ученым-зоологом, специалистом в области научно-промысловых исследований Н. М. Книповичем и просил его следить за работой Главрыбы и присылать время от

[215] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 2.
[216] См. там же, стр. 31.
[217] «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 51.
[218] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 72.
[219] См. там же, стр. 299.
[220] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, Даты, стр. 577.
[221] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 314.
[222] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, Даты, стр. 528.
[223] См. там же, Даты, стр. 529.
[224] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 289—298.
[225] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 13—14, 29—30, 58—59, 60, 96 и др.

времени заметки о ходе ее работ и свои практические предложения по улучшению дела [226]. Получив в сентябре 1921 г. письмо А. И. Потяева с сообщением о резком увеличении улова рыбы, достигнутом благодаря новым формам оплаты труда рыбаков, введению сдельщины и материального поощрения, В. И. Ленин предложил дать описание новых приемов оплаты в печать — и в Астрахани, и в Москве [227].

Первые успехи рыбной промышленности не только улучшали продовольственное положение трудящихся, но открывали и некоторые возможности для увеличения экспорта. «А как с продажей икры за границу?» [228] — запрашивал Ленин А. И. Потяева в июле 1921 г.

Большое значение для роста советского экспорта имели и другие отрасли промышленности (в частности, лесная), а также золотопромышленность, ибо от увеличения золотого запаса Республики зависело расширение внешнеторговых операций. В апреле 1921 г. на заседании СТО был поставлен вопрос о работе Ленских золотых приисков. По поручению Ленина секретарь СНК Л. А. Фотиева 14 апреля телеграфно запросила в срочном порядке решение Сибревкома по вопросу о Ленских золотых приисках [229]. Сибревком выразил сомнение в необходимости и возможности начать работы в 1921 г. из-за недостатка рабочей силы и расстройства транспорта.

27 апреля 1921 г. СТО заслушал заключение ВСНХ и НКВТ по телеграмме Сибревкома и принял следующее решение: «1. Признать возражения Сибревкома по добыче золота на Ленских приисках неосновательными. 2. Предложить Сибревкому принять все необходимые меры к восстановлению Ленских золотых промыслов по производственным программам, утвержденным Президиумом ВСНХ» [230].

В. И. Ленин просматривал докладную записку консультанта Госплана горного инженера С. А. Подьяконова о мерах подъема золотопромышленности и просил И. В. Сталина поговорить с автором этой записки [231]. В своих телеграммах в Сибревком он неоднократно требовал снабжения Ленских приисков мясом, фуражом и другими продуктами и обеспечения навигации по реке Лене всем необходимым для производительной работы и срочного продвижения грузов Лензолота [232].

Текущие нужды, как бы остры они ни были, никогда не заслоняли в работе Совнаркома и СТО основной перспективы развития. С этой точки зрения особый интерес представляют ленинские указания, а также мероприятия Советского правительства в области тяжелой промышленности и в первую очередь электрификации. Именно эти вопросы на протяжении 1921—1922 гг. стояли неизменно в центре внимания В. И. Ленина.

Показательно, что только по вопросам строительства и о мерах помощи Каширской ГРЭС Ленин написал в 1921 и начале 1922 г. (до ее пуска в июне 1922 г.) свыше 60 записок и писем.

Постановлением Политбюро ЦК от 10 мая 1921 г. был установлен срок пуска Каширской станции не позднее конца 1921 г. Ленин требовал

[226] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 166—167.
[227] См. там же, стр. 250.
[228] Там же, стр. 59.
[229] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 818, л. 31.
[230] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 208, л. 4.
[231] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 129.
[232] См. там же, стр. 213.

принятия особых мер, чтобы эта директива Политбюро была выполнена, а фабрики и заводы Москвы как можно скорее получили электроэнергию от Каширской станции. Ленинские письма и записки о помощи Кашире направлялись в Малый Совнарком и ВСНХ, в Наркомтруд и НКПС, в Главтоп и НК РКИ, в металлотдел и электроотдел ВСНХ, в Наркомвнешторг и ВЧК, в Наркомпрод и Моссовет, а также отдельным предприятиям (Коломенскому, Подольскому, Симбирскому и другим заводам), выполнявшим заказы для Каширы.

В полном смысле этого слова повседневно и оперативно В. И. Ленин руководил строительством Каширской ГРЭС. Он тщательно учитывал заявки главного инженера Каширы Г. Д. Цюрупы, находился с ним в постоянной переписке. Огромное внимание Ленин уделял обеспечению Каширы необходимой рабочей силой, требовал от Наркомтруда мобилизации «в боевом порядке» рабочих и переброски трудчастей с техническим персоналом и инструментами на это строительство [233]. Он входил в такие детали, как посылка на Каширу плотников и каменщиков, а также отдельных специалистов [234].

А сколько ленинских записок и телефонограмм направлялось в Наркомпрод и местные продовольственные органы по вопросам снабжения Каширстроя хлебом и фуражом, рыбой и мясом, мукой и картофелем [235]!

В. И. Ленин категорически настаивал, чтобы заказы Каширстроя выполнялись «в экстренном, сверхурочном порядке» [236], и обычно в своих предписаниях точно перечислял все необходимые для скорейшего пуска станции материалы. Заведующему металлотделом ВСНХ Л. К. Мартенсу Ленин писал, что «Каширское строительство жалуется на неполучение болтов с гайками и шайбами по их заказам» [237], а от электроотдела ВСНХ требовал точно и в срок снабжать Каширу электротехническими материалами и выполнять заявки на голый провод, бронированный кабель, муфты, материал для реостата [238].

Все заграничные заказы для Каширстроя находились под бдительным и строгим контролем Владимира Ильича. В директивах НКВТ и его заграничным органам детально перечислялись все необходимые материалы для пуска Каширской ГРЭС, начиная от заказа на турбины и кончая ящиками с изоляторами для линии электропередачи Кашира—Москва [239].

[233] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 333—334.

[234] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 18; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 342. По указанию В. И. Ленина для работы в совхозе Каширстроя был направлен из Тулы агроном Н. Л. Карсев, а заводоуправление Симбирского завода получило предписание откомандировать в распоряжение Каширской ГРЭС братьев В. С. и Ф. С. Зубановых — электрика и электротехника (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 225, 343). О Зубановых см. очерк А. Е. Лазебникова в книге «Их знал Ильич» (М., 1967, стр. 117—137).

[235] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 340, 342, 343 и др.

[236] Там же, стр. 339.

[237] Там же, стр. 333.

[238] См. там же, стр. 333, 334, 336. Такие же распоряжения, вплоть до указаний о посылке брезентовых палаток определенного образца и замечаний по поводу плохого закрепления опорных столбов на будущей линии электропередачи Кашира—Москва, получали и другие ведомства (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 333).

[239] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 191, 295; т. 54, стр. 336.

Накануне пуска Каширы Ленин просил своих заместителей по СНК и СТО устроить немедленно совещание «для выработки практических и наиболее энергичных мер для достижения того, чтобы Каширская станция начала давать ток в Москву. Это совершенно нетерпимое безобразие, — писал он в этом письме от 12 апреля 1922 г., — если готовая станция, с готовыми проводами не может подавать тока из-за наших хозяйственных беспорядков» [240].

Поток ленинских писем, записок, телефонограмм и распоряжений прекратился только тогда, когда Каширская ГРЭС 4 июня 1922 г. вступила в строй.

Наряду с Каширской особое внимание Ленин уделял строительству Волховской станции — первой в России гидростанции, намеченной по плану ГОЭЛРО.

Решение о строительстве Волховской ГРЭС по проекту Г. О. Графтио было принято Совнаркомом еще летом 1918 г., но фактически строительные работы начались лишь в 1921 г. При обсуждении на третьей сессии ВЦИК 30 мая вопроса «О положении петроградской промышленности и мерах к ее оживлению» в постановлении ВЦИК специальным пунктом было записано требование усилить работы на Волховстрое и создать комиссию под председательством И. Г. Александрова по обследованию Волховского строительства.

1 июня Совет Труда и Обороны принял развернутое решение «О плане государственного электростроительства в 1921 г.» «Подтверждая крайне важное государственное значение работ по электрификации РСФСР в целях восстановления и развития планомерного государственного хозяйства, но считаясь с настоящим временным кризисом в области продовольственного и материального снабжения, — говорилось в этом постановлении, — сосредоточить внимание на тех строительствах, кои могут дать непосредственные результаты в деле смягчения продовольственного и топливного кризиса уже в течение 1921 и 1922 гг.» [241]

Поэтому программа электростроительства на 1921 г. утверждалась в следующем размере: продолжение постройки Каширской, Шатурской, Петроградской («Уткина заводь») и Кизеловской электростанций; приступ к строительству Нижегородской станции и продолжение работ по расширению электрической станции бывш. Судаковского завода и устройству электропередачи для снабжения Тульского района; изыскания, проектировка и приступ во второй половине года к подготовительным работам по сооружению государственных электростанций в районах Челябинска (Урал) и Штеровки (Донецкий бассейн); изыскание и проектировка государственной Днепровской гидроэлектростанции; работы по сооружению Иваново-Вознесенской районной электрической станции [242]. Вопрос о строительстве Волховской и Свирской электростанций был выделен в постановлении СТО от 1 июня в особый пункт, поскольку по этому вопросу уже было принято соответствующее постановление сессии ВЦИК 30 мая: СТО намечал продолжение работ по изысканию и проектировке Волховской и Свирской гидроэлектростанций «с ограничением производства

[240] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 238.
[241] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 218, л. 105.
[242] Там же.

А уста-новка? 8/VIII + 4 мес. 1930 = 28. XII !! А до-ставка!

№ 2965 9 АВГУСТА 1921 года.

ИЗ ЖАВОЛОВСКОЙ РАДИОСТАНЦИИ НР 123 МОСКВУ ЗАВЩИНТ-РАДИО ДЛЯ НАРКОМИНОДЕЛА 8/9 1921 Берлин Нр 104 в 76 ЧИЧЕРИН ДЛЯ ЛЕНИНА

МОСКВА КОПИЯ Красину.

Важнейшая часть материала для Каширской станции именно изоляторы заказаны и будут отправлены конце августа за исключением небольшой части которая пойдет первой половиной сентября тчк Сроки доставки всех остальных материалов от трех до четырех месяцев так как ни один завод не может изготовить раньше тчк На электровозы сроки около шести месяца тчк Делаем все возможное для сокращения всех сроком точка Все дело ведется ударным порядком Старковым и мною 5 августа 2250 СТОМОНЯКОВ

Каких? очень ли вав нет? Не для Каширы? ЛЛЛ.

Послать Г. Дм. Цурюпе, чтобы торчал мне вернул с отзывом. Что это значит? Какой срок пуска станции [illegible] [illegible]? 11/VIII. Лен

Пометки В. И. Ленина на радиограмме
из Берлина от Б. С. Стомонякова
о поставке материалов для Каширской электростанции.
11 августа 1921 г.

строительных работ в пределах окончания уже начатых вспомогательных сооружений и заготовки основных строительных материалов».

В Комитете государственных сооружений (Комгосоор) особый пункт постановления СТО о Волховстрое пытались, очевидно, толковать в качестве установки на значительное сокращение работ. Поэтому 5 тыс. пайков, которые должны были быть переданы Волховскому строительству согласно постановлению сессии ВЦИК 30 мая, перестали отпускаться. «В результате после потери значительной доли летнего сезона, после бесплодных попыток и обивания порогов, — рассказывал впоследствии начальник строительства Г. О. Графтио в докладе на четвертой сессии ВЦИК 7 октября 1921 г., где был поставлен специальный доклад о Волховстрое, — пришлось прибегнуть к крайней мере — обратиться по поводу Волхова к Владимиру Ильичу с письмом; ему же я послал две записки, в которых было изложено то, что я сейчас докладывал о Волхове. В результате были приняты надлежащие меры, отпущены деньги и дано распоряжение, чтобы продовольствие выдавалось беспрепятственно» [243].

После тревожных сигналов Г. О. Графтио вопрос о положении на Волховстрое был поставлен 16 сентября на заседании СТО и принято решение, устанавливающее исключительную государственную важность электрификации Петроградского района. В связи с этим Волховское строительство было отнесено к разряду внеочередных строительных работ. «Всем ведомствам, — говорилось в решении СТО, — безусловно удовлетворять вне всякой очереди заявки Волховского строительства в пределах его производственной программы» [244].

7 и 12 октября СТО обсудил выполнение своего решения от 16 сентября о Волховстрое. На заседании 12 октября СТО принял к сведению сообщение Графтио о том, что все намеченные мероприятия по снабжению строительства проводятся органами ВСНХ и другими ведомствами вполне удовлетворительно.

IV сессия ВЦИК в постановлении по докладу Г. О. Графтио о Волховстрое 7 октября 1921 г. записала: «Признать осуществление Волховской силовой гидроэлектрической установки, в корне разрешающей топливный кризис и электроснабжение Петрограда и его промышленности, не терпящим никаких дальнейших уклонений от срочного доведения до конца» [245]. Срок окончания работ Волховской станции и подачи от нее энергии в Петроград устанавливался на конец 1924 г.[246]

В 1921 г. продолжалось также строительство Шатурской (в 1920 г. была пущена лишь опытная Шатурская станция), Иваново-Вознесенской электростанций и «Уткиной заводи» в Петрограде. Ленин постоянно следил за ходом строительства этих станций, он участвовал 9 мая 1921 г. в совместном заседании Президиума ВСНХ и комиссии ЦК по вопросам

[243] «I—IV сессии ВЦИК VIII созыва». Стенографический отчет, стр. 347; см. также переписку В. И. Ленина с Г. О. Графтио по вопросу о Волховстрое (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 156—157).

[244] Полный текст постановления СТО от 16 сентября 1921 г., как и все материалы, связанные с Волховским строительством (докладные записки и письма Г. О. Графтио и др.), см.: «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 41—73.

[245] «I—IV сессии ВЦИК VIII созыва», стр. XXXV.

[246] Фактически Волховская гидростанция вступила в строй в декабре 1926 г. Подробно об истории ее строительства, о переписке В. И. Ленина и Г. О. Графтио см. интересный очерк Б. Галина «В грозу и бурю» («Знамя», 1967, № 4—8).

строительства Шатурской ГРЭС, настаивал на передаче котлов с Московской трамвайной станции для Шатуры [247], запрашивал в Президиуме ВСНХ подробные сведения о постройке Иваново-Вознесенской электростанции [248], а в конце 1922 г. горячо поддержал строительство Земо-Авчальской гидростанции под Тифлисом [249].

Большое внимание Владимир Ильич уделял первым шагам в строительстве мелких сельских электростанций. Известно, как он заботился об электрификации деревень Сияново и Горки. На IX съезде Советов, приведя подсчет, что в 1918—1919 гг. были открыты 51 сельская станция мощностью в 3,5 тыс. квт, а в 1920—1921 гг. — 221 станция мощностью в 12 тыс. квт, он говорил: «Немаловажную роль сыграло распространение мелких станций в деревне... Этими мелкими станциями были созданы в деревне центры современной новой крупной промышленности. Они хотя и ничтожны, но все же показывают крестьянам, что Россия не остановится на ручном труде, не останется со своей примитивной деревянной сохой, а пойдет вперед к другим временам. И в массы крестьян постепенно проникает мысль, что мы Россию должны поставить и можем поставить на другую базу» [250].

В. И. Ленин придавал особое значение пропаганде плана электрификации. В «Наказе от СТО местным советским учреждениям» он требовал строгой проверки: «Есть ли в местной губернской и уездной библиотеке „План электрификации РСФСР", доклад VIII съезду Советов? Сколько экземпляров?» [251]. В. И. Ленин запрашивал также: «Какие меры приняты во исполнение постановления VIII съезда Советов о широкой пропаганде плана электрификации? Сколько статей в местных газетах об этом? Сколько докладов? Число слушателей на них?» [252]. Далее следовали вопросы о мобилизации для этих докладов местных работников, обладающих необходимыми теоретическими и практическими знаниями, о преподавании плана электрификации в учебных заведениях и о практических шагах на местах по осуществлению плана.

По настоянию и инициативе Владимира Ильича крупнейший партийный публицист и старый большевик И. И. Степанов-Скворцов начал писать в 1921 г. книгу об электрификации РСФСР. Ленин всячески заботился о создании благоприятных условий для его работы, поручал Управлению делами СНК подбирать для Степанова-Скворцова необходимую литературу на русском и иностранных языках [253], все время торопил и «подгонял» автора, предлагая *«сослать* его» в один из подмосковных совхозов «на молоко», чтобы он в один-полтора месяца закончил свою книгу [254].

Когда работа в марте 1922 г. была завершена, Ленин тотчас начал читать ее, поздравил автора «с великолепным успехом» [255] и написал к ней предисловие, в котором от всей души рекомендовал книгу

[247] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 325—326.
[248] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 280—281.
[249] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 298—299.
[250] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 320—321.
[251] В И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 288.
[252] Там же, стр. 289.
[253] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 205—206.
[254] См. там же, стр. 291.
[255] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 210.

И. И. Степанова-Скворцова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» вниманию всех коммунистов и предлагал превратить ее в пособие для школ по изучению плана электрификации [256].

1—9 октября 1921 г. в Москве проходил VIII Всероссийский электротехнический съезд. На съезде, созванном по инициативе В. И. Ленина, присутствовало около тысячи делегатов и среди них крупные ученые страны, хозяйственники и представители рабочих электротехнических предприятий. Съезд постановил: «Ввиду тех неоценимых услуг, которые оказаны председателем Совнаркома В. И. Лениным-Ульяновым, и ввиду той особой горячей поддержки, которую имела Государственная комиссия по электрификации и все работы электротехники, предлагаем этого уважаемого великого борца всемирной революции избрать почетным председателем съезда» [257].

Владимир Ильич послал очень теплое письмо в президиум съезда, выражая сожаление, что ему не удалось лично приветствовать съезд. Он пожелал съезду электротехников всяческого успеха в его работе и высказал глубокую уверенность в том, что при помощи электротехников, героических усилий рабочих и крестьян России и передовых ученых сил всего мира электрификация России будет полностью осуществлена.

В докладе на IX съезде Советов Ленин высоко оценил работу VIII электротехнического съезда, указав, что он «дал серьезнейший и богатейший материал, проверку лучшими техническими и научными силами России того плана, который является единственно научно проверенным, кратчайшим и ближайшим планом для восстановления нашей крупной промышленности...» [258] IX съезд Советов окончательно утвердил конкретную программу электрификации, возложив на Государственную общеплановую комиссию общее руководство всем делом электрификации РСФСР.

Вопросы электрификации Ленин неразрывно связывал с задачами восстановления и развития промышленности и всего народного хозяйства в целом. В трудных условиях 1921 г. он особое внимание уделял ликвидации острейшего топливного кризиса и подъему топливной промышленности, прежде всего в Донбассе. В отчетном докладе на XI съезде партии Ленин говорил: «Ни о каком восстановлении крупной промышленности в России, ни о каком настоящем строительстве социализма не может быть и речи, ибо его нельзя построить иначе, как через крупную промышленность, если мы не восстановим, не поставим на должную высоту Донбасс» [259].

Вопрос о положении в Донбассе десятки раз обсуждался в СТО на протяжении только 1921 г. В. И. Ленин повседневно следил за снабжением Донбасса продовольствием, настаивал на скорейшей закупке за гра-

[256] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 51—52. Предисловие В. И. Ленина к книге И. И. Степанова-Скворцова было опубликовано в «Правде» 21 марта 1922 г. Когда книга вышла в свет, автор подарил ее В. И. Ленину со следующей надписью: «Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засаженный за работу в порядке беспощадного „принуждения“ и неожиданно нашедший в ней свое „призвание“. Да здравствует такое „принуждение“!» (там же, стр. 509, прим.).

[257] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 550, прим.

[258] Там же, стр. 316.

[259] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 105.

ницей врубовых машин для Донбасса [260], требовал широкой агитации за возвращение на рудники покинувших Донбасс рабочих [261], сам тщательно следил за ходом угледобычи, предлагал Наркомвнешторгу и Коминолиту (Комитету иностранной литературы) срочно выписать для Донбасса каталоги иностранных фирм по оборудованию рудников, действию насосов, врубовых машин и т. д. и регулярно посылать в Донбасс горные журналы на немецком, французском и английском языках и вновь выходящие книги по горному делу [262].

Принимая все меры для оказания продовольственной, финансовой, технической помощи Донбассу и обеспечения его рабочей силой, Владимир Ильич одновременно учил изыскивать внутренние ресурсы, правильно сочетать подъем промышленности и земледелия. Когда председатель Центрального правления каменноугольной промышленности (ЦПКП) Г. Л. Пятаков в своих письмах настойчиво просил об увеличении помощи, В. И. Ленин, резко порицая его за излишне иждивенческую позицию, писал ему 14 апреля 1921 г.:

«„Если бы хлеб, то бы я...“ Как не стыдно Вам повторять этот шаблон? Конечно, если Вам *дать*...

Нет, потрудитесь *сами* достать все: и соль и *на соль* хлеб и пр.

Инициатива, почин, местный оборот, а не попрошайничать: если бы мне дали... Стыд!» И тут же подпись: «Salut! Ленин» [263].

Когда 8 июля 1921 г. постановлением СТО была создана специальная комиссия «для разрешения вопросов, связанных с поднятием производительности и урегулирования дела снабжения рабочих Бакинских и Грозненских нефтяных промыслов и Донецкого каменноугольного бассейна», Ленин в письме к председателю этой комиссии И. Т. Смилге от 22 августа 1921 г. предлагал следующий план работы комиссии применительно к Донбассу.

«Мне кажется, — писал он, — одна из крупных ошибок в Донбассе, т. е. во всей работе по восстановлению Донбасса, состоит в том, что нет надлежащей согласованности в местной работе — промышленной, земледельческой и торговой». Поэтому Ленин советовал комиссии не ограничиваться чисто промышленными вопросами и принять все меры, чтобы руководство и аппарат ЦПКП «направили свои силы на подъем местного земледелия и на товарообмен с крестьянами, а равно с заграницей через Таганрог». В частности, он предлагал «обратить внимание на меры к подъему местного земледелия путем введения орошения посредством использования шлюзов реки Донца» [264].

Большую тревогу В. И. Ленина вызывали те разногласия, которые возникли в Донбассе между председателем ЦПКП Г. Л. Пятаковым и другими работниками. Уже 24 июня 1921 г. Ленин запрашивал Пятакова об этом [265]. Суть споров заключалась в том, что Пятаков пытался проводить в Донбассе троцкистскую линию «сращивания» профсоюзного и хозяйственного аппаратов, применял широко «назначенчество» и чрез-

[260] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 47, 54.
[261] См. там же, стр. 253.
[262] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 47—48.
[263] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 145.
[264] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 135.
[265] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 288—289.

мерно администрировал. ЦПКП настаивал на изъятии рабочего снабжения из рук профсоюзов и передаче в ведение администрации шахт. Председатель ЦК союза горнорабочих Артем (Сергеев) категорически высказался против линии Пятакова и требовал передачи снабжения профсоюзным органам, что и было в дальнейшем осуществлено.

Разногласия и конфликты между работниками в Донбассе продолжались почти на протяжении всего 1921 г., и 26 ноября Политбюро ЦК специально рассматривало этот вопрос. 22 декабря Политбюро освободило Г. Л. Пятакова от должности председателя ЦПКП и назначило на этот пост В. Я. Чубаря. Это решение было подтверждено пленумом ЦК 28 декабря 1921 г., который предложил командировать на Украину Г. К. Орджоникидзе с заданием помочь В. Я. Чубарю в налаживании работы.

Укрепление руководства угольной промышленностью Донбасса, принятие мер по снабжению продовольствием и рабочей силой дали к концу 1921 г. реальные результаты. Уже в телеграмме от 10 октября, адресованной всем губисполкомам, губкомпартам, губпрофсоветам и губкомтрудам, Ленин смог сообщить, что бегство забойщиков и квалифицированных рабочих удалось приостановить и нынче в Донбассе «... создано устойчивое продовольственное положение, именно: доставлен трехмесячный запас хлеба, каковой будет увеличен» [266].

Наряду с чрезвычайными и экстренными мерами помощи Донбассу на протяжении всего 1921 г. тщательно продумывался и разрабатывался общий план, который должен был быть положен в основу восстановления всероссийской кочегарки. Уже на заседании СТО 27 мая 1921 г. было принято решение «О восстановлении каменноугольной промышленности Донбасса» и предложено подготовить 5-летний перспективный план ее развития.

Госплан наметил также план концентрации каменноугольной промышленности, который начал осуществляться в октябре—ноябре 1921 г. 9 ноября СТО обсуждал «Соглашение с Донэкосо о мелких шахтах» и постановил, что все шахты Донбасса, не эксплуатируемые ЦПКП и не подлежащие эксплуатации по пятилетней программе, сдаются в аренду через Донгубэкосо, за исключением тех шахт, аренда которых является нерациональной.

В. И. Ленин полностью поддержал план концентрации угольной промышленности, и по его поручению помощник управделами СНК В. А. Смольянинов 6 октября 1922 г. направил В. Я. Чубарю следующее письмо: «Владимир Ильич просит Вас срочно и кратко ответить на следующий вопрос: не следует ли из общего количества работающих в настоящее время шахт в Донбассе выделить *небольшое* число наиболее крупных и лучших, с тем чтобы обеспечить работающих в них *полностью*, ассигновав для этого известную часть золота (выписать врубовые машины, если требуется, и пр.). Нет ли к этому выделению препятствий и какие. Не встретимся ли с возражениями ВЦСПС и НКТ в смысле противодействия лучшему снабжению известной части рабочих на выделенных шахтах». В. А. Смольянинов добавлял, что Владимиру Ильичу стало известно о намерении В. Я. Чубаря во время предстоящего приезда

[266] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 253.

в Москву выяснить ряд вопросов снабжения Донбасса. Поэтому он просил сообщить итог этих переговоров: «Сколько Вы просите и сколько Вам дают?» [267].

9 октября 1922 г. В. И. Ленин принял В. Я. Чубаря и беседовал с ним о восстановлении каменноугольной промышленности. 6 ноября Владимир Ильич послал Г. М. Кржижановскому копии двух писем В. Я. Чубаря, в которых последний утверждал, что жизнь опрокинула решение СТО от 13 октября 1922 г. об установлении цен на топливо для плановых потребностей. Председатель ЦПКП доказывал, что несоответствие между твердой установленной ценой и падающим курсом рубля ставит каменноугольную промышленность в очень трудное положение. Поэтому Ленин просил Госплан в срочном порядке пересмотреть этот вопрос с привлечением Наркомфина и ВЦСПС [268].

Госплан выполнил поручение и представил в СТО доклад о финансировании Донбасса. Вопрос этот обсуждался на заседаниях СТО 15 и 17 ноября и на заседании СНК 24 ноября 1922 г. СНК в своем постановлении отметил особую важность регулярной работы угольной и нефтяной промышленности для хозяйственной жизни страны и признал необходимым «твердо обеспечить эти отрасли топливной промышленности в полном размере реальными средствами, потребными для исполнения их производственной программы, с этой целью установить, в виде исключения, особые условия оплаты угля и нефти» [269].

Мероприятия Советского правительства создали уже к концу 1921 г. перелом в работе Донбасса. На IX съезде Советов В. И. Ленин, подводя итоги, указывал, что если в 1920 г. было добыто 272 млн. пуд. угля, то за весь 1921 г. эта цифра поднялась уже до 350 млн. пуд. «Эта цифра очень и очень мала, — говорил Ленин, — по сравнению с той, которая была максимальной в довоенное время — 1 миллиард 700 миллионов. Но это все же кое-что. Это показывает, что серьезный шаг вперед делается» [270].

Сосредоточив основное внимание на восстановлении Донбасса как важнейшей угольной базы страны, Советское правительство принимало одновременно ряд мер для улучшения работы других угольных районов, главным образом восточных (Сибирь и Урал). В одном из своих постановлений, принятых в этой связи, СТО предложил Главтопу «в срочном порядке разработать пятилетнюю программу работ для урало-сибирских копей с детальным планом на 1922 г., положив в основу: для Кузбасса разработанный Главуглем план эксплуатации, а для Челябинского и Черемховского районов — максимальное развитие экскаваторных работ, в комбинации с подземными выработками».

В результате, при всех трудностях 1921 г. добыча угля за этот год была больше, чем в 1920 г.: почти 500 млн. пуд. вместо 466 млн. пуд. (по всем угольным бассейнам). Уже в первые месяцы 1922 г. страна начала явно преодолевать грозный и гибельный для народного хозяйства топливный кризис, который держал ее в своих тисках все предыдущие годы.

[267] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 660, прим.
[268] См. там же, стр. 308—309.
[269] См. там же, стр. 666, прим.
[270] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 319.

Этому способствовали также те сдвиги, которые происходили в нефтяной промышленности страны.

В феврале 1921 г. В. И. Ленин внимательно изучал докладные записки Л. Б. Красина, И. М. Губкина и специалистов Главнефти, которые сигнализировали о тяжелом положении нефтяной промышленности, об опасности обводнения в связи с бездействием нефтяных скважин [271].

Необходимы были экстренные меры для помощи Баку и Грозному. Очень остро и здесь стояли вопросы улучшения продовольственного положения рабочих нефтепромыслов. Уже в конце марта 1921 г. в записке секретарю СНК В. И. Ленин лаконично напоминал: «Хлеб для Баку (только до 3.IV). *Халатову* напомнить: архиважно» [272]. В начале апреля Ленин запросил Наркомпрод о мерах продовольственной помощи Баку [273], а затем телеграфировал М. И. Фрумкину в Ростов-на-Дону, требуя принятия решительных мер «к снабжению Баку и одновременно Грузии, Армении...» [274]

В письме, направленном в Главтоп и Главнефть 27 мая 1921 г., Ленин писал: «Необходимо усилить внимание и заботу о Баку.

Прошу вынести в *СТО* программу систематичных мер помощи Баку с привлечением заграничных закупок.

Надо установить постоянное „наблюдение“ за тем, что делается в Баку и *чем мы помогаем*» [275].

10 июня 1921 г. Ленин вновь обращался по этому же вопросу в Главнефть к И. М. Губкину: «Надо выработать *точные* меры помощи Баку и внести в *СТО*, *следя* за их выполнением» [276]. А через несколько дней в телеграмме Г. К. Орджоникидзе Ленин указывал, что очень обеспокоен судьбой Баку, и требовал от Серго «частой и точной информации об итогах работы по улучшению нефтяного дела в Баку, а равно об итогах внешнеторговых операций» [277].

Восстановление нефтяной промышленности, как и Донбасса, Ленин связывал с проведением широкого круга хозяйственных мероприятий. В письме к начальнику Азнефти А. П. Серебровскому он поставил следующую задачу: «... правильно ли ставится в Баку вопрос о нефти с точки зрения согласования разных сторон народного хозяйства? Ведь край богатейший: леса, плодородная (при орошении) земля и т. п. Качаем воду (с нефтью) и не употребляем эту воду на орошение, которое бы дало гигантские урожаи сена, риса, хлопка? Не используем „норда“ для ветряных двигателей? Но главное, конечно, продовольствие, орошение. Можно ли развить нефтепромышленность, не развивая орошения и земледелия вокруг Баку? Думает ли кто и работает ли кто над этим как следует?» [278]

Об этом же Ленин писал в письме к Г. К. Орджоникидзе 9 апреля 1921 г., ставя вопрос о создании областного хозяйственного органа для всего Закавказья и предлагая «купить хоть за границей семян и двинуть

[271] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 125—145.
[272] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 121.
[273] См. там же, стр. 133.
[274] Там же, стр. 146—147.
[275] Там же, стр. 217.
[276] Там же, стр. 264.
[277] Там же, стр. 279.
[278] Там же, стр. 124.

орошение в Азербайджане при помощи ресурсов Баку, чтобы развить земледелие и скотоводство, а также постараться развить товарообмен с Северным Кавказом». И в заключение вопрос: «Усвоили ли Вы и грузинские товарищи значение нашей новой политики в связи с продналогом?» [279]

В. И. Ленин заботился также о техническом перевооружении бакинской нефтепромышленности, об обеспечении цистернами перевозки нефти [280], о постройке наливных судов для нефтефлота [281] и горячо поддерживал проект строительства нефтепровода Грозный — Армавир — Тихорецкая, представленный группой инженеров [282].

На IX съезде Советов, говоря об итогах борьбы за топливо, Ленин сделал следующий вывод: «Цифры к концу декабря, хотя еще неполные, которые мне были сообщены т. Смилгой, ... показывают, что мы имеем тут дефицит, но уже дефицит незначительный, причем дефицит, показывающий улучшение внутреннего строения нашего топливного бюджета — именно то, что техники называют его минерализацией, т. е. большой успех в снабжении России минеральным топливом, а только на минеральном топливе может быть прочная постановка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества» [283].

Трудности с топливом явно оставались позади, хотя в абсолютных цифрах добыча угля в 1921 г. была не намного выше добычи в 1920 г., а по нефти — даже несколько ниже. Но условия для подъема были созданы уже в первый год осуществления новой экономической политики, и перспективы дальнейшего развития и роста вырисовывались совершенно очевидно.

Металлопромышленность, и особенно черная металлургия, находилась в 1921 г. в наиболее тяжелом положении по сравнению с другими отраслями промышленности. Наибольший упадок переживала южная металлургия, где в июле 1921 г. производство почти совсем прекратилось.

2 ноября СТО принял по вопросу о восстановлении металлургической промышленности следующее решение: «Имея в виду все более расширяющийся и обостряющийся кризис металлоснабжения, признать необходимым немедленно принять энергичные меры к восстановлению металлургической промышленности. Поручить Госплану в 2-недельный срок (для Урала — в 3-недельный) рассмотреть программу металлического, коксового и рудного производства ВСНХ, расширить ее максимально в пределах существующих технических возможностей и в 3-недельный срок (для Урала в 4-недельный) представить на утверждение СТО» [284].

СТО предлагал пересмотреть государственный план распределения твердого минерального топлива для осуществления производственной программы по металлургии. Признано было необходимым произвести массовую мобилизацию рабочих на металлургические заводы. 22 ноября Госплан во исполнение решения СТО заслушал на своем заседании доклад председателя металлургической комиссии о программе по металлопро-

[279] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 136.
[280] См. там же, стр. 110.
[281] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 96.
[282] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 231.
[283] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 317.
[284] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 263, л. 120.

мышленности. В постановлении Госплана отмечалось, что закончены работы, позволяющие, «во-первых, выделить во всех районах, кроме Петроградского, те металлургические предприятия, которые поддаются пуску и развертыванию в ближайший год, и, во-вторых, в грубых чертах определить максимум продукции при условии выполнения продовольственной и топливной программы...» [285] 30 декабря СТО вновь слушал доклад Госплана о мерах восстановления металлургической промышленности, принял его к сведению и предложил разослать проект постановления всем членам Госплана и СТО для ознакомления и внесения дополнений.

Говоря об итогах работы металлургии в 1921 г., Ленин в докладе на IX съезде Советов указывал, что в этом отношении наше положение особенно тяжело. «Мы производим каких-нибудь, может быть, 6% того, что производили в довоенное время. Вот до какого разорения, до какой нищеты империалистическая война и гражданская война довели Россию! Но мы, конечно, поднимаемся. У нас создаются такие центры, как Югосталь, где работает тоже наиболее преданным образом тов. Межлаук [286]. Как ни тяжело наше положение, мы здесь видим успех громадный. Мы в первой половине 1921 г. выплавляли ежемесячно 70 тыс. пудов чугуна, в октябре — 130 тысяч, в ноябре — 270 тысяч, т. е. почти вчетверо больше. Мы видим, что у нас нет оснований предаваться панике. Мы нисколько не скрываем от себя, что цифры, которые я приводил, показывают уровень мизерный, нищенский, но мы все же можем доказать этими цифрами, что, как ни был тяжел 1921 г., какие исключительные тяжести ни обрушивались на рабочий и крестьянский класс, все же мы поднимаемся, мы стоим на верном пути и, напрягая все силы, мы можем надеяться, что подъем станет еще выше» [287].

В 1921 г. первоочередными и важнейшими продолжали оставаться задачи восстановления транспорта. Транспортный кризис не был изжит и не мог быть изжит, пока существовал кризис топливный. Улучшение положения с топливом к концу 1921 г. привело к сдвигам и в работе транспорта. В апреле 1921 г. народным комиссаром путей сообщения был назначен Ф. Э. Дзержинский с оставлением его одновременно на посту председателя ВЧК. 9 августа пленум ЦК специально обсуждал вопрос о состоянии транспорта и утвердил выводы Ф. Э. Дзержинского с изменениями, предложенными В. И. Лениным [288]. В решении пленума ЦК говорилось о необходимости всем партийным и советским органам изыскать меры, чтобы помочь транспорту. Советской прессе поручалось помещать систематически статьи по вопросам транспорта [289].

9 декабря 1921 г. СТО заслушал доклад Дзержинского «Об экономическом положении транспорта» и определил производственную программу на 1922 г.

Огромное внимание Ленин проявлял к вопросам технического перевооружения транспорта. Прочитав в «Известиях» 20 декабря 1921 г. статью А. Белякова «Новые пути оживления железнодорожного транспорта», в которой рассказывалось об опыте применения тепловозов за границей

[285] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 37, л. 46.
[286] Речь идет об И. И. Межлауке, начальнике Югостали.
[287] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 319—320.
[288] См. там же, стр. 84.
[289] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 68, л. 2.

и о целесообразности их широкого использования на железных дорогах Советской России, Ленин тотчас же написал письмо в редакцию «Известий» и просил автора статьи сообщить подробно дополнительные сведения[290]. Он немедленно также обратился в Госплан, научно-технический отдел ВСНХ и в НКПС и через своего секретаря запрашивал, «было ли что-нибудь об этом в научной и технической литературе и как смотрят на это дело специалисты?»[291]

Получив предварительный отзыв, что «применение тепловозов могло бы оказаться, вероятно, весьма плодотворным», В. И. Ленин проявил чрезвычайную энергию, быстроту и оперативность, всегда свойственные ему, когда речь шла о наиболее важных и глубоко волнующих его начинаниях. Уже 30 декабря 1921 г. вопрос о тепловозах обсуждался на заседании СТО и было принято постановление, признающее, что «введение тепловозов имеет особо важное значение для оздоровления теплового хозяйства железных дорог и разрешения топливного вопроса». Теплотехническому институту было поручено организовать разработку проектов и технических условий для тепловозов и объявить конкурс на лучшую конструкцию тепловоза. 4 января 1922 г. это постановление СТО было окончательно утверждено и на Госплан совместно с НКПС и Теплотехническим институтом возложена задача выработать подробные условия конкурса и премирования для последующего широкого опубликования их в России и за границей.

Вопрос о тепловозах стоял на повестке дня СТО вновь 10 января, 3 и 24 февраля и 10 марта 1922 г. В. И. Ленин переписывался по этому поводу с профессором Ю. В. Ломоносовым[292], просил Н. П. Горбунова и В. А. Смольянинова внимательно следить за этим очень важным делом и собирать всю научную литературу о тепловозах[293]. 10 марта 1922 г. СТО утвердил условия конкурса на постройку тепловозов для РСФСР, установив срок конкурса — 1 марта 1924 г. Практически, для 1922 г. речь шла о начале постройки двух опытных тепловозов, но ленинская постановка этой задачи имела неоценимое значение для дальнейшей реконструкции железнодорожного транспорта.

В 1921 г. началось также строительство некоторых новых веток железных дорог (Петропавловск—Кокчетав, Александров-Гай—Эмба и др.). 28 июля 1921 г. Госплан обсуждал вопрос о создании комиссии по исследованию Семиреченской железной дороги[294], за несколько дней до этого, 21 июля, на Президиуме Госплана рассматривалась докладная записка об образовании при Госплане особого бюро по проведению Великого Северного пути.

Все решения Совнаркома и СТО по промышленности и транспорту, принятые по непосредственным указаниям В. И. Ленина и по его инициативе, заглядывали далеко вперед и открывали великие перспективы завтрашнего дня социалистического строительства. Мы не касаемся здесь

[290] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 84.
[291] См. там же, стр. 584, прим.
[292] См. там же, стр. 144—145.
[293] См. там же, стр. 146—147.
[294] 5 октября 1923 г. СТО постановил организовать Совет по постройке Семиреченской железной дороги при НКПС под председательством Ф. Э. Дзержинского (СУ, 1924, № 9, ст. 52).

других вопросов, связанных с борьбой В. И. Ленина за новую технику, ибо многие из этих вопросов были поставлены в 1921—1922 гг. не применительно к практическим нуждам развития промышленности, а в порядке определения общих задач научного исследования (например, проблемы радиотехники, Курская магнитная аномалия, Гидроторф и др.). Поэтому эти вопросы будут рассмотрены при изучении ленинского опыта руководства наукой. Но одна сторона проблемы, а именно первые шаги в организации новых для России производств — автомобилестроения, авиастроения, тракторостроения и т. д. была поставлена Лениным практически и совершенно конкретно в последние годы его государственной деятельности, в 1921 и 1922 гг.

Достаточно показателен с этой точки зрения тот факт, что уже 14 сентября 1921 г. на заседании СТО обсуждался вопрос об автомобильных заводах и в принятом решении ставились задачи не только организации производства запасных частей к автомобилям, но и «перехода к новому автостроению».

В начале 1922 г. при СТО была создана специальная комиссия по восстановлению крупной промышленности. На заседании 4 марта 1922 г. комиссия приняла решение о создании объединения заводов автомобилестроения под названием ЦУГАЗ (Центральное управление государственных автомобильных заводов) и дала следующую директиву: «Признать принципиально необходимым постановку в России автомобилестроения в массовом масштабе» [295]. Через несколько лет эта директива, основанная на указаниях В. И. Ленина, начала проводиться в жизнь: к 7 ноября 1924 г. завод «АМО» выпустил первые десять грузовых автомобилей — первенцев советского автомобилестроения.

Большой интерес представляет также постановка 14 декабря 1921 г. в СТО вопроса о работах по организации авиационного моторостроения (передача Русско-Балтийского завода в Филях в распоряжение Промвоенсовета для организации на нем авиационного моторостроения) [296]. Ровно через год, 1 декабря 1922 г., СТО утверждал план Главного управления военной промышленности (ГУВП) по достройке и дооборудованию авиационных заводов [297] (а за несколько месяцев до этого в августе 1922 г. Госплан обследовал состояние авиапромышленности и представил свои выводы). СТО в своем решении определил те заводы, которые надо оборудовать для самолетостроения (главным образом завод № 1, бывш. Дукс, и завод № 5), потребовал расширения некоторых заводов для изготовления винтов, лака и т. д., а моторостроение предложил сосредоточить на московских заводах. Были рассмотрены также необходимые ассигнования для достройки и оборудования авиационных заводов [298].

В конце 1922 г. и особенно в начале 1923 г. с большой остротой был поставлен вопрос о подъеме сельскохозяйственного машиностроения, в частности о первых шагах советского тракторостроения. В апреле 1923 г. СТО признал необходимым организовать серийное производство тракторов в СССР. Решение этой задачи было поручено крупнейшим машиностроительным заводам — Путиловскому, Обуховскому, Коломен-

[295] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 6, д. 169, л. 24.
[296] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 276, л. 6.
[297] Там же, ед. хр. 370, л. 2 об.
[298] Там же, лл. 2 об., 161—162, 173.

скому, Харьковскому паровозостроительному и др. В годы восстановительного периода это имело существенное значение не столько с точки зрения снабжения сельского хозяйства новой техникой (Путиловский завод к 1 мая 1924 г. выпустил всего два трактора), сколько помогало обеспечить загрузку предприятий заказами и осуществить перевод промышленности на мирную продукцию. Так, на Путиловском заводе бывшая пушечная мастерская была переоборудована для производства тракторов, а на Тульском оружейном заводе начало развертываться текстильное машиностроение.

В 1921—1922 гг. по указаниям В. И. Ленина началась разработка перспективных планов для отдельных отраслей тяжелой промышленности, главным образом топливной и металлургии. Осенью 1921 г. в Госплане был поставлен доклад «О выработке плана работ металлопромышленности на предстоящее пятилетие». Одновременно уже с конца 1921 г. СТО поручал Госплану рассмотреть планы ВСНХ по металлическому, коксовому и рудному производствам и возможности их расширения[299]. В ноябре и декабре 1921 г., в январе и апреле 1922 г. СТО систематически заслушивал доклады Госплана о мерах, необходимых для быстрейшего восстановления металлургии и ликвидации ее отставания.

На заседании СТО 7 июня 1922 г. был поставлен информационный доклад ВСНХ о ближайших перспективах промышленности и возможности свертывания отдельных отраслей в связи с трудностями снабжения. В докладе ВСНХ указывалось, что программа по металлургии выполнена за первую четверть 1922 г. на 110% и поэтому «говорить о каком-либо свертывании металлургии вряд ли может быть признано даже и возможным»[300]. Такой же вывод делался и для металлообрабатывающей, машиностроительной и электротехнической промышленности. Некоторое свертывание намечалось только в отдельных отраслях легкой промышленности. По поводу заводов Мосмета ВСНХ прямо указывал, что «государству придется поддерживать такие заводы, как Бромлей (станки, двигатели), Добров-Набгольц (мельничное машиностроение), Лист (насосы, подъемные лебедки), Бари (котельное и металлическое производство), Шодуар (трубы), Грачев (торфяные машины), Русская машина (Гидроторф), Гужон и др. Свертывание этих заводов явилось бы непоправимым ударом для московской металлической промышленности, т. к. закрытие заводов было бы равносильно уничтожению ее с ее давнишним подбором квалифицированной рабочей силы, восстановить которую было бы связано с огромной трудностью»[301].

Так в каждом решении со всей ясностью и определенностью находила свое конкретное воплощение основная ленинская линия на всемерную поддержку и развитие тяжелой промышленности. Тяжелую промышленность Советское государство сознательно поддерживало энергичнее и полнее, чем легкую. Тяжелой промышленности больше отпускалось средств через госбюджет, она получала преимущественное кредитование от банков, государственные заказы и т. д.

Подводя итоги развития промышленности за 1921—1922 гг., Ленин в плане своего доклада на IV конгрессе Коминтерна записал:

[299] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 36, л. 238.
[300] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 322, л. 129.
[301] Там же, л. 135.

«...Легкая индустрия? *Общий подъем!*
...тяжелая индустрия?
очень тяжелое положение.
Перелом 1921—1922 к лучшему, но очень малый...» [302]

Останавливаясь подробнее на этом вопросе в докладе на IV конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин говорил: «Что касается легкой промышленности, то я могу спокойно сказать: здесь наблюдается общий подъем» [303]. Констатируя отставание тяжелой промышленности, Ленин особенно подчеркивал необходимость найти средства, которые можно будет бросить на ее восстановление. Ни на концессии, ни на займы в капиталистических странах рассчитывать нечего, об этом Ленин в конце 1922 г. мог уже сказать прямо. Все дело теперь во внутренних сбережениях и накоплениях, которые должны пойти на нужды тяжелой промышленности. Именно на IV конгрессе Коминтерна Ленин говорил, что надо сберечь и собрать средства на тяжелую промышленность, сократить государственный аппарат, экономить на всем, даже на школах, ибо «...мы знаем, что без спасения тяжелой промышленности, без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна» [304].

Этот решающий ленинский вывод лежал в основе всей деятельности Советского правительства. Мероприятия по поддержке тяжелой промышленности, проведенные под руководством Ленина, обеспечили перелом к лучшему в 1921—1922 гг., а в последующие годы восстановительного периода позволили достигнуть серьезных успехов в постепенной ликвидации отставания тяжелой промышленности и в ускорении темпов ее восстановления. Все это создало необходимые предпосылки для осуществления курса на индустриализацию в последующие годы.

В том, что эти предпосылки начали прочно подготовляться в годы восстановительного периода, что теоретически была обоснована линия на преимущественное развитие производства средств производства, а в конкретной практике работы Советского правительства были осуществлены уже в 1921—1922 гг. важнейшие мероприятия по восстановлению и развитию тяжелой индустрии, — великая заслуга ленинского гения, ленинского руководства всей экономической жизнью страны.

[302] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 432.
[303] Там же, стр. 286.
[304] Там же, стр. 287.

Глава восьмая

СМЫЧКА С КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

1.

В. И. Ленин о новых задачах работы в деревне. Трудности первого года нэпа, связанные с неурожаем и засухой в Поволжье

«... Задача нэпа, основная, решающая, все остальное себе подчиняющая, — это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить,.. и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян» [1], — говорил В. И. Ленин на XI съезде партии.

Почти во всех своих выступлениях и работах после перехода к нэпу Ленин повторял эту основную мысль, постоянно напоминая, что «высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством» [2], а «сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем» [3].

Уже в условиях мирного строительства Ленин впервые дал определение двух форм союза с крестьянством, двух его этапов — *военного союза*, сложившегося в годы гражданской войны, и *экономического союза*, который должен был быть завоеван и укреплен после перехода к нэпу.

Особенность обстановки Ленин видел в том, что «впервые в истории существует государство, в котором есть только эти два класса, только пролетариат и крестьянство» [4]. Помещики и капиталисты в России, добавлял тут же Владимир Ильич, конечно, не исчезли, но они подверглись полной экспроприации и совершенно разбиты политически как класс. Поэтому взаимоотношения двух основных классов советского общества определяют судьбу диктатуры пролетариата в России, ибо «без хороших отношений с крестьянскими массами мы не можем существовать» [5].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 76.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 47.
[3] Там же, стр. 322.
[4] Там же, стр. 42.
[5] Там же, стр. 47.

От завоевания крестьянства на сторону пролетариата, обеспечения руководящей роли рабочего класса в этом союзе зависит будущее не только русской революции, но и дальнейшего развития мирового революционного движения.

«Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, — говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, — состоит по существу в том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношениях пролетариата к последнему капиталистическому классу в России», а это означает, что «опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций» [6].

Переход к новой экономической политике и явился первым в истории опытом практического разрешения задачи укрепления союза двух классов в переходный период от капитализма к социализму.

Укрепление экономического союза рабочего класса и крестьянства зависело прежде всего от того, насколько быстро будет достигнут подъем сельского хозяйства и улучшено положение крестьянства. Восстановление сельского хозяйства, *главного промысла*, как говорил Ленин, народного хозяйства в России, должно было основываться на развитии единоличного крестьянского хозяйства и укреплении *экономических основ мелкого крестьянского хозяйства* [7]. Только добившись в этом деле необходимых результатов, можно было двигаться вперед к постепенной социалистической переделке сельского хозяйства и его обобществлению.

«Наша цель, — вновь и вновь повторял Ленин, — восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического, с точки зрения крестьянина, — доказать, что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле... Вот в чем значение новой экономической политики, вот в чем основа всей нашей политики» [8].

Замена продразверстки продналогом, разрешение торговли и обмена создали экономические стимулы для развития крестьянского хозяйства и его дальнейшего подъема. Крестьянство убедительно и наглядно выразило свое удовлетворение новой экономической политикой. Об этом свидетельствуют все источники — решения крестьянских сходов и беспартийных конференций, многочисленные письма крестьян, опубликованные вскоре после X съезда партии в местной и центральной печати, а также более поздние документы — отчеты местных парторганизаций в ЦК партии о настроениях крестьян, доклады и отчеты губпосевкомов, губпродкомов и особенно губернских и уездных экономических совещаний в СТО [9].

[6] Там же, стр. 41, 42.
[7] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 367.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 77.
[9] Вопрос о политическом переломе в деревне после X съезда партии, анализ крестьянских писем, решений крестьянских сходов и беспартийных конференций, волостных и уездных съездов Советов, а также отчетов губпосевкомов, экономсовещаний и местных парторганизаций широко освещен в советской исторической литературе, в частности в монографии Ю. А. Полякова «Переход к новой экономической политике и советское крестьянство».

Оценивая значение новой экономической политики для крестьянства, Ленин говорил в ноябре 1922 г.: «Все признаки указывают на то, что в крестьянской массе теперь, после пережитых тяжелых лет войны империалистической и после победной войны гражданской, происходит глубочайший перелом» [10].

Этот перелом нашел свое выражение как в области политической, так и экономической. К лету и осени 1921 г. был почти полностью подрезан и ликвидирован (в центральных черноземных губерниях, в Поволжье и Сибири) кулацкий бандитизм, выросло доверие крестьян к Советской власти, усилилось стремление к подъему хозяйства и увеличению посевных площадей.

Объясняя сущность этого перелома и его значение, В. И. Ленин на IX съезде Советов указывал, что «продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе, беря все крестьянство, облегчение. Это не требует доказательств. Дело не только в том, какое количество хлеба было взято с крестьянина, а в том, что крестьянин почувствовал себя обеспеченнее при продналоге, и у него поднялась заинтересованность в хозяйстве. Старательному крестьянину, при повышении производительных сил, продналог открывал более широкую дорогу» [11].

Переход к новой экономической политике несколько изменил расстановку классовых сил в деревне. Развитие торговли и обмена неизбежно усиливало расслоение крестьянства, вело к оживлению кулачества в деревне и даже к относительному его росту.

Поэтому В. И. Ленин, определяя политику партии по отношению к кулачеству в условиях нэпа, поставил задачу *ограничения* его эксплуататорских стремлений. «Как ограничивать эти стремления, — писал он в марте 1922 г., — как защищать бедноту должно и может наше государство — в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически...» [12]

В то же время В. И. Ленин требовал «...всеми силами и средствами поддержать и поощрить помощь беднейшей части крестьянства, добиваясь упорным трудом выработки мер, которые на практике показывают себя пригодными в этом отношении даже при современных трудных условиях» [13].

Особенность классового расслоения деревни в условиях нэпа состояла в том, что некоторое усиление кулацкой верхушки не снимало общего процесса *осереднячивания* крестьянства, начавшегося после Октябрьской революции, а только несколько его притормаживало и ослабляло. «Все крестьянство (почти) стало средним» [14], — записал В. И. Ленин в плане речи о замене разверстки налогом на X съезде партии. Середняк сохранял свою роль *центральной фигуры земледелия* на всех этапах развития советской деревни до начала массовой коллективизации. Прочный союз со средним крестьянством и его экономическое удовлетворение являлись главной задачей новой экономической политики. Так, ленинская триединая формула — опора на бедноту, прочный союз с середняком, борьба с кулачеством (его ограничение и последующее вытеснение) — получила дальнейшее развитие и обоснование в новой обстановке после перехода

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 256.
[11] Там же, стр. 314.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 44.
[13] Там же, стр. 134.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 371.

к нэпу и действовала на протяжении всей истории доколхозной советской деревни.

Эта ленинская политика тщательно конкретизировалась и глубоко продумывалась применительно к различным условиям и особенно по отношению к национальным республикам Востока. Еще в своем письме к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики, написанном 14 апреля 1921 г., Ленин подчеркивал известное своеобразие их положения по сравнению с РСФСР, указывая, что кавказские республики — «страны еще более крестьянские, чем Россия». Поэтому он советовал «не копировать нашей тактики, а самостоятельно учитывать причины ее своеобразия» и осуществлять здесь «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»; «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству» [15] — такова была суть ленинских указаний. Он неоднократно повторял это и в других своих директивах не только по отношению к кавказским, но и среднеазиатским республикам.

В письмах председателю комиссии ВЦИК и СНК по Туркестану М. П. Томскому и члену Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафарову от 7 августа 1921 г., разбирая разногласия между ними по вопросам проведения новой экономической политики в Туркестане, В. И. Ленин излагал свое понимание некоторых особенностей осуществления этой политики применительно к условиям Средней Азии. «Безусловно *новая экономическая политика* (X съезд, конференция V.1921 и т. д.)», — писал он, подчеркивая необходимость ряда уступок и премий купцам, а также оказания систематической и максимальной помощи мусульманской бедноте, ее организации и просвещению [16].

Ленин считал, что советский опыт установления взаимоотношений с крестьянством в Средней Азии должен стать образцом для всего Востока и поэтому так важно «сочетать и *закрепить* линию, мудрую, осторожную, соблюдающую интересы нашей „мировой политики", на *всем* Востоке» [17].

Мысль о международном значении опыта советской политики на Востоке Ленин еще раз повторил в письме к А. А. Иоффе от 13 сентября 1921 г., указывая, что «это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным» [18].

Эта мудрая и гибкая линия нашла свое конкретное воплощение в специальной директиве, принятой Политбюро ЦК по докладу И. В. Сталина 14 октября 1921 г. Директива определяла первым долгом задачи проведения земельной реформы в Средней Азии и порядок землеустройства коренного и пришлого населения в целях уравнения обеих групп в праве на пользование землей и водой. В решении Политбюро особо указывалось, что надо максимум внимания «проявить к среднему крестьянству, обеспечить ему в соответствии с новой экономической политикой все условия

[15] Там же, стр. 199—200.
[16] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 105.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 190.

для продажи излишков продуктов своего хозяйства, стараться вовлечь середняка в русло советского строительства, не навязывая ему принудительно коллективных форм хозяйства» [19].

Директивы ЦК партии и В. И. Ленина об особенностях проведения новой экономической политики в национальных республиках Кавказа, Закавказья и Средней Азии сыграли решающую роль в укреплении союза рабочего класса и всех отрядов многонационального крестьянства Советской страны.

Действуя всегда в интересах трудового крестьянства и решительно пресекая всякие попытки кулачества и бывших помещиков использовать переход к нэпу для усиления своих позиций в деревне, Советское правительство именно в этих условиях приняло ряд важных законодательных мер, подтверждающих незыблемость основополагающего акта Октябрьской революции — национализации земли. 15 ноября 1922 г. был опубликован декрет, в котором давались следующие, сделанные в категорической форме, разъяснения: «Последнее время, в связи с неправильным пониманием курса новой экономической политики, участились домогательства быв. помещиков о возврате отобранных у них после Октябрьской революции имений... Вследствие этого сообщается для точного руководства, что декретом о земле от 26 октября 1917 г. и основным законом о социализации — помещичья собственность на землю отменена навсегда». Далее в декрете указывалось, что бывшие помещики, таким образом, утратили полностью право на принадлежавшие им до революции земли, «кроме тех, которые в виде исключения были оставлены уездными земельными отделами на месте и наделены землей на общих основаниях. Тем самым эта категория быв. помещиков была зачислена в разряд трудового населения и подчинена действию всех распоряжений, касающихся трудового землепользования» [20].

Незыблемость национализации земли была подтверждена и в ряде других правительственных и партийных решений (XI партконференция, IX съезд Советов), принятых еще до декрета от 15 ноября 1922 г. В то же время Ленин всегда напоминал, что уничтожение частной собственности на землю не означает для индивидуального крестьянского хозяйства уничтожения частной собственности на орудия труда. «Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, — она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда» [21], — говорил он на II съезде политпросветов. Отсюда и следовало, что промышленность

[19] «История Узбекской ССР», т. III. Ташкент, 1967, стр. 354.

[20] СУ, 1922, № 76, ст. 946. В дальнейшем декретом ВЦИК от 20 марта 1925 г. «О лишении быв. помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» помещики полностью лишались права на землепользование даже по трудовой норме и подлежали обязательному выселению из принадлежавших им ранее имений. Выселение, в первую очередь из пограничных губерний, должно было быть закончено к 1 января 1926 г. Общее количество учтенных на основании декрета от 20 марта 1925 г. бывших помещиков составляло свыше 10,5 тыс. семейств, а было выселено на 1 октября 1925 г. 3,5 тыс. Около 40 тыс. га изъятой земли было распределено в трудовое пользование, главным образом среди бедняцкого населения (45%), и в меньшей доле перешло к крестьянским комитетам взаимопомощи и в состав госземимущества («Два года работы правительства РСФСР». М., 1927, стр. 60).

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 165.

и сельское хозяйство развивались пока что на двух разных основах — на основе социалистической собственности на средства производства, с одной стороны, и на основе мелкого товарного производства крестьянских хозяйств, с другой. В этом заключалось коренное различие в принципах перестройки крупной промышленности, как составной части социалистического сектора, и в методах руководства сельским хозяйством.

В практике своей повседневной государственной деятельности В. И. Ленин дал замечательные образцы понимания сути и значения тех методов руководства сельским хозяйством, которые в условиях нэпа могли обеспечить действительный успех. Как он учил кадры партии применять на практике эти методы, ярко показывает один документ. Речь идет об известном письме В. И. Ленина в Политбюро ЦК от 16 марта 1922 г. по поводу тезисов о работе в деревне, подготовленных Е. А. Преображенским к XI съезду партии. Критикуя эти тезисы за их абстрактность, архиакадемичность, литературщину и общие всем надоевшие пустые фразы вместо обобщения живой практики хозяйственной работы, Ленин изложил по существу конкретную программу работы в деревне, предложил организовать на съезде партии совещание делегатов, работающих в деревне, а «темой совещания сделать отнюдь не „принципы" и т. п., а исключительно *изучение и оценку практического опыта*» [22].

Развивая эти мысли в письме от 1 апреля 1922 г. Н. Осинскому — члену комиссии ЦК по подготовке резолюции XI съезда, Ленин, очевидно после предварительной беседы с ним, поставил перед сельскохозяйственной секцией съезда следующие самые важные и насущные, по его мнению, задачи:

«не связать себе (ни партии, ни Соввласти) рук какими-либо предписаниями, директивами или правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозжизни на местах, пока мы недостаточно изучили действительные условия и потребности теперешнего крестьянского хозяйства;

не допустить ни в коем случае того, что́ было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что́ легко могут сбиться власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации» [23].

Ленин особенно подчеркивал необходимость действовать в деревне «как можно осторожнее, дабы неумелым вмешательством не затруднить успешного развития сельскохозяйственного производства». «Больше всего на свете, — тут же добавлял Владимир Ильич, — надо теперь бояться, по-моему, именно неумелого вмешательства, пока еще мы не изучили основательно действительных потребностей *местной* сельскохозяйственной жизни и действительных способностей нашего местного аппарата власти (способностей не причинять зла во имя благочестивого желания делать добро)» [24].

Эти ленинские указания обобщили для партии опыт и уроки руководства сельским хозяйством на протяжении первого года новой экономической политики. А сам Владимир Ильич в практике своей работы, в директивах ведомствам и местным организациям, уже начиная с марта—

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 46.
[23] Там же, стр. 132.
[24] Там же, стр. 132—133.

апреля 1921 г., постоянно предупреждал против «неумелого вмешательства» при решении задач и организации сельскохозяйственного производства.

При проведении весенней посевной кампании Ленин счел необходимым сразу же напомнить об опасности излишней регламентации в отношении обязательных посевных планов, установленных еще VIII съездом Советов. Об этом наглядно свидетельствовала телеграмма, направленная всем губпосевкомам 4 апреля 1921 г. за подписью В. И. Ленина и заместителя наркома земледелия Н. Осинского. В телеграмме указывалось, что «по сообщению отдельных крестьян» имеет место расхождение посевных планов, спущенных сверху, с действительно подходящим для данной местности соотношением культур. После этого следовало строгое предупреждение, что «при недостатке соответствующих семян, некоторые задания оказываются неосуществимыми и, [в] случае усиленных требований высева именно этих культур, возникает опасность недосева и вообще предъявления крестьянам бессмысленных требований, возбуждающих недовольство, насмешки и дискредитирующих посевной план, подобно ошибкам при продразверстке». Отсюда вытекали следующие рекомендации: «Первое: при предъявлении плана засева на местах строго согласовать его через селькомы [с] местными условиями каждого селения; неисполнимых по условиям местности и за отсутствием соответствующих семян заданий не предъявлять. Второе: обращать внимание прежде всего на полный засев всей земли, согласно общей цифре плана. Третье: что касается сохранения взаимоотношения между отдельными культурами, настаивать на выполнении заданий преимущественно по ударным защитным культурам, однако, строго считаясь [с] условиями местности, наличием соответствующих семян [и] ни в коем случае не допуская того, чтобы земля осталась незасеянной только потому, что посевком требовал засева именно данной культурой... Четвертое: совершенно отказаться при проведении плана засева от приемов, напоминающих проведение продразверстки, т. е. безоговорочных приказов сверху, помнить, что натурналог создает могущественный побудитель [к] расширению посевов снизу и что основной задачей работы является правильное сочетание государственного плана помощи [и] руководства, с самодеятельностью крестьянства. Центр будет беспощадно преследовать все случаи **бюрократизма и необдуманных, а равно непрактичных требований при применении** плана засева» [25].

Мы привели почти полностью текст этой телеграммы, поскольку основные требования, которые поставлены в ней перед местными органами власти, а именно отказ от приемов, применявшихся при продразверстке, т. е. безоговорочных приказов сверху, и умение действовать методами убеждения, опираясь на самодеятельность самого крестьянства, неизменно подтверждались во многих ленинских директивах и телеграммах на места в связи с проведением различных сельскохозяйственных кампаний [26].

[25] «Ленинский сборник», XX, стр. 72—73. Выделенные слова внесены в телеграмму В. И. Лениным взамен вычеркнутых слов первоначального текста: «головотяпства при применении».

[26] Значительная часть телеграмм по вопросам сельского хозяйства, как правило, подготовлялась соответствующими ведомствами (Наркомзем, Наркомпрод и др.)

Настаивая постоянно на всемерном развитии «хозинициативы крестьян» [27] и использовании опыта самих масс при проведении сельскохозяйственной политики партии, Ленин глубоко продумывал после перехода к нэпу возможные формы дальнейшего вовлечения крестьян в аппарат управления сельским хозяйством и их непосредственного участия в работе высших органов власти — ВЦИК и Наркомзема.

Вскоре после X съезда партии он дал задание некоторым товарищам, в том числе военным, рекомендовать ему хороших крестьянских работников, сообщив их адреса и биографические данные. Получив от делегата X съезда РКП(б) из 4-й армии А. А. Френкеля справку об известных ему четырех крестьянах из 42-й дивизии, Ленин дал следующее распоряжение своему секретарю: «В особую обложку — *рекомендуемые беспартийные крестьяне.* И переписать *все* на машинке» [28].

Уже с начала 1921 г. возник ленинский замысел назначения на пост наркома земледелия крестьянина, вышедшего из деревни и хорошо знающего ее быт и нужды. Поиски этой кандидатуры продолжались в течение почти всего 1921 г., и в ноябре этого года Политбюро ЦК вновь подтвердило, что в «качестве наркома земледелия должен быть крестьянин, практически работающий в земледелии». В конце декабря 1921 г. Политбюро, по предложению В. И. Ленина, рекомендовало на этот пост В. Г. Яковенко, выходца из крестьян Енисейской губернии [29], и 9 января 1922 г. он был утвержден ВЦИК наркомом земледелия [30].

Так Ленин неустанно добивался, чтобы проведение политики партии в деревне осуществлялось не только в соответствии с подлинными интересами трудового крестьянства, но и при активном участии самих крестьян, их лучших и передовых представителей.

Все значение ленинского опыта руководства сельским хозяйством раскроется еще полнее, если учесть, что перестройка методов работы и аппаратов управления на рельсах нэпа происходила в трудных и слож-

и только скреплялась ленинской подписью. Но при подписании Ленин нередко вносил в текст свои поправки и дополнения. Поэтому многие из этих документов вошли в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, публиковались в «Ленинских сборниках», в журналах («Исторический архив» и др.). К сожалению, отдельные документы до сих пор еще не опубликованы, хотя они и являются ценнейшим источником для изучения ленинских методов руководства сельским хозяйством.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 481.

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 103.

[29] В. И. Ленин, очевидно, запомнил фамилию В. Г. Яковенко еще с весны 1921 г., когда ознакомился с докладной запиской последнего, направленной во ВЦИК, ЦК партии и лично Владимиру Ильичу с предложениями о замене разверстки налогом. В дальнейшем Ленин запрашивал в Наркомземе и у ряда товарищей (Ем. Ярославского и др.) сведения о В. Г. Яковенко и предлагал всем членам ЦК лично познакомиться с ним во время работы IX съезда Советов (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 80—81, 92—93).

[30] После утверждения В. Г. Яковенко наркомом земледелия в «Правде» 14 января 1922 г. была опубликована статья Н. Осинского «Крестьянский комиссар В. Г. Яковенко», в которой сообщались следующие биографические данные о новом наркоме: Яковенко — сын ссыльнопоселенца, 1889 г. рождения (в 1921 г. ему исполнилось, следовательно, 33 или 34 года); до 1911 г. занимался хлебопашеством, затем участвовал в войне 1914—1918 гг. Летом 1917 г. вступил в Коммунистическую партию, а после Октября — председатель волисполкома, участник гражданской войны, один из руководителей партизанской борьбы в Сибири. С 1920 г. — председатель Канского уисполкома.

ных условиях неурожая и голода 1921 г. Никак нельзя поэтому изолировать рассмотрение сельскохозяйственной политики партии от той обстановки, в которой происходило ее осуществление. Голод и засуха 1921 г. наложили отпечаток на жизнь страны, потребовали огромного напряжения всех сил, проведения ряда чрезвычайных мер, а борьба за преодоление последствий этого народного бедствия стала одной из самых ярких и героических страниц в истории Советской страны и в государственной деятельности В. И. Ленина.

Уже с апреля 1921 г., т. е. почти сразу же после перехода к нэпу, появились первые признаки грозящей опасности — засухи и нового неурожая. 13 апреля, давая задания Госплану на текущий год, Владимир Ильич писал Г. М. Кржижановскому: «Надо предположить, что мы имеем 1921—1922 такой же или сильнее

неурожай,

топливный голод (из-за недостатка продовольствия и корма лошадям)» [31].

За два дня до посылки этого письма, в докладе о концессиях на фракции ВЦСПС 21 апреля, В. И. Ленин говорил: «весна грозит новым неурожаем, опять-таки по климатическим условиям, бескормицей, что может сократить еще больше поступление топлива. И если еще появится засуха, то кризис грозит принять характер совсем чрезвычайный» [32].

25 апреля в письме в Наркомзем Ленин предложил «ввиду крайней неотложности вопроса о мерах борьбы с засухой» созвать немедленно совещание представителей заинтересованных наркоматов, чтобы подготовить специальный декрет по этому вопросу [33]. 29 апреля декрет «О борьбе с засухой» был утвержден СТО. В декрете сообщалось об опасности засушливой весны и намечались мероприятия, главным образом агрономического характера, по борьбе с засухой.

К маю перспектива урожая временно несколько улучшилась. На майской партконференции Ленин, в связи с оптимистическими предсказаниями Наркомзема и Наркомпрода о видах на урожай, говорил: «Урожай в этом году, по-видимому, во многих местах будет сносный, и раньше, чем мы ожидали» [34].

Но к середине июня положение резко ухудшилось, и Ленин со всей прямотой и решительностью сказал об этом на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня: «...второй год мы опять-таки в значительных районах будем переживать сильнейший неурожай и хлебов и трав, это уже выяснилось и рисует нам картину громадной опасности» [35].

Объясняя причины голода в Советской России, В. И. Ленин поставил вопрос об истинных его виновниках. Он указывал, что это тяжелейшее бедствие явилось результатом не только неблагоприятных климатических условий (засуха) и общей отсталости сельского хозяйства страны, а неизбежным следствием «семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 142.
[32] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 166—167.
[33] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 166.
[34] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 322.
[35] Там же, стр. 350.

и капиталисты всех стран» [36]. Вина за бедствия народных масс в России, за голод падала на империалистов и их белогвардейских пособников, которые разоряли страну три года, вывозили продовольствие и сырье, беспощадно грабили население. «Голод явился чудовищным результатом гражданской войны» [37], — неоднократно напоминал Владимир Ильич.

На XI съезде партии с глубокой горечью и волнением Ленин говорил: «Точно все последствия войны империалистической и той войны, которую нам навязали капиталисты, точно все они собрались вместе и обрушились на нас голодом и самым отчаянным разорением» [38].

Действительно, 1921 год — первый год новой экономической политики — был одним из самых тяжелых в истории Советской страны. Огромные трудности возникли еще с весны 1921 г., когда с предельным напряжением приходилось решать задачу снабжения городов и рабочего класса продовольствием до поступлений по продналогу. В апреле и мае, как и в январе—феврале 1921 г., одна за другой на места — в Сибирь, на Северный Кавказ и на Украину идут тревожные ленинские телеграммы о том, что ввиду «обострившегося продовольственного положения», «критического состояния снабжения» и «учитывая прежде всего катастрофическое положение рабочих центров и столиц» [39], необходимо срочно, в порядке боевого приказа, добиваться бесперебойной погрузки и отправки хлеба прошлого урожая в центр. Для Сибири, Северного Кавказа и Украины речь шла в это время о возможности дополнительных поступлений по разверстке [40], так как товарообменные операции в этих районах еще не развернулись.

Во всех этих ленинских телеграммах выдвигалось также категорическое требование соблюдения строжайшей продовольственной дисциплины и удовлетворения продовольствием промышленных центров, даже в ущерб местным интересам [41].

Когда из разговора по прямому проводу с орловским губпродкомиссаром выяснилось, что местные органы дают распоряжения, идущие вразрез с указаниями центра, в Орел 27 апреля была послана телеграмма за подписью В. И. Ленина, М. И. Калинина и В. М. Молотова, которая заканчивалась следующими словами: «ВЦИК, СНК и ЦК... убеждены, что вы откажетесь от вашей местнической точки зрения [в] пользу общегосударственных интересов» [42]. 7 мая 1921 г., обсуждая вопрос о продовольственном положении центра, Политбюро ЦК приняло решение поставить на вид Сиббюро и Сибревкому, Кавбюро и Кавэкономсовещанию «допущенный ими перерасход хлебофуража для внутреннего потребления против планов, утвержденных Наркомпродом» [43].

13 мая на заседании СТО под председательством В. И. Ленина был обсужден вопрос «о неисполнении местами распоряжений центра» и

[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 75.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 285.
[38] Там же, стр. 67.
[39] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 320, 322, 323, 326, 331—332 и др.
[40] О заготовке хлеба, «не отменяя разверстку», говорилось, например, в ленинской телеграмме Сибревкому и Сибпродкому от 4 мая 1921 г. (см. там же, стр. 323).
[41] Телеграмму В. И. Ленина Сиббюро ЦК от 13 июня 1921 г. см. там же, стр. 331—332.
[42] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 762, л. 70.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 160, л. 7.

принято следующее постановление: «Обратить внимание Наркомпрода на совершенно недопустимое нарушение, допускаемое местами в смысле неисполнения распоряжений центра как о направлении продовольствия в центр, так и об использовании товарообменного фонда. Обязать Наркомпрод использовать все способы и пути, предоставленные Конституцией, для восстановления прав центра. В противном случае считать Наркомпрод виновным в неисполнении возложенных на него задач». Постановление обязывало Наркомпрод и лично Н. П. Брюханова представить председателю СТО В. И. Ленину на следующий же день, т. е. 14 мая к 12 час. дня «в самой краткой форме материал о каждом крупном случае нарушения местами постановлений центра» [44].

19 мая Ленин предложил дать указание Н. П. Брюханову «послать телеграмму *сегодня* за подписью председателя ВЦИК и секретаря Цека:

1) строгий выговор *главам* (предгубисполкомов и т. п.),

2) угроза: предадим их суду,

3) *тотчас* предать суду ответственных *за выдачу местам* до удовлетворения центра» [45].

Эту же директиву о подтягивании компродовской дисциплины Ленин повторил в письме к Н. П. Брюханову от 25 мая [46], а 4 июня от имени ВЦИК, ЦК партии и за подписью В. И. Ленина как председателя СТО всем председателям губисполкомов была послана телеграмма с решительным осуждением нарушения распоряжений центра и изменения местами установленных планов государственного снабжения. «Не касаясь отдельных случаев, в отношении коих назначено следствие и виновные понесут суровую ответственность перед Республикой, — говорилось в телеграмме, — считаем себя обязанными вновь подтвердить о необходимости выполнения распоряжений центральных органов, в частности продовольственных, и недопустимости издания местных постановлений, в корне меняющих распоряжения центра, не испросив у последнего согласия на таковое изменение его распоряжений». В заключение телеграммы давалось предупреждение, что «впредь в отношении виновных в нарушении распоряжений Компрода, планов снабжения будут применяемы самые суровые меры наказаний» [47].

Строгие приказы о безоговорочном выполнении продовольственных заданий сопровождались одновременно призывом к героическому напряжению всех сил и пониманию сложности и трудности обстановки, сложившейся в стране.

Позднее, в самый разгар борьбы с голодом, в ответ на жалобы с Северного Кавказа о невозможности выполнить наряды центра, Ленин в телеграмме от 10 августа писал: «Неоднократные затруднения, [в] которых находилась Советская Россия, должны приучить быстро ориентироваться, находить выход [из] создавшегося положения, применяя максимум энергии [без] повторных указаний на необходимость срочного выполнения того или иного задания. Поэтому предлагаю мобилизовать все средства для немедленного подвоза хлеба [к] станциям желдорог, погрузки, отправки согласно наряда» [48].

[44] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 213, л. 5.
[45] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 197.
[46] См. там же, стр. 211—212.
[47] Там же, стр. 329—330.
[48] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 799, л. 17.

Ленинская строгость и требовательность объяснялись исключительной напряженностью продовольственного положения, особенно в главных промышленных центрах.

Уже 5 апреля 1921 г. при рассмотрении планов снабжения Совнарком принял решение уменьшить нормы хлебного пайка по карточке «Красная Звезда» (рабочая карточка первой категории) на 50%, а 12 апреля, утверждая план распределения хлебофуража на апрель, обязал Наркомпрод «исключить временно из планов снабжения все гражданское нерабочее население во всех городах и фабрично-заводских поселках губерний, где разрешен свободный обмен, продажа и покупка хлеба, за исключением Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска и Кронштадта». Одновременно Совнарком постановил ассигновать 8 млрд. руб. для помощи Московскому, Петроградскому и Иваново-Вознесенскому губисполкомам для закупки продовольствия и предложил Наркомфину распределить эту сумму пропорционально рабочему населению каждого из городов [49].

24 мая В. И. Ленин внес в повестку дня Совнаркома вопрос «О контроле за распределением продовольствия» и выступил на заседании. В постановлении, принятом СНК по докладу В. И. Ленина, поручалось тт. Брюханову и Попову «обсудить вопрос о способах установления контроля за тем, чтобы продовольствие расходовалось по принципу экономической целесообразности — в частности, систематического уменьшения числа состоящих на советской службе сотрудников и снятия с пайка рабочих в не необходимых предприятиях» [50].

29 мая Ленин с тревогой запрашивал А. Б. Халатова: «В какой мере улучшение с хлебом обеспечено Питеру и Москве в течение июня?» [51] А в июле пришлось снять с государственного снабжения некоторые группы потребителей в Петрограде и Москве. 12 июля Совнарком предписал московскому и петроградскому потребительским обществам пересмотреть группы снабжаемых и немедленно снять с пайка не менее 30%.

В дальнейшем, в условиях неурожая и засухи, приходилось неоднократно пересматривать планы снабжения в соответствии с уменьшающимися ресурсами, идти на сокращение хлебной нормы в городах, брать на учет каждый пуд хлеба, осуществлять строжайшую экономию в расходовании продовольствия, снимать с государственного снабжения отдельные группы потребителей и осуществлять твердую продовольственную дисциплину.

Трудная, напряженная, ни на один день не прекращавшаяся *борьба за хлеб* стояла в центре внимания Советского правительства и В. И. Ленина в летние месяцы 1921 г. Но на этот раз борьба за хлеб шла в новых условиях и новыми методами. Засуха постигла страну в разгар огромной работы по организации перехода к нэпу. Тяжелейшее бедствие не приостановило этой работы, а, наоборот, потребовало еще более быстрой перестройки. Именно в это трудное время со всей полнотой проявилась мудрость того поворота, который совершила партия весной 1921 г. Переход к нэпу, укрепляя союз рабочего класса и крестьянства, создал прочный фундамент для преодоления огромных трудностей. Нельзя не отметить

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 418, лл. 107, 51.
[50] Там же, ед. хр. 424, л. 9.
[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 221.

также, что снятие с государственного снабжения некоторых групп потребителей стало само по себе возможным в связи с разрешением торговли, возникновением легального рынка и открывшимися путями снабжения части населения за счет рынка, товарообмена и торговли.

Наступление мирной полосы развития, окончание гражданской войны и интервенции, постепенное восстановление торговых отношений и заключение первых торговых договоров с капиталистическими странами впервые за много лет создавали условия для увеличения закупок за границей. Однако неурожай и голод потребовали внесения значительных изменений в экспортный и импортный планы, ограничения закупок оборудования и машин для промышленности и увеличения ввоза продовольствия и особенно хлеба.

Уже 12 апреля 1921 г. при рассмотрении в СНК вопроса «О заявках для внешней торговли» Госплану было дано указание «при допущении наихудшего урожая и наихудших условий топливоснабжения» ограничиться на 1921—1922 гг. закупками за границей лишь «минимально необходимых количеств продовольствия и топлива» [52]. На следующий день, 13 апреля, В. И. Ленин писал Г. М. Кржижановскому о том, что в предвидении сильного неурожая важно прежде всего «рассчитать, какие закупки за границей необходимы, чтобы *во что бы то ни стало* победить самую острую нужду, т. е. непременно дополучить недостающее продовольствие... и дополучить необходимый minimum топлива.

Только те заявки оправдать можно и должно, кои необходимы *с этой точки зрения*» [53].

В конце апреля в письме к заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве В. И. Ленин давал следующую строжайшую директиву: «На продовольствие и на топливо в 1921 году. *Ни гроша больше.* Вот вам *линия.* Составьте план по этой линии, а не поддавайтесь „давлениям“ и „влияниям“» [54].

Рассматривая 7 мая вопрос о продовольственном положении в центре, Политбюро ЦК поручило Н. П. Брюханову и Л. Б. Красину «обсудить вопрос о возможности в самом срочном порядке купить и привезти в Россию до 2-х миллионов пудов хлеба с тем, чтобы телеграмма о срочном распоряжении по этому вопросу была послана сегодня же за подписью т. т. Ленина, Красина и Брюханова» [55]. Эта телеграмма была направлена делегации Советского правительства в Лондоне только 10 мая, после того как Совнарком в тот же день постановил ассигновать 10 млн руб. на спешную закупку продовольствия. Срочность и важность этой закупки нашли отражение и в самом тексте телеграммы от 10 мая, подписанной В. И. Лениным. Предлагалось наряд на 2 млн. пуд. хлеба «начать исполнением немедленно». Ближайшие хотя бы небольшие партии закупать где угодно, не стесняясь ценою. Ленин запрашивал: «Нельзя ли получить что-либо быстро из Канады?» и добавлял: «Можете платить умеренную премию за скорость доставки в Балтийские порты» [56].

[52] «Ленинский сборник», XX, стр. 247.
[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 143.
[54] Там же, стр. 172.
[55] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 160, л. 4.
[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 184—185.

В тот же день, 10 мая, В. И. Ленин, делая пометки на перечне закупленных и отправленных в Россию продуктов, дал следующее распоряжение: «В обложку о *закупке продовольствия* за границей (и напоминать мне *каждый* день)»[57]. 11 мая в записке Н. П. Брюханову он предложил составить *точный план* использования и распределения закупленных за границей продуктов на период с 15 мая по 15 июня и «пересматривать этот план после каждой депеши о новых *значительных* закупках». Так как продовольственное положение Москвы и Петрограда было очень тяжелым, Владимир Ильич в конце записки добавлял: «Обдумайте, нельзя ли что *в печать* пустить, чтобы успокоить»[58].

Получив в эти же дни телеграмму от Н. К. Клышко (секретарь советской торговой делегации в Лондоне) о закупках хлеба за границей и его запрос: «можно ли для ускорения и удешевления на подмесь к пшеничной муке посылать кукурузную и фасолевую муку до 25%», — Ленин ответил: «Конечно, да!», подчеркнув слово «подмесь»[59].

21 июня «ввиду особого обострения продовольственного кризиса» Совнарком постановил: «Обязать НКВТ срочно усилить закупку продовольствия за границей и ввоз его в РСФСР»[60]. Тогда же была создана специальная комиссия ЦК партии по закупке хлеба за границей. Комиссия внесла следующие предложения: «Признать необходимым закупить на заграничных рынках хлеба в количестве от 30 до 50 млн. пудов в зависимости от окончательных результатов урожая текущего года»; предполагалось к закупке хлеба приступить немедленно и отпустить для этой цели кредит в сумме 100 млн. руб. золотом. Ленин согласился с этими предложениями[61], и 25 июня по докладу Наркомвнешторга Политбюро ЦК приняло решение о покупке продовольствия за границей и о создании экспортного фонда на покрытие расходов по ввозу хлеба.

В течение всей второй половины 1921 г. и в первые месяцы 1922 г. вопрос о ввозе хлеба и продовольствия из-за границы продолжал стоять очень остро. Как волновали эти вопросы В. И. Ленина, какое значение он придавал использованию всех возможностей для усиления закупок хлеба, свидетельствует предложенный им Политбюро ЦК 19 января 1922 г. текст «архиэнергичной», как он писал, телеграммы Л. Б. Красину в Лондон: «Если не купите в январе и феврале 15 миллионов пудов хлеба, уволим с должности и исключим из партии. Хлеб нужен до зарезу. Волокита нетерпима. Аппарат Внешторга плох. С валютой волокита. Налягте изо всех сил. Телеграфируйте точно об исполнении дважды в неделю»[62].

Советское правительство шло на самые экстренные, самые чрезвычайные меры, чтобы помочь голодающим и как можно быстрее преодолеть последствия неурожая и голода. Понятно поэтому, что наряду с закупкой хлеба за границей большое внимание было уделено прямым

[57] «Ленинский сборник», XXXV, стр. 246.
[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 186—187.
[59] Там же, стр. 401, прим.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр 427, л. 95.
[61] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 251.
[62] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 127. Эта телеграмма была утверждена Политбюро ЦК 20 января 1922 г. с некоторыми изменениями: вместо слов «уволим с должности и исключим из партии» — «партия вынуждена будет принять самые решительные меры взыскания» (там же, стр. 598. прим.).

переговорам с капиталистическими странами, их правительственными и общественными организациями об оказании помощи голодающим или о предоставлении кредитов и займов для этой цели. Конечно, Советское правительство прекрасно знало и открыто о том заявляло, что буржуазия всех стран попытается использовать бедствия голода в своих корыстных интересах и под лицемерным флагом предложений о «помощи голодающим» будет добиваться закабаления Советской страны и организации нового экономического и дипломатического наступления на Советскую республику.

История переговоров с капиталистическими странами по вопросу о помощи голодающим и вся внешнеполитическая деятельность Советского государства в период голода в Поволжье широко освещены в советской исторической литературе и представляют самостоятельную тему исследования [63]. В данном случае необходимо хотя бы кратко рассмотреть лишь ту сторону вопроса, которая непосредственно связана с ленинским руководством этими переговорами. Они начались в августе 1921 г., прежде всего с Американской администрацией помощи (АРА), возглавляемой реакционным политическим деятелем США, одним из организаторов антисоветской интервенции А. Гувером, и с комиссией, выделенной Верховным советом союзников (так называемая комиссия Нуланса). В. И. Ленин в это время находился в отпуске по болезни, но обстоятельства потребовали его личного участия в переговорах. В своем письме для Политбюро ЦК из Горок от 11 августа он предложил назначить особую комиссию ЦК «для ежедневного *решения* вопросов, связанных с помощью голодающим Америкой и Лигой наций.

Тут игра архисложная идет. Подлость Америки, Гувера и Совета Лиги наций сугубая. Надо наказать Гувера, *публично* дать ему *пощечины*, чтобы *весь мир* видел, и Совету Лиги наций тоже.

Это сделать *очень трудно*, а сделать *надо*...

В ближайшие дни особенно важна коллегиальная работа, ибо политическая ответственность за это *труднейшее* дело *громадна*».

В постскриптуме к письму Ленин добавлял: «Нужны тонкие маневры. Ряд мер, особо строгих. Гувер и Браун наглецы и лгуны. Условия поставить *архистрогие:* за малейшее вмешательство во внутренние дела — высылка и арест» [64].

В тот же день Ленин телефонограммой предложил Г. В. Чичерину, «как только придут сколько-нибудь обстоятельные сведения от Литвинова о его переговорах с Брауном» [65], сообщить главнейшие результаты по телефону [66].

[63] Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953; «История международных отношений и внешней политики СССР», т. I. 1917—1939 гг. М., 1961; С. Ю. Выгодский. У истоков советской дипломатии. М., 1965; Д. Н. Сташевский. Экспансия США в Европе под видом помощи (1919—1923 гг.). Киев, 1960 (на укр. яз.) и др.

[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 110—111.

[65] У. Браун — представитель АРА, который вел в 1921 г. переговоры с представителем Советского правительства М. М. Литвиновым. Американский проект соглашения содержал ряд политических требований, направленных на вмешательство во внутренние дела Советской России, которые были отвергнуты.

[66] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 111.

13 августа Ленин вновь послал письмо Г. В. Чичерину и Л. Б. Каменеву, в котором выдвигал следующее предложение о переговорах с АРА: «...мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дают на миллион голодных детей и больных. Но условие наше тогда такое, что ввиду столь полной материальной гарантии ни малейшей тени вмешательства не только политического, но и административного американцы не допускают и ни на что не претендуют. Т. е. тогда отпадают все пункты договора, дающие им хоть тень права на административное хотя бы только вмешательство... Этим предложением мы утрем нос торгашам и впоследствии осрамим их перед всем миром» [67].

На основании этих ленинских предложений 20 августа 1921 г. был подписан договор Советского правительства с АРА и решительно отвергнуты все попытки вмешательства во внутренние дела под флагом «помощи».

В дальнейшем Ленин постоянно требовал строжайшего наблюдения за всей деятельностью АРА в России. 25 августа Политбюро ЦК приняло его предложение о создании комиссии для выработки мероприятий по надзору за приезжающими иностранцами ввиду заключения договора с Гувером [68]. 9 марта 1922 г. Политбюро вновь поручило Ф. Э. Дзержинскому «иметь специальное наблюдение за политической деятельностью АРА» [69], а в мае 1922 г., когда встал вопрос о продлении договора до 1 января 1923 г., Ленин в записке в Политбюро от 11 мая писал: «Согласен, *если* Дзержинский даст формальный ответ, что не возражает и не требует пересмотра договора» [70].

Договор с АРА был продлен, но Политбюро на своем заседании 13 июля 1922 г. приняло предложение З. П. Соловьева, старого члена партии, заместителя наркома здравоохранения и председателя Исполкома Красного Креста РСФСР, о необходимости и своевременности выступления в печати (путем специальной брошюры и газетных статей) «для разоблачения лицемерного, своекорыстного политиканства руководителей АРА и недостойного срывания ими противоголодной работы РКК» [71]. Используя помощь АРА продовольствием, медикаментами и прочим, Советское правительство по указаниям В. И. Ленина с исключительной бдительностью следило за этой организацией и открыто разоблачало антисоветские цели ее руководителей.

Что же касается созданной Лигой Наций комиссии Нуланса, то соглашение на условиях, предложенных комиссией, было решительно и безоговорочно отвергнуто. Ленин считал, что назначение Ф. Нуланса, бывшего французского посла в России, одного из главных организаторов иностранной интервенции, само по себе «есть наглость» [72].

Когда в конце августа Нуланс направил в адрес НКИД радиограмму с требованием допустить в пределы Советской страны специальную комиссию «экспертов» для обследования положения страны и сбора сведений о количестве и местонахождении запасов продовольствия, состоянии

[67] Там же, стр. 115—116.
[68] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 194, л. 1.
[69] Там же, ед. хр. 279, л. 3.
[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 254.
[71] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 303, л. 8. РКК — Российский Красный Крест.
[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 155.

железнодорожного и водного транспорта и т. д., Владимир Ильич 4 сентября писал в Политбюро, что «Нуланс нагл до безобразия», что в этом вопросе «невозможно уступить», и предлагал следующий проект решения Политбюро: «Поручить Чичерину составить в ответ Нулансу ноту отказа в самых резких выражениях типа прокламации против буржуазии и империализма, особенно подчеркнув контрреволюционную роль самого Нуланса, особо указав издевательски-наглый характер предложения послать до всякого договора комиссию шпиков под названием комиссии экспертов... Особо подчеркнуть, что мы не можем ни секунды верить в желание помочь гг. Нулансов *при таком их подходе к делу*»[73].

6 сентября 1921 г. Политбюро ЦК одобрило проект ноты Нулансу, составленной в соответствии с ленинскими предложениями; она была опубликована 8 сентября и содержала категорический отказ Советского правительства разрешить так называемой «экспертной» комиссии въезд в Советскую республику.

Совсем иначе Ленин относился к переговорам с отдельными представителями капиталистических стран, когда речь шла о людях не «типа Нуланса»[74]. Так, предложения выдающегося норвежского ученого Ф. Нансена, под руководством которого была создана международная комиссия помощи голодающим, были единодушно приняты Политбюро ЦК 11 июля, и Ленин в тот же день в записке членам Политбюро, присоединяя свой голос к этому решению, предложил: «Согласиться на условие Нансена»[75].

Решительно поддержал В. И. Ленин также предложения частных лиц из Англии, США и других стран о присылке продовольственных посылок в Россию. В записке Л. Б. Красину и наркому почт и телеграфа В. С. Довгалевскому от 20 июля 1921 г. он просил «ускорить это дело, ибо мы должны, разумеется, облегчить и поощрить получение подобных посылок»[76]. В последующие дни (24 и 25 июля) Владимир Ильич напоминал В. А. Смольянинову о необходимости скорейшего разрешения этого вопроса[77].

В октябре 1921 г. Политбюро ЦК утвердило проект соглашения с АРА об организации продовольственных посылок в Россию от частных лиц. При голосовании этого соглашения в Политбюро (решение было проведено опросом) возник спор об условиях провоза посылок — за плату или бесплатно. М. М. Литвинов от имени НКИД высказался против бесплатного провоза, а И. В. Сталин, указав, что «речь идет, очевидно, о торговле, а не благотворительности», предложил освободить ввозимые продукты от пошлин и налогов, а за провоз и помещения для складов брать плату на общих основаниях. «Согласен. Ленин. 19.X», — написал Владимир Ильич на проекте решения Политбюро, тут же, в связи с предложениями И. В. Сталина, добавив в скобках: «если даже цель — *торговля*, то мы *должны* сделать этот опыт, ибо нам дают чистую прибыль голодающим и право контроля; и право отказа за 3 месяца. Посему брать плату за провоз и за склады *не* следует». Ленин предлагал также с подтверждения

[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 116.
[74] Там же.
[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 21.
[76] Там же, стр. 48.
[77] См. там же, стр. 62.

Политбюро назначить «такого нашего контролера в АРА за этой операцией, который бы соединял надежность с умением проконтролировать *все*» [78].

Гибкость и одновременно решительность и твердость ленинской тактики, его готовность испытать любую возможность для помощи голодающим и в то же время немедленно пресекать и разоблачать всякие попытки контрреволюционных элементов использовать голод в враждебных Советской стране целях, — все это очень ярко проявилось в решении о создании специального общественного Комитета помощи голодающим (Помгол). В состав Комитета, созданного по инициативе А. М. Горького и утвержденного декретом от 21 июля 1921 г., вошли видные представители науки и культуры — А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, академик А. Е. Ферсман, А. М. Горький, К. С. Станиславский, В. Н. Фигнер и др. Советское правительство пошло на включение в Комитет буржуазных «общественных деятелей» — кадетов Н. М. Кишкина, С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой. Когда 12 июля на заседании Политбюро обсуждался этот вопрос, было принято решение в президиуме Комитета дать подобного рода «общественным деятелям» не более двух мест из семи, а в самом Комитете создать коммунистическую группу, которая должна действовать с максимальной энергией.

Н. А. Семашко не был согласен с этим решением, и В. И. Ленин на заседании Политбюро послал ему записочку, начинающуюся таким шутливым обращением: «Милая моя Семашко! Не капризничай, душечка!», далее следовали советы сугубо серьезные, определяющие задачи работы Н. А. Семашко в Комитете и раскрывающие подлинный смысл и причины его создания:

«Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову. Вы в „ячейке коммунистов" и не зевайте, *блюдите сие строго.*

От Кусковой возьмем имя, подпись, *пару вагонов* от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. *Больше* ни-че-го.

Не трудно, ей-ей, это сделать» [79].

В. И. Ленин не исключал, как видим, возможности получения хотя бы нескольких дополнительных вагонов хлеба для голодающих руками так называемых «прокукишей» (как прозвали тройку: Прокопович — Кускова — Кишкин). Но когда они развернули открытую контрреволюционную деятельность, потребовали посылки своих представителей за границу, якобы для «установления связи» с зарубежными организациями, попытались вести антисоветскую работу внутри страны, Ленин немедленно потребовал роспуска Комитета, ареста Прокоповича и высылки из Москвы подобных ему «деятелей».

Свою точку зрения он резко и решительно изложил в письме к И. В. Сталину и членам Политбюро ЦК от 26 августа 1921 г.

Действия этих «Кукишей», — писал он, — «...яснее ясного показывают, что мы ошиблись. Или если не ошибались раньше, то теперь жестоко ошибемся, если прозеваем...

[78] «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 340. 30 сентября 1921 г. СТО принял постановление о порядке оплаты и направления продовольственных и иных посылок из стран, не заключивших с РСФСР специальных соглашений, а 28 октября был опубликован декрет о заграничных посылках. В. И. Ленин очень торопил с опубликованием этого декрета (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 304).

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 24—25.

Предлагаю: сегодня же, в пятницу, 26/8, постановлением ВЦИКа распустить „Кукиш" — мотив: их отказ от работы, их резолюция. *Назначить* для приема денег и ликвидации одного *вечекиста*.

Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи... и продержать месяца три, пока обследуем это собрание *тщательно*.

Остальных членов „Кукиша" тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, *под надзор*.

Ей-ей, ждать еще — ошибка будет громадная... Игре (*с огнем*) будет положен конец».

В. И. Ленин предлагал опубликовать «завтра же» правительственное сообщение о роспуске Комитета за нежелание работать и дать директиву газетам «завтра же начать на сотни ладов высмеивать „Кукишей". Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал [80], а кадетам „не вместно". Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев.

Больной зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях.

Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро.

Иностранцы начнут приезжать, надо „очистить" Москву от „Кукишей" и *прекратить* их игру (с огнем). Покажите это членам Политбюро» [81].

27 августа Политбюро приняло предложения В. И. Ленина, а 30 августа было опубликовано правительственное сообщение о роспуске Комитета.

Как видим, кроме репрессий против контрреволюционных деятелей, Ленин считал особенно важным открыто, публично, в печати разоблачать перед лицом народных масс гнусные вражеские попытки использовать голод в России не для оказания помощи, а для закабаления страны и ликвидации завоеваний революции.

На пленуме ЦК 8 августа 1921 г. при обсуждении вопроса о мерах борьбы с голодом были приняты предложения В. И. Ленина, Н. П. Брюханова, Х. Г. Раковского и записан в числе других следующий пункт: «Оповестить крестьян голодающих губерний о том, что часть обещанной за границей контрреволюционными империалистами помощи связана с условиями закабаления русского крестьянства» [82].

Рабочие и крестьяне России должны были знать об этих кабальных условиях «помощи» и отдавать себе ясный отчет в действиях своего правительства, принимающего все меры для ликвидации последствий засухи и спасения голодающих, но решительно отвергающего всякие попытки малейшего нарушения независимости и основных устоев Советского государства.

[80] Речь идет о поездке М. И. Калинина с агитпоездом «Октябрьская революция» в августе 1921 г. по районам, захваченным неурожаем и засухой (Самарская, Саратовская, Царицынская и Астраханская губ.) для оказания помощи голодающим.

[81] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 140—142.

[82] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 68, л. 1.

Разъясняя сущность политики империалистических государств, Ленин писал: «На помощь богачей-капиталистов тоже рассчитывать нечего. Капиталисты, управляющие сейчас сильнейшими государствами в мире — как Англия, Америка, Франция, — правда, заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей Рабоче-Крестьянской республикой» [83].

В. И. Ленин призывал поэтому к мобилизации внутренних сил страны и возлагал все надежды «на великую пролетарскую солидарность» трудящихся в России и за ее рубежами.

В ленинском обращении «К международному пролетариату» от 2 августа 1921 г. говорилось, что «Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев» капиталистических стран. «Мы уверены, — говорилось далее в обращении, — что, несмотря на их собственное тяжелое положение, вызванное безработицей и ростом дороговизны, они откликнутся на наш призыв» [84].

Это ленинское обращение действительно нашло широчайший отклик среди трудящихся всех стран.

Кампания международной рабочей помощи голодающим в России превратилась, как записал в своем решении IV конгресс Коминтерна, «в наиболее могучую и длительную в истории рабочего движения манифестацию международной солидарности» [85].

Десятки ленинских писем и выступлений свидетельствуют о том, как высоко ценил Ленин эту помощь, какое огромное значение он ей придавал, как добивался, чтобы трудящиеся Советской России были широко осведомлены об этой помощи.

Как только был заключен договор с АРА, В. И. Ленин поставил задачу, чтобы помощь американского народа шла не только через официальные правительственные каналы, а непосредственно в адрес представительства Советской России за границей. Он объяснял, что пожертвования, направляемые через буржуазные правительства, обязательно бывают связаны с кабальными условиями, а рабочие оказывают помощь без всяких условий. «Это различие имеет для нас гигантскую важность», — указывал он и поэтому просил проверить, «воспринята ли и Коминтерном и сочувствующей нам профессионалистской прессой необходимость направлять пожертвования в адрес Советского правительства без всяких условий и широкой пропаганды того, чтобы все рабочие отчислили однодневный заработок на помощь пострадавшим от голода в России» [86].

2 сентября 1921 г. Политбюро ЦК приняло предложение В. И. Ленина «Об организации учета рабочих пожертвований в Европе». Наиболее целесообразной формой помощи признавалось отчисление однодневного заработка, предлагалось организовать точную текущую статистику пожертвований и постоянную публикацию сообщений о них

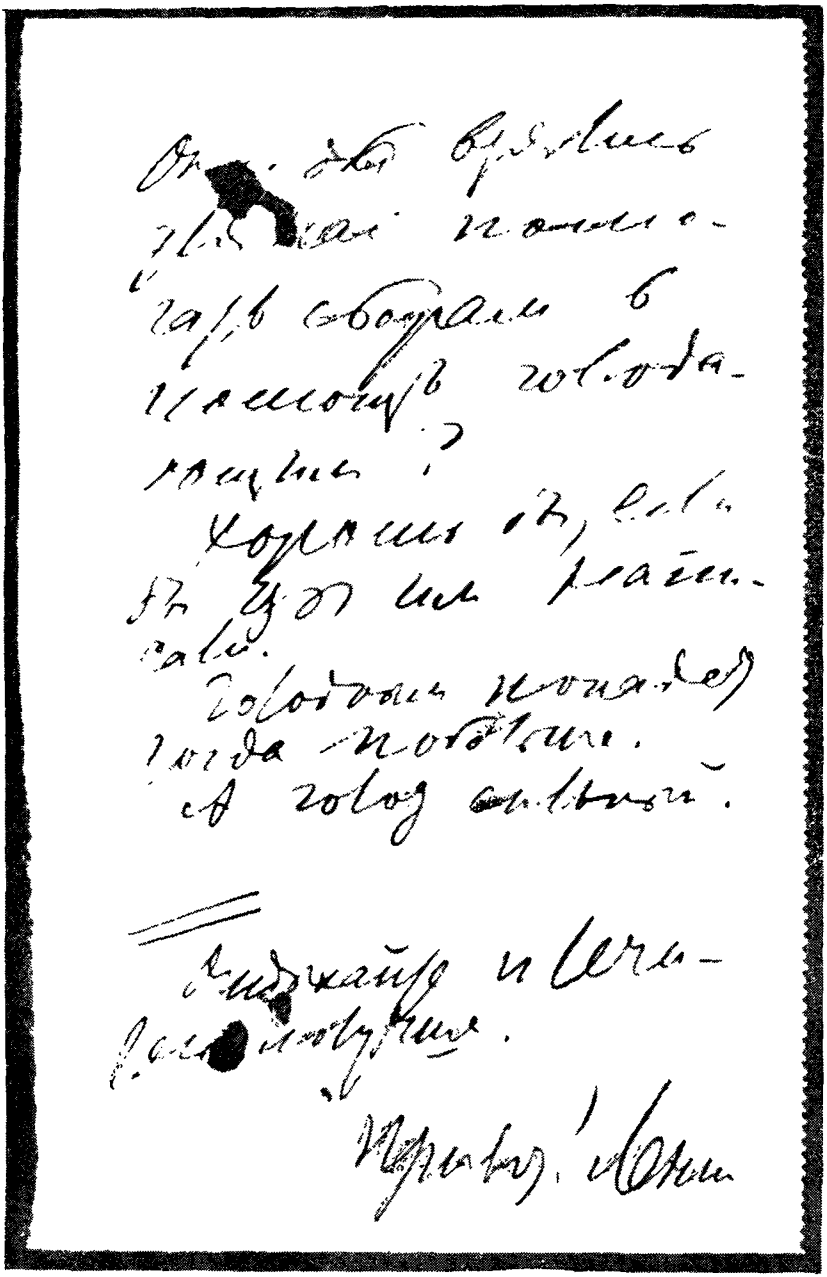
[83] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 247.
[84] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 75.
[85] «Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг.» М., 1933, стр. 327.
[86] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 134.

6/XII

Дорогой А. А.!

Оч. извиняюсь, что пишу
наскоро. Устал дьявольски.
Беллонница еду сечиться.

Между прочим написать Вам: не напишете ли Бернарду Шоу, чтобы он съездил в Америку, и Уэллсу, крыт де теперь в Америке, чтобы



Рукопись письма В. И. Ленина А. М. Горькому.
6 декабря 1921 г.

в печати[87]. В. И. Ленин внимательно следил за осуществлением этого решения и написал специальное письмо секретарю Исполкома Коминтерна[88].

Помощь международного пролетариата приобрела огромный размах и охватила все страны мира. Летом 1921 г. Коминтерн создал международную организацию «Рабочей помощи» (Межрабпомгол), которая на собранные ею средства трудящихся смогла прокормить около 200—220 тыс. человек голодающих в месяц[89].

Однако при всем исключительном не только материальном, но и политическом и моральном значении помощи международного пролетариата решающее значение имела мобилизация сил самих трудящихся Советской страны, борьба рабочих и крестьян России под руководством Коммунистической партии за преодоление тяжелых последствий голода, за дальнейшее восстановление и подъем сельского хозяйства на рельсах новой экономической политики.

2.

Мобилизация сил страны на борьбу с голодом. Организация товарообмена и итоги первой продналоговой кампании

В тот же день, когда было написано обращение В. И. Ленина к международному пролетариату, он направил также обращение к крестьянам Украины. На правобережной Украине в 1921 г. был хороший урожай, и Ленин призывал украинских земледельцев прийти на помощь голодающему населению Поволжья. «Помощь нужна быстрая. Помощь нужна обильная. Пусть не останется ни одного земледельца, который бы не поделился своим избытком с поволжскими голодающими крестьянами»[90].

Ленин предлагал, чтобы из каждого уезда, обеспеченного хлебом, крестьяне послали своих выборных представителей, которые сами бы отвезли хлеб в Поволжье и своими глазами увидели размеры бедствия, нужды и голода, а по возвращении рассказали бы землякам о необходимости спешной помощи.

Такой же призыв к трудящимся России — рабочим, трудовым крестьянам, пастухам и рыбакам благополучных по урожаю местностей — горячо прозвучал и в ленинском обращении «К товарищам рабочим, ловцам Аральского моря» от 7 октября 1921 г. Ленин писал, что рабочие, жертвуя щедрой рукой голодающим, не только выполнят долг человеческой совести, но и укрепят дело рабочей революции, показав

[87] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 115.
[88] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 169—170.
[89] О деятельности Межрабпомгола и других международных рабочих организаций помощи голодающим имеется обширная литература. См., например: А. А. Макаренко. Мировой пролетариат стране Советов. Киев, 1963; Ю. Фридман. Движение помощи международного пролетариата Советской России в 1921—1922 г. — «Вопросы истории», 1958, № 1 и др., а также сборник документов «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958.
[90] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 77.

всему миру и прежде всего трудящимся, как «несокрушима мощь рабочего Советского государства, построенного на широчайшей помощи друг другу пролетариев самых отдаленных друг от друга мест.

«Пусть весь рабочий класс, как один человек, встанет, чтобы залечить тяжкую рану Поволжья», ибо только таким путем, говорилось в заключение, мы «сохраним Советскую власть и защитим завоеванную свободу против всех злодейских покушений капиталистов всего мира» [91].

В конце сентября Ленин обратился к работникам водного транспорта, ставя перед ними задачу до закрытия навигации выполнить все перевозки водою продовольственных, топливных и прочих грузов, чтобы Советской республике выйти и на этот раз победителем из всех трудностей [92].

Обращения и многочисленные ленинские выступления перед трудящимися с призывом о помощи голодающим подняли на ноги всю страну, мобилизовали силы советских людей для борьбы с бедствием голода. Огромную работу развернула созданная решением ВЦИК от 18 июля Центральная комиссия помощи голодающим во главе с М. И. Калининым. Под ее руководством народные комиссариаты, профсоюзы, Красная Армия, комсомол, кооперация, все советские и общественные организации проводили сбор средств и продовольствия в пользу голодающих. Благополучные по урожаю губернии оказывали помощь неурожайным.

Возникла идея введения специального налога-отчисления по фунту с каждого пуда собранного хлеба в помощь Поволжью. Узнав об этом от М. И. Калинина, В. И. Ленин горячо поддержал эту идею, потребовал как можно скорее провести вопрос через Президиум ВЦИК [93].

26 июля Совнарком создал комиссию для подготовки декрета о введении дополнительного налога и дал этой комиссии следующие директивы:

«1. Налог вводится только в урожайных губерниях, которые должны быть специально перечислены в законе.

2. Налог имеет форму сбора одного фунта с пуда валового урожая.

3. В общем налог не может превышать 40 млн. пудов.

4. Собранный таким образом хлеб образует особый фонд помощи голодающим.

5. Часть этого сбора должна быть отправлена в голодающие губернии в сопровождении крестьян урожайных губерний» [94].

1 августа 1921 г. Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК обратилась с воззванием к крестьянам и всем трудящимся с призывом об отчислении с каждого пуда обмолоченного зерна одного фунта в пользу голодающих районов. 4 августа Президиум ВЦИК утвердил постановление о дополнительном налоге, несколько изменив способы его взимания — один фунт с пуда отчислялся с заготовленных путем товарообмена как государством, так и кооперацией, продовольственных продуктов, а не с валового урожая.

В этих поправках к декрету о дополнительном налоге проявилось стремление Советского правительства создать у крестьян уверенность, что при всех трудностях голода установленные еще весной, до получения

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 248.
[92] «Ленинский сборник», XXIII, стр. 174.
[93] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 44.
[94] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 35, л. 3.

сведений о грозящей засухе, ставки налога останутся в основном незыблемыми и не будут повышены.

В феврале 1922 г. был введен общегражданский налог в пользу голодающих (денежное отчисление). Трудящиеся вносили не только деньги, но и золотые вещи и другие ценности. Семья Ульяновых передала в фонд помощи единственные ценные вещи, которые у них имелись, — серебряный портсигар и золотую медаль, полученную В. И. Лениным при окончании Симбирской гимназии [95].

Поддержку всего населения, и в том числе верующих, встретило решение Советского правительства (февраль 1922 г.) об изъятии церковных ценностей для оказания помощи голодающим. Какое важное значение придавал этой мере В. И. Ленин, показывает его предложение послать на места шифрованную телеграмму губкомам партии о том, чтобы делегаты XI партсъезда привезли с собой «возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквах и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их» [96].

К маю 1922 г. в порядке добровольных пожертвований и отчислений было собрано внутри Советской республики свыше 5 млн. пудов хлеба и других продовольственных продуктов [97]. Изъятие церковных ценностей к этому же сроку дало 6800 пуд. серебра, 12 пуд. золота и других ценностей, из которых правительство выделило Комиссии помощи голодающим при ВЦИК 1 млн. руб. золотом для закупки хлеба за границей [98].

Однако решающее значение для преодоления последствий голода и спасения голодающих имели те меры, которые могли дать основную массу необходимого хлеба и продовольствия, а именно организация товарообмена и сбор продналога.

«Товарообмен должен стать главным средством сбора продовольствия» [99], — писал Ленин в «Наказе от СТО» в мае 1921 г.

Решающую роль в организации товарообмена должна была сыграть кооперация. 17 мая Совнарком на своем заседании обсуждал проект договора Центросоюза и Наркомпрода на заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена, а 26 мая этот договор был подписан. Согласно договору, Наркомпрод передавал Центросоюзу имеющийся у него товарообменный фонд, Центросоюз и его органы на местах должны были осуществлять все технические операции по товарообмену: хранение и переброску товаров, заключение сделок, непосредственный обмен, получение сельскохозяйственных продуктов и сдачу их заготконторам. Общее

[95] Серебряный портсигар был передан в Центральную комиссию по борьбе с последствиями голода от семьи Ульяновых М. И. Калининым, которому 22 ноября 1922 г. была выдана расписка в том, что от него принят «один портсигар с рисунками „Илья Муромец и Соловей Разбойник", пожертвованный в пользу Последгола Председателем Совнаркома тов. Лениным В. И.» В дальнейшем к расписке был приложен акт от 8 февраля 1924 г. о передаче серебряного портсигара в Музей им. Ленина (ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1543, л. 2). Золотая медаль Владимира Ильича была передана в Музей В. И. Ленина.

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 206. Телефонограмма В. И. Ленина от 12 марта 1922 г.

[97] М. И. Калинин. Статьи и речи, стр. 86.

[98] Там же, стр. 84, 85.

[99] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 275.

руководство товарообменными операциями и контроль за осуществлением товарообмена сохранял Наркомпрод и его местные органы.

Путем товарообмена предполагалось заготовить 160 млн. пуд. хлеба. Если добавить к этому 240 млн. пуд., которые планировалось получить путем сбора продовольственного налога, то это обеспечило бы создание продовольственного фонда в 400 млн. пуд. — прочной основы для ликвидации последствий голода, снабжения населения и восстановления всего народного хозяйства.

Успех товарообменных операций во многом зависел от наличия фонда промышленных товаров, их ассортимента и быстроты доставки на места в пункты обмена. Именно этому вопросу Ленин уделял особое внимание в летние месяцы 1921 г., когда начались товарообменные операции. 13 мая он поставил перед наркомпродом А. И. Свидерским следующие вопросы: «1) Сколько товаров налицо? 2) Сколько разослано? 3) В Сибирь? 4) На Кавказ? Вошла *соль* в ваш фонд товарообмена? Если да, сколько?» [100].

Наиболее остродефицитным товаром для деревни являлась соль, и понятен особый интерес В. И. Ленина к этому вопросу. 18 мая он писал М. В. Фрунзе на Украину, что в связи со сведениями о превосходном урожае на юге «теперь *главный вопрос всей* Советской власти, вопрос жизни и смерти для нас, — собрать с Украины 200—300 миллионов пудов.

Для этого главное — соль. Все забрать, обставить тройным кордоном войска все места добычи, ни фунта не пропускать, не давать раскрасть.

Это вопрос жизни и смерти.

Поставьте по-военному. Назначьте точно ответственных лиц за каждую операцию...

Вы — Главком соли.

Вы отвечаете за все» [101].

М. В. Фрунзе немедленно приступил к выполнению возложенных на него обязанностей «Главкома соли» и 31 мая в телеграмме Ленину сообщал о проведенных им мерах, советовался о транспортировке соли и т. д. [102]

Наряду с солью деревня очень нуждалась в таких товарах, как мануфактура, керосин и др. СТО принимал ряд решений об отправке на Украину и в Сибирь этих товаров для обеспечения успеха товарообмена. 19 мая Ленин в записке в Наркомпрод и Главтекстиль сообщал, что по сведениям, полученным с Украины, туда не послана обещанная мануфактура. «А в Николаеве-де крестьяне охотно дают хлеб за мануфактуру. Прошу немедленно по телефону навести все справки, помимо официального запроса, и поторопить, а мне прислать имена ответственных лиц, как в НКпроде, так и в Главтекстиле. Кто отвечает за посылку мануфактуры? Промедление позорное и преступное» [103].

30 мая Ленин опять напомнил Н. П. Брюханову о необходимости ускорить посылку товаров для товарообменного фонда Украины [104], а 31 мая телефонограммой в ВЧК, НКПС и Наркомпрод требовал установить

[100] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 189.
[101] Там же, стр. 196—197.
[102] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 724, л. 79.
[103] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 198.
[104] См. там же, стр. 231.

самый строжайший надзор за быстрейшим продвижением мануфактуры из Москвы в Харьков [105].

Согласно постановлению СНК от 24 мая, распределение сельскохозяйственных машин и орудий ставилось также в зависимость от получения в обмен хлеба и продовольствия.

В. И. Ленин требовал, чтобы задачи внешней торговли и закупки за границей тесно связывались с необходимостью увеличения товарообменного фонда. «Всякие займы нам очень нужны, — писал он в мае 1921 г. Л. Б. Красину, — ибо главное теперь — получить, и притом немедленно, товарный фонд для обмена на хлеб с крестьянами. Этой непосредственной цели теперь надо подчинить всю политику Наркомвнешторга» [106].

Добиваясь увеличения товарного фонда, Ленин одновременно следил за ходом товарообменных операций. 10 июля в письме Н. П. Брюханову, определяя задачи Наркомпрода в продовольственном снабжении, он делал следующее заключение: «Вообще мое впечатление, что с закупкой и товарообменом НКпрод *зевает* и *отстает* безобразно. Нет инициативы. Нет смелой работы» [107]. Такие же требования всемерного развертывания товарообмена Ленин предъявлял к Центросоюзу и всему аппарату кооперации.

Доклады Наркомпрода и Центросоюза о ходе товарообменных операций систематически заслушивались на заседаниях Совнаркома. 15 июля 1921 г. СНК обсудил два доклада: доклад Л. М. Хинчука «О постановке товарообмена и о необходимости усилить и ускорить работу в этом направлении» и доклад Н. П. Брюханова «Об осуществлении... наблюдения за Центросоюзом с целью приобретения через товарообмен максимального количества хлеба» [108].

В проекте постановления, написанном В. И. Лениным к этому заседанию Совнаркома, Центросоюзу поручалось, во-первых, «внести в СНК ряд постановлений о более энергичной борьбе с анархическим товарообменом» и, во-вторых, предоставить Центросоюзу и его местным органам, вплоть до сельских товарообменных пунктов, большую свободу в отношении натуральных эквивалентов обмена, а также «ввести в систему высокие премии за быстроту оборота и размер его» [109].

Первый вопрос — о борьбе с анархическим, т. е. неорганизованным товарообменом и незаконной, спекулятивной торговлей — встал еще на майской партконференции 1921 г. Отвечая на возражения В. П. Милютина против включения пункта о борьбе с анархическим товарообменом в резолюцию конференции, Ленин говорил: «Вопрос деликатный, конечно. Мы хотим, чтобы директива была в направлении не стеснять свободу торговли, но обойтись без борьбы с незаконной торговлей, в частности с мешочничеством и разрушением транспорта, нельзя. Мы думали в комиссии, не следует ли слово „борьба“ заменить более слабым, но потом сошлись на выражении, что предметом борьбы является только анархический товарообмен, ускользающий от всякого контроля государства, тем

[105] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 232.
[106] Там же, стр. 240.
[107] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 19.
[108] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 722, прим.; «Ленинский сборник», XX, стр. 301.
[109] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 442.

более, что было принято добавление „отнюдь не стесняя правильной свободной торговли". С этими добавлениями слово „борьба" не есть чрезмерно сильное слово» [110].

Следовательно, пункт постановления СНК от 15 июля о борьбе с анархическим товарообменом лишь конкретизировал постановление майской партконференции. Но Ленин одновременно ставил и другую задачу — осуществление ряда экономических мер для успеха товарообменных операций. Такой мерой и являлся пересмотр действующих натуральных эквивалентов. Дело в том, что установленные кооперацией эквиваленты обмена (соотношение примерно 1 : 3 на продукты сельского хозяйства и промышленности) постепенно перестали соответствовать рыночным ценам и уже к лету 1921 г. стало ясно, что крестьяне предпочитают денежный обмен натуральному [111]. Ленин сразу же оценил изменение экономической обстановки и потребовал от кооперации учета требований рынка и соответствующего пересмотра эквивалентов обмена [112].

О задачах *экономического* овладения товарообменом Ленин говорил еще раньше, в речи на III продовольственном совещании 16 июня. Обращаясь к делегатам, он следующим образом разъяснял продовольственным работникам их задачи: «Вы боролись с мешочничеством, с торговлей, обходящей распоряжения государства. Вы должны против нее вести борьбу и сейчас. Но чтобы осуществить товарообмен и не быть побитыми вольным рынком, — не быть побитыми этой свободной торговлей, мы должны ее хорошо знать, состязаться с ней и побивать ее же собственным козырем, ее же собственным орудием, — а для этого надо знать его» [113].

По замыслу Ленина товарообмен должен был осуществляться также на основах полной *добровольности* и строгого учета экономической заинтересованности крестьянства. О том, как решительно пресекал он всякие попытки нарушения принципа добровольности обмена, красноречиво свидетельствует его отношение к проекту проведения так называемого «принудительного товарообмена», который по указанию Наркомпрода предполагалось провести в Сибири летом 1921 г.

[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 337. В соответствии с ленинскими указаниями этот пункт был сформулирован в резолюции конференции следующим образом: «Борьба с анархическим (т. е. ускользающим от всякого контроля и надзора государства) товарообменом путем сосредоточения его преимущественно в руках кооперации, отнюдь не стесняя правильной свободной торговли. Изучение рынка». («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 574).

[111] В современной экономической литературе (см., например, статью З. Атлас «Товарообмен между городом и деревней (1918—1921 гг.)». — «Вопросы экономики», 1967, № 9) правильно указывалось, что попытка проведения *безденежного* обмена с крестьянством как в 1918, так и в 1921 г. была в определенной мере *экономически* обусловлена и вынуждена общим расстройством денежной системы, натурализацией хозяйственных отношений, оставшейся в наследство от прошлого, непрерывным падением стоимости денежных знаков. Поэтому предполагалось, что крестьяне в условиях падения курса денег охотнее пойдут на натуральный обмен.

[112] Заметки, сделанные Лениным на заседании СНК 15 июля, показывают, как глубоко он продумывал этот вопрос, а также задачи руководства кооперацией и предоставления ей преимуществ по сравнению с частным капиталом (см. «Ленинский сборник», XX, стр. 301—302).

[113] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 357.

История этого вопроса такова. 2 июля 1921 г. при обсуждении на заседании Политбюро ЦК продовольственных вопросов Наркомпрод внес в свои предложения следующий пункт (пункт 6): «Предложить Сиббюро ЦК, Сибревкому и Кирнаркомпроду принять самые решительные меры к прекращению свободного обмена хлебных продуктов, не останавливаясь перед полным закрытием базаров и проч., проводя в широких размерах принудительный обмен» [114].

Через несколько дней (7 июля) такое же предложение — «О введении принудительного товарообмена» — применительно, очевидно, к Петроградской губернии внес в Политбюро Г. Е. Зиновьев. Но 9 июля Политбюро с участием В. И. Ленина приняло решение об отмене постановления от 2 июля о принудительном товарообмене в Сибири и сделало в этой связи принципиально важные выводы: во-первых, Наркомпроду рекомендовалось впредь вносить в Политбюро вопросы, касающиеся сколько-нибудь серьезных изменений основ продовольственной политики и новейшего продовольственного законодательства лишь после предварительной подготовки их специальной комиссией (в партийном или советском порядке); во-вторых, впредь все постановления и инструкции коллегии Наркомпрода о практическом применении новой экономической политики предлагалось вносить в Совнарком и в Политбюро после получения специального заключения НК РКИ и Наркомюста (В. А. Аванесова и Д. И. Курского) «с точки зрения соответствия этих постановлений с существующими законоположениями» и, наконец, в-третьих, следовало предупреждение: «Наркомпрод должен помнить, что новая продовольственная политика согласно решению последней партконференции введена серьезно и надолго» [115].

Постановление Политбюро от 9 июля предупредило возможность проведения «принудительного товарообмена». Этому воспротивились и сибирские парторганизации. В направленном в ЦК РКП(б) докладе Сиббюро ЦК о работе за май—июль 1921 г. говорилось:

«Из области товарообменных операций в отчете о деятельности Сиббюро нельзя не упомянуть об ответственном и важном его решении — принципиальном отказе от принудительного товарообмена, предложенного членом коллегии Наркомпрода т. Смирновым, основывавшим свое предложение на чрезвычайной серьезности продовольственного положения Европейской России и особенной важности в силу этого успеха товарообменных операций в Сибири. Признав по политическим, а также и соображениям практической целесообразности принудительный товарообмен совершенно неприемлемым для Сибири, Сиббюро наметило ряд мероприятий, гарантирующих наибольшую успешность товарообменных операций» [116].

Хотя опасность рецидива военно-коммунистических методов работы, нашедшая свое выражение в попытке «принудительного товарообмена», была, таким образом, предотвращена, В. И. Ленин продолжал внимательно следить, чтобы подобные попытки больше не повторялись. Получив от уполномоченного СТО Т. М. Пономаренко телеграмму о положении с заготовкой и вывозом хлеба из Акмолинской губернии, Владимир

[114] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 183, л. 5.
[115] Там же, ед. хр. 186, л. 3.
[116] Там же, оп. 13, ед. хр. 904, л. 46 об.

Ильич 31 августа немедленно запросил В. А. Смольянинова: «Надо вникнуть в эту телеграмму. Что это за **„принудительный** товарообмен"? Каков *фактически* эквивалент? Расспросите *А. П. Смирнова.* Пошлите Пономаренке депешу и проследите за ответом» [117].

Решительно осуждая «принудительный товарообмен» и инициативу, проявленную в этом деле заместителем наркома земледелия А. П. Смирновым, В. И. Ленин в это время (август—сентябрь 1921 г.), оценивая опыт проведения товарообменных операций, все больше приходил к выводу, что и добровольный товарообмен не даст, очевидно, тех результатов, которые на него первоначально возлагались. Он учитывал при этом многочисленные сигналы с мест о нецелесообразности натуральных форм обмена в условиях развития товарно-денежных отношений.

О том же писал М. И. Калинин в статье «По новому пути», опубликованной в газете «Беднота» 17 сентября 1921 г.: «В настоящий момент, — говорилось в этой статье, — наблюдается резче всего процесс возрождения денег... Деньги, симпатии к которым решительно падали на рынке, казалось, дни их сочтены, деньги появляются вновь, признаются общеполезным, необходимым товаром, который реализовать на свободном рынке всего скорее и легче». М. И. Калинин отмечал, что на местах это поняли даже раньше, чем в центре, и привел в пример саратовцев. Саратовский губисполком обратился к нему с просьбой ходатайствовать перед Наркомпродом о непривлечении к суду Саратовского губсоюза за торговые операции, которые выразились в том, что губсоюз продавал обменный фонд (переданный ему Наркомпродом) за деньги, а потом на них же покупал семена.

«Наркомпрод, — писал М. И. Калинин, — требует лишь одной операции: „товар—семена", „товар—продовольствие", а саратовцы усложнили эту формулу „товар—деньги", „деньги—семена", „товар—деньги, деньги — продовольствие", за что получили внушение от представителя Наркомпрода: дескать, не мудрите, а делайте так, как вам указывают старшие. Губисполком совместно с губкомом просил меня поставить этот вопрос в центре и решить его в духе саратовцев».

«В духе саратовцев» действовали и другие губисполкомы и губсоюзы. Развитие денежного обмена вызывало растущий повсеместно спрос на деньги. Необычайно чутко реагируя на новые явления в экономической жизни страны, глубоко их оценивая и обобщая, Ленин уже в сентябре 1921 г. писал: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем. Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и невозможное. Вопят все и отовсюду». И в заключение — четкий вывод и прямое предупреждение: «Мы опаздываем. Волна торговли сильнее нас» [118].

В. И. Ленин не замедлил трезво оценить факты и в речи на VII Московской партконференции 29 октября 1921 г. открыто призвал партию безбоязненно посмотреть в лицо опасности, исходить из непреложных экономических фактов неудачи товарообмена и развития денежной торговли. Отсюда вытекали и новые задачи экономического руководства,

[117] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 148. Указания Ленина по вопросу о «принудительном товарообмене» см. также: «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 40; «Ленинский сборник», XXIII, стр. 145; Полн. собр. соч., т. 53, стр. 236.
[118] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 234.

поставленные Лениным, — обеспечить *государственное регулирование* купли—продажи и денежного обращения, *научиться торговать* и в экономическом соревновании с частным капиталом добиться победы социалистических элементов над капиталистическими.

Как претворялся в жизнь ленинский лозунг «учиться торговать», мы рассмотрим в дальнейшем изложении. Пока же отметим, что неудача товарообмена (к концу 1921 г. путем товарообмена потребительская кооперация заготовила 7 млн. пуд. хлебофуража, свыше 1 млн. пуд. картофеля, 1,3 млн. пуд. овощей, 1,7 млн. пуд. мяса и т. д.) [119] с особой остротой поставила задачу скорейшего и полного сбора продналога как основного и решающего источника снабжения страны хлебом.

Подготовка к проведению первой продналоговой кампании широко развернулась с начала июля 1921 г. 3 июля В. И. Ленин подписал телеграмму СТО и ЦК РКП(б) Тульскому, Орловскому, Курскому и другим губкомам партии с указаниями о быстрейшем проведении кампании по взиманию натурального налога в связи с неурожаем в производящих губерниях [120]. 11 июля такая же телеграмма была разослана губисполкомам 25 губерний, благополучных по урожаю, в ней говорилось, что только энергичная, живая, согласованная работа может дать удовлетворительные результаты в деле реализации необычайно раннего в 1921 г. сбора хлеба. Телеграмма требовала обеспечить не позднее 1 августа начало поступления продналога [121].

«Все дело теперь, видимо, в быстром сборе продналога» [122], — писал Ленин в Наркомпрод 4 августа 1921 г. 12 августа на заседании СТО было принято постановление «О мерах к быстрому и полному сбору продналога».

Чтобы обеспечить успех первой продналоговой кампании, была проведена прежде всего широкая мобилизация коммунистов, руководящих работников, рабочих и специалистов для оказания помощи на местах в заготовке хлеба. В своих «Заметках о мерах борьбы с голодом», написанных примерно в конце первой декады июля, Ленин выдвинул идею перевода, полного или частичного, «работников нехозяйственных наркоматов на хозработу», преимущественно местную и низовую, в первую очередь продовольственную [123]. Он предлагал продумать возможность взять в голодающих районах в армию молодежь и этим не только спасти ее от голода, но и создать из этой молодежи особую армию в урожайных районах (например, на Украине) с тем, чтобы она помогала усилению продработы, сбору продналога, будучи в этом кровно заинтересована, «особенно ясно сознавая и чувствуя несправедливость обжорства богатых крестьян на Украине» [124].

Эти ленинские предложения по существу легли в основу постановления Политбюро ЦК от 9 июля, принявшего решение о необходимости «снятия максимального количества коммунистов и, в виде исключения,

[119] А. Ф. Чмыга. Из истории организации товарообмена в Советской России в 1921 г. — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». 1958, № 1, стр. 83.
[120] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 662—663, Даты.
[121] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 242, л. 80.
[122] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 92.
[123] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 68.
[124] Там же, стр. 67.

других особенно ценных товарищей с их работы для перевода их на продовольственную работу, не останавливаясь перед закрытием на время хотя бы 9/10 целого ряда отделов учреждений и даже целых, не абсолютно важных наркоматов» [125].

На следующий день после принятия этого постановления Ленин писал в Наркомпрод Н. П. Брюханову: «По-моему, Вы должны выработать меры усиления работы. Я предлагаю:

1) в особо срочном, ударном, *революционном* порядке налечь немедленно на *сбор налога* в Московской губернии (рожь уже сжали). Мобилизовать для этого сугубо московских рабочих *в помощь* продорганам;

2) вообще мобилизовать еще работников на продработу, *грабя* наркоматы согласно *вчерашнему* решению Политбюро (возьмите выписку)» [126].

Такие же меры по мобилизации людей на продработу принял Президиум ВЦИК 14 июля. СТО 20 июля 1921 г. принял постановление «О мерах к усилению продорганов за счет других ведомств».

Мобилизация большого количества партийных, советских и профсоюзных работников, а также рабочих с предприятий должна была обеспечить быстрый и успешный сбор продналога и широкое развертывание массово-разъяснительной работы среди крестьянства.

Однако наряду с мерами убеждения пришлось пойти на применение и мер принуждения, прежде всего по отношению к кулачеству, которое, как показал опыт, использовало скрытые формы сопротивления. Это сопротивление находило свое выражение в затягивании сроков сдачи налога, в намеренном сокрытии размеров пашни, преувеличении числа едоков, явно заниженных данных об урожайности, что вело неизбежно к уменьшению норм налога.

Чтобы сломить сопротивление кулачества, Ленин предлагал провести в Московской губернии в виде опыта следующие меры: «... тотчас же примерно и архистрого наказать по 10 *богатейших* крестьян на волость *за опоздание*, хотя бы малейшее, с продналогом или за *вялое* поступление продналога;

тоже — *примерно* наказать 1 волость на уезд, или 2—3 на губернию, за *вялость* поступления продналога?» [127].

В то же время Ленин строго следил за тем, чтобы любые злоупотребления при сборе налога немедленно пресекались, а нарушители строго наказывались. Когда заведующий плановым подотделом управления заготовок Наркомпрода Я. С. Артюхов, получив ходатайство о снижении продналога для двух волостей Новокаменского уезда Московской губернии, пострадавших от градобития, продержал у себя это письмо без ответа больше двух месяцев (с конца июля до октября), Ленин написал в Московский ревтрибунал: «Прошу это важное дело рассмотреть в кратчайший срок и приговор сообщить мне» [128].

Большое значение Ленин придавал мерам поощрения за своевременную и быструю сдачу налога. «... Дать премию за сбор 100% налога

[125] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 380, прим.
[126] Там же, стр. 18.
[127] Там же, стр. 93.
[128] Там же, стр. 285—286.

(хлеба) в 2—3 недели. Премию чем? *золотыми и серебряными вещами.* Возьмем в *Гохране*»[129], — писал он в Наркомпрод 4 августа.

Получив в конце октября 1921 г. сведения, что Тульская и Орловская губернии одними из первых в стране заканчивают продналоговую кампанию, Владимир Ильич тотчас же предложил Наркомпроду: «Образцовые губернии или уезды надо будет особо вознаградить»[130]. Он подготовил текст телеграммы в адрес Тульского губпродкома, в которой от имени Совнаркома выражалась признательность и благодарность Республики всем продработникам Тульской губернии[131]. Однако эта телеграмма не была отправлена, так как В. А. Аванесов выдвинул следующее соображение: «По существу не возражаю, но, ввиду массовых жалоб крестьян на действия губпродкома, полагаю обождать с благодарностью»[132]. В. И. Ленин учел это соображение и в тот же день (31 октября) поручил Наркомпроду «вознаградить от себя, выделив наиболее успешно работавших лиц, кои не *вызывали* жалоб крестьян»[133].

Многие ленинские документы показывают, как внимательно Ленин следил за тем, чтобы в труднейших условиях голода установленные ставки налога ни в коем случае не были повышены. 2 сентября 1921 г. СТО постановил внести изменение в закон о ставках налога, а именно разрешить замену ржи картофелем при сдаче налога и установил эквивалент замены: за один пуд ржи — 4 пуда картофеля. Но 6 сентября Совнарком в отсутствие Ленина повысил эквивалент с 4 до 6 пуд. картофеля[134]. Узнав об этом после возвращения из отпуска, он 27 сентября потребовал от Наркомпрода (М. И. Фрумкина) справку о том:

«1) обсуждался ли в коллегии декрет, утвержденный 6/IX? когда? выписку из протокола прошу прислать;

2) кем внесен декрет в СНК?

3) почему не внесен в Политбюро?»[135].

Через несколько дней Владимир Ильич вновь запросил М. И. Фрумкина:

«1) Сколько было раньше? (картофеля за пуд)?

2) Вышло *увеличение* налога?

3) На 50%

4) Как Вы могли фуксом протащить *увеличение налога*? без Политбюро?»[136].

В повестку дня Политбюро 3 октября Ленин внес новый пункт: «картофельный налог» и за день до заседания писал В. М. Молотову: «Завтра в Политбюро надо поставить отмену постановления СНК 6/IX об увеличении налога на картофель (с вызовом Фрумкина)»[137]. Обсудив этот вопрос, Политбюро ЦК поручило М. И. Фрумкину составить проект резолюции для коммунистической фракции очередной сессии ВЦИК и ука-

[129] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 93.
[130] Там же, стр. 317.
[131] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 140.
[132] См. там же.
[133] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 317.
[134] См. там же, стр. 423, прим.
[135] Там же, стр. 221.
[136] Там же, стр. 233—234.
[137] Там же, стр. 235.

зать в нем «на необходимость исправления возложенного лишнего бремени на крестьян, которое было вызвано необходимостью помощи голодающим, а также указать и меры его исправления» [138].

Четвертая сессия ВЦИК восьмого созыва, открывшаяся 7 октября 1921 г., приняла по вопросу о повышении норм замены ржи картофелем при сдаче налога следующее решение: «Учитывая, что это постановление Совета Народных Комиссаров возлагает на крестьян дополнительную тяжесть, вызванную исключительно необходимостью помочь голодающим, сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вновь подтверждает, что ставки продналога должны в дальнейшем оставаться незыблемыми, без какого бы то ни было повышения, и указывает Совету Народных Комиссаров на необходимость самого внимательного отношения к строгому соблюдению устанавливаемых в общегосударственном порядке ставок продналога». Вместе с тем сессия ВЦИК, рассмотрев обстоятельства, которые заставили СНК повысить норму замены ржи картофелем, постановила, что подобное увеличение могло быть допущено лишь как исключительная мера в условиях голода, и выразила уверенность, что сельское население примет новые нормы замены «как исполнение долга перед голодающим крестьянством тех губерний, которые в течение ряда лет несли тяжелую продовольственную повинность перед Рабоче-Крестьянской Республикой» [139].

Сессия ВЦИК по докладу Наркомпрода подвела первые итоги сбора продналога, отметив, что «поступление продуктов сельского хозяйства в кампанию 1921—1922 гг. по налогу протекает более успешно, чем в предшествующие годы, когда сбор продуктов государством производился в порядке проведения разверстки». Сессия отметила «готовность трудового крестьянства, с которой оно шло навстречу голодающему населению Поволжья», и вместе с тем предупредила, что крестьяне, не сдающие в срок налога и скрывающие размеры пашни, «совершают преступление против всех трудящихся, против крестьян неурожайных губерний и против Рабоче-Крестьянской Республики» [140].

В последние месяцы 1921 г. борьба за 100-процентное выполнение налога стала особенно напряженной. 4 октября Совнарком и 14 октября СТО под председательством Ленина заслушали доклады по вопросу «О выработке мероприятий, необходимых для доведения сбора налога до 100%» и приняли по этим докладам практические решения.

В декабре 1921 г. в РСФСР проводился всероссийский продовольственный двухнедельник. «Провал налога, — писал Ленин в телеграмме от 1 декабря о проведении двухнедельника, — приведет к грозным последствиям, так как расходный план Республики составлен буквально в обрез и рассчитан на полное выполнение налога. Стопроцентное выполнение налога — это вопрос жизни Республики... Приказываю окончить в течение декабря сбор хлебного налога и всех основных налогов...» [141]

На IX съезде Советов в отчетном докладе ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. В. И. Ленин, подводя итоги продовольственной работы, подчер-

[138] Там же, стр. 426, прим.
[139] СУ, 1921, № 72, ст. 589.
[140] Там же, № 74, ст. 602.
[141] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 780, лл. 107—108. Содержание этой телеграммы изложено в «Продовольственной газете» от 1 декабря 1921 г.

кивал большие трудности сбора налога в условиях неурожая и голода. «... Надо, — говорил он, обращаясь к делегатам съезда, — совершенно отчетливо, не боясь горькой правды, сказать и от имени съезда подтвердить на местах всем работникам: „Товарищи, все существование Советской республики, весь наш самый скромный план восстановления транспорта и промышленности рассчитан на то, что мы общую продовольственную программу выполним. Поэтому продналог, собранный в 100%, является безусловной необходимостью“» [142].

IX съезд Советов принял воззвание к крестьянству о сборе налога. В воззвании говорилось, что в связи со снятием налога в неурожайных губерниях общая сумма хлебного налога была снижена с 240 млн. пуд. до 121 млн. пуд. (фактически подлежало сдаче по налогу 133 млн. пуд.), а сдано до 21 декабря только 85 млн. пуд. Съезд обратился к крестьянству РСФСР с призывом добиться сдачи налога «в размере ста процентов и в кратчайший срок» [143].

Усилия Советского правительства и местных работников по обеспечению сбора налога дали свои результаты. К 30 декабря по РСФСР было собрано уже 96 млн. пуд. хлеба, а к середине марта 1922 г. — свыше 130 млн. пуд. При уменьшенной цифре продналога на 1921/1922 г. (133 млн. пуд.) налог, как видим, был выполнен почти на 100% [144].

Успех первой продналоговой кампании имел решающее как политическое, так и народнохозяйственное значение, явившись убедительным доказательством укрепления союза рабочего класса и крестьянства в условиях нэпа и открыв путь для дальнейшего восстановления сельского хозяйства и промышленности.

Неурожай и голод в Поволжье не могли не затормозить весь процесс восстановления крестьянского сельского хозяйства. Не будь тяжелейшей засухи и ее последствий, результаты новой экономической политики в области сельскохозяйственного производства могли бы проявиться раньше, уже на протяжении 1921 г., и темпы роста народного хозяйства были бы несомненно более быстрыми [145].

В условиях засухи и голода благодаря полному сбору налога была обеспечена не только помощь голодающим, но и засев озимого клина в неурожайных губерниях. В. И. Ленин проявил исключительную настойчивость в решении этой важнейшей задачи. В его указаниях на места прямо говорилось о том, что «засев озимого клина Поволжья не только вопрос существования этого большого района, но предрешает продовольственные ресурсы республики, возможность хозяйственного строительства в ближайшие годы» [146]. Ленин повседневно следил за ускорением от-

[142] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 315.
[143] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, стр. 243–245.
[144] Об уточнении данных о сборе продналога в 1921/1922 г. см.: Ю. А. Поляков. Переход к новой экономической политике и советское крестьянство. М., 1967, стр. 310—313.
[145] Ю. А. Поляков в своей монографии утверждает, что «общее положение сельского хозяйства было настолько тяжелым, что первый послевоенный год и без стихийного бедствия не мог принести увеличение сельскохозяйственного производства». Однако он не отрицает, что неурожай «затормозил восстановление сельского хозяйства» (там же, стр. 282).
[146] «Ленинский сборник», XXIII, стр. 154.

правки и распределения семян в голодающих губерниях и в своих директивах Наркомзему подчеркивал, что «вопрос правильного распределения семян имеет особую важность» [147].

Уже в начале октября 1921 г. в голодающие губернии было переброшено 12 млн. пуд. семенной ржи для осенней посевной кампании. IX съезд Советов принял решение о выделении 25 млн. пуд. зерна для засева ярового клина в 1922 г. (Вся помощь Советского государства семенами составляла, таким образом, в совокупности 37 млн. пуд.).

Конечно, ни 1921, ни даже последующий 1922 г. не могли дать сколько-нибудь заметного роста посевных площадей. Но засев 75% озимого клина в неурожайных губерниях, 102% в губерниях, частично пострадавших от неурожая, 123% в производящих и 126% в потребляющих, благополучных по урожаю губерниях, являлся очень крупным достижением первого года нэпа и был достигнут огромным напряжением сил только благодаря помощи Советского государства. Назвав эти цифры, подводящие итоги озимой посевной кампании, В. И. Ленин сказал на IX съезде Советов: «Это, во всяком случае, показывает, что как ни дьявольски тяжелы были наши условия, а помощь крестьянству в деле расширения посевов и борьбы с голодом мы все-таки кое-какую оказали» [148].

Эта помощь и результаты, которые были достигнуты вопреки всем трудностям, позволили уже в течение первого года нэпа приступить к решению главной задачи — восстановлению сельского хозяйства и поднятию его производительных сил.

3.

В. И. Ленин и борьба за восстановление сельскохозяйственного производства. Значение решений IX съезда Советов для укрепления смычки с крестьянской экономикой

Сосредоточив свою энергию на вопросах преодоления голода и его последствий, В. И. Ленин никогда, даже в самые трудные месяцы 1921 г., не упускал из виду общих перспектив восстановления сельского хозяйства, его дальнейшего развития и подъема.

Уже в августе 1921 г. он дал поручение Г. М. Кржижановскому подготовить спешно краткий очерк мероприятий, намечавшихся в Госплане «по вопросу о хозяйственных работах, необходимых для подъема земледелия в пострадавших от голода губерниях» [149].

Вскоре, в декабре 1921 г. IX съезд Советов принял специальное постановление «О мерах по восстановлению сельского хозяйства в пострадавших от неурожая местностях».

Госплану совместно с Наркомземом предлагалось разработать программу восстановления и развития хозяйства этих губерний, разбив ее на несколько очередей, и подготовить сметы необходимых государственных затрат. Совнаркому поручалось принять все меры к привлечению для

[147] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 194—195.
[148] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 313—314.
[149] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 137.

выполнения этой программы восстановления необходимых средств из-за границы на основе займов или концессий [150].

Госплан с конца 1921 г. и в течение всего 1922 г. тщательно разрабатывал эту программу, и в письме к В. И. Ленину из Лондона в октябре 1922 г. Л. Б. Красин предлагал взять ее за основу и использовать во время переговоров с Англией о займе на восстановление хозяйства в пострадавших районах. Он писал также о желательности создания в Лондоне специального банка и сообщал, что проект декрета об организации такого банка был им передан в свое время в Наркомфин на отзыв [151].

Получив это письмо, В. И. Ленин в тот же день (22 октября 1922 г.) послал следующую записку в Наркомзем Н. Осинскому, пересылая ему письмо Красина: «Прочитав, перешлите, пожалуйста, *Альскому* (НКфин), чтобы и он прочел и вернул мне с отзывом. По-моему, надо: (1) ускорить банк; (2) НКзему усилить агитацию и выдвинуть *энергичнее* план Госплана. *Радио за границу. Ряд статей*» [152].

Борьба за ликвидацию последствий засухи с особой остротой поставила задачи общего повышения культуры сельскохозяйственного производства, распространения посевов засухоустойчивых культур и т. д. В этой связи Ленин и заинтересовался вопросом о пропаганде в период посевной кампании 1922 г. посевов таких культур, как кукуруза, фасоль и т. д. Прочитав докладную записку М. В. Фрунзе и Х. Г. Раковского о «дополнительных мерах по борьбе с неурожаем», в которой предлагалось «поручить Наркомзему поставить своей практической задачей распространение культуры кукурузы во всех губерниях России, где климатические условия это позволяют», Ленин писал секретарю СНК: «Направить в *СТО*. Размножить и разослать: НКЗ, НКпрод, ВСНХ и др.» [153]. 31 августа СТО заслушал доклад Госплана по этому вопросу и поручил Наркомзему срочно поставить практические опыты с посевами кукурузы [154].

17 октября 1921 г. в письме к Г. М. Кржижановскому, которое одновременно предназначалось «для всех членов СТО» и должно было быть пущено «вкруговую», чтобы «все прочли и расписались», В. И. Ленин опять обращал внимание на статьи в «Правде» о кукурузе, указывая, что заключение сельскохозяйственной секции Госплана от 13 сентября по этому вопросу недостаточно, и предлагал принять меры более быстрые и энергичные. Владимир Ильич особенно подчеркивал, что при посеве кукурузы семян «надо *в 10—15 раз* меньше обычного», и предлагал, принимая во внимание это решающее (при нехватке семян) соображение, «тотчас постановить, чтобы *все* количество кукурузы, необходимое для *полного* засева *всей яровой* площади во *всем* Поволжье, было закуплено своевременно для посева весной 1922-го года» [155].

В дальнейшем СТО на своем заседании 8 февраля 1922 г. обсуждал проект постановления об освобождении от продналога земли, занятой посевами кукурузы, в целях стимулирования разведения засухоустойчивых культур.

[150] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 214—215.
[151] См. «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 347—348.
[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 297.
[153] Там же, стр. 106.
[154] Там же, стр. 399, прим.
[155] Там же, стр. 274.

Совершенно исключительное значение Ленин всегда придавал снабжению сельского хозяйства новой техникой, сельскохозяйственными машинами и орудиями. Декрет Совнаркома от 1 апреля 1921 г. «О сельскохозяйственном машиностроении» поручал ВСНХ, руководствуясь указаниями Наркомзема, «разработать в срочном порядке генеральный план организации сельскохозяйственного машиностроения по принципу массового производства и специализации его». Сельскохозяйственное машиностроение признавалось делом «чрезвычайной государственной важности» [156].

Борьба Ленина за внедрение новой техники в сельское хозяйство, сначала хотя бы в целях пропаганды и в порядке опыта, чрезвычайно ярко проявилась в его отношении к заказу на производство первых электроплугов. Он следил за каждым шагом его выполнения, требовал постоянного внимания всех хозяйственных органов и обеспечения строительства электроплугов необходимыми денежными и материальными средствами, не жалея и ассигнований по золотому фонду. Вопрос об электроплугах только в 1921 г. около 20 раз обсуждался на заседаниях СТО.

Идея производства электропахотных орудий впервые возникла еще в 1919 г., когда группа электриков и агрономов предложила Наркомзему изготовить 50 комплектов электропахотных орудий с производительностью около 1 десятины в час. Сначала предполагалось при помощи электроплугов запахать под Петроградом 25 тыс. десятин, под Москвой — 40 тыс., главным образом огородной земли, чтобы улучшить снабжение рабочих обеих столиц овощами. В 1921 г. этот план был несколько изменен. Намечались государственные участки под электропахоту преимущественно на юго-востоке (Ростов, Самара, Грозный), а также под Петроградом и Москвой. Совнарком на заседании 3 декабря 1920 г. признал программу Наркомзема по производству электроплугов «Фаулер» ударно-боевой и поручил Наркомзему и ВСНХ изготовить к 1 сентября 1921 г. 20 комплектов электроплугов, остальные 30 комплектов — к 1 апреля 1922 г.

Заказ на электроплуги разместили на Брянском заводе, на бывш. заводе Ильина в Москве и на некоторых петроградских заводах. Первые комплекты электроплугов ожидали получить к началу сельскохозяйственной кампании 1921 г., затем эти сроки были перенесены еще на год — до марта 1922 г.

23 сентября 1921 г. был испытан первый опытный электроплуг на большом участке земли под Петроградом. Подробную информацию об испытании В. И. Ленин получил от энтузиаста этого дела, старого большевика, заведующего коммунальным отделом Петроградского губисполкома Л. М. Михайлова [157]. Ленин внимательно прочел его письмо и, сделав на нем ряд пометок [158], попросил Н. П. Горбунова связаться с автором письма, опубликовать его заметку в «Правде» и еще раз проверить «поделовитее, потщательнее», как идет дело с электроплугами [159].

[156] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, М., 1957, стр. 229.
[157] Письмо Л. М. Михайлова В. И. Ленину от 17 октября 1920 г. см.: «Письма трудящихся В. И. Ленину», М., 1960, стр. 202—203.
[158] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 110—111.
[159] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 220.

22 октября 1921 г. происходило испытание электроплуга на Бутырском хуторе под Москвой, на котором присутствовали В. И. Ленин, М. И. Калинин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова [160]. После испытания В. И. Ленин очень заинтересовался вопросом о рентабельности электропахоты, изучил заключение Госплана по этому вопросу, внес в него ряд поправок и подписал в качестве постановления СТО по докладу Г. М. Кржижановского 3 ноября 1921 г. [161]

Заказ на 20 комплектов электроплугов не был выполнен в срок. Владимир Ильич был этим крайне возмущен и требовал привлечения виновных к строгой судебной ответственности [162]. Ко второй половине сентября 1922 г. изготовили только 16 комплектов электроплугов (из 50 намеченных по плану).

В дальнейшем заказ на электроплуги был ликвидирован, но комиссия из представителей Наркомзема, РКИ, Главсельмаша и др., присутствовавшая на испытании электроплуга в совхозе «Ямские леса» под Богородском, приняла следующее решение: «Признается желательным продолжение работ по широкому изучению рациональной постановки электропахоты как на опытных электросовхозах, так и при учебных заведениях, с участием профессоров-специалистов: электротехников, агрономов и машиноведов, с ассигнованием достаточных сумм для этой цели» [163].

Все материалы СНК и СТО об электроплугах, переписка В. И. Ленина по этому вопросу [164] показывают, как настойчиво добивался Владимир Ильич, чтобы заказ на электроплуги был выполнен и можно было, хотя бы на небольшом опытном поле, продемонстрировать крестьянам преимущества и значение новой техники и электрификации для сельского хозяйства.

Ленин страстно мечтал о высокой культуре сельскохозяйственного производства, о внедрении научных основ агротехники в сельское хозяйство, об «обновленной земле», какой она должна была стать в условиях Советской власти.

Еще в канун Октябрьской революции, живя после возвращения в Петроград на квартире М. В. Фофановой, Владимир Ильич разыскал среди ее книг (М. В. Фофанова — агроном по образованию) и прочел книгу А. Гарвуда «Обновленная земля» — популярный и живой рассказ об успехах земледелия в Америке. Книга вышла в русском переводе в 1909 г. в сокращенном изложении и с предисловием К. А. Тимирязева. М. В. Фофанова вспоминала впоследствии, какое впечатление произвела на Ленина эта книга. «Я в вашей библиотеке откопал замечательную книжицу. Просто замечательную, — говорил он ей. — Вот как только возьмем власть, обязательно переиздадим ее. С этой книжкой должен ознакомиться каждый работающий в сельском хозяйстве, в особенности должны уяснить ее мысли и доводы руководители деревни и ученые в сельском хозяйстве, в естествознании» [165]. Действительно, по инициативе В. И. Ле-

[160] В. К. Тупиков. На испытаниях электроплуга. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2. М., 1957, стр. 636—637.
[161] «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 36.
[162] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 71, 88—89.
[163] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 349, л. 106.
[164] Публикацию документов «В. И. Ленин и создание электроплугов» см.: «Исторический архив», 1956, № 4.
[165] М. Фофанова. Четыре книги. — «Ленин и книга». М., 1964, стр. 367—368.

нина книга А. Гарвуда была переиздана Госиздатом в 1919 г.[166], а затем в 1922, 1924 и 1925 гг.[167] У В. И. Ленина на столе в кремлевском кабинете, как рассказывала М. В. Фофанова, «всегда лежала стопка „Обновленной земли". Приходящих к нему, в особенности руководителей деревни, он знакомил с книжкой и предлагал распространять ее...» [168]

Что же так привлекало Владимира Ильича в этой книге, вышедшей в свет еще в начале XX в.? Прежде всего, видимо, рассказ о достижениях сельскохозяйственной науки, о том, что может дать «обновленная земля», если обрабатывать ее с применением последних данных науки и техники. Одна из глав книги была специально посвящена работе опытных станций в сельском хозяйстве, связи их с научными учреждениями и значению помощи государства этим станциям.

Вопрос об опытных станциях и постановке опытного дела особенно заинтересовал Ленина. По его инициативе была создана в Тульской губернии опытная станция, так называемая «Госсемкультура» (Шатиловский овсяной трест). В июне 1921 г. был принят декрет Совнаркома «О семеноводстве», в котором расширение государственных мероприятий в этой области признавалось «одним из важнейших способов укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства, особенно в наступивший засушливый период».

Декрет предлагал «приступить немедленно к организации массового размножения и распространения в Республике чистосортных семян, а потому организацию семеноводства в Республике признать первостепенным заданием Народного Комиссариата земледелия» [169].

В феврале 1922 г., в письме для членов Политбюро ЦК, В. И. Ленин, узнав об аннулировании кредитов Шатиловскому овсяному тресту, предлагал вновь поставить вопрос на Политбюро и добавлял: «Я не сколько интересовался этим делом и должен сказать, что по моим сведениям это исключительно важное дело, которое должно быть поддержано в виде изъятия во что бы то ни стало» [170].

Во время тяжелой болезни летом 1922 г. Владимир Ильич попросил М. И. Ульянову передать Н. П. Горбунову, бывшему тогда в командировке за границей, поручение собрать и привезти все материалы, касающиеся «обновленной земли». Н. П. Горбунов не мог понять сути поручения В. И. Ленина, так как не знал о книге А. Гарвуда. «Впоследствии, по моем возвращении в Москву, — писал он, — Владимир Ильич, уже лежа в постели, неоднократно возвращался к вопросу об „обновленной земле" и ругал нашу косность и бюрократизм, благодаря которым люди не желают или не умеют видеть вперед. „Что-то не видать у нас „обновленной земли", — говорил Владимир Ильич. — Узнайте в Наркомземе, сколько вагонов усовершенствованных семян привезли из-за границы"» [171].

[166] А. Гарвуд. Обновленная земля. Сказание о победах современного земледелия в Америке. В сокращенном изложении К. А. Тимирязева. М., 1919.
[167] Текст книги А. Гарвуда вошел также в 10-й том Сочинений К. А. Тимирязева (М., 1940).
[168] М. Фофанова. Указ. статья, стр. 368.
[169] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 242.
[170] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 395.
[171] Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич. Сборник статей и воспоминаний. М., 1933, стр. 37—38.

Н. П. Горбунов вспоминал также, как заинтересовали В. И. Ленина работы И. В. Мичурина, делающего чудеса в своем питомнике в Козловском уезде Тамбовской губернии. «Образцы выведенных Мичуриным новых изумительных растений были присланы в Москву и должны были быть к весне посажены в Горках, чтобы Владимир Ильич мог лично удостовериться в достижениях русской сельскохозяйственной науки. По почину и с благословения Владимира Ильича было начато и другое дело огромной практической важности — по сельскохозяйственной микробиологии (разведению и распространению особых нитрофицирующих бактерий, на много процентов улучшающих почву и урожай). Эту работу организовал проф. Омелянский и собравшаяся вокруг него группа единственных знатоков этого дела» [172].

Когда В. И. Ленин в октябре 1922 г. после выздоровления вернулся к работе в Совнаркоме, он опять уделил большое внимание работе Шатиловского треста. Получив 14 октября 1922 г. письмо Н. Осинского [173] с просьбой о помощи Шатиловскому тресту, который лишили кредитов и перевели на хозрасчет, В. И. Ленин поручил Н. П. Горбунову переслать это письмо в Наркомзем И. А. Теодоровичу для немедленного принятия мер [174]. Несколько позднее (4 ноября 1922 г.) Ленин сам написал в Финкомитет письмо следующего содержания: «Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу пересмотреть решение междуведомственного совещания, с тем чтобы удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры» [175]. Владимир Ильич добивался также, чтобы советская печать широко пропагандировала опыт работы селекционных станций. В письме к журналисту Л. Сосновскому от 25 октября 1922 г. Ленин просил его «ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в „Правду“ о значении этих работ вообще и о работе Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности... Предварительно рекомендую Вам познакомиться с книжкой, вышедшей у нас в переводе Тимирязева, „Обновленная земля“» [176].

Так, В. И. Ленин вновь и вновь возвращался к книге А. Гарвуда, неизменно связывая свой интерес к ней с задачами развития сельскохозяйственной науки, всячески добиваясь, чтобы советские ученые и опытные станции помогли в борьбе за действительное «обновление земли» в Советской России, используя американский опыт, но идя по новому пути, который открывался перед ними Советской властью и огромными возможностями нового социального строя.

Наряду с опытными станциями большая поддержка оказывалась тем первым росткам общественного хозяйства, которые возникли в деревне.

[172] Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич, стр. 37—38.
[173] Заместитель наркома земледелия Н. Осинский находился в это время в командировке за границей.
[174] Письма Н. Осинского В. И. Ленину и Н. П. Горбунова И. А. Теодоровичу см.: «Исторический архив», 1962, № 1.
[175] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 307.
[176] Там же, стр. 300—301.

Ленинский «Наказ от СТО» предусматривал получение регулярных сведений о совхозах и всех видах коллективных хозяйств (коммуны, артели, товарищества) в отчетах экономсовещаний, направляемых в СТО [177].

Особенно большое значение Ленин придавал в это время (когда колхозы были еще слабы и малорентабельны) работе совхозов, приписанных к промышленным предприятиям. К лету 1921 г. Главземхоз (Главное управление земледельческими хозяйствами промышленных предприятий) объединял свыше 1000 совхозов. 18 сентября 1921 г. в Москве была организована выставка Главземхоза, в которой приняли участие совхозы Московской, Рязанской, Тульской, Смоленской и Калужской губерний. На выставке экспонировались зерновые и огородные культуры, продукты животноводства, птицеводства, сельскохозяйственные орудия и т. д.

Прочитав в газетах об успехах выставки (за неделю ее посетило свыше 100 тыс. человек), Ленин тотчас, в письме от 26 сентября, поручил Н. П. Горбунову собрать подробные дополнительные сведения о деятельности Главземхоза [178]. Через три дня (29 сентября) он писал Горбунову, что, по полученным сведениям, образцовая работа ряда совхозов Главземхоза выяснена и доказана. «Принципиальное значение этого успешного строительства действительно пролетарского земледелия огромно, — говорилось в ленинском письме. — Практическое не менее, если *не более* велико». Поэтому Ленин предлагал в самом срочном порядке провести вопрос об ассигнованиях Главземхозу через Малый СНК и поставить его в повестку дня ближайшего заседания СТО [179].

Горячо поддержал Владимир Ильич проект проведения мелиоративных работ в совхозах Московской губернии, и СТО 30 сентября 1921 г. по докладу начальника Главземхоза Т. А. Рунова постановил отпустить денежные средства и выделить тракторы для механизации этих работ [180].

В 1921 и 1922 гг. Совет Труда и Обороны по указаниям В. И. Ленина уделял большое внимание организации мелиоративных работ на Мугани для развития хлопководства в Азербайджане и Армении. 23 сентября 1921 г. на заседании СТО под председательством Ленина был заслушан доклад Г. К. Орджоникидзе об орошении Муганской степи и принято решение направить вопрос на рассмотрение в Госплан [181]. Через неделю, 30 сентября, по докладу Госплана СТО наметил первоочередные работы по орошению Мугани. Было предложено привлечь к этому делу местное население, отпущено 800 тыс. руб. золотом для производства работ, а ответственность по наблюдению за работами возложена на Кавбюро ЦК и на Г. К. Орджоникидзе персонально [182]. 3 октября Совнарком подтвердил это решение, а 21 октября СТО по предложению В. И. Ленина дополнительно указал, что выдача материалов и средств для Муганского строительства «должна быть производима как ссуда Азербайджанской Советской республике независимо от смет российских ведомств» [183].

В тот же день, очевидно, после заседания СТО, В. И. Ленин писал В. А. Смольянинову: «Надо двинуть посильнее вопрос о *хлопке* на Кав-

[177] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 282.
[178] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 215—216.
[179] См. там же, стр. 224.
[180] См. там же, стр. 238—239; т. 54, стр. 208.
[181] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 252, л. 7.
[182] Там же, ед. хр. 254, лл. 4, 215, 221.
[183] Там же, ед. хр. 260, л. 2.

казе, в Азербайджане (Муганская степь) и в Армении», а в заключение поручал проследить, чтобы «Госбанк дал ссуду *побольше* и повыгоднее» [184].

В сентябре 1922 г. Президиум Госплана заслушал доклад о результатах работ по мелиорации Мугани и отметил, что орошаемые земли составляют около 100 тыс. десятин. Одновременно Госплан поставил перед СТО вопрос о необходимости переброски на Мугань 10 тракторов для ускорения работ [185]. Согласно заключению Госплана на заседании СТО 4 октября 1922 г. было решено ассигновать средства из валютного фонда на организацию тракторного хозяйства на Мугани для развития хлопководства, а на заседаниях СНК и СТО в октябре—ноябре 1922 г., последних заседаниях, на которых председательствовал Ленин, были намечены меры, обеспечившие действительную поддержку этого большого дела [186].

К весне 1923 г. Мугань получила необходимые машины, и зимой 1922/23 г., как рассказывал один из работников Наркомзема В. З. Есин в своих воспоминаниях, «набрали 250—270 добровольцев, в основном молодежи, и направили их на Мугань поднимать целину. Весной 1923 г. было уже поднято 5000 гектаров целины. Так по заданию В. И. Ленина молодежь Москвы, Ростова-на-Дону и других городов положила начало освоению целинных земель и организации интенсивного сельскохозяйственного производства» [187].

Мы привели здесь только отдельные примеры тех задач перспективного развития сельского хозяйства, которые выдвигал В. И. Ленин в самые трудные годы — 1921 и 1922. Электрификация и мелиорация, новая техника и сельскохозяйственное машиностроение, тракторы и электроплуги, семеноводство и опытное дело, работа совхозов, развитие сельскохозяйственной науки и пропаганда сельскохозяйственных знаний — все это и многое другое находилось постоянно в поле его зрения, и первые опыты, первые начинания в этом направлении имели неоценимое значение для подъема производительных сил сельского хозяйства в последующие годы.

Вопросы большой перспективы органически сочетались у Ленина с разрешением важнейших практических задач сегодняшнего дня и повседневной борьбой за восстановление сельского хозяйства, облегчение положения крестьянства, укрепление экономической смычки с крестьянским хозяйством на рельсах новой экономической политики. Громадную роль в этом отношении сыграл IX съезд Советов (23—28 декабря 1921 г.) и его решения.

Вскоре после окончания съезда, 27 января 1922 г., в «Правде» была опубликована статья «IX съезд Советов и крестьянство» за подписью «Беспартийный». В статье приводилась следующая оценка съезда, выска-

[184] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 289.
[185] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 87, лл. 151 об.—154.
[186] На заседании СНК 31 октября 1922 г. под председательством Ленина было принято решение «об отпуске ссуды Армении на работы по развитию хлопкового хозяйства». Средства отпускались, в частности, на закупку тракторов и приобретение рабочего скота. На заседании СТО 17 ноября 1922 г., где тоже председательствовал Ленин, было решено передать 10 тракторов Управлению мелиоративных работ на Мугани (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 367, л. 2).
[187] В. З. Есин. В. И. Ленин об электрификации. — «О Владимире Ильиче Ленине». М., 1963, стр. 514—515.

**В. И. Ленин на испытании
первого советского электроплуга
в учебно-опытном хозяйстве
Московского высшего зоотехнического института.
22 октября 1921 г.**

занная одним его делегатом: «Вот это съезд! — сказал на заседании сельскохозяйственной секции один пожилой крестьянин — представитель дальней губернии. — Когда я приехал с 8-го съезда и на вопрос односельчан, что я нового привез, ответил: „посевкомы“, меня чуть из деревни не выгнали, а вот теперь еду с радостью домой: нечего сказать, есть чем похвалиться».

Автор статьи предлагал организовать немедленно самую широкую пропаганду решений IX съезда Советов среди крестьян не только в печати, но и путем созыва деревенских сходов, собраний, посылки людей в деревню для разъяснительной работы, ибо в этом деле медлить — значит опоздать.

Прочтя статью «Беспартийного», Ленин в тот же день, 27 января, послал следующие предложения в Политбюро ЦК: «Думаю, что „Беспартийный“ в сегодняшнем номере „Правды“ развивает вполне правильный и своевременный план.

Предлагаю создать комиссию для его немедленной разработки и быстрейшего проведения, примерно, в следующем составе: Молотов (с правом замены кем-либо другим по назначению Секретариата ЦК или Оргбюро), затем Яковенко, Теодорович и этот самый „Беспартийный“» [188].

Чем же объяснялось то большое удовлетворение крестьян решениями IX съезда Советов, о котором писал в своей статье «Беспартийный»? Прежде всего тем, что в этих решениях были определены совершенно конкретные мероприятия как в области земельной политики, так и дальнейшего совершенствования налоговой политики.

«Признавая, — говорилось в постановлении съезда „О мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства“, — что особенно важным для развития крестьянского хозяйства является создание правильного, устойчивого, приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям пользования землей, незыблемо оставшейся в собственности государства трудящихся, Всероссийский Съезд Советов считает необходимым особое внимание обратить на упорядочение земельных отношений на основе свободного выбора форм землепользования самим крестьянством и всемерного усиления работ по землеустройству» [189].

Первый шаг в этом направлении был сделан, как уже указывалось, постановлением мартовской сессии ВЦИК 1921 г. «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землей» (см. гл. IV). Но если это постановление запрещало только частые и беспорядочные переделы земли внутри общины, то решение IX съезда Советов устанавливало право свободного выбора любой формы землепользования — товарищеской, общинной, отрубной, хуторской или смешанной и право выхода из общества с землею во время общих переделов «любому его члену и любой группе, а вне общих переделов и меньшинству членов общины...» [190]

Съезд принципиально решил вопрос о разрешении аренды и права найма рабочей силы в крестьянских хозяйствах, подчеркнув только, что проведение этих мер должно исходить исключительно «из удовлетворения хозяйственно-бытовых потребностей трудового крестьянского хозяйства,

[188] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 373.
[189] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 207.
[190] Там же, стр. 207—208.

исключить всякую возможность закабаления одного хозяина другим и не допустить никаких отступлений от незыблемой основы земельного законодательства Рабоче-крестьянской Республики — государственной собственности на землю» [191].

Съезд поставил также задачи организации долгосрочного сельскохозяйственного кредита, усиления снабжения деревни сельскохозяйственными орудиями, развития сельскохозяйственного образования, поощрения хозяйств, переходящих к более усовершенствованным методам работы (травосеяние, льноводство, улучшенное животноводство). Намечались меры по укреплению и развитию пролетарского земледелия, сельскохозяйственной кооперации, подготовке к посевной кампании 1922 г.

Провозгласив обширную программу деятельности в области сельского хозяйства, съезд поручил ВЦИК и Народному комиссариату земледелия подготовить необходимые законопроекты и срочно пересмотреть действующее земельное законодательство «в целях полного согласования его с основами новой экономической политики и превращения его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле...» [192].

Во исполнение этого поручения съезда третья сессия ВЦИК девятого созыва приняла 22 мая 1922 г. важнейший закон «О трудовом землепользовании», устанавливающий порядок землепользования, права земельных обществ, правила выхода из общины, условия трудовой аренды земли и наемного труда в земледельческих хозяйствах и укрепления трудового землепользования и землеустройства [193].

Этот закон почти без изменений был потом включен в Земельный кодекс РСФСР, принятый четвертой сессией ВЦИК 22 октября 1922 г.

В своей речи на сессии Ленин напомнил, что начиная со знаменитого декрета о земле 26 октября 1917 г. в течение всех пяти лет Советской власти «мы своих забот о том, чтобы крестьянин получил наибольшее удовлетворение от земли, не оставляли» [194]. «Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного большинства населения, — крестьянского населения, — говорил он далее, — для нас вопрос коренной. В этом отношении мы уже добились того, что русский крестьянин знает, что всякое предложение, касающееся изменения старых законов, встретит у нас всегда не тормоз, а поддержку и самое благожелательное отношение в высшем законодательном нашем учреждении» [195].

Решения IX съезда Советов действительно убеждали крестьян, что Советская власть идет им навстречу и дает возможность получить «наибольшее удовлетворение от земли».

Как внимательно учитывались и буквально «улавливались» пожелания крестьян, чрезвычайно убедительно показывает совещание беспартийных крестьян делегатов IX съезда Советов, которое происходило 26 декабря 1921 г. во время его работы. На совещании присутствовало 109 беспартийных делегатов, оно было посвящено обсуждению доклада Наркомтруда о гужналоге и земельному вопросу. В. И. Ленин и М. И. Ка-

[191] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях», стр. 208.
[192] Там же, стр. 209.
[193] СУ, 1922, № 36, ст. 426.
[194] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 247.
[195] Там же, стр. 248.

линин участвовали в работе совещания, а Владимир Ильич вел, как и на VIII съезде Советов, подробную запись выступлений делегатов [196].

В 1962 г. была впервые опубликована стенограмма совещания [197], и это позволяет сейчас, сопоставляя стенограмму с ленинской записью, проследить, как внимательно Ленин записывал все жалобы и предложения, как он выбирал из речей крестьян самое главное, самое важное. Тут и жалобы на тяжесть гужевого налога, вопросы землеустройства, свободного выбора форм землепользования, предложения об улучшении форм взимания налога, о мерах по сохранению лесов, о необходимости разрешения аренды земли, ликвидации чересполосицы, проведения мелиорации, вопросы работы земотделов, посевкомов и т. д.

В ленинской записи большое внимание было уделено, в частности, выступлению члена ВЦИК — крестьянина Тверской губернии И. А. Петрушкина, который внес предложение о ликвидации посевкомов и укреплении роли сельсоветов как основных органов власти и экономического руководства в деревне [198]. Вскоре, как этого и требовала жизнь, был опубликован декрет от 30 января 1922 г. о роспуске посевкомов.

В своем первом выступлении на совещании беспартийных делегатов съезда Ленин говорил: «Мое дело здесь, как я понимаю, больше слушать и записывать... Я стараюсь записывать, из какой губернии, из какого уезда, на что больше жалуются» [199]. Он обещал, что все указания, просьбы, жалобы будут переданы в соответствующие наркоматы и местные учреждения для принятия необходимых мер. Но самое важное, подчеркнул он, чтобы «в ЦИК было больше товарищей из беспартийных крестьян, к которым, в случае если жалоба не доходит до назначения, можно было бы обратиться, и они сами здесь, на заседании ЦИК, поднимут этот вопрос и потребуют расследования неправильностей. Эти меры во всяком случае на настоящем съезде проведены будут. Число членов ЦИК от беспартийных крестьян, как мне сообщают все товарищи, участвующие на съезде, несомненно, будет увеличено» [200].

IX съезд Советов определил новые задачи в области не только земельной, но и налоговой политики. Принимая во внимание глубокое влияние, оказываемое натуральным налогом на развитие сельского хозяйства, съезд указал на необходимость дальнейшего усовершенствования форм и порядка взимания налога. ВЦИК было поручено до начала весенних полевых работ обобщить накопившийся опыт и провести пересмотр существующего законодательства в направлении упрощения, объединения и сокращения числа мелких налогов, а также возможного облегчения для крестьянства государственных повинностей, упорядочения их взимания [201].

Отдельные недостатки налогового законодательства (прежде всего множественность натуральных налогов) Ленин отмечал уже вскоре после принятия декрета о натурналоге. Об этом убедительно свидетельствовали

[196] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 292—298.
[197] «Исторический архив», 1962, № 2, стр. 59—79.
[198] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 298.
[199] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 350.
[200] Там же, стр. 332—333. Очевидно, эти предложения о расширении состава ВЦИК за счет, в частности, беспартийных крестьян Ленин развил в дальнейшем в письме в Политбюро ЦК от 23 мая 1922 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 203).
[201] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 211.

его пометки и замечания на докладе секретаря Харьковского губкома о применении налога на Украине, сделанные 17 апреля 1921 г., т. е. через месяц после X съезда партии [202].

Но устранить сразу же множественность натуральных налогов (в 1921 г. насчитывалось 13 натуральных налогов, взимаемых почти двадцатью видами продуктов) было невозможно. Только в условиях, когда первая продналоговая кампания подходила к своему завершению, стало реальным совершенствование налоговой политики. В конце 1921—начале 1922 г., сразу же после IX съезда Советов, начал готовиться новый декрет о едином натуральном налоге. Проекты декрета обсуждались на заседаниях Политбюро и Совнаркома в феврале 1922 г., а 17 марта, накануне посевной кампании, он был принят и утвержден ВЦИК. Декрет «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922—1923 гг.» [203] устанавливал, что взамен существовавших в 1921/1922 гг. натуральных налогов вводится *единый* натуральный налог, который исчисляется с каждого крестьянского двора в единой весовой мере — в пудах ржи или пшеницы, причем плательщикам предоставлялось право замены одного продукта другим. Общая сумма единого натурального налога по РСФСР определялась в 340 млн. пудов взамен общей суммы всех натуральных налогов на 1921 г., составлявшей в совокупности 380 млн. пудов.

В декрете устанавливались специальные льготы для членов семей красноармейцев, а также для крестьян в районах, захваченных засухой и неурожаем 1921 г.

XI съезд РКП(б) в своем постановлении «О работе в деревне» признал необходимым поставить декрет 17 марта на дополнительное обсуждение ближайшей сессии ВЦИК «в целях общего его усовершенствования и особенно облегчения бремени, падающего на беднейшее крестьянство» [204].

Третья сессия ВЦИК девятого созыва 25 мая 1922 г. по докладу Наркомпрода окончательно утвердила декрет о едином натуральном налоге и для облегчения налогового бремени установила дополнительные льготы налогоплательщикам, выполняющим свои обязательства в намеченные сроки, а также тем сельским обществам, которые осуществляли коренные земельные улучшения (в частности оросительные и мелиоративные работы) [205].

Во время подготовки и обсуждения декрета, как и при проведении всех новых мероприятий Советского государства в области аграрной политики, имела место попытка со стороны некоторых буржуазных идеологов, старых специалистов в области сельскохозяйственной науки (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, Н. П. Огановский и др.) добиться дальнейших уступок не трудовому крестьянству, а прежде всего кулацкой верхушке деревни. Показательны в этом отношении статьи А. Л. Вайнштейна и Н. П. Огановского, опубликованные в газете «Сельскохозяйственная жизнь» 6 мая 1922 г., т. е. незадолго до сессии ВЦИК, утвердившей декрет о натурналоге.

[202] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 75—78.
[203] СУ, 1922, № 25, ст. 284.
[204] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 619.
[205] СУ, 1922, № 36, ст. 429.

В этих статьях, а также в передовой газеты за 5 мая, декрет подвергся довольно резкой критике; точка зрения Наркомпрода противопоставлялась якобы более либеральной линии Наркомзема; выдвигалось предложение о необходимости обязательного уменьшения общей суммы налога до 170—180 млн. пуд. и т. д. Н. П. Огановский в статье под названием «„Десница и шуйца“ (системы натурналога)» доказывал, что объектом обложения следует сделать только землю, не учитывая наличия скота в хозяйстве. Автор заботился только об одном, чтобы налог не отразился «губительно», как он писал, «на многосеющих и многоскотных хозяйствах», а отсюда вытекали его критика принципа прогрессивности обложения и предложение о целесообразности «отбросить всякие различия в обложении по группам», т. е. снять льготы для бедноты и соответственно уменьшить нормы налога для кулачества.

Понятно, что эти статьи вызвали самый решительный протест со стороны В. И. Ленина. В письме в Наркомзем Н. Осинскому от 16 мая 1922 г. он предлагал: «По-моему, надо сместить редактора „Сельскохозяйственной Жизни“, а Вайнштейна и Огановского взять под особый надзор. Таков мой вывод после прочтения „Сельскохозяйственной Жизни“ № 34 (75). Покажите это письмо строго секретно тт. Яковенко и Теодоровичу (последний сугубо виновен) и верните мне с добавлением сведений о редакторе А. Н. Моросанове (?) и двух других поподробнее. Их стаж и т. п. поподробнее. Вероятно, это правые эсеры, жертвой которых вы трое „пали“.

Какие меры вы трое принимаете, чтобы это не могло повториться?» [206]

Политическая квалификация статей здесь дана совершенно ясно и прямо — ленинская непримиримость к буржуазно-эсеровским и эсеро-меньшевистским попыткам искажения сущности нэпа общеизвестна. Незадолго до этого письма он говорил о подобных попытках в докладе на XI съезде партии, а еще раньше (в феврале 1922 г.) в статье «Заметки публициста» [207].

До сих пор, рассматривая мероприятия в области сельского хозяйства, намеченные IX съездом Советов, мы останавливались преимущественно на одной стороне вопроса — удовлетворении интересов крестьян как мелких товаропроизводителей. Эти интересы обеспечивались в основном решениями в области аграрной и налоговой политики. Но одновременно IX съезд Советов принял и ряд других чрезвычайно важных решений, в частности по вопросам регулирования торговли и денежного обращения, о задачах дальнейшего развития сельскохозяйственной кооперации и ее значении в условиях новой экономической политики. Эти постановления показывали, что, трезво учитывая необходимость создания условий для подъема мелкого крестьянского хозяйства, Советская власть неизменно руководствуется задачей не увековечения мелкой собственности, а наоборот, ее основная цель заключается в постепенном создании базы для социалистического преобразования сельского хозяйства в последующие годы.

Значение IX съезда Советов как в решении очередных задач восстановления сельского хозяйства, так и в определении его перспектив

[206] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 262.
[207] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 415—423.

образно и убедительно раскрывается в рассказе крестьянина Костромской губернии И. Г. Гаврилова [208] об обмене репликами с В. И. Лениным во время совещания делегатов-крестьян 26 декабря 1921 г.

Воспользовавшись некоторым затишьем в ходе совещания, И. Г. Гаврилов, обращаясь к М. И. Калинину, сказал: «Уж больно ласково вы с нами обращаетесь, — не думаете ли и нас сделать коммунистами?». М. И. Калинин, очевидно, не расслышал этих слов, но В. И. Ленин, повернувшись в сторону Гаврилова, ответил ему: «Не делайся, отец, не делайся коммунистом! Мы все время чистим партию от деланных коммунистов... Довольно и того, что являетесь все понимающими нас честными гражданами, а это вполне достаточно для того, чтобы строить новую жизнь». Получив такой ответ, И. Г. Гаврилов откровенно признался, что «в деревнях еще долго не освоятся с новым укладом жизни и крестьяне ждут впереди чего-то еще худшего».

«Все обойдется, отец, — успокоил его Владимир Ильич. — Вы, наверное, сами-то уже понимаете, что мы основательно спустились к вам со своих высот, именно в этом году. Теперь очередь за вами подтянуться к нам, — смотришь, через пяток годов все и наладится» [209].

Конечно, здесь слова Ленина приведены в передаче, однако многое убеждает, что их общий смысл передан правильно.

Ленинское руководство, обеспечивая действительное укрепление смычки с крестьянской экономикой, в то же время подтягивало, поднимало крестьянство до уровня общих задач пролетарского государства, открывало перед ним великие перспективы будущего подъема и процветания. Уже в первые, самые трудные годы мирного социалистического строительства, новая экономическая политика дала свои результаты, и В. И. Ленин смог увидеть плоды этой политики в деле восстановления как промышленности, так и сельского хозяйства.

[208] И. Г. Гаврилов, делегат IX съезда Советов, был избран на съезде членом ВЦИК. В дальнейшем он являлся членом крестьянской коллегии газеты «Беднота» и в феврале 1924 г. принимал участие в работе I съезда крестьянских корреспондентов «Бедноты».

[209] И. Г. Гаврилов. Как я узнал Владимира Ильича. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 642.

Глава девятая

«ЭКЗАМЕН СОРЕВНОВАНИЯ С ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ»

1.

Ленинский лозунг «учиться торговать». Новые задачи финансовой политики. Перестройка кооперации и ленинский кооперативный план

В своей известной статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма», опубликованной в «Правде» в дни четвертой годовщины Октябрьской революции (6—7 ноября 1921 г.), В. И. Ленин писал: «Торговля — вот то „звено" в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, *„за которое надо всеми силами ухватиться"* нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы *теперь* за это звено достаточно крепко „ухватимся", мы *всей* цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка» [1].

«Коммунизм и торговля?!» — спрашивал он далее. На первый взгляд может показаться, что эти понятия далеки друг от друга, мало связаны между собой, даже противоположны. Но на самом деле, «если поразмыслить *экономически*», именно оживление внутренней *торговли* «при ее правильном государственном регулировании (направлении)» [2] является тем основным звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь и решить основные задачи социалистического строительства в переходный период.

Овладение торговлей, ее государственное регулирование, регулирование рынка и рыночной стихии — в этом заключалась в тех условиях основная экономическая задача социалистического государства. Отсюда и вытекал ленинский лозунг — «учиться торговать», обращенный непосредственно к кадрам партии и Советского государства.

«Государство должно научиться торговать» [3] так, чтобы удовлетворить крестьянство, коммунисты должны «научиться торговать», неустанно повторял он.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 225.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 168.

Особенно подробно Владимир Ильич остановился на этом вопросе в докладе на XI съезде партии. Он указывал, что новая экономическая политика является применением приемов торговых, приемов капиталистических, но суть дела не в форме, а в содержании, в том, что на деле идет практическое соревнование способов капиталистических и способов наших — социалистических [4]. Выдержать экзамен в этом соревновании, правильно его поставить, показать, что «мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством» [5], не хуже их умеем хозяйничать — это абсолютно неотложная и очень трудная задача. Ленин напоминал, что соревнование будет серьезное и решающее, что экзамен, который устроит русский и международный рынок, связан с большими опасностями и именно здесь предстоит «последний и решительный бой» с русским капитализмом. «Либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал» [6], — таков был решающий ленинский вывод. Развивая эту мысль, Ленин в том же докладе на XI съезде партии еще раз со всей категоричностью определил характер и значение соревнования: «Это не есть соревнование, это есть отчаянная, бешеная, если не последняя, то близкая к тому, борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом» [7].

Ориентируя партию на необходимость приготовиться к трудной и ожесточенной борьбе с частным капиталом на почве рынка и исходя из его законов, Ленин призывал коммунистов «учиться хозяйничать», предупреждая, что учение будет «чрезвычайно свирепое» [8], ибо только в ходе этой борьбы-соревнования может быть решен основной вопрос — «чья возьмет?», «кто — кого» — в пользу социализма.

Вскоре после перехода к денежной торговле в постановлении XI партконференции (декабрь 1921 г.) было записано, что основной задачей партии в данный момент в области хозяйства «является руководство хозяйственной работой Советской власти в том направлении, чтобы, исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения» [9].

Эти систематические, строго обдуманные и построенные на точном учете процесса рынка экономические мероприятия были разработаны В. И. Лениным и под его руководством настойчиво внедрялись в практику хозяйственной работы. В. И. Ленин в своих трудах и выступлениях 1921—1922 гг. по существу впервые в марксистской литературе поставил вопрос о торговле в условиях социалистического государства не только как о неизбежном атрибуте *частного* товарного производства, а выдвинул задачу постепенного ее превращения путем длительной и трудной экономической борьбы в составную часть социалистического сектора народного хозяйства.

[4] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 78.
[5] Там же, стр. 81.
[6] Там же, стр. 83.
[7] Там же, стр. 95.
[8] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 323.
[9] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 588.

Следя повседневно за работой хозяйственных наркоматов, Владимир Ильич в своих указаниях ВСНХ, Наркомфину, Госбанку и другим ведомствам наметил широкую программу их деятельности в области торговли, чтобы обеспечить постепенно первенствующее положение в ней социалистического сектора и сделать развитие торговых операций в Советской России, как было записано в резолюции XI съезда РКП(б), *«методом социалистического строительства»* [10].

В докладе на съезде Ленин говорил, что для победы в соревновании с частным капиталом налицо все условия: политическая власть в руках рабочего класса и командные высоты в экономике — все есть «кроме уменья. Уменья нет» [11]. Этому уменью и надо было научиться. Ленин внимательно искал и буквально персонально отбирал таких коммунистов, которые умеют торговать и смогут научить этому других.

«Я знаю только двух коммунистов, показавших уменье в торговле» [12], — писал он в письме к В. М. Молотову 17 января 1922 г., тут же называя фамилии заведующего ГУМом (Государственным универсальным магазином в Москве, незадолго до этого открытым) А. А. Белова и старого большевика С. В. Малышева — организатора Ирбитской и Нижегородской ярмарок, а затем председателя Всесоюзной торговой палаты.

11 февраля 1922 г. В. И. Ленин в письме к Г. Я. Сокольникову вновь напоминал: «Отзывы о Белове у меня наилучшие и с партийной стороны и с *коммерческой*. По-моему, если мы *таких* „своих" коммерсантов не поддержим, тогда все — слова и слова» [13]. Через несколько дней (20 февраля 1922 г.) в письме к А. Д. Цюрупе, подчеркивая особую роль Госбанка в организации торговли, Владимир Ильич повторял: «...1—2 дюжины *людей* в Госбанке, *умеющих* (и других учащих) торговать. В этом гвоздь всего...» [14] Эти ленинские советы и напоминания звучат почти в каждом из его писем в Наркомфин, Госбанк, Центросоюз, написанных в канун XI съезда партии, — в январе—феврале 1922 г.

«Вся соль теперь в практиках и в практике. Найти людей-*деляг* (1 из 100; 1 из 1000 коммунистов, и то еще дай бог)» [15], — говорилось в ленинском письме в Наркомфин 22 февраля 1922 г. Сурово и твердо Владимир Ильич ставил перед Госбанком и его председателем А. Л. Шейнманом задачу: «Либо искать и *медленно* находить (сто раз испытывая и проверяя) людей, способных от имени Госбанка ставить торговлю, проверять торговлю, поощрять дельных торговцев, *закрывать* якобы торговые, на деле же бюрократически-коммунистические торговые и фабричные „потемкинские деревни", — либо весь Госбанк и вся его работа = нуль, хуже нуля, самообольщение новой бюрократической погремушкой» [16].

В организации торговли, в подборе людей для торговли В. И. Ленин особо выделял роль Наркомфина и Госбанка. Десятки раз в своих письмах Г. Я. Сокольникову в январе и феврале 1922 г. он писал: «Разви-

[10] Там же, стр. 628 (Курсив мой — *Э. Г.*).
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 84.
[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 362.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 159.
[14] Там же, стр. 173—174.
[15] Там же, стр. 180.
[16] Там же, стр. 189.

тие торговли, постановка торгового отдела Госбанка так, чтобы он не спал, а двигал *всю* торговлю, — вот главное» [17]. Следить за трестами, чтобы они могли «деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы», должен не только ВСНХ, но еще больше Наркомфин через Госбанк и через специальных инспекторов, добиваясь установления действительного контроля и проверки торговой деятельности трестов [18]. Ленин указывал также, что на $^{99}/_{100}$ следует оценивать успех работы всего Наркомфина «*развитием государственной торговли и торгового отдела Госбанка*... Остальное — $^{1}/_{100}$» [19].

Весь гвоздь «в торговле и ее захвате Госбанком» [20], писал он в письмах к А. Д. Цюрупе в феврале 1922 г. В этих письмах Ленин вспоминал, что когда он писал книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма», ему приходилось читать о *двух* системах Госбанка и банков вообще в капиталистических странах. «Одна из систем — большая близость Госбанка к *торговле*». Предлагая засадить за изучение этого вопроса нескольких специалистов — «финученых», Владимир Ильич еще раз подчеркнул: «Нам нужен Госбанк во сто раз более близкий к торговле, чем самый торговый из госбанков капитализма» [21]. Далее излагалась программа деятельности Госбанка: создание сети торговых агентов сверху донизу; перевод этой сети на тантьемы с оборота, чтобы она хорошо торговала и научила этому других, а в перспективе добиваться захвата $^{9}/_{10}$ всей суммы торгового оборота. Это единственный путь, добавлял в заключение Ленин, для восстановления золотого обращения и оздоровления денежной системы.

В условиях развития торговли и денежного обращения важнейшими вопросами финансовой политики являлись укрепление валюты, прекращение обесценения советских денежных знаков, стабилизация рубля. Ряд мероприятий в этой области был намечен сразу же после X съезда партии. Проект выпуска серебряной валюты, о чем уже говорилось выше (см. гл. IV), не смог, очевидно, получить осуществления в труднейших условиях 1921 г., хотя к чеканке серебряных монет было приступлено, утвержден образец серебряного рубля, а в августе 1921 г. Владимир Ильич Ленин получил образец такого рубля и просил сохранить его [22].

Вскоре после окончания X съезда партии была создана специальная комиссия ЦК для разработки вопросов финансовой политики, и уже 27 марта В. И. Ленин в письме к председателю этой комиссии Е. А. Преображенскому поставил задачу «*именно теперь*, в момент введения натурналога и обмена (на хлеб), начать систематически готовить „оздоровление" валюты...» [23]

14 апреля 1921 г. Политбюро ЦК заслушало доклад председателя финансовой комиссии о реформе бумажного денежного обращения и проведении деноминации. В. И. Ленин внимательно ознакомился с проек-

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 133.
[18] См. там же, стр. 151.
[19] Там же, стр. 167.
[20] Там же, стр. 173.
[21] Там же, стр. 172.
[22] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 314.
[23] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 114.

том постановления комиссии, внес в него поправки и предложил, чтобы комиссия продолжила свою работу для систематического изучения: «1) движения цен, 2) товарного фонда государства, 3) товарооборота в городе и в деревне и других вопросов, связанных с денежной реформой» [24].

Таким образом, начальные шаги для подготовки денежной реформы были предприняты сразу же после перехода к нэпу. Однако немедленно решить эту труднейшую задачу было экономически невозможно. Когда в ноябре 1921 г. председатель только что созданного Госбанка А. Л. Шейнман в письме к В. И. Ленину, в числе других предложений по упорядочению финансового хозяйства, указал на необходимость твердого заявления Советского правительства «о денежной реформе в ближайшем будущем», Владимир Ильич на полях письма выразил свое несогласие одним словом — «рано» [25].

Это было подтверждено и решением XI съезда партии «О финансовой политике», в котором указывалось, что «нынешний бюджетный дефицит исключает возможность немедленной денежной реформы, направленной к созданию устойчивой валюты. С другой стороны, невозможность немедленной денежной реформы обусловливается голодом, влияние которого особо сказывается в росте цен и в обесценении денег» [26].

С тем большей настойчивостью в течение всего 1921 и 1922 гг. под руководством В. И. Ленина создавались предпосылки для проведения денежной реформы в последующие годы.

Большое значение с этой точки зрения имел декрет Советского правительства, принятый IV сессией ВЦИК в октябре 1921 г. (опубликован 10 октября), «О мерах по упорядочению финансового хозяйства». В декрете подчеркивалась прежде всего новая роль Народного Комиссариата финансов в общем строе советских государственных учреждений после перехода к нэпу. Резкой критике были подвергнуты сложившиеся в 1918—1920 гг. представления о роли Наркомфина как учреждения «в значительной степени отжившего и подлежащего ликвидации» [27].

Декрет ВЦИК от 10 октября категорически требовал положить конец недооценке финансового аппарата и подчеркивал, что «отныне интересы народной казны возводятся на степень интересов высшего государственного порядка» и народные комиссариаты должны стоять на страже этих интересов. Наркомфину было поручено направить свою деятельность «на изыскание способов всемерного увеличения доходов народной казны, на проведение начал исключительной бережливости и строжайшей экономии в расходовании денежных средств, на всемерное сокращение эмиссии с доведением ее, если возможно, до полного прекращения, и на развитие тех банковских операций, которые должны служить интересам развития государственного хозяйства» [28].

IV сессия ВЦИК утвердила также декрет Совнаркома от 4 октября 1921 г. об образовании в составе Наркомфина Государственного банка в целях «способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также в целях концентрирования денежных обо-

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 388—389.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 343.
[26] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 614.
[27] СУ, 1921, № 69, ст. 550.
[28] Там же.

ротов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения» [29].

Так было положено начало восстановлению кредитных учреждений, ликвидированных в годы военного коммунизма.

Постепенный переход к устойчивой денежной валюте зависел в первую очередь от ликвидации бюджетного дефицита, сокращения, а в дальнейшем и полного прекращения эмиссии. Поэтому в своих директивах Наркомфину и другим ведомствам В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость соблюдения строжайшей сметно-бюджетной дисциплины и исключительно бережного отношения к расходованию денежных ресурсов. Он настойчиво добивался создания системы твердого бюджета в золотом исчислении, требовал постоянного наблюдения за расходованием золотого фонда [30] и увеличения во что бы то ни стало доходных статей бюджета.

Для решения последней задачи существенное значение имел переход от установившейся в годы гражданской войны полной бесплатности отпуска продуктов и хозяйственных услуг к системе платности товаров и услуг, оказываемых населению государственными учреждениями и предприятиями.

В «Наказе СНК» от 9 августа по этому вопросу давались следующие указания:

«...Для поднятия и устойчивости нашего рубля необходимо проведение ряда мер к обратному приливу денег в кассы государства, исходя из принципа, что в области народного хозяйства государство при данном состоянии своих государственных ресурсов и впредь до поднятия хотя бы основных отраслей его никаких хозяйственных услуг никому даром оказывать не может. В ряду принимаемых мер надо обратить внимание на открытие ссудо-сберегательных касс, разрешение кредитной кооперации, переход и ведение коммунальных предприятий на началах оплаты и т. п.» [31]

Еще до принятия «Наказа СНК» рядом декретов вводилась платность за оказываемые государством услуги: 9 июля был утвержден декрет «Об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям», устанавливавший платность перевозок и проезда пассажиров, а также грузов, в том числе и правительственных. 18 июля декрет СНК ввел таксы за услуги, оказываемые Народным комиссариатом почт и телеграфов. 5 августа был принят декрет СНК «О взимании платы за товары, отпускаемые государством для частного хозяйства» [32].

Важную роль в увеличении доходов государства должна была сыграть налоговая политика, особенно обложение нэпманской буржуазии в городах. «...налоги являются важнейшим средством заменить в системе

[29] СУ, 1921, № 72, ст. 594.

[30] См., например, ленинский проект постановления Политбюро ЦК «О расходовании золотого фонда» от 7 сентября 1921 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 118.

[31] СУ, 1921, № 59, ст. 403.

[32] Там же. В дальнейшем декретом СНК от 25 августа устанавливалось взимание платы за услуги, оказываемые предприятиями коммунального характера. Декрет СНК от 18 ноября определял порядок оплаты телефонов, включенных в телефонную сеть общего пользования. 28 ноября декретом СНК вводилась платность произведений непериодической печати и платность газет (с 1 января 1922 г.).

бюджета доход от эмиссий», — говорилось в резолюции IX съезда Советов «О финансах и бюджете». Съезд предписывал народным комиссариатам и органам Советского государства «приложить все усилия к выполнению полностью намеченного налогового плана» и считать эту работу «одной из самых важных и ударных при проведении в жизнь новой финансовой экономической политики» [33].

Эта же задача была поставлена и в принятом съездом ленинском «Наказе о хозяйственной работе», в котором указывалось, что деятельность Наркомфина должна быть подчинена необходимости «осуществить с наибольшим напряжением сил и наибольшей быстротой сокращение и впоследствии прекращение эмиссии и восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты. Замена эмиссии налогами должна проводиться неуклонно, без допущения малейшей волокиты» [34].

На XI съезде партии был поставлен доклад «О финансовой политике». Впервые на партийном съезде заслушивался и широко обсуждался доклад на эту тему. Резолюция съезда обобщала и суммировала все проведенные в 1921 г. мероприятия в области финансовой политики (борьба за сокращение и уничтожение бюджетного дефицита, упорядочение бюджета, уменьшение государственных расходов и увеличение поступления государственных доходов) и указывала, что они дадут результаты лишь при условии поднятия производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности и увеличения емкости рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств. Только осуществление экономической и финансовой мобилизации может создать прочную базу для дальнейшей борьбы за социализм, говорилось в заключительной части резолюции [35].

Вскоре после XI съезда партии В. И. Ленин в письме в Наркомфин Г. Я. Сокольникову от 2 мая 1922 г. наметил ряд вопросов финансовой политики для постановки их на Политбюро ЦК. Он отмечал, что спекулятивный частный рынок «почти научился, по-видимому, так быстро вздувать цены вслед за ростом эмиссии, что эмиссия перестает извлекать из населения какие бы то ни было реальные ценности, превращаясь в пустую игру и пустое самоутешение для нас» [36]. Поэтому Ленин предлагал поставить на очередь действительно революционные меры — увеличение сбора налогов, с одной стороны, и сокращение штатов государственных учреждений в целях экономии, с другой стороны.

«Крайне опасаюсь, — писал он в заключение письма, — что без революционных мер такого рода и съездовская резолюция о финансовой политике [37] остается на бумаге и вообще мы отстаем от жизни, рискуя оказаться беспомощными перед надвигающейся катастрофой» [38].

Как только В. И. Ленин начал поправляться после своего тяжелого заболевания летом 1922 г., он в первую очередь вновь занялся вопросами финансовой политики. Как вспоминал заместитель наркома финансов

[33] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, стр. 232.
[34] Там же, стр. 235; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 336.
[35] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 617—618.
[36] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 178.
[37] Речь идет о резолюции XI съезда партии.
[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 179.

М. К. Владимиров, В. И. Ленин уже в августе 1922 г. «вызвал (и опять же не случайно) одним из первых наркомфина к себе, в Горки, для доклада и из представленных ему диаграмм убедился, как растут поступления от государственных налогов и как относительно уменьшается роль эмиссии в покрытии государственных расходов» [39].

17 сентября 1922 г. Владимир Ильич запрашивал М. К. Владимирова о наличии золотого фонда и других ценностей, о размерах дефицита в последнем квартале или месяце и в заключение письма спрашивал: «...думали ли Вы о подоходном налоге и о принудительном займе? Кратко: какие выводы (только итоговые)» [40].

«Тов. Ленин со всей силой своего громадного авторитета, — рассказывал впоследствии М. К. Владимиров, — поддерживает Народный комиссариат финансов в его борьбе за стабилизацию рубля. Характерно в этом отношении первое заседание Совнаркома, на котором присутствовал Ленин. На этом заседании Ленин проводит для Наркомфина особый, льготный режим, поясняя, что „Наркомфин для нас сейчас — это все“» [41].

Вся эта огромная работа по упрочению финансовой базы хозяйства и проведению новой финансовой политики уже в ходе ее осуществления дала первые серьезные результаты.

К концу 1921 г. удалось провести первую деноминацию [42] и выпустить новые денежные знаки образца 1922 г., а в конце 1922 г. была проведена вторая деноминация [43].

В. И. Ленин положительно оценил эти начальные шаги в подготовке денежной реформы. В интервью корреспонденту английской газеты «Манчестер Гардиан» А. Рансому в ноябре 1922 г. он говорил о том, что деноминация помогла вычеркнуть «лишние» нули на бумажных деньгах. «Вчера был триллион, а нынче четыре нуля вычеркиваются, и получается десять миллионов. Государство от этого не богатеет, но чтобы оно „становилось слабее“, это очень странно предположить, ибо шаг вперед к улучшению денег тут явный». И далее Владимир Ильич несколько раз подчеркнул: «Все лето наш рубль был стабилен. Это явное начало улучшения», сделан *«шаг* к стабилизации рубля», «усиливается, хотя и с перерывами, стабилизация рубля» [44].

Особенно подробно Ленин остановился на вопросах финансовой политики и ее первых успехах в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г.

«Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля, — говорил он. — Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы, и этой задаче мы придаем решающее значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизовать рубль — значит, мы выиграли» [45]. Мы «постигли условия стабилизации рубля», указывал он далее, а практика показывает, что «мы здесь добились

[39] М. К. Владимиров. Очередные задачи хозяйственного строительства. М.—Л., 1925, стр. 6.
[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 283.
[41] Речь идет о заседании СНК 3 октября 1922 г. (М. К. Владимиров. Указ. соч., стр. 5—6).
[42] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 321—322.
[43] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 430.
[44] Там же, стр. 261, 262—263.
[45] Там же, стр. 283.

решающих результатов, именно — начинаем двигать хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей» [46].

Первые успехи финансовой политики подтверждались и другими мерами Советского государства, прежде всего выпуском Госбанком в октябре 1922 г. банковских билетов (червонцев), обеспеченных золотом, размеры эмиссии которых были строго ограничены.

Постепенное оздоровление денежного обращения создало необходимые предпосылки для развития и укрепления государственной торговли и кооперации, противостоявших на рынке частной капиталистической торговле. Государственная торговля играла решающую роль преимущественно в оптовом обороте. По инициативе В. И. Ленина в мае 1922 г. была создана Комиссия по внутренней торговле (Комвнуторг) при СТО. Владимир Ильич решительно возражал тогда против немедленного создания специального Народного комиссариата торговли. В письме к А. Д. Цюрупе от 20 февраля 1922 г. он указывал, что дело не в организации еще одного нового ведомства (ведомств и так много), а в подборе людей, умеющих торговать [47]. Ленин отрицательно отнесся также к проектам передачи дела регулирования торговли в ВСНХ (где был создан специальный торговый отдел) или в НКВТ, считая, очевидно, неправильным подчинить всю внутреннюю торговлю интересам промышленности или только внешнеторговым операциям. Он опасался также, что создание нового наркомата торговли без предварительной подготовки может превратиться в чисто бюрократическую затею [48].

В постановлении о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО) от 11 апреля 1922 г. Владимир Ильич по вопросу о Комвнуторге писал: «Следует прекратить все работы по подготовке особого нарокомата внутренней торговли или присоединения этого дела к НКВТ или ВСНХ. Провести создание при СТО особой „*Комиссии внутренней торговли*“ с минимальным секретариатом при ней и с единственными местными органами ее: губернскими экономсовещаниями» [49]. 13 апреля 1922 г. Политбюро одобрило предложение В. И. Ленина, а 5 мая 1922 г. СТО постановил: «В целях регулирования вопросов внутренней торговли учредить при СТО комиссию в составе трех лиц, назначаемых СТО». Это постановление было утверждено Совнаркомом 9 мая 1922 г. и председателем комиссии назначен А. М. Лежава [50].

Государственная торговля сначала развивалась преимущественно в городе и почти не охватывала деревенского рынка. Ленин же считал эту последнюю задачу наиболее важной. Еще в конце 1921 г. в конспективном наброске статьи или речи он выдвигал на первый план важнейшую задачу торговли — «*обслуживание* крестьянского *рынка*, крестьянского *потребления*» [51].

[46] Там же, стр. 284—285.
[47] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 173—174.
[48] См. там же, стр. 250.
[49] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 154.
[50] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 642, прим. Только через два года, 19 мая 1924 г., постановлением ВЦИК Комиссия по внутренней торговле была преобразована в Народный комиссариат внутренней торговли.
[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 476.

Только овладение крестьянским рынком и вытеснение частного посредника, вклинивавшегося между социалистической промышленностью и индивидуальным крестьянским хозяйством, могло обеспечить действительное упрочение смычки с крестьянской экономикой. Решающую роль здесь должна была сыграть кооперация, потребительская кооперация в первую очередь.

«Потребительская кооперация, объединяющая рабочих и крестьян и непосредственно выполняющая задачи товарообмена между городом и деревней, — говорилось в резолюции XII партконференции (август 1922 г.) «О задачах партии в кооперации», — является наиболее широкой ареной для осуществления экономического союза рабочих и крестьян» [52]. Отсюда и вытекала задача создания особо благоприятных условий для развития кооперативного аппарата и превращения кооперации в основного посредника между государственной промышленностью и сельскохозяйственным производством.

При перестройке потребительской кооперации на новых началах после перехода к нэпу Ленин считал необходимым сохранить обязательное членство [53], чтобы обеспечить охват кооперацией большинства трудящихся. Этот вопрос возник еще в марте—апреле 1921 г., когда готовился основной декрет о потребительской кооперации от 7 апреля [54]. В дальнейшем предложения о переходе к добровольному членству в кооперации (особенно после перехода к добровольному членству в профсоюзах) получили довольно широкое распространение. В подготовленных ВСНХ к концу 1921 г. новых тезисах «О хозяйственной политике», в разделе «О кооперации» прямо указывалось, что «необходимо отменить обязательное кооперирование как потерявшее обоснование в связи с отказом государства от снабжения *всего населения* в порядке распределения...». В. И. Ленин подчеркнул первые четыре слова и написал на полях: «Едва ли это верно//??//» [55].

Когда в начале 1922 г. среди работников потребительской кооперации начал обсуждаться вопрос о выделении рабочей кооперации из общей системы потребкооперации и возможности перехода в связи с этим к добровольному членству, В. И. Ленин послал следующее письмо в Центросоюз на имя В. А. Тихомирова:

«По-моему, никаких изменений не нужно. Не кооперацию надо приспособлять к *нэпу*, а *нэп* к кооперации.

[52] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 665.

[53] Обязательное членство городского и сельского населения в кооперации было установлено декретом СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах». Специальная статья этого декрета гласила: «В потребительскую коммуну включается все население данной местности. Каждый гражданин обязан стать членом коммуны и приписаться к одному из ее распределительных пунктов» («Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, М., 1957, стр. 118). Значение охвата всех трудящихся кооперацией Ленин обосновал вскоре после принятия декрета в письме Тамбовскому губисполкому 20 апреля 1919 г. (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч.. т. 50, стр. 284).

[54] Статья 1 этого декрета давала следующее определение членства в кооперации: «Все граждане РСФСР объединяются в потребительские общества. Все граждане данной местности включаются в единое потребительское общество. Каждый гражданин приписывается к одному из распределительных пунктов потребительского общества» («Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 231).

[55] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 480.

Параллель с профсоюзами неверна, ближе была бы к истине параллель с Советами.

Оставить строй прежний. Все внимание и все силы направить на подбор *людей* (это у нас плохо) и на *победу над частной торговлей.*

Все на это.

Никаких перестроек» [55].

Две недели спустя Л. М. Хинчук обратился к В. И. Ленину с письмом, прося указаний, ставить ли на предстоящей сессии уполномоченных Центросоюза вопрос о добровольности членства в кооперации. В. И. Ленин направил письмо Л. М. Хинчука Н. П. Горбунову, предложив послать его для ознакомления членам Политбюро ЦК, а также А. Д. Цюрупе и А. И. Рыкову, и со своей стороны подтвердил: «По-моему, кооперация — не профсоюзы. Кооперация должна остаться обязательной в смысле членства». И далее: «Члены кооперации — все. Это нам надо для будущего. Чему это мешает, не видно.

Паевые взносы добровольны. Кто сделал взнос, получит долю дохода.

Вывод: по-моему, вопрос отложить; не ставить на этой сессии» [57].

12 мая 1922 г. предложения Ленина были приняты Политбюро ЦК, сохранены обязательность членства и добровольность паевых взносов и решено не выделять рабочей кооперации из общей системы потребкооперации.

В соответствии с этим решением ЦК XII партконференция в своем постановлении о кооперации указала, что «в силу отличия потребительской кооперации от других видов, не включающих в свой состав городской пролетариат, необходимо сохранение обязательного членства в потребительской кооперации». Однако обязательность состава, говорилось далее в резолюции, не означает превращения кооперации лишь в технический аппарат государственного товарообмена, ибо добровольность паевых взносов обеспечивает материальную заинтересованность членов кооперации, предоставляя им ряд преимуществ в распределении прибылей и получении других поощрений [58].

В. И. Ленин повседневно руководил всей деятельностью Центросоюза, добиваясь, чтобы потребительская кооперация становилась главной силой в розничной торговле и постепенно вытесняла частный капитал. Он заботился об укреплении аппарата кооперации, его очищении от меньшевистско-эсеровских элементов, о предоставлении кооперации значительных финансовых льгот и кредитов и постоянной поддержке ее со стороны государства. 17 сентября 1921 г. Ленин присутствовал на совещании с Центросоюзом по вопросу об организации товарообмена, выступал на этом совещании и кратко записывал прения [59]. В решении пленума ЦК от 8 октября 1921 г. о товарообмене и кооперации было записано, что необходимо «дать кооперации максимальные преимущества» [60].

Изо дня в день следил Владимир Ильич за ростом оборотов Центросоюза, постоянно запрашивал новые данные по губерниям и по главным

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 195.
[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 54.
[58] См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 665.
[59] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 135.
[60] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 72, л. 1.

группам продуктов, требуя систематической отчетности и составления месячных графиков о размерах товарных оборотов кооперации [61].

В письме к Л. М. Хинчуку от 7 марта 1922 г. он просил сообщить подробные данные о том, «как развивается аппарат кооперации в России», применяется ли оплата работников кооперации в зависимости от размеров оборота и от достижения успеха и «какие серьезные меры проверки предпринимает правление Центросоюза в отношении того, чтобы наша кооперация была действительно органом коммерческим, а не бюрократическим» [62].

20 апреля 1922 г., заслушав сообщение В. А. Смольянинова о торговых оборотах Центросоюза, В. И. Ленин предложил опубликовать материалы по этому вопросу в печати, специально выделив данные о товарах, направляемых кооперацией в деревню [63]. Всегда особо интересуясь именно работой кооперации в деревне, Ленин неизменно запрашивал Хинчука «*о числе мест продажи в деревнях* (и по районам)», «о размерах продажи в деревнях», о том, «в *скольких* волостях (и %) и в скольких деревнях (и % от всех деревень) есть пункты продажи?» [64] Он тут же разъяснял значение подобных итоговых сведений: «Вообще мне кажется необходимым иметь точные данные для характеристики того, *как глубоко* проникает оборот в деревню и *как широко* и *как именно*» [65].

Расширение торговых оборотов кооперации в деревне означало решение основной задачи — овладение деревенским рынком и постепенное вытеснение частного капитала, некоторое время там почти господствовавшего. Наряду с *экономическими* мерами вытеснения (политика цен и их регулирование, качество и ассортимент товаров, рост количества торговых точек и т. д.), Ленин предлагал проводить дополнительно некоторые *административно-правовые* меры, направленные на ограничение частного капитала.

В феврале 1922 г. в письме в Наркомфин Ленин запрашивал:

«...Говорят, в Смоленской губернии частный капитал *побил* кооперацию, довел до закрытия.

А суд за незаконную торговлю?

А пошлины за частную торговлю? и т. д. и т. п.

Тоже все проспали советские бюрократы?

Кто у Вас отвечает за это? Не создать ли комиссии

1) от НКФ (
)
2)» НКЮ (для мер надзора
)
3) кто-либо (

и репрессии за неправильную торговлю и т. п.?» [66]

Вопрос об усилении налогового обложения нэпманов, о регулировании частного накопления, о введении подоходного налога Ленин ставил перед Наркомфином и в дальнейшем, в августе—сентябре 1922 г. В конце

[61] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 49, 50, 61—62.
[62] Там же, стр. 202—203.
[63] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 675.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 281, 285.
[65] Там же, стр. 281.
[66] Там же, стр. 160.

1922 г. был введен подоходный налог, который ограничивал доходы частника, срезал значительную часть его сверхприбылей. Все доходы от этого налога направлялись на финансирование социалистической промышленности, транспорта и обобществленного сектора торговли.

Большое значение в ограничении частного капитала, в борьбе с незаконной, спекулятивной торговлей Ленин придавал советскому суду и советскому законодательству. Рассказывая на IX съезде Советов об одном из первых судебных процессов, проходившем в Москве в середине декабря 1921 г. над 35 частными хозяйчиками, Ленин говорил, что число таких процессов надо умножить, «строго карая попытки нарушения наших законов господами частными предпринимателями» [67].

Ленинский «Наказ по вопросам хозяйственной работы», принятый IX съездом Советов, специально поручал Наркомюсту добиваться, чтобы «нарсуды республики строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики...» [68]

В дальнейшем в письме к Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 г. В. И. Ленин требовал от Наркомюста проведения ряда образцовых судебных процессов «против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой» [69] с тем, чтобы научить советские суды карать беспощадно всякую спекулятивную, нарушающую советские законы, торговлю.

В 1921—1922 гг. и особенно в последующие годы в Верховном суде СССР и РСФСР, в Московском, Ленинградском и местных губсудах проходило значительное количество судебных процессов над частными торговцами и предпринимателями. Они привлекались к судебной ответственности главным образом за хищения, взятки, спекуляцию, незаконную торговлю, нарушение советского трудового законодательства.

В первые годы после перехода к нэпу Советское государство не ставило еще своей ближайшей задачей полную ликвидацию капиталистических элементов в торговле и промышленности. Наоборот, задача заключалась в их использовании, в умении поставить частнокапиталистическую торговлю на службу интересам социалистического строительства, в организации соревнования с ней на почве рынка.

В соревновании с частным капиталом, как и предвидел Ленин, важное значение имела потребительская кооперация, которая постепенно расширяла торговые операции, овладевала деревенским рынком и становилась важнейшим орудием укрепления смычки с крестьянской экономикой.

Особенно большую роль в решении этой задачи призвана была сыграть сельскохозяйственная кооперация.

В годы гражданской войны самостоятельная система сельскохозяйственной и промысловой кооперации была ликвидирована и полностью объединена с потребительской кооперацией. Вопрос о выделении сельскохозяйственной кооперации вновь встал почти сразу же после перехода к нэпу. Однако организационное оформление несколько затянулось, и декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации был принят

[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 323.
[68] Там же, стр. 337.
[69] См. там же, стр. 397.

только 16 августа 1921 г. Декрет предоставлял трудящемуся населению сельских местностей право «образовывать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели как для совместного ведения сельскохозяйственного производства, так и для организации труда своих членов, снабжения их необходимыми сельскому хозяйству орудиями, семенами, удобрениями и др. средствами производства, а также для переработки и сбыта продуктов земледельческого производства» [70].

Функции сельскохозяйственной кооперации были, таким образом, очень широкими — от создания производственных объединений до организации сбыта, закупки, заготовки и переработки сельскохозяйственных продуктов. 20 августа 1921 г. открылся первый Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации, который принял ее устав и избрал центральный руководящий орган — «Сельскосоюз» [71]. В дальнейшем основные положения декрета от 16 августа были широко развиты и дополнены в постановлении IX съезда Советов «О сельскохозяйственной кооперации».

«Организационные формы сосредоточения сил мелких сельскохозяйственных единиц, — говорилось в этом постановлении, — даны исторически в сельскохозяйственной кооперации. Советская власть при проведении новой экономической политики делает создание и развитие сельскохозяйственной кооперации одним из основных моментов своей сельскохозяйственной политики». Съезд подчеркнул также необходимость «особо поддерживать такие кооперативные объединения, которые в основу деятельности своей кладут производственные задания, широкие мелиоративные работы и серьезную агрикультурную деятельность, предоставляя им широкую возможность заготовки и сбыта средств и продуктов сельскохозяйственного производства» [72].

Правильная работа сельскохозяйственной производственной кооперации ставилась в прямую зависимость от организации в деревне производственного кредита и создания кредитной кооперации. Примерно за месяц — полтора до открытия IX съезда Советов Политбюро ЦК по предложению В. И. Ленина приняло решение о создании Кооперативного банка, и Владимир Ильич подготовил специальные тезисы по этому вопросу [73]. Декретом ВЦИК от 24 января 1922 г. было положено начало развития сельскохозяйственной кредитной кооперации, стали возникать по всей стране общества сельскохозяйственного кредита и кредитные товарищества. Перед кредитной кооперацией была поставлена задача последовательного осуществления классовой линии и кредитования в первую очередь маломощного и беднейшего крестьянства.

В постановлении IX съезда Советов «О сельскохозяйственной кооперации» впервые было сказано о необходимости вовлечения сельскохозяйственных коммун и артелей (колхозов) в общее кооперативное строительство, их постепенного перевода на общекооперативный устав и

[70] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 261.
[71] В. Голиков. Деятельность КПСС по развитию и укреплению сельскохозяйственной кооперации. Алма-Ата, 1956, стр. 25—26.
[72] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1, стр. 306.
[73] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 256.

организационного включения в систему сельскохозяйственной кооперации. Дело в том, что со времени создания в РСФСР первых колхозов и до конца 1921 г. колхозные объединения в систему кооперации не включались, а члены колхозов входили в профсоюз работников земли и леса («Всеработземлес»). На 1 января 1922 г. из 876 тыс. членов этого союза около половины (свыше 358 тыс.) составляли колхозники. На 1 сентября того же года (после постановления IX съезда Советов) количество членов союза — колхозников уменьшилось примерно до 130 тыс., а на 1 января 1923 г. в союзе «Всеработземлес» осталось только около 13 тыс. колхозников [74].

Так постепенно, с большой осторожностью и без ломки, как рекомендовал IX съезд Советов, происходил переход колхозов в систему сельскохозяйственной кооперации. Этот процесс полностью завершился лишь к 1924—1925 гг., однако начиная с 1922—1923 гг. колхозы стали основной опорой в развитии сельскохозяйственной кооперации и прочной базой укрепления производственных форм кооперативного строительства.

По-новому был поставлен и вопрос о членстве в сельскохозяйственной кооперации по сравнению с кооперацией потребительской. С самого начала сельскохозяйственная кооперация строилась на основах добровольного членства, и в резолюции XII партконференции было в этой связи записано, что «Сельскохозяйственная и промысловая кооперация, объединяющая мелких производителей с многообразием индивидуальных особенностей их хозяйств и потребностей, должна строиться на принципе добровольности и хозяйственной заинтересованности». Конференция призвала также добиться «полного и организованного слияния колхозных объединений с общей сельскохозяйственной кооперацией» и указала, что дальнейшее развитие сельскохозяйственной и промысловой кооперации должно обеспечить «переход от преобладания торгово-посреднических функций к преобладанию функций производственных» [75].

Все решения партии и правительства о потребительской, сельскохозяйственной, промысловой, кредитной и других видах кооперации, принятые в течение 1921 г., не только по-новому ставили вопросы практического руководства кооперацией в условиях нэпа, но неизбежно требовали теоретического осмысления и обобщения задач, значения и роли кооперации в социалистическом строительстве.

Известно, что именно после перехода к нэпу окончательно сложилось цельное ленинское учение о кооперации в условиях диктатуры пролетариата, которое вошло в историю под названием ленинского кооперативного плана. Этот ленинский план имел и имеет до сих пор неоценимое, всемирно-историческое значение для стран социалистического лагеря и для всех стран, вступающих на путь социализма, которым приходится решать труднейшую задачу революции — перевод мелких единоличных крестьянских хозяйств на рельсы крупного обобществленного сельского хозяйства.

Ленинский кооперативный план не возник сразу, а рождался постепенно в долгих и трудных поисках лучшего и наиболее правильного решения крестьянского вопроса при диктатуре пролетариата. Здесь мы имеем один из наиболее ярких примеров *развития* ленинских идей в ходе рево-

[74] «Отчет ЦК Всеработземлеса V съезду». М., 1925, стр. 9.
[75] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 666—667.

люции и в неразрывной связи со складывающимся опытом социалистического строительства.

Коренной поворот во взглядах партии на кооперацию произошел, как указывал В. И. Ленин, после победы Октябрьской революции. Свою историческую статью «О кооперации», продиктованную 4—6 января 1923 г., Ленин начинал с напоминания, что «теперь, *со времени Октябрьской революции* и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение» [76].

В этих словах мы видим две стороны ленинской постановки вопроса о развитии кооперации после завоевания власти пролетариатом. Во-первых, подчеркивалось, что новая роль кооперации в Советском государстве возникла задолго до перехода к нэпу и поэтому «независимо от нэпа». Если при капитализме кооперация представляла собой коллективное, но *капиталистическое* предприятие и всякие реформистские планы «мирного врастания» через кооперацию в социализм являлись поэтому чистейшей утопией и приводили лишь к отрицанию классовой революционной борьбы, то в условиях пролетарской диктатуры, когда все средства производства принадлежали рабочему классу, природа и значение кооперации коренным образом изменялись.

Об этом Ленин писал в первые же месяцы после победы революции, в марте 1918 г. в варианте статьи «Очередные задачи Советской власти».

«...Положение кооперативов, — указывал он, — в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» [77].

Эта ленинская постановка вопроса имеет огромное принципиальное значение, но некоторые авторы работ и статей, посвященных вопросам кооперации, делали отсюда тот вывод, что основы ленинского кооперативного плана тем самым сложились и были определены уже весной 1918 г., а в дальнейшем лишь конкретизировались, дополнялись, в лучшем случае более всесторонне излагались. Такая точка зрения предает по сути дела полному забвению другую сторону приведенной выше ленинской формулировки из статьи «О кооперации» о том, что «именно благодаря нэпу» кооперация получила исключительное значение.

Когда в 1918 г. Ленин писал, что кооперация при диктатуре пролетариата «есть социализм», характеристика новой роли кооперации давалась им прежде всего в плане постановки задачи «распространить кооперативные организации на все общество» [78] для объединения сил, для организации распределения, для воспитания навыков коллективного хозяйствования. Роль кооперации как формы социалистической переделки сельского хозяйства еще не была тогда и не могла быть в полном объеме определена и обоснована. Только «благодаря нэпу» и после перехода к нэпу

[76] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 369 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 161.
[78] Там же.

вопрос о кооперации приобрел новое значение и в условиях развития товарно-денежных отношений перед нею встали совершенно новые задачи.

Уже в плане речи о замене разверстки налогом на X съезде партии В. И. Ленин подчеркнул, что кооперация при нэпе это прежде всего «экономически наилучшая форма свободного оборота» [79]. Та же мысль еще шире и конкретнее была развита в ленинской работе «О продовольственном налоге». «Кооперация, как форма торговли, — писал он, — выгоднее и полезнее, чем частная торговля» [80] по двум причинам: во-первых, она облегчает учет, контроль, надзор за частным капиталом путем кооперирования товарооборота и, во-вторых, помогает объединению, организации миллионов населения, что является гигантским плюсом для перехода к социализму.

Почему же В. И. Ленин именно в работе «О продовольственном налоге» отнес кооперацию к госкапиталистическим, а не социалистическим формам в экономике, рассматривая ее как разновидность госкапитализма?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к фактам, ибо Ленин всегда основывал свои выводы на точном и исчерпывающем анализе фактического положения дел. В апреле 1921 г., когда писалась работа «О продовольственном налоге», госкапиталистический уклад в экономике еще не сложился, а кооперация (речь шла тогда только о потребительской кооперации) едва только стала перестраиваться на новых началах. Перед потребительской кооперацией в это время, да и в последующие годы, стояла прежде всего основная задача — завоевывать рынок (особенно деревенский), добиваться путем экономического соревнования постепенного ограничения и вытеснения частника из торгового оборота. К этому была направлена, как мы видели, вся деятельность В. И. Ленина, все его указания кооперации.

«Поскольку продналог, — писал он, — означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы *это* развитие капитализма — ибо свобода продажи, свобода торговли *есть* развитие капитализма — направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (Советским в данном случае) и капиталистом» [81].

А кооперация как *форма торговли* похожа на госкапитализм и является его разновидностью в том отношении, что она выполняет те же функции и играет такую же организующую и контролирующую роль, как и другие формы госкапитализма в сфере торговли и достижения основной цели — победы над частной торговлей.

Сельскохозяйственная кооперация в течение почти всего 1921 г. еще не отпочковалась от потребительской, не создала своего аппарата, а колхозы только с 1922 г. начали входить в систему сельскохозяйственной кооперации. Опыта работы самой кооперации по созданию производственных кооперативных объединений в деревне и руководству ими еще не было, он начал накапливаться и приобретать конкретные формы лишь

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 372.
[80] Там же, стр. 226.
[81] Там же, стр. 225—226.

в 1922 г., и именно этот новый опыт Ленин гениально обобщил уже к началу 1923 г. в статье «О кооперации».

Впервые здесь было сказано о кооперации как столбовой дороге деревни к социализму, как средстве достижения конечных целей партии, как той искомой и наконец найденной форме хозяйственной организации крестьянства, используя которую, можно путем «возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*» [82] осуществить переход деревни к социализму. Именно кооперирование крестьянства, доказывал Владимир Ильич, дает «ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса» [83] с общим интересом, которая необходима для построения социалистического общества.

Гениальная ленинская формулировка о соединении частного интереса, *частного торгового интереса* крестьянина с общими интересами строительства социализма устанавливала прямую и неразрывную связь между кооперацией и новым отношением к *торговле* как основной форме связи индивидуального крестьянского хозяйства и социалистической промышленности. Такое обоснование роли торговли в социалистическом государстве было впервые определено в развернутом виде только после перехода к нэпу. Поэтому ни весной 1918 г., ни тем более в 1919—1920 гг. вопрос о кооперации в прямой связи с торговлей и о перерастании торговой смычки в производственную не был и не мог еще быть поставлен.

Ленинская статья «О кооперации» знаменовала качественно новую постановку вопроса, действительный *поворот* во взглядах партии на кооперацию. Так это и расценивалось в решениях партии и в партийной литературе середины 20-х годов. Когда, например, вскоре после опубликования ленинской статьи она была поставлена на обсуждение июньского Пленума ЦК 1923 г., в повестке дня пленума было записано: «О кооперации в связи с *новой постановкой вопроса* в статьях т. Ленина» [84].

Оценивая значение ленинской статьи «О кооперации», В. В. Куйбышев в докладе на активе Московской организации РКП(б) в январе 1925 г. говорил: «Статья Владимира Ильича о кооперации является настолько большим событием, я бы сказал, в нашей политической жизни и таким поворотным пунктом в развитии нашей кооперации, что она собою заслоняет все, что до сих пор сказано по вопросам кооперации, и в частности она проводит определенный рубеж взглядам нашей партии на кооперацию» [85]. И далее несколько раз повторялось, что Ленин дал в 1923 г. «совершенно новую оценку кооперации, чем это было раньше» [86] и «раскрыл глаза партии на то, что кооперация при настоящих условиях

[82] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.
[83] Там же.
[84] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 99, л. 3 (Курсив мой — *Э. Г.*). Показательно также, что комиссии ЦК, созданной пленумом для подготовки практических предложений, была дана, в частности, следующая директива о членстве в кооперации: «Добровольность с обеспечением гарантий для рабочих и неимущих». Очевидно, на этом основании был совершен переход к добровольному членству в потребительской кооперации и принято постановление ВЦИК и СНК от 28 декабря 1923 г. «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства». Это полностью соответствовало замыслу ленинской статьи, нацелившей на избрание лучшего пути *добровольного* объединения крестьян через кооперацию.
[85] В. Куйбышев. Ленин и кооперация. М., 1925, стр. 3.
[86] Там же, стр. 15.

должна нами восприниматься как крупнейшее средство окончательной победы, окончательного водружения у нас строя социализма» [87].

Год спустя в работе «К вопросам ленинизма» И. В. Сталин также писал о качественно новой оценке Лениным кооперации в 1923 г. Он указывал одновременно, что из этого нельзя делать вывода будто «между „Продналогом" и брошюрой „О кооперации" лежит пропасть» [88], поскольку имеется и прямая связь между этими двумя работами.

Конечно, в ленинской оценке кооперации в 1918, 1921 и 1923 гг. налицо была прямая преемственная связь. Но это никак не означало простого повторения, или расширения, или только конкретизации раз навсегда сложившихся взглядов партии на кооперацию. На самом деле эти взгляды постоянно развивались, обогащались новым опытом, что и приводило к постановке принципиально новых задач и оценке роли и значения кооперации в конкретных исторических условиях.

Ленинский кооперативный план как цельный план окончательно сложился лишь к 1923 г., и в своей статье «О кооперации» Ленин дал глубокое и всестороннее обоснование этого плана, наметив и примерные сроки и условия, необходимые для его осуществления. Для этого требовалась «целая историческая эпоха». «Мы можем, — указывал он, — пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия» [89]. В статье «О кооперации» В. И. Ленин вместе с тем вновь вернулся к вопросу о госкапитализме в связи с кооперацией. Он отметил, что речь идет о «необычном, даже совсем необычном» государственном капитализме в условиях диктатуры пролетариата, и вновь указал, что «есть еще одна сторона дела, при которой нам может понадобиться государственный капитализм или, по крайней мере, сопоставление с ним. Это вопрос о кооперации» [90].

Госкапиталистические функции кооперации в области торговли и торгового обмена сохранялись и развивались на почве новой экономической политики. Задачи регулирования и контроля над частным капиталом не только не снимались, а сохранялись в полной мере, и их значение с каждым годом все больше усиливалось.

К вопросу о госкапитализме Ленин на протяжении 1921—1922 гг. возвращался неоднократно, всегда указывая важность и необходимость использования госкапиталистического уклада в экономике для борьбы с мелкобуржуазной стихией и частнохозяйственным капитализмом.

2.

Использование госкапиталистических форм в промышленности. Ленинская концессионная политика

Мы рассматривали до сих пор вопрос о формах и методах борьбы с частным капиталом в области торговли. Но частнокапиталистический уклад получил некоторое развитие, хотя и в крайне ограниченных рамках, также и в области промышленности. Основное различие здесь заключа-

[87] Там же, стр. 22.
[88] И. В. Сталин. Сочинения, т. 8, стр. 87—88.
[89] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 372.
[90] Там же, стр. 374.

лось прежде всего в том, что сфера цензовой промышленности с самого начала оставалась почти в монопольном обладании обобществленного сектора, а частный капитал допускался преимущественно лишь в мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, причем главным образом в госкапиталистической форме (аренда, концессии).

Почти во всех своих работах и выступлениях после перехода к нэпу, начиная с брошюры «О продовольственном налоге» и кончая статьей «О кооперации», В. И. Ленин постоянно возвращался к вопросу о роли, формах и значении государственного капитализма в пролетарском государстве.

Направление частнохозяйственного капитализма в русло государственного капитализма Ленин считал важнейшей экономической задачей, подчеркивая всегда, что «мы признали и будем признавать лишь *государственный* капитализм, а государство, это — мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты» [91].

Государственный капитализм, говорил Ленин, означает «объединение мелкого производства» [92], обеспечивает возможность контроля над ним и над развитием частного капитала, и в этом его огромное экономическое значение.

В современной советской исторической и экономической литературе вопрос о ленинском понимании и обосновании государственного капитализма изучался и обсуждался довольно широко. Нельзя не признать ценности и познавательного интереса той постановки вопроса, которая содержится в некоторых работах и статьях [93], где на основании ленинских высказываний госкапитализм рассматривается не только как один из общественно-экономических укладов экономики переходного периода, но и в более широком смысле — «как особая политика государства, как система методов и приемов деятельности по регулированию капитализма и его использованию в интересах социализма» [94].

Присоединяясь к правомерности и правильности такого широкого толкования госкапитализма, нельзя, однако, отсюда делать вывод, что *все* приемы *государственного регулирования* частнохозяйственного капитализма и, тем более, всю хозяйственную политику, политику цен и другие экономические и административно-правовые рычаги воздействия на частный капитал можно полностью отнести также к госкапитализму.

Даже сторонники подобной точки зрения решительно отвергают, конечно, взгляды тех представителей «новой оппозиции», которые понимали под госкапитализмом «новую экономическую политику в целом», ибо В. И. Ленин, действительно, «никогда не отождествлял новую экономическую политику с госкапитализмом» [95].

Следует учитывать также, что ленинское понимание принципиально новой роли госкапитализма при диктатуре пролетариата основывалось на учете качественно иных условий развития — наличия командных эко-

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 397.
[92] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.
[93] См., например: Л. Ф. Морозов. Госкапитализм в освещении советских исследователей. — «Вопросы истории», 1962, № 10; А. И. Коссой. Проблемы госкапитализма и экономическая политика партии в переходный период. — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10; и др.
[94] См. А. И. Коссой. Указ. статья, стр. 77.
[95] Там же, стр. 82—83.

номических высот в руках пролетарского государства и ведущей роли социалистического уклада в экономике. Поэтому госкапитализм в ленинском понимании являлся лишь *одной из форм* регулирования частнохозяйственного капитализма и решения вопроса «кто — кого» в пользу социализма.

Из всех форм госкапитализма Ленин считал концессии и аренду «едва ли не самой простой, отчетливой, ясной, точно очерченной»[96] формой, ибо здесь взаимоотношения определялись наличием формального, письменного *договора* Советского государства с концессионером или арендатором («арендный договор похож более всего на договор концессионный»,[97] — писал Ленин).

Согласно декрету от 5 июля 1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ВСНХ», кооперативам, товариществам, а также частным лицам предоставлялось право арендовать государственные промышленные предприятия в целях их эксплуатации. Декрет устанавливал порядок сдачи предприятий, ответственность арендаторов за сохранность имущества, обязательность арендной платы и т. д. В дальнейшем начал разрабатываться типовой арендный договор. При заключении договоров всячески должны были обеспечиваться интересы государства и, как правило, фиксировалось основное требование: обязательство арендатора оборудовать предприятие, выполнять отдельные государственные заказы или перерабатывать государственное сырье.

В аренду частным лицам сдавались большей частью мелкие предприятия с числом рабочих до 15 человек (на них падало в первом полугодии 1922 г. 62,6% всех сданных в аренду предприятий), а все вместе взятые предприятия с числом рабочих до 50 человек составляли почти 93% аренды.

Арендованные предприятия с числом рабочих до 100 человек и выше составляли, таким образом, ничтожное меньшинство[98].

Распределение арендованных промышленных заведений по отраслям промышленности показывало, что на первом месте здесь стояла пищевая промышленность (особенно мукомольная — мельницы), затем следовала кожевенная (сапожные мастерские, мастерские по выделке кож и т. д.), химическая (главным образом мыловаренные и другие мастерские), обработка хлопка, деревообделочные, металлообрабатывающие мастерские, т. е. те отрасли промышленности, которые обслуживали широкий рынок массового потребления.

Наряду с частноарендованными начали действовать частнособственные предприятия. Они возникли прежде всего за счет тех самых мелких предприятий, которые не были национализированы даже постановлением ВСНХ от 29 ноября 1920 г. и фактически остались в собственности их бывших владельцев. После отмены декретом от 17 мая 1921 г. действия этого постановления ВСНХ многие прежние владельцы начали ходатайствовать о восстановлении прав собственности на свои заведения. В ответ декретом ВЦИК от 27 октября 1921 г. «О национализации предприятий» было разъяснено, что все мелкие предприятия, фактически до 17 мая

[96] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 224.
[97] Там же, стр. 227.
[98] М. Н. Черноморский. Советская промышленность в первые годы нэпа. — «Вопросы истории», 1965, № 2, стр. 47.

1921 г. поступившие во владение органов государства (центральных и местных), являются национализированными. Через полтора месяца, 10 декабря 1921 г. был утвержден новый декрет ВЦИК и СНК «О предприятиях, перешедших в собственность Республики», который устанавливал условия, при которых национализация считалась фактически произведенной.

Только те предприятия (из числа указанных в постановлении ВСНХ от 29 ноября 1920 г.), которые не были еще национализированы, могли считаться принадлежащими прежним владельцам и использоваться ими на основании существующих советских узаконений. Президиуму ВСНХ предоставлялось право по ходатайству отдельных кооперативных и частных владельцев мелкопромышленных предприятий с числом рабочих от 4 до 20 освобождать таковые от национализации в случае неиспользования их государственными органами [99].

В 1922 г. Президиум ВСНХ неоднократно рассматривал на своих заседаниях ходатайства частных лиц о возвращении им предприятий на основании декрета 10 декабря 1921 г. и большей частью отвечал отказом на претензии бывших владельцев. Таким образом, общее количество оставшихся в частной собственности мелких предприятий было очень незначительно. Советское государство предпочитало иметь дело с частным арендатором предприятия, а не с частным его владельцем.

Анализ данных текущей промышленной статистики ЦСУ [100] полностью подтверждает этот вывод. В 1922 г. из общего числа (7761) цензовых промышленных предприятий с 1198,1 тыс. рабочих на долю обобществленного сектора (государственного и кооперативного) приходилось 84,6% предприятий и 97,9% рабочих, а на долю частного сектора — 15,4% предприятий и 2,1% рабочих, из них арендованные предприятия составляли 11% предприятий (1,6% рабочих), а частнособственные — только 4,4% предприятий (0,5% рабочих) [101]. Такое же соотношение сохранилось примерно и к концу восстановительного периода.

Конечно, удельный вес всей частной промышленности (включая и нецензовую — мелкокустарную) был в целом выше, достигая в 1924/25 г. еще 24,2% ко всей промышленности [102]. Однако значительная часть мелких заведений (нередко и без применения наемного труда) должна быть отнесена по существу не к частнокапиталистическому, а к простому товарному производству, по отношению к которому стояла задача не вытеснения и ликвидации, а, наоборот, прямой поддержки и организации мелких кустарей и ремесленников путем вовлечения их в промысловую кооперацию.

Таким образом, анализ соотношения социальных секторов в промышленности показывает, что на протяжении всего восстановительного периода (в годы индустриализации частный сектор в промышленности, а затем в торговле совсем исчез) социалистическая промышленность занимала абсолютно господствующее положение, а в самом частном секторе также абсолютно преобладали госкапиталистические формы (аренда, концессии).

[99] СУ, 1921, № 79, ст. 684.
[100] М. Н. Черноморский. Указ. статья, стр. 46, 47, 48 и др.
[101] Там же, стр. 46.
[102] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. II, стр. 184.

Арендованные предприятия по указаниям В. И. Ленин должны были постоянно находиться под бдительным контролем Советского государства. Еще в августе 1921 г. он указал на необходимость распространения закона об отчетности на всех без исключения арендаторов (частных лиц, товарищества, советские учреждения и т. д.) [103].

Когда в ноябре 1921 г. были получены сведения о больших хищениях и злоупотреблениях при сдаче предприятий в аренду, В. И. Ленин писал по этому поводу И. В. Сталину как наркому РКИ:

«Тьма ценнейших товаров — тканей, машин, ремней и пр. и пр. — разворовывается арендаторами, приемщиками, сдатчиками. Я уже раз писал об этом Уншлихту.

Не следует ли созвать из *архинадежных* людей совещание *тайное* о мерах борьбы?» [104]

Отвечая В. И. Ленину, И. В. Сталин сообщал, что, судя по материалам РКИ, подобные злоупотребления при сдаче в аренду отмечаются повсеместно. В качестве одного из средств борьбы он предлагал «установить *личную* ответственность (особым декретом) *начальников* сдающих в аренду хозорганов с тем, чтобы в случае обнаружения безобразий... *обязательно* расстрелять *в первую голову* начальника сдавшего в аренду хозоргана и лишь во вторую очередь — вора-арендатора» [105]. И. В. Сталин указывал далее: «В деле искоренения этого зла РКИ не может оказать *прямую* помощь, так как ее деятельность не распространяется на арендованные предприятия; только косвенно, путем воздействия (в порядке ревизии) на сдавшие в аренду органы правительства, могла бы она оказать влияние на ход дел в арендованных предприятиях, что, конечно, недостаточно» [106].

Получив ответ И. В. Сталина, В. И. Ленин сразу же решительно поставил вопрос о распространении прав РКИ в области контроля не только по отношению к государственным и кооперативным, но и к частным предприятиям. Он послал по этому поводу запрос в Наркомюст, а некоторое время спустя, 14 февраля 1922 г., писал наркому юстиции Д. И. Курскому:

«Прошу Вас в самый краткий срок прислать мне официальную справку о том, каковы по действующим законодательствам права Рабкрина в отношении инспектирования частных (негосударственных) предприятий.

Мне помнится, что неоднократно была речь о том, чтобы ни в чем не ограничивать права Рабкрина по отношению к каким бы то ни было предприятиям, не входящим в категорию государственных предприятий» [107].

На следующий день, 15 февраля, Ленин получил справку, составленную консультантом Наркомюста Кобленцом. Внимательно прочтя эту справку, Ленин сделал на ее полях несколько характерных пометок. Там, где консультант сообщал, что, по его мнению, частные организации и лица контролю РКИ не подлежат, Ленин написал: «верно ли?? Неверно! частные = советские, *сданные в аренду*». По поводу основного

[103] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 112.
[104] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 32.
[105] Письмо И. В. Сталина см.: «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 427.
[106] Там же.
[107] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 164.

вывода консультанта, что в советском законе об РКИ нет никаких прямых указаний о частных лицах и организациях, и поэтому «они совершенно свободны от какого бы то ни было контроля (предварительного и последующего) НК РКИ, так же как и промысловая кооперация», Ленин сделал следующее заключение: «А *основное* положение о РаКрине? Не врет ли сей Кобленц? Я уверен, что *врет*!» [108].

В тот же день, 15 февраля, Ленин опять писал Д. И. Курскому:

«Прилагаю ответ мне Кобленца. По прочтении прошу вернуть Н. П. Горбунову.

1) Я очень подозреваю, что Кобленц плох и весь этот отдел плох. Кобленц явно „забыл", что арендуемое у Соввласти предприятие есть *тоже советское* предприятие; 2) — — смешал вопрос о последующей или предварительной ревизии с вопросом, подлежит ревизии вообще или нет; 3) „забыл", видимо, что права РаКри *не уже* прежних прав Госкона...; забыл и многое другое...

В частности, именно *теперь* надо *спешно* выработать ясный и точный закон о распространении на все и всякие (и частные, и кооперативные, и концессионные и т. п.) учреждения и предприятия права РаКрина ревизовать и осведомляться.

Сообщите, кому это поручаете» [109].

28 февраля в ответ на свои запросы Ленин получил записку от члена коллегии Наркомюста, в которой указывалось, что «НК РКИ не может (подчеркнуто Лениным. — *Э. Г.*) контролировать обороты и коммерческую деятельность частных предприятий, поскольку они работают на свободный рынок...». По поводу этого заключения Ленин написал на полях: «Неверно. И тут может, но лишь *последующий* контроль» [110].

Записка Наркомюста предлагала дополнить новое положение о НК РКИ соответствующими статьями, которые бы с достаточной ясностью определили права РКИ в отношении как предприятий кооперативных, так и частных.

«Не дополнить, а *разъяснить* и кодифицировать», [111] — уточнил это предложение Ленин и тут же в записке И. В. Сталину, пересылая ему весь материал, писал: «т. Сталин! Прочтите и дайте приказ построже: изготовить проект в РаКрине». Одновременно Н. П. Горбунову давалось указание строго проследить исполнение [112].

Основную линию Наркомюста по отношению к нэпманской буржуазии Ленин в своем известном письме Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 г. формулировал следующим образом: «Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но *втрое* подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с *духом* нашего, коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов» и в результате добиться того, «чтобы у нас капитализм был „вышколенным", был „приличным"» [113].

[108] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 346.
[109] Там же, стр. 165—166.
[110] Там же, стр. 193.
[111] Там же, стр. 194.
[112] См. там же, стр. 192.
[113] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 399—400.

Отсюда и вытекал основной ленинский вывод, который он предлагал закрепить в подготовляемом в это время Гражданском кодексе: «Мы ничего „частного" не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое,* а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный, а государство, это — мы... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в „частноправовые" отношения; расширить право государства отменять „частные" договоры; применять не corpus juris romani [114] к „гражданским правоотношениям", а *наше революционное правосознание*; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, *как* это надо делать с умом и энергией» [115].

В. И. Ленин предлагал прочесть его письмо всем членам коллегии Наркомюста, ознакомить с ним 100—200 коммунистов, практически работающих в области права гражданского, уголовного и государственного, и ни в коем случае, под страхом партийной ответственности, не разболтать о содержании этого письма, ибо «врагам показывать нашу стратегию глупо» [116].

Последовательно развивая мысли, изложенные в письме в Наркомюст, Ленин 22 февраля 1922 г. внес следующее предложение в Политбюро ЦК в связи с подготовкой Гражданского кодекса: 1) Предписать Президиуму ВЦИК вновь рассмотреть кодекс, в духе тех указаний, которые даны Д. И. Курскому в письме от 20 февраля; 2) Поставить вопрос вторично на Политбюро после предварительного заключения Ленина; 3) Создать специальную комиссию из юристов, «за которых можно ручаться, что они правильно понимают дело» и главной задачей этой комиссии признать: «полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы. Не рабское подражание буржуазному гражданскому праву, а ряд ограничений его в духе наших законов, без стеснения хозяйственной или торговой работы» [117].

Ленинские указания легли в основу разработки нового положения об НК РКИ и нашли свое воплощение в Гражданском кодексе РСФСР, утвержденном IV сессией ВЦИК IX созыва в октябре 1922 г.

Уже 7 марта 1922 г. было принято постановление СТО «Об отчетности государственных, кооперативных и частных предприятий перед государственными учреждениями», а вслед за этим 16 марта 1922 г. ВЦИК утвердил новый декрет «О Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции» [118].

Декрет от 16 марта был издан в разъяснение Положения об НК РКИ, принятого ВЦИК 9 января 1922 г., и возлагал на Народный комиссариат РКИ обязанность *последующего и фактического* контроля «всех денежных и материальных средств, отпускаемых и кредитуемых всем без

[114] Свод законов римского права.
[115] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398.
[116] Там же, стр. 399.
[117] Там же, стр. 401.
[118] Пометки В. И. Ленина на проекте постановления ВЦИК о НК РКИ и письмо И. В. Сталину см. там же, стр. 413—414.

исключения государственным, общественным, частным и смешанного типа организациям, учреждениям и предприятиям, или собираемых как добровольные взносы и пожертвования на государственные и общественные нужды и цели». РКИ должна была организовать также наблюдение за выполнением всеми этими организациями и учреждениями поручений и договоров, заключенных с государственными органами, а также «за правильным использованием сданного госорганами в аренду имущества» [119].

Так было оформлено и закреплено право контроля государства над всеми без исключения предприятиями, в том числе и частными. Что же касается Гражданского кодекса, то В. И. Ленин 2 марта 1922 г. внес предложение подработать его детально, и поэтому кодекс не был поставлен на утверждение очередной сессии ВЦИК. 22 марта Политбюро ЦК приняло следующее решение: «Предложить т. Курскому впредь до выработки положения о введении твердых норм гражданского уложения и правоотношений внести в СНК, а затем во ВЦИК провозглашение основных имущественных прав, которые признаются РСФСР, охраняются законом и защищаются судом» [120].

Проект этого декрета начал готовиться в Наркомюсте непосредственно в те дни, когда В. И. Ленин, сначала в речи 6 марта 1922 г. на комфракции съезда металлистов, а затем на XI съезде партии сказал об окончании отступления и переходе к подготовке наступления на частнохозяйственный капитал. Нарком юстиции Д. И. Курский, ссылаясь на «отмену отступления», высказал мнение, что в новых условиях необходимость в выработке специальной декларации о частных имущественных правах якобы отпадает.

Узнав об этом, В. И. Ленин в письме Д. И. Курскому от 31 марта строго выговаривал ему: «Я вынужден поставить Вам на вид, что мотивировка такая есть насмешка и что волокита, проявленная и проявляемая Вами, недопустима.

Предлагаю Вам в двухдневный срок максимум... проект декларации гражданских прав представить т. Цюрупе» [121].

Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», устанавливающий взаимоотношения «государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны», был принят III сессией ВЦИК 22 мая 1922 г. Определяя правовые гарантии осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев, декрет предоставлял им право организовывать на территории РСФСР и союзных и договорных с нею республик промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами профессиями и промыслами, с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда.

Всем гражданам, не ограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, предоставлялись следующие имущественные права, защищаемые судами: право собственности на не муниципализированные местными Советами, до издания постановления, строения в город-

[119] СУ, 1922, № 32, ст. 385.
[120] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 633, прим
[121] Там же, стр. 222.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле.
ноябрь 1921 г.

ских и сельских местностях, право застройки земельных участков; право собственности на движимое имущество и товары, не изъятые из оборота; право залога и закладки имущества, а также право его наследования (пределы общей стоимости наследства устанавливались не свыше 10 тыс. золотых рублей). Согласно декрету закон охранял также право на изобретения и авторское право, право заключения всякого рода не запрещенных законом договоров.

В заключение декрета указывалось, что настоящее постановление «не имеет обратной силы и не дает права бывшим собственникам, имущество которых экспроприировано на основании революционного права до издания настоящего постановления, требовать возвращения имущества» [122].

Впоследствии, в связи с окончательным утверждением на IV сессии ВЦИК 31 октября 1922 г. Гражданского кодекса, Ленин в речи на сессии говорил: «...мы и здесь старались соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребление нэпом... Насколько успешны те поправки, которые вы внесли специально с этой целью и которые вы одобрили, — это покажет будущее. Мы ни в коем случае не будем себе связывать рук на этот счет. Если текущая жизнь обнаружит злоупотребления, которых мы недосмотрели раньше, мы сейчас же внесем нужные исправления» [123].

Требуя всегда самых решительных мер борьбы с незаконной деятельностью частного капитала, ставя перед государственными органами и перед профсоюзами задачу защиты классовых интересов рабочего класса на частных предприятиях и строжайших кар за всякое нарушение трудового законодательства, Ленин вместе с тем учил соблюдению определенной грани между разрешенными советскими законами частноправовыми отношениями и тем, что он называл «злоупотреблением нэпом». Поэтому он так решительно настаивал на необходимости законодательного оформления правовых гарантий имущественных прав и постоянно напоминал, что борьба с частным капиталом должна вестись так, чтобы не стеснять и не нарушать возможности его деятельности в установленных советскими законами формах и пределах. Все это имело большое значение не только для последовательного проведения принципов новой экономической политики внутри страны, но и для расширения экономических и торговых связей с международным капиталом и для осуществления правильной концессионной политики [124].

Вопрос о концессиях практически вновь встал перед Советским правительством в начале 1920 г., сразу после снятия блокады. Поэтому тезисы о концессиях, излагающие принципиальные основы и условия их сдачи, были подготовлены В. И. Лениным уже в марте и обсуждены в СНК в начале апреля 1920 г.[125] Но начавшаяся война в Врангелем и белополяками сняла на некоторое время возможность практической реализации концессионной политики.

[122] СУ, 1922, № 36, ст. 423.
[123] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 248.
[124] Текст декрета ВЦИК «О частных имущественных правах...» был вручен советской делегацией председателю подкомиссии частной собственности Ллойд Гримму на Гаагской конференции в июне 1922 г.
[125] См. «Ленинский сборник», XXIV, стр. 36—37.

Лишь в ноябре 1920 г. Совнарком вернулся к обсуждению этого вопроса, и 23 ноября 1920 г. был подписан В. И. Лениным декрет «Об общих экономических и юридических условиях концессий» [126].

В докладе о концессиях на активе Московской организации РКП 6 декабря 1920 г. В. И. Ленин, разъясняя принципиальное значение декрета, подчеркивал, что в нем дана программа восстановления не только для России, но и для всего мирового хозяйства.

«...Россия выступает теперь на весь мир, — говорил он, — она заявляет: мы беремся восстанавливать международное хозяйство — вот наш план. Это экономически правильно. Советская власть за это время окрепла и не только окрепла сама, но выступает с планом восстановления всего мирового хозяйства» [127]. «...Мы выдвинули план построения хозяйства, мы привлекаем на свою сторону все государства, которые разорены войной» [128], «в декрете о концессиях мы выступаем от имени всего человечества с экономически безупречной программой восстановления экономических сил мира на почве использования всего сырья, где бы оно ни было» [129], — вновь и вновь повторял он.

Конечно, напоминал Владимир Ильич, эта программа имеет прежде всего пропагандистское значение, но экономически она бесспорна [130].

В заключительном слове по докладу 6 декабря Ленин дал подробный разбор каждого пункта декрета 23 ноября, рассказал о возможных объектах концессий (лесные концессии, горные концессии в Сибири, сельскохозяйственные концессии и т. д.). Перечисляя эти объекты, он спокойно и трезво предупреждал: «...вот сейчас мы уже волнуемся, а никто еще концессий не брал. Когда некоторые товарищи говорят: „Ну, пришел конец, теперь все повалят к нам“, я повторяю, еще возможно, что никто и не захочет этого вообще» [131].

В то же время Ленин уделял большое внимание тому, чтобы декрет о концессиях стал широко известен за границей, издан отдельной брошюрой с приложением карт и предполагаемых объектов концессий. Такая книга была выпущена в конце 1920 г. на русском языке [132], она была роздана на VIII съезде Советов всем делегатам, и Ленин говорил о необходимости ее издания на иностранных языках [133]. Об этом же он писал В. П. Милютину в январе 1921 г., требуя отправки телеграмм и писем за границу с разъяснением советской концессионной политики [134].

Почти во всех выступлениях конца 1920 г., а затем после перехода к нэпу, на протяжении 1921 и 1922 гг., Ленин подробно останавливался на вопросе о концессиях, их роли и значении в быстрейшем восстанов-

[126] СУ, 1920, № 91, ст. 481.
[127] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 69—70.
[128] Там же, стр. 71.
[129] Там же, стр. 72.
[130] См. там же, стр. 79.
[131] Там же, стр. 82.
[132] «О концессиях. Декрет СНК от 23 ноября 1920 г. Текст декрета. Объекты концессий. Карты». М., 1920.
[133] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 106.
[134] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 56. Декрет СНК о концессиях, карты лесных, продовольственных и горных концессий, а также ряд статей советских руководящих работников были опубликованы в 1921 г. на немецком языке в № 1 — 2 журнала «Russische Korrespondenz» («Русская корреспонденция») (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 470, прим.).

лении народного хозяйства страны. Он сделал специальный доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов, уделил этому вопросу большое внимание в выступлениях на X съезде партии, в докладе о продовольственном налоге 9 апреля 1921 г., в докладе на фракции ВЦСПС 11 апреля, в работе «О продовольственном налоге», в выступлениях на майской партконференции, на III конгрессе Коминтерна, а затем в 1922 г. на XI съезде партии и на IV конгрессе Коминтерна.

В своих первых выступлениях сразу же после опубликования декрета от 23 ноября 1920 г. Ленин сугубо подчеркивал прежде всего *политическое* значение концессий. В условиях, когда ни одного не только концессионного, но и торгового договора ни с одной капиталистической страной еще не было заключено, это было особенно важно. Ленинский декрет о концессиях не только давал программу восстановления мирового хозяйства, но излагал по существу условия мирного экономического сотрудничества и сосуществования Советской страны с капиталистическими государствами. Поэтому Ленин, рассказывая на VIII съезде Советов о переговорах с американцем Вандерлипом о сдаче в концессию Камчатки, которая находилась в то время еще в руках японских войск, говорил: «...главные интересы при переговорах о концессиях были у нас политические. И события последнего времени доказали с полнейшей очевидностью, что мы одними разговорами об этих концессиях уже выиграли...

Значит, экономически этот вопрос совершенно второстепенный и вся сущность его заключается в интересе политическом» [135].

Политический интерес состоял также в том, что концессии, и даже только переговоры о них, могли стать важным средством улучшения международной обстановки, восстановления торговых связей и предотвращения опасности новой интервенции.

«...Не пойдут на концессии те, кто хочет воевать, — говорил Ленин в докладе 6 декабря 1920 г. — Существование концессий есть экономический и политический довод против войны. Те государства, которые могли бы с нами воевать, воевать не смогут, если возьмут концессии, это связывает» [136].

Большое значение Ленин придавал тому, что самый факт опубликования декрета о концессиях вызвал сильнейшую реакцию в капиталистических странах, обострил противоречия между ними. Переговоры с Вандерлипом о концессии на Камчатке сразу же усилили противоречия между США и Японией. Французская буржуазия заявила о своих преимущественных правах на концессии в России, и это затрудняло «Англии и Франции военный союз против нас» [137]. Германия была очень заинтересована в продовольственных концессиях и потому, хотя «немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания» [138].

Неоднократно Ленин в это время прямо говорил о политике «приманивания», «подманивания» или «заманивания» империалистов концес-

[135] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 95, 96.
[136] Там же, стр. 76.
[137] Там же, стр. 104.
[138] Там же, стр. 105.

сиями [139]. Как показало будущее, эта политика действительно дала свои результаты, помогла созданию факторов, обеспечивших возможность целой полосы мирного сосуществования.

После перехода к нэпу в докладе о концессиях на фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. Ленин еще шире и глубже развил эту аргументацию. «Мы должны суметь, — указывал он, — опираясь на особенности капиталистического мира и используя жадность капиталистов к сырью, извлечь отсюда такие выгоды, чтобы укрепить свое экономическое положение — как это ни странно — среди капиталистов... Сейчас мы либо используем вражду между трестами, либо мы окажемся неприспособленными к капиталистическим особенностям и существовать в системе капиталистического окружения не сможем» [140]. Определяя первые политические итоги концессионной политики, Ленин говорил: «Вчера международный капитал хотел нас задушить, а сегодня с этим международным капиталом у нас есть ряд договоров» [141].

Когда в марте 1921 г. был заключен торговый договор с Англией, а еще раньше со странами Востока (Турция, Персия), Ленин все больше начал переносить центр тяжести вопроса о концессиях с политической на экономическую сторону. «Пролетарская власть посредством концессий, — говорил он в политотчете ЦК на X съезде партии, — может обеспечить себе соглашение с капиталистическими государствами передовых стран, и от этого соглашения зависит усиление нашей промышленности, без чего мы не можем двинуться дальше по пути к коммунистическому строю» [142]. «Без концессий мы не можем рассчитывать на помощь высокооборудованной современной капиталистической техники» [143], — повторил Владимир Ильич в речи при закрытии съезда.

В докладе на фракции ВЦСПС 11 апреля он доказывал, что «основная ось концессионной политики» заключается в улучшении положения рабочих и не только на концессионных предприятиях, но и на государственных, ибо это поможет получить дополнительные продукты и предметы потребления из-за границы [144].

Ленин много раз напоминал в марте—мае 1921 г., что на практике «мы ни одной концессии не получили» [145], что «мы усиленно стремимся заключать концессии, но, к сожалению, до сих пор ни одной не заключили» [146]. Если найдутся такие люди, которые этому порадуются, указывал он, «то это печально, ибо, если мы не привлечем капитала к концессиям, значит, никакой хозяйственной деловитости у нас нет» [147].

«По-прежнему дело стоит так, — говорил Ленин на майской партконференции, — что мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили. Вся трудность состоит в том, чтобы найти

[139] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 55, 68, 79, 100.
[140] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 176.
[141] Там же, стр. 190.
[142] Там же, стр. 29.
[143] Там же, стр. 121.
[144] Там же, стр. 171.
[145] Там же, стр. 21.
[146] Там же, стр. 159.
[147] Там же, стр. 167.

практически проверенный способ привлечения западноевропейского капитала» [148].

Все это показывает, какое большое значение Ленин придавал проведению концессионной политики с точки зрения внешнеполитической и для быстрейшего решения задач экономического возрождения страны.

Трезвый, очень дальновидный и правильный расчет лежал в основе ленинской политики концессий. Это тоже была своего рода форма соревнования, форма войны и военного состязания «двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического» [149], и в этой войне надо было доказать, что коммунистическое хозяйство сильнее и «советская власть догонит и обгонит капиталистов» [150].

Чтобы выиграть эту войну, необходима была правильная концессионная политика, и Ленин поэтому предупреждал, что «совершенно нелепо было бы, если бы Советская власть большую часть того, что ей принадлежит, раздала бы в концессии; тогда бы вышла не концессия, а возвращение к капитализму. Концессии не страшны, пока мы держим в руках все государственные предприятия и взвешиваем точно и строго, какие и на каких условиях мы можем отдать концессии и в каких размерах» [151].

Основные принципы концессионной политики Ленин как бы суммировал и обобщил в работе «О продовольственном налоге». «В меру и осторожно проведенная, концессионная политика, — писал он, — несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной, небольшой, степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, — конечно, ценой известных жертв... Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика» [152].

Глубокое и всестороннее обоснование значения и принципов концессионной политики Советского государства явилось прочным фундаментом для ее практического осуществления. В. И. Ленин непосредственно руководил всеми переговорами о концессиях, участвовал в разработке и рассмотрении концессионных договоров, лично вел переговоры с некоторыми концессионерами, вникал в каждую деталь этих переговоров, добиваясь всегда выгодных для Советской страны результатов.

Когда в марте 1921 г. началась разработка специального документа об основных принципах концессионных договоров, подготовка которого была поручена ВСНХ, В. И. Ленин, рассмотрев присланные ему материалы, резко раскритиковал проект и писал А. И. Рыкову: «Тьма никчемных и смешных мелочей... и *не выделено серьезное*» [153]. Владимир Ильич внес в первоначальный проект свои дополнения и поправки [154], и его предложения были положены в основу постановления СНК, принятого 29 марта 1921 г. В докладе на фракции ВЦСПС 11 апреля В. И. Ленин

[148] Там же, стр. 305.
[149] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 75.
[150] Там же, стр. 77.
[151] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 161.
[152] Там же, стр. 224.
[153] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 115.
[154] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 148.

зачитал и прокомментировал пункт за пунктом весь текст этого документа [155].

По инициативе Ленина была создана концессионная комиссия и выделены группы специалистов по отдельным видам концессий. В октябре 1921 г. Ленин внес в Политбюро ЦК предложение о создании единой комиссии по концессиям [156], а 24 ноября поставил на Политбюро вопрос об организации и составе Концессионного комитета при Госплане. В письме к Г. М. Кржижановскому от 11 марта 1922 г. Ленин давал подробные указания о характере и задачах работы Концессионного комитета [157]. Однако вскоре, очевидно в связи с расширением переговоров о концессиях, постановлением СНК от 4 апреля 1922 г. был учрежден «Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах» при СТО, на который возлагалась обязанность вносить на утверждение СНК и СТО проекты концессионных договоров и уставы акционерных обществ.

Первым по времени фактически встал вопрос о нефтяных концессиях. Это объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, положение нефтепромыслов Баку и Грозного после окончания гражданской войны было чрезвычайно тяжелым, длительное бездействие нефтяных скважин грозило их обводнением. В. И. Ленин внимательно изучил доклад Л. Б. Красина «Об опасности утраты нефтеносных площадей и о концессиях в Баку и Грозном», а также материалы видных специалистов Главнефти, которые сигнализировали об угрозе затопления нефтяных месторождений. Все это требовало срочного принятия чрезвычайных мер для спасения нефтяной промышленности.

Во-вторых, деловые предложения о концессиях со стороны капиталистических государств относились прежде всего к нефтяной промышленности [158]. Уже 16 января 1921 г. В. И. Ленин получил телеграмму М. М. Литвинова и Г. В. Чичерина, излагавшую предложения нефтяного синдиката «Роял Датч» о предоставлении ему монопольного права на экспорт нефти из Советской России и о сдаче в концессию некоторых нефтяных районов. В записке Н. П. Горбунову по поводу этой телеграммы Ленин дал следующий ответ: «Я *за опыт* переговоров, *архиосторожный*» [159].

[155] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 167—181.
[156] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 176.
[157] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 22.
[158] В это время на мировом нефтяном рынке шла острая борьба между двумя крупнейшими монополистами нефти — американским трестом «Стандарт-ойл» и англо-голландской фирмой «Роял Датч Шелл». После Октябрьской революции они скупали акции русских нефтяных предприятий, национализированных Советским правительством, рассчитывая на реставрацию капитализма в России и успех интервенции. Когда эти надежды не оправдались, нефтяные монополисты вынуждены были начать переговоры с Советским правительством о концессиях. Глава концерна «Роял Датч» Детердинг настаивал, чтобы концессии предоставлялись пропорционально бывшим нефтяным владениям, поскольку в Бакинском районе преобладал английский капитал. Борьба между двумя нефтяными концернами особенно разгорелась во время Генуэзской конференции. Впоследствии «Роял Датч» вынужден был отступить перед своим американским соперником (см. об этом подробнее: Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953, стр. 310—319 и др.).
[159] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 48.

Через несколько дней (21 января) В. И. Ленин вновь писал Н. П. Горбунову, что вопрос о нефтяных концессиях «такой важный, что надо выработать *точный* текст *директивы* за подписью председателя ВСНХ... Начать переговоры, но настолько осторожно, чтобы абсолютно не обязываться ничем до особого решения Цека. Цель — выяснить предложения» [160].

24 января 1921 г. ВСНХ постановил признать желательными переговоры с синдикатом «Роял Датч» об экспорте нефтепродуктов из Бакинского и Грозненского районов и о праве эксплуатации в концессионном порядке новых нефтяных месторождений. Синдикат должен был взять на себя обязательство снабдить нефтепромышленность новым оборудованием и провести нефтепровод [161].

1 февраля 1921 г. СНК принял следующее решение, проект которого был подготовлен В. И. Лениным [162]: «одобрить в принципе выдачу нефтяных концессий в Грозном и в Баку и на других действующих промыслах и начать переговоры, ведя их ускоренно» [163]. Одновременно СНК поручал ВСНХ послать в Баку и Грозный высококомпетентную комиссию для обследования вопроса об обеспечении добычи нефти и выяснения причин возможной катастрофы при теперешней эксплуатации промыслов.

После принятия решения СНК вопрос о концессиях обсуждался 5 февраля на заседании Политбюро ЦК. В это же время было, очевидно, запрошено мнение специалистов Главнефти. Получив их ответы, Ленин 12 февраля написал письмо членам Политбюро ЦК, в котором изложил подробно свою точку зрения по вопросу о нефтяных концессиях. Он считал, что деловые и аргументированные доклады специалистов Главнефти доказывают вполне: «(а) что катастрофа грозит и *близко*; (б) что концессии необходимо изо всех сил постараться дать (т. е. концессионеров найти) в Баку...» [164] Владимир Ильич просил членов Политбюро ознакомиться со всеми материалами, чтобы вновь обсудить вопрос в ЦК, выработать спешно необходимые условия для сдачи концессий. Он указывал, что еще довольно «проблематично», найдется ли концессионер, согласный на такие условия, но «наше дело — все усилия приложить, чтобы нашлись такие концессионеры» [165]. В письме приводился также расчет тех выгод, которые могут дать концессии, и предлагалось начать немедленно борьбу с вредными предрассудками против концессий, которые могут увлечь часть рабочих.

Вопрос о нефтяных концессиях обсуждался на специальном совещании членов ЦК, где Ленин делал свои заметки [166], на заседании Политбюро 16 февраля и на пленуме ЦК 24 февраля 1921 г.

В это же примерно время (вторая половина февраля 1921 г.) Ленин написал план письма бакинским товарищам, в котором указывал на вред разногласий по вопросу о концессиях и развивал дополнительную аргументацию в защиту концессионной политики. «Можно ли ставить задачей

[160] Там же, стр. 53.
[161] См. там же, стр. 360—361, прим.
[162] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54. стр. 437.
[163] Там же, стр. 720, прим.
[164] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 334.
[165] Там же, стр. 335.
[166] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 147—148.

нам сейчас: сладить самим, или это левое ребячество, или глупое доктринерство?» Отвечая на этот вопрос, он писал: «ввиду гигантской опасности провала Советской власти из-за экономической разрухи и отсталости, опасности *отстать, не догнать*, задачу ставить только так: *при помощи* союза с иностранным капиталом *догнать*?» [167] Ясно и кратко он сформулировал экономическое значение концессий, выделив два основных момента: «блок с *передовым государственным* капитализмом против *мелкобуржуазной* и *отсталой* стихии» и «блок с одним *империалистским* трестом против другого». И в заключение: «Мы учимся всерьез, а не кричим „шапками закидаем“» [168].

В выступлениях на X съезде партии Ленин подробно рассказал о ходе обсуждения вопроса о нефтяных концессиях в ЦК и Совнаркоме, подчеркивая, что «ЦК разбирал вопрос о сдаче концессий в Грозном и Баку основательно. Несколько раз создавались специальные комиссии, требовались специальные отчеты от заинтересованных ведомств. Разногласия были, было несколько голосований, после последнего голосования ни одна группа членов ЦК и ни один член ЦК не пожелали воспользоваться своим бесспорным правом апелляции к съезду. Я думаю, что новый ЦК имеет полное право, формальное и по существу, опираясь на решение съезда, решить этот крупный вопрос» [169].

X съезд партии в своей резолюции «Советская республика в капиталистическом окружении» одобрил в принципе сдачу в концессию части грозненских и бакинских промыслов, и вскоре после окончания съезда Ленин телеграфировал Л. Б. Красину: «Партсъезд одобрил защищавшуюся мной линию о концессиях в Грозном и в Баку. Ускорьте переговоры об этих, равно о всяких других концессиях. Информируйте меня чаще» [170]. Так в течение более четырех месяцев после опубликования декрета о концессиях 23 ноября 1920 г. Ленин настойчиво и последовательно добивался понимания и одобрения концессионной политики Советского государства. Эта цель была достигнута. Значительно труднее было получить реальные результаты в переговорах с капиталистическими странами. По поводу нефтяных концессий предложения делались и Англии, и Италии, и Германии [171]. Лишь в сентябре 1922 г. было подписано два договора с американской нефтяной компанией «Интернэшнл Барсдолл корпорейшн» на эксплуатацию Балаханских нефтяных скважин в Баку, и В. И. Ленин в ноябре 1922 г. запрашивал председателя Азнефти А. П. Серебровского, приступили ли концессионеры к работе и каковы результаты [172].

Практически руководил В. И. Ленин и переговорами о заключении других концессионных договоров. Наибольший интерес представляет история первой концессии на территории Советской республики, заключенной с Американской объединенной компанией медикаментов и химических препаратов, так называемой концессии Хаммера. Эта концессия имела

[167] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 424—425.
[168] Там же, стр. 425—426.
[169] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 121.
[170] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 102—103.
[171] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 139—140.
[172] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 59—60. А. П. Серебровский в своих воспоминаниях рассказывал, что работы фактически начались только в 1924 г., когда прибыло новое оборудование.

некоторые существенные особенности. Американский миллионер Хаммер (русский родом) сочувствовал Советской власти, был связан с американскими коммунистами. Его сын (и компаньон) Арманд Хаммер (врач по образованию) в октябре 1921 г. приехал в Москву и привез в подарок Наркомздраву хирургические инструменты стоимостью в 60 тыс. долларов. Он вел также переговоры о доставке миллиона пудов хлеба для уральских рабочих на льготных условиях. Получив эти сведения от Б. И. Рейнштейна, в прошлом активного деятеля американского рабочего движения, вернувшегося в Россию в 1917 г. и вступившего затем в ряды РКП(б), В. И. Ленин написал письмо членам ЦК [173] и в дальнейшем внимательно следил за всем ходом переговоров с Хаммером [174]. Договор с А. Хаммером о концессии на асбестовые рудники Алапаевского района на Урале, а также на доставку миллиона пудов хлеба был 4 ноября 1921 г. утвержден СТО [175]. Незадолго до его подписания В. И. Ленин писал Л. К. Мартенсу, что необходимо придать всему соглашению с Хаммером точный юридический вид концессии, ибо «важно показать и напечатать (потом, после *начала исполнения*), что американцы *пошли* на *концессии*. Политически важно» [176]. «Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение, как начало торговли» [177], — вновь подчеркивал Владимир Ильич в письме к И. И. Радченко в Наркомвнешторг 27 октября 1921 г.

В личном письме А. Хаммеру от 3 ноября того же года В. И. Ленин, принося извинения за то, что не смог его принять перед отъездом в Америку, просил передать привет его отцу и американским коммунистам, находящимся в тюрьме, и выражал благодарность «в связи с присылкой муки для наших рабочих и в связи с Вашей концессией. Это начинание крайне важно. Я надеюсь, что оно будет иметь огромное значение» [178].

В дальнейшем Ленин внимательно следил за прибытием первых пароходов с пшеницей по договору с Хаммером [179], требовал оказания содействия его уполномоченным в России [180] и соблюдения обязательств по концессии «с неукоснительной строгостью и аккуратностью» [181].

Когда А. Хаммер вновь приехал в Советскую Россию, В. И. Ленин в письме к нему от 11 мая 1922 г. выразил свои пожелания полного успеха «первой концессии» и указал, что «этот успех будет иметь большое значение также и для торговых сношений между нашей Республикой и Соединенными Штатами» [182].

В связи с поездкой А. Хаммера в Петроград Ленин дал ему специальное рекомендательное письмо, а в телефонограмме Г. Е. Зиновьеву сообщал, что отец А. Хаммера «миллионер, коммунист (сидит в *тюрьме* в Америке). Он взял у нас первую *концессию*, очень выгодную для нас.

[173] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 267.
[174] См. там же, стр. 268—269, 271—272, 282—283, 310, 311 и др.
[175] См. там же, стр. 433, прим.
[176] Там же, стр. 283.
[177] Там же, стр. 311.
[178] Там же, стр. 324.
[179] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 20
[180] См. там же, стр. 61.
[181] Там же, стр. 226.
[182] Там же, стр. 252.

Он едет в Питер, чтобы присутствовать при разгрузке первого парохода с пшеницей и наладить получение машин для его концессии ((асбестовые рудники))»[183].

О значении концессии Хаммера Ленин еще раз напомнил в письме И. В. Сталину для членов Политбюро от 24 мая 1922 г., подчеркивая, что именно эта концессия прокладывала «маленькую дорожку» «к американскому „деловому" миру, и надо *всячески* использовать эту дорожку»[184].

В. И. Ленин принимал активное участие в заключении концессии с Северным телеграфным обществом об эксплуатации телеграфных линий, соединяющих телеграфы Дании, Японии, Швеции и Китая с Советской Россией[185], в подписании договора о создании русско-германского авиационного общества по организации воздушных сообщений между Москвой и Берлином[186], в переговорах с германской фирмой Круппа о сдаче в концессию 50 тыс. десятин земли в Сальском округе Донской области для ведения рационального сельского хозяйства[187], с акционерным обществом шведских шарикоподшипниковых заводов («СКФ»)[188], с консорциумом германских фирм (Отто Вольф) о создании русско-германского торгового акционерного общества[189], с английскими и голландскими фирмами о лесных концессиях в Архангельской губернии[190] и т. д. При переговорах с фирмой Круппа на сдачу сельскохозяйственной концессии Ленин подчеркивал ее «громадное не только экономическое, но и политическое значение»[191], доказывал важность заключения хотя бы одного, а «еще лучше несколько договоров на концессии именно с немецкими фирмами» и именно накануне созыва Генуэзской конференции и призывал к борьбе против предрассудков, которые имеются еще в верхах ВСНХ «против концессий и нефтяных и земледельческих и других»[192].

Наиболее крупной и важной из предполагаемых к сдаче концессий являлась концессия на горные рудники Кыштыма, Риддера, Таналыка, Экибастуза (добыча меди, свинца и т. д.) на Урале, в Сибири и Казахстане. Переговоры о концессии велись с бывшим владельцем этих горных предприятий, крупным английским промышленником и финансистом Лесли Уркартом. Они начались еще в июне 1921 г. в Лондоне между Л. Б. Красиным и Уркартом, а потом продолжались в Москве в августе—сентябре того же года. В. И. Ленин уделял этой концессии больше всего внимания, вопрос о ней много раз обсуждался на заседаниях Политбюро ЦК и в Совнаркоме, сохранилось множество ленинских писем, выступлений,

[183] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54. стр. 253; см. также письмо В. И. Ленина по вопросу о концессии Хаммера от 22 мая 1922 г. (там же, стр. 270—271).
[184] Там же, стр. 272.
[185] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 112. Договор был подписан В. И. Лениным 21 июля 1921 г. (см. там же, стр. 380, прим.).
[186] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 577, прим. Договор был утвержден СНК 13 декабря 1921 г.
[187] См. там же, стр. 135—136, 211, 249. Договор с фирмой Круппа был подписан 23 марта 1922 г.
[188] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 6, 113, 260, 287, 288, 296—297. Договор с «СКФ» был подписан в апреле 1923 г.
[189] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 225—227. Договор был подписан в Берлине 16 ноября 1922 г.
[190] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 191.
[191] Там же, стр. 211.
[192] Там же, стр. 136.

документов по этому поводу. Сами переговоры продолжались около полутора лет (с июня 1921 до октября 1922 г.), и, хотя концессия по настоянию Ленина была отвергнута, изучение документов, с нею связанных, дает еще один наглядный пример практического применения и проведения ленинских принципов концессионной политики.

Уже в начале переговоров Ленин в телефонограмме в ВСНХ П. А. Богданову от 17 июля 1921 г. затребовал подробные данные о предприятиях, предполагаемых к сдаче в концессию [193]. Когда Л. Уркарт приехал в Москву, обсуждение с ним условий договора было поручено Л. Б. Красину, П. А. Богданову и Г. М. Кржижановскому, а также целой группе крупных специалистов. «Для нас имеет исключительную важность,— писал В. И. Ленин Г. М. Кржижановскому 22 августа 1921 г.,— поставить дело так, чтобы концессионер, желающий получить чуть не все медные рудники России, во-первых, гарантировал бы нам долевое отчисление и получение его нами в короткий срок, во-вторых, чтобы мы имели возможность получить от концессионера необходимое оборудование для развития дела на наших собственных рудниках» [194].

15 сентября 1921 г. вопрос о концессии Уркарта рассматривался на Политбюро ЦК а через несколько дней Ленин принял и долго беседовал с управляющим Риддеровскими рудниками Е. Ф. Домненко [195].

Положение на рудниках было в это время очень тяжелое, работы почти приостановились. 29 сентября Домненко сообщил Ленину, что установлены факты посылки писем, денег и одежды риддеровским специалистам их бывшим хозяином — Уркартом [196]. В. И. Ленин внимательно прочел эту телеграмму, сделал на ней свои пометки, и в результате по его предложению была создана специальная комиссия во главе со старым большевиком И. К. Михайловым для обследования положения на Риддеровских рудниках. В начале декабря Ленин поручил Н. П. Горбунову проследить, *«все ли делается для быстрого и своевременного* создания комиссии и изучения дела о концессии Уркарта» [197]. В письме к «партийным товарищам Сибири, Урала и Киргизстана» от 5 ноября 1921 г. Владимир Ильич предлагал оказать комиссии *«всяческое и всестороннее* содействие», ибо «Дело имеет громадную общегосударственную и общефедеративную важность» [198].

Комиссия приступила к работе, однако именно в это время (октябрь 1921 г.) Уркарт прервал переговоры и начал вести антисоветскую кампанию в расчете «выторговать» серьезные уступки при заключении концессии.

Трезво учитывая этот расчет, Ленин не форсировал возобновления переговоров, в феврале 1922 г. после возвращения комиссии затребовал ее отчет и выводы [199] и поставил ряд дополнительных вопросов, прежде всего о возможности восстановить рудники без концессионеров [200]. В марте 1922 г. комиссия представила письменный отчет, в котором пришла к вы-

[193] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 38.
[194] Там же, стр. 132—133.
[195] Краткую запись Лениным этой беседы см.: «Ленинский сборник», XXIII, стр. 65.
[196] См. там же, стр. 67.
[197] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 237.
[198] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 3.
[199] См. там же, стр. 172.
[200] См. там же, стр. 178.

воду, что в разрушении обследованных ею горных предприятий виноваты иностранные империалисты, высказалась против предоставления концессии Уркарту и указала, что эти предприятия могут быть восстановлены силами Советского государства.

Вопрос о концессии Уркарта вновь встал практически после Гаагской конференции, где Советское правительство представило обширный план предполагаемых к сдаче концессий. На конференции присутствовал Л. Уркарт в качестве эксперта английской делегации.

В. И. Ленин в письме к И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК от 4 сентября 1922 г. внес следующее предложение: «Дать концессию Уркарту только при условии предоставления нам большого займа» и просил всех членов Политбюро ознакомиться с докладом комиссии, высказавшейся отрицательно по поводу сдачи концессии Уркарту [201].

Но через несколько дней стало известно, что 9 сентября 1922 г. Л. Б. Красин подписал предварительный договор с Уркартом на условиях, для него весьма выгодных (обязательство Советского правительства внести 20 млн. рублей золотом на восстановление оборотного капитала взамен лишь части будущих прибылей) и на очень длительный срок (99 лет) с правом Советского правительства по истечении 40 лет досрочно выкупить все концессионные предприятия.

Ознакомившись с договором, Ленин сразу же в письме в Политбюро ЦК от 12 сентября 1922 г. решительно предложил *«отвергнуть* эту концессию», оценил условия договора как «кабалу и грабеж» и указал, что такие условия могут стать прецедентом при дальнейших переговорах [202].

Поскольку предварительный договор с Уркартом подлежал утверждению Совнаркома в месячный срок со дня его подписания, Ленин поставил этот вопрос на обсуждение Политбюро (14, 21, 28 сентября 1922 г.) и в письме Г. Е. Зиновьеву (которое просил дать прочесть членам Политбюро) писал: «Насчет Уркарта я отказываюсь от своих колебаний. Есть уже американские предложения. Баку гораздо важнее и лучше. Есть *решение* комиссии ЦК (Смилга+Андреев+Красин), которое *прямо* нарушено Красиным. Есть все прочие минусы (99 лет; необъятность размеров и пр.)» [203].

Напомним, что в момент возобновления переговоров с Уркартом и подписания Л. Б. Красиным предварительного договора В. И. Ленин только начал поправляться после тяжелой болезни, находился еще в Горках (откуда и писал сентябрьские письма) и не мог непосредственно участвовать во всем ходе переговоров. Вернувшись в Москву 2 октября и приступив к работе, Владимир Ильич повел активную борьбу за расторжение договора и в письме к Л. Б. Каменеву прямо заявлял: «Я *против* концессии Уркарта» [204].

5 октября 1922 г. пленум ЦК принял решение об отклонении концессии Уркарта. При формулировке мотивов отклонения решено было, очевидно по предложению Ленина, перенести центр внимания на внешнеполитические вопросы, касающиеся в целом взаимоотношений с Англией и связанные с созывом Лозаннской конференции по ближневосточным

[201] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 205.
[202] Там же, стр. 208.
[203] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 284—285.
[204] Там же, стр. 292.

вопросам, от участия в которой Англия, Франция и Италия пытались вначале отстранить Советскую Россию. Поэтому в решении пленума ЦК от 5 октября указывалось, что «мотивом отклонения, между прочим, служит неустойчивость торгового договора с Англией, который может быть отменен Англией односторонним актом и в любой момент. Основным же мотивом является недопустимость для Советской России подписать исключительную по объему и значению концессию ввиду враждебной политики Англии в данный момент в жизненном для России вопросе о Дарданеллах. Этот мотив исключительно должен быть указан в официальном постановлении СНК» [205].

В декрете СНК от 6 октября 1922 г. «Об отклонении предварительного договора, подписанного в Берлине гр. Л. Уркартом и Л. Б. Красиным» в соответствии с директивами пленума ЦК, указывалось, что «СНК, признавая согласно неоднократным своим заявлениям, крайнюю желательность участия иностранного капитала в хозяйственном восстановлении Советской республики и, в частности, считая желательным на определенных условиях заключение договора с Русско-Азиатским объединенным обществом (Уркарт), полагает, что чрезвычайно широкий объем концессии, ее хозяйственное и политическое значение требовали бы в первую очередь дружеских, прочных и урегулированных отношений между Советской республикой и правительством страны, в которой находится центр Русско-Азиатского объединенного общества. Между тем последние действия правительства Англии, фактически устраняющие Советскую Россию от равноправного с другими государствами обсуждения ее жизненных хозяйственных интересов на Ближнем Востоке и в Черном море, явно указывают на отсутствие указанных выше желательных отношений» [206]. При этих условиях СНК постановил предварительный договор с Уркартом отклонить.

Это был один из последних декретов Советского правительства, подписанных В. И. Лениным. В решении этого практического вопроса нашли яркое воплощение ленинские принципы концессионной политики, необычайно тесное переплетение и неразрывная связь политических и экономических задач при переговорах о концессиях и последовательное отстаивание перед лицом всего мира интересов Советского государства, его суверенитета, незыблемости основ его социального строя и полной независимости его внешнеполитической линии. Показательно также, что, отвергнув договор с Уркартом, Советское правительство вовсе не закрывало путей для дальнейших переговоров.

Так, на последнем заседании октябрьского пленума ЦК 1922 г. (7 октября) М. М. Литвинову было поручено «выяснить Уркарту указанные в постановлении СНК причины отклонения столь важной концессии, а равно недостатки существующего торгового договора с Англией и не отказываться от возобновления переговоров с Уркартом с тем, чтобы непременным предварительным условием соглашения с Уркартом была миролюбивая политика Англии в проливах» [207].

Позицию Советского правительства по вопросу о концессии Уркарта Ленин открыто и во всеуслышание изложил в интервью коррес-

[205] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 554, прим.
[206] СУ, 1922, № 62, ст. 806.
[207] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 85, л. 2.

понденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» М. Фарбману 27 октября 1922 г. Отвечая на его вопросы: «Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Уркартом победу „левых коммунистов"?» и «Каковы те объективные условия, которые сделали бы возможным возобновление переговоров и ратификацию договора с Уркартом?», — Ленин заявил: «я могу утверждать совершенно определенно, что о победе левых коммунистов нет и не может быть речи в данное время». Ленин объяснил также, что «несправедливый шаг Англии, выразившийся в нежелании допустить нас на конференцию», был совершенно неожиданным, вызвал возмущение в России, сплотил партию, рабочих и крестьян и поэтому мотивировка отклонения договора с Уркартом «выразила непосредственно, можно сказать, не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т. е. настроение всей рабочей и крестьянской массы» [208].

Что же касается возобновления переговоров с Уркартом, то, указал Ленин, это обусловлено прежде всего необходимостью устранения Англией вопиющих несправедливостей по отношению к России, связанных «со всяким умалением ее прав на участие в конференции по ближневосточным вопросам» [209]. Конкретные же условия договора с Уркартом Советское правительство решило открыто обсудить в печати и «дать высказаться сторонникам и противникам этого соглашения, чтобы из наиболее объективной и мотивированной дискуссии получить материал для серьезнейшей проверки всех „за" и „против" и для решения этого вопроса в духе наибольшего соответствия интересам России» [210].

Каковы же были первые итоги концессионной политики Советского государства в 1921—1922 гг.? В феврале 1922 г. В. И. Ленин запросил у Н. П. Горбунова справку о договорах с иностранными капиталистами. В составленной Управлением делами СНК справке указывалось, что переговоры велись с 96 предпринимателями и представителями капиталистических групп, но в подсчет не вошли лондонские и берлинские материалы. Когда Ленин 27 февраля 1922 г. потребовал представления дополнительных сведений о подписанных договорах и заказах [211], Н. П. Горбунов ответил, что выполнить это указание невозможно из-за отсутствия точных данных [212].

К концу восстановительного периода (в 1924/25 г.) промышленной статистикой было учтено всего 14 (по другим данным 13) действующих промышленных концессий на территории СССР (6 лесных, 5 деревообрабатывающих и 3 горных) [213], а в 1925/26 г. на всех концессионных

[208] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 242.

[209] Там же. Важно напомнить, что в день, когда В. И. Ленин давал интервью Фарбману, британский представитель в Москве по поручению Керзона и от имени правительств Франции, Великобритании и Италии передал Советскому правительству приглашение участвовать на конференции в Лозанне для обсуждения вопроса о проливах. Твердая ленинская политика Советского правительства дала, таким образом, свои результаты.

[210] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 242—243. Дискуссия в печати была проведена: в «Правде» 31 октября, 1—3 ноября 1922 г. опубликованы статьи по этому вопросу (две «за» и две «против»). Как известно, концессия с Уркартом и в последующие годы не была заключена.

[211] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 188, 619, прим.

[212] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 55.

[213] М. Н. Черноморский. Указ. статья, стр. 50.

предприятиях работало 23,5 тыс. рабочих [214] (в том числе на промышленных концессиях — 14,5 тыс. рабочих), доля же концессий в производстве промышленной продукции составляла менее одного процента (0,4%) [215].

В. И. Ленин с самого начала предвидел возможность и вероятность такого именно итога переговоров с капиталистическими государствами и по линии концессий и по линии займов для Советской России. Но и в конце 1922 г., после Генуи и Гааги, где предложения Советского правительства о концессиях не дали прямых практических результатов, Ленин в докладе на IV конгрессе Коминтерна, напоминая, что ни одной прибыльной концессии мы фактически еще не получили, тут же добавлял: «Однако наша концессионная политика кажется мне очень хорошей» [216].

Если Ленин счел возможным дать положительную оценку советской концессионной политике, и притом перед лицом всех братских компартий, то это значило очень много, ибо суть дела заключалась не столько в практических результатах, сколько в установлении взаимоотношений с капиталистическими странами на новой основе. А это было несомненно достигнуто. С другой стороны, переговоры с капиталистами воочию подтвердили, что на их сколько-нибудь серьезную экономическую помощь Советской России надеяться нельзя, что «мы должны... добиться успеха в одиночку». Этот вывод Ленин сделал и сказал о нем в своем последнем выступлении на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. «„В одиночку",— мы себе сказали. „В одиночку",— говорит нам почти каждое из капиталистических государств, с которыми мы какие бы то ни было сделки совершали, с которыми мы какие бы то ни было условия завязывали, с которыми мы какие бы то ни было переговоры начинали» [217]. Однако тут же Ленин заявил, что, научившись маневрировать, мы добьемся обязательно, чтобы любое капиталистическое государство, как бы враждебно к Советской России оно ни было, пошло на неизбежные сделки и сношения с социалистической страной. Недаром пленум Моссовета встретил аплодисментами следующие слова Владимира Ильича: «Тов. Красин, который много раз беседовал с Уркартом, этим главой и опорой всей интервенции, говорил, что Уркарт, после всех попыток навязать нам старый строй во что бы то ни стало, по всей России, садится за стол вместе с ним, Красиным, и начинает говорить: „А почем? А сколько? А на сколько лет?" (Аплодисменты). От этого еще довольно далеко к тому, чтобы мы ряд концессионных сделок заключили и вступили, таким образом, в совершенно точные, непоколебимые — с точки зрения буржуазного общества — договорные отношения, но мы уже видим теперь, что мы к этому подходим, почти подошли, но еще не пришли» [218].

Прошло только полтора месяца после выступления на пленуме Моссовета, и Владимир Ильич в статье «О кооперации», продиктованной им

[214] «Год работы правительства СССР. Материалы к отчету за 1926/1927 г.» М., 1928, стр. 399.
[215] «Фабрично-заводская промышленность СССР в 1925/27 г.» М., 1927, стр. 27.
[216] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 287.
[217] Там же, стр. 304.
[218] Там же, стр. 307.

6 января 1923 г., прямо признал, что концессии, как наиболее чистый вид госкапитализма, «не получили у нас сколько-нибудь значительного развития» [219]. В 1923 г., когда начала становиться на ноги и восстанавливаться социалистическая промышленность, вопрос о концессиях явно потерял свою прежнюю остроту и значение. Но это вовсе не означало изменения общей оценки советской концессионной политики, которую Ленин сам признал «очень хорошей» (как известно, на такие оценки Владимир Ильич был весьма скуп) и которая позволила создать и укрепить новые формы экономических и политических взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами.

3.

Борьба В. И. Ленина за монополию внешней торговли

Примерно через месяц после победы Великой Октябрьской революции В. И. Ленин, подготовляя инструкцию и перечень вопросов по программе первоочередных мероприятий в области экономической политики для обсуждения в Совнаркоме 27 ноября (10 декабря) 1917 гг., включил в эту программу наряду с национализацией банков и национализацией промышленности также специальный пункт о государственной монополии внешней торговли [220].

«Внешняя торговля объявляется монополией государства» [221], — записал он в конце декабря 1917 г. в наброске проекта декрета о национализации банков.

В работе «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) Ленин поставил задачу монополизации внешней торговли в неразрывной связи с другими важнейшими вопросами экономической и финансовой политики (национализация банков, государственный контроль за денежным обращением, введение трудовой повинности и т. д.) [222]. 22 апреля 1918 г. был принят первый декрет о монополии внешней торговли.

Провозглашение монополии внешней торговли в ряду других основных социалистических мероприятий имело большое принципиальное значение, хотя в условиях гражданской войны и особенно до снятия блокады внешняя торговля с капиталистическими странами фактически была прервана.

На IX съезде Советов В. И. Ленин привел следующие данные. «Если проследить все три года, — говорил он, — 1918, 1919 и 1920, — наш привоз из-за границы окажется в 17 с небольшим миллионов пудов, а в 1921 году — 50 миллионов пудов, т. е. в три раза больше, чем за все три предыдущих года вместе взятых. Наш вывоз за первые три года вместе был два с половиной миллиона пудов, за один 1921 год — 11 $^{1}/_{2}$ миллионов пудов. Эта цифра ничтожная, мизерная, до смешного малая... Но все-таки это начало» [223].

[219] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 375.
[220] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 123—124.
[221] Там же, стр. 429.
[222] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182.
[223] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 303.

Только после перехода к новой экономической политике, после заключения первых торговых договоров с капиталистическими странами вопрос о монополии внешней торговли встал практически, а до этого, как вспоминал Л. Б. Красин, монополия внешней торговли воспринималась многими и «казалась чем-то само собой очевидным, так как она вытекала из самой сущности „военного коммунизма“»[224].

Однако Ленин показал, что задача твердого и неуклонного проведения монополии внешней торговли является отнюдь не одним из проявлений «военно-коммунистической» политики, а приобретает решающее значение именно в обстановке новой экономической политики, когда начала усиленно развиваться как внутренняя, так и внешняя торговля. Более того, в письме к Н. И. Бухарину, написанном в марте—апреле 1921 г., Ленин поставил «теоретически интересный», по его мнению, вопрос: «пролетарская государственная власть держит —

Материальная база

{ фабрики
железные дороги
внешнюю торговлю».

Это дает в ее руки необходимый товарный фонд, которым она распоряжается. «Почему это *невозможно*?»[225] — писал он в заключение.

Таким образом, Ленин прямо связывал здесь монополию внешней торговли с наличием в руках пролетарского государства собственности на средства производства в промышленности и на транспорте, с «командными высотами» в экономике. Сам термин «командные высоты» Владимир Ильич использовал в докладе на IV конгрессе Коминтерна[226], он дважды выделил его в плане доклада[227], но только применительно к *сфере производства* (национализация земли, национализация промышленности), как это и вытекало из основных теоретических положений марксизма, сформулированных еще в «Критике Готской программы». Рассматривая замечания Маркса к Готской программе, Г. М. Кржижановский писал в одной из своих статей: «Я отчетливо помню, что когда в 1921 г. мне пришлось беседовать с Владимиром Ильичем именно на эту тему о решающих командных высотах нашей экономики и когда намечалось сопоставить рядом с этими двумя командными высотами, т. е. рядом с национализацией земли и национализацией промышленности, монополию внешней торговли, он присоединился к такому мнению не без некоторого колебания. Как раз к этому времени относятся переговоры Владимира Ильича с хозяйственниками по основным вопросам монополии внешней торговли. Он согласился отнести этот „распределенческий“ момент к нашим командным высотам лишь на основании произведенного им тщательного, конкретного анализа всей нашей хозяйственной обстановки. Лишь тогда, когда для него выяснилось, что наша специфическая хозяйственно-политическая обстановка, со всех сторон сжимаемая вражеским кольцом, является *наиболее эффективно*

[224] См. Л. Б. Красин. Владимир Ильич и внешняя торговля. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2. М., 1957, стр. 572.
[225] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 122.
[226] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 289.
[227] См. там же, стр. 431, 437.

вооруженной методом монополии внешней торговли, он перестал возражать относительно сопоставления трех вышеперечисленных командных высот»[228].

Монополия внешней торговли являлась командной высотой, «доминирующей в области обращения», а не производства, как указывал в заключение Г. М. Кржижановский, но она имела такое важное значение в обеспечении экономической независимости страны в условиях капиталистического окружения, что ставилась Лениным в один ряд с незыблемыми основами советского общества — национализацией земли и национализацией промышленности.

Поэтому сразу же после окончания работы X съезда РКП(б), 17 марта 1921 г., был принят декрет СНК РСФСР «О внешней торговле», вновь подтвердивший государственную монополию в этой области[229].

До образования СССР, т. е. в течение 1921 и почти всего 1922 г. национальные советские республики имели свои внешторги и обладали некоторой самостоятельностью в проведении внешнеторговых операций. В. И. Ленин в ряде случаев считал возможным поддержать эту самостоятельность для быстрейшей закупки оборудования и продовольствия в интересах восстановления промышленности и улучшения положения рабочего класса. Особенно это относилось к Азербайджану и прежде всего к Бакинскому району.

Однако все внешнеторговые операции Азнефткома находились под постоянным контролем Владимира Ильича, все материалы по этим вопросам внимательно изучались по его поручению в Наркомвнешторге, в СНК и СТО[230], велась большая переписка с Г. К. Орджоникидзе[231] и т. д.

Такой же строжайший контроль осуществлялся по отношению к другим закавказским республикам, а также к Украине и Белоруссии в области внешней торговли с другими странами[232].

Если в первые месяцы после перехода к нэпу, когда только начали восстанавливаться торговые отношения с капиталистическими странами, Ленин в известной мере поддерживал развитие самостоятельных внешнеторговых связей советских национальных республик, то к концу 1921 — началу 1922 г. обстановка существенно изменилась.

Во-первых, уже с весны 1922 г. начались переговоры об образовании единого союзного государства, а необходимость объединения внешнеторговой деятельности всех советских национальных республик предусматривалась специальными договорами еще с конца 1920 г.

Во-вторых, В. И. Ленина все больше начинали тревожить отдельные нарушения монополии внешней торговли в практике работы закавказских и дальневосточных внешнеторговых органов.

Так, например, в письме к заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве от 5 декабря 1921 г. он предложил созвать срочно совеща-

[228] Г. М. Кржижановский. К идеологии социалистического строительства. — «Плановое хозяйство», 1926, № 1, стр. 20.
[229] СУ, 1921, № 25, ст. 144.
[230] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 259, 282—283.
[231] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 211, 213, 214 и др.
[232] Письмо В. И. Ленина уполномоченному НКВТ на Украине И. А. Саммеру, запросы Ленина о представлении отчетов НКВТ Белоруссии и т. д. (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 258; т. 53, стр. 168—169, 254).

ние «для рассмотрения вопроса о запрещении Азнефткому и другим организациям производить самостоятельную торговлю нефтепродуктами в Персии и Константинополе» [233]. Вскоре (в начале марта 1922 г.) Политбюро ЦК приняло решение, предлагавшее СНК «принять меры к установлению действительной монополии внешней торговли в смысле прекращения свободного ввоза в Закавказье и Дальневосточные республики» [234].

Наконец, что самое важное, именно в конце 1921 г. начались атаки на монополию внешней торговли сначала со стороны В. П. Милютина, а затем Г. Я. Сокольникова, Г. Л. Пятакова, Н. И. Бухарина. Первый этап этой борьбы был нами уже рассмотрен (см. гл. V, § 3).

Объясняя причины обострения борьбы вокруг монополии внешней торговли, Л. Б. Красин в своих воспоминаниях писал: «Возрождающаяся частная торговля и весь вообще нэп начали оказывать величайший нажим на НКВТ, стремясь к прорыву монополии внешней торговли. Общее увлечение лозунгом развития торговли начало принимать своеобразные формы некоторого советского меркантилизма, лозунгом которого было максимальное развитие торговли всеми и всяческими способами и притом не только внутри страны, но и вовне... Вопрос о монополии внешней торговли был поднят в советской печати, поместившей немало фритредерских статей с требованием если не отмены, то смягчения монополии внешней торговли» [235].

Открытая борьба велась сначала якобы только против монополии Наркомвнешторга как учреждения и за «смягчение», а не отмену монополии. Об этом, например, писал В. И. Ленину 11 ноября 1921 г. председатель Госбанка А. Л. Шейнман. «Притоку иностранного капитала, — говорилось в этом письме, — будет весьма содействовать отмена монополии Комиссариата внешней торговли по внешнему товарообмену России с заграницей. Экспортные и импортные союзы или товарищества являются могучим средством для привлечения иностранного капитала в торговые отношения с Россией. При разрешении ввоза и вывоза иностранных товаров частным учреждениям и лицам требуется установление таможенных сборов ввозных и вывозных». Против этих слов Ленин на полях письма написал: «Надо 100 раз обдумать условия. Очень опасно. Все скупят и расхитят» [236].

Вскоре Г. Я. Сокольников внес в Политбюро ЦК проект постановления СНК о свободном ввозе в пределы РСФСР продуктов продовольствия, в котором предлагалось по соглашению с НКВТ выдавать разрешения на провоз и вывоз за границу денег, валюты и всякого рода ценностей для приобретения предметов продовольствия не только государственным учреждениям, предприятиям и кооперации, но и частным лицам. В заключении проекта Сокольникова, правда, говорилось о необходимости определенных гарантий для обеспечения последующего ввоза продуктов в Россию, и Ленин, четыре раза подчеркнув слово «гарантии», в записке автору проекта 28 февраля 1922 г. писал, что весь «гвоздь»

[233] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 57.
[234] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 32, д. 25, л. 23.
[235] Л. Б. Красин. Указ. статья, стр. 572—573.
[236] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 344.

именно в этих «гарантиях», ибо иначе «Все и вся *вывезут*»[237]. Эти слова Владимир Ильич потом повторял неоднократно, и в письмах и записках членам Политбюро ЦК постоянно указывал, что Сокольников отделывается фразой о гарантиях или добрым пожеланием, по существу же «мимо стреляет», ибо реальных гарантий того, что «не *вывезут* все ценное», нет и не может быть[238].

Когда писались эти ленинские письма, направленные против капитулянтских предложений Сокольникова, появились тревожные сигналы, показывающие, как воспринималась начавшаяся борьба против монополии внешней торговли за рубежами Советской страны. Об этом писал В. И. Ленину в феврале 1922 г. торговый представитель РСФСР в Германии Б. С. Стомоняков. Он сообщал, что капиталисты надеются на отмену Советским правительством монополии внешней торговли и это тормозит заключение договоров, в особенности на торговые концессии и смешанные общества[239].

Получив письмо Б. С. Стомонякова, В. И. Ленин в тот же день (28 февраля 1922 г.) в записке Н. П. Горбунову просил показать письмо А. Д. Цюрупе, Л. Б. Каменеву, И. В. Сталину и подчеркнул: «Это **очень важно!!**»[240].

Чтобы быстрее ликвидировать все атаки против монополии внешней торговли, Ленин счел необходимым подготовить и обнародовать новый правительственный документ, подтверждающий ее незыблемость. Уже с января 1922 г. по его поручению начали готовиться «Тезисы о внешней торговле» для Политбюро ЦК. Владимир Ильич очень торопил с их разработкой, указывал, что они «засолились», требовал объяснения причин задержки[241] и скорейшего их утверждения. 4 марта 1922 г. Политбюро, обсуждая эти тезисы, внесло в них некоторые поправки, 8 марта они вновь были разосланы всем членам Политбюро, а 10 марта окончательно утверждены. Тезисы, подготовленные Наркомвнешторгом, исходили из необходимости сохранения монополии внешней торговли и определяли условия экспорта и импорта товаров[242].

Через три дня, 13 марта 1922 г., на основе этих тезисов был принят декрет ВЦИК «О внешней торговле», еще раз подтверждающий, что она является государственной монополией и осуществляется Народным Комиссариатом внешней торговли. По сравнению с декретом от 17 марта 1921 г. декрет от 13 марта 1922 г. вносил некоторые существенные дополнения и уточнения: государственным органам и предприятиям, а также Центросоюзу с особого разрешения НКВТ предоставлялось право совершения непосредственных сделок на заграничном рынке, но только при условии предоставления договоров и соглашений на предварительное утверждение Народного комиссариата внешней торговли.

В. И. Ленин в письме от 21 марта 1922 г. заместителям наркома внешней торговли М. И. Фрумкину и И. И. Радченко, учитывая измене-

[237] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 190.
[238] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 432.
[239] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 620, прим.
[240] Там же, стр. 190.
[241] См. там же, стр. 160.
[242] См. там же, стр. 198, стр. 623, прим.

ния, внесенные декретом, писал, что «абсолютная» монополия внешней торговли заменена теперь *«либеральной* монополией», «но безусловно и во всяком случае монополией» [243].

Однако то, что Ленин называл «либеральной монополией» внешней торговли, тоже не устраивало ее противников. В докладе о финансовой политике на XI съезде партии Г. Я. Сокольников вновь вернулся к этому вопросу. «Наша система внешней торговли, — говорил он, — на основе сохранения той монополии и в тех формах, какие устанавливает сейчас ВЦИК, должна быть приспособлена к задаче дать возможность нашему крестьянскому хозяйству выбрасывать свои продукты на внешний рынок... открытие возможности для крестьянского хозяйства продавать и покупать на внешнем рынке через посредство более гибкого аппарата внешней торговли... создаст для нас совершенно другую экономическую ситуацию» [244].

Речь шла в данном случае о допущении к торговым сделкам и к закупке крестьянского сырья и хлеба для вывоза за границу частного торговца, скупщика как посредника между крестьянским хозяйством и внешним рынком. Это и подразумевалось, когда говорилось о создании более «гибкого аппарата» для ведения внешней торговли.

На XI съезде партии эти взгляды не получили поддержки, а резолюция съезда по вопросам финансовой политики прямо подтверждала необходимость сохранения монополии внешней торговли, допуская лишь создание смешанных обществ и предоставление торговых концессий, что вытекало из декрета ВЦИК от 13 марта 1922 г.[245]

После XI съезда партии борьба против монополий внешней торговли не прекратилась, а даже несколько усилилась. К Г. Я. Сокольникову и В. П. Милютину присоединились заместитель наркома М. И. Фрумкин, а затем Г. Л. Пятаков, Н. И. Бухарин и отдельные члены Политбюро ЦК.

Получив 15 мая 1922 г. письмо и материалы от полпреда РСФСР в Германии Н. Н. Крестинского, свидетельствующие об отрицательном влиянии внутрипартийной борьбы по вопросам монополии внешней торговли на деловые переговоры с иностранными капиталистами [246], В. И. Ленин в тот же день обратился с письмом к членам Политбюро, а также к А. Д. Цюрупе и А. И. Рыкову по этому вопросу. И. В. Сталину и М. И. Фрумкину он писал: «Я считаю, что надо *формально запретить* все разговоры и переговоры и комиссии и т. п. об ослаблении монополии внешней торговли» [247].

Показательно, что именно в то же время была сделана попытка организационно подорвать монополию внешней торговли посредством ликвидации самостоятельного аппарата НКВТ. Об этом убедительно свидетельствовало предложение председателя ВСНХ П. А. Богданова объеди-

[243] Там же, стр. 213.
[244] «XI съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1961, стр. 313.
[245] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 615.
[246] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 548 и т. 54, стр. 645, прим.
[247] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 260. На этом письме В. И. Ленина И. В. Сталин написал: «Против „формального запрещения" шагов в сторону *ослабления* монополии внешней торговли на *данной* стадии не возражаю. Думаю все же, что *ослабление* становится неизбежным» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 548, прим.).

нить руководство торговлей и промышленностью в одном наркомате и слить в этих целях Наркомвнешторг, ВСНХ и Комиссию по внутренней торговле в единый Комиссариат торговли и промышленности.

В. И. Ленин сразу же решительно отверг это предложение. «Я против слияния наркоматов. Ограничиться унией и упрощением аппаратов и отделов» [248], — писал он в письме А. Д. Цюрупе и А. И. Рыкову 15 мая 1922 г. Одновременно Владимир Ильич в письме И. В. Сталину для членов Политбюро внес в ЦК следующую директиву, предлагая провести ее немедленно опросом: «ЦК подтверждает монополию внешней торговли и постановляет прекратить всюду разработку и подготовку вопроса о слиянии ВСНХ и НКВТ. Секретно подписать всем наркомам» [249]. Этот ленинский проект постановления был утвержден Политбюро ЦК 22 мая 1922 г.

Летом 1922 г., когда В. И. Ленин тяжело заболел и фактически не мог участвовать в работе, были вновь сделаны некоторые шаги к ослаблению монополии внешней торговли. В полной мере это сказалось на октябрьском пленуме ЦК 1922 г.

В. И. Ленин вернулся к работе 2 октября и 5 октября присутствовал на первом заседании пленума, когда по его предложению была отклонена концессия Уркарта. Во втором заседании пленума — 6 октября — он не смог участвовать из-за болезни и писал об этом Л. Б. Каменеву утром в тот же день: «Я сегодня с флюсом и с температурой. Думаю не выходить ни утром в ЦК, ни вечером в *СТО*» [250].

Но именно в этот день (6 октября) пленум ЦК принял по докладу Г. Я. Сокольникова постановление «О режиме внешней торговли», в котором говорилось:

«а) Не декларируя никаких перемен в отношении монополии внешней торговли, провести ряд отдельных постановлений СТО о временном разрешении ввоза и вывоза по отдельным категориям товаров или в применении к отдельным границам; б) предложить СТО немедленно начать осуществление указанных мер, не откладывая их до выработки общего списка товаров, подлежащих вывозу или ввозу, а также портов и границ, через которые ввоз и вывоз должен производиться...» [251]

Узнав о принятии такого постановления, Владимир Ильич высказал решительное несогласие с ним. Он беседовал по этому вопросу с Л. Б. Красиным 11 октября и с И. В. Сталиным 12 октября, передав последнему свою просьбу отложить исполнение постановления на два месяца, до следующего пленума ЦК. О том же он писал в специальном письме И. В. Сталину для членов ЦК, которое было начато 12 октября и закончено на следующий день.

«Решение пленума ЦК от 6.X...., — писал Владимир Ильич, — устанавливает как будто неважную, частичную реформу... Но на деле это есть срыв монополии внешней торговли. Неудивительно, что этого добивался и добился тов. Сокольников. Он всегда этого добивался, он любитель парадокса и всегда брался доказывать, что монополия нам же невыгодна. Но удивительно, что голоснули за это, не спросив подробно

[248] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 261.
[249] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 188.
[250] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 292.
[251] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 562, прим.

никого из хозяйственников, люди, принципиально стоящие за монополию»[252]. И далее Ленин разъяснял, что означает и к каким последствиям для страны может привести проведение в жизнь подобного решения. Считая, что «вопрос был внесен в пленум наспех. Ничего подобного серьезной дискуссии не было. Никаких причин торопиться нет. Только теперь начинают вникать хозяйственники», Ленин предлагал: «отсрочить решение этого вопроса на два месяца, т. е. до следующего пленума, а до тех пор собрать сведенные вместе и проверенные *документы* об опыте нашей торговой политики». Настаивая на принятии этого предложения, Владимир Ильич тут же добавлял: «Я крайне жалею, что болезнь помешала мне быть в этот день на заседании и что я вынужден ходатайствовать теперь о некотором исключении из нормы»[253].

12 октября, еще до получения письма В. И. Ленина, но зная его мнение, высказанное в беседе с И. В. Сталиным, Политбюро ЦК поручило секретариату ЦК произвести опрос всех находящихся в Москве членов ЦК по вопросу об отсрочке на два месяца решения пленума о режиме внешней торговли и в случае, если при опросе не окажется абсолютного большинства голосов, перенести обсуждение вопроса в Политбюро[254].

13 октября письмо В. И. Ленина было разослано членам ЦК, и 16 октября опросом (14 голосами против одного) было принято постановление: «отложить решение вопроса до следующего пленума»[255].

Положение, однако, серьезно осложнялось тем, что отдельные члены Политбюро ЦК поддерживали решение октябрьского пленума ЦК об ослаблении монополии внешней торговли. На этом продолжал настаивать Н. И. Бухарин. Г. Е. Зиновьев заявил, что он «решительно против пересмотра решения, принятого пленумом по вопросу о режиме Внешторга и по формальным соображениям и по существу» и потому голосует «против всякого пересмотра». И. В. Сталин в письме к членам ЦК указывал, что хотя письмо В. И. Ленина не разубедило его «в правильности решения пленума Цека от 6/X о внешней торговле», «тем не менее ввиду настоятельного предложения т. Ленина об отсрочке решения пленума Цека исполнением», он голосует «*за* отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на обсуждение следующего пленума с участием т. Ленина»[256].

В течение двух месяцев (с середины октября до середины декабря 1922 г.) В. И. Ленин провел огромную работу, убеждая членов ЦК РКП(б) и ведущих хозяйственных работников в необходимости сохранения незыблемости монополии внешней торговли. Он беседовал по этим вопросам с торгпредом в Германии Б. С. Стомоняковым, с Л. Б. Красиным, М. И. Фрумкиным, В. А. Аванесовым[257] и др.; Ленин сам изучал мате-

[252] Там же, стр. 220.
[253] Там же, стр. 221—222.
[254] См. там же, стр. 562, прим.
[255] См. там же, стр. 563, прим.
[256] См. там же, стр. 562—563, прим.
[257] В. А. Аванесов являлся председателем Комиссии СНК по обследованию заграничных представительств РСФСР по вопросам организации внешней торговли и представил свои выводы в защиту сохранения монополии внешней торговли.

риалы о внешней торговле и направлял их А. Д. Цюрупе, поручал А. М. Лежаве в связи с предстоящим декабрьским пленумом ЦК «позондировать почву» и поговорить с членами ЦК, работниками хозяйственных наркоматов и ВЦСПС об их позиции по вопросу о монополии внешней торговли [258].

Вскоре после октябрьского пленума ЦК большая дискуссия о монополии внешней торговли развернулась в Госплане. 14 октября Президиум Госплана заслушал доклад Л. Б. Красина, в котором вновь были мобилизованы все аргументы в защиту монополии внешней торговли [259]. «Мы совершенно не понимаем монополию внешней торговли, как монополию НКВТ», — говорил докладчик, защищаясь от нападок своих оппонентов. Но Г. Я. Сокольников, продолжая настаивать на уничтожении, как он говорил, абсолютного характера этой монополии, упорно доказывал, что такая монополия выгодна, мол, не для государства в целом, а лишь «для государственной конторы, каковой является Народный комиссариат внешней торговли». Для развития экспорта, для лучшей связи с внешним рынком необходимо «провозгласить принцип ограничения монополии внешней торговли» [260]. Выступая вторично, Сокольников разъяснял, что для развития экспорта важно привлечение частного капитала и разрешение свободного ввоза и вывоза некоторых товаров [261].

Однако подавляющее большинство членов Президиума Госплана решительно отвергло эти предложения. «Я не согласен с мнением т. Сокольникова о необходимости ограничения монополии внешней торговли, — говорил Г. М. Кржижановский. — Я считаю, что каких-либо существенных аргументов в пользу принципиального ограничения монополии Внешторга предыдущими ораторами и даже т. Сокольниковым приведено не было» [262].

Эта же точка зрения была полностью поддержана С. Г. Струмилиным, который указывал, что «только при существовании монополии внешней торговли можно регулировать протекционизм и в этом отношении совершенно правильна точка зрения Л. Б. Красина» [263].

Чрезвычайно показательно, что за сохранение монополии внешней торговли высказался крупный советский инженер-энергетик, беспартийный специалист И. Г. Александров. «Предложение т. Красина о том, что монополия внешней торговли не может быть ограничена, — говорил он, — должно быть безусловно принято. Оно не может быть поколеблено даже теми ошибками, которые допустил НКВТ в своей работе» [264].

В результате этого обсуждения Президиум Госплана в принятом 14 октября 1922 г. постановлении записал, что «каких-либо существенных аргументов в пользу принципиального ограничения монополии Внешторга на данном собрании приведено не было» [265].

[258] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 703, даты.
[259] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 87, лл. 301—305.
[260] Там же, л. 295.
[261] Там же, л. 297 об.
[262] Там же, л. 296.
[263] Там же, л. 297.
[264] Там же.
[265] Там же, лл. 298—299.

Решительная поддержка Госпланом ленинских позиций в вопросах монополии внешней торговли, как и большая разъяснительная работа, проведенная среди руководящих хозяйственных работников, имели огромное значение для подготовки к декабрьскому пленуму ЦК 1922 г.

Важную роль в этом отношении сыграл и декрет ВЦИК от 16 октября 1922 г. «О внешней торговле», принятый в разъяснение и дополнение декрета от 13 марта того же года. Декрет устанавливал, что НКВТ осуществляет свою деятельность за границей «посредством торговых представительств РСФСР, образующих непременную составную часть полномочного представительства РСФСР в каждой отдельной стране».

«Точно установленным по особому списку государственным центральным и местным хозяйственным органам, — говорилось в декрете, — предоставляется, при условии неуклонного соблюдения монополии внешней торговли, самим вести торговые операции с заграницей через посредство специальных своих представителей. Список таковых хозяйственных органов составляется народными комиссариатами, областными экономическими совещаниями и столичными губернскими экономическими совещаниями и утверждается Советом Труда и Обороны».

В то же время в декрете подчеркивалось, что «обязательными для государства считаются лишь те заграничные сделки, которые заключены и подписаны НКВТ, торговыми представительствами в отдельных странах, а равно органами и лицами, специально на то уполномоченными особыми, на каждый раз, постановлениями ВЦИК, СНК, СТО или НКВТ» [266].

3 декабря, незадолго до открытия декабрьского пленума ЦК полпред РСФСР в Германии Н. Н. Крестинский направил В. И. Ленину большое письмо, в котором подробно рассказал о деятельности берлинского торгпредства, состоянии торговли с Германией и ее перспективах, об итогах работы Комиссии по обследованию торгпредств и высказал свои соображения об организации внешней торговли.

«Больше года, — писал он, — в ЦК идет борьба вокруг монополии внешней торговли... Я являюсь решительным сторонником монополии внешней торговли... Эти свои взгляды я высказывал все время совершенно открыто, но не писал о них до сих пор никогда в ЦК, так как мне все время казалось, что у меня создалась совершенно незаслуженная, по-моему, репутация старовера в области экономической политики, и я боялся своим вмешательством не помочь, а повредить делу... Однако сейчас, когда в связи с постановлением последнего пленума на предстоящем 15 декабря пленуме ЦК будет окончательно решаться вопрос, быть или не быть в России монополии внешней торговли, я считаю своим долгом поделиться с Вами впечатлениями в этой области за время моей заграничной жизни и работы» [267].

Далее следовал общий вывод: «Если мы отменим монополию внешней торговли, то благодаря конкуренции хозорганов за границей мы будем дороже покупать иностранные товары и дешевле продавать наши». Об этом же свидетельствовали торговые переговоры с Германией. «Вы видите, — говорилось в письме, — что перспективы большие, что реали-

[266] СУ, 1922, № 65, ст. 846.
[267] ЦПА ИМЛ, ф. 158 (А. Д. Цюрупы), оп. 1, ед. хр. 112, л. 1.

зация Раппальского договора в экономической области начинается только сейчас. Отменой же или сведением к нулю монополии внешней торговли мы все эти перспективы уничтожим».

Письмо заканчивалось информацией о работе Комиссии по обследованию торгпредства (В. А. Аванесов, Ем. Ярославский и др.) и в подтверждение аргументации о необходимости сохранения монополии внешней торговли приводился следующий пример: все товарищи, знакомящиеся лично с положением дел, становятся защитниками монополии внешней торговли, в то время как до приезда за границу «линия их в этом вопросе не была еще определена». «Не буду говорить об А. Д. Цюрупе, так как, может быть, Вы считаете его, как бывшего наркомпродчика, предрасположенным в сторону монополии. Но то же произошло с Рыковым, то же произошло с Аванесовым и Ярославским и в самое последнее время с Владимировым» [268].

Получив письмо Н. Н. Крестинского, Ленин направил его для ознакомления Троцкому с просьбой сообщить поскорее свое мнение и в заключение сообщал со всей категоричностью: «... Я буду воевать на пленуме за монополию. А Вы?» [269].

Владимир Ильич внимательно изучал в это время выводы Комиссии Совнаркома (комиссия В. А. Аванесова) по обследованию торгпредств, запрашивал отзывы на них [270], а накануне открытия пленума ЦК (13 декабря) направил И. В. Сталину для членов ЦК еще одно письмо «О монополии внешней торговли». В этом важнейшем ленинском документе были подвергнуты резкой критике аргументы Н. И. Бухарина против монополии внешней торговли, высказанные им в письме в ЦК от 15 октября 1922 г. В. И. Ленин подробно остановился прежде всего на доводах о неработоспособности и недостатках в работе НКВТ, указывая, что этот вопрос является «совершенно подчиненным», а неработоспособность НКВТ «не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов» [271]. Владимир Ильич высмеял также сравнение Бухариным монополии внешней торговли с системой «Главзапора», напомнив, что подобные выражения принадлежат к числу тех, о которых Маркс в свое время писал как о выражениях «фритредер-вульгарис», «ибо ничего, кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы, здесь нет» [272].

Предложения Бухарина о замене монополии внешней торговли таможенной политикой «на практике означают, — писал Ленин, — не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда...» [273]. В заключение Ленин повторил еще раз, что «на практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, ко-

[268] ЦПА ИМЛ, ф. 158 (А. Д. Цюрупы), оп. 1, ед. хр. 112, лл. 6—9. Поскольку письмо Н. Н. Крестинского найдено нами в фонде А. Д. Цюрупы, можно с уверенностью утверждать, что В. И. Ленин послал его Цюрупе для ознакомления.
[269] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 323.
[270] См. там же, стр. 322.
[271] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 334.
[272] Там же, стр. 335.
[273] Там же.

торый абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли... Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение» [274].

«...В этом вопросе уступать нельзя», «колебание по данному вопросу причиняет нам неслыханный вред» [275], «дальнейшие колебания абсолютно недопустимы» [276], — писал Ленин в своих письмах Троцкому от 13 и 15 декабря 1922 г. Владимир Ильич готовился к серьезному и решительному бою на декабрьском пленуме ЦК по вопросу о монополии внешней торговли, просил В. А. Аванесова «обдумать получше», *«как поставить борьбу»* [277], не исключал даже возможности неполучения абсолютного большинства голосов на пленуме и в этом случае предлагал обратиться к коммунистической фракции предстоящего X съезда Советов РСФСР и «потребовать переноса вопроса на партсъезд» [278].

В дни, когда писались эти письма (13—15 декабря 1922 г.), начался новый тяжелый приступ болезни В. И. Ленина. Он вновь не смог присутствовать на пленуме и участвовать в его работе. Тревожась, как бы в связи с этими обстоятельствами вопрос о монополии внешней торговли не оказался снятым с повестки дня пленума или отложенным, Владимир Ильич писал 15 декабря, что «покончить с этим вопросом раз навсегда абсолютно необходимо. Если существует опасение, что меня этот вопрос волнует и может даже отразиться на состоянии моего здоровья, то думаю, что это совершенно неправильно, ибо меня в десять тысяч раз больше волнует оттяжка, делающая совершенно неустойчивой нашу политику по одному из коренных вопросов» [279].

Вместе с тем Ленин с удовлетворением отмечал, что часть членов ЦК, голосовавших против монополии внешней торговли на октябрьском пленуме ЦК 1922 г., «теперь переходит частью или вполне на нашу сторону» [280]. Речь, очевидно, шла о том, что накануне открытия декабрьского пленума ЦК И. В. Сталин направил членам ЦК 15 декабря следующее письмо: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов..., говорящих в пользу сохранения монополии внешней торговли, считаю своим долгом заявить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам Цека два месяца назад» [281].

Пленум ЦК, открывшийся 18 декабря 1922 г., в своем решении «О внешней торговле» единодушно принял все ленинские предложения, отменил решение октябрьского пленума ЦК и подтвердил «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли» [282]. Пленум ЦК указал также на необходимость изда-

[274] Там же, стр. 336.
[275] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 324.
[276] Там же, стр. 325.
[277] Там же.
[278] Там же.
[279] Там же, стр. 326.
[280] Там же, стр. 325.
[281] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 589, прим.
[282] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 672, прим.

ния в партийном порядке строгой инструкции с разъяснением своего постановления и указанием на «тяжелый вред дискуссий по вопросу о монополии, которые вызывают в капиталистическом мире представления о нашей неустойчивости по этому вопросу». Постановление пленума обязывало НКВТ усилить бдительность и предавать суду частных и должностных лиц, виновных в нарушении монополии. Было принято решение об установлении твердого списка всех всероссийских и областных хозорганов, которые имеют право непосредственной торговли с заграницей на основе декрета от 16 октября 1922 г., с утверждением этого списка в СТО [283].

Пленум особо записал (не включая в протокол): «В случае запроса т. Ленина о решении пленума по вопросу о внешней торговле, по соглашению Сталина с врачами, сообщить ему текст резолюции с добавлением, что как резолюция, так и состав комиссии приняты единогласно» [284]. Тяжелобольной Владимир Ильич был, таким образом, информирован о решении пленума и единодушной поддержке всех его предложений. В продиктованном 21 декабря 1922 г. письме Ленин выражал свое удовлетворение этим решением и тем, что «как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением». Но одновременно в письме указывалось, что необходимо «не останавливаться и продолжать наступление и для этого провести предложение поставить на партсъезде вопрос об укреплении внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения» [285].

XII съезд партии (17—24 апреля 1923 г.), выполняя это ленинское указание, в своей резолюции по отчетному докладу ЦК записал, что «съезд категорически подтверждает незыблемость монополии внешней торговли и недопустимость какого-либо ее обхода и поручает новому ЦК принять систематические меры к укреплению и развитию режима монополии внешней торговли» [286].

Так ленинские методы идейной борьбы, ленинская настойчивость, принципиальность, глубокая убежденность, непримиримость в отстаивании партийных позиций обеспечили победу линии партии по одному из наиболее коренных и важных для судеб социалистического строительства вопросов хозяйственной политики Советского государства.

[283] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 86, л. 1. Во исполнение этого постановления декабрьского пленума ЦК 12 апреля 1923 г. был принят новый декрет ВЦИК и СНК «О внешней торговле» и изданы инструкции, устанавливающие список государственных предприятий и объединений, имеющих право совершать экспортно-импортные операции на внешнем рынке. Декрет ВЦИК и СНК предписывал Наркомюсту и его органам «усилить репрессии в отношении нарушений интересов государства в области монополии внешней торговли», а НКВТ вменял в обязанность «возбуждать уголовное преследование против российских граждан, как частных, так и должностных лиц, за нарушение узаконений о внешней торговле». Так как декрет 12 апреля 1923 г. был принят после образования СССР, в нем указывалось, что его действие «распространяется на всю территорию РСФСР и союзных с нею советских республик» (СУ, 1923, № 31, ст. 343).

[284] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 86, л. 5а об.

[285] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 327—328.

[286] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 682.

Раздел третий

ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глава десятая

РУКОВОДСТВО В. И. ЛЕНИНА РАБОТОЙ СОВНАРКОМА И СТО В 1921—1922 ГГ.

1.

Как работал Совнарком при Ленине

В 1918 г. вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин писал: «Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления» [1].

Речь шла о совершенно новых методах управления в пролетарском государстве, внутренне присущих ему как государству нового типа. Отличительные особенности этого государства по сравнению с государством буржуазным нашли свое наиболее полное воплощение в деятельности вождя, создателя и руководителя государства, главы Советского правительства — Владимира Ильича Ленина. Поэтому именно на примере изучения практики работы В. И. Ленина как председателя Совнаркома и СТО можно попытаться раскрыть и обобщить существо ленинской науки «побеждать методами управления», дать характеристику нового содержания работы первого в мире государства пролетарской диктатуры, принципов и методов руководства В. И. Ленина, свойственных ему как государственному деятелю нового типа.

В. И. Ленин возглавлял Совет Народных Комиссаров с первого дня его создания, а после образования СССР был избран председателем Совнаркома Союза Советских Социалистических Республик.

С 30 ноября 1918 г., со дня создания Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, преобразованного в апреле 1920 г. в Совет Труда и Обороны, Ленин неизменно руководил работой этого важнейшего государственного органа, действовавшего на правах комиссии СНК. СТО объединял деятельность экономических народных комиссариатов, согласовывал работу всех ведомств в области обеспечения обороны страны и хозяйственного строительства.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 178.

Как правило, Ленин всегда председательствовал на заседаниях Совнаркома (за исключением периодов болезни и кратковременных отпусков) и на пленарных заседаниях СТО [2].

В. И. Ленин также подписывал и тщательно просматривал протоколы заседаний Малого Совнаркома [3], руководя непосредственно всей его работой.

Об общем количестве заседаний Совнаркома, Совета Обороны, Совета Труда и Обороны, на которых в течение пяти лет (с ноября 1917 по ноябрь 1922 г.) председательствовал В. И. Ленин, могут дать представление сводные данные табл. 1 [4].

ТАБЛИЦА 1

Год	*Совнарком*	*Совет Обороны*	*СТО*	*Всего заседаний под председательством В. И. Ленина*
1917, XI—XII	36	—	—	36
1918	180	14 *	—	194
1919	95	82	—	177
1920	66	15	36 **	117
1921	41	—	47	88
1922	7	—	5	12
Итого	425	111	88	624

* С декабря 1918 г. ** С апреля 1920 г.

Если в первые месяцы после революции заседания Совнаркома происходили почти ежедневно, а в 1918 г. фактически через день, то в последующие годы устанавливается более строгий и точный регламент. С 1921 г. очередные заседания обычно созывались раз в неделю: Совнаркома — по вторникам, СТО — по пятницам (пленарные) и по средам (распорядительные). В 1921 г. Ленин председательствовал почти на всех заседаниях СНК и СТО [5], а в 1922 г., в связи с усилившейся болезнью,

[2] Кроме пленарных заседаний СТО, с марта 1920 г. происходили распорядительные заседания для рассмотрения вопросов второстепенного значения, не требовавших участия В. И. Ленина в их обсуждении. Состав пленарных и распорядительных заседаний был один и тот же, но, поскольку последние имели подготовительный характер, Ленин на них не председательствовал. Решения, принятые на распределительных заседаниях СТО, представлялись на подпись В. И. Ленину.

[3] Малый СНК был создан в декабре 1917 г. для разгрузки повестки Большого СНК от различных мелких вопросов. В начале 1918 г. Малый Совет был превращен в комиссию СНК. Все единогласно решенные в МСНК вопросы поступали на подпись В. И. Ленину, после чего получали силу постановлений Совнаркома, а при разногласиях переносились на рассмотрение Большого Совнаркома.

[4] Подсчет произведен на основании приложенных к Полному собранию сочинений В. И. Ленина (тома 35—45) «Дат жизни и деятельности В. И. Ленина».

[5] Из 51 заседания СНК и 105 заседаний СТО, состоявшихся в 1921 г., Ленин председательствовал на 41 заседании СНК и 47 заседаниях СТО (более половины заседаний СТО были распорядительными).

он, не присутствуя на заседаниях до конца года[6], продолжал неизменно руководить всей деятельностью Советского правительства, направлял его работу своими письменными указаниями, директивами, советами, подготовкой важнейших постановлений и решений.

Совет Народных Комиссаров являлся в полном смысле этого слова коллективным органом руководства, и вместе с Лениным всю огромную ответственность государственного управления разделяли народные комиссары, руководители крупнейших ведомств, виднейшие политические деятели страны.

Народные комиссариаты возглавляли в эти годы представители старой большевистской гвардии, люди старшего, испытанного в революционных боях, поколения, хотя большинству из них, включая и Владимира Ильича, было в начале 20-х годов не более 40—50 лет.

В апреле 1921 г. по предложению В. И. Ленина народным комиссаром путей сообщения с оставлением на посту председателя ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский. Народный комиссариат по иностранным делам в Совнаркоме представляли Г. В. Чичерин и его заместитель М. М. Литвинов; Наркомнац и НК РКИ — И. В. Сталин; Наркомпрос — А. В. Луначарский; Наркомздрав — Н. А. Семашко; Наркомпрод — А. Д. Цюрупа, а с 1922 г. Н. П. Брюханов; ВСНХ — П. А. Богданов; Наркомюст — Д. И. Курский; НКВД — М. Ф. Владимирский; Наркомтруд — В. В. Шмидт; Наркомсобез — Н. А. Милютин. Постоянно участвовал в работе СНК и СТО председатель Госплана Г. М. Кржижановский, присутствовал с правом решающего голоса секретарь ВЦСПС А. А. Андреев и др.

Совнарком и СТО не только по своему составу, но и по всему содержанию, характеру, целям своей деятельности коренным образом отличались от любого буржуазного правительства в мире. Недаром на майской партконференции 1921 г. В. И. Ленин говорил, что если в буржуазном строе настоящим делом, т. е. хозяйством, занимались сами капиталисты, а не государственные органы, то «у нас хозяйственное дело — наше общее дело. Это самая для нас интересная политика»[7].

Огромная роль социалистического государства в организации и руководстве экономической жизнью страны свойственна ему с первых же дней его создания. Но с особой полнотой и силой эта роль проявилась после окончания войны, в условиях 1921—1922 гг., когда началась полоса мирного социалистического строительства. В эти годы центр внимания СНК и СТО был перенесен прежде всего на вопросы хозяйственного руководства и экономической политики. В предыдущем разделе (см. главы VI—IX) на конкретном материале была уже рассмотрена поистине гигантская деятельность Советского правительства во главе с Лениным, охватывающая буквально все стороны экономической жизни страны — промышленность и социалистическое планирование, сельское хозяйство, внутреннюю и внешнюю торговлю, финансовую и налоговую политику и т. д.[8]

[6] В 1922 г. Ленин председательствовал только на семи заседаниях Совнаркома (3, 10, 17, 24, 31 октября, 14 и 21 ноября) и на пяти заседаниях СТО (13 октября, 3, 10, 17 и 24 ноября).

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 330.

[8] По сводным данным, разработанным ЦСУ по протоколам Большого и Малого СНК и СТО за период с ноября 1920 по ноябрь 1921 г., удельный вес экономи-

О том, какое количество дел проходило через Совнарком, Малый Совнарком и СТО, дают наглядное представление данные табл. 2 [9].

ТАБЛИЦА 2

Год	*БСНК*	*МСНК*	*СТО*	*Всего дел*
1921	552	2884	3128	6 564
1922	669	2741	1294	4 704
Итого	1221	5625	4422	11 268

На 124 заседаниях Совнаркома и 201 заседании СТО, состоявшихся в 1921—1922 гг.[10], рассматривались, как мы видим, тысячи вопросов как текущих, так и принципиального значения, определявших судьбы страны, ее будущее как социалистической державы.

В. И. Ленин неоднократно указывал на чрезмерную перегруженность повестки дня Совнаркома и СТО мелкими, так называемыми «вермишельными» вопросами, и вел с этим решительную борьбу. Но в то же время он считал, что в обилии больших и малых дел, обсуждаемых Совнаркомом, есть и своя закономерность и необходимость, вытекающая из самого характера нового государственного строя. Отвечая на отдельные критические замечания по этому поводу, Ленин в речи на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 22 декабря 1920 г. говорил: «Очень может быть, что у нас в Совнаркоме масса дел вермишельных, это правда... Я должен сказать, что нет и не может быть государственного учреждения, в котором не было бы вермишельных дел... Разве в ЦК нет дел вермишельных? Сколько угодно» [11]. Объясняя причины этого явления, Владимир Ильич высказал чрезвычайно важную мысль: «Если бы мы попытались в органе, вообще устанавливающем только принципы, выделить орган, решающий мелкие практические, вермишельные дела, то мы испортили бы дело. Потому что оторвали бы обобщение от фактов, а отрыв обобщения от фактов будет фантазерством и делом несерьезным. Нельзя в Центральном Комитете делить вопросы на принципиальные и мелочные, потому что в каждой мелочи может проявиться принципиальная сторона». Он тут же добавлял, что «проводить деление вопросов на мелочные и принципиальные — значит всякую основу демократического централизма подорвать» [12].

ческих вопросов в повестке дня этих высших органов государственной власти составлял: по БСНК — 46,9%, по МСНК — 32,7, по СТО — 44,5%. («Краткая характеристика деятельности ВЦИК и СНК (БСНК, МСНК и СТО)». М., 1921, стр. 121).

[9] В. Дурденевский. Совет Труда и Обороны. — «Вопросы советского хозяйства и управления», 1924, № 6-7, стр. 40.

[10] В среднем на одно заседание Совнаркома приходилось около 10 дел, на одно заседание СТО — свыше 22 дел.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 166.

[12] Там же, стр. 167.

В работе Советского правительства многие так называемые мелкие вопросы нередко были связаны с учетом запросов и нужд широких народных масс, с новыми формами общения высших органов государственной власти и масс, а также с новыми взаимоотношениями центра с местами. Поэтому, отмечая, что и Президиум ВЦИК и его председатель М. И. Калинин также загружены делами, на первый взгляд мелкими, Ленин твердо заявлял: «Я должен сказать, что всякий член нашей партии и всякий гражданин Республики вправе довести самый пустячный вопрос, самое пустячное обстоятельство до ВЦИК... И так будет до полнейшего коммунистического перевоспитания трудящихся...» [13]

В этих замечательных ленинских словах заключалось глубокое обоснование особых черт и задач Советского государства, объема, масштабов и значения его деятельности как первого в мире государства трудящихся.

Максимальная конкретность в работе Советского правительства, сочетание принципиальных обобщений с фактами живой действительности, охват всех сторон жизни страны требовали величайшей организованности, продуманности, строжайшего порядка и дисциплины при подготовке и проведении заседаний Совнаркома и СТО.

Образцы такой высокой требовательности, сознания огромной ответственности и осуществления твердой и суровой дисциплины давала деятельность В. И. Ленина как председателя Совнаркома и СТО. Заседания этих двух высших правительственных коллегий сами по себе являлись подлинной школой ленинских методов государственного управления.

Ленин открывал заседания Совнаркома точно в назначенное время, не допуская ни минуты задержки. Все опоздания отмечались в протоколах, с обязательным указанием минут опоздания.

«Появление в зале заседания опоздавшего члена Совнаркома Владимир Ильич встречал либо замечанием, либо укоризненным покачиванием головы, а при повторных опозданиях грозил выговором с опубликованием в печати... На одном из заседаний Совнаркома при появлении Брюханова (одного из самых аккуратных членов СНК), опоздавшего на полчаса, Владимир Ильич потребовал от него объяснения причины опоздания. Тов. Брюханов извинился и сослался на выполнение им ответственного поручения. Владимир Ильич строго указал ему, что никакие ссылки членов Совнаркома на те или иные поручения, откуда бы они ни исходили, не освобождают их от ответственности за приход не вовремя и что впредь по отношению к опаздывающим будут приниматься соответствующие меры» [14].

Такие меры действительно принимались, и нередко за опоздания или неявку на заседание члены Совнаркома подвергались строгим взысканиям. На заседании СНК 1 февраля 1921 г. было принято следующее решение: «Довести до сведения всех наркомов и членов коллегий, что со следующего заседания будет применяться декрет ВЦИК об опаздывании» [15]. Иногда Совнарком специально сообщал во ВЦИК фамилии

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 168.

[14] Г. Леплевский. Воспоминания о работе В. И. Ленина в Совнаркоме в 1921—1922 г. — «Ленин на хозяйственном фронте». М., 1934, стр. 81—82.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 408. л. 2. Речь идет, очевидно, о декрете ВЦИК и СНК «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний» от 26 апреля 1920 г. (СУ, 1920. № 32. ст. 156).

опоздавших. Такой случай произошел, например, на заседании СНК 24 января 1922 г., когда во ВЦИК были сообщены следующие фамилии опоздавших: Д. И. Курского, П. А. Богданова, Э. М. Склянского, Н. А. Семашко, Е. А. Литкенса, М. Н. Покровского и А. М. Лежавы [16]. На этом же заседании было принято и постановление по вопросу о неявке на заседание СНК представителей Наркомфина:

«а) Поставить на вид коллегии Наркомфина, что на заседание СНК 24/I не явился ни один член коллегии НКФина, благодаря чему не могли быть рассмотрены стоявшие на повестке спешные вопросы...

б) Сообщить это постановление в През[идиум] ВЦИК» [17].

Особенно строг был Ленин ко всяким нарушениям дисциплины со стороны руководящих работников и настаивал на привлечении к ответственности «не глядя на ранги». Он требовал, чтобы правительственные задания выполнялись абсолютно точно и в установленный срок. За неисполнение решений Совнаркома налагались строгие выговоры с опубликованием в печати. Когда председатель Москоммуны (Московского потребительского общества) старый большевик А. Е. Бадаев, которого Ленин в одном из своих писем ласково называл «Бадаич», не выполнил в срок важное решение СТО, Ленин в записке в Политбюро ЦК 23 июля 1921 г. предложил: «Провести через *Политбюро* и через *СТО:*

1) наказать *Бадаева* и двух его ближайших сотрудников *арестом* на 1 воскресенье за неисполнение приказа СТО;

2) предупредить его и их: следующий раз — на *месяц* и прогоним» [18].

Через несколько дней Владимир Ильич вновь запрашивал по этому поводу В. М. Молотова: «Я Вам писал о необходимости *наказать* Бадаева (сорвал решение *СТО*; москвичи выполнили). Вы не ответили. Надо такие вещи быстро решать... Напишите протокол решения *Политбюро* для проведения через Президиум ВЦИКа: „За неисполнение решения *СТО*... подвергнуть *аресту* на 1 воскресенье т-ща Бадаева + *2-х ближайших* его *помощников*". Тогда будет „контроль"!!» [19]

Л. А. Фотиева вспоминала впоследствии, что Ленин при принятии подобных решений обычно говорил: «Арестовывать по праздникам, а на рабочие дни освобождать, чтобы не страдала работа» [20].

5 июля 1921 г. по предложению Ленина Совнарком обязал все ведомства в установленные сроки представить свои сметы и месячные заявки. В вопросах финансовой и сметной дисциплины Ленин был особенно строг, и поэтому, когда стало известно, что сроки сорваны, СНК вынес решение об аресте на несколько дней виновных лиц и 12 июля на своем заседании поручил РКИ проверить выполнение этого постановления [21].

Через несколько месяцев, 18 ноября 1921 г., СТО вновь обсуждал вопрос о неисполнении ВСНХ постановления о представлении материальных смет и принял решение: «Объявить выговор всем членам Президиума

[16] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 406, л. 1.
[17] Там же, л. 4.
[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 56.
[19] Там же, стр. 79.
[20] Л. А. Фотиева. Как работал В. И. Ленин. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2. М., 1957, стр. 206.
[21] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 432, л. 7.

ВСНХ». Президиуму ВСНХ было одновременно предложено «точно установить лиц, ответственных за представление смет, и применить по отношению к ним за неисполнение — арест» [22].

Такая же твердая дисциплина и образцовый порядок характеризовали заседания СНК и СТО под председательством В. И. Ленина.

«Открывая заседание, — рассказывал один из работников Малого СНК, — Владимир Ильич наскоро пробегал повестку, спрашивал о снимаемых вопросах, ставил всегда на краткое обсуждение все заявления к повестке дня — как к снятию, так и к добавлениям. По снятым вопросам он сейчас же поручал секретариату, сидевшему по правую сторону от него за отдельным столиком, отпустить вызванных докладчиков, по дополнительным, если надо, вызвать. После этого Владимир Ильич приступал к обсуждению отдельных вопросов, причем сейчас же с началом обсуждения он интересовался, присутствуют ли все заинтересованные стороны и есть ли у всех членов Совета Народных Комиссаров соответствующие материалы» [23].

Заседания Совнаркома, начинавшиеся в 6 часов вечера, заканчивались обычно в 10 часов и только в редких случаях затягивались до полуночи. Ленин очень экономил время и решительно возражал против длинных речей.

Еще в апреле 1919 г. на одном из заседаний Совнаркома он написал записку народному комиссару юстиции Д. И. Курскому следующего содержания:

«Пора утвердить *общий* регламент СНК.

1. Докладчикам 10 минут
2. Ораторам 1-ый раз — *5*, 2-ой раз — *3* минуты
3. Говорить не > 2-х раз
4. К порядку 1 за и 1 против по 1 минуте
5. Изъятия по *особым* постановлениям СНК» [24].

Этот регламент был утвержден СНК по докладу Курского 5 апреля 1919 г., и Ленин всегда очень строго его придерживался.

Когда выступающие не укладывались в регламент и иногда просили, чтобы выгадать хотя бы еще одну минуту, слово «к порядку», В. И. Ленин в таких случаях нередко говорил, что «это не к порядку, а к беспорядку» [25].

Ленин не любил расстрачивать зря не только свое, но и чужое время. Как-то раз, поздно вечером, во время заседания СНК он случайно проходил через приемную и увидел, что «вся она наполнена усталыми, измученными людьми, которые в клубах табачного дыма сидели, кто за шахматами, кто за газетой, кто беседуя с соседями в ожидании вызова, иногда лишь для того, чтобы в конце заседания услышать, что вопрос отложен. Владимир Ильич пришел в негодование. Разбранив нас (работников секретариата СНК. — *Э. Г.*) за такой нелепый порядок, он тут же дал конкретные указания, как упорядочить это дело» [26].

[22] Там же, оп. 3, ед. хр. 268, л. 4.
[23] Я. Гиндин. Ленин как строитель пролетарского государства (Из личных встреч и воспоминаний). М., 1925, стр. 23—24.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 274.
[25] Л. А. Фотиева. Указ. статья, стр. 218.
[26] Там же, стр. 217.

В своем распоряжении управляющему делами СНК и СТО от 13 октября 1921 г. Ленин писал: «Прошу Вас провести, после надлежащего соглашения с председателем Малого СНК (и выяснения с секретарями), чтобы порядок вызова докладчиков (и в Большой и в Малой СНК) был изменен.

Теперь докладчики получают вызов на заседание вообще и ждут часами.

Это безобразие и дикость.

Надо добиться того, чтобы докладчики вызывались на *один определенный час.*

При *двойной* проверке по телефону, нужны ли докладчики, и какие; при *правильном* размещении дел определенного заседания (дела с докладчиками и дела без докладчиков) можно и должно добиться того, чтобы *больше 15 минут* докладчики *не ждали.*

Прошу Вас выработать такой порядок немедленно, тщательно обдумав его, и сообщить мне решение об этом, проведенное через Малый Совет Народных Комиссаров» [27].

От выступавших на заседаниях Ленин требовал максимальной деловитости и краткости изложения. Он не терпел общих рассуждений без фактов и конкретных предложений. «У Владимира Ильича никогда нельзя было отделаться общими фразами, он всегда припирал к стене докладчиков, требуя фактов, документов» [28].

Поэтому, как вспоминал А. В. Луначарский, «в Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту» [29].

А. В. Луначарский рассказывал также, как умел слушать Ленин всех выступавших на заседаниях. «Надо было видеть, — писал он, — как слушает Ленин. Я не знаю лица прекраснее, чем лицо Владимира Ильича. На лице его покоилась печать необычайной силы, что-то львиное ложилось на это лицо и эти глаза, когда, задумчиво смотря на докладчика, он буквально впитывал в себя каждое слово, когда он подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика» [30].

Прения на заседаниях при обсуждении отдельных вопросов обычно не затягивались. После трех-четырех выступлений слово брал В. И. Ленин, быстро формулировал решение, диктуя его стенографистке, и при этом спрашивал: «„Усвоили? Успели записать?“. Часто тут же стенографистка по его требованию оглашала запись... После одобрения Владимиром Ильичем редакции решения Совнарком переходил к следующему вопросу» [31].

Формулируя как председатель с исключительной четкостью и ясностью свои предложения по тому или иному вопросу, Ленин учитывал ход прений и никогда не претендовал на то, чтобы его мнение считалось последним словом. «Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 262.
[28] А. М. Аникст. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1933, стр. 18, 20.
[29] А. В. Луначарский. Ленин в Совнаркоме. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 295.
[30] Там же, стр. 296.
[31] Г. Леплевский. Указ. статья, стр. 86.

быстро схватывал его целесообразность и говорил: „Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось“» [32].

О ленинском умении учитывать выступления и быстро резюмировать ход обсуждения вспоминал и Н. А. Семашко.

«Заседания Совнаркома под председательством Владимира Ильича, — писал он, — были всегда высшей школой политучебы... Владимир Ильич любил прислушиваться, „что скажут другие“. Внимательно, прищурив один глаз и сверля другим, он пристально слушал оратора, неумолимо одергивая многословных. Иногда охотников выступать по какому-либо докладу не находилось. Тогда Владимир Ильич любил „вызывать“... Конечно, часто Владимир Ильич сам выступал первым (особенно, когда надо было дать „тон“ обсуждению). Но обычно он любил „дать высказаться“ и потом как председатель резюмировал.

В этом резюме тоже было нечто характерное и замечательное. Обычно многие председатели... у одного возьмут одно, у другого — другое и вносят предложения, могущие объединить возможно большее число участников. У Ленина выходило не так: он давал не компромиссную, а резкую и определенную установку. И речи ораторов давали ему материал лишь для большей аргументации его предложения. В таких случаях обычно находилось немало охотников так или иначе „притупить разногласия“, внести формулу, примиряющую противников, сгладить углы. Ленин всегда самым решительным образом восставал против замазывания разногласий» [33].

Как рассказывал А. С. Енукидзе, Ленин «всегда приходил к самому началу заседаний Совнаркома и уходил последним. И он руководил и как руководил этими заседаниями!... Этот человек выносил совершенно невообразимую работу и всегда живой, ясный; все, кто имели возможность наблюдать его в Совнаркоме, могут оценить действительно его работоспособность, его нечеловеческие способности во все вопросы вносить ясность и определенность... Он был до такой степени обаятельным человеком, что к нему обращались все и он никого не выслушивал так, чтобы только отделаться, а для всех старался что-нибудь сделать» [34].

Это сочетание строгости и требовательности с большим вниманием Ленина к мнению каждого выступающего создавало на заседаниях Совнаркома обстановку свободного товарищеского обсуждения.

«Ленин был требователен, — пишет в своих воспоминаниях А. А. Андреев, — но никогда в его отношениях к людям не было ничего раздражительного и оскорбительного. Всякий говорил то, что думал, не боясь быть грубо одернутым. С Лениным можно было совершенно свободно спорить по любому вопросу, и такие споры имели место. Он никогда не считал свое мнение неоспоримым и всегда внимательно выслушивал доводы других.

Ленин не внушал присутствующим никакого чувства стеснения; я бы даже сказал, что он, ставя наводящие вопросы, скорее располагал к инициативе и свободному высказыванию своих мыслей и всегда вни-

[32] А. В. Луначарский. Указ. статья, стр. 296.
[33] Н. А. Семашко. Ильич ведет заседание. — «Ленинские страницы». М., 1960, стр. 106—108.
[34] А. С. Енукидзе. Ильич за работой. — «Старый большевик», 1930, № 1, стр. 104.

мательно прислушивался, если человек говорил что-либо интересное. В то же время он никогда не пропускал ничего принципиально неправильного. Когда дело касалось принципиальных вопросов, Ленин был беспощаден ко всем тем, кто пытался сдать наши позиции, нарушить большевистские принципы. Тут уж он не считался ни с положением, ни с близостью с этими людьми по работе»[35].

Ярко проявлялись на заседаниях и исключительная жизнерадостность В. И. Ленина, и всегда присущее ему чувство юмора. Время в 1921—1922 гг. было еще очень трудное, гигантская работа и огромная ответственность лежали на плечах Ленина и всего Советского правительства, да и Ленин именно в эти годы начал тяжело болеть. Но смеялся он по-прежнему очень весело и заразительно, особенно «когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени... Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро текла река докладов, обмена мнений, решений»[36].

Известно, что Ленин, председательствуя в Совнаркоме или СТО, тщательно следя за ходом заседания, умел одновременно заниматься и другими делами: он посылал членам СНК многочисленные коротенькие записочки, давая тут же различные задания, просматривал необходимые материалы. Свою известную заметку «Об очистке русского языка» Ленин написал во время одного из заседаний и в скобках дал такой подзаголовок — «Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях»[37]. Но в то же время Владимир Ильич неукоснительно следил за прениями, задавал докладчику вопросы, ничего не упуская из хода обсуждения.

Руководство В. И. Ленина работой СНК и СТО можно проанализировать более конкретно, если попытаться проследить, как он готовил эти заседания, какую большую работу проделывал до их начала.

Всем членам СНК и СТО по установленному Лениным порядку обычно пересылались основные материалы по повестке дня, и сам Владимир Ильич внимательно изучал материалы, делал пометки, нередко запрашивал новые данные, проявляя всегда инициативу в постановке вопросов на обсуждение СНК и СТО.

Перед постановкой 13 апреля 1921 г. на заседании СНК вопроса «О нуждах Иваново-Вознесенских ударных заводов» Ленин занялся детальным изучением состояния этих заводов, 9 апреля он принял делегацию ивановцев, предложил созвать специальное совещание заинтересованных ведомств для выработки конкретных мероприятий по оказанию помощи Иваново-Вознесенской текстильной промышленности[38].

Так же тщательно и всесторонне готовил Ленин и постановку в СНК вопроса о помощи Чувашской автономной области, о планах хозяйственного восстановления Карельской трудовой коммуны[39] и многие другие вопросы.

[35] А. А. Андреев. О Владимире Ильиче Ленине. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 34—35.
[36] А. В. Луначарский. Указ. статья, стр. 295.
[37] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 49.
[38] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 137—138.
[39] См. там же, стр. 162, 163.

Нередко Ленин сам выступал докладчиком в СНК и СТО. Так, 18 февраля в СТО и 22 февраля 1921 г. в Совнаркоме он докладывал проект положения о Государственной общеплановой комиссии и лично готовил соответствующий проект постановления. Когда в первые месяцы 1921 г. положение с топливом и продовольствием было особенно тяжелым, Ленин выступал в СТО по вопросу «Об организации тройки для вывоза топлива и продовольствия с Юго-Восточной и Владикавказской железных дорог» [40]. На заседании СТО 8 апреля 1921 г. он делал доклад об отпуске 30 млрд. руб. для закупки хлеба Москоммуной [41]. На заседании СНК 24 мая 1921 г. Ленин был докладчиком сразу по трем вопросам: «О порядке внесения вопросов из Малого Совета в заседание БСНК», «Проект постановления об отношении к специалистам и об условиях их работы», «О контроле за распределением продовольствия» [42]. 3 августа в СТО и 16 августа 1921 г. в СНК обсуждалось сообщение Владимира Ильича о посылке приветственной телеграммы Обществу технической помощи Советской России в США и Канаде» [43].

По инициативе Ленина часто предметом обсуждения был порядок работы СНК и СТО. Так, на заседание СТО 4 января 1921 г. Владимир Ильич внес вопрос «О взаимоотношениях между СТО и Малым СНК» [44]. 24 мая, как уже указывалось, он выступал в СНК с докладом «О порядке внесения вопросов из Малого Совета в заседание БСНК», а 11 ноября 1921 г. — «О порядке внесения дополнений и изменений в повестку СТО» [45]. Наконец, 3 октября 1922 г. в повестку дня первого заседания СНК, где Ленин председательствовал после долгого перерыва, он вновь вставил пункт: «О порядке внесения вопросов на повестку» [46].

Трудно, конечно, с абсолютной точностью установить, какое количество решений и постановлений СНК и СТО написано лично Лениным, тем более что значительная часть этих постановлений обычно диктовалась им стенографистке во время заседания, а затем просматривалась и нередко дополнялась при окончательном подписании.

Масштабы законодательной деятельности Советского правительства, особенно в условиях перехода к новой экономической политике, были чрезвычайно велики и значительны. Достаточно сказать, что только в течение одного 1921 г. за подписью В. И. Ленина было опубликовано 467 декретов и постановлений из 700, вошедших в Собрание узаконений за 1921 г. (основная масса не подписанных Лениным постановлений — это декреты ВЦИК и решения съездов Советов) [47].

Как правило, почти все проекты декретов, написанные Лениным или содержащие его существенные поправки и дополнения, вошли в Полное собрание его сочинений. Количество непосредственно ленинских законодательных документов за весь период с 1917 по 1922 г. очень велико. Их подсчет только за 1921 г. убеждает в том, что все важнейшие акты,

[40] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 188, л. 3.
[41] Там же, ед. хр. 203, л. 9.
[42] Там же, оп. 1, ед. хр. 424, лл. 3, 9.
[43] Там же, оп. 3, ед. хр. 239, л. 6; оп. 1, ед. хр. 437, л. 2.
[44] Там же, оп. 3, ед. хр. 176, л. 2.
[45] Там же, оп. 1, ед. хр. 266, л. 2.
[46] Там же, ед. хр. 519, л. 1.
[47] За весь 1921 г. Ленин не подписал только 14 постановлений СНК и 4 постановления СТО в июле—августе 1921 г., когда он находился в отпуске.

связанные с переходом к новой экономической политике и ее проведением, были подготовлены в своем большинстве В. И. Лениным.

Неотъемлемой составной частью деятельности В. И. Ленина как председателя СНК и СТО являлась его огромная государственная переписка с народными комиссариатами, различными ведомствами, а также с местными советскими, хозяйственными и партийными организациями. Эта переписка совершенно уникальна по своим масштабам и значению. Достаточно сказать, что за пять с лишним лет послеоктябрьского периода (ноябрь 1917—март 1923 г.) ленинские письма, записки, телеграммы, распоряжения и т. д. составили пять последних томов (50—54-й) пятого издания его сочинений. В этих томах опубликовано (не считая тома 55, где содержится переписка Ленина с родными) свыше 3000 ленинских документов, из них 2750 не входили в предыдущие издания сочинений, а 548 документов опубликовано впервые. Если к этому добавить 260 писем Ленина, вошедших в основные тома (35—45-й), и учесть около 400 до сих пор не разысканных писем Ленина[48], то известная нам ленинская переписка за пять лет достигнет огромной цифры — свыше 3600 документов, т. е. примерно более 720 писем в год, около 60 в месяц, два письма в среднем ежедневно. Показательно, что именно на 1921 г. падала почти рекордная цифра — свыше 1460 писем, записок, телеграмм. Нередко бывали такие месяцы и дни, когда переписка Ленина могла, казалось бы, заполнить без остатка самый напряженный рабочий день, а между тем она составляла только часть, и сравнительно небольшую часть, его огромной государственной работы.

Конечно, многие из ленинских писем посвящались внутрипартийным вопросам, адресовались непосредственно в ЦК партии и Политбюро, направлялись братским коммунистическим партиям и руководителям мирового революционного и рабочего движения, отдельным лицам и т. д. Но в своем подавляющем большинстве письма Ленина, все его эпистолярное наследство в советские годы, непосредственно связаны с государственной деятельностью В. И. Ленина и являются неоценимым источником для изучения его работы на посту председателя СНК и СТО.

Именно в этих письмах содержались конкретные ленинские указания почти каждому народному комиссариату в отдельности, находила свое практическое воплощение ленинская школа государственного руководства. К тому же переписка являлась одной из форм подготовки к заседаниям СНК, предварительного обсуждения и рассмотрения важнейших решений, обмена мнений, изложения ленинской точки зрения до принятия соответствующего постановления.

Такое же большое значение имела и переписка Ленина с местными организациями[49]. Она охватывала почти все области и районы страны,

[48] См. списки неразысканных писем В. И. Ленина, приложенные к 50—54-му томам Полного собрания сочинений.

[49] За пять лет (1917—1922) на места было направлено около 500 ленинских писем, телеграмм, распоряжений и т. д., из них около 140 приходилось на 1921—1922 гг. Все подсчеты по переписке произведены автором на основе документов и справочного аппарата Полного собрания сочинений В. И. Ленина и другим источникам. Конечно, эти подсчеты являются сугубо ориентировочными, не могут претендовать на абсолютную полноту и точность, но дают, как нам кажется, достаточно убедительную картину масштабов и значения переписки В. И. Ленина.

связывала центр с местами, оказывала повседневную помощь и направляла всю работу на местах.

Как правило, большинство писем и записок Ленина являлось ответом на запросы, докладные записки, отчеты, жалобы, просьбы, поступающие в Совнарком и ЦК партии на его имя. Количество материалов, которые Ленин не только читал, но и внимательно изучал, во много раз, очевидно, превышало все тома его переписки. Это и давало Владимиру Ильичу возможность всегда быть в курсе положения дел в центральных учреждениях и на местах, помогало обобщение опыта, своевременному исправлению недостатков, проверке исполнения решений СНК и СТО.

Особенно строго Ленин следил, чтобы проверка исполнения постоянно находилась в центре внимания самого аппарата Совнаркома. Он требовал исключительной четкости, систематичности и строжайшей дисциплины в работе этого аппарата и сам постоянно давал образцы такой работы. Кроме указаний в процессе повседневного личного общения Ленин очень часто давал письменные распоряжения, и его переписка с работниками аппарата СНК, СТО и Малого СНК составила только за 1921—1922 гг. свыше 370 документов, из них Н. П. Горбунову [50] было направлено около 140 писем, В. А. Смольянинову [51] — 65, Л. А. Фотиевой — свыше 40, другим секретарям и работникам аппарата — около 70 и т. д.

В. И. Ленин очень высоко ценил Н. П. Горбунова, был необычайно внимателен ко всем сотрудникам Управления делами СНК, но малейшая неаккуратность или опоздание вызывали с его стороны самое строгое порицание и взыскание.

Так, в апреле 1921 г. в записке Н. П. Горбунову Ленин писал: «Я должен поставить Вам на вид чрезвычайные беспорядки в нашей канцелярии» и требовал произвести «точное и полное расследование, установить виновных» в том, что одна из телефонограмм на его имя пришла с большим запозданием [52].

Придавая большое значение своевременной и точной рассылке почты Совнаркома, Владимир Ильич настаивал, чтобы была заведена специальная книга, обязательно переплетенная, и в ней сохранялись расписки получателей писем [53]. В сентябре 1921 г. он направил в управление канцелярией СНК письмо по поводу опоздания с передачей одного срочного документа. «Такая работа канцелярии недопустима, и, если еще хоть раз обнаружится подобная типичнейшая волокита и порча работы, — говорилось в этом письме, — я прибегну к строгим взысканиям и смене персонала». Далее давалось подробнейшее предписание о порядке отправки и приема почты и проверки ее своевременной доставки [54].

20 сентября 1921 г. по Управлению делами СНК был издан специальный приказ, устанавливающий точный порядок отправки документов или

[50] Н. П. Горбунов был назначен управляющим делами СНК в декабре 1920 г., сменив на этом посту В. Д. Бонч-Бруевича.
[51] В. А. Смольянинов назначен помощником управделами СНК и СТО в апреле 1921 г.
[52] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 170.
[53] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 16.
[54] В. И. Ленин. Там же, стр. 193.

пакетов, поступающих от председателя СНК. В частности, в приказе предлагалось «завести особую книгу поручений Владимира Ильича и обязать всех секретарш, а в ночное время телефонисток заносить туда все поручения Владимира Ильича с указанием, кто данное поручение принял, а также отметкой об исполнении» [55].

Специальную тетрадь записей поручений В. И. Ленина Н. П. Горбунов начал вести с 15 декабря 1920 г. и вел ее до 13 января 1923 г. Эта тетрадь сейчас опубликована [56] и содержит огромный фактический материал о методах руководства Ленина и стиле его работы. Существенные дополнения в эту публикацию вносят переписка Управления делами СНК в связи с поручениями Ленина за весь период с января 1918 по октябрь 1922 г.[57], а также подборка документов «По следам ленинских поручений» [58].

Распоряжения и поручения Ленина аппарату СНК были всегда очень конкретны, охватывали широчайший круг вопросов и показывали, чем был заполнен рабочий день Ленина. Приведем запись поручений Владимира Ильича, сделанную Н. П. Горбуновым только за один день — 23 сентября 1921 г.

«— Нефтяная промышленность.

— Орошение Муганской степи.

— Собрать сведения об американских машинах для быстрого проведения шоссейных дорог...

— Проследить за делом «Бзыбская лесная концессия»...

— Напомнить Владимиру Ильичу, когда будут получены все отзывы о проекте НКюста: „Кодекс законов об обязательствах, возникающих из договора...“

— Провести через МСНК постановление, чтобы при проведении тех или иных законопроектов и мероприятий, касающихся трестов или имеющих к ним непосредственное отношение, предварительно запрашивать их мнение...

— Собрать немедленно сведения, где и какие материалы имеются в Главземхозе» [59].

Этот перечень дает представление лишь о небольшой доле тех дел, которыми Ленин занимался ежедневно. Понятно поэтому его особое внимание к вопросам нормализации работы аппарата, применения научных методов организации административного управления. Среди поручений, данных Горбунову, интерес с этой точки зрения представляет ленинское задание от 7 февраля 1921 г.: «Выписать из Америки, Германии и Англии литературу по карточным системам и применению тейлоризации в канцелярском деле. Заняться этим вопросом...» [60]

Во исполнение этого поручения Н. П. Горбунов послал 14 апреля 1921 г. следующую телеграмму в Лондон Л. Б. Красину и в Берлинское торгпредство: «Прошу ускорить присылку книг по организации управ-

[55] «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 48.
[56] Там же, 1961, № 5, стр. 24—73.
[57] Там же, 1962, № 1, стр. 13—62.
[58] «История СССР», 1965, № 2.
[59] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 42—43. Приведены только важнейшие поручения Ленина в этот день.
[60] Там же, стр. 37.

ления, делопроизводству, карточной системе, тейлоризму, заказанные Предсовнаркомом» [61].

В дальнейшем Ленин неоднократно возвращался к этому вопросу, по его инициативе был создан специальный Институт научной организации труда (НОТ), и Ленин уделял его работе большое внимание [62]. Он собрал в своей библиотеке в Кремле почти всю литературу по проблемам административного управления и организации труда. Продумывая проект создания отдела «нормализации» работы в НК РКИ, Ленин в сентябре 1922 г. поручил В. А. Аванесову «Собрать все сколько-нибудь ценное, особенно по части нормализации работы *бюрократической* (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.) ... Я считаю, что нормализацию *бумажной* работы мы должны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное» [63].

Через несколько дней Ленин написал рецензию на книгу О. А. Ерманского [64], в которой отмечал ее положительные и отрицательные стороны и подчеркивал необходимость создания учебников по вопросам научной организации труда. «Научиться работать — это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики» [65].

Он вновь поставил эти вопросы в своих последних статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше», предлагая объявить конкурс на составление учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого и послать подготовленных и добросовестных лиц в Германию или Англию для сбора литературы и изучения этого вопроса [66].

Аппарат СНК и СТО был в эти годы очень невелик, не превышал несколько десятков человек [67]. До середины 1921 г. Ленин не имел даже заместителя по СНК, и официально должность заместителя председателя Совнаркома и СТО не была еще учреждена. Только летом 1921 г., когда начала сказываться болезнь Владимира Ильича и он находился в кратковременных отпусках, а иногда отсутствовал на заседаниях, А. И. Рыков был назначен заместителем председателя СТО, а 1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК утвердило А. Д. Цюрупу вторым заместителем председателя (на равных правах с первым) и освободило его от обязанностей народного комиссара продовольствия.

За два дня до принятия этого решения (28 ноября 1921 г.) Ленин писал А. Д. Цюрупе:

«У меня план созрел:

В дополнение к должности зампредСТО Рыкова (с правом решающего

[61] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 773, л. 20.

[62] См. по этому вопросу: В. Д. Банасюкевич. В. И. Ленин и научная организация труда. — «История СССР», 1965, № 2, стр. 103—113.

[63] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 278.

[64] О. А. Ерманский. Научная организация труда и система Тейлора. М., 1922.

[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 206.

[66] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 395.

[67] На 1 января 1921 г. в аппарате СНК работало 102 человека, из них 65 служащих (управленческий аппарат), 28 человек хозяйственного персонала и телефонисток, 9 бухгалтеров. Подсчет сделан научным сотрудником ЦПА ИМЛ В. А. Любишевой по ведомству личного состава (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 1088, л. 13).

голоса в СНК) учреждается на равных правах должность второго зампредСТО. Назначается, с освобождением от НКпрода, Цюрупа.

Права этих замов: решающий голос в СНК и в *СТО*; председательствование, при отсутствии председателя. *Все* права председателя СНК в отношении участия во всех коллегиях и учреждениях и (в числе этих прав) право давать подлежащие немедленному исполнению указания насчет практической работы наркомам и их членам коллегий и т. д. (с ведома наркомов соответствующих ведомств) *по вопросам объединения и направления* работы экономических наркоматов.

Так я мыслю себе официальное решение *ВсеЦИКа*» [68].

Ленин особенно подчеркивал значение руководства экономическими наркоматами и обязательного личного ознакомления и участия в их работе, личной проверки всей их деятельности.

«На сколько времени сии должности, — писал он, — „будем посмотреть": может быть, на 3—4 года, может быть на 30 лет» [69].

Несколько месяцев спустя, на XI съезде партии, Ленин открыто сказал о причинах назначения двух своих заместителей: «Так как в ближайшее время мне едва ли придется вернуться к работе, то все надежды переносятся на то, что теперь имеются еще два заместителя — т. Цюрупа... и т. Рыков...» [70]

Этим объяснялось также исключительное значение, которое Ленин придавал составлению своего рода наказа, практического плана работы замов во время своего возможного отсутствия. Он начал работать над этим планом с конца 1921 г. и постоянно к нему возвращался на протяжении всего 1922 г. Глубоко продумывая, как улучшить всю систему работы СНК и СТО, он считал необходимым проверить намеченный план на практике, прежде чем превращать его в окончательное решение. Ленин писал об этом А. И. Рыкову 3 декабря (через два дня после назначения А. Д. Цюрупы): «Мы решили пока, до Вашего приезда [71] и до *опыта* с Цюрупой, *не* превращать этого плана в постановление. Сначала испытать и проверить практикой» [72].

Суть намечаемой перестройки работы СНК, СТО и МСНК Ленин изложил в шести письмах к А. Д. Цюрупе, написанных в течение месяца — с 24 января по 27 февраля 1922 г.[73] В них содержалась ленинская программа работы по-новому, предлагалось «*обдумать* систему работы и *переделать ее радикально*» [74]. Ленин требовал «уменьшения бумажности, волокиты, бóльшего обдумывания, бóльшей ответственности наркомов, *замены наскоро напеченных декретов осторожной, длительной, деловой проверкой исполнения* и *проверкой опыта,* установлением личной ответственности...»; «Минимум заседаний. Норма 1 раз в неделю СНК + 1 раз СТО по два часа», сокращение количества комиссий, лич-

[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 253. Получив предварительное согласие А. Д. Цюрупы на этот план, Ленин разослал свое письмо всем членам Политбюро ЦК и одновременно сформулировал его первый абзац как проект постановления ВЦИК.

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 254.

[70] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 114.

[71] А. И. Рыков в это время уезжал в Германию для лечения.

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 51.

[73] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 364—370.

[74] Там же, стр. 364.

ная проверка работы, чтобы «докапываться до сути, школить, учить, пороть всурьез. Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь...» [75]

В качестве основной задачи выдвигалась «*проверка фактической работы*», установление «*индивидуальной ответственности за делаемое*», *подбор людей*. И в заключение вывод: «...борьба с тиной бюрократизма и волокиты проверкой людей и проверкой фактической работы; беспощадное изгнание лишних чиновников, сокращение штатов, смещение коммунистов, не учащихся делу управления всерьез — такова должна быть линия наркомов и СНКома, его председателя и замов» [76].

После длительного обдумывания и переписки с Рыковым и Цюрупой Ленин 4 апреля 1922 г. написал «Первоначальные наброски плана записки о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)» [77], а 11 апреля подготовил окончательный текст этого документа.

«Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)» явилось, таким образом, результатом большой работы, к которой Ленин привлек и своих заместителей. Это постановление не было тогда опубликовано, не являлось каким-либо официальным правительственным актом, а предназначалось для самого аппарата и давало развернутое ленинское определение дальнейших задач и характера работы заместителей председателя СНК и СТО. Состояло постановление из следующих пяти разделов: 1) Общие и основные задания замов; 2) Специальные вопросы, касающиеся работы замов; 3) Способ работы замов; их аппарат; 4) О единстве работы обоих замов; 5) Распределение работы между замами [78].

В первых разделах содержались те мысли и предложения, которые были изложены в ленинских письмах А. Д. Цюрупе, а последующие разделы давали конкретные указания о распределении работы между замами, намечали народные комиссариаты, которые переходили в ведение каждого заместителя, порядок председательствования в СНК и СТО и т. д.

Ленин считал, что приблизительно 9/10 труда заместители должны уделять хозяйственным наркоматам и только 1/10 остальным. Каждый заместитель должен был взять под свою ответственность один-два отдела или учреждения того или иного народного комиссариата, чтобы сделать их образцовыми и этим подтягивать и проверять остальные.

В первые месяцы 1922 г. Ленин внес также важные уточнения в работу Малого Совнаркома. В письме к А. Д. Цюрупе от 15 февраля 1922 г. он предлагал уменьшить количество членов МСНК и в то же время обязательно иметь в его составе не менее двух «неведомственных» членов (до этого членами МСНК являлись только представители ведомств). Поскольку в работе МСНК в 1921 г. очень много времени занимали финансовые вопросы, Ленин советовал передать рассмотрение ассигнований, предусмотренных сметой, в Наркомфин с участием РКИ,

[75] Там же, стр. 365, 367.
[76] Там же, стр. 369—370.
[77] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 420—426.
[78] См. там же, стр. 152—159.

переключив все внимание Малого СНК на проверку исполнения народными комиссариатами постановлений СНК [79].

При обсуждении вопроса «О реорганизации МСНК» на заседаниях Большого Совнаркома 22 апреля, а затем в октябре 1922 г. эти указания были полностью учтены.

Ленинские документы о перестройке работы высших правительственных коллегий, и прежде всего постановление о работе замов, были разосланы для отзыва всем членам Политбюро ЦК. 5 мая 1922 г. Ленин в письме И. В. Сталину наряду с просьбой пустить этот проект «вкруговую» среди членов Политбюро ответил на отдельные замечания (Рыкова, Томского, Троцкого), касающиеся работы замов. Отвергая критику Троцкого, Ленин отметил, что замечания «частью возобновляют старые наши разногласия..., многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро» [80], и ответил только по двум главным пунктам — о Рабкрине и о Госплане, полностью разбив аргументацию Троцкого.

В конце 1922 г., когда вновь ухудшилось здоровье Ленина, он вернулся к вопросу о порядке работы заместителей председателя СНК и СТО и 4 декабря написал новые предложения о распределении работы между ними [81], а 9 декабря — о порядке работы замов и председателя СНК [82]. В последнем документе Владимир Ильич опять напомнил, что «так как работа улучшения и исправления всего аппарата гораздо важнее той работы председательствования и калякания с замнаркомами и наркомами, коя до сих пор занимала замов целиком, то необходимо установить и строго проводить, чтобы *не менее двух часов* в неделю каждый зам „опускался на дно", посвящая личному изучению самые разнообразные, и верхние и нижние, части аппарата, самые неожиданные притом. Протокол такого изучения, фиксированный, утвержденный и сообщаемый (в известных случаях) по *всем* ведомствам, должен будет *сокращать* аппарат и подтягивать всех и вся в нашем госаппарате» [83].

13 и 16 декабря 1922 г. Ленин продиктовал два письма [84] с указаниями о работе замов. Он надеялся, что скоро сможет вернуться к работе. «...Я даю свое согласие на предложенное вами распределение не на три месяца (в отличие от вашего предложения), а впредь до моего возвращения к работе, если оно состоится ранее чем через три месяца» [85], — писал Ленин 13 декабря 1922 г. И все свои силы, всю энергию он посвятил тому, чтобы обеспечить правильную работу Совнаркома и СТО, определить задачи руководства по-новому, улучшить и поднять на высшую ступень весь советский государственный аппарат. Этим объясняется исключительное значение, которое Ленин придавал, учитывая возможность своего длительного отсутствия, подготовке документов, излагающих программу, основные принципы и задачи дальнейшей деятельности Совнаркома и Совета Труда и Обороны.

[79] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 367, 369.
[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 180.
[81] См. там же, стр. 323.
[82] См. там же, стр. 328—329.
[83] Там же, стр. 329.
[84] См. там же, стр. 331—332; т. 54, стр. 327.
[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 331—332.

(1

Постановление
О работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)

I. Общие и основные задания замов.

1. Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений; в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них; в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему.

На замов возлагается: — строчку пропустить

2. — Наблюдение за тем, чтобы ~~[illegible]~~ рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских, так и партийных (президиум ВЦИКа, политбюро и оргбюро Цека РКП — и т. д. без всякого изъятия) происходило не иначе как с ведома и участия замов.

3. — Разгрузка СНКа и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления, частью (именно в нетерпящих отлагательства и исключительно важных случаях) непосредственными распоряжениями замов.

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)». 11 апреля 1922 г.

2.

«Самая большая приемная в мире»

В работе В. И. Ленина как председателя Совнаркома очень большое место занимал прием посетителей. Ленинская приемная в Смольном, а затем в Кремле действительно была «величайшей в мире приемной», как писал друг Советской страны — прогрессивный американский журналист Альберт Рис Вильямс.

Точного подсчета приемов Ленина за все годы его государственной деятельности (1917—1922) до сих пор, к сожалению, не имеется. Но даже выборочные сведения, которыми мы располагаем, дают представление о небывало больших масштабах этого приема. Сравнительно полные данные о каждом рабочем дне Ленина, и в частности, о его приемах, полностью опубликованы лишь за два месяца: январь — февраль 1921 г.[86] Если учесть, что с 1 по 20 января Ленин находился в отпуске и до своего возвращения в Москву смог принять лишь председателя Сибревкома И. Н. Смирнова (1 января) и американскую журналистку, вдову Джона Рида, Луизу Брайант (12 января, во время своего кратковременного приезда в Москву), то только за одну неделю (с 23 по 31 января) он принял около 20 человек и среди них делегацию II Всероссийского съезда горнорабочих во главе с председателем ЦК союза горнорабочих Артемом (А. Ф. Сергеевым).

В феврале 1921 г. прием у Ленина был особенно велик. За 28 дней он принял около 65 человек и две делегации — представителей трудящихся Дагестана (12 февраля) и турецкую делегацию (26 февраля), находящуюся в Москве в связи с переговорами о подписании договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией (договор был подписан 16 марта 1921 г.).

Такой же полный подсчет (по материалам приемной СНК) дан Л. А. Фотиевой за период с 2 октября по 16 декабря 1922 г., т. е. фактически о последних приемах В. И. Ленина. За эти два с половиной месяца он принял 171 человека (провел 125 приемов) [87] — в среднем 2—3 человека ежедневно, от 17 до 20 человек в неделю.

Естественно, что как глава Советского правительства Ленин систематически и повседневно принимал народных комиссаров и членов коллегий наркоматов, руководителей ведомств, партийных, профсоюзных, советских и хозяйственных работников не только центральных, но и многих местных учреждений. В 1921—1922 гг. Ленин неоднократно беседовал с сибирскими товарищами (И. Н. Смирнов, В. Н. Соколов, С. Е. Чуцкаев), с А. А. Преображенским из Самары, секретарем Тамбовского губкома Н. М. Немцовым, Ф. Е. Махарадзе (Грузия), председателем СНК Армении А. Ф. Мясниковым, председателем СНК Грузии П. Г. Мдивани, председателем Средазбюро ЦК Я. Э. Рудзутаком, председателем экономического совещания Карельской трудовой коммуны А. В. Шотманом, руководящими работниками Украины — М. В. Фрунзе, Д. З. Мануильским, Ф. Коном, М. Полозом и др., председателем СНК

[86] «Два месяца работы В. И. Ленина (Из хроники жизни и деятельности). Январь—февраль 1921». М., 1934.
[87] Л. А. Фотиева. Из жизни Ленина. М., 1967, стр. 117.

Крымской республики, председателем ЦИК Татарской республики, заместителями председателя Чувашского облисполкома, Новгородского и Иваново-Вознесенского исполкома, а также со многими хозяйственными работниками — А. П. Серебровским (Азнефть), В. Я. Чубарем (Центральное правление каменноугольной промышленности Донбасса), Е. Ф. Домненко (управление Риддеровскими рудниками) и т. д.

О характере и значении ленинских приемов представителей с мест убедительно свидетельствуют воспоминания тех, кто побывал на этих приемах. Приведем только один пример, раскрывающий содержание беседы Ленина с дагестанской делегацией (Д. Коркмасов, М. Хизроев, А. Тахо-Годи), посетившей Владимира Ильича 12 февраля 1921 г. А. А. Тахо-Годи в 1934—1935 гг. по просьбе Н. К. Крупской в письме к ней [88] подробно рассказал об этом приеме. Он вспоминал, что делегаты прежде всего рассказали Ленину о положении в Дагестане и его нуждах.

«Слушал Ильич удивительно. Он как бы впитывал все, что говорили ему, но слушал не молча. Он очень живо реагировал, как бы помогал собеседнику разворачивать клубок рассказа, и ободрял его. Он вставлял иногда вопросы, делал замечания и т. д.».

В. И. Ленина интересовали вопросы борьбы с мусульманским духовенством, отношение населения к частям Красной Армии, прибывшим из России, состояние медицинской помощи в горах; он «спрашивал наше мнение относительно организации автономных республик: Горской и Дагестанской, о целесообразности организации единой республики или раздельных. Узнав, что мы за создание раздельных республик, он сказал, что и он считает, что пока лучше организация отдельных республик, а там видно будет».

В заключение беседы Ленин просил систематически информировать его о положении в Дагестане и в память о встрече по просьбе дагестанцев сделал надпись на своем портрете: «Для красного Дагестана».

Во время приема Ленин кратко записал нужды Дагестана в хлебе, мануфактуре и др., чтобы организовать необходимую помощь [89].

Она была действительно оказана. Через два с половиной месяца после свидания с Лениным Тахо-Годи выехал из Москвы в Дагестан с маршрутным поездом, который вез 1,5 миллиона аршин мануфактуры. Тахо-Годи с сожалением вспоминал о том, что они не выполнили только одной просьбы Ленина — часто писать ему и сообщать о положении в Дагестане — из боязни отнять у него драгоценное время. Лишь впоследствии делегаты Дагестана поняли, что «с помощью такого рода непосредственного общения с живыми людьми мест и черпал Ильич множество мельчайших фактов, из которых так мастерски умел делать свои обобщения» [90].

Действительно, приемы и беседы Ленина, а также внимательное изучение местных материалов позволяли ему знать точно обстановку во

[88] «В. И. Ленин — друг народов Востока» (Сборник документов и материалов 1917—1924 гг.), т. II. Баку, 1967, стр. 31—33. Содержание письма А. Тахо-Годи Н. К. Крупской было почти полностью опубликовано в качестве его воспоминаний в «Правде» 22 апреля 1935 г., а затем вошло в сборник «Рабочие и крестьяне России о Ленине» (М., 1958).

[89] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 420.

[90] «В. И. Ленин — друг народов Востока», т. II, стр. 33.

всех концах огромной страны, в отдельных ее районах, вплоть до уездов и волостей.

В первые годы Советской власти началось настоящее паломничество рабочих и крестьянских делегаций сначала в Смольный, а потом в Кремль — к Ленину. В 1918—1920 гг., уже в Москве, Ленин принял делегации рабочих заводов Путиловского и «Новый Лесснер» в Петрограде, Орудийного завода и завода «Дюмо» («Красный Октябрь») в Царицыне, Мальцевских заводов, Даниловской и Глуховской мануфактур, рабочих костромских фабрик, челябинских рабочих, углекопов Черемховских копей, грозненских рабочих и др.

Крестьяне посылали своих ходоков большими группами, особенно много было запросов, жалоб и ходатайств по земельному вопросу и разрешению земельных споров. Прием крестьянских делегаций был сначала поручен Управлению делами СНК; В. Д. Бонч-Бруевич докладывал Владимиру Ильичу о ходе приемов и настроениях крестьян, а также представлял письменные отчеты, которые внимательно прочитывались Лениным. Но вскоре Ленин, как писал в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич, обратил внимание на то, что все крестьянские дела представляют огромный интерес, что в них можно всегда выявить подлинный «голос земли», и пожелал лично принимать крестьян. «Он назначил особый день — пятницу (прием в Управлении делами был по вторникам и четвергам), когда стал группами принимать крестьян» [91].

В первую группу крестьян, которую принял Ленин в начале 1919 г., входило 52 человека — представители различных местностей России (Пензенской, Курской, Смоленской, Самарской губерний). В. Д. Бонч-Бруевич передавал слова Ленина непосредственно после встречи с крестьянами: «Какие все нужные и важные вопросы поднимают крестьянские ходоки! — говорил мне в тот же вечер Владимир Ильич, вспоминая эту свою дневную беседу. — Нужно быть особенно внимательными к их делам» [92].

Вскоре была создана наружная приемная СНК, вблизи Кремля на Моховой улице (в дальнейшем она стала приемной ВЦИК, а потом приемной Верховного Совета СССР), чтобы крестьяне могли проходить туда без всяких пропусков. Постепенно прием ходоков все больше переходил к председателю ВЦИК М. И. Калинину, но Ленин продолжал принимать отдельные крестьянские делегации и крестьян различных губерний России и национальных районов. Мы уже приводили примеры ленинских приемов крестьян в конце 1920 и в январе — феврале 1921 г., накануне перехода к нэпу.

Сведения о последующих приемах Лениным крестьян в 1921 и 1922 гг. не являются сколько-нибудь полными и тем более исчерпывающими. Известно, что 13 апреля 1921 г. Ленин принял делегацию украинских крестьян (Киевской, Харьковской и Полтавской губерний) и подробно говорил с ними об их нуждах и положении украинской деревни [93]. 20 апреля у Ленина на приеме побывали два делегата из Самарской губернии. В июне 1921 г. он беседовал с представителями крестьян

[91] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1965, стр. 225.
[92] Там же, стр. 228.
[93] Ф. П. Дидук. У В. И. Ленина. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 611—612.

Нижегородской губернии о помощи хлебом погорельцам, и эта помощь была оказана [94].

29 ноября 1921 г. Ленин принял делегацию крестьян — участников I Московского губернского сельскохозяйственного съезда [95]. По просьбе делегатов Ленин в тот же день выступил на съезде [96]. 30 ноября на приеме у Ленина был и И. А. Петрушкин — делегат VIII и IX съездов Советов от крестьян Весьегонского уезда Тверской губернии, избранный на VIII съезде Советов членом ВЦИК. По командировке ВЦИК И. А. Петрушкин объехал Владимирскую, Череповецкую, Рыбинскую, Вологодскую губернии и хотел поделиться с Владимиром Ильичем своими впечатлениями и передать ему некоторые просьбы крестьян [97]. Впоследствии И. А. Петрушкин подробно рассказал о своей беседе с Лениным, которая продолжалась приблизительно 45—50 минут. Он вспоминал, что несколько растерялся, когда Ленин попросил извинить его за то, что был вынужден из-за сильной занятости изменить день и час приема. Внимательно выслушав Петрушкина, Ленин попросил своего собеседника дополнительно рассказать о том, о чем он еще не говорил. «Я был озадачен, — вспоминал Петрушкин, — так как мне казалось, что я действительно рассказал все и откровенно. Владимир Ильич пристально смотрел на меня, а я молчал. Тогда он улыбнулся и заметил, что он знает, что именно я не сказал. Я удивился. А Ленин говорит мне, что я хотел сказать, что у крестьян нет соли и что щи они едят несоленые. Я ответил, что у бедняков и середняков действительно с солью очень плохо. Затем Владимир Ильич говорит, что я хотел сказать, что у крестьян нет дегтя и оси телег мажут маслятами, поэтому телеги курлыкают, как журавли в небе, и показал пальцем на потолок. Я сказал, что и это справедливо. Владимир Ильич говорит, что у крестьян нет керосина и приходится освещать избу лучиной, как в глубокую старину... Я сказал, что это тоже справедливо. Владимир Ильич напомнил, что об этом тоже нужно говорить. Он на мгновение задумался, потом страстно и убежденно сказал, что с разрухой Советская власть обязательно справится, что хозяйство страны будет восстановлено и придет время, непременно придет, когда страна Советов будет передовой страной мира и в хозяйственном и в культурном отношениях» [98]. Примерно через месяц произошла новая встреча

[94] А. К. Колышкин. Хлеб для погорельцев. — «Рабочие и крестьяне России о Ленине», стр. 276—279.

[95] С. М. Бирюков. У Ленина в Кремле. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 638—640.

[96] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 256—259.

[97] См. письмо И. А. Петрушкина В. И. Ленину с резолюцией Владимира Ильича о назначении приема. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 345.

[98] И. А. Петрушкин. Беседа была откровенной. — «Известия», 20 сентября 1967 г. Эти воспоминания были впервые опубликованы в 1965 г. («Народное образование», 1965, № 4, стр. 95—97). Большой интерес представляют биографические данные И. А. Петрушкина, которые он сообщил автору этой книги. И. А. Петрушкин (1897 г. рождения), сын крестьянина деревни Никулино Перемутской волости Весьегонского уезда Тверской губернии, занимался сначала земледелием, помогал отцу в кузнице, а с 1918 г. после окончания трехгодичных педагогических курсов начал работать учителем в Весьегонском уезде, принимал активное участие в установлении Советской власти в уезде, неоднократно избирался делегатом на уездные и губернские съезды Советов, был членом Весьегонского уездного исполкома, заведовал уездным земельным отделом, был членом коллегии губземотдела и членом Тверского губисполкома. Тверская губер-

В. И. Ленина с И. А. Петрушкиным на совещании беспартийных крестьян — делегатов IX съезда Советов, о которой было уже рассказано выше (см. гл. VIII, § 3).

В начале 1922 г. в Москву к Ленину приехала делегация далекой Алтайской коммуны (Родинской волости Славгородского уезда Омской губернии), мечтавшая получить трактор для коммуны. Ленин ее принял, и в марте 1922 г. она увезла на Алтай трактор в 75 лошадиных сил [99].

В конце 1922 г. Ленин принял делегата от крестьян Лихославльской волости Новоторжского уезда Тверской губернии И. Л. Леонова, приехавшего с просьбой помочь лесом погорельцам его родной деревни. Просьба Леонова была удовлетворена [100].

Характерен в этом отношении еще один пример.

В январе 1922 г. крестьяне деревни Алакаевки Самарской губернии обратились к Ленину с просьбой помочь им хлебом. 9 января 1922 г. Ленин послал следующую телефонограмму в Президиум ВЦИК:

«Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Самарской губернии Алакаевки представителю ее крестьянину Сергею Фролову, а также и по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично [101], то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой-либо помощи наверняка.

Прошу постараться устроить это и сообщить мне, что удалось сделать» [102].

Получив хлеб, крестьяне писали: «Мы, уполномоченные, возвратясь домой, в Самарскую губернию, удостоверим пославших нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия и что наш великий вождь т. Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства» [103].

В 1921—1922 гг. Ленин продолжал принимать многочисленные рабочие делегации и отдельных рабочих. В апреле 1921 г. его посетили пред-

ния посылала его делегатом на VIII и IX Всероссийские съезды Советов, где он избирался членом президиума съезда. Как член ВЦИК он некоторое время работал в Наркомземе. В дальнейшем И. А. Петрушкин закончил физико-математический факультет Тверского (Калининского) пединститута и почти три десятилетия преподавал математику и являлся директором средней школы в деревне Егна Весьегонского уезда Калининской области, где он проживает сейчас и ведет (после перехода на пенсию) большую общественную работу (см. также очерк о И. А. Петрушкине в книге А. Лазебникова «Их знал Ильич». М., 1967). Такова судьба одного из посетителей Ленина. Добавим также, что и другие представители Весьегонского уезда неоднократно бывали на приеме у Ленина: в 1917 г. это был крестьянин Филипп Образцов, а позже — учитель А. Виноградов, крестьяне Федор Бойцов и Павел Смирнов. Ленин, как известно, особенно интересовался Весьегонским уездом после ознакомления с книгой члена исполкома Весьегонского уездного Совета А. И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом».

[99] Я. В. Жестовский. Подарок Ленина. — «Рабочие и крестьяне России о Ленине», стр. 289—290.

[100] И. Л. Леонов. Как Ленин помог нашей деревне. — «Ленин в нашем сердце», стр. 111—116.

[101] В. И. Ленин жил на хуторе близ Алакаевки весной и летом 1893 г.

[102] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 108—109. В источнике, по-видимому, имеется опечатка — в Москву приезжал Кузьма Фролов, сын Сергея (см. там же, стр. 108, прим.)

[103] См. там же, стр. 593, прим.

ставители иваново-вознесенских рабочих, в мае он встречался с делегатами IV съезда профсоюзов и т. д. На приеме у Ленина часто бывали кадровые питерские рабочие, старые большевики — В. Н. Каюров и Н. А. Емельянов. Сохранилось большое количество воспоминаний о встречах Ленина с рабочими. Часто это рассказы не только о приемах у Ильича, а о беседах с ним во время его докладов, посещения им заводов и фабрик. До начала выступления и после его окончания Ленин обычно беседовал с собравшимися, выслушивал их заявления, просьбы, информацию. Это создавало всегда еще более тесное общение с рабочей аудиторией.

В октябре 1922 г. Ленин принял делегатов от рабочих завода «Динамо» в Москве, расписался в «Красной книге» для почетных гостей завода и обещал выступить у них 7 ноября 1922 г.[104]

Этот прием делегатов с «Динамо» был, очевидно, одним из последних приемов Ленина в его кабинете в Кремле. 22 ноября 1922 г. он принял еще делегацию от рабочих Барановского фарфорового завода (Волынская губерния), приехавших в Москву, чтобы вручить Ленину изготовленный в подарок ему сервиз, а в конце 1922 г. — делегацию от сибирских рабочих-кожевников, которые подарили ему овчинный тулуп. Ленин просил передать рабочим, что он очень рад их приветствиям, но подарков лучше ему не посылать [105].

Вспоминая о приемах Лениным рабочих и крестьян, Альберт Рис Вильямс писал: «...тысячи собранных фактов он тщательно взвешивал, отбирал и анализировал. И это давало ему перевес над врагами и помогало ему переспорить и победить их. Ему не нужно было гадать, каковы мысли сибирского крестьянина, красноармейца или донского казака. Для него не было тайной, что думает и чувствует ленинградский формовщик, волжский грузчик, московская уборщица. Он беседовал лично с ними или с кем-нибудь из надежных товарищей, который только что говорил с ними» [106].

В. И. Ленин всегда находил время, чтобы побеседовать, помочь, ответить на вопросы представителей интеллигенции, деятелей науки и культуры. Еще в Смольном в 1917 г. он принял известного ученого-языковеда академика А. А. Шахматова, а в начале 1918 г. в Москве — академика С. Ф. Ольденбурга и других академиков, приехавших из Петрограда для беседы с Владимиром Ильичем по вопросам исследования естественных богатств России и по другим научным проблемам. В 1918—1920 гг. в ленинском кабинете побывали изобретатель первых отечественных тракторов Я. В. Мамин, скульптор С. Д. Меркулов, архитектор Н. Д. Виноградов, писатель А. И. Куприн, изобретатель А. М. Игнатьев, профессор В. Н. Тонков, И. М. Губкин, П. А. Кропоткин, толстовец В. Г. Чертков, учитель А. Виноградов, медик Д. Н. Ерошенков и, конечно, очень часто, не только в рабочем кабинете, но и дома у Ленина бывал А. М. Горький. В 1921 г. до отъезда за границу Горький неодно-

[104] А. Ф. Вежис. Первая запись в книге почетных гостей. — «Рабочие и крестьяне России о Ленине», стр. 314. Выступить у динамовцев Ленин не смог — он прислал другого докладчика.

[105] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 702, даты; Н. П. Горбунов. Ленин на приеме. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 63.

[106] Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции, стр. 69—70.

кратно посещал Ленина. 27 января 1921 г. Владимир Ильич принял Горького и трех крупных ученых — непременного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга, вице-президента Академии, крупнейшего русского математика В. А. Стеклова и начальника Военно-медицинской академии профессора В. Н. Тонкова.

Ленин остался очень доволен этой встречей и после нее говорил А. М. Горькому: «Это я понимаю. Это — умники. Все у них просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать одно удовольствие» [107].

Особенно понравился Владимиру Ильичу В. А. Стеклов. Когда последний по его предложению согласился работать с Советской властью, это искренне обрадовало Ленина, и он говорил Горькому: «Вот так, одного за другим мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет, а — перевернется» [108].

В последние годы государственной деятельности В. И. Ленин неоднократно принимал также крупных ученых-энергетиков — А. В. Винтера и Г. О. Графтио, профессора И. М. Губкина [109], виднейшего химика профессора В. Н. Ипатьева, известного советского зоолога профессора Н. М. Книповича, геолога Д. И. Мушкетова, специалиста в области железнодорожного транспорта профессора Ю. В. Ломоносова, географа Н. Н. Баранского, работника Нижегородской радиолаборатории П. А. Острякова, профессора А. П. Пинкевича (заместителя председателя Комиссии по улучшению быта ученых — ЦЕКУБУ), беседовал по вопросам Курской магнитной аномалии с академиком П. П. Лазаревым и другими видными представителями науки и техники. Ленин заботился о создании условий для научной работы академика И. П. Павлова, запрашивал об опытах И. В. Мичурина, подписал специальный декрет об ознаменовании пятидесятилетней научной деятельности Н. Е. Жуковского (в декабре 1920 г.).

В. И. Ленин нередко откликался и на личные просьбы деятелей науки, он проявлял большое внимание к ученым из среды революционных деятелей прошлого. Так, известному народовольцу Н. А. Морозову он помогал в издании его книги «Христос и его время» и просил А. В. Луначарского повидаться с Морозовым и дать отзыв на книгу [110].

9 мая 1919 г. Ленин принял известного идеолога анархизма П. А. Кропоткина и вел с ним длительную беседу [111].

Личные контакты В. И. Ленина с представителями интеллигенции, не изжившей еще в те годы в своей значительной части буржуазных предрассудков, сыграли большую роль для ее завоевания, и прежде всего морального завоевания, как говорил Ленин, на сторону Советской власти.

Как председатель Совнаркома Ленин принимал нередко дипломатических представителей иностранных государств, людей зарубежного

[107] М. Горький. Собрание сочинений, т. 17, М., 1952, стр. 31—32.
[108] Там же, стр. 32.
[109] В записке Л. А. Фотиевой от 31 июля 1921 г. Ленин писал: «При свидании с Губкиным я просил его обращаться прямо ко мне, когда есть что важное» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 26).
[110] См. переписку по этому вопросу: «История СССР», 1965, № 2. стр. 86.
[111] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 409—416.

делового мира — американского капиталиста В. Вандерлипа, сенатора США Дж. Франса [112], буржуазного деятеля, основателя рабоче-фермерской партии США П. П. Христенсена [113], полковника Хаскелла (АРА), а также давал интервью корреспондентам американских, английских, французских, швейцарских, японских газет.

Огромное влияние ленинские приемы оказали не только на весь ход социалистического строительства в Советской России, но и на международное рабочее и революционное движение. В. И. Ленин много и часто принимал представителей братских компартий, революционных профсоюзов, делегатов, приезжавших в Москву на конгрессы Коминтерна и Профинтерна. Клара Цеткин, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Фриц Геккерт (Германия), Марсель Кашен, Жанна Лябурб, Анри Гильбо, Гастон Монмуссо, Поль Вайян-Кутюрье (Франция), Антонио Грамши, Джованни Джерманетто, Э. Дженнари, У. Террачини (Италия), У. Галлахер (Англия), Джон Рид, Роберт Майнор (США), Богумир Шмераль (Чехословакия), Тибор Самуэли, Бела Кун (Венгрия), Василь Коларов, Христо Кабакчиев, Стелла Благоева (Болгария), О. Куусинен и другие финские коммунисты, социалисты и коммунисты Швеции и Норвегии, М. Рой (Индия), Сен-Катаяма (Япония) и многие, многие другие деятели и руководители коммунистических партий побывали на приеме у Ленина и подолгу беседовали с ним по важнейшим вопросам развития мирового революционного движения. В своих многочисленных воспоминаниях [114] они ярко рисуют образ Ленина как вождя и руководителя международного рабочего движения.

Придавая исключительное значение подъему национально-освободительного движения колониальных и слаборазвитых стран, Ленин принимал также деятелей индийского Национального конгресса, корейских и китайских коммунистов, монгольскую делегацию и т. д. В своей беседе с монгольской делегацией, приехавшей в Москву в конце 1921 г. для заключения договора между РСФСР и МНР, Ленин говорил, что единственно правильным путем для Монголии «является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России». Владимир Ильич широко развил перед делегацией идею «возможности и необходимости некапиталистического развития МНР, причем главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплачивалось аратство за экономическое и культурное развитие страны. Только из островков нового хозяйственного

[112] См. письмо В. И. Ленина Г. В. Чичерину о приеме Франса. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 34—35.

[113] О встрече с Христенсеном и беседе с ним В. И. Ленин рассказал в своем отчетном докладе на IX съезде Советов (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 295—296).

[114] См., например, «Ленин и международное рабочее движение». Воспоминания. Сборник первый. М., 1934; «Незабываемый Ленин». Воспоминания немецких товарищей. М., 1958; «Воспоминания болгарских товарищей о Ленине». М., 1958; «О Ленине». Воспоминания зарубежных современников. М., 1967 и др.

уклада, созданного под влиянием партии и правительства, сложится новая некапиталистическая экономическая система аратской Монголии» [115].

Наряду с деятелями коммунистических партий, делегатами борющихся за свое освобождение колониальных стран, ленинский кабинет в Кремле нередко посещали представители прогрессивных кругов капиталистических стран — Бертран Рассел и Г. Уэллс, скульптор Клэр Шеридан, приехавшая в Москву для создания скульптурного портрета Ленина и беседовавшая с ним во время сеансов, английская социалистка и общественная деятельница Сильвия Панкхерт, делегация английских тред-юнионов и лейборист Дж. Лэнсбери, американская журналистка Бесси Битти, английский профессор и журналист В. Гуд и многие другие — всех не перечесть.

Вспоминая о Ленине, американский коммунист Роберт Майнор рассказывал, что всегда, когда он об этом просил, он получал прием у Ленина. Поэтому Майнор как-то сказал Владимиру Ильичу:

«— Товарищ Ленин, у вас больше времени, чем у кого-либо другого во всей Москве!

Конечно, я не имел этого в виду буквально. Но Ленин недоумевающе посмотрел на меня.

— Нет, товарищ Майнор, — сказал он, — у меня *не больше* времени, чем у других!

И я прочел у него на лице, какое гигантское бремя нес на себе вождь пролетариата, бремя, которое несомненно способствовало, что жизнь величайшего в мире человека пресеклась на пятьдесят четвертом году» [116].

При всем своем исключительном внимании к людям, при огромном интересе к живым беседам с ними Ленин, конечно, не мог принять всех желающих его посетить. Поэтому он так много занимался вопросом об организации работы наружной приемной СНК. В беседе с управляющим делами СНК Н. П. Горбуновым 20 января 1921 г. Ленин предложил «начать работу наружной приемной в скромных размерах. Установить там теснейшую связь с наркоматами и пользоваться в работе их аппаратами. В первую очередь изучить и научиться пользоваться аппаратами Наркомвнудела и РКИ. Использовать „Известия ВЦИК“ для почтового ящика, в котором отвечать на корреспонденцию, жалобы и запросы. Помещать в газетах статьи и заметки по вопросам, чаще всего затрагиваемым в обращениях к т. Ленину и в СНК рабочими и крестьянами. Предварительно советоваться с В. И. Лениным. Изредка составлять ответы за его подписью. О всех письмах сообщать их авторам, что дело по распоряжению т. Ленина направлено туда-то» [117].

На съездах Советов, съездах профсоюзов, различных конференциях и собраниях к Ленину обращались многие делегаты с различными вопросами и просьбами. Владимир Ильич не имел возможности лично переговорить со всеми и ответить на все вопросы. Тогда он предложил использовать специальные блокноты с отрывными листками, с помощью которых можно было направлять посетителей в различные учреждения, где они получали исчерпывающие объяснения и, если нужно, помощь.

[115] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 232—233.
[116] Роберт Майнор. У Ленина. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 331.
[117] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 32—33.

Ленин дал управляющему делами СНК образец такого отрывного листка (объявления) и просил приготовить блокноты по этому образцу [118].

Почти год спустя (в марте 1922 г.) Ленин вновь просил Управление делами СНК дать ему «список учреждений, где развешены „объявления" о том, как сноситься с Владимиром Ильичем» [119].

По инициативе В. И. Ленина в марте 1921 г. приемная Совнаркома была объединена с приемной ВЦИК.

Когда решался вопрос об условиях премирования служащих, Н. П. Горбунов направил в ЦК профсоюза советских работников отношение, в котором указывалось: «Тов. Ленин считает, что наиболее целесообразным было бы премировать следующие факторы:

1) исполнительность и аккуратность,

2) сокращение штатов,

3) быстрое и точное удовлетворение посетителей исчерпывающими ответами» [120].

Этот последний вопрос — об организации приема посетителей во всех советских учреждениях, о быстром и точном удовлетворении их просьб, писем и заявлений — особенно интересовал В. И. Ленина.

Еще в декабре 1918 г. в «Наброске правил об управлении советскими учреждениями» он дал указания о введении следующих правил приема посетителей:

«В каждом советском учреждении должны быть вывешены не только внутри здания, но и снаружи, так чтобы они были доступны всем без всяких пропусков, правила о днях и часах приема публики. Помещение для приема обязательно должно быть устроено так, чтобы допуск в него был свободный, безусловно без всяких пропусков.

В каждом советском учреждении должна быть заведена книга для записи, в самой краткой форме, имени просителя, сущности его заявления и направления дела.

В воскресные и праздничные дни должны быть назначены часы приема» [121].

Вскоре, в январе 1919 г., Ленин вновь дал указание Управлению делами Совнаркома: «Предписываю Вам немедленно докладывать мне о всех жалобах, поступающих в Управление делами Совета Народных Комиссаров на все правительственные места и лица, причем жалобы, поступающие в письменном виде, должны быть мне докладываемы в течение двадцати четырех часов, устные — в течение сорока восьми часов.

В Управлении должна быть заведена особая регистратура таких жалоб, причем на правителя канцелярии Управления возложить тщательный надсмотр за исполнением моих резолюций по этим жалобам» [122].

[118] Объявление, предложенное Лениным, гласило: «По поручению т. Ленина объявляется, что все товарищи, имеющие к нему какие-либо дела (в том числе и просьбы о свидании), должны обращаться не только непосредственно к нему, но и непременно к одному из следующих товарищей». Далее перечислялись фамилии работников Управления делами и секретариата СНК: Н. П. Горбунова, В. А. Смольянинова, Л. А. Фотиевой и сообщались номера их телефонов («Два месяца работы В. И. Ленина», стр. 28).

[119] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 55.

[120] Там же, 1962, № 1, стр. 42.

[121] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 366.

[122] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 245.

Когда в мае 1919 г. одна из жалоб ярославских крестьян на действия местных властей вернулась в Совнарком из комиссии, ведавшей этими делами, с резолюцией чиновника: «Работы и так много, пустяками заниматься некогда» [123], Ленин, глубоко возмущенный такой резолюцией, сразу же написал записку: «Аванесову в Государственный контроль для *ареста* ответившего так чиновника» [124].

О точном выполнении ленинских директив в Управлении делами СНК свидетельствует и одно из писем В. Д. Бонч-Бруевича на имя народного комиссара социального обеспечения А. Н. Винокурова от 13 сентября 1919 г. Речь шла о том, что старый военный (88 лет от роду) Д. Я. Зазулевский был направлен из приемной СНК в Наркомсобес с просьбой об оказании ему помощи. Один из сотрудников Наркомсобеса отнесся к посетителю грубо и в помощи отказал.

«Такое отношение служащих к исполнению своих обязанностей к лицам, являющимся на прием, — говорилось в письме Бонч-Бруевича, — в высшей степени возмутительно. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин мне неоднократно заявлял, что подобных лиц, так обращающихся с посетителями, нужно жесточайшим образом карать, предавая самому строжайшему революционному суду. Всюду и везде творится одно и то же безобразие: в то время как народные комиссары находят возможность принимать лично посетителей, в то время, как В. И. Ленин, занятый по горло всевозможной работой, ежедневно уделяет достаточное количество времени, чтобы выслушать и крестьян и рабочих и иных лиц, приходящих на прием, в то время как Калинин — председатель ЦИК — отдает массу времени на такие приемы, служащие в комиссариатах, к сожалению, в том числе и вашего, ведут себя как какие-то китайские богдыханы, что многих нет никакой возможности найти, забронировывают себя всевозможными секретарями и секретаршами, держащими себя нередко крайне вызывающе и резко и явно компрометирующими своим обращением и поведением с публикой Советскую власть» [125].

В заключение письма предлагалось немедленно расследовать дело, навести порядок в организации приемов и о результатах сообщить в Управление делами «для немедленного доклада Председателю Совнаркома В. И. Ленину» [126].

Сохранились десятки, если не сотни ленинских писем, записок и указаний, связанных с жалобами, заявлениями и ходатайствами трудящихся, поступающими в Совнарком на его имя.

Только с декабря 1918 по март 1919 г. Ленин послал в адрес местных советских организаций следующие запросы-телеграммы по жалобам, касающимся рядовых советских граждан: **Тамбовскому губисполкому** по жалобе Ивана Богданова на арест его сына Владимира, 17 лет, больного бронхитом, якобы за саботаж. «Пересмотрите дело, — говорилось в ленинской телеграмме, — проверьте болезнь, неопытность, молодость арестованного, особенно расследуйте, не были ли настоящими саботажниками 30 служащих земельного комиссариата, которые отказались от

[123] См. там же, стр. 487, прим.
[124] Там же, стр. 319.
[125] «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 32—33.
[126] Там же, стр. 33.

работы, взвалив ее на Богданова»[127]; **Тверскому губисполкому** — о проверке заявления учительницы Ивановой, что в местном комитете бедноты засели «бывшие и настоящие *черносотенцы*»[128]; **Родниковскому исполкому Иваново-Вознесенской губернии** с требованием немедленно распечатать «кладовку и горницу Петра Ильича Суркова в деревне Кутилове»[129], где хранились его книги; **Мамадышскому уездному исполкому** — с запросом, «верно ли, что сормовский коммунист Рукавишников месяц сидит в тюрьме и дело не разбирается? Если верно, надо виновного предать суду за волокиту»[130]; **Ярославскому губисполкому** — с требованием строжайше проверить жалобу советского служащего Данилова на отобрание у него трех пудов муки и других продуктов[131]; **Череповецкому губисполкому** — о проверке жалобы Ефросиньи Андреевны Ефимовой, солдатки деревни Новосела, что у нее отняли хлеб[132]; **Казанскому губисполкому** — о жалобе группы граждан, сидящих пять месяцев в тюрьме без следствия[133]; **Орловскому губисполкому** — об аресте литератора Ивана Вольнова, которого знает А. М. Горький. «Нельзя ли освободить под серьезный надзор?» — спрашивал Ленин[134]; **в г. Жлобин**, железнодорожной ЧК, — о жалобе управляющего аптекой Рабкина на конфискацию у него велосипеда[135]; **Новгородскому губисполкому** — с предупреждением, что если А. А. Булатов — председатель артель-союза — арестован за жалобу Ленину, то за это, как указывал Владимир Ильич, «председателей губисполкома, Чека и членов исполкома буду арестовывать и добиваться их расстрела»[136].

По отдельным жалобам граждан Ленин посылал телеграммы Петроградской, Симбирской и Казанской губчека[137], а также лично Ф. Э. Дзержинскому[138].

26 февраля 1920 г. Ленин принял трех граждан из Усолья Пермской губернии, которые просили о перерегистрации и проверке личного состава укомпарта, жалуясь, что в местной организации «много *худших* элементов».

«Они, — писал Ленин о своих посетителях в письме членам Пермского губкома партии, — беспартийные, но производят впечатление замечательной добросовестности... Очень прошу исполнить их просьбу. — Меня уведомить об итогах проверки. — Сообщить мне имена тех членов укомпарта (в Усолье и в волостях Усольского уезда), кои *лично* вам известны и абсолютно надежны»[139].

Как рассказывал впоследствии Ем. Ярославский, один из тех, кому было адресовано ленинское письмо, «Пермский губком, получив письмо Ленина, послал в Усолье товарища для ознакомления с положением дел

[127] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 216.
[128] Там же, стр. 224—225.
[129] Там же, стр. 226; см. также стр. 230, 234.
[130] Там же, стр. 257.
[131] Там же, стр. 260.
[132] Там же, стр. 272.
[133] Там же, стр. 278.
[134] Там же, стр. 280; т. 51, стр. 70.
[135] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 285, 318.
[136] Там же, стр. 318.
[137] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 38—39, 150.
[138] Там же, стр. 85—86.
[139] Там же, стр. 145—146.

на месте, после чего была создана комиссия, которая пересмотрела состав руководящих органов, изменив его на специально созванной партконференции» [140].

В октябре 1920 г. после приема четырех делегатов от партконференции Александровского уезда Владимирской губернии, сообщивших Владимиру Ильичу о злоупотреблениях на Троицком снаряжательном заводе и о том, как трудно членам партии довести дело до центра и добиться его быстрого разбора, Ленин счел необходимым дать следующее общее указание, адресовав его Владимирскому губкому партии:

«Считаю их (делегатов уездной партконференции. — *Э. Г.*) обращение ко мне вполне правильным и вызываемым обстоятельствами дела и прошу сообщить мне, какой общий порядок установлен у вас для обращения членов уездпарторганизаций в Москву вообще и в Цека РКП в частности» [141].

Получив в июле 1921 г. письмо коммуниста-красноармейца И. А. Семянникова о хищениях и превышении власти продовольственными и ответственными работниками в Донской области, Ленин, не сумев лично принять его, написал следующую записку Л. А. Фотиевой: «...Разыщите автора *спешно*, примите, успокойте, скажите, что я болен, но дело его двину». Ленин просил далее перепечатать письмо Семянникова на машинке в нескольких экземплярах, послать его в ЦК и ЦКК и создать специальную комиссию для посылки на Дон, взяв с собой обязательно автора письма, проверить жалобу и «*расстрелять на месте* тех, кого изобличат в грабежах» [142].

В декабре 1921 г. Ленин подписал следующую телеграмму в адрес Иркутского губисполкома: «Немедленно выясните причины заключения в иркутскую тюрьму рабочего *Котова* из Черемховского хозотдела. Письмом на имя *Ленина* от 23 августа он жаловался на неправильность выборов в Черемховский горсовет с исключением беспартийных. Жалоба подтверждена подписями партийных рабочих. Если это причина — немедленно освободить, привлечь к суду и чистке виновников ареста, кто бы ни были». И в заключение: «Телеграфируйте срочно ответ» [143].

Число подобных примеров ленинского отношения к письмам и жалобам трудящихся можно было бы во много раз увеличить. Мы уже приводили многочисленные факты, связанные с ответами Ленина на заявления и ходатайства крестьян по поводу трудностей разверстки, особенно в конце 1920 и начале 1921 г.

Как велик был поток писем и заявлений трудящихся, поступающих в приемную Совнаркома, показывают следующие данные. Только за период с 1 января по 1 ноября 1921 г. было получено свыше 9 тыс. таких ходатайств и жалоб. Из них наибольшее количество приходилось на различные просьбы (1529), жалобы на действия местных властей (977),

[140] Там же, стр. 410, прим.

[141] Там же, стр. 317. Одновременно Ленин направил письмо в Центральную Контрольную Комиссию РКП(б) с просьбой принять бывших у него на приеме делегатов уездной партконференции, рассмотреть их жалобы и «особенно о трудностях для членов партии довести дело до центра и добиться хотя бы даже *партийного* быстрого разбора дела» (там же, стр. 318).

[142] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 27.

[143] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 60—61.

заявления о помощи (927), о снятии разверстки и продналога (296), по земельным вопросам (235) и т. д.[144]

Поскольку Ленин не мог, конечно, рассматривать все жалобы и письма, поступающие на его имя, характерен тот совет, который он дал в одном из своих писем В. В. Адоратскому в августе 1921 г. в связи с просьбой гражданки Лаврентьевой о возвращении отобранных у нее вещей. Адоратский, очевидно, поддерживал эту просьбу, и Ленин предлагал ему оказать Лаврентьевой «*юридическую*» помощь и вообще *научить* просителей «*воевать за свое право* по всем правилам законной в РСФСР *войны за права*»[145].

Исключительной четкости и быстроты в ответах на письма трудящихся Ленин требовал не только от приемной Совнаркома, но и от всех без исключения народных комиссариатов и центральных ведомств.

В декабре 1921 г., уезжая в отпуск по болезни, он написал следующий проект письма руководителям центральных советских учреждений. «Раз навсегда, — говорилось в этом письме, — необходимо положить конец безобразию волокиты и канцелярщины в вашем учреждении. Важные и срочные дела, направляемые к вам приемной СНК в видах разрешения многочисленных жалоб и заявлений на имя СНК и его Председателя, сплошь и рядом остаются без ответа и исполнения.

Предлагаю немедленно подтянуться. Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный.

Принимая за истинную меру производительности труда каждого данного учреждения прежде всего степень действительного и безотлагательного исполнения всех проходящих через него дел, требую впредь самых скорых и исчерпывающих ответов на направляемые вам дела и запросы. Ограничиваться пустыми отписками да пересылкой в другие учреждения, значит также плодить волокиту и изводить бумагу.

Предупреждаю, что, в случае продолжения подобного образа действий, приемной СНК предоставлено право привлекать виновных к ответственности, не глядя на „ранги“»[146].

Одновременно Ленин продумывал вопрос об организации так называемой «живой связи» с персонально известными партии руководителями местных организаций и учреждений для скорейшего рассмотрения писем и заявлений трудящихся.

«Из практики приемной Совнаркома по жалобам и заявлениям, — писал Ленин 3 декабря 1921 г. в письме, адресованном шести руководящим работникам, — выяснилась в особо серьезных и срочных случаях полезность применения „живой связи“, т. е. *личного* обращения к отдельным партийным товарищам, занимающим на местах достаточно влиятельное положение. Этим достигается сокращение неизбежных при обычном ведомственном пути проволочек, и вообще требуемое воздействие повышается».

[144] «Краткая характеристика деятельности ВЦИК и СНК (БСНК, МСНК и СТО)». М., 1921, стр. 126.
[145] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 149.
[146] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 101—102.

Ленин привел далее конкретный пример полезности такой «живой связи» и указал, что развить применение этого метода можно лишь при достаточном знакомстве с действительным составом ответственных работников на местах. Поэтому он просил срочно составить и прислать по адресу приемной Совнаркома списки наиболее пригодных «для подобного „нажима" надежных товарищей с хорошим стажем из числа членов исполкомов, губчека и т. д. по 1—2 на губернию» [147].

«Живая связь» с широкими массами трудящихся осуществлялась Лениным, конечно, не только через приемную Совнаркома. Но работа ленинской приемной являлась одной из важных форм этой связи с рабочими, крестьянами, интеллигенцией, зарубежными друзьями Советской страны, а также руководящими работниками партии и Советского государства, центральных и местных ведомств и учреждений.

3.

Руководство В. И. Ленина народными комиссариатами

Некоторое представление о руководстве В. И. Ленина народными комиссариатами можно составить на основании самого общего и притом только количественного анализа его переписки с каждым наркоматом в отдельности. Из более чем 3,5 тыс. писем, записок, телеграмм и т. д., написанных и посланных В. И. Лениным в 1917—1922 гг., свыше 1200 было направлено в различные народные комиссариаты.

Данные о переписке В. И. Ленина с народными комиссариатами приведены в табл. 3 [148].

В годы гражданской войны, как видим, особенно велика была переписка В. И. Ленина с Наркомвоеном, составившая только за 1917—1920 гг. свыше 100 документов. Но если добавить к этому всю переписку В. И. Ленина с Реввоенсоветами фронтов и армий и его военные директивы по различным вопросам (в 1917—1918 гг. — 41, в 1919 г. — 113, в 1920 г. — 64, а всего 218 документов), то вся она составит за три года свыше 300 документов.

Сводные, хотя и сугубо ориентировочные, данные подтверждают также тот факт, что подавляющее число писем Ленина приходилось на 1921 г. Основное внимание уделялось экономическим народным комиссариатам, прежде всего ВСНХ и Наркомпроду, а с 1921—1922 гг. значительно повысился удельный вес переписки с Наркомфином, Народным комиссариатом внешней торговли (НКВТ) и Госпланом.

В предшествующем разделе были уже довольно подробно освещены ленинские методы работы и руководства во всех областях хозяйственного строительства и на конкретном материале показано значение ленинской переписки с экономическими народными комиссариатами (ВСНХ, Наркомпрод, Наркомзем, Наркомфин, НКВТ и т. д.).

[147] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 268.
[148] Подсчитано автором по материалам Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

ТАБЛИЦА 3

Народные комиссариаты и ведомства	*1917—1918 г.*	*1919 г.*	*1920 г.*	*1921 г.*	*1922 г.*	*Всего*
ВСНХ (включая главки ВСНХ)	7	10	29	87	2	135
Наркомпрод	31	18	26	69	4	148
Наркомзем	10	2	9	25	7	53
Наркомфин (включая Госбанк)	10	1	3	28	21	63
НКПС	1	5	12	19	5	42
Наркомвнешторг	—	1	15	57	19	92
Наркомтруд	1	1	2	4	—	8
Наркомпочтель	1	2	9	11	2	25
Госплан (включая ГОЭЛРО)	—	—	7	52	23	82
ЦСУ	—	2	5	10	2	19
Центросоюз	—	1	1	4	9	15
НКВД	3	4	1	8	—	16
ВЧК и ГПУ	4	4	12	44	13	77
НКИД	20	7	21	44	24	116
Наркомюст	3	4	4	18	13	42
Госконтроль и НК РКИ	1	3	6	19	9	38
Наркомвоен и РВСР	28	47	26	20	—	121
Наркомнац	—	1	1	2	1	5
Наркомпрос	6	5	22	45	7	85
Наркомздрав	—	5	3	8	3	19
Наркомсобес	—	1	2	—	—	3
Итого	126	124	216	574	164	1204

В то же время В. И. Ленин дал замечательные образцы умения охватить своим руководством все области государственной работы и повседневно направлять деятельность неэкономических наркоматов, в первую очередь таких, как НКИД и Наркомнац, Наркомпрос и НК РКИ, Наркомюст и Наркомздрав.

Основная трудность анализа ленинских методов руководства всеми этими народными комиссариатами заключается в том, что, как и в области хозяйственной, невозможно отделить или ограничить рассмотрение вопросов только узкими рамками данного правительственного учреждения. Ленинское руководство НКИД означало по сути дела руководство внешней политикой Советского государства, Наркомнацем — национальной политикой, Наркомпросом — делом народного образования, просвещения и культуры и т. д. Эти темы настолько значительны, что требуют самостоятельного изучения и давно уже широко и всесторонне исследованы в советской исторической литературе, в многочисленных монографиях, работах, статьях.

Не ставя своей задачей и, тем более, не претендуя на освещение всех важнейших сторон государственной деятельности Ленина в полном объеме, необходимо в то же время хотя бы в самом кратком виде по-

пытаться проследить и выделить некоторые основные линии и методы ленинского руководства не только в сфере хозяйственной, но и государственно-политической.

Начнем прежде всего с Наркоминдела.

В. И. Ленин всегда выделял этот народный комиссариат, подчеркивая его особое значение в составе советского государственного аппарата. Об этом он неоднократно напоминал в последних письмах и записках, продиктованных в конце декабря 1922 и в январе 1923 г. Ленин считал, что коренная ломка старого государственного аппарата после Октябрьской революции была наиболее последовательно проведена при создании НКИД. В него, писал Владимир Ильич, «мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составился из коммунистов» [149]. «Это, собственно говоря, — вновь подчеркивал он, — единственный из наших наркоматов, который обновлен у нас полностью, который работает действительно на рабоче-крестьянскую власть и в ее духе...» [150]

Ленин считал, что достоинства НКИД определяются не только лучшим составом его работников, преобладанием в нем проверенных коммунистов, но и непосредственным руководством всей его работой со стороны Центрального Комитета партии. Область внешней политики и международных отношений находилась всегда под прямым контролем ЦК партии и Политбюро ЦК.

Большинство своих отчетных докладов на съездах и конференциях партии, съездах Советов и сессиях ВЦИК, съездах профсоюзов и массовых собраниях Ленин всегда, как правило, начинал с оценки международного положения и анализа основных задач внешней политики Советского государства. Он неизменно привлекал к обсуждению этих, когда-то таких далеких от народных масс, проблем «высокой» международной политики самые широкие слои трудящихся, делая их активными участниками этой политики.

В 1921—1922 гг. Ленин заложил основы внешнеполитической линии Советского правительства в мирных условиях, когда впервые проблемы мирного сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической — встали *практически* как первоочередные вопросы дня. Однако именно в это время Ленин напоминал, что если в области внутренней политики наступление новой полосы развития и переход к нэпу потребовали существенных изменений, то «в отношении внешней политики у нас изменений оказалось всего меньше, — говорил он в речи на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. — Здесь мы продолжали тот курс, который был взят раньше, и я считаю, могу сказать вам по чистой совести, что продолжали его совершенно последовательно и с громадным успехом... В этом отношении у нас не было, так сказать, если употребить старое сравнение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки» [151].

Неоценимым источником для понимания ленинской стратегии во внешнеполитической области являются не только его многочисленные

[149] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 361.
[150] Там же, стр. 447.
[151] Там же, стр. 301.

выступления, работы и статьи, но и вся его переписка с НКИД — с наркомом Г. В. Чичериным и замнаркомами М. М. Литвиновым и Л. М. Караханом. За период с 1917/18 до конца 1922 г. Ленин направил лично Г. В. Чичерину свыше 90 писем и записок, а совместно с другими адресатами в НКИД — более 100 писем и записок, бóльшая часть которых приходилась на 1921—1922 гг.

Владимир Ильич очень высоко ценил и уважал Г. В. Чичерина как наркома по иностранным делам, постоянно прислушивался к его мнению, советовался с ним по важнейшим вопросам международной политики, поддерживал многие его предложения, но нередко и спорил с ним, решительно его поправлял, указывал на отдельные ошибки.

Заключение первых торговых договоров с капиталистическими странами, переговоры с ними об экономических и политических взаимоотношениях всегда проходили под непосредственным руководством Ленина. По его инициативе предпринимались важные дипломатические акты, например принятие специальной декларации IX съезда Советов о международном положении [152].

Особое значение Ленин придавал заключению первых договоров с странами Востока — Турцией, Персией, Афганистаном — и оказанию постоянной поддержки этим странам также и по линии внешнеполитической.

В январе 1921 г., еще до заключения договора с Турцией, он послал телеграмму Мустафе Кемалю с приветствием и самыми искренними пожеланиями «турецкому народу и его правительству, которые с несокрушимой энергией борются за независимость и процветание своей страны» [153].

Три месяца спустя, в апреле 1921 г., после ратификации советско-афганского договора, Ленин направил специальное послание эмиру Афганистана, адресовав его Аммануле-хану. «Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство, — говорилось в послании, — имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока... Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь» [154].

В дальнейшем, в ноябре 1921 г. Ленин полностью одобрил предложение Г. В. Чичерина о том, что Советское государство не должно ограничиваться только политической поддержкой национального движения на Востоке, что необходимо оказывать помощь молодым национальным государствам (Афганистану, Монголии, Персии, Турции) в развитии их экономики и в подготовке кадров [155].

С огромным вниманием Ленин отнесся к революционным событиям в Китае и, в частности, к письму Сун Ят-сена, направленному в августе 1921 г. на имя Г. В. Чичерина. Сун Ят-сен сообщал об избрании его президентом Национального правительства Китая и указывал, что «по-

[152] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 287—288.
[153] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 301—302.
[154] См. там же, стр. 318.
[155] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 28, 564, прим.

добно Москве» хотел бы «заложить основы Китайской республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня». В заключение письма Сун Ят-сен посылал свои лучшие пожелания Г. В. Чичерину и «моему другу Ленину» и «всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы» [156].

С исключительной прозорливостью Ленин предвидел, что «от вовлечения в политическую жизнь трудящихся масс Востока зависит теперь в громадной степени судьба всей западной цивилизации» [157]. Эту же мысль — о роли народов восточных стран, составляющих большинство населения мира, и значении их втягивания в общий круговорот всемирного революционного движения — Ленин подробно развил впоследствии в своей известной статье «Лучше меньше, да лучше» [158].

Одним из наиболее ярких примеров ленинского руководства внешней политикой и всей деятельностью Наркоминдела является подготовка и проведение международной конференции в Генуе, на которую впервые была приглашена Советская Россия. Ленинские директивы, проекты постановлений Политбюро, письма Г. В. Чичерину, телеграммы в адрес советской делегации в Генуе, — все эти исключительные по своему значению источники только в последние годы в своей значительной части были опубликованы, вошли в пятое издание сочинений В. И. Ленина и стали широко доступными советским исследователям [159]. Этих ленинских документов за период с января по март 1922 г. (время подготовки к конференции в Генуе) насчитывается свыше 30, а за апрель—май (10 апреля—19 мая 1922 г. проходила Генуэзская конференция) — свыше 15. Можно смело сказать, что никакой другой внешнеполитический вопрос не получил столь полного и широкого освещения в переписке Ленина за 1922 г., как вопрос о Генуе. Это объяснялось не только самим значением конференции и приглашением на нее Советской России, но и тем обстоятельством, что, находясь с декабря 1921 г. до конца марта 1922 г. в отпуске (с некоторыми небольшими перерывами), Ленин жил вне Москвы, не присутствовал на заседаниях Политбюро ЦК и Совнаркома и поэтому вынужден был сноситься письменно с членами ЦК и Наркоминделом, пересылая свои письма и указания или диктуя их по телефону. Это и сохранило для исследователей большой и полный комплект ленинских документов по вопросу о линии поведения советской делегации в Генуе.

Генуэзской конференции и анализу значения и содержания ленинских документов посвящены многие исследования и статьи советских историков [160]. Отсылая читателя к этим исследованиям, мы попытаемся

[156] См. там же, стр. 602, прим.
[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 282.
[158] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 402—404.
[159] Попытка анализа этих новых ленинских документов, а также архивных материалов ЦПА ИМЛ предпринята, в частности, в статье М. И. Труша «В. И. Ленин и Генуя» («Вопросы истории», 1967, № 7).
[160] После опубликования новых ленинских документов вышли в свет следующие работы: Б. Е. Штейн. В. И. Ленин и Генуэзская конференция 1922 г. — «Вестник Московского университета». Серия исторических наук, 1960, № 2; Г. Г. Аллахавердов. Ленинская политика мирного сосуществования в период Генуэзской конференции. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 10; М. И. Труш. Указ. статья; и др.

только выделить отдельные черты и моменты, характеризующие суть и значение важнейших принципиальных указаний В. И. Ленина о Генуе.

Прежде всего, сама инициатива созыва общеевропейской конференции держав по вопросам послевоенного восстановления принадлежала В. И. Ленину и Советскому правительству. Ленин определил также всю программу деятельности советской делегации на Генуэзской конференции, начиная с момента ее подготовки и до конца ее работы.

Исключительную роль, например, сыграла ленинская директива о возможности условного признания довоенных долгов России капиталистическим странам лишь при условии предъявления советских *контрпретензий* за ущерб, нанесенный Советской стране в период иностранной интервенции и блокады. Эти контрпретензии полностью покрывали и даже превышали долги царского и Временного правительств, на возвращении которых так настаивали капиталистические государства.

В проекте постановления ЦК партии о задачах советской делегации в Генуе от 24 февраля 1922 г. Ленин писал: «мы готовы признать частные долги, но, не желая играть в прятки, указываем, что считаем их покрытыми, как и всю сумму наших обязательств вообще, нашими контрпретензиями» [161]. Эта ленинская установка красной нитью проходила через все его последующие письма и директивы и дала, как известно, необходимые результаты.

Такая же твердая линия проводилась Лениным и по вопросу о претензиях иностранных капиталистов на возвращение или компенсацию их бывшей собственности в России, национализированной по законам Советского государства. Когда Г. В. Чичерин уже в самом ходе Генуэзской конференции счел возможным пойти в этом вопросе на известные уступки, он получил категорическое предупреждение от Политбюро ЦК о недопустимости и ошибочности такого шага. В проекте телеграммы Чичерину, написанной Лениным 24 апреля 1922 г., прямо указывалось: «Считаю очень опасной ошибкой всякий шаг и всякую фразу, способные отнять у нас единственный выгодный предлог разрыва, обеспечивающий притом нашу полную дипломатическую и коммерческую победу в самом недалеком будущем, именно тот предлог, что мы безусловно не согласны восстановить частную собственность заграничных капиталистов» [162].

Решительно отвергая в любой форме возможность реституции частной собственности или какой-либо денежной ее компенсации, ЦК по предложению Ленина установил предел уступок, от которого нельзя отступать «ни на йоту», а именно — допущение лишь преимущественных прав бывших иностранных собственников на получение концессий и аренду предприятий.

«На уступки собственникам мы не пойдем» [163], — вновь повторил Ленин в телеграмме Чичерину в начале мая 1922 г.

Огромное значение для хода Генуэзской конференции имела заранее разработанная Лениным программа по всем коренным вопросам, с которой должна была выступить советская делегация в Генуе.

[161] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 406.
[162] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 164.
[163] Там же, стр. 183.

«Программа эта, — писал Владимир Ильич в проекте директивы ЦК 6 февраля 1922 г., — должна быть буржуазно-пацифистской, при своевременной ясной оговорке со стороны нашей делегации, что мы не выставляем здесь единственно соответствующей нашим взглядам коммунистической программы (вкратце: такой-то), ибо желаем предложить вниманию остальных делегаций, стоящих на принципиально иной позиции, ряд паллиативов и мер реформистского типа» [164].

Перечисляя основные пункты этой программы, Ленин выдвинул следующие предложения: аннулирование всех долгов, независимость колониальных стран, радикальный пересмотр Версальского договора, предоставление на льготных условиях займов тем странам, кои наиболее разорены войной, заключение соглашений с рядом стран по финансовым и экономическим вопросам [165].

Г. В. Чичерин в письме к В. И. Ленину 15 февраля высказал вначале некоторые возражения против намеченной Владимиром Ильичем «широкой пацифистской программы». «Как мы справимся с широчайшей программой, — писал он, — не знаю. Всю жизнь я ругал мелкобуржуазные иллюзии, а теперь на старости лет Политбюро заставляет меня сочинять мелкобуржуазные иллюзии. Никто у нас не умеет сочинять таких вещей, не знаем даже, на какие источники опираться. Не дадите ли более подробные указания?» [166].

Отвечая Чичерину, Ленин писал: «С пацифизмом и Вы и я боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?» [167].

В своих последующих письмах Владимир Ильич все время напоминал, что необходимо «сделать все возможное и кое-что невозможное для того, чтобы усилить пацифистское крыло буржуазии» [168] и добиться выполнения намеченной программы.

Г. В. Чичерин довольно быстро усвоил суть ленинских указаний и так изложил основные элементы пацифистской программы, что Ленин, прочтя его письмо, не преминул заметить: «Мне кажется, пацифистскую программу Вы сами в этом письме изложили прекрасно» [169] и особенно отметил, несколько раз подчеркнув, написав на полях «верно!» и выделив в качестве первого пункта требование: «чтобы негритянские, как и другие колониальные народы, участвовали на равной ноге с европейскими народами в конференциях и комиссиях и имели право не допускать вмешательства в свою внутреннюю жизнь» [170].

Один только этот пункт наглядно показывал, какое значение имело провозглашение широкой пацифистской программы и какой резонанс она могла получить во всех странах мира. Поэтому Ленин так настаи-

[164] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 382.
[165] Там же, стр. 383.
[166] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 615, прим.
[167] Там же, стр. 171.
[168] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 407.
[169] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 34.
[170] Там же, стр. 36.

вал, чтобы «непременно первыми перейти в наступление». Он требовал особо тщательной подготовки от всех членов советской делегации и предлагал каждому ее члену подробно и досконально заняться одним из дипломатических или финансовых вопросов [171].

В своих выступлениях перед Генуей, особенно в речи на заседании коммунистической фракции съезда металлистов 6 марта 1922 г., в отчетном докладе на XI съезде партии, Ленин подробно остановился на значении конференции и на задачах советских представителей в Генуе.

Месяц спустя, 14 апреля 1922 г., сразу же после открытия конференции в интервью корреспонденту американской газеты он твердо заявил: «...глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унизительные условия. Россия не позволит обращаться с собой, как с побежденной страной. Если буржуазные правительства попытаются взять такой тон по отношению к России, то они совершат величайшую глупость» [172].

Ленин заранее предупреждал против преувеличенных надежд на исход конференции и излишних опасений по поводу возможностей ее срыва. «Ни капли нам не страшен срыв: завтра мы получим еще лучшую конференцию, — говорилось в его письме к Г. В. Чичерину 7 февраля 1922 г. — Изоляцией и блокадой нас теперь не запугаешь, интервенцией тоже» [173]. А в марте 1922 г. он вновь напомнил: «мы выиграем *и* при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, *не пойдем*» [174].

Предвидя малую вероятность достижения общего соглашения со всеми державами, Ленин нацеливал советскую дипломатию на необходимость и полезность сепаратных переговоров с отдельными капиталистическими странами. Осуществление этих ленинских предложений обеспечило в дальнейшем заключение Раппальского договора с Германией.

Ленин сам написал проект постановления ВЦИК по отчету советской делегации на конференции, отметив, что «делегация ВЦИКа правильно выполнила свои задачи, отстаивая полную суверенность РСФСР, — борясь с попытками закабаления и восстановления частной собственности, — заключив договор с Германией» [175].

Важнейшим принципиальным итогом конференции Ленин считал фактическое признание *равноправия* «двух *систем собственности* (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой пока лишь в РСФСР)».

Пригласив Советскую страну на конференцию, капиталистический мир вынужден был «признать, хотя и косвенно, крах, банкротство первой системы собственности, неизбежность *соглашения* ее со второй, как равной с равным» [176].

Так ленинское руководство обеспечило выдающиеся успехи советской дипломатии в Генуе, объявление на весь мир подлинных целей советской внешней политики, открытую защиту всех угнетенных народов и провозглашение полной независимости и суверенности первого в истории Со-

[171] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 374—375.
[172] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 160.
[173] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 385.
[174] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 34.
[175] Там же, стр. 192.
[176] Там же, стр. 192—193.

ветского государства. Хотя В. И. Ленин на конференцию не поехал и официально передал свои полномочия главы советской делегации Г. В. Чичерину [177], но его влияние на весь ход конференции было настолько значительным, что даже буржуазная печать вынуждена была признать, что фактически «Ленин в Генуе!» — так назвала одну из своих статей газета «Нью-Йорк таймс» [178].

И после Генуи Ленин продолжал направлять советскую внешнюю политику, пророчески предвидя, например, необходимость усиления борьбы с итальянским фашизмом. Он советовал в ноябре 1922 г. Г. В. Чичерину использовать нападение группы фашистов на торгпредство в Риме как повод для всей советской делегации «*уехать из Италии*, начав *травлю* ее за фашистов?» «Поможем итальянскому *народу* всерьез» [179], — говорилось в заключение этого письма.

«При живейшем участии Владимира Ильича, — вспоминал Г. В. Чичерин, — была обсуждена и принята программа, которую мы защищали в Лозанне. Это было его последним крупным вкладом в нашу международную политику. Обсуждение вопроса о проливах с Владимиром Ильичем было последним, которое я с ним имел» [180].

*

Если после НКИД обратиться к другим народным комиссариатам и попытаться дать краткую характеристику ленинских руководящих указаний, то следует прежде всего остановиться на Наркомнаце, поскольку вопросы национальной политики всегда занимали первенствующее место в государственной деятельности В. И. Ленина.

Огромное значение для определения особенностей национальной политики в советских республиках Востока после перехода к нэпу имели, как мы уже показывали, многие ленинские документы, и особенно его письмо непосредственно к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики (письмо от 14 апреля 1921 г.), а также письма к Г. К. Орджоникидзе о политике в Закавказье, руководителям Туркбюро ЦК о задачах коммунистов Туркестана и всех республик Средней Азии и т. д.

Важные вопросы национально-государственного и хозяйственного строительства в национальных республиках постоянно рассматривались как в Политбюро ЦК, так и в Совнаркоме при непосредственном участии Ленина (о Карельской трудовой коммуне, о помощи Чувашии, о развитии хлопководства в Армении, о развитии ирригации Туркестана и т. д.).

По инициативе В. И. Ленина был создан сначала областной хозяйственный орган для всего Закавказья [181], а затем федерация трех Закавказских Советских республик — Азербайджана, Армении, Грузии. Учитывая наличие оппозиции созданию Закавказской федерации со стороны

[177] См. там же, стр. 453.
[178] М. И. Труш. Указ. статья, стр. 32.
[179] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 310.
[180] Г. В. Чичерин. Ленин и внешняя политика. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 172.
[181] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч.. т. 52, стр. 135—136.

грузинских национал-уклонистов, Ленин, признав федерацию «принципиально абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению», предупреждал против преждевременного осуществления этого важнейшего акта и требовал его предварительного обсуждения, пропаганды и «советского проведения снизу» [182]. В письме И. В. Сталину от 28 ноября 1921 г. он сформулировал проект постановления Политбюро ЦК по вопросу об образовании федерации Закавказских республик и предложил, чтобы Центральные комитеты партии Грузии, Армении и Азербайджана (через Кавбюро) поставили «вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и *рабочих и крестьянских масс*», энергично вели «пропаганду за федерацию» и *провели* ее «через съезды Советов каждой республики» [183].

В 1921—1922 гг. Ленин в своих выступлениях и статьях уделял большое внимание подведению итогов советской национальной политики, подчеркивая международное значение советского опыта решения национального вопроса.

Чрезвычайно убедительно об этих итогах было сказано, например, в ленинской телеграмме Мустафе Кемалю в январе 1921 г. «Советская Россия, — говорилось в ней, — предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию. Только такая политика укрепляет и объединяет все нации России в одну великую могучую семью, способную бороться против окружающих нас бесчисленных врагов. Образуя одно великое целое, мы не только отражаем непосредственные атаки наших врагов, но, помимо этого, делаемся неуязвимыми против всякого рода интриг, к которым прибегают наши общие противники» [184].

«Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области» [185], — писал Ленин в своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

На IX съезде Советов он с большим подъемом говорил об отношении к тем национальностям, которые входили прежде в состав Российской империи и получили независимость только благодаря Октябрьской революции из рук Советского правительства. «...Самая маленькая, ничем не вооруженная национальность, как бы слаба она ни была, в России, победившей меньшевиков и эсеров, она абсолютно может быть и должна быть спокойна за то, что ничего, кроме мирных намерений, у нас по отношению к ней нет... что наше желание во что бы то ни стало, ценой громадных жертв и уступок, поддержать мир со всеми бывшими в Российской империи и не пожелавшими остаться с нами национальностями остается твердым. Это мы доказали» [186].

Наконец, в интервью корреспонденту английских газет М. Фарбману в октябре 1922 г. Ленин смог уже, подводя итоги, сказать: «Наш опыт

[182] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 255.
[183] Там же.
[184] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 301.
[185] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146.
[186] Там же, стр. 298.

решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [187].

Именно этот пятилетний опыт национального строительства в советском социалистическом государстве был положен Лениным в основу при решении важнейшей задачи, вполне назревшей и вставшей практически к концу 1922 г., — задачи объединения национальных советских республик в единый государственный союз [188].

Величайшим вкладом в теорию марксизма, в разработку основных принципов национально-государственного строительства явилась найденная В. И. Лениным, наиболее соответствующая основам пролетарского интернационализма форма государственного союза, основанного на добровольном и равноправном объединении наций.

Когда 25 сентября 1922 г. Ленин получил в Горках пересланные ему материалы комиссии ЦК по вопросам объединения советских республик и проект И. В. Сталина, одобренный комиссией ЦК, о вхождении независимых республик (Украины, Белоруссии, Закавказских республик) в состав РСФСР, он подверг решительной критике этот проект так называемой «автономизации» республик и дал в своем письме в Политбюро ЦК принципиально иное решение вопроса.

«...Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, „Союз Советских Республик Европы и Азии“» [189].

«Важно, — указывал далее Ленин, — чтобы мы не давали пищи „независимцам“, не уничтожали их *независимости*, а создавали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик» [190].

В своем письме Ленин разобрал по пунктам проект комиссии, внес ряд конкретных предложений, в частности о создании общефедерального ВЦИКа Союза Советских республик. Он указывал также, что это пока что «предварительный проект», который будет еще дополняться и изменяться после бесед с товарищами из национальных республик. Действительно, в конце сентября 1922 г. Ленин провел ряд бесед с представи-

[187] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.

[188] Вопросам образования СССР и роли В. И. Ленина как создателя Союза Советских Социалистических Республик посвящены многие монографии, работы статьи. См., например: С. И. Якубовская. Строительство союзного Советского социалистического государства. 1922—1925 гг. М., 1960; С. Гилилов. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства. М., 1960; и др.

[189] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 211.

[190] Там же, стр. 212.

телями республик, особенно с руководителями Закавказской федерации (Г. К. Орджоникидзе, А. Ф. Мясников) и Грузинского ЦК (П. Г. Мдивани, М. С. Окуджава, К. М. Цинцадзе). Решительно осуждая проявления сепаратизма со стороны грузинских национал-уклонистов, Ленин считал необходимым внимательно выслушать и учесть все мнения и пожелания, связанные с вопросом о создании союзного государства.

6 октября 1922 г. пленум ЦК принял решение об образовании СССР на основах, предложенных Лениным. Не участвуя в этом заседании пленума в связи с болезнью, Владимир Ильич в своей записке Л. Б. Каменеву потребовал объявления боя «не на жизнь, а на смерть» великорусскому шовинизму и внес чрезвычайно важное предложение, вошедшее потом в Конституцию СССР, о председательствовании в союзном ЦИКе по очереди представителей всех объединяющихся республик [191].

Документами огромного исторического значения являются записки Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», продиктованные им 30—31 декабря 1922 г., в момент работы I съезда Советов СССР, провозгласившего образование Союза Советских Социалистических Республик. В то время, когда заседал съезд, принявший декларацию и договор об образовании СССР на основании ленинских предначертаний, тяжело больной, прикованный к постели Владимир Ильич глубоко продумывал пути укрепления вновь созданного союзного государства. Он приветствовал решение съезда об образовании СССР, подчеркивал, что в необходимости этой меры «не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг» [192]. Но одновременно Ленин в этих записках еще раз напомнил о «в корне неверной» идее «автономизации» и о роковой роли, которую могли бы сыграть в случае принятия плана «автономизации» «торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“», ибо «озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» [193].

Ленин дал замечательные образцы подлинного интернационализма в области национальной политики, потребовав решительной борьбы со всеми проявлениями великодержавного шовинизма, осуществления не только формального, но и фактического равенства национальностей и сугубой осторожности, предупредительности и уступчивости по отношению к прежде угнетаемым народам, ибо «ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость» [194].

«...в данном случае, — писал Ленин, — лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить» [195].

Глубоко волновал и тревожил в это время В. И. Ленина конфликт между Заккрайкомом РКП(б) (Г. К. Орджоникидзе) и Грузинским ЦК. Он не был согласен с решением по этому вопросу комиссии ЦК во главе

[191] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 214.
[192] Там же, стр. 360.
[193] Там же, стр. 357.
[194] Там же, стр. 360.
[195] Там же.

с Ф. Э. Дзержинским, обследовавшей положение в Грузии, считал выводы комиссии односторонними, поскольку не были отмечены серьезные ошибки, допущенные и Г. К. Орджоникидзе.

Какое исключительное значение Ленин придавал ликвидации так называемого «грузинского инцидента», исправлению допущенных как с одной, так и с другой стороны ошибок, показывает тот факт, что последний ленинский документ, продиктованный им 6 марта 1923 г., был направлен в Грузию П. Г. Мдивани и Ф. Е. Махарадзе с указанием, что Ленин всей душой следит за этим делом и готовит для них записку и речь [196].

Таковы были последние высказывания и заветы В. И. Ленина в области национальной политики. Осуществление этих ленинских заветов в практике строительства многонационального государства имело решающее значение не только для укрепления Союза Советских Социалистических Республик, но и для всей мировой истории, для действительного достижения основной цели, пророчески провозглашенной Владимиром Ильичем, — сделать опыт советской национальной политики примером для всех народов и добиться, чтобы завтрашний день во всемирной истории стал «таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение» [197].

*

Особое место в государственной деятельности Ленина занимало руководство Народным комиссариатом Рабоче-крестьянской инспекции — органом государственного управления совершенно нового типа по его роли в системе советских государственных учреждений. В. И. Ленину принадлежал и самый замысел преобразования Народного комиссариата государственного контроля (Госкона) в наркомат РКИ.

Вопрос об этой реорганизации возник еще в конце 1919 г., а в январе 1920 г. Ленин внес в Политбюро проект полного, как он писал, «орабочения» и «окрестьянивания» Госкона, предложив с этой целью «внедрить Рабоче-Крестьянскую инспекцию *во все* отделы Госкона», чтобы «*всю* трудящуюся массу, и мужчин и *женщин особенно*, провести через участие в Рабоче-Крестьянской инспекции» [198].

Ленин считал необходимым продумать внимательно формы участия трудящихся в РКИ, установить определенную очередность их привлечения, постепенно расширять количество вовлекаемых в контрольную работу РКИ беспартийных рабочих и крестьян и проверять через партийные и профсоюзные органы, «каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления» [199].

Ленинские директивы были положены в основу положения об НК РКИ, принятого сессией ВЦИК 7 февраля 1920 г. Согласно этому положению, государственный контроль реорганизовывался «в единый орган

[196] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 330.
[197] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 362.
[198] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 64—65.
[199] Там же, стр. 66.

социалистического контроля на основе привлечения в органы бывшего государственного контроля рабочих и крестьян».

Так начала воплощаться в жизнь ленинская идея превращения наркомата РКИ в подлинную школу управления для широких масс, в аппарат проверки и улучшения всей государственной работы.

Когда новый Наркомат рабоче-крестьянской инспекции приступил к работе, Ленин продолжал следить за его деятельностью, критиковал недостатки, глубоко продумывал пути и методы улучшения народного контроля и укрепления аппарата НК РКИ. Он писал об этом неоднократно как наркому И. В. Сталину [200], так и членам коллегии РКИ [201].

На принципиально новую и более высокую ступень Ленин поднял вопрос об РКИ в своих последних письмах и статьях, продиктованных в январе—марте 1923 г.

В первых числах января 1923 г. Ленин подготовил план статьи «Что нам делать с Рабкрином?», где была кратко поставлена основная задача — «РКИ должна начать теперь же организацию работы по-новому на основании опыта пяти лет» [202]. 9—13 января он диктовал несколько раз текст этой статьи, 23 января закончил ее, назвав «Как нам реорганизовать Рабкрин?» с подзаголовком «Предложение XII съезду партии», и, наконец, вновь вернулся к разбору этого вопроса в своей последней работе «Лучше меньше, да лучше», продиктованной 2 марта 1923 г.

Ленин сам объяснил причины, почему он сосредоточил такое исключительное внимание на задачах дальнейшего улучшения и реорганизации работы Рабкрина.

Вопросы совершенствования советского государственного аппарата были предметом особой заботы и тревоги Владимира Ильича. Он был глубоко убежден и подробно развивал эту мысль в статье «Лучше меньше, да лучше», что только коренные и решительные меры по улучшению госаппарата могут обеспечить достижение международных, политических и экономических целей, стоящих перед страной пролетарской диктатуры. Особую роль в этом деле он отводил РКИ и, связывая воедино общий план всей дальнейшей политики, тактики и стратегии партии с задачами реорганизованного Рабкрина, указывал, что именно в этом «состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрину, поставив его на исключительную высоту. . .» [203].

«Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина, — говорилось в заключительных строках последней гениальной ленинской статьи „Лучше меньше, да лучше“. — Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с „рядовым“ наркоматом» [204].

Суть ленинского плана, предложенного им XII съезду партии, состояла в том, чтобы, объединив Рабкрин с высшим партийным контроль-

[200] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 127—132. Переписка В. И. Ленина с НК РКИ по вопросам контроля над частными предприятиями и вообще о новых задачах РКИ в условиях нэпа уже была освещена в гл. IX, § 2.
[201] См. В. И. Ленин. Полн. сбор. соч., т. 54, стр. 274—275.
[202] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 443.
[203] Там же, стр. 405.
[204] Там же, стр. 406.

ным органом — ЦКК, добиться сосредоточения в аппарате РКИ лучших и наиболее проверенных партийных кадров, повысить во много раз качество работы, еще больше усилить связь с массами и поднять на новую высоту авторитет как РКИ, так и ЦКК.

Ленин предвидел все возможные возражения в связи с предложенной им реформой и доказывал, что соединение советского и партийного учреждения, слияние контрольного партийного органа с советским может стать источником чрезвычайной силы, обеспечить необходимую гибкость всех форм работы объединенной ЦКК — РКИ.

В ленинском замысле была и другая, еще более важная сторона — всемерная охрана единства партии, расширение состава ЦК и ЦКК и создание внутри этих высших партийных органов сплоченной группы, которая «не взирая на лица» «должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел» [205].

Еще при жизни Ленина его указания о создании ЦКК — РКИ были полностью реализованы. 30 марта 1923 г. пленум ЦК принял за основу тезисы комиссии Ф. Э. Дзержинского «О реорганизации Рабкрина и ЦКК и о взаимоотношениях между ними», а XII съезд партии (17—25 апреля 1923 г.) одобрил план радикальной реорганизации РКИ и ЦКК и выразил уверенность, что «надлежащее улучшение центральных аппаратов госконтроля и партконтроля, при необходимой организационной связи между ними и систематическом сочетании их усилий, даст возможность достигнуть обеих целей: 1) приступить к решительному улучшению госаппарата и 2) обезопасить партию от искривления линии и фактического отрыва отдельных групп работников от партии в целом» [206].

После съезда июньский пленум ЦК 1923 г. заслушал доклад В. В. Куйбышева о результатах реорганизации ЦКК и РКИ и утвердил проекты основных решений по этому вопросу [207].

*

Деятельность Народного комиссариата юстиции приобрела после перехода к новой экономической политике особенно важное значение. Программа работы Наркомюста в новых условиях и превращения его в боевой орган борьбы с политическими врагами Советской власти и с любыми формами «злоупотребления нэпом» в области экономической была изложена В. И. Лениным в известном письме к Д. И. Курскому 20 февраля 1922 г.[208], нами уже подробно рассмотренному (см. гл. IX, § 2).

В. И. Ленин принимал, как мы видели, непосредственное участие в подготовке Гражданского кодекса и внес существенные дополнения в проект Уголовного кодекса, который был принят третьей сессией ВЦИК в мае 1922 г.

[205] Там же, стр. 387.
[206] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 685.
[207] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 99, л. 1.
[208] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 396—400.

Предварительно переговорив с Д. И. Курским по вопросам подготовки Уголовного кодекса и пересылая ему свой набросок параграфа, определяющего понятие контрреволюционного действия и необходимость применения самых суровых мер наказания против прямых политических врагов Советской власти, добивающихся ее свержения, Ленин писал 17 мая 1922 г.:

«...открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого» [209].

Ленин предложил далее два варианта проекта статьи о понятии контрреволюционного действия, по своему содержанию почти совпадающие.

Первый вариант ленинской формулировки гласил:

«Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу» [210].

Раскрывая основной замысел этой статьи, Ленин настаивал на необходимости обязательно найти формулировку, ставящую контрреволюционные деяния (прежде всего меньшевиков и эсеров) «в связь *с международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)» [211].

В самом тексте вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР он еще раз предложил добавить право замены расстрела высылкой за границу по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно) [212].

Двукратное напоминание о возможности замены высшей меры наказания высылкой за границу было связано, очевидно, с тем, что именно в это время такая мера намечалась по отношению к группе буржуазных профессоров и писателей за прямую связь с контрреволюционными организациями. Почти одновременно с письмами Д. И. Курскому Ленин писал об этом (19 мая 1922 г.) в ВЧК Ф. Э. Дзержинскому, просил его подготовить эту меру очень тщательно и не наглупить. «Обязать членов Политбюро, — предлагал Ленин в этом письме, — уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех не коммунистических изданий». Он советовал также получить отзыв на эти

[209] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 190.
[210] Там же. Ленинский проект определения контрреволюционного действия лег в основу статьи 57 Уголовного кодекса.
[211] Там же, стр. 190.
[212] Там же.

издания ряда коммунистов-литераторов (Стеклова, Ольминского, Скворцова-Степанова, Бухарина и т. д.) и сам просмотрел некоторые сменовеховские журналы (закрытый в Петрограде журнал «Новая Россия» и журнал «Экономист»). Что касается «Новой России», то он отметил преждевременность его закрытия и указал, что, «конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу». Другое дело журнал «Экономист», резкую критику которого Ленин дал еще в марте 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма». «Это, по-моему, — писал он Дзержинскому, — явный центр белогвардейцев» и *почти все* его сотрудники — «законнейшие кандидаты на высылку за границу». «Все это явные контрреволюционеры, — тут же добавлял он, — пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих „военных шпионов" изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» [213].

Ленинская непримиримость к подлинным врагам пролетарской диктатуры здесь проявилась в полной мере. Но одновременно Ленин всегда требовал соблюдения строжайшей революционной законности и внимательно следил за деятельностью не только Наркомюста, но и ВЧК в этой области. Когда в мае 1921 г. в Петрограде была арестована группа буржуазной профессуры, очевидно, в связи с раскрытием контрреволюционного заговора профессора В. Н. Таганцева, Ленин потребовал от заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта точных и исчерпывающих ответов о причинах ареста, а также «почему именно арест избран мерой пресечения — они не убегут ведь» [214]. Тогда же он написал следующую записку: «1) в последнее время дается мандат „арестовать по усмотрению". 2) Желательны *персональные* мандаты» [215].

Если Ленин был убежден в виновности арестованного, он целиком поддерживал принятие самых строгих мер. Так, например, в связи с ходатайством Русского физико-химического общества об освобождении профессора химии М. М. Тихвинского, арестованного по делу Петроградской контрреволюционной организации, Ленин писал Н. П. Горбунову в сентябре 1921 г.: «Направьте запрос в *ВЧК*. Тихвинский не „случайно" арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» [216]. В то же время по отношению к другому специалисту, инженеру-технологу М. К. Названову, обвиненному в причастности к той же контрреволюционной организации и приговоренному к высшей мере наказания, Ленин потребовал отмены приговора, замены расстрела лишением свободы на два года с допущением условного освобождения [217]. Предложение Ленина получило поддержку Политбюро ЦК. М. К. Названов был освобожден, и Владимир Ильич предлагал в дальнейшем внимательно следить за результатами его работы [218].

В мае 1922 г. III сессия ВЦИК одновременно с Уголовным кодексом приняла положение об адвокатуре и о прокурорском надзоре, учредив

[213] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 265—266.
[214] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 244.
[215] Там же. стр. 421, прим.
[216] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 169.
[217] См. там же, стр. 254—255.
[218] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 76, 143.

в составе Наркомюста государственную прокуратуру (народный комиссар юстиции являлся также прокурором Республики). При обсуждении вопроса о прокуратуре на сессии ВЦИК было выдвинуто сначала предложение об установлении так называемого «двойного» подчинения прокуроров на местах — центру и местному губисполкому. В письме И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК от 20 мая 1922 г. В. И. Ленин указывал, что такое «двойное» подчинение проводится лишь тогда, когда необходим учет местных различий, но «законность должна быть одна». «Законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик...» [219] Ленин подчеркивал также, что в отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и обязан делать только одно: «следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям» [220]. Поэтому Ленин предлагал Политбюро ЦК отвергнуть в данном случае «двойное» подчинение и установить подчинение местной прокурорской власти только центру. Это ленинское предложение и легло затем в основу декрета.

В новых условиях мирной полосы развития встал вопрос и о необходимости некоторой реорганизации ВЧК. Речь шла вначале о подготовке нового положения о ВЧК. Тогда и возникло предложение разгрузить ВЧК, сохранить за ней лишь дела о политических преступлениях, шпионаже, бандитизме и т. п., а остальные дела и следственный аппарат передать Наркомюсту. В письме к Л. Б. Каменеву от 29 ноября 1921 г. Ленин предложил к этому дополнение: «На НКЮ возложим еще *ответственность* за *недонесение* Политбюро (или Совнаркому) дефектов и неправильностей ВЧК» [221]. Через два дня, 1 декабря, Владимир Ильич составил набросок постановления о ВЧК, которое было принято Политбюро ЦК [222].

Предложения В. И. Ленина были поддержаны также XI партконференцией, а затем перенесены на обсуждение IX Всероссийского съезда Советов.

В своем отчетном докладе на съезде Ленин с большим подъемом и волнением говорил об огромной роли, которую сыграла ВЧК в первые годы революции в охране политической безопасности Советского государства. Давая высокую оценку роли ВЧК, подчеркивая необходимость ценить и использовать это учреждение для борьбы с врагами, Ленин тут же добавлял, что надо подвергнуть ВЧК реформе, «определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими... Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями

[219] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 198.
[220] Там же.
[221] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 39.
[222] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 261. Политбюро создало 1 декабря 1921 г. комиссию по этому вопросу, которой было поручено в пятидневный срок представить свои предложения, имея в виду ленинские указания: «а) сузить компетенцию ВЧК; б) сузить право ареста; в) назначить месячный срок для общего проведения дел; г) суды усилить; д) обсудить вопрос об изменении названия; е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчений» (там же, стр. 567. прим.).

прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления бóльшей революционной законности, и тем у́же становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло» [223].

IX съезд Советов в своей резолюции о ВЧК отметил «героическую работу, выполненную органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии в самые острые моменты гражданской войны, и громадные заслуги, оказанные ею делу укрепления и охраны завоеваний Октябрьской революции от внутренних и внешних покушений». Съезд указал одновременно, что укрепление Советской власти во вне и внутри страны позволяет сузить круг деятельности ВЧК, «возложив борьбу с нарушением законов Советских республик на судебные органы», и предложил ВЦИК пересмотреть положение о ВЧК и ее органах «в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности» [224].

В дальнейшем Ленин давал важнейшие указания в связи с реорганизацией ВЧК [225], он принимал непосредственное участие в подготовке таких важных декретов, как декрет «О наказаниях за ложные доносы» [226] или о борьбе со взяточничеством [227].

Большое значение имело также вмешательство Ленина в конце 1922 г. в решение такого, казалось бы, частного вопроса, как вопрос о ликвидации отдела Наркомюста «по отделению церкви от государства». Такое решение вынес Малый СНК, мотивируя его тем, что процесс отделения церкви от государства можно уже считать законченным. Получив жалобу начальника отдела П. А. Красикова, Ленин вызвал к себе 5 декабря 1922 г. заместителя председателя Малого СНК Г. Леплевского. Последний в своих воспоминаниях подробно рассказал о том, как Ленин убеждал его в неправильности решения МСНК, видя в этом решении проявление своего рода революционного максимализма и желания выскочить из неприятной действительности. В заключение беседы Владимир Ильич с тонкой и иронической усмешкой заметил: «Что касается утверждения, что процесс отделения церкви от государства завершен, то это, пожалуй, и так; церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили.

И тут же Владимир Ильич спросил меня, сидевшего в молчаливом раздумье:

[223] Там же, стр. 328—329.

[224] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях», стр. 221—222. 6 февраля 1922 г. во исполнение решений IX съезда Советов был опубликован декрет ВЦИК «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов». Вместо ВЧК было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, а после образования СССР — ОГПУ при СНК СССР. Функции ГПУ ограничивались областью политической охраны и охраны границ государства. Борьба с уголовными преступлениями, со спекуляцией, с должностными и экономическими преступлениями по новому положению разрешалась судебным порядком — народными судами и революционными трибуналами.

[225] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 144, 149.

[226] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 244.

[227] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 196.

— Как вы намерены с этим делом поступить?» [228].

Вечером того же дня (5 декабря 1922 г.) на заседании Совнаркома по предложению самого Леплевского было принято следующее решение: «В отмену постановления Малого Совнаркома от 28 ноября 1922 г. сохранить отдел культов при Наркомюсте» [229].

В последние месяцы своей непосредственной работы в Совнаркоме В. И. Ленин предотвратил принятие еще одного непродуманного и скороспелого решения — о ликвидации Наркомсобеса. Именно в мирных условиях и после перехода к нэпу значение этого наркомата возросло и его функции расширились. Забота об инвалидах войны, помощь деревенской бедноте через организацию крестьянской взаимопомощи, проведение социального страхования рабочих [230] — все эти задачи выдвигались Лениным перед Наркомсобесом в качестве первоочередных. Но 28 сентября 1922 г., т. е. за несколько дней до возвращения Ленина к работе после болезни, Совнарком принял решение поручить Наркомтруду, ВЦСПС, Наркомсобесу и НК РКИ с привлечением Наркомздрава, НКВД, Наркомзема и Реввоенсовета «согласовать вопрос о ликвидации НКСобеса и о распределении выполняемых им функций между указанными ведомствами...» [231].

26 октября 1922 г. в повестке дня СНК вновь был поставлен этот вопрос (Ленин на заседании не присутствовал) и принято решение о ликвидации наркомата и передаче его функций по социальному страхованию и обеспечению инвалидов в городах Наркомтруду, по организации крестьянской взаимопомощи — Наркомзему, по борьбе с нищенством и беспризорностью — НКВД и т. д.[232] Более того, на заседании СНК 9 ноября было заслушано сообщение о подписании 30 октября проекта постановления ВЦИК и СНК о ликвидации Наркомсобеса [233].

Но на этой последней стадии вмешался В. И. Ленин. Народный комиссар социального обеспечения Н. А. Милютин вспоминал: «Когда во время отсутствия Ленина по болезни Каменев провел в Совнаркоме постановление о ликвидации Наркомсобеса, ему здорово попало от Владимира Ильича и постановление было отменено» [234].

Действительно, 26 декабря 1922 г. Совнарком заслушал сообщение об утверждении 21 декабря Президиумом ВЦИК постановления ВЦИК и СНК о передаче из Наркомсобеса в Наркомтруд только дела социального страхования.

Довольно большую переписку Ленин вел с НКВД и наркомом внутренних дел М. Ф. Владимирским по вопросам районирования, подготовки и проведения «Наказа от СТО» [235], укрепления низового советского аппарата и т. д.; с наркомом здравоохранения Н. А. Семашко — о мерах

[228] Г. Леплевский. Указ. статья, стр. 98—100.
[229] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 536, л. 1.
[230] В октябре 1921 г. Ленин подготовил проект постановления Политбюро о социальном страховании (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 138).
[231] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 518, л. 5.
[232] Там же, ед. хр. 527, лл. 1—2.
[233] Там же, ед. хр. 530, л. 8.
[234] Н. А. Милютин. По заданиям Ленина. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 415.
[235] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 195, 211 и др. НКВД в эти годы занимался главным образом вопросами советского строительства и местного управления.

борьбы с эпидемиями, о проведении санитарно-просветительной работы, о передаче санитарной инспекции из ВЦСПС в Наркомздрав, о подготовке декрета «Об охране здоровья женщин», о состоянии крымских и кавказских курортов и их использовании для лечения трудящихся и т. д. В октябре 1921 г., сообщая Н. А. Семашко об отпуске больших средств на санитарное оздоровление Москвы, Ленин тут же просил прислать ему «краткий, но точный, деловой, фактический отчет, что̀ и где вышло из недели оздоровления?» [236]

Важное место в работе СНК и СТО в 1921—1922 гг. занимали вопросы военного ведомства, демобилизации армии и ее перевода на мирное положение.

По этим вопросам Ленин вел переписку преимущественно с замнаркомвоена Э. М. Склянским, выдвигая на первый план задачи улучшения материального снабжения и расквартирования армии в мирных условиях, ее борьбы с кулацким бандитизмом, проведения демобилизации армии, ее реорганизации и значительного сокращения.

Вопросы сокращения армии и одновременно укрепления политического руководства, повышения ее технической вооруженности обсуждались также на пленумах ЦК 9 августа и 8 октября 1921 г. и 8 августа 1922 г.

В мае 1922 г., в связи с выдвинутым советской делегацией на Генуэзской конференции предложением о разоружении, на сессии ВЦИК был поставлен вопрос о сокращении численности Красной Армии.

В ответ на запрос секретариата ЦК РКП(б) по этому поводу Ленин писал: «Я думаю, что следует поставить, объявив сокращение на одну четверть и мотивируя это тем, что хотя и небольшой и не особенно надежный, но все же некоторый реальный шаг к перемирию достигнут в Генуе» [237].

К осени 1922 г. пятимиллионная армия периода гражданской войны была сокращена примерно до 800 тыс. (включая части особого назначения и всевобуч), а в ноябре 1922 г. В. И. Ленин внес в Политбюро предложение о сокращении армии еще на 200 тыс. человек в течение января 1923 г.[238]

Это была еще одна демонстрация ленинской мирной политики Советского государства.

*

Не было, как видим, ни одного народного комиссариата, деятельность которого не направлялась бы мудрой и твердой рукой В. И. Ленина. Он умел всегда выделить главное в работе, вскрыть недостатки, указать пути их исправления, определить основные задачи и в то же время нацелить на самостоятельное их решение, напомнить о необходимости персональной ответственности за порученное дело.

Среди всех народных комиссариатов был еще один, которому Ленин отдавал особенно много сил, внимания и какой-то большой внутренней

[236] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 301.
[237] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 202.
[238] Там же, стр. 295.

заинтересованности. Речь идет о Наркомпросе, о ленинском руководстве вопросами культуры, науки, искусства, ибо Наркомпрос в эти годы ведал не только народным образованием, а всеми, почти без исключения, сторонами культурной жизни страны.

Поэтому вопросы ленинского руководства Наркомпросом требуют самостоятельного рассмотрения, хотя в рамках данной работы представляется возможным выделить и осветить, притом в самом кратком виде и только на отдельных примерах, основные направления и значение этой работы.

4.

Вопросы руководства Наркомпросом и ленинские указания в области народного образования, культуры, науки и искусства

«Пока Владимир Ильич был жив, — писала Н. К. Крупская, — вся работа Наркомпроса была у него на учете. Он постоянно говорил с работниками Наркомпроса и по политпросветской работе и по профессиональному образованию, вникал во все детали и считал, что по мере прекращения войны вопросы просвещения будут выдвигаться все больше и больше на первый план и занимать все больше места... Поскольку он ориентировался всегда на массы, он не мог не придавать особо большого значения массовым формам народного образования. Мы, работники Наркомпроса, привыкли к нему обращаться со всеми своими мелочами, и он охотно давал нам разъяснения» [239–240].

Действительно, в самом начале мирной полосы развития вопросы дальнейшего улучшения работы Наркомпроса и его реорганизации были поставлены ЦК партии и В. И. Лениным с особой остротой. В сентябре 1920 г., впервые после Октябрьской революции, сессия ВЦИК заслушала доклад А. В. Луначарского о деятельности Наркомпроса, а после сессии были приняты важные декреты «О мерах к усилению деятельности Народного Комиссариата Просвещения» [241] и о создании Главполитпросвета (ноябрь 1920 г.) как единого центра руководства всей политико-просветительной работой в стране. Главполитпросвет со дня основания и до конца его деятельности возглавляла Н. К. Крупская.

С 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г. проходило партийное совещание по народному образованию, которое приняло решения по вопросам политехнического образования и перестройки общеобразовательной школы.

Основным недостатком Наркомпроса Ленин считал в это время отсутствие необходимой деловитости, слабый учет и проверку практического опыта, а также недостаточное привлечение к работе в центре педагогов с большим теоретическим и практическим опытом. В преобладании «общих рассуждений» и «абстрактных лозунгов» вместо живого дела Ленин видел и основной недостаток решений партийного совещания.

[239–240] Н. К. Крупская. Ленинские установки в области культуры. Сборник статей. М., 1934, стр. 60.
[241] СУ, 1920, № 80, ст. 406.

Он указывал, что при огромных успехах народного образования, достигнутых за первые годы Советской власти, при могучем подъеме «снизу», со стороны народных масс к свету и знанию, закрывать глаза на недостатки работы, на то, что «мы еще не научились правильной *постановке* государственно-просветительного аппарата, было бы прямо преступлением» [242].

Поэтому Владимир Ильич в самых трудных условиях конца 1920 г.—начала 1921 г. принимал непосредственное участие в реорганизации Наркомпроса на новых началах. Еще 8 декабря 1920 г. он подготовил проект постановления для пленума ЦК, в котором реорганизация Наркомпроса признавалась настоятельно необходимой, но указывалось на важность ее обстоятельной подготовки [243].

Ленин внимательно изучал отчет Наркомпроса за три года (1917—1920), возглавил комиссию ЦК по реорганизации Наркомпроса и председательствовал на всех ее заседаниях. 28 января 1921 г. он запросил у Наркомпроса ряд материалов о школах первой и второй ступени, о технических и ремесленных школах, об общем числе школ и высших учебных заведений Республики и предлагал переслать ему также ненапечатанные данные по указанным вопросам, «*если эти данные налицо есть*» [244].

В результате этого длительного изучения Ленин подготовил два программных документа — статьи «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» и «О работе Наркомпроса», опубликованные 5 и 9 февраля 1921 г. в «Правде» [245].

«В комиссариате просвещения, — писал он во второй статье, — есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства» [246] — нарком А. В. Луначарский и заместитель наркома М. Н. Покровский. Далее указывалось, что партия их хорошо знает и не сомневается в их способностях, но для налаживания действительно деловой практической работы необходимо значительное усиление самого аппарата. Отсюда и возникло предложение Ленина о назначении второго заместителя наркома для административного руководства и была выдвинута кандидатура Е. А. Литкенса [247] в качестве «Главноуправляющего» наркоматом [248].

Укреплением аппарата Наркомпроса Ленин в дальнейшем занимался неоднократно и, пожалуй, больше, чем какого-либо другого наркомата.

[242] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 326.
[243] См. там же, стр. 87.
[244] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 57—58.
[245] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 319—321, 322—332. Об истории реорганизации Наркомпроса см.: И. С. Смирнов. В. И. Ленин и руководство делом народного образования (К истории реорганизации Наркомпроса в 1920—1921 гг.). — «В. И. Ленин и вопросы народного образования». М., 1961.
[246] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 324.
[247] Е. А. Литкенс возглавлял в первые годы революции отдел народного образования Московского Совета, в 1920 г. был назначен заместителем заведующего Главполитпросвета и с конца 1920 г. — заместителем наркома просвещения. Весной 1922 г. во время отдыха и лечения в Крыму погиб в горах от руки бандитов.
[248] Указания В. И. Ленина по вопросу о назначении Е. А. Литкенса и о задачах его работы см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 87, 376; т. 52, стр. 255—256; т. 53, стр. 179—180 и др.

Вопрос о составе коллегии Наркомпроса, о директивах Наркомпросу довольно часто стоял в повестке дня Политбюро ЦК (15 октября 1921 г., 16 марта, 18 мая 1922 г.). На последнем заседании было принято, в частности, решение о введении в коллегию Наркомпроса А. С. Бубнова.

Постоянно возвращаясь к вопросу о привлечении лучших кадров — опытных педагогов и работников отделов народного образования — к работе в Наркомпросе, Ленин в феврале 1922 г. предложил послать на места специальную циркулярную телеграмму с требованием, чтобы делегаты предстоящего Всероссийского съезда губернских отделов народного образования обязательно привезли с собой «точные и подробные сведения о выдающихся местных работниках губнаробразов», а Е. А. Литкенс представил бы, кроме того, справку «не менее чем о 10 работниках НКпроса, как наиболее выдвинувшихся за последние годы или месяцы в центре». «Все эти справки, — писал Ленин, — я считаю абсолютно необходимыми, ибо НКпрос совершенно не сумел поставить привлечение работников с мест, а нам необходимо подыскать ему кандидатов для обновления коллегии» [249].

После посылки циркулярной телеграммы Владимир Ильич дополнительно поручил Н. П. Горбунову «проверить со всей точностью, кто исполнил и кто не исполнил этого поручения», и дать «совершенно точный ответ немедленно» [250].

Ленин не только заботился о кадрах Наркомпроса, но в своих директивах, письмах, записках А. В. Луначарскому и его заместителям учил конкретному руководству, намечал основную линию работы и программу первоочередных мероприятий. Так, вскоре после реорганизации Наркомпроса (8 апреля 1921 г.) он писал А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому, Е. А. Литкенсу:

«Множатся признаки, что по части систематичности и планомерности работы дела в Наркомпросе не улучшаются, вопреки директивам ЦК и специальным заданиям ЦК при реорганизации Наркомпроса». И далее следовали вопросы: Когда будет выработан основной план работы? Какие вопросы в этот план войдут? Какие вопросы признаны важнейшими, ударными? Как обеспечивается контроль за выполнением? Ленин давал в этом письме и программу работы, подчеркивая в первую очередь необходимость налаживания работы школы, выпуска учебников, отчетности учителей, подготовки школьных программ и т. д.[251]

Первостепенное значение Ленин придавал тем формам культурной работы, которые обеспечивали политическое просвещение и коммунистическое воспитание подрастающего поколения и широких народных масс. В области политико-просветительной работы среди взрослых эту роль должен был выполнить Главполитпросвет. Владимир Ильич, как известно, следил за всей работой Главполитпросвета, выступал на съездах политпросветов, занимался вопросами ликвидации неграмотности и работы библиотек, клубов и изб-читален [252].

[249] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 156—157.

[250] Там же, стр. 176. Материалы, привезенные на совещание губнаробразов, были разработаны Учраспредом ЦК РКП(б), который представил В. И. Ленину список 13 работников с мест, подходивших для выдвижения на работу в руководящие органы Наркомпроса (см. там же, стр. 615, прим.).

[251] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 133—134.

[252] О деятельности Главполитпросвета и организации политико-просветительной

Неоценимый вклад внес Ленин в теорию и практику строительства советской общеобразовательной школы. В своих замечаниях на тезисы Н. К. Крупской (декабрь 1920 г.) «О политехническом образовании», подготовленных для партийного совещания, он писал: «...*безусловным* заданием поставить *немедленный* переход к *политехническому* образованию, или, вернее, немедленное осуществление ряда доступных сейчас же *шагов к политехническому образованию*» [253]. Доказывая необходимость принципиального обоснования значения политехнического образования, «*по Марксу, по нашей программе РКП*», Ленин требовал, чтобы в тезисах было ясно сказано, что «никоим образом мы не можем отказаться от принципа и от осуществления тотчас *в мере возможного* образования именно политехнического» [254].

Принципы политехнической школы, как всегда указывал Ленин, развивая основные положения марксизма по этому вопросу, состояли прежде всего в овладении *основами наук*, в подготовке всесторонне образованных, всесторонне развитых людей социалистического общества. Поэтому Владимир Ильич подверг резкой критике сторонников так называемого монотехнического образования [255], т. е. ранней специализации и профессионализации школьного обучения и фактического слияния общеобразовательной школы с профтехнической.

«Рассуждения о том, — писал он в статье «О работе Наркомпроса», — „*политехническое или монотехническое* образование“... — эти рассуждения в корне неверны, для коммуниста прямо недопустимы» [256].

Признавая необходимость проведения некоторых срочных мер в условиях крайнего разорения страны и острой потребности в скорейшей подготовке квалифицированных кадров, Ленин поддержал в это время решение о временном понижении возрастной нормы перехода от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию с 17 лет (как было установлено программой партии) до 15 лет и слияния старших классов школ второй ступени с профтехшколами. Однако одновременно он со всей решительностью разъяснял, что «„*партия должна рассматривать*“ это понижение возрастной нормы „исключительно...“ как практическую необходимость, как временную меру, вызванную „*нищетой и разорением страны*“» [257].

Отсюда и вытекало строжайшее ленинское требование, чтобы временное слияние старших классов школ второй ступени с профтехшколами ни в коем случае не привело к превращению обучения в *ремесленничество*, для чего необходимо: во-первых, «избегать ранней специализации», во-вторых, «расширить во *всех* профтехшколах *общеобразовательные предметы*» [258].

работы см.: М. С. Андреева. Коммунистическая партия — организатор культурно-просветительной работы в СССР (1917—1933). М., 1963.

[253] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 229.

[254] Там же, стр. 228.

[255] Сторонниками монотехнического принципа в школьном образовании на партийном совещании выступали нарком просвещения Украины Г. Ф. Гринько и начальник Главпрофобра О. Ю. Шмидт.

[256] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 323.

[257] Там же.

[258] Там же, стр. 228—229.

Все эти принципиальные ленинские установки в области понимания и осуществления политехнического образования [259] сыграли решающую роль во всем дальнейшем развитии советской школы.

Установление принципов школьного обучения и воспитания сочеталось в государственной деятельности В. И. Ленина с практикой повседневной заботы о школе и оказания ей всемерной государственной помощи. Множество декретов, подписанных В. И. Лениным в 1921 г., ярко подтверждало эту заботу [260]. Непосредственное участие Ленин принимал, в частности, в подготовке декрета от 15 сентября 1921 г. «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» [261]. Он внимательно просмотрел все проекты этого декрета, подготовленные Наркомпросом, и, отвечая на возражения Г. Е. Зиновьева, писал, что не видит в проектах ничего неправильного. «Применения к школам коммерческого принципа в проектах нет. Есть только привлечение местного населения, в особенности крестьян, к участию в содержании школ. Это я считаю абсолютно правильным, безусловно спешно необходимым». Ленин поддержал также право «организовать и брать в аренду предприятия для снабжения учреждений Наркомпроса... ибо без подобных мер улучшение содержания школ и уменьшение голодовки учителей невозможно... С крестьян нужно брать больше и больше на содержание местных школ» [262].

Через несколько дней (12 сентября 1921 г.) он писал по этому же поводу А. В. Луначарскому, предлагая уточнить некоторые пункты декрета и согласовать его с Наркомюстом.

Ленин внес также поправку в § 8 декрета — о взимании платы за пользование библиотеками и клубами, подчеркнув, что это надо сделать «Архиосторожно; нельзя затруднять посещения. Показать мне *перед* подписанием» [263].

Общий переход в условиях нэпа к оплате всех услуг, оказываемых государством населению, выдвинул вопрос о возможности временного введения, и только для отдельных групп граждан, платы за обучение в школах. Этот вопрос длительно обсуждался в 1922 г. в СНК и в Полит-

[259] Подробнее по этому вопросу см.: Н. В. Руднев. Из истории борьбы за ленинский принцип политехнического образования (февраль 1920—февраль 1921 г.). — «В. И. Ленин и проблемы народного образования». М., 1961.

[260] См., например, декреты СНК: от 10 марта 1921 г. «Об организации питания в сельских школах»; от 9 мая 1921 г. «О возвращении к работе по своей специальности работников просвещения и социалистической культуры»; от 13 мая 1921 г. «Об обеспечении культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещениями» и др.

[261] Согласно декрету от 15 сентября 1921 г., Народному комиссариату просвещения и его местным органам предоставлялось право организации собственных производственных предприятий, пошивочных, починочных мастерских для эксплуатации их как силами самих учащихся и учащих, так и совместно с кооперацией и артелями на договорных началах. Фабрично-заводские предприятия и советские учреждения, при которых состояли школы и другие просветительные учреждения, принимали на себя заботу об обеспечении их помещениями, отоплением, освещением, а также продовольствием. В сельских местностях устанавливалось натуральное самообложение сельского населения в пользу школ и топливная повинность для снабжения их топливом. Декрет предусматривал также отчисления на школу от местных налогов.

[262] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 180.

[263] Там же, стр. 188.

бюро ЦК [264]. Считая нужным привлечь средства населения для помощи школе, Ленин одновременно всегда настаивал на постоянном расширении ассигнований на народное образование. В одной из своих последних статей «Странички из дневника» Ленин писал: «У нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования» [265]. Ленинский призыв сосредоточить все внимание на развертывание «черновой» работы по ликвидации культурной отсталости, оставшейся в наследство от прошлого, не жалея для этого ни сил, ни средств, был воспринят партией и народом как один из важнейших заветов Ленина в области народного образования и политического просвещения.

Большое принципиальное значение имели ленинские указания по вопросам руководства высшей школой и направления деятельности органа Наркомпроса, ведавшего вузами, — Главпрофобра.

Ленин выдвигал здесь на первый план двоякие, но взаимосвязанные задачи — формирование кадров новой советской интеллигенции из рядов рабочего класса, с одной стороны, и завоевание, всемерное использование и привлечение кадров старой буржуазной интеллигенции, — с другой.

Важнейшей предпосылкой пролетаризации студенческого состава вузов и обновления профессорско-преподавательских кадров должны были стать созданные еще в 1919 г. рабочие факультеты при высших учебных заведениях и Институт красной профессуры, организованный по инициативе В. И. Ленина в начале 1921 г.

«Предлагаю Малому СНК, — писал Ленин в феврале 1921 г., — специально заняться вопросом о рабочих факультетах, всесторонне его рассмотреть и добиться максимального улучшения положения рабочих факультетов» [266]. В мае 1921 г. на заседании Политбюро ЦК с участием В. И. Ленина при обсуждении директивы Наркомпросу по реорганизации управления высшими учебными заведениями было указано, что «Наркомпрос должен всемерно следить за тем, чтобы вузы из-за одной своей цели — выпустить в возможно более короткий срок возможно большее число наилучших квалифицированных специалистов — не упускали другой: привлекать в свои стены в возможно большем же числе одаренных представителей пролетарской и крестьянской молодежи, непременно

[264] 16 марта 1922 г. Политбюро ЦК в проекте директивы Наркомпросу высказалось против введения платности, указав, что принцип бесплатной школы провозглашен программой РКП, а также на то обстоятельство, что «при нынешних условиях, согласно вычислений Наркомпроса, введение платы за право учения дало бы лишь чрезвычайно малую помощь Наркомпросу в материальном отношении». Вместе с тем было признано необходимым увеличить средства школы путем возложения части бремени оплаты школы на население в более организованных и правильных формах, чем плата за право учения (упорядочение самообложения, выделение определенного процента из местного бюджета, приписка школ к промышленным предприятиям, введение шефства над школами, причем шефами могли быть и частные предприятия и объединения частных лиц, но «без каких бы то ни было прав на педагогическое и административное ведение школы)...» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 282, лл. 3—4).

[265] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 365.

[266] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 72.

уделяя достаточную часть помещений, преподавательских сил и оборудования для обслуживания рабочих факультетов» [267].

22 марта 1922 г. Политбюро ЦК вновь заслушало доклад Наркомпроса о рабфаках и все предложения об улучшении материального положения студентов рабфаков были переданы на рассмотрение Совнаркома. Вскоре (29 июня 1922 г.) Политбюро, обсуждая вопрос «О приеме студентов в вузы», дало опять указания об обеспечении приема в первую очередь пролетарской молодежи.

Однако нужны были годы, чтобы линия на пролетаризацию студенческого состава высшей школы дала практические результаты. Об этом Ленин напоминал неоднократно, подчеркивая тем самым важность задачи завоевания и привлечения кадров старой буржуазной интеллигенции. Необходимость довольно длительное время опираться на эти кадры была, конечно, связана с серьезными трудностями и опасностями. Недаром в предисловии к книге И. И. Степанова-Скворцова «Электрификация РСФСР...», написанном в марте 1922 г., Ленин с большой горечью и тревогой писал, что «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в *его*, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [268]. Но в ноябре того же года Ленин решительно полемизировал с автором этой же книги, поправляя его ошибки именно в вопросе об использовании буржуазных специалистов [269]. Здесь не было никакого противоречия, наоборот, в ленинских выводах проявилось удивительное умение учитывать противоречия самой жизни и намечать пути их преодоления.

В самом деле, борьба с буржуазной профессурой в вузах приняла в 1921—1922 гг. довольно острые формы. Весной 1921 г. и весной 1922 г. дело дошло до серьезных конфликтов (забастовки профессоров) в Московском высшем техническом училище (МВТУ), в Московском университете и других высших учебных заведениях. Политбюро ЦК и В. И. Ленин решительно осудили такие формы борьбы буржуазной профессуры и требовали принятия необходимых мер для ликвидации этих конфликтов. Но одновременно Ленин резко критиковал линию Главпрофобра и его руководителя Е. А. Преображенского, взявших курс на ликвидацию конфликтов в вузах только методами репрессий. Очень спокойно и тактично он учил Главпрофобр умению применять такие методы

[267] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 161, л. 7.

[268] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 45, стр. 52.

[269] 28 октября 1922 г. И. И. Степанов-Скворцов опубликовал в «Правде» статью под названием «Что такое спец и как его делают». В этой статье автор доказывал, что «пролетарская диктатура провалится... если эти спецы не будут своими спецами, *такими, которые свою задачу видят в закреплении и развитии диктатуры пролетариата*». В письме к И. И. Степанову-Скворцову от 15 ноября 1922 г. Ленин процитировал и подчеркнул приведенные слова, указав: «Подчеркнутое неверно. Таких спецов мы долго не получим, пока не исчезнут *буржуазные* спецы, *мелкобуржуазные* спецы, пока *все* спецы не станут *коммунистами*. Между тем „*проваливаться*" пролетарская диктатура вовсе не должна». Ленин указывал далее, что достаточно первого условия — иметь в распоряжении пролетарской диктатуры хороших спецов, а временное отсутствие второго условия (создание собственных кадров советских специалистов) «не губит нас» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 310).

подхода к буржуазной интеллигенции и профессуре, которые, отсекая и изобличая открыто контрреволюционную ее часть, способствовали бы одновременно привлечению, перевоспитанию ее лучших и наиболее передовых элементов. Особенно убедительно и ярко эта ленинская мысль была выражена в его письме к Е. А. Преображенскому от 19 апреля 1921 г., сразу же после ликвидации конфликта в МВТУ.

Ленин допускал, как он писал, что среди организаторов профессорской забастовки были прямые реакционеры, злостные кадеты и т. д. «Но их надо *иначе* изобличить. И изобличить по конкретным поводам... Подготовить материал, проверить, изобличить и осудить *перед всеми*, примерно наказать... Луначарский и Покровский не умеют „*ловить*" своих спецов и, сердясь на себя, срывают сердце на всех зря» [270].

Не «срывать сердце на всех зря», а уметь отделять явно враждебные элементы профессуры от колеблющихся, нейтральных, но честно работающих, проявляя к последним необходимую терпимость и такт, — именно эту линию советовал проводить Ленин во всей работе Главпрофобра.

Но, как показало будущее, Е. А. Преображенский не понял и не выполнил советов Ленина. Во время конфликтов в вузах в начале 1922 г., вызванных введением нового устава высшей школы, ликвидировавшего так называемую «автономию» высшей школы (Ленин просмотрел и поддержал проект устава [271]), начальник Главпрофобра продолжал проводить прежнюю линию. Политбюро ЦК 2 февраля 1922 г., рассмотрев положение в вузах, создало специальную комиссию с участием представителей профессуры, а 6 февраля вновь указало Наркомпросу на необходимость скорейшей и мирной ликвидации конфликта «без применения репрессий». 9 февраля Политбюро объявило выговор А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и Е. А. Преображенскому за неисполнение указаний ЦК, а 13 февраля приняло отставку Преображенского, освободив его от должности начальника Главпрофобра.

На XI съезде РКП(б) Е. А. Преображенский выступил с критикой линии ЦК по отношению к высшей школе. Он утверждал, что «по отношению к профессуре, в руках которой судьба нашей рабочей молодежи, ЦК допустил отступление от партийной программы, допустил политическую ошибку» [272]. Отвечая на эти выпады, В. И. Ленин в заключительном слове по отчету ЦК отверг обвинения в нарушении программы. «Такая прекрасная вещь эта программа, и так мы ее искажаем! — говорил он. — И как может это делаться? Это делается оттого, что читается буква за буквой и строчка за строчкой, а на дальнейшее человек глядеть не хочет. Выдернул цитату и говорит: вот тут был спор». «... Когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, — подчеркивал далее Владимир Ильич, — увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нащего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы. Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели» [273].

[270] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 155.
[271] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 196.
[272] «XI съезд РКП(б)». Стенографический отчет. М., 1961, стр. 86.
[273] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 121.

Вся деятельность В. И. Ленина по руководству высшей школой и наукой давала подлинные образцы таких методов работы, которые, обеспечивая общий подъем советской науки, являлись вместе с тем основным условием для решения важнейшей задачи пролетарской диктатуры — завоевания кадров интеллигенции на сторону Советской власти.

Для того, чтобы лучшие, передовые слои этой интеллигенции через «данные своей науки» могли перейти на сторону социализма, необходимо было, как считал Ленин, открыть перед ними такие перспективы развития науки в социалистическом государстве, которые невозможны и неосуществимы в любом буржуазном обществе. Начиная от «плана научно-технических работ» и плана «монументальной пропаганды» и кончая планом ГОЭЛРО, а также постановкой других крупнейших научных проблем, ленинские задания привлекали одну за другой прогрессивные группы интеллигенции во всех областях науки, техники, культуры и искусства. Исключительную роль в этом отношении сыграл и ленинский замысел состава Госплана и, прежде всего, конечно, вовлечение крупнейших научно-технических сил страны в подготовку и составление плана ГОЭЛРО.

Сколько важнейших научных проблем, возникших вокруг плана ГОЭЛРО и в связи с ним, ставил, развивал и поддерживал в эти годы Владимир Ильич Ленин!

Крупный советский инженер М. Я. Лапиров-Скобло (в те годы работник научно-технического отдела ВСНХ) писал в статье «Ленин и наука», опубликованной после смерти Владимира Ильича: «Нет на советской земле ни одного крупного научного и научно-технического достижения, которое не было бы связано с именем Ленина, не было бы в той или иной мере ему обязано. Электрификация и Ленин. Волховстрой и Ленин. Курская магнитная аномалия и Ленин. Создание научно-технического отдела (ВСНХ) и Ленин... Сапропели, сланцы и Ленин и т. д. и т. д.... Каждый действительный ученый, каждый советский техник твердо знал, что в Владимире Ильиче он найдет нелицеприятного судью, необходимую поддержку и теплое высокочеловеческое отношение»[274]. К тому, что перечислено здесь, можно добавить: Ленин и использование богатств Кара-Бугаза для развития химической промышленности[275], Ленин и Ухтинская нефть, Ленин и радио, Ленин и Гидроторф, Ленин и постройка тепловозов, Ленин и электроплуги, Ленин и орошение Муганской степи, развитие сельскохозяйственной науки и создание опытных станций и многое, многое другое, о чем уже говорилось выше.

Сколько раз все эти вопросы по инициативе В. И. Ленина ставились на заседаниях СНК и СТО и по ним принимались важнейшие решения, сколько писем и записок написал он о значении развития радиотехники и помощи Нижегородской радиолаборатории[276], о поддержке Гидроторфа[277], как интересовался работами по разведыванию района Курской

[274] «Хочу все знать», 1924, № 1, стр. 1.

[275] Ленинскую переписку о богатствах Кара-Бугаза см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 125, 225—226

[276] См., например, письма В. И. Ленина И. В. Сталину для членов Политбюро ЦК о развитии радиотехники от 19 мая 1922 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 194—196.

[277] См. публикацию документов «В. И. Ленин и создание гидравлического способа добычи торфа». — «Исторический архив», 1956, № 1.

магнитной аномалии [278], как внимательно относился к новым изобретениям и к самим изобретателям — обо всем этом свидетельствуют десятки постановлений Советского правительства, сотни ленинских писем и документов.

Очень большое значение Ленин придавал развитию международных научно-технических связей и часто указывал, что «перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача» [279]. По его предложению уже в конце 1920 г. был подготовлен проект организации технической консультации за границей, а с марта 1921 г. начали создаваться специальные Бюро иностранной науки и техники (БИНТ).

Почти одновременно с БИНТом в первые месяцы 1921 г. была создана Центральная междуведомственная комиссия при Совнаркоме по закупке и распространению иностранной литературы (Коминолит). «Главная задача, которую должен поставить себе Коминолит, — писал Ленин, — это добиться того, чтобы в Москве, Петрограде и крупных городах Республики было сосредоточено в специальных библиотеках по 1 экземпляру всех заграничных новейших технических и научных (химия, физика, электротехника, медицина, статистика, экономика и пр.) журналов и книг 1914—1921 гг. и было бы налажено регулярное получение всех периодических изданий. Всю работу Коминолита я буду оценивать в первую очередь с точки зрения реального выполнения этого задания» [280].

Ленин требовал ознакомления с достижениями европейской и американской техники «толком, вовремя, практично, не по-казенному» [281] и предлагал в письме к Г. М. Кржижановскому в декабре 1921 г. «„поймать“ на бездеятельности и педантстве тех ученых, которые прозевали заграничный опыт» [282].

В Советской России действительно не было ни одного сколько-нибудь важного начинания в области науки и техники, которое прошло бы мимо внимания Ленина. Он страстно был заинтересован не только в решении важнейших научно-технических проблем, по его инициативе был предпринят ряд крупных работ и в других областях науки. Так, Владимир Ильич дал не только идею подготовки и издания Всемирного географического атласа и назвал имена ученых географов (академик Д. А. Анучин, профессор А. А. Борзов и др.), которых следовало привлечь к делу, но повседневно следил за реализацией этого задания [283]. Такое же огромное внимание Ленин уделял созданию словаря русского языка, постоянно напоминал во время бесед и в своих письмах в Наркомпрос — А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому, Е. А. Литкенсу — о важности скорейшего издания работы [284].

[278] См. публикацию документов «В. И. Ленин и изучение Курской магнитной аномалии». — «Исторический архив», 1961, № 2.
[279] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 206.
[280] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 228—229.
[281] Там же, стр. 164.
[282] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 98.
[283] Ленинскую переписку о географическом атласе см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 163—165, 234—235, 248, 291; т. 53, стр. 12, 69—70, 126—127, 167, 182, 192; т. 54, стр. 123 и др.
[284] Ленинскую переписку о словаре русского языка см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 121—122, 192; т. 52, стр. 178, 182—183, 198—199, 238; т. 53, стр. 95, 250 и др.

Ленинские задания основывались всегда на глубоком понимании тех проблем, которые выдвигались самой наукой. Неизменная поддержка Ленина, его личные контакты с представителями научной интеллигенции, переписка со многими деятелями науки, огромная забота о них — все это имело решающее значение для дальнейшего развития и подъема советской науки.

Что касается развития общественных наук, то здесь влияние и руководство В. И. Ленина было наиболее прямым и непосредственным. В 1921—1922 гг. начали уже выходить тома первого издания сочинений Ленина, что явилось важнейшим идейным событием в жизни партии.

Одновременно Институт Маркса и Энгельса, созданный в 1920 г., подготавливал выход в свет полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, а в конце 1922 г. Ленин просматривал листы отпечатанного сборника избранной переписки Маркса и Энгельса, выпуску которого он уделял так много внимания[285].

Активная и широкая государственная пропаганда марксизма создавала новые условия и возможности для развития общественных наук, их дальнейшего подъема и возрастающего влияния во всех сферах жизни советского общества.

В практике государственной деятельности, в руководстве фронтом науки и культуры Ленин добивался, как он сам писал в тезисах о роли и задачах профсоюзов (январь 1922 г.), чтобы людям науки и специалистам «как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении и материальном и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов»[286].

В ленинских указаниях Наркомпросу, относящихся к другим участкам культурного фронта, пожалуй, наибольшее внимание уделялось вопросам советской печати — руководству работой газет, журналов и постановке, задачам издательского дела. Недаром в резолюции XII партконференции печать наравне со средней и высшей школой, культпросветорганизациями и т. д. была отнесена к командным высотам в области идеологии.

В статье «О работе Наркомпроса» Ленин дал замечательное, ставшее классическим, определение новых задач и содержания советской печати в противоположность печати буржуазного общества[287]. Он занимался вопросами распространения печати, давал указания о задачах работы отдельных газет[288], настойчиво требовал, чтобы была создана специальная сеть корреспондентов с мест, с фабрик и заводов[289], постоянно запра-

[285] Ленинские письма по этому вопросу см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 64; т. 53, стр. 86—87, 211; т. 54, стр. 228—229, 233, 234. 235—236 и др.
[286] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 351.
[287] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 42, стр. 329—330.
[288] См. письмо В. И. Ленина в редакцию газеты «Экономическая жизнь», от 1 сентября 1921 г. — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 112—114.
[289] См. там же, стр. 113.

шивал редактора газеты «Беднота» В. А. Карпинского о получаемых газетой крестьянских письмах[290], а редакциям „Правды" и „Известий" указывал на крайнюю недостаточность освещения и изучения в прессе местного опыта и его обобщения[291].

Когда в конце 1921 г. была введена платность всех периодических и непериодических изданий, Ленин сам подготовил проект постановления Политбюро о свободной продаже книг, хранящихся на складах Москвы, одновременно предупреждая, чтобы из числа книг, пускаемых в свободную продажу, «изъять порнографию и книги духовного содержания, отдав их в *Главбум* на бумагу»[292].

В. И. Ленин внимательно просмотрел и внес свои замечания в проекты декретов «О введении платности газет»[293] и «О платности произведений непериодической печати»[294], требуя строжайших мер контроля при осуществлении этих мер.

«Я получаю ряд сведений, — писал он в мае 1922 г. А. В. Луначарскому, — что дороговизна книг при наших „увлечениях" и преувеличениях *нэпа* лишает народ полезных книг.

Мне казалось бы, необходимо установить какое-либо правило, или провести закон такого примерно рода: на счет местных налогов известные суммы установить, кои должны быть вносимы в центр для составления фонда, на счет коего покупаются несколько тысяч (скажем, Скворцов: «Электрификация» и т. п.) для *рассылки всем уездбиблиотекам.*

Прошу обсудить это и сообщить мне ваше заключение»[295].

Вопросы распространения печати, доведения ее до широких масс были неразрывно связаны с постоянным контролем за ее идейным уровнем и содержанием. Известно, как категорически, решительно и резко Ленин отверг и разоблачил антисоветскую сущность лозунга «свободы печати от монархистов до анархистов включительно», выдвинутого одним из лидеров «рабочей оппозиции» Г. Мясниковым. В своем письме Мясникову от 5 августа 1921 г. Владимир Ильич указывал, что задачу действительной свободы печати для трудящихся «мы выполняли и выполняем *лучше всех* в мире». Но он тут же ставил вопрос: о *какой* свободе печати идет речь? «для *чего*? для *какого класса*?», ибо в данном случае неприменимы никакие «абсолюты» и требования так называемой «чистой демократии». *Такая* «свобода печати», как ее понимал Мясников, в РСФСР, «окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый»; *такая* свобода печати может лишь облегчить дело классовых врагов диктатуры пролетариата, помочь мировой буржуазии сделать печать «оружием в руках *этой мировой буржуазии*»[296].

Ленин внимательно следил за идейным содержанием книг, газет, журналов и строго взыскивал за выпуск в свет политически враждебной или по каким-либо причинам политически вредной литературы.

[290] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 143—144.
[291] См. там же, стр. 236—237.
[292] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 119.
[293] См. там же, стр. 245.
[294] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 25.
[295] Там же, стр. 262—263.
[296] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 78—80.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
Народных Комиссаров.

Москва, Кремль.

6. IV 1929 г.
№ 8-991

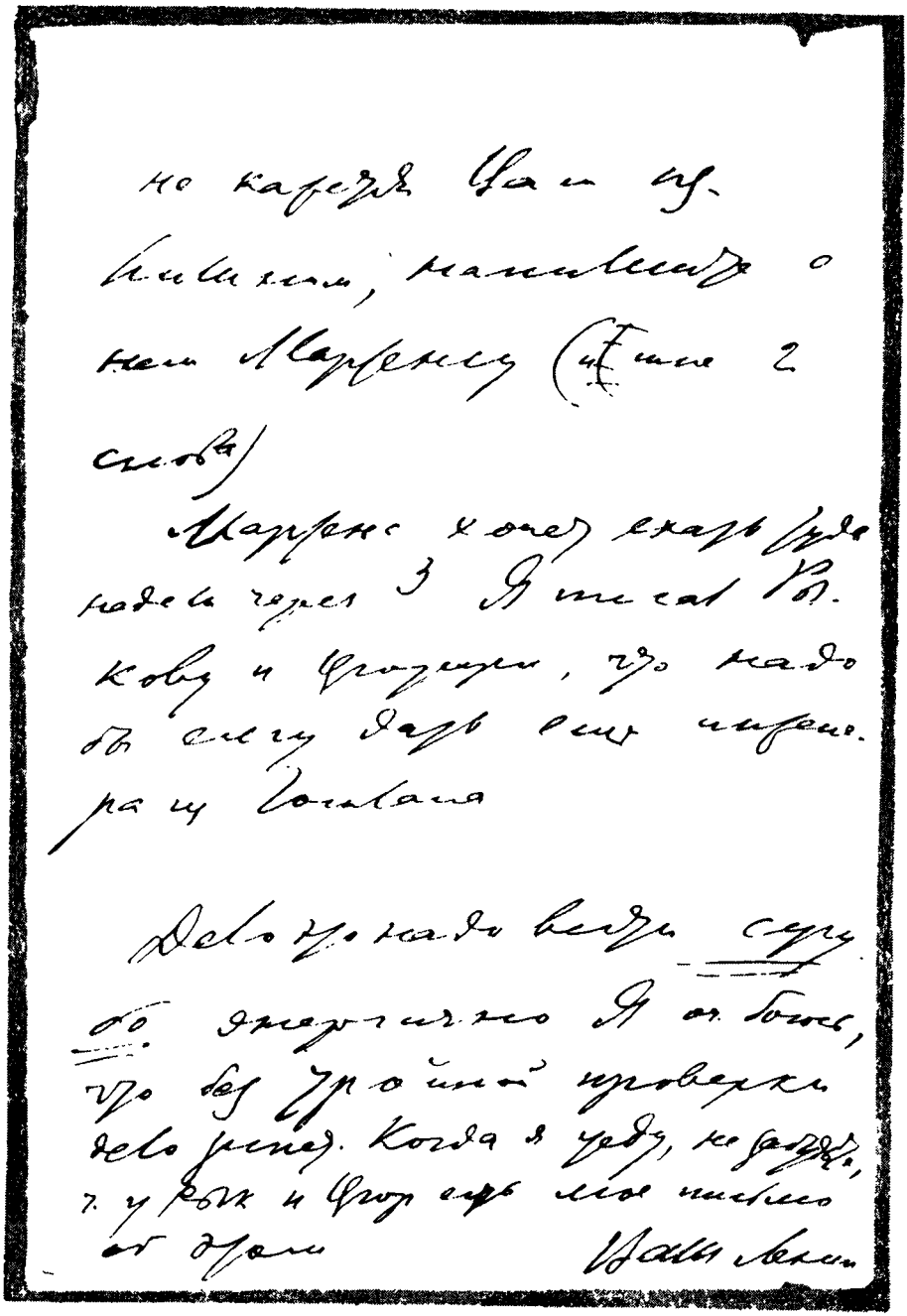
Т. М.!

Вчера Мерзенс мне сказал, что „доказана" (Вы говорили „почти") наличность невиданных богатств завода в Кур-е.

Если так, не надо-ли весной уже — 1) провести там необходимые узкоколейки?

2) подготовить близайшее торфяное болото (или болота?) к разработке для постановки там электр. станции?

Если сие соображение



Письмо В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому
о разведывании района
Курской магнитной аномалии.
6 апреля 1922 г.

Еще в мае 1920 г., ознакомившись с книгой А. Богданова «Краткий курс экономической науки», Ленин в своих замечаниях писал:

«Кажись, ни слова здесь о „диктатуре пролетариата"?!!?

А „Государственное издательство"!! пусть издает?» [297].

Когда в августе 1921 г. Ленину попала в руки изданная Госиздатом книга эсера С. Маслова «Крестьянское хозяйство», он с негодованием писал в Наркомзем и Госиздат: «Из просмотра видно, что — насквозь буржуазная пакостная книжонка, одурманивающая мужичка показной буржуазной „ученой" ложью.

Почти 400 страниц и ничего о советском строе и его политике — о наших законах и мерах перехода к социализму и т. д.

Либо дурак, либо злостный саботажник мог только пропустить эту книгу.

Прошу расследовать и назвать мне *всех* ответственных за редактирование и выпуск этой книги лиц» [298].

Так же резко реагировал В. И. Ленин на изложение «Известиями» в телеграмме, напечатанной 2 февраля 1922 г., содержания брошюрки злейшего врага революции Парвуса. В записке В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК Ленин писал:

«Предлагаю назначить следствие по поводу того, кто поместил на днях в газетах телеграмму с изложением писаний Парвуса.

По выяснении виновного, предлагаю заведующему этим отделом Роста объявить строгий выговор, непосредственно виновного журналиста прогнать со службы, ибо только круглый дурак или белогвардеец мог превратить наши газеты в орудие рекламы для такого негодяя, как Парвус» [299].

Решительно осудил Ленин издание в 1922 г. в Москве статей Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и других реакционных философов в сборнике под названием «Освальд Шпенглер и закат Европы», указав, что это похоже на «литературное прикрытие белогвардейской организации» [300].

Основными проводниками буржуазного влияния и буржуазной идеологии являлись многочисленные частные издательства, усилившие свою деятельность в годы нэпа.

6 февраля 1922 г. в телефонограмме Н. П. Горбунову Ленин поручал ему проверить, «на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в „Известиях" от 5/II, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это» [301]. Ленин предлагал переговорить по вопросам организации надзора за частными издательствами с Наркомюстом, РКИ и ВЧК и приготовить ему срочный ответ в ближайшие дни.

Еще в конце 1921 г. (27 октября) Политбюро ЦК заслушало доклад Наркомпроса о частных издательствах и создало специальную комиссию

[297] «Большевистская печать». Сборник материалов, т. 2. М., 1945, стр. 39.
[298] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 104, 114.
[299] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 381.
[300] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 198.
[301] Там же, стр. 155—156.

по этому вопросу. Вскоре было принято решение ЦК об организации Политотдела Госиздата для обеспечения политической цензуры и руководителем этого отдела был назначен член коллегии Наркомпроса, старый большевик Н. Л. Мещеряков. 18 ноября Политбюро ЦК в присутствии В. И. Ленина дало Н. Л. Мещерякову следующую директиву: «Указать т. Мещерякову... что он ни в коем случае не должен ограничивать в печатании книг теми, которые сочувствуют марксизму, Коминтерну и т. п., но в то же время не допускать изданий явно реакционных направлений, к каковым причисляются книги религиозные, мистические, антинаучные, политически враждебные и т. п.» [302]

XI съезд партии в своем решении «О печати и пропаганде» констатировал «развитие враждебных к Советской власти частных издательств» и обращал внимание партии «на необходимость поставить издательство боевой агитационно-пропагандистской и марксистской литературы», скорейший выпуск марксистских учебников и массовой литературы для молодежи, содействующей ее коммунистическому воспитанию [303]. Эта резолюция основывалась на ленинских указаниях по вопросам партийного руководства печатью.

Из всего многообразия ленинской практики государственного руководства культурным строительством следует выделить только один участок, в отношении которого Владимир Ильич был довольно скуп и осторожен в своих высказываниях, — это вопросы литературы и искусства. Возможно, это объяснялось тем, как писал А. В. Луначарский, что «из своих эстетических симпатий или антипатий Владимир Ильич никогда не делал руководящих идей» [304].

Однако основная принципиальная линия партии и Советского государства по вопросам руководства культурой, в том числе литературой и искусством, была с предельной ясностью высказана и зафиксирована В. И. Лениным прежде всего в наброске его известной резолюции «О пролетарской культуре», написанной 8 октября 1920 г. Подготовленная накануне первого Всероссийского съезда Пролеткульта резолюция была нацелена против ошибочной теории и практики пролеткультовских организаций, противопоставлявших марксизму свои «особые идеи» (в данном случае взгляды А. А. Богданова, раскритикованные Лениным еще в его работе «Материализм и эмпириокритицизм»), провозгласивших «независимость» Пролеткульта от партии и государства, проповедовавших полный разрыв связей и отказ от культурного наследства прошлого.

Поэтому четыре тезиса ленинского наброска резолюции «О пролетарской культуре» гласили:

«1. Не особые идеи, а марксизм.

2. Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов, *существующей* культуры *с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры.

3. Не особо от НКПроса, а как часть его, ибо РКП + НКПрос = = Σ пролеткульта.

[302] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 232, л. 4.
[303] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 644, 645.
[304] А. В. Луначарский. Рассказы о Ленине. М., 1966, стр. 29.

4. Тесная связь и соподчинение Пролеткульта НКПросу...»[305]

Таким образом, ленинская линия в вопросах культуры требовала обязательности партийного руководства всеми участками культурного строительства, критиковала нигилизм Пролеткульта в отношении к культурному наследству прошлого и рассматривала проблемы культуры как составную часть общего процесса социалистического строительства.

В течение 1921 и 1922 гг. Ленин неоднократно возвращался к критике ошибок Пролеткульта, он резко осудил «платформу» одной из пролеткультовских групп под названием «Мы — коллективисты» и в письме к членам Политбюро ЦК от 2 декабря 1921 г. потребовал открытого разоблачения и обстоятельнейшей критики ее взглядов[306].

По инициативе В. И. Ленина была проведена широкая дискуссия с пролеткультовцами на страницах «Правды» в октябре 1922 г. Поводом для этой дискуссии послужило опубликование в «Правде» 27 сентября статьи председателя Пролеткульта В. Ф. Плетнева «На идеологическом фронте». Ленин внимательно прочитал статью, сделал многочисленные критические замечания на ее полях[307] и в тот же день написал редактору «Правды» Н. И. Бухарину: «Посылаю Вам сегодняшнюю „Правду“. Ну зачем печатать глупости под видом важничающего всеми учеными и модными словами фельетона Плетнева? Отметил 2 глупости и поставил ряд знаков вопроса. Учиться надо автору не „пролетарской“ науке, а просто учиться. Неужели редакция „Правды“ не разъяснит автору его ошибки? Ведь это же *фальсификация* исторического материализма! Игра в исторический материализм!»[308]

Выполняя указания Ленина, «Правда» опубликовала 8 октября статью Н. К. Крупской, а 24 и 25 октября статьи Я. А. Яковлева «О „пролетарской культуре“ и Пролеткульте». Предварительно, 19 октября Ленин беседовал с Я. А. Яковлевым о содержании его статей, а 23 октября, накануне их опубликования, с И. В. Сталиным, Н. И. Бухариным и Я. А. Яковлевым о деятельности Пролеткульта. Это позволяет с уверенностью утверждать, что в статьях Я. А. Яковлева нашла несомненное отражение точка зрения и позиция самого Владимира Ильича.

Открытая дискуссия с пролеткультовцами и разоблачение их вульгаризаторских и сектантских взглядов имели большое значение для закрепления правильной ленинской линии партии во всех областях культурного строительства, в том числе в области искусства и литературы.

Если обратиться к конкретным указаниям Ленина, то на первом месте здесь следует поставить кино и вопросы киноделa. Знаменитые ленинские «директивы по киноделу» известны нам по записи, сделанной под диктовку Владимира Ильича Н. П. Горбуновым 17 января 1922 г.[309]

Ленин дал в них целую программу деятельности фотокиноотдела Наркомпроса. Он писал о соотношении чисто увеселительных картин «специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрре-

[305] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 462.
[306] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 266.
[307] Замечания В. И. Ленина на статью В. Плетнева см.: «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1960, стр. 567—569.
[308] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 291.
[309] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 360—361.

волюции)» и картин пропагандистского содержания, например «Из жизни народов всех стран» (колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги Наций и т. д.).

«Специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна» [310], — говорилось в заключение ленинской директивы.

Этот последний вопрос — роль кино для широких масс — особенно интересовал Ленина. Поэтому он сразу откликнулся на предложение заведующего фотокиноотделом Наркомпроса, старого большевика П. И. Воеводина об организации «автокино» и в сентябре 1921 г. поручил Н. П. Горбунову послать на отзыв это предложение [311].

Ленин продумывал также вопрос о переговорах с иностранными фирмами, в частности с итальянской кинематографической фирмой (представитель которой коммунист Кароти приехал для этой цели в Москву) относительно концессий на съемку и покупку фильмов в России и эксплуатации этих фильмов в Италии, чтобы скорее поднять кинематографическое производство. «Дело это я считаю чрезвычайно важным *и спешным*» [312], — писал он и поручил немедленно созвать соответствующее совещание.

В письме к Е. А. Литкенсу от 16 декабря 1921 г. Ленин предложил образовать специальную комиссию для рассмотрения вопроса об организации всего киноделa в России [313].

После передачи Н. П. Горбуновым ленинских директив по киноделу в Наркомпрос Ленин неоднократно давал поручение секретариату СНК проверить, что фактически сделано, как обстоит дело с арендой кинотеатров в Москве, кто в НКВТ и ВСНХ отвечает за кинопромышленность, как привлекается иностранный капитал и т. д. Он требовал, чтобы за это дело взялись энергично и довели до конца, прибегая, в случае надобности, к его помощи [314].

Наибольший интерес для понимания ленинских установок в области кино представляет запись А. В. Луначарского его беседы с В. И. Лениным по этому вопросу в феврале 1922 г.[315]

«Большая беседа моя с Ильичем о кино была вызвана, — рассказывал А. В. Луначарский, — острым его интересом к киноделу». Владимир Ильич подробно расспрашивал Луначарского о положении кино в России и особенно подчеркивал, что *«производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающих советскую действительность, надо начинать с хроники...»* [316]

[310] Там же, стр. 361.
[311] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 41.
[312] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 270—271.
[313] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 75. Речь шла о переводе киноделa на хозяйственный расчет, о передаче в ВСНХ фотокинопроизводства и оставлении в ведении Наркомпроса лишь съемки фильмов и их проката.
[314] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 56.
[315] Беседа В. И. Ленина с А. В. Луначарским в феврале 1922 г. записана Луначарским по просьбе Г. Болтянского — автора книги «Ленин и кино», вышедшей в свет в 1925 г.
[316] Уже в октябре 1920 г. в Кремле в присутствии Ленина были показаны первые кадры кинохроники, посвященные Гидроторфу, созданные по инициативе В. И. Ленина.

«Если вы будете иметь хорошую хронику, серьезные и просветительные картины, — говорил далее Ленин, — то неважно, что для привлечения публики пойдет при этом какая-нибудь бесполезная лента, более или менее обычного типа. Конечно, цензура все-таки нужна. Ленты контрреволюционные и безнравственные не должны иметь места». К этому Владимир Ильич прибавил: «По мере того, как вы станете на ноги, благодаря правильному хозяйству, а может быть и получите при общем улучшении положения страны известную ссуду на это дело, *вы должны будете развернуть производство шире, в особенности продвинуть здоровое кино в массы в городе, а еще более того в деревне*».

Затем, улыбаясь, Владимир Ильич добавил:

«Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [317].

Так и вошли в историю советского кино эти широко известные ленинские слова.

Ленин и театр... В 1967 г. вышла в свет монография [318], посвященная истории Московского Художественного театра и шести ленинским посещениям МХАТ и его первой студии. Автор пишет о том, что до сих пор историки театра с некоторым чувством растерянности и даже горького недоумения останавливались перед отдельными и довольно резкими высказываниями В. И. Ленина, которые он дал, например, в своей телефонограмме А. В. Луначарскому от 26 августа 1921 г.: «Все театры советую положить в гроб. Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте» [319]. Несколько раньше, в начале августа, Ленин об этом же напоминал М. Н. Покровскому: «Тов. Луначарский приехал. Наконец! Запрягите его, христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр. Не позволяйте на театр!!» [320]

Очевидно, эти ленинские слова следует рассматривать не в свете его отношения к театру вообще, а только в связи с той трудной обстановкой, которая сложилась в 1921 г. [321] Понятно возмущение Ленина, когда он получил 2 сентября 1921 г. докладную записку Наркомфина, где приводился следующий факт: «по смете Наркомпроса расход на содержание театров исчислен в 29 миллиардов, а на высшие учебные заведения в 17 миллиардов». Ленин подчеркнул эти цифры и на полях написал «безобразие!!» [322] В записке Н. П. Горбунову Ленин запрашивал его: «Как можно было терпеть до сих пор указанные в этой бумаге безобра-

[317] Г. Болтянский. Ленин и кино. М., 1925, стр. 16—19. Подчеркнуто Болтянским для выделения, как он писал, наиболее важных мыслей Владимира Ильича.

[318] Сим. Дрейден. В зрительном зале — Владимир Ильич. М., 1967.

[319] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 142. Ленинская телефонограмма являлась ответом на письмо А. В. Луначарского, в котором он предлагал провести некоторые меры по реорганизации Московского Художественного театра и указывал, что если его предложения не будут приняты, то театр будет «положен в гроб». Таким образом, эти слова принадлежали самому Луначарскому, и Ленин лишь повторил и использовал их в своей телефонограмме (см. там же, стр. 405, прим.).

[320] Там же, стр. 92.

[321] Отметим, что в книге Сим. Дрейдена приведенные ленинские высказывания получили совершенно правильное объяснение.

[322] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 157—158.

зия? в частности, у НКпроса перерасход на театры?», и предлагал переслать эти материалы в Наркомфин, РКИ и председателю Малого СНК для внесения в Совнарком проектов постановлений о мерах борьбы с такого рода нарушениями закона [323]. Через два дня (4 сентября 1921 г.) Ленин в письме к В. М. Молотову указывал, что решение Президиума ВЦИК о выдаче 1 млрд. на театры, *помимо сметы Наркомпроса*, — «верх безобразия», и потребовал отмены этого решения через Политбюро ЦК [324].

В начале 1922 г. опять обсуждался вопрос о сокращении расходов на академические театры и даже о возможности временного закрытия Большого театра в Москве в связи с большими финансовыми трудностями. 12 января 1922 г. Ленин внес в Политбюро следующие предложения по вопросу о сохранении Большой оперы и балета:

«...Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться, т. е. устранением всяких крупных расходов на обстановку и т. п.

...Из сэкономленных таким образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию безграмотности и на читальни» [325].

В конце 1922 г. Ленин продолжал настаивать на известном сокращении субсидии академическим театрам и о переводе части освободившихся средств на народное образование. Но эти ленинские указания были вызваны только и исключительно большими трудностями экономической обстановки в стране, ни в какой мере не означали недооценки огромного значения академических театров и тем более не вытекали из отношения партии и В. И. Ленина к театральному искусству. Всякий раз, когда это было действительно необходимо и возможно, Ленин приходил на помощь театру, стремясь бережно сохранить все по-настоящему ценное и значительное, что давали лучшие традиции передового русского театра. При всех трудностях Большой театр продолжал получать необходимые субсидии от государства, а МХАТу по указаниям Ленина [326] были выделены специальные ассигнования, в частности для возвращения в Россию группы артистов Художественного театра, в течение трех лет гастролировавших за границей.

Ленинские письма в Наркомпрос о финансировании театров и о соотношении бюджетных ассигнований на театры и народное образование представляют особый интерес прежде всего с той точки зрения, что позволяют понять, как конкретно и повседневно Ленин руководил Наркомпросом, умея вовремя поправить и нацелить его работу на решение первоочередных для данного этапа задач.

Так как Владимиру Ильичу «всегда был чужд дилетантизм, — писал А. В. Луначарский, — то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были определенны. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в театре, в живописи» [327].

Известно, что Ленин очень заботился о широком издании русских классиков, горячо поддерживал деятельность А. М. Горького и организо-

[323] См. там же, стр. 158.
[324] Там же, стр. 170.
[325] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 110.
[326] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 56.
[327] А. В. Луначарский. Указ. соч., стр. 25.

ванного им издательства «Всемирная литература», которое выпускало лучшие произведения мировой классики. В отношении рождающейся и развивающейся советской литературы Ленин только однажды выразил свое мнение в двух письмах к А. В. Луначарскому и М. Н. Покровскому от 6 мая 1921 г. и только по одному вопросу — о необходимости самой решительной борьбы с футуризмом и сокращения тиража поэмы В. В. Маяковского «150 000 000», которая Ленину не понравилась [328].

Политбюро ЦК, особенно в 1922 г., неоднократно обсуждало задачи руководства литературой и в повестке дня его заседаний стояли вопросы «о молодых писателях и художниках» (6 июля 1922 г.), «о молодых поэтах» (20 июля 1922 г.), «об издательстве молодых поэтов» (17 августа 1922 г.) и т. д. 6 июля было внесено предложение о создании художественного издательства (при государственной субсидии), которое находилось бы под контролем Госиздата, но носило беспартийный характер и «давало бы достаточный простор для всяких художественных тенденций и школ, развивающихся в общесоветском направлении». Была создана специальная комиссия ЦК по этим вопросам, а 17 августа принято решение об организации специального издательства молодых поэтов общества «Круг» на акционерных началах с вложением Госиздатом средств и при наличии в руках Госиздата контрольного пакета акций.

Политбюро нередко поручало своим членам и руководителям партии и правительства прочесть тот или иной рассказ или повесть и высказать свое мнение.

Все приведенное представляет собой только самый краткий обзор, который имел своей целью показать по возможности некоторые стороны огромного организующего и направляющего влияния Ленина буквально на всех участках деятельности Наркомпроса.

Всеобъемлющий и всесторонний опыт ленинского руководства всеми сторонами культурного строительства позволил ему в итоге теоретически обобщить и осмыслить этот опыт, поднять его на новую ступень, создав учение о культурной революции. В своих последних статьях, особенно в статьях «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции» В. И. Ленин гениально определил основные задачи, содержание и закономерности этой революции как составной части социалистической революции и всех великих социалистических преобразований эпохи пролетарской диктатуры.

Такая культурная революция, учил Ленин, возможна лишь после завоевания власти пролетариатом, когда создаются все условия для подлинного культурного подъема самых широких народных масс. В ленинском понимании речь шла в данном случае не о «революции сверху», а именно о том, что «нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [329], ибо только действительное участие действительных масс населения в борьбе за культурную революцию, при огромной помощи и организующей роли социалистического государства и Коммунистической партии могут обеспечить ее решающие успехи.

Это был великий вклад В. И. Ленина в теорию марксизма, в учение о социалистическом преобразовании советского общества.

[328] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 179—180.
[329] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 372.

Глава одиннадцатая

В. И. ЛЕНИН — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НОВОГО ТИПА

1.

О некоторых чертах ленинской школы партийного и государственного руководства

После конкретного изучения практики государственной работы Ленина можно перейти к попытке некоторого обобщения тех основных черт стиля его руководства, которые были свойственны ему как государственному деятелю нового типа. В. И. Ленин был первым в истории главой правительства победившей пролетарской диктатуры, и он впервые продемонстрировал силу и значение революционной марксистской теории, когда на ней зиждется все руководство государством.

Только за период 1917—1923 гг. Ленин создал огромное количество работ, составляющих сейчас 16 томов Полного собрания сочинений (11 основных томов — тт. 35—45 и 5 томов переписки — 50—54 тт. послеоктябрьского периода). Среди этих работ — крупнейшие теоретические исследования, прокладывающие новые пути в науке, — такие, как «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь „левизны" в коммунизме», «О продовольственном налоге» и многие другие работы и статьи, даже небольшие по объему («К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», последние ленинские статьи), которые теоретически осмысливали и обобщали вопросы строительства государства пролетарской диктатуры. Уже один этот факт служит лучшим доказательством ленинского умения сочетать государственную работу с научной. Государственная деятельность Ленина научна по самому своему существу, она основана на творческом овладении и развитии теории научного коммунизма, на познании законов общественного развития и их использовании в интересах всего общества, в интересах народа и строительства социализма.

Ленин, как писал о нем Горький, был не просто «служителем идеи», он был «творцом идеи». Несокрушимая правильность теории научного коммунизма, которая лежала в основе его деятельности и всегда применялась им творчески, объясняла исключительную силу ленинского

предвидения, его совершенно изумительную проницательность и прозорливость.

Это свойство ленинского гения А. М. Горький объяснял не только силой его познающего разума, силой марксистской теории, но и тем, что Горький называл «высотой точки наблюдения, которая возможна только при наличии редкого умения смотреть на настоящее из будущего» [1].

Способность смотреть на настоящее из будущего позволяла Владимиру Ильичу на много лет вперед определять основные задачи и программу социалистического строительства в СССР и намечать примерные сроки великих социальных преобразований.

«В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен, — говорил Ленин в октябре 1922 г., — у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым, как он был, — в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся» [2].

Для осуществления плана ГОЭЛРО Ленин, как известно, намечал 10—15-летний срок, а о сроках реализации кооперативного плана писал, что на это понадобится не менее одного—двух десятилетий. Как мы знаем сейчас, эти ленинские предсказания полностью оправдались и в вопросе о темпах, и в вопросе о сроках.

Одной из важнейших черт ленинского государственного руководства являлось также умение определить решающую для данного этапа задачу, умение найти основное звено в цепи. Для 1921 г. таким решающим звеном являлся экономический подход к крестьянству, поиски экономической политики, а затем овладение торговлей для обеспечения союза с крестьянством.

Марксистская теория служила Ленину вернейшим компасом для решения очередных экономических и политических задач. Он всегда давал образцы строжайшего марксистского анализа экономических явлений и соотношения классовых сил и учил этому кадры партии.

Государственная деятельность Ленина была примером подлинной *партийности* руководства, последовательного и неуклонного осуществления политической линии партии как руководящей и направляющей силы Советского государства. Невозможно поэтому отделить Ленина — руководителя Советского правительства и Ленина — вождя Коммунистической партии.

Во всей своей работе на посту председателя Совнаркома и СТО Ленин всегда руководствовался волей партии, опирался на коллективный разум партии и ее боевого штаба — ЦК партии.

Совнарком и СТО под председательством Ленина были подлинно коллективными органами руководства, и Владимир Ильич требовал строжайшего соблюдения всех правил голосования и учета мнений всех членов Совнаркома при принятии решения. Если большинством голосов Совнарком принимал постановления, с которыми Ленин не был

[1] «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». М., 1958, стр. 287.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 247.

согласен, он подчинялся этому решению или (если вопрос имел принципиальное значение) переносил его в высшую инстанцию — во ВЦИК или Политбюро ЦК. Даже при использовании своих прав председателя Ленин добивался полного соблюдения прав СНК как коллективного органа. Так, в июле 1920 г., в своей записке секретарю он просил провести опрос всех членов Совнаркома, «согласны ли они вставить в (утвержденную вчера) „конституцию" Малого Совета добавление, что дела могут также поступать на рассмотрение Малого Совета *по предложению Председателя Совнаркома*» и «записать тут же ответы всех» [3].

Во взаимоотношениях *внутри партии* и, в первую очередь, внутри ЦК принципы коллективного руководства соблюдались Лениным неукоснительно и, можно сказать, с особой щепетильностью. Как часто в своих письмах и записках Ленин писал: «Без созыва Политбюро я не могу дать никакого ответа» [4]; «Решать будет, разумеется, Цека. Мои предварительные соображения таковы...» [5]; «Попрошу пленум ЦК голоснуть: одобряет ли он сие? разрешает ли мне в докладе сказать все это от ЦК?» [6]

Когда Ленин писал политически важную статью, определяющую линию партии в каком-нибудь принципиальном вопросе, он обычно обращался за разрешением в Политбюро ЦК. Так было, например, со статьей «Мы заплатили слишком дорого», в которой давалась критика поведения Н. И. Бухарина и К. Б. Радека на конференции представителей трех Интернационалов. Ленин просил поставить эту статью на голосование членов Политбюро и в случае одобрения «не возражать против помещения настоящей статьи т. Ленина во вторник в „Известиях" и „Правде"» [7].

Широко известен и много раз цитировался в последние годы ответ В. И. Ленина А. А. Иоффе по поводу его совершенно несправедливых упреков в нарушениях принципов коллективного руководства. «Вы ошибаетесь, — с большим волнением писал Владимир Ильич, — повторяя (неоднократно), что „Цека — это я". Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. Старый Цека (1919—1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК.

Зачем же так нервничать, что писать **совершенно невозможную, совершенно невозможную** фразу, будто Цека — это я. Это переутомление» [8].

Подлинная партийность в работе Ленина определяла его суровую непреклонность, твердость, решительность и непримиримость в борьбе с врагами, с теми, кто мешал, тормозил, срывал победный путь к социализму.

Ленин питал поистине страстную ненависть к эксплуататорам, поработителям, угнетателям, он резко бичевал все формы угнетения и нацио-

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 205.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 14.
[5] Там же, стр. 21.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 57.
[7] Там же, стр. 145.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 100.

нального порабощения, раскрывал до конца хищническую природу, политику и идеологию международного империализма во всех ее проявлениях.

Он требовал всегда непримиримой борьбы с агентурой империализма в международном рабочем движении — оппортунистами II Интернационала, меньшевиками и эсерами в России. «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы» [9], — писал он в одном из своих писем в Сибирь в марте 1920 г.

Когда Ленин узнал, что А. В. Пешехонов, бывший в 1917 г. министром продовольствия Временного правительства, работает на Украине и используется на статистической и продовольственной работе, он писал в Наркомпрод М. И. Фрумкину: «Роль Пешехонова (хуже всякого белогвардейца), который явно водил за нос украинский Цека (через кого он это делал, мы еще не знаем, но узнаем), мы вскроем до конца». Ленин предлагал немедленно выяснить этот вопрос и «*не дать* себя провести за нос Пешехоновым и тем, кто обманут Пешехоновыми» [10]. Об этом же он писал несколько дней спустя члену коллегии ВЧК на Украине В. Н. Манцеву, требуя «установить *полное* наблюдение за Пешехоновым» и пешехоновцами и «добиться немедленной отставки Пешехонова и отправки в Москву» [11].

Такой же резкий протест Владимира Ильича вызвало использование на работе в Берлине, в советском Бюро иностранной науки и техники, известного меньшевика Р. А. Абрамовича, которого принял на работу в этом бюро старый большевик Н. М. Федоровский. Узнав об этом, Ленин предложил следующий проект решения Оргбюро ЦК:

«(а) уволить Абрамовича тотчас;

(б) поручить Федоровскому тотчас же представить объяснения, как мог он, без согласия Цека, принять на службу (или дать работу) Абрамовича.

(Федоровского за это надо *наказать* примерно)» [12].

«Ни в коем случае», — такова была резолюция Ленина на телеграмме из советского представительства в Берлине от одного из его работников, бывшего бундовца Ионова (Ф. М. Койгена), с предложением об использовании в заграничных органах Центральной комиссии помощи голодающим меньшевиков и эсеров. «Как может он предлагать меньшевиков и социалистов-революционеров? — писал Ленин Г. В. Чичерину 3 августа 1921 г. — Тут что-то очень худое открывается или приоткрывается» [13], — этими словами Ленин заканчивал свое письмо.

В январе 1922 г. в письме В. М. Молотову для всех членов Политбюро ЦК Ленин предложил «*отменить* решение о разрешении Чичерину привлечь *Суханова* и Иорданского» в качестве «спецов»-экспертов на Генуэзской конференции, указывая, что «болтун Суханов ничего не даст кроме *вреда*. Иорданский тоже. *Архивредно*» [14].

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 156.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 62—63.
[11] Там же, стр. 65—66. А. В. Пешехонов в 1922 г. за участие в контрреволюционной организации «Союз возрождения» был выслан за границу.
[12] Там же, стр. 263.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 91.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 134.

В проекте директивы членам Генуэзской делегации от 1 февраля 1922 г. Ленин вновь напомнил, что «ввиду многократно доказанного стремления наших спецов вообще и меньшевиствующих особенно надувать нас (и надувать очень часто успешно), превращая заграничные поездки в отдых и в орудие укрепления белогвардейских связей, ЦК предлагает ограничиться абсолютнейшим минимумом из наиболее надежных экспертов, с тем чтобы каждый имел письменное ручательство и от соответствующего наркома и от нескольких коммунистов» [15].

«Я не сомневаюсь, — писал Ленин в январе 1922 г., — что меньшевики усиливают теперь и будут усиливать свою самую злостную агитатацию». Поэтому он предлагал дать немедленно открытый бой меньшевикам в печати, разъяснить злостный белогвардейский характер отдельных меньшевистских выступлений, обратиться «с внушительным призывом к партии подтянуться» [16] и дать директиву судам *усилить* репрессии против меньшевиков [17]. Особенно Ленин настаивал на том, чтобы в советской и партийной прессе был подробно вскрыт точный факт «фактической связи между с.-р. и меньшевиками, правым крылом обеих этих партий, и международной буржуазией» [18]. Этим объяснялось также большое значение, которое он придавал, в частности, подготовке открытого процесссса над правыми эсерами, состоявшегося в Москве в мае 1922 г. и вскрывшего до конца полный переход этой партии на позиции контрреволюции и защиты интересов мировой буржуазии.

В отчетном докладе ЦК на XI съезде партии Ленин уделил большое внимание разоблачению идеологии капиталистической реставрации и искажению сущности нэпа со стороны меньшевиков и эсеров.

«И когда меньшевик говорит: „Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе“, — то мы ему на это говорим: „За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое“» [19]. «Либо вы потрудитесь, — говорил далее Ленин о меньшевиках и эсерах, — от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины» [20].

Известно, что во время чистки партии в 1921 г. Ленин давал прямые указания об очищении партии прежде всего от выходцев из других партий, от бывших меньшевиков, «перекрасивших „фасад“, но оставшихся в душе меньшевиками» [21]. Это было принципиально важное указание, оно выполнялось неукоснительно. Но сила и особенность ленинского руководства в том и заключались, что, требуя самой решительной твердой и бескомпромиссной борьбы с меньшевиками и эсерами, принимая все необходимые меры репрессий против них, призывая партию к бдитель-

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 376.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 130—131.
[17] См. там же, стр. 148, 149.
[18] В. И. Ленин. Полп. собр. соч., т. 45, стр. 145.
[19] Там же, стр. 89.
[20] Там же, стр. 90.
[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 124.

ности, он умел одновременно предостеречь против огульного выполнения этой директивы по отношению ко всем без исключения выходцам из других партий. Так, например, когда московская комиссия по проверке и очистке партии исключила из рядов РКП (б) работника Наркомпроса, члена президиума Главполитпросвета Л. Г. Шапиро, в прошлом меньшевика, вступившего в Коммунистическую партию в 1918 г., Ленин направил в комиссию свое письмо, в котором «ходатайствовал», как он писал, о пересмотре дела и специально напоминал, что его статья в печати о ненадежности меньшевиков и бундистов, вступивших в РКП(б), «нередко понималась в том смысле, что надо исключать всех их. Я считаю долгом поэтому указать, что индивидуальный разбор каждого случая считал и считаю необходимым...» [22]

В. И. Ленин просил также учесть мнение А. С. Енукидзе, который свидетельствовал, что «меньшевик Шапиро *еще до* Октябрьской революции *начал выступать против* меньшевиков», добавляя, что «т. Енукидзе, член партии с 1898 года, принадлежит к той старой партийной гвардии, которая собственно и должна проверять и чистить нашу партию. Всякое показание из рядов этой старой гвардии заслуживает, по моему убеждению, тройного внимания» [23]. В заключение Ленин просил принять во внимание его соображения, вызвать в губернскую комиссию по чистке А. С. Енукидзе, чтобы добиться правильного решения и не допустить малейшей возможности влияния «интриг» и «слухов» при решении вопроса о судьбе члена партии.

Общая и неизменная ленинская оценка меньшевиков и эсеров и их антисоветской позиции после Октябрьской революции, необходимость самой решительной борьбы с ними и их последовательного разоблачения никогда не исключала у Ленина обязательности индивидуального подхода к отдельным представителям этих партий, возможности преодоления ими заблуждений и ошибок, полного разрыва с прошлым, а в отдельных случаях честного и искреннего вступления в Коммунистическую партию.

Быть может, особенно наглядно этот ленинский подход к вопросу выразился в его статье-некрологе «Памяти тов. Прошьяна», написанной еще в декабре 1918 г. Именно о левом эсере П. П. Прошьяне Ленин говорил, что он «выделялся сразу глубокой преданностью революции и *социализму*» и этим отличался от большинства левых эсеров. Даже несмотря на полное расхождение с Прошьяном в период заключения Брестского мира, Ленин считал возможным, что в новой обстановке, после победы революции в Германии, «новое — более прочное, чем прежде, — сближение Прошьяна с коммунизмом было бы неизбежно, если бы этому сближению не помешала преждевременная смерть» [24].

Однако и в данном конкретном случае, и на примере Прошьяна, Ленин продолжал выделять не индивидуальное и частное, а общее и основное, указывая, что «разногласия в общих основах миросозерцания» с неизбежностью проявляют себя при каждом «трудном повороте истории» [25].

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 52.
[23] Там же, стр. 53.
[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 384—385.
[25] Там же, стр. 385.

Этот ленинский вывод имел прямое отношение и к борьбе с антипартийными группировками и уклонами внутри партии. Мы уже видели, как решительно и резко Ленин выступал против троцкистов, бухаринцев, децистов, «рабочей оппозиции» в период профсоюзной дискуссии. В резолюции X съезда партии «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» прямо говорилось о признании пропаганды взглядов «рабочей оппозиции» несовместимой с принадлежностью к партии. Позже, летом 1921 г., в наброске плана брошюры о «деклассированности» Ленин подчеркнул «Связь бывшей „рабочей оппозиции" с меньшевиками (Дан) и с.-р.» [26]. Ленинская резолюция «О единстве партии», принятая X съездом РКП(б), ставила перед коммунистами задачу непримиримой борьбы с фракционностью, с антипартийными уклонами, со всякими проявлениями оппортунизма, за обеспечение единства партии и самой строгой, железной дисциплины в ее рядах.

Когда это было действительно необходимо, Ленин требовал применения самых суровых мер партийного взыскания, вплоть до исключения из партии, и идейного разоблачения по отношению к членам антипартийных оппозиций. Но одновременно Владимир Ильич придавал также большое значение методам идейного убеждения и перевоспитания отдельных представителей оппозиции, добиваясь, как он говорил, их *лечения*, чтобы помочь освободиться от неправильных взглядов, признать свои ошибки и опять стать на правильные партийные позиции.

После создания решением IX партийной конференции в сентябре 1920 г. Центральной Контрольной Комиссии Ленин в проекте постановления Политбюро рекомендовал в качестве особого задания для Контрольной Комиссии «внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро Цека и т. п.» [27]

Как это следует делать, Ленин показал в своих известных письмах лидерам «рабочей оппозиции» Ю. Х. Лутовинову и Г. И. Мясникову. Получив в мае 1921 г. письмо Лутовинова с необоснованными жалобами, обидами и даже с обвинениями в адрес ЦК в якобы «фракционной тенденциозности» по отношению к «рабочей оппозиции», Ленин последовательно и абсолютно точно опроверг каждое из этих «обвинений» и предложил не составлять своих «убеждений раньше проверки фактов, кои нетрудно проверить», не пользоваться легкомысленно подобранными слухами и сплетнями, преодолеть «настроение недовольства» и желание «во что бы то ни стало играть в оппозицию и кричать, ни к селу ни к городу, о протекционизме, о закомиссарившихся, о системе и проч.» [28]

Обращаясь к Лутовинову, Ленин указывал, что если речь идет пока лишь о неправильных *настроениях* (а «настроение — нечто почти слепое, бессознательное, непродуманное»), то надо не дать этим настроениям перерасти в ошибочные «убеждения». Поэтому он и советовал в заклю-

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 459.
[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41. стр. 394.
[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 226, 227.

чение письма: «По старой дружбе скажу: нервы надо полечить. Тогда явится рассуждение, а не настроение» [29].

В значительно более резкой форме Ленин разоблачал антипартийные взгляды Г. И. Мясникова, изложенные в его статьях и выступлениях, а также в докладной записке в ЦК РКП(б). Ознакомившись с этими статьями, Владимир Ильич сначала, в письме от 1 августа 1921 г., потребовал некоторых дополнительных разъяснений [30], а 5 августа написал Г. И. Мясникову большое письмо, подвергнув самой суровой критике его ошибочные взгляды и предложения о разрешении «свободы печати». Не оставив камня на камне от этих взглядов, Ленин предупреждал Мясникова: «Вы позволили себя увлечь панике и по этой наклонной плоскости докатились до того, что выходит нечто похожее на основание вами новой партии или на ваше самоубийство» [31].

Считая своим долгом, как писал Ленин, все сделать, чтобы постараться убедить автора в его неправоте, Владимир Ильич советовал не настаивать «из ложного самолюбия... на явной политической ошибке („свобода печати"), а, выправив нервы, поборов в себе панику» [32], взяться за деловую работу, которая единственно может помочь медленно, но действительно излечить болезнь.

Г. И. Мясников, как известно, не последовал этим советам. 22 августа 1921 г. Оргбюро ЦК признало его взгляды не совместимыми с интересами партии, запретив ему выступления со своими «тезисами». Мясников не подчинился решению ЦК, организовал антипартийную группу, и тогда В. И. Ленин в письме к В. М. Молотову и всем членам Политбюро от 5 декабря 1921 г. предложил обсудить вопрос о Мясникове в Политбюро и принять решительные меры [33]. 20 февраля 1922 г. Политбюро утвердило решение комиссии ЦК об исключении Мясникова из партии за грубое нарушение дисциплины и антипартийную деятельность [34].

Если даже по отношению к таким людям, как Мясников, Ленин считал возможным испробовать сначала методы убеждения, прежде чем пойти на решительное отсечение и изгнание из партии, то тем более понятен его решительный протест против попыток «толкать в уклон» тех, кто на самом деле ни в какой уклон от линии партии не впадал. Когда в сентябре 1921 г. в Петроградской партийной организации возник конфликт, вызванный недовольством партийных и советских работников бюрократическими методами руководства Г. Е. Зиновьева и последний пытался объяснить этот конфликт якобы наличием разногласий по принципиальным вопросам, Ленин от имени комиссии ЦК, созданной для разбора этого конфликта (в комиссию входили кроме В. И. Ленина И. В. Сталин и В. М. Молотов), писал 29 сентября 1921 г. Зиновьеву: «По-прежнему не можем согласиться с Вами. В Москве были крупные принципиальные разногласия, была „рабочая оппозиция", осужденная съездом партии за „уклон", не только московский, а общерусский, с длинной историей этого уклона.

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 224, 229.
[30] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 85—86.
[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 81.
[32] Там же, стр. 82.
[33] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 58—59.
[34] См. там же, стр. 576, прим. Г. И. Мясников в дальнейшем выехал (или был выслан) за границу и долгие годы подвизался в рядах белогвардейской эмиграции.

В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет даже уклона к уклону... Не могли эти товарищи так внезапно впасть в уклон. Ни тени фактов мы не видим, доказывающих это» [35]. Далее Ленин разъяснял истинное положение дел в Петроградской партийной организации и меры, необходимые для действительной ликвидации конфликта: «Есть законное желание большинства быть большинством и заменить ту группу, через которую Вы „управляли" другою. Люди выросли, и уже потому их желание законно.

Не надо их толкать в уклон, говоря о „принципиальных разногласиях". Надо осторожно осуществить *идейное* руководство, *вполне* давая новому большинству быть большинством и *управлять*. Мы уверены, что, захотев этого, Вы вполне достигнете такой цели, а „старой группе" поможете переместиться в иной город и освежиться» [36].

Непримиримость в борьбе с классовыми врагами, с мелкобуржуазными партиями, как их прямыми пособниками, с антипартийными уклонами и всякими отступлениями от линии партии являлась основной чертой ленинской школы партийного и государственного руководства. Это не исключало, а лишь подтверждало ленинское требование «осторожно осуществить *идейное* руководство», отличать подлинную непримиримость от мнимой, нанося удары только по действительным врагам и противникам пролетарской диктатуры и тем представителям и членам антипартийных группировок, которые угрожали единству партии и вели борьбу против политической линии партии и ее идейных основ.

Ленинская школа коммунистической партийности имела неоценимое значение не только для стоящей у власти Российской Коммунистической партии, но и для всего мирового коммунистического движения. Коммунистический Интернационал, основанный Лениным, сплачивая силы коммунистов во всем мире, окреп в борьбе со всеми разновидностями международного оппортунизма и ревизионизма. Огромная работа Ленина по руководству Коминтерном и мировым коммунистическим движением выходит за рамки данной книги. Но была здесь одна сторона, которая непосредственно связана с государственной деятельностью Ленина и с ленинской школой государственного управления. Речь идет о школе интернационального воспитания, о последовательном осуществлении и претворении в жизнь в практике работы Советского правительства принципов подлинного пролетарского интернационализма.

«...Максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» [37], — так формулировал Ленин главную интернациональную задачу рабочего класса и коммунистов России после завоевания власти. Успехи социалистического строительства в Советской стране отныне должны были стать условием и базой для развития пролетарской революции во всем мире, источником исторического опыта «для грядущей социалистической Европы и Азии», как пророчески предвидел Ленин.

Образцы интернационализма Ленин давал почти во всех своих выступлениях, всегда высоко оценивая помощь международного пролетариата и подчеркивая, что эта помощь обеспечила победу в гражданской

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 223.
[36] Там же, стр. 224.
[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 304.

войне. «...Именно эта поддержка и это сочувствие, — говорил он в докладе на IX съезде Советов, более года спустя после окончания интервенции, — были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплен, а в пределах нашей республики и осуществлен, что он оказал действие на все страны»[38]. В плане доклада на этом же съезде Ленин записал: «...Сила нашего сплочения с рабочими и *трудящимися всех* стран оказалась больше, крепче, могучее, чем сплочение, *сцепка* капиталистических стран между собой»[39].

В 1921—1922 гг., после окончания войны, возникли новые формы братской помощи международного пролетариата Советской стране, которым Ленин придавал особенно большое значение и которые потребовали непосредственного участия Советского правительства в их реализации. В те годы почти во всех капиталистических странах возникло широкое движение передовых рабочих за переселение в Советскую республику, чтобы помочь делу восстановления народного хозяйства России своим собственным трудом и средствами, собранными зарубежными трудящимися для этой цели.

Вопросам производственной помощи международного рабочего класса сейчас посвящена большая литература[40], опубликовано множество источников. Они убедительно раскрывают исключительную роль В. И. Ленина в деле организации производственной помощи иностранных рабочих. Владимир Ильич как глава Советского правительства горячо поддержал и приветствовал инициативу международного пролетариата, выдвигая на первый план две основные и взаимосвязанные причины важности именно этой формы международной пролетарской солидарности.

Во-первых, привлечение организованных групп рабочих Европы и Америки для участия в восстановлении советской промышленности и сельского хозяйства могло оказать значительную помощь в поднятии производительных сил страны, передаче навыков высококвалифицированного труда, особенно при организации новых производств (например, автомобильного и т. д.), а в области сельского хозяйства должно было способствовать применению новой техники, созданию образцовых хозяйств, которые могли стать примером использования современных сельскохозяйственных машин и тракторов, а также коллективных методов труда для единоличных крестьянских хозяйств.

Во-вторых, Ленин очень высоко оценивал не только экономическое, но и политическое значение этого движения, установление личных контактов и прямых связей между русскими и иностранными рабочими, приобретение иммигрантами опыта работы на социалистических предприятиях и возможности дальнейшего использования этого опыта в собственных странах. Активную поддержку такой формы Ленин рассматривал как интернациональный долг Советского государства, как прямую обязан-

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 293.
[39] Там же, стр. 484.
[40] Наиболее фундаментальной работой, специально посвященной этим вопросам, является монография Г. Я. Тарле «Друзья страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920—1925 гг.» М., 1968.

ность советского рабочего класса в ответ на протянутую ему руку братской помощи.

В. И. Ленин ясно видел большие трудности на пути реализации этого большого международного начинания. В обстановке разоренной интервенцией и гражданской войной страны и последовавшего затем голода 1921 года все вопросы переезда, размещения, устройства на работу, обеспечения жильем и питанием, выделения предприятий и участков земли приезжающим из-за границы рабочим, а также определение форм организации и взаимоотношений внутри иностранных коллективов были связаны с серьезными трудностями. Приходилось нередко преодолевать явный скептицизм и недоверие, всевозможные опасения и деловые возражения многих ведомств — ВСНХ, НКИД, Концессионного комитета и даже отдельных ЦК профсоюзов, сомневавшихся в успехе дела.

Поэтому Ленин так много внимания уделял правильной организации иностранной иммиграции. С 1920 г., после снятия блокады, когда впервые начался массовый и, на первых порах, еще не организованный приезд иностранных рабочих (особенно из США, где было много русских эмигрантов, стремившихся возможно скорее вернуться на освобожденную Родину), вопросы промышленной иммиграции буквально не сходили с повестки дня Совнаркома и СТО. Только в 1921—1922 гг. эти вопросы свыше 30 раз обсуждались на заседаниях СТО. Ленин написал десятки писем, телеграмм, записок, директив, связанных с решением этой задачи. С самого начала он добивался, чтобы иностранные рабочие были хорошо осведомлены о трудных пока еще условиях жизни в Советской России, привозили бы с собой необходимые запасы продовольствия и одежды, выезжали организованными группами и только после предварительной договоренности с представителями Советского правительства.

Уже 16 марта 1920 г. в передаче по радио для заграницы Советское правительство указало на «необходимость предварительной посылки в Советскую Россию специальных делегаций, которые на месте выяснили бы точно условия жизни, продовольствия и жилища для переселяющихся рабочих». В дополнительной радиопередаче от 6 мая 1920 г. было еще раз подчеркнуто, что «тяжелые экономические условия, создавшиеся благодаря длительной войне, делают необходимым тщательное предварительное выяснение указанных условий, так как переселяющиеся в Советскую Россию рабочие будут получать все то, что получают и русские рабочие, но не больше» [41]. К радиопередаче от 6 мая Лениным была сделана следующая приписка: «Вполне присоединяясь к этому заявлению, как и к радио от 16.III.1920 г., посланному товарищем Милютиным, я прошу сделать распоряжение, чтобы *всякая* делегация от заграничных рабочих, приезжающая в Россию, обязательно давала расписку, что содержание этих радио и моей настоящей приписки ей для *осведомления* заграничных рабочих *объявлено*. Заграничные рабочие должны знать правду, что они идут на лишения, переселяясь к нам» [42].

22 сентября 1921 г. Ленин сам написал проект обязательства для рабочих, едущих из Америки в Россию, в четырех пунктах которого прямо говорилось не только о трудностях, но и о коллективной ответствен-

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 425, прим.
[42] Там же, стр. 193.

ности за приезд в Россию людей, способных и готовых сознательно вынести ряд тяжелых лишений и обязующихся «работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии» [43].

Так правдиво и честно Советское правительство готовило иностранных рабочих к работе в Советской стране, не скрывая и не замалчивая трудностей. Ленинские требования и объяснения имели также большое значение для отбора среди прибывающих из-за границы групп трудящихся, верных интернациональному долгу, искренне желающих прийти на помощь пролетарской республике.

Возможные формы организации иностранных рабочих в промышленности были намечены, хотя и в самом общем виде, еще в декрете о концессиях от 23 ноября 1920 г. В этом декрете говорилось о привлечении «иностранных государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, *кооперативов и рабочих организаций* других государств к делу добывания и переработки природных богатств России» [44].

Таким образом, предполагалось, что в качестве концессионеров могли привлекаться и рабочие организации. Разумеется, это были принципиально отличные концессии, *пролетарские концессии*, как их однажды назвал Ленин, которые преследовали только цели бескорыстной помощи советскому народному хозяйству. Отдельные предприятия могли передаваться коллективам иностранных рабочих на условиях своеобразной аренды и передачи им управления этими предприятиями под контролем Советского государства.

22 июня 1921 г. было принято постановление СТО «Об американской промышленной эмиграции», которое ставило задачу «регулирования промышленной эмиграции рабочих из зарубежных стран» и указывало на желательность «развития отдельных промышленных предприятий или групп предприятий путем сдачи их коллективам американских рабочих на определенных договорных условиях, обеспечивающих им известную хозяйственную самостоятельность». В эти группы могли входить как промышленные рабочие всех специальностей, так и сельскохозяйственные рабочие, прибывающие в Россию организованными в артели, кооперативы и т. д.

СТО поручал ВСНХ войти в сношения с американским Обществом технической помощи Советской России и «приступить немедленно к организации таких производственных групп с указаниями для последних, какого рода материалы, орудия производства и продовольствие и на какие сроки они должны везти за свой счет с собой в Россию для заранее намеченных предприятий» [45]. Эти принципы легли в основу регулирования и организации всей промышленной и сельскохозяйственной иммиграции иностранных рабочих.

Советское правительство стремилось выделить наиболее важные участки для работы иностранных коллективов. Так, еще в феврале

[43] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 125—126.
[44] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 1. М., 1957, стр. 186 (Курсив мой. — *Э. Г.*).
[45] «Ленинский сборник», XX, стр. 202.

1921 г. по настоянию Ленина был заключен первый договор с группой американских механиков-автомобилистов и 25 февраля принято постановление СТО «О передаче завода „АМО" группе американских реэмигрантов-коммунистов». При всех трудностях организации этого нового дела постановление СТО сыграло в первые годы восстановительного периода определенную положительную роль в налаживании в дальнейшем выпуска советских автомобилей.

Весной 1921 г. группе американских рабочих-швейников, которые привезли с собой необходимое промышленное оборудование, была предоставлена возможность организовать работу швейной фабрики № 36 в Москве. Ленин всячески помогал работе этого коллектива, откликался на их письма и просьбы [46], посылал письма Л. К. Мартенсу и председателю МГСНХ В. М. Лихачеву об оказании полного и решительного содействия для скорейшего пуска этой фабрики и налаживания ее работы [47].

Одновременно летом 1921 г. велись переговоры с американским профсоюзным деятелем, председателем союза мужских портных в США Сиднеем Хилманом о сдаче в аренду на определенных условиях некоторых других фабрик Москвошвея. В октябре 1921 г. договор с Русско-американской торгово-промышленной ассоциацией был утвержден СТО, и в своем письме С. Хилману от 13 октября, приветствуя быстрое достижение соглашения, Ленин подчеркивал особую важность того факта, что в данном случае «дело организации этой помощи поставлено теперь также по отношению к тем рабочим, которые *не* являются коммунистами». Указывая, что финансовая помощь рабочих всего мира, наряду с помощью моральной и политической, бесконечно важна для Советской России, он заканчивал свое письмо следующими словами: «Преданные делу, энергичные передовые рабочие Америки пойдут во главе всех рабочих из ряда промышленных стран, несущих Советской России свои технические знания, свою решимость пойти на лишения ради помощи Рабоче-Крестьянской республике для восстановления ее хозяйства. Из мирных средств борьбы против ига международного финансового капитала, против международной реакции нет другого средства, которое бы так быстро и так верно обещало победу, как помощь восстановлению народного хозяйства Советской России» [48].

Наиболее крупным и важным из всех соглашений, заключенных с иностранными промышленными рабочими, было соглашение о передаче в аренду части Кузнецкого каменноугольного бассейна для его восстановления и эксплуатации. История Автономной индустриальной колонии в Кузбассе (сокращенно «АИК—Кузбасс») в последние годы привлекла самое широкое внимание исследователей [49]. Организатор и

[46] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 294.
[47] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 327—328.
[48] Там же, стр. 263—264. Несколько месяцев спустя (9 февраля 1922 г.) Ленин в телеграмме на имя Хилмана послал сердечные приветствия всем активным работникам экономического восстановления Советской России. «Все меры приняты, — писал он, — к обеспечению вкладов американских рабочих от убытков. Удвойте Ваши усилия, Вы на правильном пути» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 158).
[49] В. С. Голубцов. В. И. Ленин и образование «Автономной индустриальной колонии — Кузбасс». — «Вестник Московского университета». Исторические

энтузиаст создания «АИК — Кузбасс», видный голландский коммунист, крупный деятель международного рабочего движения, по специальности инженер, С. Рутгерс, став во главе колонии, отдал ей пять лет напряженной и самоотверженной работы[49а]. Горячо поддержал этот замысел и принял в нем активное участие выдающийся революционный деятель, руководитель американских рабочих и председатель «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ) Билль Хейвуд.

В. И. Ленин придавал этому делу исключительно большое значение, так как совместная работа русских и иностранных рабочих в Кузбассе (Кемерово) должна была обеспечить решение важной народнохозяйственной задачи — перевода уральской металлургии на минеральное топливо при помощи кузнецкого кокса и пуска химического завода в Кемерове.

Владимир Ильич принимал С. Рутгерса и Б. Хейвуда, беседовал с ними по всем вопросам организации «АИК—Кузбасс». Условия договора с АИК и вопросы ее производственной деятельности неоднократно обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК, СНК, СТО и Госплана. Свыше двух десятков ленинских писем, посланных В. В. Куйбышеву, Л. К. Мартенсу, Н. П. Горбунову и др., также связаны с заключением договора и деятельностью АИК[50].

«Этой организации, — писал в своих воспоминаниях А. М. Аникст. — пришлось пережить много мытарств и еще неоднократно обращаться к Владимиру Ильичу, а последнему приходилось писать свои, так хорошо знакомые нам, записочки или звонить по телефону. В конце концов американская колония „Кузбасс“ выбилась на большую дорогу, это признали потом ее бывшие противники. Только Владимиру Ильичу не удалось дожить до того, чтобы видеть успехи этого начинания, которому он придавал такое большое значение и которое ему стоило так много хлопот»[51].

Исключительное внимание Ленин уделял также сельскохозяйственной иммиграции. В период с 1921 по 1926 г. на территории РСФСР и Украины было создано около 30 сельскохозяйственных коммун и артелей, объединявших свыше 2600 иностранных трудящихся, которые привезли с собой тракторы и сельскохозяйственные машины, демонстрируя преимущества новой техники и коллективных методов труда[52].

науки. М., 1960, № 2; Е. М. Полянская. Автономная индустриальная колония — Кузбасс. Кемерово, 1957; Е. А. Кривошеина. Из истории «Автономной индустриальной колонии — Кузбасс». Томск, 1960 и др. Наиболее подробно вопрос об «АИК — Кузбасс» изложен в уже названной монографии Г. Я. Тарле; см. также воспоминания С. Рутгерса («Историк-марксист», 1935, № 2—3), К. Мартенса («Исторический архив», 1958, № 5) и публикацию документов об АИК («Исторический архив», 1961, № 2, 3).

[49а] См. его биографию в серии «Жизнь замечательных людей». — Г. Тринчер. К. Тринчер. Рутгерс. М., 1967.

[50] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 125—126, 141—142, 143, 177—178; т. 53, стр. 203—205, 218, 230—231, 232—233, 260—261, 283, 292, 301—302—303; т. 54, стр. 19, 44, 225 и др.

[51] А. М. Аникст. Воспоминания о Владимире Ильиче, стр. 16—17. В 1923—1925 гг. на «АИК—Кузбасс» были пущены химический завод, две батареи коксовых печей, центральная электрическая станция, электрифицированы угольные копи, увеличено производство угля. С 1 января 1927 г. все предприятие перешло в ведение ВСНХ, а организация «АИК — Кузбасс» прекратила свою деятельность.

[52] О сельскохозяйственной иммиграции, деятельности иностранных сельскохозяй-

В своем письме Обществу технической помощи Советской России в США, являвшемуся организатором посылки всех этих коммун, Ленин писал 20 октября 1922 г., что несмотря на гигантские трудности и, в особенности ввиду разорения во время гражданской войны, иностранные сельскохозяйственные группы «достигли успехов, которые следует признать исключительными». Он выразил Обществу от имени Советской республики глубокую благодарность и просил иметь в виду, что «помощь по тракторной обработке земли является для нас особенно своевременной и важной» [53].

В тот же день (20 октября 1922 г.) в другом письме — Обществу друзей Советской России в Америке — Ленин особо отметил работу американского тракторного отряда в совхозе «Тойкино» Пермской губернии, который возглавлял коммунист, агроном по специальности Гарольд Вэр На средства, собранные рабочими, в США был закуплен 21 трактор, и после доставки в Россию этими тракторами в Пермской губернии было обработано 1500 десятин земли, а членами отряда подготовлены кадры трактористов из местного населения [54].

В. И. Ленин ходатайствовал перед Президиумом ВЦИК о признании совхоза «Тойкино» и нескольких американских сельскохозяйственных коммун наиболее выдающимися образцовыми хозяйствами и создании для них благоприятных условий работы [55]. Эти ходатайства Ленина были удовлетворены, и 9 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК постановил признать образцовыми пермское хозяйство «Тойкино», первую канадскую сельскохозяйственную коммуну «Мигаево» (Одесская губ.), первую нью-йоркскую сельскохозяйственную коммуну «Иры» (Тамбовская губ.), руководимые американским Обществом друзей Советской России и Обществом технической помощи в США [56].

14 ноября 1922 г. в письме «Русской колонии в Северной Америке» Ленин вновь повторил свою благодарность американским товарищам за техническую помощь, оказываемую Советской стране, в частности и в области сельского хозяйства [57].

Советское государство по инициативе Владимира Ильича создало специальные органы руководства и регулирования промышленной и сельскохозяйственной иммиграцией — сначала при Наркомтруде и ВСНХ, а потом, по мере расширения этой работы, была учреждена решением СТО от 25 октября 1922 г. постоянная комиссия при СТО. 3 ноября 1922 г. на заседании СТО под председательством Ленина был утвержден проект положения комиссии, определен круг ее деятельности, права, задачи и персональный состав [58].

ственных коммун в СССР и их дальнейшей судьбе см.: Г. Я. Тарле. Указ. соч., гл. III; см. также публикацию документов «О помощи трудящихся зарубежных стран советскому сельскому хозяйству (1921—1925)». — «Исторический архив», 1961, № 4.

[53] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 230.

[54] Об американском тракторном отряде и его руководителе Г. Вэре см.: «Это ценил Ленин. Американский отряд в „Тойкино“ в 1922 г.» Сборник документов и материалов. Пермь, 1960, а также: Г. Я. Тарле «Гарольд Вэр — друг Советской России». — «История СССР», 1961, № 4.

[55] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 233—234.

[56] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 39, д. 75, л. 89.

[57] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 296—297.

[58] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 363, л. 62—62 об.

За все годы — с 1920 по конец 1925 г. — в восстановлении народного хозяйства СССР приняли участие свыше 20 тыс. иностранных рабочих, а заявлений с просьбой о разрешении въезда было подано около полумиллиона. За этими десятками и сотнями тысяч людей, желавших своим трудом помочь Советской стране, стояли миллионы рабочих всех стран Европы и Америки, которые собирали средства, посылали в дар советскому народу тракторы и машины, горячо поддерживая массовое движение пролетарской солидарности с первым в мире государством пролетарской диктатуры.

В конце 1922 г. в письме к секретарю Международной рабочей помощи (Межрабпом) В. Мюнценбергу В. И. Ленин как бы подвел первые итоги производственной помощи международного пролетариата Советской стране. Высоко оценив и перечислив все многообещающие начинания, которые имелись в этой области, Ленин вновь подчеркнул, что «широкая экономическая помощь мирового пролетариата является в данный момент лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства» [59].

Эта высокая ленинская оценка, огромная поддержка Советским правительством движения пролетарской производственной помощи, исключительная внимательность и бережное отношение ко всем группам иностранных рабочих, приезжавшим в СССР, сыграли выдающуюся роль в дальнейшем сплочении сил международного пролетариата.

Многие из тех зарубежных товарищей, которые работали в эти годы в России, стали гражданами СССР, а многие, вернувшись к себе на родину, навсегда остались лучшими и верными друзьями Советской страны, где впервые познали радость свободного от эксплуатации социалистического труда.

Таковы были экономические и политические результаты для СССР и для международного рабочего и коммунистического движения воплощения на деле, в практике работы Советского правительства под руководством В. И. Ленина, великих идей и принципов пролетарского интернационализма.

*

Руководство, основанное на марксистском познании общества и законов его развития, подлинная партийность в государственной работе, верность принципам пролетарского интернационализма — все эти черты ленинской школы государственного управления закономерно вытекали из классовой природы Советского государства как государства пролетарской диктатуры.

Этим объяснялась и неразрывная связь государства с широчайшими слоями трудящихся, его *народность* и неизменное служение действительным интересам рабочего класса и всех трудящихся.

В плане тезисов «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики», в разделе «Связь с массой», Ленин предельно

[59] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 316.

кратко сформулировал правила политического руководства, которым следовал всю жизнь:

«Жить в *гуще*.
Знать *настроения*.
Знать *все*.
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее **абсолютное** доверие.
Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда» [60].

Вся деятельность Советского государства в экономической, политической и культурной областях, как и каждый документ Советского правительства, подписанный Лениным, всегда пронизаны заботой об интересах народа, о благе трудящихся, об их активном участии в социалистическом строительстве. Поэтому вопросы «связи с массой» невозможно рассматривать изолированно от всей деятельности Советского государства. В данном случае важно лишь выделить и осветить значение тех форм связи с массами, которые осуществлялись путем *личного* общения Ленина с трудящимися.

В самый разгар первой русской революции, в августе 1905 г. В. И. Ленин писал А. В. Луначарскому: «Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим» [61].

Неразрывная связь политической деятельности Ленина и его многочисленных выступлений перед массами особенно ярко проявилась после победы Октябрьской революции. За 5 лет и два месяца (а по существу за четыре года) Ленин выступал свыше 350 раз, а с марта 1918 по конец 1922 г. только в Москве — около 250 раз [62]. Далеко не каждый агитатор и пропагандист, занимавшийся только этой работой, имел на своем счету столько выступлений в год, сколько их было у Ленина.

Сохранилось множество воспоминаний о выступлениях Ленина, о том впечатлении, которое они производили на слушателей. Но лучше всего об этом рассказала Н. К. Крупская в одном, мало известном до сих пор, документе [63].

«Речь простая была, не вычурная и не театральная, — писала она, — не было ни „естественной искусственности", „певучая" типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской — русская речь посредине между этими крайностями. И она была у Ильича такая... типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна...

Плавная и свободная. Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений...

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа...

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 497.
[61] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 54.
[62] «Рабочие и крестьяне России о В. И. Ленине». М., 1958, стр. 6.
[63] См. ответы на анкету Института мозга в 1935 г. — Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 479—485.

Страстность захватывающая речи — она чувствовалась даже, когда говорил внешне спокойно» [64].

Известно, что Ленин почти никогда не стоял на трибуне во время выступления, а находился всегда в движении, обращался непосредственно к аудитории и поэтому не писал и не умел писать текста самого выступления [65]. Это была подлинно *живая* речь, но обдумывал Владимир Ильич заранее не *слова*, а *мысли*, которые хотел передать. Он готовил обычно план речи и всегда очень волновался перед выступлением.

Волнение Ленина при огромном его опыте в таких выступлениях объяснялось высоким уважением к аудитории, страстным стремлением, в котором, по его мнению, и состояло подлинное искусство всякого пропагандиста и агитатора, «наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [66].

Все это передает только внешний стиль ленинской речи, а сила ее заключалась в содержании, в железной логике выводов, в глубочайшей убежденности, правдивости, предельной ясности и четкости, простоте и доходчивости, хотя он никогда не упрощал свою речь, перед какой бы аудиторией ни выступал.

Огромное влияние оказывало и исключительное личное обаяние Ленина как человека, мыслителя и вождя, которое чувствовал каждый, слышавший Ильича.

Когда Ленин по каким-либо причинам не мог выступить на собрании, куда его приглашали, он нередко посылал письменное объяснение и передавал свои пожелания и приветствия.

Получив в апреле 1921 г. приглашение петроградских рабочих принять участие в работе общегородского совещания беспартийных рабочих Петрограда, Ленин в ответном письме сообщал: «Я очень жалею, что мне не удалось приехать в Петроград по вашему предложению. Приветствую от всей души беспартийное совещание и вашу работу. Именно теперь, когда буржуазия всего мира проводит неслыханную кампанию лжи против Советской России, стараясь сорвать наши торговые соглашения с заграницей, именно теперь помощь беспартийных масс, сотрудничество с ними особенно важно» [67].

В конце 1922 г., не имея возможности из-за болезни часто выступать перед трудящимися, Ленин посылал очень много приветствий рабочим и крестьянам, и особенно в связи с пятилетней годовщиной Октябрьской революции. Эти приветствия были адресованы: рабочим города Баку (6.X), петроградским текстильщикам (3.XI), беспартийной конференции работниц и крестьянок Москвы и Московской губернии (6.XI), рабочим и служащим государственной электростанции «Электропередача» (7.XI), рабочим завода бывш. Михельсон (7.XI), рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах (8.XI) и др. В сентябре — декабре 1922 г. Ленин

[64] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 481, 485.
[65] Единственная речь, как рассказывал сам Владимир Ильич, которую он предварительно написал, — это заключительная речь на XI съезде РКП(б) (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 245).
[66] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 21.
[67] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 201.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
Труда и Обороны.

Москва, Кремль
8. XI 1922 г.
№ 8544

Рабочим
Стодольской
суконной фабрики
в Клинцах

Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас
за приветствие и подарок.
По секрету скажу, что
подарков посылать мне
не следует. Прошу очень
об этой секретной просьбе
пошире рассказать всем
рабочим.

Самые лучшие бла-
годарности и приветы и поже-
ления. Ваш В. Ульянов (Ленин)

Рукопись письма В. И. Ленина
«Рабочим Стодольской суконной фабрики в Клинцах».
Ноябрь 1922 г.

послал также свои приветствия Всероссийскому съезду текстильщиков, V Всероссийскому съезду профсоюзов, V съезду РКСМ, Всероссийскому съезду финансовых работников, приветствия освобожденному Приморью, съезду работников просвещения, VII Всеукраинскому съезду Советов и т. д.

Как председатель Совнаркома Ленин нередко непосредственно обращался к трудящимся, когда необходима была немедленная помощь и участие масс в решении каких-либо первоочередных и важнейших задач. В годы гражданской войны это были известные ленинские письма-обращения: «К питерским рабочим», «К рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», «К рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Деникиным» и др. В период борьбы с голодом в Поволжье Ленин послал свои обращения с призывом о помощи населению голодающих губерний крестьянам Украины, водникам Поволжья, рабочим и ловцам Аральского моря и др.

Эти ленинские обращения имели огромное мобилизующее значение и всегда встречали быструю и неизменную поддержку трудящихся.

Вся государственная деятельность В. И. Ленина является примером того, как нужно крепить связь с массами, опираться на их растущую творческую активность и поднимать «наинизшие низы» к строительству новой жизни, не только учить массы, но и учиться у масс.

В неразрывной связи с массами, участии масс в управлении, в контроле масс и отчетности государственных органов перед массами особенно полно проявились отличительные черты советского социалистического государства как государства подлинно пролетарской советской демократии. Эти черты государства нового типа определяли и объясняли содержание и смысл всей государственной деятельности Ленина и ленинской школы государственного управления.

«В массах, в самих русских массах заключается судьба русской революции — в их дисциплинированности и преданности общему делу, — писал в своих воспоминаниях о Ленине Рис Вильямс. — И нужно сказать, что им улыбнулось счастье. Мудрым кормчим и выразителем их дум был человек с исполинским умом и железной волей, человек с обширными познаниями и решительный в действиях, человек с высочайшими идеалами и с самым трезвым, самым практическим рассудком. Этим человеком был Ленин» [68].

2.

Стиль государственной работы В. И. Ленина. Ленинское воспитание кадров и забота о них

Сила личного влияния и авторитета Ленина в партии и стране была исключительно велика. Но сам Владимир Ильич никогда не добивался каких-либо внешних подтверждений этого авторитета или своего первенствующего положения в партии и государстве. Наоборот, он всегда вел решительную борьбу против всякого преувеличения роли своей личности.

[68] Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 67.

«Я такой же, как и все», — передавал В. Д. Бонч-Бруевич слова Владимира Ильича, сказанные вскоре после его ранения 30 августа 1918 г. Начав читать газеты, Ленин был крайне возмущен и, вызвав Бонч-Бруевича, взволнованно говорил ему: «Это что такое? Как же Вы могли допустить? ...Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком, а вот здесь какая-то мистика... Коллективно хотят, требуют, желают, чтобы я был здоров... Так чего доброго, пожалуй, доберутся до молебнов за мое здоровье... Ведь это ужасно!... И откуда это? Всю жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности!» [69]

Объяснений Бонч-Бруевича, что все это было вызвано искренней тревогой о состоянии его здоровья и негодованием масс по поводу его злодейского ранения, Ленин не хотел принимать во внимание, все время подчеркивая вред возвеличения личности при любых условиях. Считая, очевидно, неудобным для себя давать указания газетам в данном случае, видя в этом, как рассказывал А. В. Луначарский, «что-то смешное, претенциозное» [70], Ленин предложил Бонч-Бруевичу вместе с М. С. Ольминским и П. Н. Лепешинским объехать редакции газет и «исподволь наложить тормоз на всю эту историю» [71]. Указание Ленина было выполнено и на другой день тон газет изменился.

В своих отношениях с людьми, с кадрами партии Ленин давал образцы поразительной скромности и удивительного умения всегда считаться с мнением товарищей, советоваться с ними не только по принципиальным и важным вопросам партийного и государственного руководства, но и по поводу своих собственных работ и выступлений.

В начале мая 1920 г. Владимир Ильич в записке Г. В. Чичерину просил его поручить знающему английское рабочее движение товарищу посмотреть «брошюрку» (так он сам писал) «Детская болезнь „левизны" в коммунизме» и «дать мне совет, нет ли у меня ошибок или нетактичностей» [72]. Вскоре, 30 мая 1920 г., Ленин вновь писал Г. В. Чичерину: «Посылаю Вам свое письмо к английским рабочим. Я им недоволен: устал и работалось из рук вон плохо. Если Вы советуете не отправлять, черкните это с посланным...» [73]

Закончив работу «О продовольственном налоге», Ленин послал следующее письмо Н. П. Брюханову: «Посылаю Вам рукопись своей статьи (и брошюрки) о продналоге. Уже сдана в набор. Если захотите взглянуть, прочитайте *до завтра* и дайте мне Ваши замечания и поправки» [74].

Много раз советовался Владимир Ильич с Г. М. Кржижановским по поводу отдельных документов. Написав свое известное приветствие VIII электротехническому съезду, Ленин послал его Кржижановскому, спрашивая: «Колеблюсь, стоит ли вообще? Не *лишний* ли „парад"? Есть ли польза *деловая*?» [75] Проект письма американскому ученому

[69] В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения, т. III. М., 1963, стр. 296, 297.
[70] А. В. Луначарский. Штрихи. Ленинские страницы. М., 1960, стр. 100.
[71] Там же.
[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 188—189.
[73] Там же, стр. 203.
[74] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 174.
[75] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 249.

К. Штейнмецу Ленин также направил Кржижановскому с просьбой посмотреть и вернуть с «замечаниями или дополнениями» [76].

По просьбе редактора газеты «Беднота» В. А. Карпинского Ленин написал приветствие «К четырехлетнему юбилею „Бедноты"». В сопроводительной записке, сообщая о своей болезни, Ленин добавлял: «Написать что-либо *путное* к четырехлетнему юбилею „Бедноты" не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите; не подойдет, — бросьте в корзину, это будет лучше» [77].

Узнав, что статья «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» издана тиражом в 50 тыс. экземпляров, Ленин послал в Госиздат следующее письмо: «Прошу впредь спрашивать меня, нужно ли выпускать отдельным изданием и в скольких экземплярах.

Прилагаемую статью прошу издать в 5 тыс. экземпляров» [78].

Таких примеров множество, и нет нужды перечислять все, так как и приведенные здесь факты достаточно наглядно иллюстрируют некоторые черты стиля работы Ленина.

Ленин воспитывал кадры партии в духе самой решительной и бесстрашной критики и самокритики. Сколько раз он говорил прямо о допущенных ошибках и просчетах, о необходимости их признания и учета, чтобы не допустить их повторения. «Не бояться вскрывать ошибки и неуменье» [79], — постоянно учил он. «...Только тогда мы научимся побеждать, когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо» [80]. «Если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, — указывал Ленин на VII Московской партконференции, — мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности» [81].

И опять в заключительном слове по отчету ЦК на XI съезде партии Ленин говорил: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости» [82].

Обучение самокритике сочеталось у Ленина с воспитанием чувства высокой ответственности за порученное дело, соблюдения строжайшей дисциплины во всех звеньях государственного аппарата.

Важное значение с этой точки зрения имеют пометки и замечания В. И. Ленина на полях статьи Г. М. Кржижановского, присланной ему на отзыв в сентябре 1921 г. Кржижановский писал в статье, что хозяйственную деятельность Советского государства будут всегда, в несравненно большей степени, чем в предшествовавшие столетия, пронизывать элементы воли и сознания людей. По поводу этих последних слов Ленин написал: «госуд[арственно]-хоз[яйственной] „воли и сознания", а не

[76] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 223.
[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 511, прим.
[78] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 12. Очевидно, Ленин имеет здесь в виду свою статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма».
[79] Там же, стр. 237.
[80] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 309.
[81] Там же, стр. 210.
[82] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 118.

частной» [83]. Воспитание этой государственно-хозяйственной воли и сознания во всех работниках государственного аппарата, во всех советских людях Ленин считал важнейшей задачей.

Малейшую попытку снять с себя ответственность за порученное дело Ленин порицал очень сурово и гневно. Когда в октябре 1918 г. президиум Московского Совета принял постановление снять с себя ответственность за невыполнение решения СНК об установлении в Москве памятников выдающимся деятелям революционного движения и культуры, Ленин, получив это постановление, направил в Моссовет следующее письмо:

«Вынужден по совести сказать, что это постановление так *политически* безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту. „... Президиум вынужден снять с себя ответственность...“ Так поступают капризные барышни, а не взрослые политики. Ответственность Вы с себя не снимете, а втрое ее усилите... Вы должны были *бороться за свое право*. А „снять с себя ответственность“ — манера капризных барышень и глупеньких русских интеллигентов. Простите за откровенное выражение моего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что Вас проучат тюрьмой за бездействие власти, и от глубоко возмущенного Вами *Ленина*» [84].

Можно понять, какое огромное воздействие, моральное и воспитательное, имело это письмо, как оно учило действительной ответственности за порученное дело.

«Основной принцип управления, по духу всех решений РКП и центральных советских учреждений, — писал Ленин осенью 1920 г. в записке А. И. Елизаровой, — определенное лицо целиком отвечает за ведение определенной работы. Я веду (столько-то времени), я отвечаю» [85]. «Нужно, чтобы наркомы отвечали за свою работу, — говорил он на XI съезде партии, — а не так, чтобы сначала шли в Совнарком, а потом в Политбюро» [86].

В письмах А. Д. Цюрупе о перестройке работы СНК, СТО и МСНК (февраль 1922 г.) Ленин категорически требовал «вдесятеро подтянуть СНК и СТО в смысле том, чтобы наркомы не смели тащить в них мелочь, а решали ее сами и сами за нее *отвечали*» [87]. Еще с большей решительностью это требование было выдвинуто в проекте ленинского постановления «О работе замов», где прямо говорилось о необходимости *принуждения* «наркомов и отдельно поставленных учреждений к самостоятельному и ответственному управлению в пределах предоставленных им прав и лежащих на них обязанностей» [88]. Ленин тут же добавлял, что надо поставить наблюдение за тем, чтобы «ответственность в первую голову членов коллегий и важнейших совработников, а затем и всех совработников была совершенно точно и индивидуально установлена» и объявлена беспощадная борьба «против господствующей расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности» [89].

[83] «Ленинский сборник», XXIII, стр. 10.
[84] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 191—192.
[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 23—24.
[86] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 114.
[87] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 367.
[88] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 153.
[89] Там же.

Настаивая на быстром и самостоятельном решении наркоматами и учреждениями важнейших вопросов, входящих в их компетенцию, Ленин решительно возражал против сложившейся практики обязательно давать ему на подпись все телеграммы и директивы, посылаемые на места от имени наркоматов.

В письме в Наркомпрод Н. П. Брюханову он в этой связи писал:

«Мне думается, что неправильно давать *все* подобные телеграммы на подпись мне. Надо — может быть, постепенно, но все же надо переходить и *перейти* к тому, чтобы научить людей (в том числе губисполкомы) слушаться и без моей подписи — нормально слушаться, а не только экстраординарно слушаться.

Послать 2—3 телеграммы в порядке боевого приказа. Проследить. Не исполнят — покарать сугубо и проверить кару.

Прошу сообщить мне точный план (и *календарную* программу) перевода местных учреждений на *нормальную* дисциплину» [90].

Борьба за нормальную дисциплину и ответственное управление была неразрывно связана с воспитанием самостоятельности и инициативы в работе. О значении такого подхода к делу Ленин писал в одном из своих писем в Наркомзем Н. Осинскому в декабре 1921 г. В это время в Наркомземе возник конфликт между двумя его руководящими работниками — Н. Осинским и И. А. Теодоровичем. Последний в этой связи подал заявление о своей отставке, но Ленин отказался ее принять и в письме В. М. Молотову для членов Политбюро писал:

«Для меня ясно, что он хочет снять с себя одиум [91] возможных конфликтов и трений с Осинским. Я уверен, однако, что дело уладится к большой пользе для наркомата» [92]. Когда Политбюро подтвердило ленинские предложения о Теодоровиче, подал в отставку Осинский. «Ни тени — буквально ни тени, именно деловых и организационных доводов у Вас нет», — писал Ленин, упрекая Осинского, что он видит «интригу» «там, где ее не было ни капли», и тут же давал совет, имевший большое принципиальное значение: «Чтобы вести такой наркомат, как Наркомзем, в таких дьявольски трудных условиях, надо не видеть „интригу“ или „противовес“ в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей» [93].

Этот урок — о необходимости *ценить самостоятельных людей* относился, конечно, не только к Наркомзему, а характеризовал в целом ленинскую школу руководства и воспитания.

Строго взыскивая за недостатки и ошибки, Ленин в своих письмах и директивах ведомствам одновременно учил, *как* надо работать. Недаром он говорил: «Политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им» [94].

Ленин всегда требовал, чтобы особенно большая ответственность возлагалась не только на руководящих работников, но и на всех коммунистов, по сравнению с беспартийными. Эта его точка зрения была наиболее ясно выражена в замечаниях и поправках к циркуляру ЦК «О взаимоотноше-

[90] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 201.
[91] В данном контексте: «пятно», «неприятность».
[92] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 27.
[93] Там же, стр. 73.
[94] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 218.

ниях партийных и судебно-следственных органов». В циркуляре от 16 июня 1921 г. устанавливалась судебная неприкосновенность коммунистов без санкции местных парткомов, а §§ 4 и 5 определяли обязательность для судебных властей освобождения на поруки привлекаемых к суду коммунистов под персональное поручительство лиц, уполномоченных на то партийными комитетами; решение же партийного комитета должно было являться партийной директивой для суда и предопределять судебное решение.

Предложение Наркомюста исключить из циркуляра §§ 4 и 5 получило полную поддержку Ленина, который указывал, что в такой формулировке эти параграфы будут просто «*вредны*» [95].

Когда Оргбюро ЦК в ноябре 1921 г. утвердило циркуляр с некоторыми поправками, Ленин, получив его, писал В. М. Молотову: «Я переношу этот вопрос в Политбюро. Вообще неправильно такие вопросы решать в Оргбюро: это **чисто** политический, всецело политический вопрос. И решить его надо иначе». Владимир Ильич предлагал: 1) отменить § 4; 2) «усилить *судебную* ответственность коммунистов»; 3) «„суждения" парткома допустить *только* с направлением в центр *и с проверкой* ЦКК» [96].

На заседании Политбюро 24 ноября в присутствии Ленина было принято решение поручить Наркомюсту (Д. И. Курскому) пересмотреть весь циркуляр в целом в направлении повышения ответственности для членов партии в случае привлечения их к суду по уголовным делам и «устранения всякой возможности использования положения господствующей партии для ослабления ответственности». В январе 1922 г. был опубликован новый циркуляр ЦК «О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями», который отменял циркуляр 16 июня и подчеркивал безусловную необходимость усилить ответственность членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского суда или Ревтрибунала [97].

В дальнейшем в письме «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» (20 февраля 1922 г.) Ленин вновь сформулировал свою точку зрения по этому вопросу. Доказывая, что воспитательное значение суда в Советской республике поистине огромно, что это должно стать азбукой всей юридической работы, Владимир Ильич добавлял, что такой же азбукой должно стать требование: «Тройная кара коммунистам против кары беспартийным» [98].

Самый большой спрос именно с коммунистов, членов правящей партии, — эта ленинская «выучка» имела огромное значение, повышая боеспособность и высокую ответственность членов партии перед народом и перед партией.

Особенно непримирим и беспощаден был Ленин ко всяким проявлениям бюрократизма и волокиты в советском государственном аппарате.

В отношении бюрократизма и бюрократов он не стеснялся в выражениях, применяя самые резкие эпитеты: «бюрократическое тупоумие», «поганая волокита», «бюрократические погремушки», «казенное вранье»

[95] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 243.
[96] Там же.
[97] Там же, стр. 563—564, прим.
[98] Там же, стр. 397.

и т. д.[99] Он страстно и гневно бичевал бюрократические пережитки в советских учреждениях, писал о необходимости борьбы против тех чиновников «с пышным советским титулом», которые ни черта не понимают, не знают дела, а только подписывают бумажки[100], не способны на самостоятельные действия, а ждут лишь «*приказа* „начальства“»[101]. Резкость ленинского тона и в данном случае являлась лишь выражением глубокого негодования, острой боли и страстного стремления выжечь бюрократизм, излечить советский аппарат от бюрократической болезни, предупредить бюрократические извращения, добиваясь такой работы, которая соответствовала бы целям и задачам советского государственного аппарата.

В. И. Ленин много раз указывал в своих выступлениях и статьях, что бюрократизм имеет глубокие социальные корни в крестьянской стране, а использование старых чиновников в советских учреждениях и пережитки прошлого еще больше усугубляют эту болезнь. Поэтому он ориентировал партию на длительную и трудную борьбу с бюрократизмом, а на VIII съезде Советов говорил, что вопрос о ликвидации бюрократизма — «это вопрос целой эпохи»[102].

Отвечая на письмо одного товарища, который требовал немедленно «стереть с лица земли бюрократизм», В. И. Ленин писал: «Это ошибка. Можно прогнать царя, — прогнать помещиков, — прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя „прогнать“ бюрократизм в крестьянской стране, нельзя „стереть с лица земли“. Можно лишь медленным, упорным трудом его *уменьшать*»[103].

Для лечения бюрократической болезни Ленин выдвигал в то время на первый план три основных условия: во-первых, проверка реального, фактического исполнения и подбор людей, во-вторых, широкая гласность и публичность при проведении всех мер борьбы с бюрократизмом и, в-третьих, постоянное сокращение и удешевление советского аппарата.

«Что *на деле* делается? что на деле достигается?»[104] — это самое по существу важное при оценке результатов работы. «*Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела*, — говорил Ленин, — в этом... теперь гвоздь всей работы, всей политики»[105]. «Проверьте исполнение архипридирчиво и документально», «необходимо обратить сугубое *внимание на исполнение* важнейших решений», «добиться исполнения и осведомления и проверить сугубо недоверчиво», «проверить с педантичнейшей аккуратностью», «Вникните. Проверьте», «без *тройной* проверки ни черта не будет готово», «проверьте лично дважды и трижды и многажды», «сообщите фактические результаты», «проследите за исполнением»[106] — такими указаниями заканчивались почти все ленинские поручения.

Постоянную и деловую проверку исполнения Ленин связывал с обязательным обобщением накопленного практического опыта. В письме

[99] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 167, 189 и др.
[100] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 301.
[101] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 167.
[102] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 165.
[103] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 193.
[104] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 411.
[105] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 16.
[106] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 64; т. 53, стр. 226; т. 54, стр. 20, 192 и др.

к Н. Осинскому в апреле 1922 г. он указывал, что чем больше будет конкретности в изучении опыта, особенно опыта мест, чем глубже будет проникновение в настоящую жизнь, в практику работы, тем успешнее пойдет все советское строительство. Ленин предлагал «популяризировать и *рекламировать* изо всех сил всякого сколько-нибудь выдающегося местного работника, ставить его в образец» и широко освещать «где, кому и почему (какими приемами) удается... достигать действительного, хотя и небольшого улучшения». В то же время Ленин предупреждал, что «и на местах и вверху могучие тенденции борются против... правдивого оглашения и правдивой оценки»[107] этого опыта и поэтому требовал самой широкой и публичной огласки не только положительных, но и отрицательных примеров работы.

Гласность в борьбе с недостатками Ленин считал важным условием для организации систематического похода против всех проявлений бюрократизма и волокиты. В письмах к Д. И. Курскому в Наркомюст он излагал целую систему мер для действительного привлечения к ответственности за волокиту. Он советовал добиться «ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием», «подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже», провести специальные судебные процессы по делам о волоките, сделав из каждого суда «*политическое* дело»[108]. «Крайне важно — с точки зрения и партийной и политической, — доказывал Владимир Ильич, — ... чтобы суд по делу о волоките был наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушителен»[109].

Воспитательную сторону дела и общественное значение таких судебных процессов Ленин выдвигал на первый план, считая, что «с точки зрения принципа» дела о волоките необходимо «не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»[110].

«Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, — писал Ленин П. А. Богданову в декабре 1921 г., — а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»[111]. Келейный разбор, *без гласности* приведет, как считал Владимир Ильич, только к притушению «поганого дела о поганой волоките» и не даст необходимых политических и общественных результатов.

Что касается вопроса о сокращении советского аппарата, то Ленин говорил, что эта задача была поставлена еще в 1918 г., но и к концу 1922 г. по-прежнему оставалась нерешенной[112]. Поэтому он так настойчиво добивался проведения вновь в Москве и в других крупных центрах страны однодневной переписи советских служащих в октябре 1922 г.[113] Перепись должна была вскрыть возможные резервы для сокраще-

[107] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 237.
[108] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 165.
[109] Там же, стр. 286.
[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 71.
[111] Там же, стр. 87.
[112] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 250.
[113] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 290.

ния, и Ленин придавал ее итогам настолько большое значение, что специально включил этот вопрос в конспект своей речи на X съезде Советов [114]. Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина за период с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г. показывает, как заботился Владимир Ильич о скорейшем опубликовании итогов переписи, как в феврале 1923 г. он просил выяснить в ЦСУ у П. И. Попова, в каком положении находится разработка материалов переписи [115], и даже лечащие его врачи понимали, насколько волнует его этот вопрос [116].

Вопросы улучшения и совершенствования работы государственного аппарата всегда находились в центре внимания Ленина и стремление, чтобы этот аппарат действовал в интересах рабочего класса и крестьянства и всего советского народа, лежало в основе строгой и суровой ленинской взыскательности, его непримиримости к недостаткам и беспощадности в борьбе с проявлениями бюрократизма и волокиты.

*

Наряду со строгостью и требовательностью была и другая сторона во взаимоотношениях В. И. Ленина с кадрами партии и советского государственного аппарата. Удивительный такт, деликатность, исключительная внимательность к людям и забота о них в полной мере нашли свое проявление в стиле его руководства.

Если у Ленина возникало опасение, что кто-либо из товарищей мог обидеться или огорчиться его резким тоном, он немедленно стремился устранить всякий повод для такой обиды. Так, в телеграмме Г. К. Орджоникидзе от 3 июня 1920 г. Ленин мягко выговаривал ему: «Получил Ваше обиженное письмо. Вы рассматриваете напрасно обязательный для меня запрос как недоверие. Надеюсь, что Вы еще и до личного свидания бросите неуместный тон обиды» [117]. А в другом письме к Серго, зная его горячность и вспыльчивость, Ленин писал: «Горячитесь Вы, верно, здорово при случае? Надо бы Вам взять помощников, пожалуй, и направлять работу посистематичнее». И в заключение: «Надеюсь, не обидетесь на мои замечания и ответите откровенно, что и как выправить и исправить думаете» [118].

Когда Ленин узнал, что начальник Азнефти А. П. Серебровский рассматривает одну из телеграмм, присланных на его имя, как проявление недоверия и ставит вопрос о своем уходе с работы, Владимир Ильич немедленно телеграфировал в Баку: «Серебровский не должен обижаться на тон моей телеграммы: я был обеспокоен судьбой Баку. Серебровского считаю ценнейшим работником» [119].

Сурово критикуя недостатки, Ленин всегда умел сочетать эту критику с дружеским советом и помощью, а его требовательность и строгость никогда не переходили в грубость или мелкую придирчивость.

[114] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 441.
[115] См. там же, стр. 481, 483.
[116] См. там же, стр. 485.
[117] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 206.
[118] Там же, стр. 269.
[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 279.

Как часто за резкой, но справедливой оценкой следовала характерная для Ленина приписка: «Прошу не сердиться за откровенность»[120]. Как умел Владимир Ильич *убеждать* людей в необходимости той или иной меры, даже когда речь шла об освобождении работника с занимаемого им поста. После решения пленума ЦК об освобождении А. И. Свидерского и М. И. Фрумкина от обязанностей членов коллегии Наркомпрода Ленин писал наркому продовольствия А. Д. Цюрупе: «Я понимаю, что Вам это болезненно. Но политический интерес (как и решение партии) безусловно требует подчинения. Свидерского используете прекрасно и не как члена коллегии... Не надо нервничать. Болезненное надо перенести. Решению Цека подчиниться и провести его»[121].

В этой же связи можно привести еще один пример. 16 августа 1921 г. В. И. Ленин направил управляющему ЦСУ П. И. Попову письмо, в котором давалась критическая оценка работы по текущей промышленной статистике, указывалось, что ЦСУ опаздывает в этом деле, его работа поставлена неправильно, и предлагался конкретный план исправления недостатков [122]. В ответ на письмо П. И. Попов подал в отставку; и Ленин, не приняв отставки, писал ему: «Мои указания, как Вам, конечно, известно, могут быть Вами обжалованы, но обжалование не приостанавливает необходимости исполнения. Прошу Вас прислать мне краткий перечень предпринимаемого Вами согласно моим указаниям с указанием сроков...» [123] В постскриптуме к письму, соглашаясь на отпуск П. И. Попова по болезни, Ленин добавлял: «Я не против полемики, но ее надо выделять особо. Вы спорите против того, чего я не говорил и не думаю. Вы спорите так, будто я отрицаю пользу сделанного и т. п. Но я этого не говорил и не думаю»[124].

Отправив письмо П. И. Попова Г. М. Кржижановскому для ознакомления, Ленин стремился в какой-то мере оправдать тон письма Попова. «Возможно, — писал он, — что отчасти виноват я, вызвав сию истерику чрезмерной строгостью. Но по сути я прав и буду настаивать, отставки *не* принял». Ленин просил провести необходимые меры по улучшению работы ЦСУ через Госплан, а в заключение деликатно напоминал: «Никому письмо Попова не показывайте»[125].

Во взаимоотношениях В. И. Ленина с кадрами партии поучительна даже форма его обращений, запросов, указаний руководителям отдельных ведомств, наркоматов и советских учреждений. «Прошу Вас обратить серьезнейшее внимание». «Дайте мне, пожалуйста, Ваш отзыв», «Если согласны, известите», «Если имеете возражения, черкните...», «Не найдете ли возможным», «...Хотел бы знать Ваше мнение?», «Подумайте об этом...», «Будьте добры черкнуть...», «Очень прошу поспешить», «Прошу Вас принять самые решительные меры», «Прошу Вас проверить лично», «Прошу сообщить, что Вами сделано», «Не будете ли добры прислать», «Черкните поподробнее Ваше мнение» [126] —

[120] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 189.
[121] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 31—32.
[122] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 121—124.
[123] Там же, стр. 131.
[124] Там же.
[125] Там же, стр. 133.
[126] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 216, 219, 243; т. 52, стр. 31, 56, 74; т. 54, стр. 279, 280, 283, 301, 309, 318 и др.

так примерно начиналось или заканчивалось большинство писем Ленина. Конечно, в официальных ленинских директивах, подписанных им как председателем Совнаркома и СТО, имелись нередко и совершенно другие, категорические формулировки: «Предписываю немедленно приготовить», «Приказываю от имени Совтрудобороны...», «Предлагаю Вам для неуклонного исполнения», «Предписываю... принять все меры»[127] и т. д. Но в любой просьбе Ленина и даже в его приказе всегда сочетались строжайшая требовательность с большим уважением к кадрам партии и советского аппарата, умение дать совет и посоветоваться, запросить и внимательно учесть мнение работников.

Ленинская государственная переписка сохранила множество живых характеристик ряда деятелей партии, работников советского аппарата, рекомендации Ленина отдельным лицам, отзывы о работе, личные оценки. Во всех этих характеристиках и рекомендациях ярко проявлялось присущее Ленину глубокое доверие к кадрам партии, особенно к тем, кого он лично знал по революционной деятельности и работе в советские годы.

В апреле 1918 г. он дал следующую рекомендацию А. В. Шотману, члену партии с 1899 г.: «...тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия»[128].

«Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить»[129], — такова была ленинская характеристика наркома иностранных дел.

31 июля 1919 г. в удостоверении на имя Э. А. Рахья Ленин писал: «Настоящим удостоверяю, что податель сего, товарищ Эйно Рахья, лично мне давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, *полнейшего* доверия»[130].

«Примите его, пожалуйста, *тотчас* и окажите ему *полное* доверие»[131], — писал Ленин в одном из своих писем о Л. Б. Красине.

«Я его знаю больше 10 лет. Надежнейший человек. Хорошо образованный марксист»[132], — такую оценку Ленин давал В. В. Адоратскому.

«Радченку я знаю очень давно, еще до революции 1917 г. Заслуживает полнейшего доверия. Надо ему всячески помочь»[133].

«М. В. Фофанову я знаю как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире. С революции Октября 1917 года работает все время не покладая рук»[134].

[127] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 233, 339, 353; т. 52, стр. 310 и др.

[128] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 65. А. В. Шотман (1880—1939) в августе 1917 г. организовывал переезд Ленина из Разлива в Финляндию. В 1923—1924 гг. был председателем ЦИК Карельской АССР.

[129] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 111.

[130] Там же, стр. 131.

[131] Там же, стр. 159.

[132] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 175.

[133] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 219. Речь идет о старом большевике, члене партии с 1898 г. И. И. Радченко.

[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 125.

«Я знаю одного товарища *досконально*, как человека совершенно исключительной преданности, *отваги* и энергии» [135], — писал Ленин о профессиональном революционере, одном из организаторов боевой работы большевистской партии в годы царизма — товарище Камо (С. А. Тер-Петросяне).

«По отзывам и Уншлихта и Сталина, Серго надежнейший военный работник. Что он вернейший и *дельнейший* революционер, я знаю его сам больше 10 лет» [136].

«Воровский — старый марксист и большевик; на знание людей им я вполне полагаюсь» [137].

Ленин никогда не забывал и тех товарищей, которых знал еще по социал-демократическим кружкам 1890-х годов и по «Петербургскому союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Он заботился о привлечении к работе старого питерского рабочего, члена партии с 1894 г. Ф. И. Бодрова [138], об оказании помощи активному участнику «Союза борьбы» А. И. Шаповалову [139], о своем товарище по ссылке в Сибири (с. Шушенское), рабочем, участнике польского социал-демократического движения И. Л. Проминском [140].

В. И. Ленин давал рекомендации старым большевикам Ф. Н. Ильину [141] и Н. А. Алексееву [142], он очень высоко ценил питерского рабочего-коммуниста В. Н. Каюрова [143], в своих письмах просил помочь А. А. Преображенскому, которого знал еще с конца 1880-х годов как сельского учителя, участника земледельческой колонии в Самарской губернии, близ Алакаевки, где семья Ульяновых жила летом 1889—1893 гг. [144]

Все эти ленинские рекомендации были именно *личными* рекомендациями, подтверждающими партийный стаж и совместную работу со старыми товарищами. В них не было даже намека на какую-либо «протекцию» или выдвижения на руководящий пост. Такие персональные назначения решались всегда ЦК партии или Совнаркомом.

Когда А. И. Окулов — член партии с 1903 г. — обратился к Владимиру Ильичу с просьбой дать ему рекомендацию для получения разрешения Госиздата на издание под его личную ответственность еженедельной научно-художественной и литературной газеты, Ленин послал это письмо к сведению всех членов Политбюро и просил включить вопрос в повестку дня очередного заседания ЦК. А. И. Окулову он ответил: «Очень жалею, что не могу послать рекомендации, о которой Вы просите. Я бы сделал это охотно, если бы дело шло о личной рекомендации. Но

[135] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 42.
[136] Там же, стр. 59.
[137] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 59.
[138] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 303.
[139] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 255—256.
[140] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 214. О И. Л. Проминском см. очерк Д. Новополянского «Товарищ Ильича». — «Правда», 18 и 19 апреля 1969 г.
[141] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 283.
[142] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 305.
[143] О В. Н. Каюрове, как своем «старом знакомом», «хорошо известном питерским рабочим», Ленин писал в письме «К питерским рабочим» от 12 июля 1918 г. (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 521).
[144] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 293; т. 54, стр. 62. В 1922 г. А. А. Преображенский по предложению В. И. Ленина был назначен заведующим совхозом «Горки».

дело идет не о том. Это вопрос политический, и я его направляю в Политбюро» [145].

Если речь шла о несправедливых обвинениях против членов партии, которых Ленин хорошо знал, он активно вмешивался и считал своим долгом оказать немедленную помощь.

Большой интерес с этой точки зрения представляет так называемое «дело Ганецкого», возникшее в ноябре 1917 г.

Я. С. Ганецкий — член партии с 1897 г., деятель русского и польского революционного движения — обвинялся в сотрудничестве с Парвусом и поэтому решением ЦК был отстранен от выполнения важного поручения. В своем письме в ЦК Ленин просил отменить это решение, выдвигая следующие мотивы:

Во-первых, «Ганецкий зарабатывал хлеб как *служащий* в торговой фирме, коей акционер был Парвус. Так мне сказал Ганецкий. Это не опровергнуто» [146]. Во-вторых, «не установлено ни одного факта против Ганецкого, не вынесено запрещение служить в торговых фирмах капиталистов всех стран, не проверены слухи и клеветы *заведомых* клеветников... и „отстранять"??. Ничего, кроме „страха" перед сплетней неответственных сплетников тут нет». И в заключение: «Недостойно рабочей партии руководиться такой податливостью сплетне... Такое отношение к отсутствующему товарищу, работавшему более 10 лет, верх несправедливости» [147].

В дальнейшем, во время чистки партии 1921 г., Ленин дал Я. С. Ганецкому свою рекомендацию, указав, что знает его с 1903 г. и считает заслуживающим пребывания в партии [148].

В декабре 1921 г. В. И. Ленин в письме к И. В. Сталину просил проверить жалобу работника НК РКИ Л. А. Меранвиля, исключенного во время чистки из партии без допроса ряда указанных им свидетелей [149]. Он написал также письма в Центральную комиссию по чистке партии по поводу исключения из рядов РКП(б) Н. С. Аллилуевой и Е. М. Каспаровой-Поповой, давая им положительные характеристики. Н. С. Аллилуеву Ленин знал по работе в Управлении делами Совнаркома и напоминал о помощи, которую вся ее семья и ее отец — старый большевик С. Я. Аллилуев оказали во время перехода партии в подполье после июльских дней 1917 г. Он указывал, что считает своим «долгом довести эти обстоятельства до Центральной комиссии по очистке партии», а относительно Каспаровой-Поповой просил ту же комиссию «проверить дело» об ее исключении из партии.[150].

Когда Ленин узнал из письма старого члена партии, видного военного, а затем хозяйственного работника К. Х. Данишевского об его исключении из рядов РКП(б), он обратился в Центральную комиссию по чистке: «Обвинения против такого старого партийца и революционера, известного всем латышам, затем по войне Троцкому и многим другим, — явно невероятны. Зная Данишевского *по истории* партии, *годы и годы* до революции, я очень прошу внимательно, строго и всесторонне проверить» [151].

[145] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 34—35.
[146] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 15.
[147] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 15—16.
[148] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 30.
[149] См. там же, стр. 69.
[150] Там же, стр. 82—84.
[151] Там же, стр. 102.

Как всегда, Ленин просил только внимательно и строго проверять факты, когда речь шла о судьбе членов партии. Он никогда не навязывал какого-либо обязательного своего мнения или решения. Но каждая такая проверка только подтверждала правоту Ленина, знание им рекомендуемых людей, и по всем ленинским письмам необоснованные обвинения были полностью отвергнуты и все товарищи восстановлены в рядах партии.

Ленин поддерживал постоянно дружеские связи с теми товарищами, которые в трудные месяцы подготовки Октябрьской революции, особенно после июльских дней, когда партия вынуждена была уйти в подполье, героически и самоотверженно охраняли его личную безопасность (М. В. Фофанова, Э. А. Рахья, А. В. Шотман и др.).

Особенно тепло и дружески В. И. Ленин и Н. К. Крупская относились к семье Емельяновых, в доме которых, а потом в шалаше на Разливе, в июле—августе 1917 г. Ленин скрывался от преследований Временного правительства.

Николай Александрович Емельянов — рабочий Сестрорецкого оружейного завода, старый большевик, активный участник революций 1905 и 1917 гг.[152] после победы Октября неоднократно встречался с Лениным и переписывался с ним. В марте 1918 г. Владимир Ильич в записочке В. А. Аванесову просил помочь Н. А. Емельянову вернуться из Москвы в Петроград, тут же указывая: «Податель — тов. Емельянов, питерский рабочий, хороший мой старый знакомый и работник партии»[153]. Очевидно, в этот приезд в Москву Н. А. Емельянов был на приеме у Ленина и беседовал с ним. Вскоре после этой встречи Ленин 30 апреля писал Г. Е. Зиновьеву: «Беседуя с товарищем Емельяновым, я особенно был поражен тем, что такие, лучшие и надежнейшие, питерские рабочие *зря* себя убивают на технику вроде автогужевого дела.

Непростительно!.. таких, как Емельянов, надо *в деревню, в администрацию*, в управление, в уисполкомы, где честных мало, где нужда в честных отчаянная». Поэтому Ленин предлагал подумать, «нельзя ли из товарища Емельянова и 5—10 его друзей составить в Питере *инициативную группу* рабочих, для подбора 300—600 питерских рабочих, с серьезнейшими рекомендациями от партии и от профессиональных союзов, для рассылки по 1, по 2 в уисполкомы всей России. Я бы этот план всецело поддержал... Без группы таких, абсолютно надежнейших и опытных питерских рабочих нам с деревней не добиться крупного улучшения»[154].

Владимир Ильич заботился и о сыновьях Н. А. Емельянова, воевавших на фронтах гражданской войны. В октябре 1920 г. он просил Э. М. Склянского послать на командные кавалерийские курсы А. Н. Емельянова, добавляя: «Тов. Емельянов лично мне известен и я его рекомендую»[155]. 14 февраля 1921 г. Ленин получил с Западного фронта

[152] Биографические данные о Н. А. Емельянове и его жене Надежде Кондратьевне, тоже старом члене партии, см.: В. Муштуков. Рядовой ленинской гвардии. М., 1965. В этой интересной и нужной книге, к сожалению, ничего не сказано об отношении самого Владимира Ильича к Емельянову и совсем не использованы ленинские письма о нем.

[153] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 270.

[154] Там же, стр. 295.

[155] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 301.

от другого сына Н. А. Емельянова — Кондратия — следующее письмо: «Здравствуйте, уважаемые тов. Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Пишет вам сестрорецкий тов. Кондратий Емельянов, если помните летнюю дачу в лесу на сенокосе (шалаш), где Вы проживали в 1917 году в июле месяце. Я в то время играл роль перевозчика, перевозил приезжающих товарищей через Разлив». К. Емельянов просил отозвать его из части для поступления в Военно-инженерную академию в Петрограде. «В настоящее время, — заканчивал он письмо, — когда на фронтах установилось затишье, я хотел бы продолжать свое начатое образование» [156].

3 марта Ленин передал эту просьбу К. Емельянова в Наркомвоен, привел содержание полученного им письма, вновь напоминая: «Я лично знаю т. Кондратия Емельянова» [157].

Когда 20 мая 1921 г. Ленин получил уведомление от Э. М. Склянского, что просьба К. Емельянова удовлетворена, он в тот же день отправил в Сестрорецк его отцу следующую телеграмму: «Кондратий Емельянов откомандирован в Военно-инженерную Академию в Петроград. Привет. Ленин» [158].

В октябре 1921 г. у Ленина возник план — использовать Н. А. Емельянова на работе за границей по линии Внешторга. В письме к И. И. Радченко он писал: «Рекомендую Вам подателя, Николая Александровича *Емельянова*. Прошу ему дать командировку *на* $^1/_2$ *года за границу*, чтобы отдохнуть от питерской каторги и переменить дело. Я лично знаю Николая Александровича очень хорошо и уверен, что этого товарища, абсолютно честного, преданнейшего коммуниста, с громадным житейским, заводским и партийным опытом можно и должно использовать для чистки авгиевых конюшен воровства и саботажа заграничных чиновников Внешторга. Прошу Вас позвонить мне сегодня» [159].

Ровно через месяц, очевидно, перед отъездом Н. А. Емельянова за границу, Ленин вновь дал ему две рекомендации — одну для работников Берлинского торгпредства и вторую «Всем партийным и советским работникам», — в которых писал, что знает Емельянова «с июля 1917 года, как одного из лучших среди старой партийной гвардии Питера» [160], и потому просит оказывать ему *полнейшее доверие* и содействие как «старому партийному работнику и одному из виднейших деятелей питерского рабочего авангарда» [161].

Таково содержание ленинских писем и рекомендаций Емельянову и его семье. С большой горечью и болью остается только добавить, что эта семья, которую так любил и которой оказывал полнейшее доверие В. И. Ленин, была в середине 30-х годов незаконно репрессирована и только после XX съезда партии было восстановлено доброе имя тех, кто всю свою жизнь был до конца верен партии. В 1954 г. в связи с 50-летием общественно-политической работы и за заслуги перед рево-

[156] «Письма трудящихся к В. И. Ленину». М., 1960, стр. 222.
[157] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 89—90.
[158] «Ленинский сборник», XX, стр. 356.
[159] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 283—284.
[160] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 23—24.
[161] Там же, стр. 24.

72

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
Народных Комиссаров.

Москва, Кремль.

3. III 1921 г.
№ 179

т. Склянский!

Тов. Кондратий Емельянов, красноармеец (адрес: 16 армия, 1-ая отдельная саперная рота, 5-ой стрелковой дивизии) просит меня отозвать его из части и позволить ему поступить в Военно-Инженерную Академию в г. Петрограде (Садовая 4).

Он окончил 22. III 1920 Военно-Инженерный Техникум и по

окончании был назначен,
на заперронт
Хотел бы теперь, когда
на фронтах затишье, продолжать
свое образование.

Я лично знаю т. Кондратия
Емельянова и всю семью
Емельяновых (из лучших ни-
терских рабочих большевиков
„старой гвардии") и
потому прошу Вас (если не
имеете особых возражений)
исполнить просьбу тов.
Кондратия Емельянова и дать
соответств. распоряжение.
Не откажите черкнуть мне
Два слова в ответ
С комм. пр. Ленин.

Рукопись письма В. И. Ленина Э. М. Склянскому
о красноармейце К. Емельянове.
3 марта 1921 г.

люцией Советское правительство наградило Н. А. Емельянова орденом Ленина, а его жену — коммунистку Н. К. Емельянову — орденом Трудового Красного Знамени [162].

*

В своих воспоминаниях о В. И. Ленине А. М. Горький, отмечая исключительно внимательное отношение Владимира Ильича к товарищам, писал: «Но в этом его чувстве я никогда не мог уловить своекорыстной заботливости, которая иногда свойственна умному хозяину в его отношении к честным и умелым работникам.

Нет, это было именно сердечное внимание истинного товарища, чувство любви равного к равным. Я знаю, что между Владимиром Лениным и даже крупнейшими людьми его партии невозможно поставить знака равенства, но сам он этого как бы не знал, а вернее — не хотел знать. Он был резок с людьми, споря с ними, безжалостно высмеивал, даже порою ядовито издевался — все это так. Но сколько раз в его суждениях о людях, которых он вчера распинал и „разносил", я совершенно ясно слышал ноты искреннего удивления перед талантами и моральной стойкостью этих людей, перед их упорной и тяжелой работой адовых условий 1918—1921 годов, работой в окружении шпионов всех стран и партий, среди заговоров, которые гнилыми нарывами вздувались на истощенном войною теле страны. Работали — без отдыха, ели мало и плохо, жили в непрерывной тревоге» [163].

Поэтому В. И. Ленин так горячо стремился облегчить тяготы, помочь товарищам, позаботиться о них, сохранить их здоровье и силы, при этом совершенно забывая о себе, словно сам он не испытывал всех этих трудностей.

Невозможно хотя бы даже просто перечислить имена всех товарищей, которым направлялись многочисленные ленинские письма с предложениями о лечении, отдыхе, оказании им необходимой помощи.

Показательно также, что инициатива постановки вопроса об отдыхе и лечении товарищей всегда, как правило, принадлежала В. И. Ленину.

«Тов. Цюрупа! Вид больной. Не теряя времени, — на двухмесячный отдых. Если не обещаете точно, буду жаловаться в ЦК» [164], — писал Ленин в июле 1918 г. Некоторое время спустя Ленин вновь пишет А. Д. Цюрупе: «Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом.

Предписание: три недели лечиться! И слушаться Лидию Александровну [165], которая Вас направит в санаторий. Ей-ей, непростительно зря швыряться слабым здоровьем. Надо выправиться!» [166]. Меньше чем через год, в феврале 1919 г., Владимир Ильич послал А. Д. Цюрупе новое предписание, в котором говорилось, что ввиду приступа его к работе «и необ-

[162] В. Муштуков. Указ. соч., стр. 84. В 1954 г. Н. А. Емельянову исполнилось 83 года. Он умер в 1958 г.
[163] М. Горький. Собрание сочинений, т. 17. М., 1952, стр. 40—41.
[164] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 132.
[165] Речь идет о Лидии Александровне Фотиевой.
[166] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 177.

ходимости охраны казенного имущества *строго соблюдать предосторожности:*

больше двух часов без перерыва *не* работать,
позже $10^1/_2$ час. вечера не работать,
приема публике не давать.

Ограничительные предписания Лидии Александровны Фотиевой исполнять *беспрекословно*» [167].

Термин о необходимости беречь «казенное имущество» Ленин употреблял неоднократно. Так, в письме Е. Д. Стасовой о лечении Г. В. Чичерина он писал: «Чичерин болен, ухода за ним нет, лечиться не хочет, убивает себя. Необходимо от ЦК написать ему *любезное* (чтобы не обидеть) письмо с *постановлением* Цека, что Цека требует казенного имущества не расхищать, лучшего доктора (через Карахана хотя бы) вызвать, его *слушаться*, в случае совета доктора отпуск взять и в *санатории пробыть необходимое* время» [168].

И опять в письме к Я. С. Ганецкому: «Отпуск обязателен... Казенное имущество надо беречь. Все говорили и ссылались на факты, что Вы *переустали.* Почему бы не отдохнуть?» [169].

Весь тон этих писем показывает, что Ленин относился к людям совсем не как к «казенному имуществу». Это была дружеская форма убеждения в необходимости отдыха или лечения.

В марте 1921 г. Ленин просил Н. А. Семашко отправить за границу, в Германию, для лечения группу товарищей — А. Д. Цюрупу, Н. Н. Крестинского, Н. Осинского, В. В. Кураева, а также А. М. Горького и В. Г. Короленко [170]. А через несколько дней он предложил «включить в группу отправляемых на капитальный ремонт в Германию» также врача-хирурга, старого члена партии Б. С. Вейсброда [171].

В апреле 1921 г. Владимир Ильич вновь писал А. Д. Цюрупе: «Не „захватите“ ли в Германию Елену Федоровну Розмирович?... Попробуйте убедить ее. Если сочтете полезным и удобным, перешлите ей и эту записочку. По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий» [172]. Одновременно он послал следующую записку в Оргбюро ЦК: «Вполне присоединяюсь и усердно ходатайствую о резолюции, *обязывающей* Е. Ф. Розмирович отправиться в Германию именно с этой группой. Свидетельствую, по опыту *лично моему* и *ЦК 1912—1913* годов, что работник это очень крупный и ценный для партии. Болезнь тяжелая, едва ли излечимая в России» [173].

В решениях ЦК об отпуске и лечении руководящих работников, принимаемых в большинстве случаев по инициативе В. И. Ленина, всегда применялась наиболее категорическая формулировка: «обязать», «потребовать» и т. д.

«Настаиваю абсолютно на немедленном постановлении Политбюро... о *срочной*... высылке Рудзутака в *Германию:* у него и t° и кровохарканье.

[167] Там же, стр. 259.
[168] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 173.
[169] Там же, стр. 221.
[170] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 95.
[171] См. «Ленинский сборник», XX, стр. 354.
[172] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 132.
[173] Там же, стр. 132—133.

Ясно, туберкулез усиливается» [174], — говорилось в ленинской записке для членов Политбюро ЦК.

В письме в Оргбюро ЦК Ленин писал:

«Прошу *обязать* председателя Госплана тов. *Кржижановского* выехать с Красиным в *Ригу*, дабы там в санатории или на квартире частной пробыть *1 месяц* для лечения и отдыха. Я очень прошу провести это сегодня, ибо я убедился, по должности Председателя Совета Труда и Обороны, что председатель Госплана *почти надорвался. Его ремонт необходим* и *неотложно* необходим.

Без решения Оргбюро ничего не добиться» [175].

«Предлагаю *заставить* Мануильского пойти к *лучшим* докторам (послать их к нему) для диагноза и *серьезного* лечения» [176].

Иногда приказы и распоряжения Ленина о лечении и отдыхе сопровождались и такой формой убеждения: «Предписывается Вам остаться в санатории для *полного* излечения *на один месяц*, чтобы взять затем *очень трудную* работу, которая для Вас к тому времени предназначена» [177].

Характерно ленинское напоминание В. А. Аванесову о необходимости съезда в отпуск: «А Вы вправду уедете? Когда? Или *опять* саботировать будете? Не хотите лечиться?» [178]

На заседании Совнаркома или СТО, во время приема или при встрече с товарищами Ленин удивительно умел заметить болезненный вид людей, их переутомление, усталость и немедленно сделать необходимые выводы.

Так, на заседании СТО в июне 1920 г. произошел следующий обмен записочками между В. И. Лениным и ответственным работником Главного комитета государственных сооружений (Главкомгосоор) К. А. Алферовым:

«т. Алферов! У Вас служит Тахтамышев? *Плохо кормите его?* Отчего он так худ и бледен?».

Алферов ответил, что инженер Тахтамышев, член комиссии по постройке железнодорожных веток для подвоза топлива, живет на советском пайке и работает без всякого ограничения времени. Тогда Ленин написал: «Надо поставить его на *более высокий* паек так или иначе. Невозможно мириться с этим положением. Надо создать исключение» [179].

«Крицман опять выглядит умирающим» [180], — писал Ленин в записке секретарю Совнаркома, требуя принятия необходимых мер помощи.

Посылая письмо П. Н. Лепешинского (с просьбой помочь ему в получении квартиры) Н. П. Горбунову, Ленин сообщал, что знает автора письма более 20 лет, что речь идет о преданнейшем революционере и в заключение просил: «Очень прошу не сердиться на его нервы *(измучен* человек) и помочь ему всячески» [181].

[174] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 92.
[175] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 143.
[176] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 301.
[177] Там же, стр. 96. Речь шла о А. Б. Халатове.
[178] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 249.
[179] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 209.
[180] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 289.
[181] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 55.

Такое же предупреждение Ленин сделал в записке И. В. Сталину в связи с письмом заместителя наркома труда А. М. Аникста: «Пересылаю Вам письмо т. Аникста, который вчера (18/V) атаковал меня. Обижен, огорчен, встревожен. Нервен. Болен. Я посоветовал долечиваться и не дергать нервы. Кажись, он — работник хороший. Надо долечить...» [182].

В письме Я. А. Берзину — в то время заместителю советского представителя в Англии — Ленин советовал: «Надо *лечиться как следует*. Обязательно. И вылечиться... Лечитесь, пожалуйста, *постоянно* и пишите изредка» [183]. В тот же день была направлена ленинская записка Л. Б. Красину о Я. А. Берзине: «Надо лечить и вылечить т. Берзина. Работник ценный. Нервы надорвал. Создать ему режим» [184].

А вот другой запрос Л. Б. Красину, посланный почти год спустя: «Т. Красин! У Вас работает *Ермаков* (зав. транспортно-материальным отделом?) на правах члена коллегии. Я его видал 2—3 раза в годы гражданской войны исполнителем самых трудных, ответственных и опасных поручений. Это человек недюжинный. Оказалось, что он болен *серьезнейшим* образом (кровь горлом идет). Пробовал лечиться, но *никогда* не выдерживал курса, ибо всегда местные „ребята" отвлекали его на местную работу. Семья большая; жалованье 200 млн. — гроши.

Так нельзя. Таких людей мы обязаны лечить и долечить. Его надо отправить на несколько месяцев в Германию, а семье помочь» [185].

Требуя предоставить комнату в Доме Советов старому члену партии Ц. С. Зеликсон-Бобровской, Владимир Ильич тут же добавлял: «Я знаю Бобровскую с эпохи *до* 1905 года и знаю, что она способна бедствовать и молчать чрезмерно. Поэтому ей надо помочь быстро» [186].

Когда Ленин узнал, что известный статистик, заведующая отделом сельскохозяйственной статистики ЦСУ А. И. Хрящева живет далеко и ей трудно поздно ночью возвращаться домой с заседаний Совнаркома, куда ее часто вызывали, он сразу же послал следующую записочку Л. А. Фотиевой: «Если Хрящева далеко живет и пешком ходит, то ее жалко. При случае и тактично объясните ей, что в дни, когда нет вопросов статистики, можно раньше уходить и даже не ходить» [187].

Проявляя всегда особую требовательность и строгость к работникам секретариата и Управления делами Совнаркома и СТО, Ленин в то же время необычайно тепло и сердечно к ним относился.

В октябре 1919 г., сообщая о поездке в Уфу Л. А. Фотиевой, Ленин просил учесть, что она совсем больна, «а нам сие „казенное имущество" (секретаршу СНК) необходимо *выправить*» и поэтому надо «принять все меры, чтобы помочь Л. А. Фотиевой устроиться, лечиться и кормиться *на убой*» [188].

О других секретарях Совнаркома [189] Ленин писал в Ригу Я. С. Ганецкому: «Я обеих знаю по работе уже несколько лет. Преданность удиви-

[182] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 267.
[183] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 270—271.
[184] Там же, стр. 271.
[185] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 291—292.
[186] Там же, стр. 42.
[187] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 267.
[188] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 76.
[189] Речь идет о секретарях СНК Анне Петровне Кизас и Наталье Степановне Лепешинской.

тельная... Надо им дать отдых... Пусть полечатся, отдохнут, *подкормятся*» [190].

В ленинских записочках нередко встречались следующие указания: «Вырвите Гляссер из СНК-ов хотя бы временно» [191], И. И. Мирошникову (заместителю управделами СНК) «отправиться в длительный отпуск» [192], а Н. П. Горбунову «немедленно же сдать должность на время отпуска и выполнить все предписания врачей» [193].

Известно, как тепло Ленин заботился о лечащих его врачах — о профессоре Ф. А. Готье, о хирурге профессоре В. Н. Розанове [194], об отправке в Крым для лечения и отдыха медицинской сестры Солдатенковской больницы Е. А. Нечкиной, о фельдшерице К. М. Грешновой, «которая возилась со мной много дней после операции извлечения пули» [195], и многих других.

Ни одна мелочь жизни и быта окружающих его людей не ускользала от внимания В. И. Ленина, и поэтому его поручения управделами СНК Н. П. Горбунову нередко выглядели следующим образом: «1) квартиру Юделовичу, 2) Дрова А. Гильбо, 3) Крыша А. М. Лежаве и дрова, весь ремонт» [196]. (Тут же была отмечена дата выполнения поручения управделами СНК.)

Необычайно внимателен Ленин был не только к работникам партии и государственного аппарата, но и к их семьям, и особенно к детям. Он взял на себя попечение о сыне и дочери И. Арманд после ее смерти. «Я этих молодых людей знаю и сугубо о них забочусь» [197], — писал он Ф. А. Ротштейну, тогда советскому полпреду в Иране, куда поехали на работу А. А. и В. А. Арманд.

В мае 1919 г. Ленин написал в Президиум ВЦИК специальное ходатайство о повышении жалования А. Д. Цюрупе, точно подсчитав его бюджет, стоимость обедов и ужинов на семью в 7 человек. «Недоедают! — писал он. — Берут *4 обеда,* этого мало. Дети — подростки, нужно *больше,* чем взрослому» [198].

Несколько писем Ленина относились к устройству на работу в Италии, в советском полпредстве сына А. М. Горького М. А. Пешкова [199], о котором Владимир Ильич сообщал: «Максим Пешков — коммунист. В октябре 1917 два раза белые ставили его к стенке. Надо ему помочь» [200].

В ленинских письмах можно найти указания о предоставлении комнаты дочери А. А. Преображенского [201], о лечении дочери М. Ф. Фофановой, больной тяжелой формой костного туберкулеза [202], об устройстве в показательную школу-интернат 14-летней девочки Нины Котович-Саммер, оставшейся сиротой. «Я хорошо знал отца, — писал в этой связи

[190] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 169.
[191] «Ленинский сборник», XXIII, стр. 327.
[192] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 170.
[193] Там же, стр. 220.
[194] Там же, стр. 267.
[195] Там же, стр. 268.
[196] «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 48—49.
[197] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 21.
[198] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 313.
[199] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 287—288.
[200] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 197.
[201] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 19.
[202] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 124—125.

В. И. Ленин, — покойного Ивана Адамовича *Саммера*. Старый революционер-большевик. Цекист еще до первой (1905) революции. Умер на Украине в 1920 году, надорвавшись на работе» [203].

«Очень просил бы перевести тов. Колесникову — жену расстрелянного товарища [204], ответственного работника, из занимаемой ею теперь комнаты... которая очень мала и главное *очень сыра,* в другую, сухую комнату (у Колесниковой двое детей, один хворает малярией)» [205].

Чрезвычайно чутко Ленин поддержал просьбы об оказании помощи находящейся в Крыму больной матери члена коллегии НКПС Д. С. Маркова, о назначении пенсии семье убитого при исполнении служебных обязанностей начальника уголовного розыска в Казани Н. И. Голубятникова, о вывозе матери известного геолога Д. И. Мушкетова из Крыма, «где она терпит большую нужду», о помощи отцу видного революционера Сурена Спандарьяна и т. д. [206]

Свыше десятка ленинских писем посвящено старому члену партии (с 1898 г.) Г. Л. Шкловскому, его устройству на работу и оказанию помощи его семье, где было много маленьких детей. Только в результате настойчивости Владимира Ильича вопрос о поездке Шкловского для работы за границу был решен положительно.

«Несомненно, преданный революционер, *коего надо использовать, несмотря на политические разногласия*» [207], — так писал Ленин о И. Х. Лалаянце, которого он знал с 1890-х гг. «как марксиста, и потом большевика». В 1913 г. И. Х. Лалаянц за революционную деятельность был сослан на вечное поселение в Сибирь и до 1922 г. находился в стороне от политической жизни, высказывая по некоторым вопросам свое несогласие с политикой Коммунистической партии. Все же В. И. Ленин счел необходимым помочь Лалаянцу и его семье, предоставить ему работу в Москве и принял его в начале 1922 г. [208]

Очень внимательно Ленин отнесся и к И. П. Гольденбергу-Мешковскому, в прошлом большевику, члену ЦК партии, перешедшему в годы первой мировой войны на позиции активного оборончества. Только в дальнейшем И. П. Гольденберг пересмотрел свои взгляды, отказался от них и в 1920 г. написал письмо из-за границы в ЦК партии, сообщая о своем желании вернуться в Советскую Россию и вновь встать в ряды Коммунистической партии. После приезда в Москву летом 1921 г. его принял Владимир Ильич, беседовал с ним, заботился о его устройстве на работу, предоставлении квартиры и т. д. [209] Узнав о смерти И. П. Гольденберга от паралича сердца, Ленин в тот же день (1 января 1922 г.) писал: «Я очень боюсь, почти уверен, что виновна тут наша безалабер-

[203] Там же, стр. 125. Очерк о семье Саммер см.: А. Лазебников. Их знал Ильич. М., 1967, стр. 3—8.

[204] Речь идет о Я. К. Зевине, одном из 26 бакинских комиссаров, расстрелянных английскими интервентами в сентябре 1918 г.

[205] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 104—105.

[206] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 61—62, 131, 271—272.

[207] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 286.

[208] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 112. С 1922 г. И. Х. Лалаянц начал работать в Главполитпросвете Наркомпроса РСФСР. О Лалаянце см. также т. 53, стр. 177, 286; т. 54, стр. 162.

[209] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 36 и др. И. П. Гольденберг в 1921 г. начал работать в Прессбюро НКИД.

ность, потому что он был человек крайне болезненный, а позаботиться мы совершенно не сумели». Далее Ленин просил распорядиться: «чтобы с похоронами было сделано как следует», позаботиться о его жене, которая «совершенно беспомощна и неприспособлена к русской теперешней жизни», дать некролог в печати. В заключение Ленин вновь повторил: «Очевидно эмиграция и наша русская безалаберность свели его в могилу. Мы теряем ценных работников совершенно непростительным образом» [210].

Забота В. И. Ленина о людях далеко не ограничивалась только кадрами партии, представителями старшего поколения революции и их близкими. Известно, какое внимание Ленин оказывал многим видным деятелям науки, искусства, литературы.

С лета 1921 г. Ленина начало очень беспокоить состояние здоровья А. М. Горького. «Помочь Горькому *надо и быстро*, — писал он в июне 1921 г. — ибо он из-за этого не едет за границу. *А у него кровохарканье!*» [211] Известное ленинское письмо от 9 августа с требованием немедленного отъезда за границу для лечения [212] А. М. Горький сам привел в своих воспоминаниях о В. И. Ленине, отмечая, что это письмо писал ему уже совсем больной и очень усталый Владимир Ильич. «Он больше года, — добавлял Горький, — с поразительным упрямством настаивал, чтобы я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощенный работой, помнит о том, что кто-то, где-то болен, нуждается в отдыхе?» [213]

Когда А. М. Горький находился уже за границей, Ленин постоянно напоминал ему о необходимости отдыха и лечения [214], ставил перед Политбюро ЦК вопрос о включении Горького в число «товарищей, лечащихся за границей за счет партии или Совета», чтобы обеспечить его необходимой для лечения суммой [215]. Довольно резко критикуя в письме к Горькому от 15 сентября 1919 г. позицию, занятую В. Г. Короленко в 1917 г., Ленин в то же время сам включил его имя в число тех, кого надо отправить на «капитальный ремонт» за границу.

Узнав о гибели на фронте сына А. С. Серафимовича, Ленин с исключительной теплотой и сердечностью выразил этому старейшему русскому писателю свое соболезнование. «Я крайне сожалею, — говорилось в этом письме от 21 мая 1920 г., — что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения... внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе» [216].

Не только советские люди, но и зарубежные друзья, деятели братских компартий, всегда чувствовали эту щедрую заботу и внимание со стороны В. И. Ленина. Сколько писем и записочек Владимира Ильича

[210] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 104.
[211] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 289.
[212] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 109.
[213] М. Горький. Собрание сочинений, т. 17, стр. 40.
[214] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 62—63.
[215] Там же, стр. 70—71, 181. Решение Политбюро ЦК по этому вопросу было принято 21 декабря 1921 г.
[216] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 198—199.

написано о лечении Бела Куна [217], о помощи швейцарскому коммунисту Ф. Платтену [218], поселившемуся в Советской России, о здоровье К. Цеткин [219], об обеспечении семьи К. Либкнехта, о просьбе проверить, не замерз ли в гостинице А. Гильбо, устроен ли он в санаторий [220], — всего не перечесть.

Вспоминая о встречах с Лениным летом 1922 г. во время его болезни и пребывания в Горках, А. С. Енукидзе писал:

«Мне посчастливилось в то время почти ежедневно бывать у него... Во время болезни, когда ему приходилось иметь дело с очень ограниченным кругом людей... развернулась необычайная глубина его характера. Многим трудно верится, что он был в высшей степени мягкий и необычайно деликатный человек и умел о самых простых вещах, о взаимоотношениях с людьми, так хорошо говорить, с такой теплотой, что нельзя было оторваться от его разговора. Неизмеримо много осталось от общения с Владимиром Ильичем у тех людей, которые близко соприкасались тогда с ним... Мне бы хотелось, чтобы эта эпоха его жизни была наиболее подробно описана, тогда поняли бы, что этот в высшей степени твердый, необычайно энергичный, совершенно железной, беспощадной силы воли человек в принципиальных вопросах, в отношениях к людям был в высшей степени мягок, деликатен, необычайно благороден» [221].

Вся ленинская переписка, посвященная людям и взаимоотношениям с ними, необычайно ярко раскрывает эти живые черты поистине благородного образа Ленина — не только государственного деятеля, но и человека — подлинного товарища по партии для своих соратников, настоящего учителя и друга для членов коммунистического авангарда и всех трудящихся. Все эти черты вождя и человека сделали имя Ленина не только самым великим, но и самым любимым и светлым во всей истории человечества.

3.

Последний год

Исследуя последние годы государственной деятельности В. И. Ленина, мы пытались охватить, по возможности, все стороны его работы на посту Председателя Совнаркома и СТО в 1921—1922 гг. Только начиная с 1923 г. в связи с тяжелой болезнью Ленин не мог уже непосредственно участвовать в повседневной деятельности Советского правительства, но в течение всего этого года и до конца своих дней он продолжал оказывать огромное влияние на руководство партией и страной.

Почти весь 1923 г. Ленин безвыездно провел в Горках под Москвой. Он начал поправляться, и все советские люди жили надеждой на его выздоровление и возвращение к работе.

[217] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 44—45; т. 54, стр. 239—240.
[218] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 284—285 и др.
[219] См. «Ленинский сборник», XXIII, стр. 333.
[220] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 167; «Ленинский сборник», XXIII, стр. 311, 325—326.
[221] А. С. Енукидзе. Ильич за работой. — «Старый большевик». Сборник 1, 1930, стр. 104—105.

Последний год жизни Ленина... Чтобы рассказать об этом годе, необходимо вернуться немного назад и понять, что предопределило болезнь Владимира Ильича и безвременную его смерть.

«Не было и нет человека, который имел бы такое глубочайшее чувство своей ответственности, как он. Нечеловеческая, неудержимая жажда работы, неустанная мысль, беспощадная растрата своей энергии сломили этот богатырский организм и погасили навсегда жизнь любимейшего из любимых — нашего Ильича»[222], — говорилось в обращении ЦК РКП(б) «К партии, ко всем трудящимся» после смерти В. И. Ленина.

Огромная напряженность в работе, отдача всех своих сил до конца — всегда характеризовали государственную деятельность Ленина. Тема данного исследования требовала до сих пор рассмотрения каждой из сторон этой деятельности не в прямой хронологической последовательности, а по отдельным важнейшим проблемам и участкам работы. Но все, о чем рассказано в этой книге, и то, что осталось за ее пределами, все, чем был заполнен каждый рабочий день Ленина, — все это делалось, писалось, осуществлялось одновременно. Непрерывной чередой шли заседания СНК и СТО, пленумов и Политбюро ЦК, различных комиссий и совещаний, проводились приемы, готовились доклады и многочисленные ленинские выступления перед массами, писались крупнейшие работы, статьи, письма, составлялись проекты важнейших решений партии и правительства, изучались отчеты, доклады и документы отдельных ведомств и наркоматов, редактировались и подписывались декреты, на места посылались ленинские директивы и телеграммы. Так же повседневно Ленин направлял работу народных комиссариатов и советских учреждений, профсоюзных и других массовых организаций, охватывая своим руководством все без исключения стороны экономической, политической и культурной жизни страны, вопросы внешней политики, международных отношений и мирового революционного и коммунистического движения.

Об общем количестве опубликованных ленинских документов и числе документов, в редактировании которых Ленин принимал участие, за период 1917—1923 гг. могут дать представление сводные данные таблицы 4.

Почти 6300 документов за пять с лишним лет и большинство из них написаны рукой В. И. Ленина! Но и это ведь только часть той работы, которой был заполнен каждый рабочий день Ленина и даже не самая большая его часть.

К сожалению, исследователи не располагают до сих пор полной научной биохроникой жизни и деятельности В. И. Ленина за период 1917—1923 гг.[223-224] Такая биохроника помогла бы нагляднее всего проследить день за днем и представить в полном объеме поразительные масштабы и предельную напряженность государственной деятельности Владимира Ильича.

[222] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 805.

[223-224] «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина», приложенные к основным томам пятого издания его сочинений, составлены с гораздо большей полнотой, чем это было в предшествующих изданиях. Но и они только в небольшой степени охватывают все стороны государственной деятельности В. И. Ленина.

ТАБЛИЦА 4

Год	*Общее число опубликованных документов В. И. Ленина* *	*Число документов, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин* **	*Неразысканные письма и документы В. И. Ленина* **	*Всего*
1917 (с 25.X)	222	14	6	242
1918	1099	136	33	1268
1919	999	96	22	1117
1920	838	130	59	1027
1921	1758	90	202	2050
1922	463	14	104	581
1923 (январь—март)	10	—	—	10
Итого	5389	480	426	6295

* Подсчитано по «Хронологическому указателю произведений В. И. Ленина», ч. 2, который вышел в свет в 1962 г., т. е. до завершения издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, где впервые были опубликованы многие новые ленинские документы. Поэтому эти данные не являются полными и тем более исчерпывающими.

** Подсчитано по приложениям к Полному собранию сочинений В. И. Ленина (тома 35—45 и тома переписки 50—54).

Конечно, огромную работу по руководству партией и государством Ленин вел не один, а вместе со своими соратниками, выдающимися деятелями старой большевистской гвардии, опираясь на поддержку народа и всей партии. Ф. Э. Дзержинский, А. Д. Цюрупа, Г. В. Чичерин, М. И. Калинин и многие, многие другие, вместе с Лениным, самоотверженно и героически отдавали все свои силы, все помыслы и энергию делу строительства и победы социализма в СССР.

Недаром Ленин, определяя новые функции руководителя в Советском государстве, писал, что «руководитель-коммунист тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников... что он *умеет им* помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть» [225].

Ленин высказал эту мысль по определенному и совершенно конкретному поводу в статье «О работе Наркомпроса». Но ленинское указание имело более широкое и общее значение, и сам Владимир Ильич обладал этим качеством руководителя в полной и самой высокой степени.

Вдохновляющему примеру исключительной работоспособности Ленина, его организованности и поразительной дисциплине в труде, всепоглощающему чувству ответственности за порученное дело, за судьбы страны и ее будущее следовали те, кто работал вместе с ним. Но львиная доля ответственности падала на Владимира Ильича, как руководителя и вождя партии и государства.

[225] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 325.

Все годы своей государственной деятельности он работал почти без отдыха, без отпуска, без перерыва. Мария Ильинична Ульянова впоследствии вспоминала, что в начале марта 1923 г. Владимир Ильич говорил ей: «В 1917 г. я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 г. по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было...» [226]

Но даже злодейское ранение Ленина в 1918 г. вывело его из строя только на две недели — с 30 августа примерно до середины сентября. 16 сентября Ленин участвовал в заседании Политбюро ЦК, а 17 сентября председательствовал на заседании Совнаркома. 18 сентября он сделал следующую приписку к официальному бюллетеню о состоянии его здоровья: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочувствия покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами» [227].

С 25 сентября по 15 октября 1918 г., очевидно, по настоянию врачей Ленин находился в Горках, а потом весь 1919 г. и весь 1920 год работал почти без отдыха, иногда только уезжая в воскресный день за город или на охоту. Не удивительно, что уже к концу гражданской войны начало сказываться сильнейшее переутомление, появились тяжелая бессоница и головные боли.

1921 год — первый мирный год в жизни Советской страны — не только не ослабил темпы работы Ленина, но еще больше их усилил. Именно на этот год, как мы видели, падало наибольшее число ленинских документов — свыше 2000 — почти столько же, сколько за два предыдущих года. X съезд партии, организация перехода к новой экономической политике, III конгресс Коминтерна — все это требовало максимального напряжения всех сил. К тому же бедствия народных масс в голодный 1921 год означали не только необходимость повседневной и настойчивой борьбы для преодоления трудностей, но являлись сами по себе очень тяжким переживанием для Ленина.

К лету 1921 г. состояние здоровья Владимира Ильича, очевидно, начало вызывать тревогу, и Политбюро ЦК 4 июня приняло решение предоставить Ленину отпуск и обязать его до начала конгресса Коминтерна приезжать в город лишь с разрешения Оргбюро [228]. Но Ленин не воспользовался этим отпуском и продолжал работать.

8 июля, впервые за годы своей государственной деятельности, Ленин передал в Оргбюро ЦК заявление о разрешении ему отпуска по заключению врачей на один месяц «с приездом 2—3 раза в неделю на 2—3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО». Срок начала отпуска он обещал сообщить дополнительно [229].

На следующий день, 9 июля, Политбюро ЦК постановило предоставить Ленину отпуск на один месяц «с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев — по решению секретариата ЦК)» [230].

[226] М. И. Ульянова. Ранение. — «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. I, М., 1968, стр. 184.
[227] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 698.
[228] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43. стр. 546, даты жизни и деятельности В. И. Ленина.
[229] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 17.
[230] Там же, стр. 379—380, прим.

11 июля Ленин выступил с речью на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций III конгресса Коминтерна, а с 13 июля начал свой отпуск, уехав в Горки. Но 15 июля он вновь в Москве — принимает американского сенатора Франса, председательствует на заседаниях СНК и СТО, присутствует на заседании Политбюро 15 и 16 июля, 19 июля и 3 августа вновь председательствует в СТО, а 8—9 августа участвует в работе пленума ЦК. Перед отъездом в отпуск Ленин оставляет ряд распоряжений секретариату СНК[231], просит присылать новейшие иностранные газеты и все необходимые ему материалы.

18 июля в приветствии I конгрессу Профинтерна, благодаря за приглашение участвовать в работе конгресса, Ленин писал: «Глубоко сожалею, что не могу по болезни исполнить этого, так как должен был по предписанию врача уехать из Москвы на месячный отпуск»[232]. Каков был на деле этот месячный отпуск, показывают следующие факты. Именно в начале своего отпуска Ленин редактировал и писал замечания по поводу тезисов ВСНХ о новой экономической политике, вел переписку с А. А. Коростелевым о работе Комсохоора, заботился о скорейшем издании и распространении «Наказа от СТО», посылал письма в Центросоюз о работе кооперации и организации товарообмена, улаживал конфликт в Главрыбе и давал указания об организации рыбной путины, следил за снабжением Каширстроя, работой Гидроторфа, писал свои ответы на вопросы С. Г. Саид—Галиева[233], а в конце июля и начале августа разговаривал по прямому проводу с Харьковом о ставках продналога и заготовках хлеба на Украине[234], подсчитывал данные о сборе там продналога, требовал от Л. Б. Красина скорейшей закупки продовольствия за границей и осуществления намеченных мер борьбы с голодом.

2 августа Ленин написал обращения «К международному пролетариату» и «К крестьянам Украины» о помощи голодающим, 5 августа — письмо Г. Мясникову, а 13 и 14 августа — большие письма «Товарищу Томасу Беллу» и «К немецким коммунистам».

Так прошел месяц отпуска Ленина, и в результате 9 августа он признавался в письме к А. М. Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу»[235]. В тот же день, 9 августа, пленум ЦК, на котором Владимир Ильич присутствовал, обсудил заявление Н. И. Бухарина «О запрещении Ленину усиленно работать ввиду его болезни» и принял следующее решение: «Обязать тов. Ленина продолжать отпуск точно на то время и тех условиях, как будет указано врачом (проф. Готье), с привлечением тов. Ленина на те заседания (советские и партийные), а равно на ту работу, на которую будет предварительное формальное согласие секретариата ЦК»[236]. Ленин подчинился этому решению и в течение августа и почти всей первой половины сентября не председательствовал в СНК и СТО и не присутствовал на заседаниях Политбюро[237].

[231] См. там же, стр. 26—27.
[232] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 72.
[233] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 45—46.
[234] См. там же, стр. 71—73, 101—102.
[235] Там же, стр. 109.
[236] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 669, даты.
[237] После 15 июля Ленин вновь председательствовал в СНК 13 сентября, в СТО — 16 сентября, участвовал в работе Политбюро 16 сентября.

В это время Ленин в своих письмах иногда писал: «...а я сейчас в отпуску: переутомился и лечусь»[238]. Он отклонял просьбы о приеме или о написании каких-либо статей и поручал секретарям СНК отвечать: «Прошу ответить, что не могу», «Ответить им: очень извиняюсь, не могу по болезни»[239], «Принять никак не могу, так как болен»[240].

Но фактически работа и в эти месяцы не прекращалась. Особенно усилилась, как и всегда во время отпусков, ленинская переписка. Если в феврале 1921 г. Ленин написал около 60 писем и других документов (не считая статей), в марте — свыше 70, а на апрель и май (на каждый месяц в отдельности) приходилось более 100 писем, то в июне их количество возросло до 174, в июле — 155, августе — 187, сентябре — 183 (включая телеграммы и другие распоряжения В. И. Ленина).

Ленин продолжал работать, потому что это требовалось сложившимися обстоятельствами, неотложностью и важностью вопросов. Напомним, что в августе и сентябре шли переговоры о заключении договора с «АРА», переговоры с Нансеном, в Политбюро решался вопрос о роспуске «Помгола» за контрреволюционную деятельность. Это были самые напряженные месяцы борьбы с голодом и начала сбора продналога. Ленин лично подписывал телеграммы на места с требованием мобилизации всех сил для оказания помощи Поволжью.

В августе осуществлялся переход к коллективному снабжению, начали готовиться тезисы (положение) по тарифному вопросу, которым Ленин придавал такое большое значение и вел по их поводу большую переписку. Наконец, были и такие дела, которые Ленин никогда не выпускал из поля своего зрения и контроля, — строительство Каширской и Волховской ГЭС, Гидроторф, радиостроительство, электроплуги, помощь Донбассу и Баку и т. д.

С середины сентября до начала декабря 1921 г. Ленин снова полностью включился в работу, председательствовал на заседаниях СНК и СТО, участвовал в работе Политбюро ЦК и пленумов ЦК. Но в первых числах декабря состояние здоровья Владимира Ильича вновь потребовало хотя бы краткого отдыха до начала работы IX Всероссийского съезда Советов. 3 декабря принимается соответствующее решение Политбюро, а 6 декабря Ленин уезжает в Горки. Из нескольких писем, посланных им в этот день, видно, что его больше всего тревожила опасность потери работоспособности. Об этом прямо говорилось в письме к В. М. Молотову: «Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мной порции работы и увеличение порций отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов. Перешлите членам Политбюро для осведомления их *на всякий случай*»[241].

В декабре Политбюро, подтверждая свое решение об отпуске Ленина, признало необходимым «соблюдение абсолютного покоя для т. Ленина» и запретило его секретариату «посылку ему каких бы то ни было бумаг,

[238] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 119.
[239] «Ленинский сборник», XXIII, стр. 314, 315.
[240] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 142.
[241] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 65—66. О своей болезни Ленин писал в тот же день (6 декабря 1921 г.) в письмах к А. М. Горькому, М. Н. Покровскому и М. Г. Цхакая (см. там же, стр. 62, 66).

с тем чтобы т. Ленин смог выступить с короткой (хотя бы с получасовой) речью на съезде Советов»[242]. Понимая значение своего выступления на IX съезде Советов, Владимир Ильич решает продлить отпуск на срок до двух недель и пишет об этом 16 декабря В. М. Молотову для членов Политбюро[243].

В работе XI партконференции Ленин не участвовал, он внес только свои замечания к проекту ее резолюции о чистке партии[244], но очень тщательно готовился к докладу на IX съезде Советов и посылал запросы всем наркоматам, требуя получения необходимых отчетных сведений[245]. 23 декабря Ленин сделал на съезде большой доклад от имени ВЦИК и СНК, выступал 26 декабря на совещании беспартийных делегатов и подготовил важные решения съезда — «Наказ по вопросам хозяйственной работы» и проект декларации о международном положении.

28 декабря Ленин участвовал в работе пленума ЦК, а 31 декабря — в заседании Политбюро, которое в этот день приняло решение о продлении отпуска Владимиру Ильичу: «1) с запрещением выезжать в Москву без разрешения секретариата ЦК, 2) с обязательством назначить определенный один час в неделю для переговоров по телефону по наиболее важным вопросам».

В дальнейшем, 2 февраля, 28 февраля и 7 марта 1922 г. Политбюро принимало новые постановления, продлевающие отпуск Владимира Ильича вплоть до конца марта — до XI съезда партии.

Однако эти месяцы — и декабрь 1921 г. и январь—март 1922 г. были заполнены огромной, ни на один день не прекращающейся работой. Не председательствуя больше до октября 1922 г. на заседаниях СНК и СТО, не участвуя лично в заседаниях Политбюро, чрезвычайно сократив прием и публичные выступления, живя большей частью за городом под Москвой, В. И. Ленин перенес все свое внимание на подготовку важнейших документов, определяющих задачи дальнейшей работы СНК и СТО[246].

31 декабря, в тот день, когда Политбюро продлило отпуск В. И. Ленина, он взял на себя поручение подготовить и написать тезисы ЦК партии «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» и закончил этот важнейший документ в первые дни своего отпуска (январь 1922 г.).

Свыше 120 ленинских писем, записок, телеграмм и распоряжений приходилось только на декабрь 1921 г., а на январь—февраль 1922 г. — около 200 (преимущественно по вопросам подготовки к Генуэзской конференции, о монополии внешней торговли, по вопросам финансовой и концессионной политики, о задачах Наркомюста и НК РКИ и многим другим).

Почти к каждому заседанию Политбюро ЦК Ленин направлял свои предложения и проекты решений к повестке дня. В феврале и марте

[242] Там же, стр. 580—581, прим.
[243] См. там же, стр. 74.
[244] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 285—286.
[245] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 76—80.
[246] О значении ленинских писем и постановления о работе заместителей председателя СНК и СТО, написанных в феврале—апреле 1922 г., уже говорилось выше (см. гл. X, § 1).

1922 г. он написал известные статьи «Заметки публициста», «О значении воинствующего материализма» и предисловие к книге И. И. Степанова-Скворцова об электрификации РСФСР. Наконец, 6 марта, впервые после IX съезда Советов, Ленин выступил с большой речью «О международном и внутреннем положении Советской республики» на комфракции Всероссийского съезда металлистов.

С середины марта 1922 г., когда началась подготовка к XI съезду партии, отпуск Владимира Ильича закончился. Он возвратился к работе и представил в Политбюро ЦК план своего доклада на съезде. С 27 марта по 2 апреля он руководил всей его работой. Съезд открылся вступительной речью Владимира Ильича 27 марта. В тот же день он выступил с политическим отчетом ЦК, 28 марта — с заключительным словом по отчету, а 2 апреля — с речью при закрытии съезда. Ленин вносил свои предложения по проектам отдельных резолюций: по отчету делегации РКП в Коминтерне, о работе в деревне, а в основу резолюции съезда о профсоюзах были положены ленинские тезисы по этому вопросу.

После съезда В. И. Ленин участвовал в работе пленума ЦК нового состава (3 апреля), а затем в течение апреля и мая присутствовал на всех заседаниях Политбюро ЦК [247].

Однако в состоянии здоровья Владимира Ильича вновь наметилось значительное ухудшение. Он сам писал об этом в некоторых своих письмах. Так, в письме В. В. Адоратскому он сообщал: «Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду» [248].

Всю гигантскую работу, которую Ленин проводил именно в эти месяцы, он считал недостаточной и поэтому для восстановления прежней работоспособности продумывал план поездки для лечения на Кавказ. Он писал в этой связи Г. К. Орджоникидзе 7 апреля 1922 г.: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом» [249].

Поездку на Кавказ не удалось реализовать, а 23 апреля Владимиру Ильичу сделали в Боткинской больнице операцию по извлечению пули, которая не принесла ему улучшения. Поэтому в мае 1922 г. был решен вопрос об отдыхе Ленина в Горках. Перед отъездом, 21 мая, он написал следующее распоряжение руководителям центральных учреждений и организаций: «Уезжая в отпуск на несколько месяцев, я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний». Далее следовали указания, как это надо выполнить, а на секретарей СНК возлагалась обязанность следить за исполнением и регулярно посылать в Горки центральные советские газеты, сноситься с Коммунистическим Интернационалом и НКИД о важнейших иностранных и заграничных русских изданиях [250].

22 мая Ленин провел совещание со своими заместителями (А. Д. Цюрупой и А. И. Рыковым) по важнейшим текущим вопросам (Нижегород-

[247] В. И. Ленин присутствовал на заседаниях Политбюро ЦК 6, 13, 20, 27 апреля и 4, 11, 16, 18 мая 1922 г.
[248] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 228.
[249] Там же, стр. 229; см. также письма В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе о поездке на Кавказ от 8, 9 и 17 апреля 1922 г., стр. 230—231, 241—242.
[250] Там же, стр. 268—269.

ская радиолаборатория и радиостроительство, орошение Муганской степи, работа Наркомюста, НКВТ и НКПС), а 23 мая принял председателя СНК Крымской республики, беседовал с ним о разногласиях среди татарских коммунистов и после беседы написал письмо «Татарским товарищам коммунистам».

23 мая 1922 г. Ленин уехал в Горки и в первый же день своего отпуска (24 мая) направил И. В. Сталину для членов Политбюро письмо о концессии Хаммера. Но огромное напряжение сил в предшествующие месяцы сразу же сказалось и 25—27 мая произошел первый тяжелый приступ болезни Ленина (кровоизлияние в мозг), приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и легкому расстройству речи.

Только ленинский характер и воля помогли на этот раз необычайно быстро справиться с болезнью. Примерно через три недели наступило улучшение в состоянии здоровья Владимира Ильича, и 15 июня он уже продиктовал М. И. Ульяновой письмо для И. В. Сталина [251], 18 июня беседовал с Н. К. Крупской о процессе эсеров, а 24 июня во время консультации врачей передал через Н. А. Семашко некоторые поручения для ЦК партии, в частности о необходимости быть очень осторожными во время переговоров в Гааге [252].

В конце первой половины июля Ленин постепенно включается в работу, 11 июля он принимает И. В. Сталина, 12 июля посылает письмо Л. Б. Каменеву по вопросам работы ЦК партии, а 13 июля пишет следующую записку Л. А. Фотиевой: «Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который *начинает* становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать мне списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена)» [253].

В записке И. В. Сталину 18 июля Ленин опять с радостью сообщает: «Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты*! С сегодня на старые, с воскресенья *на новые!*» [254].

В июле (14 и 16) Ленин принял также Л. Б. Каменева и Н. И. Бухарина, 20 июля он внес свои предложения в Политбюро ЦК по вопросам продовольственного налога и о концессиях, а в конце июля — первых числах августа беседовал с членами Политбюро о подготовке к XII партийной конференции.

В августе Ленин написал уже около 10 писем в различные ведомства, в том числе в НК РКИ и А. И. Свидерскому о задачах деятельности РКИ, просмотрел присланные ему материалы об РКИ, послал письма в Наркомфин М. К. Владимирову, А. И. Рыкову о работе американского тракторного отряда в Пермской губернии и т. д. Он принял в августе около 15 человек (М. К. Владимирова, председателя ЦИК Азербайджана С. А. Агамали-Огли и А. С. Енукидзе, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровского и Х. Г. Раковского, Н. Н. Крестинского, Л. Б. Красина,

[251] См. список неразысканных писем В. И. Ленина, приложенных к 54-му тому Полного собрания его сочинений.
[252] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 681, даты жизни и деятельности В. И. Ленина.
[253] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 273.
[254] Там же.

Н. Л. Мещерякова, Е. А. Преображенского, А. И. Рыкова, А. И. Свидерского, И. И. Скворцова-Степанова и три раза И. В. Сталина).

7 сентября в письмах Н. И. Бухарину и Н. Н. Крестинскому Ленин дважды повторяет: «Я уже почти здоров»[255]. 11 сентября консилиум врачей разрешает ему с 1 октября приступить к работе. Поэтому в сентябре по существу возобновляется обычный темп ленинской деятельности, продолжается прием руководящих работников партии[256] и значительно увеличивается ленинская переписка (свыше 30 писем).

17 сентября 1922 г. Ленин послал приветствие V Всероссийскому съезду профсоюзов, которое начиналось словами: «Мне первый раз приходится, после долгой болезни, выступать — хотя бы и письменно — перед съездом»[257]. На следующий день в письме к профессору Ю. В. Ломоносову В. И. Ленин сообщал: «Я еще не вернулся к работе, но скоро (1.X) вернусь»[258], а в письме к Г. Е. Зиновьеву он дал свое условное согласие выступить с докладом на IV конгрессе Коминтерна, тут же добавляя: «Я вправе *надуть*, но только если здоровье или дела *не позволят*»[259].

19 сентября в записке В. А. Смольянинову были переданы четкие ленинские указания о пересылке в Горки части протоколов и решений СНК и СТО за последние месяцы, а также всех протоколов Политбюро и пленумов ЦК. 23 сентября Ленин сообщает М. И. Гляссер и В. А. Смольянинову о своем приезде в Москву 2 октября и о намерении председательствовать в СНК во вторник 3 октября. Он намечает заранее регламент заседания с 5 до 9 часов вечера с перерывом на $^1/_4$ часа. «Предупредите курильщиков. *Не курить. Строго.* В перерыве (в соседней комнате) чай и курение... Все это Вы должны устроить *хорошо*. Во вторник *утром* мне приготовить *материалы* по *всей* повестке»[260].

Перед самым приездом в Москву Ленин послал Л. Б. Каменеву для членов Политбюро свое известное письмо «Об образовании СССР», а 3 октября впервые после долгого перерыва председательствовал в Совнаркоме. 4 октября в «Правде» и «Известиях» были опубликованы сообщения о председательствовании Владимира Ильича на заседании Совнаркома 3 октября. «Вечернее заседание Большого СНК, — писала «Правда», — проходило под непосредственным председательством Владимира Ильича Ленина. В. И. Ленин фактически вернулся к исполнению обязанностей председателя Совнаркома».

Но этот период возобновления работы Ленина продолжался недолго — со 2 октября до середины декабря 1922 г. Несмотря на более строгий режим рабочего дня и назначение на равных правах еще одного заместителя председателя Совнаркома — Л. Б. Каменева, уже к концу ноября

[255] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 280.
[256] В сентябре 1922 г., кроме членов Политбюро, Ленин принял Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, Д. З. Мануильского, Л. Б. Красина, М. П. Томского, Г. Л. Пятакова и Л. М. Хинчука.
[257] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 209. О содержании приветствия Ленин предварительно советовался с М. П. Томским и послал его на просмотр членам Политбюро (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 280—281, 282).
[258] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 284.
[259] Там же.
[260] Там же, стр. 287.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле
4 октября 1922 г.

врачи предписали Ленину неделю абсолютного отдыха. 7 декабря он уехал в Горки и начал готовиться к докладу на X съезде Советов. Вернувшись в Москву 12 декабря, Владимир Ильич в этот день последний раз работал в своем кабинете в Кремле. 13 декабря начался новый приступ болезни, и врачам с трудом удалось уговорить его не выступать ни на каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. В конце концов Ленин на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела [261].

«Ввиду повторения болезни, — писал он своим заместителям по СНК и СТО 13 декабря, — я должен ликвидировать сейчас всякую политическую работу и возобновить свой отпуск» [262]. В тот же день он продиктовал по телефону письмо «О монополии внешней торговли» для пленума ЦК, а 15 декабря в письме И. В. Сталину писал: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно» [263].

В ночь с 15 на 16 декабря вновь произошло ухудшение состояния здоровья Ленина, а в ночь с 22 на 23 декабря наступил паралич всей правой стороны тела.

Когда во второй половине декабря 1922 г. для лечения Ленина прилетел из-за границы известный невропатолог профессор Ферстер, ему, вспоминала Мария Ильинична, был задан следующий вопрос: «Не из-за того ли, что В. И. Ленин с начала октября до середины декабря снова был на работе, развитие болезни пошло ускоренным ходом?» «Если бы Ленина в октябре 1922 г. и дальше оставляли бы в бездеятельном состоянии, — ответил Ферстер, — он лишился бы последней большой радости, которую он получил в своей жизни. Дальнейшим полным устранением от всякой деятельности нельзя было бы задержать ход его болезни. Работа для Владимира Ильича была жизнью, бездеятельность означала смерть» [264].

«Работа для Владимира Ильича была жизнью»... Он не мог не работать, не мог не *думать*, как он позже сам говорил, о судьбах революции, судьбах партии и дальнейших задачах социалистического строительства. Н. К. Крупская рассказывала впоследствии, что беда была в том, что в начале болезни врачи запретили Владимиру Ильичу чтение и вообще работу. «Думаю, что это неправильно было, — писала она, — Ильич часто говорил мне: „Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать“» [265].

Когда в декабре 1922 г. новый приступ болезни заставил В. И. Ленина полностью прервать работу, он, не имея возможности писать (паралич правой руки), решил начать диктовать все, о чем думалось всегда и ежечасно. Владимир Ильич потребовал разрешить ему диктовать ежедневно, хотя бы в течение короткого времени, иначе он вовсе откажется лечиться [266]. В ответ на этот ленинский «ультиматум» после совещания членов Политбюро ЦК (И. В. Сталина, Л. Б. Каменева, Н. И. Бухарина) с врачами было принято следующее решение: «Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен

[261] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 708, даты.
[262] Там же, стр. 331.
[263] Там же, стр. 338.
[264] Л. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, стр. 274—275.
[265] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 481.
[266] Л. А. Фотиева. Указ. соч., стр. 277.

ждать ответа. Свидания запрещаются... Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений»[267].

Получив это решение, которое было продиктовано заботой о его здоровье, Ленин начал диктовать свои последние письма и статьи не по 5—10 минут в день, а по 20—30 минут, а иногда и значительно больше[268]. К тому же заранее, до диктовки, он продумывал основные положения, а потом (после диктовки) внимательно просматривал записанное, вносил необходимые исправления. Это занимало почти весь день. Трудность состояла и в том, что Владимир Ильич не привык диктовать, предпочитая писать, и чтобы приобрести необходимые навыки, ему приходилось затрачивать дополнительные усилия.

Пять из продиктованных Лениным статей («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше») были вскоре после их завершения напечатаны в «Правде», в январе—мае 1923 г. Но часть ленинских записок не предназначалась тогда для опубликования, их содержание было доведено до сведения делегатов XII съезда РКП(б) и по ним приняты соответствующие решения (это предложения о реорганизации Рабкрина, о формах создания Союза ССР, об увеличении числа членов ЦК и т. д.). Только первый из продиктованных документов — «Письмо к съезду» — был передан В. И. Лениным Н. К. Крупской с тем, чтобы после его смерти он был доведен до сведения очередного партийного съезда[269].

Все, что было продиктовано В. И. Лениным в период с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г., являлось по существу его политическим завещанием партии. Мы уже рассматривали содержание и значение этих ленинских работ в различных разделах данной книги. Но сейчас, в заключение, важно подчеркнуть полное единство замысла, который от начала до конца пронизывал каждую строку ленинских записок и писем, неразрывную связь всех этих документов, как единого и нераздельного целого.

Именно в своей совокупности последние ленинские работы, гениально обобщая и осмысливая весь пройденный путь, давали цельную программу дальнейшей деятельности и борьбы партии, как бы завершая ленинский план строительства социализма в СССР. Все стороны этого плана — индустриализация страны и ликвидация ее технико-экономической отсталости, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция — были вновь развиты Владимиром Ильичем.

Ленин предвидел те трудности, которые встанут на пути решения этих задач. Он предвидел, что враги пролетариата, предатели и ренегаты, ни перед чем не остановятся, чтобы помешать торжеству социализма в Советской стране. Недаром А. М. Горький говорил, что Ленин хорошо знал счет врагам пролетариата.

[267] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 710, даты.

[268] Так, 7 февраля 1923 г. запись М. А. Володичевой в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» сообщала, что она была у Владимира Ильича около полутора часов (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 483).

[269] Только первая часть «Письма к съезду» (запись 23 декабря) была в тот же день направлена И. В. Сталину. Остальные записи (24, 25, 26 декабря и 4 января 1923 г.) Н. К. Крупская передала в ЦК 18 мая 1924 г., и они были оглашены по делегациям на XIII съезде партии.

Поэтому в последней статье «Лучше меньше, да лучше» такое большое внимание было уделено вопросам строительства социализма в условиях капиталистического окружения и опасности грядущего столкновения с капиталистическими государствами. Можем ли мы спастись от этого столкновения? — ставил вопрос Ленин и отвечал, что исход борьбы в конечном счете зависит от того, что гигантское большинство населения земли «втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [270].

Ленин добавлял тут же, что победа в грядущих боях с мировым империализмом в значительной мере определяется тем, сумеем ли мы до следующего военного столкновения «успеть цивилизоваться», успеть создать новую, социалистическую цивилизацию, т. е. построить социализм в СССР и добиться социалистического освобождения других стран, в первую очередь народов Востока, которые составляют гигантское большинство населения земного шара. Не прошло и 30 лет, как это гениальное предвидение Ленина полностью оправдалось.

В своих последних работах В. И. Ленин определил также и основные условия, обеспечивающие успех построения социализма в СССР. Первое условие, которое с особой силой было подчеркнуто, — укрепление руководящей роли партии, сохранение ее единства и монолитности. Враги партии пытались воспользоваться тяжелой болезнью Ленина для новой атаки, добиваясь раскола партии и тем самым гибели диктатуры пролетариата. Дискуссия в партии, навязанная Троцким и троцкистами, недаром происходила зимой 1923 г., в тот момент, когда Владимир Ильич был тяжело болен.

Поэтому Ленина так глубоко волновал вопрос об увеличении прочности и устойчивости партии и ее Центрального Комитета в условиях, когда неизбежно было, как он предвидел, дальнейшее обострение борьбы с капиталистическим окружением. Он предлагал продумать меры по укреплению и сплочению руководящего ядра партии и расширения состава ЦК за счет лучших представителей рабочего класса.

В записках, продиктованных 24 декабря и 4 января, Ленин дал персональную характеристику некоторых членов ЦК, отметив ошибки Троцкого, Каменева и Зиновьева, а также недостатки Сталина. Сделавшись генсеком, писал Владимир Ильич, И. В. Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» [271]. В связи с этим Ленин и предлагал «обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении

[270] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 404.
[271] Там же, стр. 345.

Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»[272]. Будущее показало, как прозорливо Ленин видел те опасности, которые возникли много лет спустя и от которых он так хотел предохранить партию.

Продумывая все пути укрепления единства партии, Ленин выдвинул свой план создания объединенного органа ЦКК — РКИ. Он возлагал на этот орган две взаимосвязанные задачи: охрана единства партии, борьба с любыми проявлениями фракционности и нарушениями партийной дисциплины, во-первых, и всемерное улучшение и совершенствование советского государственного аппарата, во-вторых. Именно эти два условия Ленин считал решающими для деятельности партии и государства и поэтому уделял им много внимания в своих последних работах.

Наконец, в статье «О нашей революции», направленной против меньшевика Суханова, Ленин с огромной силой и яркостью сформулировал свой основной завет — развивать марксистскую теорию, обогащать ее новым опытом, новыми обобщениями, стоять на почве творческого марксизма, ведя борьбу не только против оппортунизма и ревизионизма всех видов, но и против педантства и догматизма.

Ленин знал, что Коммунистическая партия, монолитная и сплоченная, владеющая оружием марксистской теории, двигающая эту теорию вперед, непобедима. На этом и была основана непоколебимая ленинская уверенность и убежденность в конечной победе дела партии, дела социализма в СССР и во всех странах мира.

Весь этот огромный труд, имевший неоценимое значение для партии, тяжело больной Владимир Ильич проделал за первые два месяца 1923 г. О том, как он жил и работал в эти месяцы, подробно рассказано в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина»[273]. Записи этого «Дневника» свидетельствуют, что больше всего Владимира Ильича тяготило отсутствие информации и вынужденная, почти полная изоляция от всех дел. Поэтому он так решительно протестовал в письме к И. В. Сталину от 5 марта 1923 г. против грубо высказанных Сталиным замечаний Н. К. Крупской и угрозы привлечения ее к партийной ответственности за то, что она записала под диктовку В. И. Ленина письмо по вопросу о монополии внешней торговли в декабре 1922 г.[274] Ленин узнал об этом только в начале марта 1923 г. и писал Сталину: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения»[275].

6 марта была продиктована последняя ленинская записка П. Г. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе и др.[276], и в тот же день наступило новое ухудшение в состоянии здоровья Владимира Ильича. 10 марта усилился паралич правой части тела и произошла потеря речи. С этого времени Ленин не

[272] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 346.
[273] Там же, стр. 455—486.
[274] Чтобы обеспечить полный покой В. И. Ленина, пленум ЦК 18 декабря 1922 г. возложил на И. В. Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Владимира Ильича.
[275] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 330. Как сообщила потом Мария Ильинична, И. В. Сталин принес Н. К. Крупской свои извинения.
[276] См. там же, стр. 330.

мог больше ни писать, ни диктовать свои письма. Начались самые трудные, самые тяжкие для Владимира Ильича месяцы и дни. Об этом периоде его жизни, начиная с переезда в Горки в мае 1923 г., подробно рассказано в воспоминаниях Н. К. Крупской, впервые опубликованных в 1968 г.[277]

«С июля шло выздоровление, и в связи с этим совершенно изменилось настроение», — писала она в этих воспоминаниях. Владимир Ильич начал ходить, а 10 августа 1923 г. настоял, чтобы ему давали газеты, ибо «установил, что про себя он может читать... Газету он читал ежедневно, вплоть до дня смерти, сначала „Правду", а потом просматривал и „Известия". Мы очень боялись волнующего влияния газеты, но отнять у Ильича газету, лишить его этой связи с миром было немыслимо»[278]. Из газет Ленин узнал об убийстве В. В. Воровского, о смерти Л. Мартова, о болезни А. М. Горького, что очень его волновало. Н. К. Крупская перечисляла также книги, которые она читала в это время Владимиру Ильичу («Мои университеты» Горького, стихи Демьяна Бедного, рассказы Джека Лондона и др.).

В письмах к дочери Инессы Арманд — И. А. Арманд — в сентябре 1923 г. Надежда Константиновна писала: «...Сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется... Поправка идет здоровая... Настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться. С речью тоже прогресс большой — Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка... Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уж, что выздоравливает... Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся». И в другом письме: «У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У В. выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело. Вообще, как далеко пойдет поправка — никто сказать не может, может и полное восстановление быть. Приходится одно — запастись терпением»[279].

Осенью 1923 г. Ленин нередко совершал прогулки на автомобиле, а 18 октября приехал из Горок в Москву, побывал в своем кабинете в Кремле, отобрал книги в библиотеке, а 19 октября последний раз проехал по улицам Москвы и, возвращаясь в Горки, посетил Сельскохозяйственную выставку, открывшуюся еще в августе 1923 г.

В конце октября Владимира Ильича навестили в Горках О. А. Пятницкий и И. И. Степанов-Скворцов, рассказывали ему о ходе выборов в Московский Совет, о работе Исполкома Коминтерна и о революционных событиях в Германии. «Когда я увидел Ильича, — вспоминал О. А. Пятницкий, — я был поражен: я увидел прежнее лицо Ильича, его умные прекрасные глаза. Выражение его глаз, улыбка, которая играла на его лице, были такие же, какие я видел десятки и сотни раз»[280].

[277] Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 459—464.
[278] Там же, стр. 461
[279] И. А. Арманд. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — «Воспоминания о В. И Ленине», т. 4. М., 1969, стр. 339.
[280] О. А. Пятницкий. У Ленина в Горках. — «Воспоминания о В. И. Ленине», ч. 2, стр. 676.

2 ноября 1923 г. Ленин принял делегацию рабочих Глуховского хлопчатобумажного комбината, которые привезли в подарок Ильичу 18 вишневых деревьев для посадки в Горках. В своих воспоминаниях об этой последней встрече Ленина с рабочими рассказала член делегации работница П. А. Холодова [281]. Ленин в это время не говорил, но всем казалось, глядя на его лицо, что он активно участвует в беседе [282].

В январе 1924 г. Владимир Ильич захотел ознакомиться с основными документами XIII Всероссийской партийной конференции (16—18 января 1924 г.) и просил читать ему весь отчет о ее работе. «Когда в субботу (19 января. — *Э. Г.*) Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, — писала Н. К. Крупская, — я сказала ему, что резолюции приняты единогласно. Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций» [283].

Таким образом, Ленин был осведомлен о работе партконференции и о принятой ею резолюции «Об итогах дискуссий и о мелкобуржуазном уклоне в партии», где давалась оценка троцкистской оппозиции.

В письме к А. М. Горькому от 28 января 1924 г., уже после смерти Ленина, Надежда Константиновна писала: «Он был до самой смерти таким каким и раньше — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившемся о других» [284].

Знал ли Владимир Ильич в этот последний год своей жизни о том, какая большая и искренняя тревога охватила всех советских людей в связи с его болезнью и какой поток приветствий и пожеланий скорейшего выздоровления хлынул на его имя со всех концов Советской страны? Можно предполагать, что знал, так как читал газеты, и получал большую радость от такой формы общения с массами, когда он не мог говорить с ними сам.

В апреле 1922 г. трудящиеся поздравили Владимира Ильича с 52-й годовщиной со дня его рождения. Крестьяне с. Правые Ламки Моршанского уезда Тамбовской губернии в своем приветствии сообщали, что «писали письмо все беспартийные, все малограмотные, если не так написано, то простите нас, мы хотя беспартийные, но сердца наши и дух наш коммунистический, мы поняли, что в данный момент, действительно власть трудящихся» [285].

«Помню, — рассказывала в своих воспоминаниях М. И. Ульянова, — как просветлело лицо Владимира Ильича, когда он читал письмо. Он наказал мне напомнить ему ответить и, действительно, ответил» [286].

4, а затем 18 июня 1922 г. в «Правде» впервые были опубликованы бюллетени о состоянии здоровья Ленина после первого приступа его болезни. Сообщения в печати о заболевании Ленина неизбежно вызывали большую тревогу. В письмах трудящихся к Ильичу звучала одна мысль, одно горячее пожелание — поскорее выздороветь и приступить к работе.

[281] «Рабочие и крестьяне России о В. И. Ленине», стр. 335.
[282] См. письмо Н. К. Крупской М. И. Гляссер в декабре 1938 г. о воспоминаниях П. А. Холодовой. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 201.
[283] Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 462.
[284] «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». М., 1958, стр. 201.
[285] «Письма трудящихся к В. И. Ленину 1917—1924 гг.». М., 1960, стр. 271.
[286] Там же.

«Мы с тревогой следим за состоянием Вашего здоровья и желаем Вам от глубины всего сердца полного здоровья и благополучия, дабы трудящиеся всего мира могли черпать от Вас указания в своей борьбе за освобождение от гнета капитализма. Народы Востока знают одного вождя — тов. Ленина, и только с ним им по пути»[287], — писал в своем приветствии президиум III Хорезмского курултая Советов 26 июля 1922 г.

Узнав, что врачи, которые лечили Ленина, требовали сокращения его рабочего дня до 3—4 часов, трудящиеся нередко заканчивали свои телеграммы словами: «Да здравствует 3-х часовой рабочий день Ленина!», а когда он начинал поправляться, заботливо писали ему: «Ты отдохни, а мы поработаем»[288].

Профсоюзная конференция одного из уездов Чувашской автономной области в своем приветствии писала: «С великой радостью читаем мы здесь, в далекой глуши, вести о Вашем выздоровлении, столь нужном народу»[289]. «Рады, что твои расшатанные громадной работой силы идут быстро на восстановление»[290], — говорилось в послании конференции металлистов Орловской губернии. «Товарищ Ленин снова у дел! Он с нами и мы с ним»[291], — писали в своем письме члены коммунистической ячейки и красноармейцы гарнизона пограничной станции Негорелое 22 сентября 1922 г.

Во всех этих телеграммах и письмах рабочие и крестьяне спешили порадовать Владимира Ильича конкретными делами и успехами в деле социалистического строительства. Они сообщали о своевременной сдаче продналога, о подъеме производительности труда, о пуске отдельных предприятий, а иногда брали на себя определенные обязательства.

Летом и осенью 1922 г. на рабочих и крестьянских собраниях заслушивались доклады о приговоре по процессу правых эсеров, и в письмах к В. И. Ленину трудящиеся с негодованием отмечали, что болезнь Ильича — прямой результат отравленной эсеровской пули, поразившей его в августе 1918 г. Рабочие и работницы Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры, посылая Ленину свое пожелание скорейшего выздоровления, указывали, что именно отравленные пули эсеров «приковали к постели нашего любимого вождя и оторвали его временно от государственных дел»[292].

Один из уездных съездов Советов Кустанайской губернии от имени трудовых крестьян и киргизов в своей телеграмме сообщал Ленину, что приветствует «справедливый приговор над виновниками твоей болезни и открыто заявляет, что эсеры заклеймили себя позором предательства дела трудящихся»[293].

«Мы, крестьяне, вечно клянем паразитов и их приспешников — эсеров, заставивших тебя болеть и оставить нас на время, но в это же время

[287] Там же, стр. 285.
[288] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 6, д. 295, л. 263.
[289] «Письма трудящихся к В. И. Ленину», стр. 291.
[290] Там же, стр. 292.
[291] «Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину». Минск, 1960, стр. 62.
[292] «Письма трудящихся к В. И. Ленину», стр. 288.
[293] Там же, стр. 299.

просим тебя не вставать преждевременно с постели, желаем тебе окончательного отдыха и выздоровления»[294], — говорилось в телеграмме от крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии.

Когда В. И. Ленин 2 октября 1922 г. вновь приступил к работе, он получал своего рода наказы от трудящихся: «Наказываем Вам, — писали женщины г. Сасово, Рязанской губернии, — не разбрасывайтесь силами и не перегружайтесь работой чрезмерно, чтобы вновь не свалиться, знайте, что Ваши силы и ваше здоровье нам нужны»[295].

«Наш наказ Ильичу: „Берегите здоровье, которое нужно для дальнейшей упорной кропотливой работы по восстановлению нашего советского хозяйства“»[296], — говорилось в телеграмме от собрания рабочих Лемешкинской ткацкой фабрики Владимирской губернии.

В. И. Ленин не только сам посылал, но и получал большое количество приветствий в связи с пятой годовщиной Октябрьской революции. В декабре 1922 г. поступило специальное ходатайство (мирский приговор) от крестьян деревни Кокушкино Татарской АССР с просьбой: «учредить в нашей деревне школу грамотности и ремесла имени матери Владимира Ильича Ленина—Марии Александровны, урожденной Бланк, на том месте, где жил в ссылке преследовавшийся жандармами старого правительства Владимир Ильич Ленин (Ульянов) в свои молодые годы». Крестьяне просили также Советскую власть назвать именем Ленина свою деревню, «которая зовется до сего времени Кокушкино»[297].

После нового приступа болезни Ленина в декабре 1922 г. усилился поток приветствий и пожеланий выздоровления.

«Просьба к тебе — береги свое здоровье для счастья рабочего класса всего мира..,»[298] — писали рабочие Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики в марте 1923 г. «Мы, пролетарии-балтийцы, — говорилось в письме рабочих и служащих Балтийского завода в Петрограде, — с затаенным дыханием следим за ходом твоей болезни и ждем, когда ты выздоровеешь и вновь станешь во главе пролетариев всего мира»[299].

В марте 1923 г. трудящиеся Советской страны приветствовали В. И. Ленина с 25-летием I съезда партии и созданием партии нового типа, которую выпестовал Ленин. В апреле 1923 г. они тепло поздравляли Владимира Ильича с 53-й годовщиной со дня его рождения, сообщали о своих производственных успехах — выходе в море отремонтированного ледокола «Ленин»[300], о подъеме затонувшего парохода «Батум», о восстановлении моста через Западную Двину у г. Полоцка[301], о выпуске на Кичкасском заводе сельскохозяйственных машин крестьянского трактора первого выпуска[302], о завершении строительства канала им. Октябрьской революции в Дагестане[303] и т. д.

[294] «Письма трудящихся к В. И. Ленину», стр. 303—304.
[295] Там же, стр. 309.
[296] Там же, стр. 324.
[297] «В. И. Ленин — друг народов Востока», т. II, стр. 401.
[298] «Письма трудящихся к В. И. Ленину», стр. 376.
[299] Там же, стр. 381.
[300] Там же, стр. 370.
[301] Там же, стр. 373—374.
[302] Там же, стр. 380.
[303] Там же, стр. 411—412.

В. И. ЛЕНИН.
4 октября 1922 г.

В конце 1923 г. все с уверенностью и надеждой ждали выздоровления Ленина, жаждали этого выздоровления, как писали Владимиру Ильичу делегаты съезда Советов Рогачевского уезда Гомельской губернии[304].

Так продолжалось до последних дней жизни В. И. Ленина. Еще 17 января 1924 г. трудящиеся женщины Киргизской ССР выражали уверенность увидеть его «в скором времени вполне здоровым у руля правления», а 18 января такое же пожелание направил Владимиру Ильичу IV Всебухарский курултай коммунистической партии[305].

В. И. Ленин заслужил такое абсолютное доверие и навеки неизменную любовь народных масс, ибо он был первым в истории государственным деятелем, неразрывно связанным с народом, глубоко верящим в его силы и выражающим его подлинные интересы. Только победоносная социалистическая революция, совершенная под его руководством и поставившая его во главе первого в мире Советского правительства, могла раскрыть до конца эти качества подлинного пролетарского вождя.

[304] Там же, стр. 428.
[305] «В. И. Ленин — друг народов Востока», т. II, стр. 555, 557.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Величие В. И. Ленина как государственного деятеля, его гигантское значение в мировой истории вынуждена была признать после его смерти даже зарубежная буржуазная печать. Свое искреннее восхищение гением Ленина высказывали не только коммунисты и единомышленники, но и многие прогрессивные ученые, писатели, журналисты, буржуазные политические деятели [1].

«Умер человек, равного которому нет...» [2], — писал о Ленине известный немецкий публицист и журналист Максимилиан Гарден. Английский философ Бертран Рассел, который был на приеме у Ленина в Москве, в июне 1920 г., считал, что XX век войдет в историю как век Ленина и Эйнштейна, что «государственные деятели масштаба Ленина появляются в мире не больше, чем раз в столетие, и вряд ли многие из нас доживут до того, чтобы видеть равного ему» [3].

Французский сенатор Де-Монзи говорил, что склоняется перед Лениным, как перед редчайшим явлением человеческой природы [4], а Эдуард Эррио восхищался исключительными дарованиями Ленина и его действительно энциклопедической образованностью [5], которая не так часто, как он, очевидно, хотел подчеркнуть, встречается среди буржуазных политических деятелей. Джордж Ленсбери, один из лидеров английской лейбористской партии, после посещения Москвы и беседы с Лениным в феврале 1920 г., писал, что Ленин не «босс» России, «он вдохновляющий дух России», понимая, что даже в русском переводе слово «босс» (хозяин) никак не подходит к Ленину.

Многие из писавших о В. И. Ленине за рубежом пытались в сравнениях и исторических параллелях найти и определить место Ленина в истории. Его сравнивали с великими людьми прошлого: с Христофором Колумбом, с Наполеоном, с Вашингтоном и Линкольном. Нередко

[1] Многие из этих высказываний были собраны и опубликованы в сборнике «Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине» (М., 1924).
[2] «Политики и писатели Запада и Востока о В. И. Ленине», стр. 32.
[3] Там же, стр. 54.
[4] Там же, стр. 42.
[5] Там же, стр. 43.

проводились и другие исторические параллели с деятелями английской и французской буржуазных революций — Кромвелем, Маратом и Робеспьером.

Даже А. М. Горький однажды в речи, посвященной 50-летию со дня рождения В. И. Ленина, сравнил его с Петром Великим [6-7], правда, позднее объяснив, что это было лишь условное сравнение, которым подчеркивалась роль Ленина не только как мирового революционера, но и как социального реформатора России [8].

Совершенно ясно, что ни одно из этих, даже условных, сравнений не подходило к В. И. Ленину.

Самое главное, что отличало его от всех без исключения политических деятелей прошлого, заключалось в том, что он был государственным руководителем нового типа, какого еще не знала история человечества.

В октябре 1917 г. во главе Советского государства в России впервые встал вождь самой передовой и революционной партии — партии коммунистов, авангарда и выразителя интересов рабочего класса — ведущей силы современного общества. Он руководствовался во всей своей деятельности наиболее передовой теорией — теорией научного коммунизма и поэтому сумел на деле доказать, каковы результаты соединения революционной теории с революционной политикой, ибо как писал Ленин еще за десять лет до победы Октябрьской революции, «доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы» [9-10]. Как и Маркс, Ленин больше всего ценил *историческую инициативу* масс *и выше всего* ставил то, «что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю» [11]. Ленин, как и Маркс, «к *пролетариату*, штурмующему небо... относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень*», он хотел «идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы...» [12].

Именно теория марксизма, как писал в свое время Ленин, помогала устранять «субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих" идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций...», указывала путь к научному познанию общества и исторического развития «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [13].

На протяжении всей своей жизни Ленин вел непримиримую, беспощадную борьбу за чистоту революционной теории марксизма, против всех проявлений оппортунизма и ревизионизма в русском и мировом рабочем движении. *Верность марксизму*, верность учению Маркса, воплощение основных идей и учения Маркса в живой действительности про-

[6-7] В. И. Ленин и А. М. Горький». Письма, воспоминания, документы. М., 1956, стр. 212.
[8] А. М. Горький. Владимир Ильич Ленин. — «Коммунистический интернационал», 1920, № 12, стр. 1928.
[9-10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 375.
[11] Там же, стр. 377, 379.
[12] Там же, стр. 378.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

низывали всегда революционную и государственную деятельность В. И. Ленина. Это была верность именно самому духу марксизма, и потому ленинская ортодоксальность в теории никогда не превращалась в раз навсегда данную и неизменную догму.

«Он не знал никаких застывших формул: никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах»,[14] — говорилось в обращении ЦК РКП (б) «К партии, ко всем трудящимся» после смерти В. И. Ленина.

Преклоняясь перед Марксом, Ленин учил кадры партии и государства идти вперед, смело отбрасывать отжившее, искать новые пути решения встающих перед партией задач. Это Ленин — вернейший последователь и продолжатель учения и дела Маркса — на XI съезде партии говорил, что по вопросу, например, о государственном капитализме в пролетарском государстве «даже Маркс не догадался написать ни одного слова... и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим» [15], а в заключительном слове на съезде повторил: «Никакой Маркс и никакие марксисты не могли это предвидеть» [16].

В. И. Ленин дал образцы развития марксизма в таких основополагающих вопросах, как учение о социалистической революции, о государстве и о руководящей роли партии, о закономерностях переходного периода от капитализма к социализму, о возможности победы социализма в одной стране, об экономической политике эпохи пролетарской диктатуры, о союзе рабочего класса и крестьянства, о путях решения аграрного и национально-колониального вопросов, о культурной революции, и во многих других вопросах, определяющих перспективы развития мирового процесса социалистического преобразования общества.

Величайшая заслуга Ленина в развитии марксизма отмечена в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина».

«Ленин видел в теории, — говорится в постановлении, — не догму, а руководство к действию. Именно в творческом развитии марксизма — неувядаемая действенная сила идей В. И. Ленина».

Только подлинно творческое понимание сути марксизма подняло все учение научного коммунизма на новую, высшую ступень марксизма-ленинизма, как единой теории, сочетающей верность марксизму и его дальнейшее непрерывное обогащение в условиях новой эпохи, когда двигал эту теорию вперед Владимир Ильич Ленин.

Государственная деятельность Ленина являлась не только воплощением вечно живой силы марксистско-ленинской теории, но и выражением качеств того класса, который взял власть в свои руки в октябре 1917 г.

«Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического, — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, — все это на-

[14] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 805.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 84.
[16] Там же, стр. 117.

шло свое воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера» [17].

В чертах В. И. Ленина как государственного деятеля и как человека с удивительной силой проявились особенности партии нового типа — большевистской партии и рабочего класса — самого революционного и передового класса общества. Как часто в воспоминаниях и рассказах тех, кто лично знал Владимира Ильича, был его современником или другом, встречаются такие характеристики: «прямота, сила правды, глубокая убежденность и страстность», «беспощадная логика», «благороднейший ум», «бесстрашие разума и острая проницательность», «необычайное самообладание», «политическая дальнозоркость», «потрясающая искренность», «стойкость и решительность», «исполинский ум и железная воля», «принципиальность, непримиримость в борьбе с врагами и огромное мужество», «олицетворение непрерывного действия», «беспримерная энергия и сила воли», «нечеловеческая работоспособность», «отзывчивость, чуткость, смелость и широта», «твердая уверенность в правоте своего дела, ни одного колебания, отклонения от раз намеченной цели», «способность неизменно, в течение всей своей жизни, сосредоточивать свое внимание только на одном деле — на деле революционной борьбы пролетариата» и многие другие, дающие представление о Владимире Ильиче как о человеке и вожде.

«В нем не было и следа „человека власти", — писала К. Цеткин, — его авторитет в партии был авторитетом идеальнейшего вождя и товарища...» [18]

«Ленин — это законченный тип нового человека; он являлся для нас прообразом человека будущего» [19], —говорил Поль Вайян-Кутюрье.

Лучше и проще всех сказала о Владимире Ильиче Н. К. Крупская: «Смел и отважен» [20]. Смел и отважен как партия, им выпестованная и воспитанная, как русский рабочий класс, который под его руководством впервые в истории взял власть в свои руки и поставил Ленина во главе первого в мире рабоче-крестьянского правительства.

Советское социалистическое государство, рожденное Октябрьской революцией, дало всему миру ярчайший образец тех черт и качеств вождя и политического руководителя, которые с такой полнотой раскрываются на вдохновляющем примере всей жизни и деятельности основателя этого государства Владимира Ильича Ленина.

[17] Из обращения ЦК РКП(б) «К партии, ко всем трудящимся» от 22 января 1924 г. — «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 804—805.
[18] К. Цеткин. Воспоминания о Ленине. — «О Ленине». Воспоминания зарубежных современников. М., 1962, стр. 19.
[19] Поль Вайян-Кутюрье. Ленин. — «О Ленине», стр. 412.
[20] Н. К. Крупская. Указ. соч., стр. 485.

А

Абрамович Р. А. 446
Аванесов В. А. 196, 199, 207, 208, 238, 290, 294, 359, 362, 363, 381, 397, 478, 482
Агамали-Оглы С. А. 495
Адоратский В. В. 8. 137, 400, 475, 494
Александров И. Г. 172, 173, 175, 211, 246, 360
Алексеев Н. А. 476
Аллахвердов Г. Г. 450
Аллилуев С. Я. 477
Аллилуева Н. С. 477
Алферов К. А. 482
Альский А. О. 298
Аманула-хан 404
Андреев А. А. 8, 208, 231, 236, 348, 369, 375, 376
Андреева М. С. 424
Аникст А. М. 8, 374, 458, 482, 483
Анучин Д. А. 433
Арманд А. А. 484
Арманд В. А. 484
Арманд И. 484, 501
Арманд И. А. 501
Артем (Сергеев Ф. А.) 68, 94, 95, 170, 217, 253, 387
Артюхов Я. С. 293
Атлас З. 19, 289

Б

Бадаев А. Е. 374
Базаров В. А. 173
Банасюкевич В. Д. 383
Баранский Н. Н. 393
Бедный Д. 501
Безсонный Г. 43
Белл Т. 491
Белов А. А. 313
Беляков А. 82, 257
Бердяев Н. А. 436
Бераин Я. А 483
Биллик В. И. 104, 131, 133
Бирюков С. М. 390
Битти Б. 395
Благоева С. 394
Бланк М. А. *см.* Ульянова М. А.
Блинников А. 82
Богданов А. А. 436, 437
Богданов В. И. 397
Богданов И. 397
Богданов Н. 48
Богданов П. А. 201, 206—208, 347, 357, 369, 372, 472
Боголепов М. И. 173
Бодров Ф. И. 476
Бодяков Н. С. 45
Бойцов Ф. 391
Болтянский Г. 439, 440
Бонч-Бруевич В. Д. 8, 379, 389. 393, 397, 464
Борзов А. А. 433
Брайант Л. 387
Браун У. 278
Бричкина С. 217
Брюханов Н. П. 44, 45, 207, 208, 272—275, 280, 287, 288, 293, 369, 371, 464, 469
Бубнов А. С. 138, 424
Булатов А. А. 398
Бухарин Н. И. 25, 71, 73, 74, 95, 101, 103, 139—142, 217, 353, 355, 357, 359, 362, 417, 438, 445, 491, 495—497

В

Вайнштейн А. Л. 308, 309
Вайнштейн С. Л. 210, 211
Вайян-Кутюрье П. 394, 509
Вандерлип В. 339, 394
Варга Е. 167
Ватулин Д. Н. 91
Вашков Н. Н. 172, 211
Веденисов Б. Н. 172
Вежис А. Ф. 392
Вейсброд Б. С. 481
Вильямс Альберт Рис 387, 392, 463
Вильямс В. Р. 172
Виноградов А. А. 391, 392
Виноградов Н. Д. 392
Винокуров А. Н. 397
Винтер А. В. 393
Владимиров М. К. 78, 115, 118, 318, 362, 495
Владимирский М. Ф. 170, 197, 198, 369, 420
Воеводин П. И. 439
Володичева М. А. 498
Вольный И. 398
Вольф О. 346
Воровский В. В. 476, 501
Врангель П. Н. 35, 105
Выгодский С. Ю. 276
Вэр Г. 459

Г

Гаврилов И. Г. 310
Галлахер У. 394
Галин Б. 249
Ган В. Ю. 172
Ганецкий Я. С. 477, 481, 483
Ганявин Н. А. 83
Гарвуд А. 300—302
Гарден М. 506
Геккерт Ф. 394
Гилилов С. 411
Гильбо А. 394, 484, 487
Гиндин Я. И. 373
Гладков И. А. 82
Гляссер М. И. 8, 484, 496, 502
Голубцов В. С. 457
Голубятников Н. И. 485
Гольденберг-Мешковский И. П. 485
Гольцман А. З. 221—225
Горбунов Н. П. 8, 42, 200, 225, 243, 258, 299, 301—303, 321, 334, 342, 343, 347, 350, 356, 379, 380, 392, 395, 396, 417, 424, 436, 438—440, 458, 482, 484
Горев А. А. 173
Горький А. М. 265, 281, 392, 393, 398, 441, 443, 444, 480, 481, 484, 486, 491, 492, 498
Готье Ф. А. 484, 491, 499, 501, 502, 507
Гразкин Д. И. 81, 90
Грамши А. 394
Грандов М. С. 84
Графтио Г. О. 172, 173, 246, 249, 393
Грешнова К. М. 484
Гринько Г. Ф. 427
Громан В. Г. 167, 173
Губкин И. М. 172, 173, 181, 255, 392, 393
Гувер А. 276, 277
Гуд В. 395
Гусев С. И. 162

Д

Дан Ф. И. 449
Данилов 398
Данишевский К. Х. 477
Де-Монзи 506
Деникин А. И. 136
Детердинг 342
Дженнари Э. 394
Джерманетто Д. 394
Дзержинский Ф. Э. 41, 217, 257, 277, 332, 369, 398, 412, 415—417, 489, 496
Дидук Ф. П. 389
Довгалевский В. С. 278
Долгов А. Н. 172, 173, 175, 210, 211
Домненко Е. Ф. 347, 388
Донич 221
Дрейден Сим. 440
Дробижева Л. М. 190, 199, 200
Дурденевский В. 370
Дурмашкин А. М. 218, 219, 224

Е

Елизарова А. И. *см.* Ульянова-Елизарова А. И.
Емельянов К. 467, 479
Емельянов Н. А. 392, 477, 479, 480
Емельянова Н. К. 477, 480

Енукидзе А. С. 375, 448, 487, 495
Ермаков В. С. 483
Ерманский О. А. 381
Ерошенков Д. Н. 392
Ершов П. В. 40, 41
Есин В. З. 168, 304
Ефимова Е. А. 398

Ж

Жестовский Я. В. 391
Жуковский Н. Е. 393

З

Зазулевский Д. Я. 397
Зевин Я. К. 485
Зеликсон-Бобровская В. С. 483
Зиновьев Г. Е. 94, 95, 100, 290, 345, 348, 359, 428, 450, 478, 496, 499
Зубанов В. С. 245
Зубанов Ф. С. 245
Зыков А. И. 55
Зыков Н. А. 55

И

Игнатов 101
Игнатьев А. М. 392
Ильин Ф. Н. 476
Ионов (Койген Ф. М.) 446
Иорданский Н. И. 446
Иоффе А. А. 265, 445
Ипатьев В. Н. 172, 393

К

Кабакчиев Х. 394
Каганович Л. М. 105
Калинин М. И. 7, 38—41, 43, 47, 54, 59, 68, 77, 95, 105, 109, 117, 271, 280, 285, 286, 291, 300, 310, 371, 388, 397, 489, 496
Калинников И. А. 172, 173
Каменев Л. Б. 71, 91, 95, 138, 150, 208, 221, 238, 277, 348, 356, 358, 412, 418 420, 495—497, 499
Камо (Тер-Петросян С. А.) 473
Каплан Ф. Е. 490
Карахан Л. М. 404, 481
Кареев Н. Л. 245
Карпинский В. А. 433, 465
Каспарова-Попова Е. М. 477
Каутский К. 26, 122
Кашен М. 394
Каюров В. Н. 81, 82, 90, 392, 476
Кемаль М. 404, 410
Кениг Е. Э. 172
Керженцев П. 128
Керзон 350
Кизас А. П. 483
Киселев А. С. 217, 228, 229, 238
Кишкин Н. М. 279
Клышко Н. К. 275
Кобленц И. Г. 333, 334
Коган А. Г. 172, 173
Коганович П. 78, 116, 117
Козлов П. И. 45
Козырев 68
Коларов В. 394
Колесникова Н. Н. (Дробинская) 485
Коллонтай А. М. 105
Колчак А. В. 23, 136
Колышкин А. К. 390
Кон Ф. Я. 387
Кондратьев Н. Д. 308
Кондров И. 85
Коркмасов Д. 388
Короленко В. Г. 481, 486
Коростелев А. А. 208, 209, 491
Коссой А. И. 330
Костарев 43
Котов 399
Котович-Саммер Н. И. 484
Книпович Н. М. 393
Красиков П. А. 419
Красин Л. Б. 8, 255, 274, 275, 278, 288, 298, 342, 344, 346—349, 351, 353, 355, 358—360, 380, 475, 482, 483, 491, 495, 496
Крестинский Н. Н. 71, 80, 81, 361, 362, 481, 495, 496
Кржижановский Г. М. 8, 160, 161, 164, 166—168, 170—175, 181, 183, 184, 186—188, 198, 207, 208, 211, 213, 254, 270, 274, 297, 298, 300, 342, 347, 353, 354, 360, 369, 433, 464, 465, 474, 482
Кривошеина Е. А. 458
Кривощеков В. 77, 78
Кропоткин П. А. 392, 393
Крицман Л. Н. 166—170, 172, 482

Кромвель О. 507
Круг К. А. 172, 173, 211
Крумин Г. И. 197, 199
Крупп 346
Крупская Н. К. 8, 59, 128, 300, 388, 422, 427, 438, 461, 477, 479, 495, 497, 498, 500—502, 509
Куйбышев В. В. 328, 415, 458
Кун Б. 394, 487
Куприн А. И. 392
Кураев В. В. 481
Курский Д. И. 153, 290, 323, 333—336, 369, 372, 373, 415, 416, 470, 472
Кускова Е. Д. 279
Кутузов И. И. 217
Куусинен О. В. 394

Л

Лаврентьева 400
Лазарев П. П. 393
Лазебников А. Е. 245, 391, 485
Лалаянц И. Х. 485
Ланговой С. П. 172
Лапиров-Скобло М. Я. 432
Ларин Ю. 47, 166—172, 178, 186, 222—225
Ларичев В. А. 173
Леверов Н. С. 46
Лежава А. М. 69, 91, 92, 108, 207, 208, 276, 319, 360, 374, 484
Ленин В. И. 5—33, 35—47, 50—55, 57—60, 63, 65—68, 70—74, 76—109, 112—140, 142—157, 159—191, 193—211, 216—226, 229—244, 245—307, 309—324, 326—331, 333—364, 367—386, 383—425, 427—451, 453—467, 469—510
Ленсбери Д. 395, 506
Леонов И. Л. 391
Лепешинская Н. С. 483
Лепешинский П. Н. 464, 482
Леплевский Г. М. 7, 371, 374, 419, 420
Лепсе И. И. 230
Лесник 44
Либкнехт К. 484
Лисицын П. И. 302
Литвинов М. М. 276, 278, 342, 349, 369, 404
Литкенс Е. А. 372, 423, 424, 433, 439
Лихачев В. М. 457
Лозовский С. А. 219
Ллойд-Гримм 337
Ломоносов Ю. В. 172, 258, 393, 496
Лондон Д. 501
Луначарский А. В. 8, 96, 279, 369, 374, 376, 393, 422—424, 428, 431, 433, 437, 439—442, 461, 464
Лутовинов Ю. Х. 449
Лябурб Ж. М. 394

М

Майнор Р. 394, 395
Макаренко А. А. 284
Максимовский 101
Малеев 45
Малкин И. Т. 68
Малютин 55, 56
Малышев С. В. 8, 313
Мамин Я. В. 392
Мануильский Д. З. 108, 114, 387, 482, 496
Манцев В. Н. 446
Марат Ж. П. 507
Марков Д. С. 485
Маркс К. 14, 137, 140—142, 159, 353, 427, 434, 507, 508
Мартенс Л. К. 245, 345, 457, 458
Мартов Л. 501
Маслов С. 436
Махарадзе Ф. Е. 387, 413, 500
Махно Н. И. 78
Махотин И. И. 184
Маяковский В. В. 442
Мдивани П. Г. 387, 412, 413, 500
Межлаук И. И. 257
Меранвиль Л. А. 477
Меркулов С. Д. 392
Месяцев П. А. 56
Мещеряков Н. Л. 71, 72, 437, 496
Милютин В. П. 71, 108, 111, 112, 138, 149, 150, 166—168, 196, 197, 222, 288, 338, 355, 357, 455
Милютин Н. А. 81, 369, 420
Мирошников И. И. 484
Михайлов И. К. 347
Михайлов Л. М. 299
Мичурин И. В. 302, 393
Моисеев Е. И. 228, 229
Молотов В. М. 228, 231, 271, 294, 305,

313, 372, 436, 441, 446, 450, 469, 470, 492, 493
Монмуссо Г. 394
Морозов Н. А. 393
Морозов Л. Ф. 330
Моросанов А. Н. 309
Муралов Н. И. 86
Мушкетов Д. И. 393, 485
Муштуков В. 478, 480
Мюнценберг В. 460
Мясников А. Ф. 387, 412
Мясников Г. И. 433, 449, 450, 491

Н

Названов М. К. 417
Нансен Ф. 278, 492
Невский В. И. 42
Немцов Н. М. 83, 387
Нечкина Е. А. 484
Новополянский Д. 476
Нуланс Ф. 276—278

О

Оборин В. П. 222—230
Образцов Ф. Ф. 391
Огановский Н. П. 308, 309
Одинцов 68
Окуджава М. С. 412
Ольденбург С. Ф. 392, 393
Окулов А. И. 476
Ольминский М. С. 7, 59, 140—142, 417, 464
Омелянский В. Л. 302
Орджоникидзе Г. К. 255, 303, 354, 409, 412, 473, 476, 494, 495
Осадчий П. С. 171—173, 175, 180
Осинский Н. (Оболенский В. В.) 47—49, 51, 52, 54, 56, 68, 70, 71, 84, 85, 109, 112, 150, 166—168, 197, 267—269, 298, 302, 309, 469, 472, 481
Островитянов К. В. 131
Остряков П. А. 393

П

Павлов И. П. 393
Пайкес А. К. 81
Панкхерт С. 395
Парвус 436, 477
Певцаев 221
Петр Великий 507
Петровский Г. И. 95, 495
Петропавловский Е. С. 190
Петрушкин И. А. 307, 390, 391
Пешехонов А. В. 446
Пешков М. А. 484
Пик В. 394
Пилсудский Ю. 136
Пинкевич А. П. 393
Платтен Ф. 487
Плетнев В. Ф. 438
Подьяконов С. А. 244
Покровский М. Н. 372, 423, 424, 430, 433, 440, 442, 492
Полоз М. 387
Поляков Ю. А. 6, 39, 47, 58, 95, 264, 296
Полянская Е. М. 457
Пономаренко Т. М. 290, 291
Попов П. И. 86, 168, 172, 185, 196, 197, 275, 473, 474
Пороскун С. И. 44
Потяев А. И. 243, 244
Преображенский А. А. 387, 476, 484
Преображенский Е. А. 50, 68, 95, 108, 111, 138, 267, 314, 430, 431, 496
Прокопович С. Н. 279
Проминский И. Л. 476
Прошьян П. П. 448
Прянишников Д. Н. 172
Пятаков Г. Л. 141, 252, 253, 355, 357, 496
Пятницкий О. А. 501

Р

Рабкин 398
Радек К. Б. 120, 445
Радченко И. И. 345, 356, 475, 477, 479
Раковский Х. Г. 92, 280, 298, 495
Рамзин Л. К. 172, 173
Рансом А. 144, 318
Рассел Б. 395
Рахья Э. А. 475, 478
Рейнштейн Н. Л. 276, 342
Рид Д. 387, 394
Робеспьер М. М. И. 507
Рогов М. 71, 72
Розанов В. Н. 484
Розмирович Е. Ф. 481
Рой М. 394
Ротштейн Ф. А. 484

Рубинштейн Н. Л. 276, 342
Рудзутак Я. Э. 94, 95, 231, 387, 481
Руднев Н. В. 428
Рукавишников 398
Рунов Т. А. 303
Рутгерс С. 458
Рыков А. И. 61, 95, 166, 167, 170, 208, 321, 341, 357, 358, 362, 381—384, 494—496
Рязанов Д. Б. 102, 103, 216—219, 221

С

Савельев М. А. 59
Саид-Галиев С. Г. 491
Саммер И. А. 354, 485
Самуэли Т. 394
Сафаров Г. И. 265
Свидерский А. И. 47, 287, 474, 495, 496
Семашко Н. А. 8, 105, 279, 369, 372, 375, 429, 481, 495
Семянников И. А. 399
Сен-Катаяма 394
Серафимович А. С. 486
Сергеев Ф. А. *см.* Артем
Серебровский А. П. 255, 344, 388, 473
Середа С. П. 45, 50, 51, 168, 171, 172, 175
Сипин П. Т. 41
Скворцов-Степанов И. И. 250, 251, 417, 430, 435, 494, 496, 501
Склянский Э. М. 372, 421, 467, 477, 479
Смидович П. Г. 46
Смилга И. Т. 101, 150, 207, 208, 252, 256, 348
Смирнов А. П. 290, 291
Смирнов В. М. 166, 167, 170, 182
Смирнов И. Н. 77, 78, 387
Смирнов И. С. 423
Смирнов П. 391
Смольянинов В. А. 196, 197, 199, 253, 258, 278, 291, 303, 322, 379, 396, 496
Соколов А. 44
Соколов В. Н. 77—80, 116, 387
Сокольников Г. Я. 139, 150, 237, 313, 317, 355, 357, 358, 360
Соловьев З. П. 277
Сорокин П. Н. 71, 72
Сосновский Л. С. 103, 104, 302
Спандарьян С. 485
Сталин И. В. 71, 94, 95, 101, 130, 217, 239, 244, 265, 278, 279, 329, 333—335, 346, 348, 356—359, 362, 363, 369, 384, 410, 411, 414, 418, 432, 438, 450, 476, 477, 482, 495, 496—500
Станиславский К. С. 279
Стасова Е. Д. 481
Сташевский Д. Н. 276
Стеклов В. А. 393
Стеклов Ю. М. 417
Степанов-Скворцов И. И. *см.* Скворцов-Степанов И. И.
Стомоняков Б. С. 239, 247, 356, 359
Стопани А. М. 167
Стронгин Л. И. 219, 220
Струмилин С. Г. 48—50, 167, 168, 170, 172, 175, 177, 360
Сун Ят-сен 404, 405
Сурков П. И. 398
Суханов Н. 446, 500

Т

Таганцев В. Н. 417
Тарле Г. Я. 454, 458, 459
Тахо-Годи А. А. 388
Тахтамышев 482
Теодорович И. А. 52—54, 302, 305, 309, 469
Терпигорев А. М. 173
Терначини У. 394
Тимирязев К. А. 300, 301
Тихвинский М. М. 417
Тихомиров В. А. 320
Тодорский А. И. 391
Толстопятов В. Н. 172
Томский М. П. 94, 95, 216—218, 265, 384, 496
Тонков В. Н. 392, 393
Тринчер Г. 458
Тринчер К. 458
Троцкий Л. Д. 73, 74, 79, 100, 101, 103—105, 187, 208, 235, 362, 363, 384, 477, 499, 500
Труш М. И. 405, 409
Тупиков В. К. 300
Турунен И. П. 41—43

У

Ульбрихт В. 394
Ульянова М. А. 504

Ульянова М. И. 71, 300, 301, 490, 495, 497, 500, 502
Ульянова-Елизарова А. И. 8, 141, 142, 466
Ульяновы 286, 476
Уншлихт И. С. 333, 417, 476
Уркарт Л. 151, 184, 346—351, 358
Устрялов Н. В. 152
Уэллс Г. 395

Ф

Фарбман М. 350, 410
Федоров С. А. 172
Федорович И. И. 172
Федоровский Н. М. 446
Федотов А. И. 91
Ферстер 497, 501
Фигнер В. Н. 279
Ферсман А. Е. 279
Фомин В. В. 75
Фотиева Л. А. 8, 197, 244, 372, 373, 379, 387, 393, 396, 399, 483, 495, 497
Фофанова М. В. 300, 301, 475, 478, 480, 481, 484
Франк С. Л. 436
Франс Д. 394, 391
Френкель А. А. 269
Фридман Ю. 284
Фролов К. С. 391
Фролов С. 391
Фрумкин М. И. 107, 239, 255, 294, 356, 357, 359, 446, 474
Фрунзе М. В. 217, 287, 298, 387

Х

Халатов А. Б. 255, 273, 482
Хаммер А. 345
Хаммер Ю. 344—346, 495
Ханов А. М. 55
Хаскелл 394
Хейвуд Б. 458
Хилман С. 457
Хинчук Л. М. 239, 288, 321, 322, 396
Хизроев М. 388
Холодова П. А. 502
Христенсен П. П. 394
Хрящева А. И. 483

Ц

Цеткин К. 394, 487, 509
Цинцадзе К. М. 412
Цхакая М. Г. 492
Цыперович Г. В. 230
Цюрупа А. Д. 7, 8, 50, 68, 69, 71, 78—80, 85, 86, 89—91, 105—108, 112. 115—117, 175, 239, 245, 313, 314, 319, 321, 336, 356—358, 360—362, 369, 381—383, 466, 474, 480, 481, 484, 489, 495
Цюрупа Г. Д. 245

Ч

Чаянов А. В. 172, 308
Чекунов И. А. 40, 83
Чернов О. И. 77, 78, 83—86, 90
Черноморский М. Н. 331, 332, 350
Чертков В. Г. 392
Чесунов 68
Чичерин Г. В. 8, 30, 151, 186, 277, 342, 369, 394, 404—409, 446, 464, 475, 481, 489
Чмыга А. Ф. 292
Чубарь В. Я. 224, 225, 253, 254, 388
Чуцкаев С. Е. 387

Ш

Шапиро Л. Г. 448
Шаповалов А. И. 476
Шапошников А. Р. 85
Шателен М. А. 172, 173
Шахматов А. А. 392
Шашков В. 45
Шейнман А. Л. 313, 315, 355
Шелест П. З. 85, 86
Шеридан К. 395
Шерстобитов В. П. 6
Шехватов Б. М. 190
Шишкин В. А. 30
Шкловский Г. Л. 485
Шляпников А. Г. 101, 102, 217, 231
Шмераль Б. 394
Шмидт В. В. 207, 221, 229, 369
Шмидт О. Ю. 427
Шпенглер О. 436
Шотман А. В. 387, 475, 478
Шофуров Т. 85

Штейн Б. Е. 405
Штейнмец К. 465
Штульман 221

Э

Эйнштейн А. 506
Энгельс Ф. 14, 137, 159, 434

Ю

Юделович 484

Я

Яковенко В. Г. 82, 269, 305, 309
Яковлев Я. А. 85, 438
Якубовская С. И. 411
Ярославский Ем. 269, 362, 398

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Раздел первый.

В. И. ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ.

Глава первая

Основные проблемы экономической политики переходного периода в работах В. И. Ленина 1918—1920 гг. 11

1. В. И. Ленин об экономических задачах диктатуры пролетариата в первые месяцы Советской власти 12
2. Ленинская оценка военно-экономических мероприятий Советского государства в 1919—1920 гг. 22

Глава вторая

Переход от войны к миру и «крестьянский кризис» 35

1. Начало мирной полосы развития и показания «крестьянского барометра» (по материалам крестьянских писем) 35
2. Вопрос о путях подъема крестьянского хозяйства и начало его обсуждения. Историческое значение VIII съезда Советов РСФСР 46

Глава третья

От VIII съезда Советов к X съезду партии 61

1. Хозяйственный кризис начала 1921 г. и его уроки. История подготовки и значение ленинских тезисов «насчет крестьян» 61
2. Поиски новой политики и профсоюзная дискуссия. Позиция отдельных местных парторганизаций перед X съездом партии. Подготовка в ЦК РКП(б) решения о замене разверстки налогом 73

Глава четвертая

X съезд РКП(б). Ленинский декрет о продналоге 94

1. В. И. Ленин на X съезде партии. Ход съезда и его историческое значение 94
2. Сессия ВЦИК и принятие декрета о продналоге. Особенности проведения декрета в отдельных районах страны 108

Глава пятая

Теоретическое обоснование В. И. Лениным новой экономической политики 119

1. Ленинская работа «О продовольственном налоге» 119
2. Новое в ленинской оценке и теоретическом обосновании нэпа в конце 1921 г. и в 1922 г. 127
3. В. И. Ленин об окончании отступления, перегруппировке сил и подготовке наступления на рельсах нэпа 143

Раздел второй

ЛЕНИНСКИЕ МЕТОДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА

Глава шестая

В. И. Ленин и Госплан 159

1. Создание Госплана и его состав 159
2. Указания В. И. Ленина о задачах Госплана и их реализация в деятельности Общеплановой комиссии в 1921—1922 гг. 175

Глава седьмая

Практическое проведение новой экономической политики и ленинские принципы перестройки промышленности 189

1. Ленинский «Наказ от СТО» местным советским учреждениям 190
2. Наказ СНК 9 августа 1921 г. «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» 202
3. Ленинские тезисы «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» 215
4. В И. Ленин и борьба за внедрение новых методов хозяйствования. Ленинские указания о задачах развития отдельных отраслей промышленности 236

Глава восьмая

Смычка с крестьянской экономикой 262

1. В. И. Ленин о новых задачах работы в деревне. Трудности первого года нэпа, связанные с неурожаем и засухой в Поволжье 262
2. Мобилизация сил страны на борьбу с голодом. Организация товарообмена и итоги первой продналоговой кампании 284
3. В. И. Ленин и борьба за восстановление сельскохозяйственного производства. Значение решений IX съезда Советов для укрепления смычки с крестьянской экономикой 297

Глава девятая

«Экзамен соревнования с частным капиталом» 311

1. Ленинский лозунг «учиться торговать». Новые задачи финансовой политики. Перестройка кооперации и ленинский кооперативный план 311
2. Использование госкапиталистических форм в промышленности. Ленинская концессионная политика 329
3. Борьба В. И. Ленина за монополию внешней торговли 352

Раздел третий

ЛЕНИНСКАЯ ШКОЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глава десятая

Руководство В. И. Ленина работой Совнаркома и СТО в 1921—1922 гг. 367

1. Как работал Совнарком при Ленине 367
2. «Самая большая приемная в мире» 387
3. Руководство В. И. Ленина народными комиссариатами 401
4. Вопросы руководства Наркомпросом и ленинские указания в области народного образования, культуры, науки и искусства 422

Глава одиннадцатая

В. И. Ленин — государственный деятель нового типа 443

1. О некоторых чертах ленинской школы партийного и государственного руководства 443
2. Стиль государственной работы В. И. Ленина. Ленинское воспитание кадров и забота о них 463
3. Последний год 487

Заключение 506

Указатель имен 510

Эсфирь Борисовна Генкина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА
в 1921—1923 гг.

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор *Л. В. Иванова*
Редактор издательства *А. Г. Синельников*
Художник *Р. Г. Алеев*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*
Корректоры *В. Г. Петрова, Л. Ю. Розенберг*

Сдано в набор 15/VIII 1969 г. Подп. к печати 31/X 1969 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1. Усл. печ. л. 43,25. Уч.-изд. л. 40,2. Тираж 17 600 экз. Т-15040. Тип. зак. 446. Цена 3 р. 24 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12